

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

НОВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. ер.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОМПАНИОНКА. Повѣсть Евгенія Луискаго. (С. К.)

СТИХОТВОРЕНІЯ. А. Г. Ротчева. Вечеръ на морѣ.
Тропическая ночь.
Всегда, вездѣ одинъ.
До свиданья.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

РАШЕЛЬ И КЛАСИЦИЗМЪ. В. Р. Зотова.

ПУССЕНЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Осень.—Минувшее и настоящее.—Умѣнье раздувать афиши.—Театръ въ Курскѣ и Рыбинскѣ.

III. СМѢСЬ.

1. Александръ Кастренъ и его путешествія. Статья третья и послѣдняя.
В. И. Перекрестова.
2. Метербургскіе савояры. Уличный типъ. В. В. Толбина.
3. Трехмѣсячный плѣнь у великановъ. Статья первая.
4. Шестой континентъ. П. М. Новосильскаго.
5. Джекъ Лунный Свѣтъ. Повѣсть Эленна-Поэ
6. Новости изъ внутренней Россіи.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Германскія легенды о женахъ Аттилы. — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА. — Жизнь и произведенія Рембрандта (статья Густава Планша). — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Послѣднія изслѣдованія историческаго значенія мифологій древнихъ народовъ.—МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ. — Что можетъ утѣшить въ жизни? (разсказъ). — Острова Уалапъ, Сандвичевы и Таити (изъ путевыхъ записокъ Жюрьенъ-де-ла Гравьера). — Новости парижской жизни (Письмо изъ Парижа)

I. НОВЫЯ КНИГИ:

- «Этюды изъ женской жизни». Соч. *А. П. С-на*.
 «Крымскіе цыгане». *А. Котляревскаго*.
 «Миссъ Анна». Романъ *Фенимора Купера*. Переводъ съ англійскаго *А. В. Горковенко*.

II. ТЕАТРЪ:

Рашель въ Петербургѣ.

(Статья первая).

Пріѣздъ Рашели. — Последняя знаменитость. — Ожиданія и надежды Петербурга. — Федра-Рашель. — *Ипполитъ* Эврипида. — *Ипполитъ* Сенеки. — Разборъ Федры. — Завистники Расина. — Федра Прадона. — Мнѣніе о ней Лагарпа и Вольтера. — Федра Расина. — Прекрасные стихи и неестественные характеры. — Любовь Ипполита и Арисии. — Сцена признанія и ревности. — Труппа Рашели. — *Томъ, Рафаэль, Шери, Кроуъ, Дина*. — Сестры Рашели. — Вліяніе ея на свою труппу. — Историческая вѣрность и пластика. — *Марія Стюартъ* Лабрюна и Шиллера. — Классицизмъ и вѣмецкая драма. — Рашель въ роли Маріи Стюартъ.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Еще выдержки изъ дневника одного мѣстнаго джентльмена. — Наружность Петербурга лѣтомъ и зимою. — Какъ проводить у насъ день съ осени до весны. — Театры, клубы, собранія, кондитерскія, кафе-рестораны, гостиницы съ ихъ публикою. — Хлыщ. — Уличные зѣваки съ своими наблюденіями. — Живопись и скульптура, замѣненные обувью. — Цѣльное вино и чистая вода. — Родникъ натуральной поэзіи изъ камня. — Замѣчательный по части свѣтописи художникъ. — Серебряная лотерея. — Моды.

IV. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 11.

СРЕДСТВО ВЫГОНЯТЬ ВОЛОКИТЬ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
Н. Креетовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — **ОТСУТСТВУЮТ**

1. Портретъ знаменитой трагической актрисы **РАШЕЛЬ ФЕЛИКСЪ**.
 2. Музыка: I. «ЕСЛИ ВСТРѢЧУСЬ СЪ ТОБОЙ» романсъ, слова *А. Кольцова*. Музыка *В. Соколова*.
- II. **АННЕН-РОЛКА**, новѣйшее сочиненіе Юанна Страуса.

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Одобрены Н. Погодинъ

*шв-0448.
18254.
7036*

ТОМЪ XII.

НОЯБРЬ — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

1853.

11 — 12

ИЗДАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ноября 30-го 1853.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

Handwritten notes and signatures in the right margin, including the name "Пейкеръ" and some illegible scribbles.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОМПАНЬОНКА.

ПОВЕСТЬ ЕВГЕНІЯ ЛУНСКАГО.

(С. К.)

O, vanitas vanitum
et omnia vanitas!

I.

ПРЕЛЮДИЯ.

Въ небольшой угловой комнатѣ, оклеенной гороховыми обоями съ насыпными и притомъ весьма замысловатыми арабесками, на низенькомъ диванѣ съ отлогою спинкой, лежалъ, завернувшись въ пестрый архалукъ, молодой человекъ и курилъ папироску.

Кто его знаетъ, какую думу онъ думалъ; только лицо его, довольно правильное и выразительное, носило отпечатокъ сильной скуки.

Онъ, то положить одну ногу на другую, то опустить ее на полъ, то гладить и перебираетъ себѣ волосы, то, устремивъ глаза въ потолокъ, затянется клубомъ дыма и пускаетъ его изо рта неровными кольцами, то, страхнувъ пепель забудетъ о папироскѣ и держитъ ее въ пальцахъ до тѣхъ поръ, пока она не исгѣетъ совершенно, то, наконецъ, бросивъ ее, закуритъ другую. Словомъ, видно, что онъ крѣпко не въ духѣ.

Въ комнатѣ убрано хорошо, даже отчасти роскошно. Мебель на пружинахъ, крытая малиновымъ штофомъ; занавѣски кисейныя съ затканными каймами; письменный столъ уставленъ разными щегольскими бездѣлками; на окнахъ чинно разставлено нѣсколько горшковъ цвѣточныхъ луковицъ; на потолокъ проведены золотыя багетки; въ лѣвомъ углу стоитъ орѣховая этажерка съ книгами; полъ паркетный; на мохнатомъ коврѣ дремлетъ Зарѣма, лягавая собака; возлѣ дивана стоитъ маленькій, круглый столикъ; тутъ наложено и наставлено много всякой всячины, какъ-то: сигарницы, коробка со спичками, бронзовый колокольчикъ, футляръ съ часами, серебряная раковина для пепела, стеариновая свѣча въ бронзовомъ подсвѣчникѣ и т. п.

Быль апрѣль на исходѣ, не то зима, не то весна; на улицѣ слякоть страшная. Сани, раскатясь по каменьямъ, того и гляди что вывалить сѣдока въ какойнибудь ухабъ, откуда онъ выкарабкается не иначе, какъ въ преобразованномъ видѣ и костюмѣ; а дрожки, трясясь, подпрыгивая и переваливаясь съ боку на бокъ, по всемъ неблагопріятнымъ признакамъ, угрожаютъ тѣмъ же. Солнце выглянетъ, да тотчасъ же и спрячется зацѣпившись упорно за сѣрую тучу, или даже не выглянетъ и вовсе. Порою же, изъ этихъ тучъ моросило что-то мелкое, въ родѣ свѣга или дождя; только это былъ не снѣгъ и не дождь, а пародія на то и на другое.

Молодой человекъ обернулъ голову къ окну, взглянулъ на небо, зевнулъ, потянулся, посмотрѣлъ на часы и сильно позвонилъ.

Вошелъ казачекъ.

— Чего изволите, сударь?

— Подай одѣваться.

— Прикажете старый сюртукъ?

— Болванъ! Да развѣ я ношу его когданибудь? ты видно еще не проснулся.

— Новый, сударь, нельзя-съ, — отвѣчалъ заминаясь мальчикъ.

— Ахъ ты негодяй! Ты еще его не вычистилъ! Вотъ я тебя въ деревню отправлю, лѣнтяй этакой! Тамъ будешь исправитѣ.

Видно мальчикъ привыкъ къ подобнымъ угрозамъ, потому что выслушалъ барина не поморщившись, и только тряхнувъ головой, отвѣчалъ хладнокровно:

— Вы, сударь, изволили вѣчеръ разорвать сюртукъ, такъ я отнесъ его къ портному. Лѣвый рукавъ маленько подпоролся.

— Все врешь. Тебѣ было лѣнь вычистить; ты лучше проспалъ.

— Портной ужó самъ хотѣлъ запестъ его, такъ изволите увидѣть.

Наступило молчаніе.

Молодой человекъ насунилъ брови, страхнулъ ладонью полы арха-лука своего, потомъ, подумавъ минуту, спросилъ:

— Не было писемъ съ почты?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вчера безъ меня никто не приходилъ?

— Приходилъ портной-съ.

— Гм... портной... зачѣмъ же онъ приходилъ?

— За деньгами-съ.

— Вѣдь я сказалъ, что заплачу въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Онъ говоритъ, сударь, что дольше ждать не можетъ.

— Хорошо, ступай.

Мальчикъ повернулся, отворилъ дверь, чтобъ выйти, но баринъ приподнялся на диванѣ и кликнулъ:

— Сенька!

Последній остановился съ вопросительною миной.

— Скажи отъ меня портному, чтобъ онъ не надѣдалъ мнѣ слиш-комъ своими визитами. Не то я по свойски проучу его. Слышишь?

— Слушаюсъ.

— Ступай.

Сенька сдѣлалъ три шага назадъ, но вдругъ что-то вспомнилъ, почесалъ въ затылкѣ и произнесъ въ полголоса:

— Сергѣй Петровичъ!

— Что тебѣ надо?

— Сегодня, когда вы изволили почивать... часу въ восьмомъ... али въ девятомъ... Хозяинъ былъ-съ...

— Ну?

— Спрашивалъ деньги за фатеру. Говорить, ужъ молъ три мѣсяца какъ срокъ прошель.

— Я это безъ него знаю.

— Нельзя-ли, говорить, попросить Сергѣя Петровича, хоть сколько нибудь отдать. Крайняя нужда, говорить.

Сергѣй Петровичъ опустилъ голову на бархатную подушку, положилъ локоть на правую ладонь, принялся неистово крутить свои черные усики и произнесъ повелительное:

— Ступай!

Сенька мгновенно исчезъ за дверью.

Сергѣй Петровичъ Одоевъ былъ еще очень молодъ, то-есть, лѣтъ двадцати шести или семи, и притомъ весьма не дурень собой. Оба эти качества легко проложили ему дорогу къ сердцу женщинъ; они способствовали еще и къ тому, что онъ успѣлъ уже накутиться до сыта.

Находясь прежде на службѣ, онъ получалъ отъ старушки—матери своей, проживавшей въ своемъ имѣнїи и обладавшей двумя стами душъ въ Ярославской губернїи, заложенными, между прочимъ, въ Опекунскомъ Совѣтѣ, по три тысячи ассигнаціями въ годъ, чѣмъ и принужденъ былъ довольствоваться.

Но Одоевъ былъ не такого десятка: онъ любилъ жить въ довольствѣ, любилъ показать себя; любилъ поиграть въ преферансъ, хотя частую проигрывалъ; любилъ угостить прїятелей хорошимъ шампанскимъ, или поподчивать гаванскими сигарами; любилъ развѣзжать въ собственномъ экипажѣ; а такъ какъ на три тысячи не слишкомъ разгуляешься, то онъ, подобно всѣмъ легкомысленнымъ, которые, чтобъ не отстать отъ другихъ, съ закрытыми глазами кидаются въ самыя безразсудныя крайности—пустился на долги.

Долгъ—вещь щекотливая; запутаешься разъ, такъ потомъ трудно выпутаться. Однако Одоевъ смотрѣлъ на это, повидимому, флегматически, и, не обращая вниманїя ни на возрастающій капиталъ, ни на гигантскіе проценты, которые тянули съ него услужливые кредиторы, не думалъ унывать, и жилъ себѣ, какъ говорится, припѣваячи, только на чужой счетъ.

За то, когда наступалъ срокъ платежа, такъ ужъ ему приходилось жутко: бывали дни, въ которые онъ принужденъ былъ просиживать какъ какой нибудь арестантъ, не находя рѣшительно никакой возможности вырваться какъ нибудь изъ дому, потому что передняя его наполнялась въ извѣстное время всякимъ сбродомъ. То придетъ кучеръ за жалованьемъ; то сапожникъ требуетъ денегъ за изношенные когда-то сапоги, то явится прачка, то каретникъ, то прїдетъ Иванъ Андреевичъ Рюкинъ съ просроченнымъ векселемъ, то Алексѣй Ильичъ Задникъ, съ требованіемъ процентовъ, то Платонъ Захаровичъ Щелневъ съ угрозою описать все движимое и недвижимое—словомъ всѣхъ требованїй не приберешь. А Сенька, какъ неизмѣнное эхо, гласитъ всѣмъ одно и то же: «дома нѣту—съ», а на вопросъ: «скоро—ли вернется баринъ?» «Не могу знать—съ».

Одоевъ нѣсколько разъ писалъ къ матери, прося ее убѣдительно выслать ему денегъ на расплату долговъ, каюсь въ винѣ своей и обѣщая исправиться; но старушка—помѣщица щадила кошелекъ свой и присылала однѣ только наставленїя, и сынокъ въ нѣсколько лѣтъ накопилъ долгу около тридцати тысячъ рублей серебромъ.

Въ это утро, какъ мы уже сказали, онъ былъ особенно не въ духѣ. Ночь онъ провелъ въ дворянскомъ собранїи; спалъ дурно и мало; голова у него разболѣлась; выѣхать онъ не могъ, по причинѣ разор-

важнаго сюртюка, да еще, къ довершенію всѣхъ этихъ непріятностей ѿ, Сенька донесъ ему о посѣщеніи хозяина и о просьбѣ портнаго.

Сергій Петровичъ началъ хандрить не на шутку, началъ перебирать въ умѣ всевозможныя средства и придумывать какъ бы пособить горю. Кровь хлынула ему въ лицо. Онъ провелъ рукою по горячему лбу своему, который прикрывала до половины вышитая ермолка.

Тугъ, какъ нарочно, подвернулася Зарема, только что проснувшаяся, и подойдя къ господину своему, положила лапы и морду къ нему на колѣна.

Одоевъ сорвалъ ермолку, скомкалъ ее, швырнулъ съ досадою подъ столъ и отподчивалъ нѣсколькими толчками Зарему, которая съ визгомъ убралась на свое мѣсто.

Въ комнату вошелъ Василій Дмитріевичъ Жербинъ, пріятель Сергія Петровича, высокій, худощавый франтикъ въ палевыхъ перчаткахъ.

— А, Базиль! какими судьбами?—сказалъ Одоевъ, протягивая руку вошедшему и обрадовавшись случаю прекратить на время досаду свою.

— За дѣломъ, братецъ, отвѣчалъ послѣдній, придвигая себѣ стулъ и оставивъ шляпу между колѣнъ.

— За дѣломъ... повторилъ Одоевъ нахмурившись, и въ разгоряченномъ воображеніи его снова мелькнула мысль о какомъ нибудь порученіи отъ одного изъ его кредиторовъ.

— Разумѣется, иначе я къ тебѣ и не пріѣхалъ-бы; дѣла пропасть! Занятъ съ утра до вечера... Да что это ты, братецъ, смотришь какимъ-то сентябремъ?

— Былъ третьяго дни въ собраніи... проигралъ двадцать пять рублей серебромъ... а вчера былъ въ маскарадѣ...

— Это не новость,—перебилъ Жербинъ, засмѣявшись.

— И влюбился...

— Вотъ это разница!

— Вообрази, продолжалъ съ внезапною живостью молодой человѣкъ, я пріѣхалъ туда въ двѣнадцатомъ часу. Ты знаешь, что на балѣ скука смертная, и я всегда стараюсь держаться отъ него на благородной дистанціи. Только что я вошелъ, маски хлынули въ залу. Въ карманахъ у меня было пусто, слѣдовательно и на душѣ не слишкомъ весело—это ужъ само собою разумѣется. Дома я просидѣть не хотѣлъ, и поѣхалъ только *roug faire acte de présence*. Долго ходилъ я взадъ и впередъ, слушая безтолковую визготно этой бѣснующейся черной массы, вдругъ, вижу, въ одной изъ проходныхъ комнатъ сидитъ голубое домино, возлѣ двухъ другихъ, на которыхъ, впрочемъ, я не обращалъ вниманія. Представь себѣ женщину довольно высокаго роста, крошечную

ручку, сжатую въ бѣлой перчаткѣ, дивную талію, которую чудесно обрисовывала бѣлая кружевная мантилья, и ножки, Basile, такія маленькія и узенькія, что обѣ вмѣстѣ свободно помѣстятся на моей ладони. Хотя я и не расположенъ былъ молотъ разный вздоръ, однако голубое домино такъ сильно заинтересовало меня, что я тотчасъ же подлетѣлъ къ нему съ словами: «Veux-tu partager avec moi, beau masque?» и съ протянутой рукою. Маска сказала что-то шопотомъ своимъ спутницамъ, изъ коихъ одна была въ розовомъ атласѣ и вся обвѣшана камнями, другая въ черномъ, толщиной обхвата въ два; послѣ чего всѣ трое встали и, не отвѣчая ни слова, пошли прочь. Я долго слѣдилъ за ними, проклиная свою неудачу и ихъ неумѣстную снѣсь. Нечего сказать, стоило пріѣхать въ маскарадъ за тѣмъ только, чтобъ посидѣть нѣсколько минутъ въ углу и потомъ, не раскрывая рта, уѣхать домой!

— Судя по обстоятельствамъ, знаешь-ли что? Можетъ быть, на этой удивительной таліи и пышныхъ плечахъ было рабое лицо, сѣрые глаза и испорченные зубы.

— Какой вздоръ! вскричалъ Одоевъ, невольно ужаснувшись при мысли, что, быть можетъ, дѣйствительно, вмѣсто воображаемой поэзіи, онъ воспѣвалъ жалкую прозу.

— Это въ порядкѣ вещей, прибавилъ философически Жербинъ. Такихъ примѣровъ у насъ довольно: нынче хорошенькія какъ то вывелись. Куда ни обернись, все старыя, да дурныя; видно ужъ вѣкъ таковъ!

— Онѣ сдѣлали нѣсколько туровъ по залѣ, продолжалъ Одоевъ; потомъ я потерялъ ихъ изъ виду. Мнѣ стало такъ досадно, что я протѣснился сквозь толпу, подчужа совершенно толчками всѣхъ и каждаго, кто мнѣ ни попался на встрѣчу, и бросился на лѣстницу, давъ себѣ слово, во что бы то ни стало, отыскать незнакомку. Сходя съ подъезда, я увидѣлъ на ступенькѣ красную камелію, приколотую за минуту до того къ груди голубаго домино, которую оно, вѣроятно, уронило, надѣвая салопъ. Я, разумѣется, поднялъ ее и поклялся хранить на память ея владѣтельница, кто бы она ни была. Смотри, вотъ она.

Сергѣй Петровичъ выдвинулъ изъ стола ящикъ, досталъ оттуда сафьянный футляръ, предназначенный прежде неизвѣстно для какого употребленія, и, открывъ его, показалъ Жербину завядшую красную камелію.

— Что скажешь ты про мое приключеніе? спросилъ онъ.

— Скажу, братецъ, что оно сильно нахметъ Аркадіей, отвѣчалъ Василій Дмитріевичъ. Только нынче Аркадія не въ модѣ.

— Особенно у тебя, ^ххоть ты и шатаешься каждый день по Нев-

скому съ лорнетомъ въ глазу, а что отъ этого пользы? Занялся-ли ты хоть одной женщиной порядкомъ?

— А ты?

— Я? я до сихъ поръ не находилъ еще женщины по моему вкусу. А вчерашняя должна быть прехорошенькая.

Жербинъ засмѣялся.

— Развѣ ты видѣлъ ее безъ маски? спросилъ онъ. Лицо у женщины главное, а вѣдь оно было закрыто. Положимъ, что у нея чудесная талія и прелестная ножка, но это еще не доказываетъ, что она хороша собою. Да и вообще всѣ эти черезчуръ перетянутыя таліи мнѣ какъ-то всегда подозрительны. У всѣхъ перезрѣлыхъ, онъ день отъ дня становятся тоньше. Время неумолимо уноситъ красоту женщины; оттого, что въ сорокъ лѣтъ лицо старѣетъ, съживается, покрывается морщинами. Что остается тогда дѣлать женщинамъ? Чѣмъ поправить слѣды неумолимаго времени? фигурой, ни чѣмъ болѣе, да пожалуй еще хоть косметическими средствами. Теперь, я въ свою очередь спрашиваю тебя: что скажешь ты, если красавица твоя принадлежитъ къ этой категоріи?

Одоевъ съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами. Логика пріятеля начинала видимо надоѣдать ему.

— Оставимъ это, сказалъ онъ. Такъ какъ мы съ тобою рѣдко сходимся въ мнѣніяхъ, то скажи лучше, за какимъ дѣломъ ты ко мнѣ пріѣхалъ?

— Да! я было и забылъ, отвѣчалъ Жербинъ, спокойно переходя отъ одного предмета разговора къ другому, и какъ-бы не замѣчая неудовольствія пріятеля.—Слыхалъ ты когда нибудь о Губкиныхъ? Кажется, я говорилъ тебѣ о нихъ? Этотъ Губкинъ низенькій ростомъ, немного ковыляется. Ну, такъ у этихъ Губкиныхъ завтра балъ по случаю рожденія дочери, которой, какъ говорятъ, минетъ семнадцать лѣтъ. Вотъ, братецъ, приглянись! триста тысячъ приданого и каменный домъ на бойкой улицѣ. Лакомый кусочекъ!

— А самъ-то что? спросилъ Одоевъ, котораго заманчивая цифра, мигомъ разсѣявъ дурное расположеніе духа, заставила едва замѣтно улыбнуться. Самъ-бы лучше воспользовался, чѣмъ другихъ подбивать. Право, Жербинъ, твой совѣтъ не уступить Аркадію!

— Вотъ пустяки! съ чего ты взялъ, что я намѣренъ жениться?

— Правда! Тебѣ не стоитъ, ты какъ разъ протрешь глаза этимъ денежкамъ; промотаешь на палевыя перчатки, да на лакированные ботинки.

— Слушай же далѣе, продолжалъ молодой человекъ, проведя рукою

по волосамъ съ самодовольною миной. Губкинъ этотъ изъ простыхъ купцовъ, нажился подрядами; теперь они тянутся въ grand genre. Madame Губкина просила меня привезть ей кавалеровъ, такъ какъ у нее часто бываетъ недостатокъ въ нихъ на вечерахъ. Я уже scomандовалъ туда Стручкова и Зурова, и наконецъ явился къ тебѣ съ подобнымъ же предложеніемъ, такъ какъ ты слынешь у насъ однимъ изъ первыхъ танцоровъ. Ёдешь?

— Признаться тебѣ сказать, что я терпѣть не могу новыхъ знакомствъ, и къ тому же я вовсе не расположенъ пуститься въ плясъ. Лѣнь страшная.

— Это новость; ты прежде не былъ лѣнивъ. Ба! да я чуть-ли не отгадалъ причины, отъ которой ты не въ духѣ и отчего не хочешь ѣхать на балъ! Вотъ, еслибъ вчера голубое домино пригласило тебя полькировать, такъ ты завтра же поѣхалъ бы отъ радости на край свѣта, не только что къ подрячику. Что, не правда?

— Впрочемъ, возразилъ Одоевъ подумавъ, какъ бы не слыша сарказма, такъ и быть, отправлюсь, чтобъ разсѣяться. Я тамъ ни души не знаю, однако изъ любопытства можно посмотрѣть, что это за общество. Будетъ скучно, такъ сяду за карты. По крайней мѣрѣ, хоть время убью.

— Итакъ, рѣшено: завтра въ половинѣ одиннадцатаго я за тобою заѣду, сказала Жербинъ, вставая и вынувъ изъ кармана раздушенный батистовый платокъ, которымъ принялся вытирать круглое стеклышко лорнета.

— Хорошо. Я буду ждать тебя, отвѣчалъ Одоевъ, лѣнливо приподнявшись.

— Чортъ возьми! Миѣ надо заѣхать еще въ два мѣста, а дорога такая, что, того и гляди, совершишь путешествіе въ первую лужу.

— А прогос! Я теперь не при деньгахъ. Нельзя ли занять у твоего Губкина? Дастъ онъ въ долгъ?

— Попробуй счастья, быть можетъ, и дастъ.

— Хорошо. Я завтра же постараюсь устроить это.

— Желаю тебѣ успѣха. Прощай.

— До свиданья, отвѣчалъ Одоевъ, протягивая руку.

Жербинъ уѣхалъ. Одоевъ звѣнулъ и снова улегся на диванъ.

II.

ГУБКИНЫ И ИХЪ ВЕЧЕРЪ.

Теперь мы перенесемъ дѣйствіе нашего разсказа изъ Малой Морской на *бойкую улицу*, какъ выразился Жербинъ.

Вы, конечно, не посѣтуете на насъ, благосклонный читатель, за этотъ скачокъ, который мы дѣлаемъ не изъ какихъ нибудь прихотей, которыми такъ изобилуетъ родъ человѣческой (не исключая даже и насъ, грѣшныхъ), а просто изъ необходимости познакомить васъ съ Семеномъ Ѡадеевичемъ Губкинымъ и съ почтеннымъ его семействомъ.

Итакъ, вѣхавъ въ бойкую улицу и придерживаясь лѣвой стороны ея, вы увидите большой, небѣленый трехэтажный домъ, съ затѣливымъ подъездомъ, протянутымъ черезъ всю ширину тротуара, съ ясными воротами, съ сѣрыми мраморными подоконниками, гладко выполированными; съ зеркальными стеклами, парадирующими, впрочемъ, только въ центральныхъ окнахъ бельэтажа, съ чугуннымъ, узорчатымъ балкономъ, опирающимся на плачевно-склоненныя головы какихъ-то двухъ весьма замысловатыхъ статуй, и наконецъ съ огромными бронзовыми львами, стоящими, разинувъ пасть, по обѣимъ сторонамъ подъезда, на гранитныхъ поставахъ.

Войдите наверхъ по широкой, устланной пестрымъ ковромъ, лѣстницѣ, въ средній этажъ, и вы очутитесь въ покояхъ Семена Ѡадеевича.

Комнаты высокія, большія, широкія, длинныя; убраны онѣ изящно, даже притязательно роскошно; только въ претензіи хозяевъ видно совершенное отсутствіе всякаго вкуса. Вездѣ золото да бархатъ, бархатъ да золото. Непривычный глазъ тутъ скоро утомится и опуститъ вѣки. Разноцвѣтные шарики замелькаютъ у него передъ глазами отъ слишкомъ яркаго блеска и пораженнаго имъ зрѣнія: можно просто ослѣпнуть. И въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ нѣтъ? и статуи, и картины, и вазы, и занавѣсы двойныя и тройныя, и бесѣдки изъ плюща, и жардиньерки съ цвѣтами, и бронзовые часы съ музыкой, и жирандоли, и кандеябры, и вышитые портьеры, и камни мраморныя, и разныя статуэтки въ амбразурахъ стѣнъ, словомъ: эти комнаты походятъ скорѣе на какую нибудь выставку, нежели на всендневное жилище.

Дѣло въ томъ, что Семень Ѡадеевичъ любилъ себя показывать и прихвастнуть своимъ богатствомъ. Каждую пятницу у него собирались человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, между которыми были и чиновные, и

военные, и негоціанты и, наконецъ, помѣщики. Послѣднихъ Семень Фаддеевичъ (не извѣстно для насъ по какой причинѣ) уважалъ въ особенноти. Заберется себѣ съ ними послѣ обѣда въ кабинетъ, да и толкуетъ тамъ объ урожаѣ, о продажѣ льна, о молотѣбѣ, о пшеницѣ и вообще о всякой всячинѣ, касающейся хозяйства, къ которому Семень Фаддеевичъ имѣлъ неотъемлемую склонность.

Надо примолвить, что въ молодости Семень Фаддеевичъ былъ лицо весьма незначительное. Отецъ его, какой-то мелочной торгашъ, имѣвшій во время оно, чуть-ли не табачную лавочку, нажилъ себѣ кое-какое состояніе, складывая барыши свои копейка къ копейкѣ. Самъ же онъ увеличилъ это состояніе различными оборотами и спекуляціями, и въ послѣдствіи женившись на дочери богатаго мѣщанина.

Судя по образу жизни его и по частымъ пирамъ, которые онъ любилъ задавать, можно было подумать, что Семень Фаддеевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безразсудныхъ и расточительныхъ выскочекъ, которые, отъ недостатка занятій, или отъ избытка праздности, соряютъ деньгами и напоследокъ разоряются. Но кто зналъ его покороче, или кто имѣлъ случай войти хоть разъ въ его домашнія подробности, тотъ удостовѣрился бы немедленно, что Семень Фаддеевичъ былъ скорѣе скупъ, нежели тороватъ, что казна его хранилась подъ солидными замками, и что надо было много труда, чтобъ заставить его тряхнуть карманомъ, даже въ случаяхъ самыхъ необходимыхъ. Подобную неприятность испытывала на дѣлѣ каждую пятницу Прасковья Никитична, дражайшая половина его, когда являлась къ нему съ реестромъ закупокъ, потребныхъ для вечера. Тутъ ужъ Семень Фаддеевичъ не преминетъ сперва хорошенько покричать и побраниться, и даже найдетъ тму расходовъ, по его мнѣнію, совершенно лишннихъ. И странная вещь, что, послѣ всей этой кутерьмы, ему точно на сердцѣ станетъ легче; онъ на минуту уймется, отсчитаетъ почти хладнокровно требуемую сумму, не преминувъ, впрочемъ, утянуть хоть цѣлковый, но зато, лишь только она изъ бумажника вонъ, какъ крику просто не оберешься. Въ подобныя мгновенья Прасковья Никитична обыкновенно оставляла мужа на произволь судьбы и спѣшила убраться во-свояси, опасаясь, чтобы гроза не приняла болѣе опасныхъ размѣровъ, и зная по опыту, что на просторѣ она стихнетъ скорѣе.

Ничто не могло такъ взбѣсить Семена Фаддеевича, какъ, наиримѣръ, подобныя эпиграммы, которыми знакомые въ шутку любили иногда кольнуть его: «Вы, Семень Фаддеевичъ, человекъ богатый! У васъ два дома! А что, если сказать по чистой совѣсти, вѣдь вы, я думаю, много прикопили, чай сундуки ломаются?»—«А, позвольте васъ спросить, ми-

лостивый государь, отвѣчалъ обыкновенно старикъ, еслибъ я не копилъ денегъ, такъ съ чѣмъ бы осталась тогда дочь моя! Въ гувернанткѣ что-ли пошла бы? Нѣтъ, ужъ извините, а дочь моя не рождена быть гувернанткой! А вотъ съ хорошимъ-то приданымъ и женихъ скорѣе найдется; а не выйдетъ, такъ небось не разъ отца вспомнить, да скажетъ спасибо за то, что позаботился объ ней.»

Семень Оадеичъ судилъ философически, нельзя съ этимъ не согласиться, а все-таки слылъ за челоѵѣка безъ всякаго образованія. Впрочемъ, онъ въ немъ и не нуждался: онъ обладалъ достаточнымъ для него количествомъ природнаго ума, а знакомые смотрѣли съ снисхожденіемъ на это отсутствіе и недостатокъ познаній, разумѣется, не потому, что питали особенное расположеніе къ его особѣ, а потому, что у него было голсто въ карманѣ, и, какъ водится, старались пребывать съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, по случаю его обѣдовъ.

Однако, не взирая на этотъ природный умъ и всеобщее уваженіе, онъ былъ у себя въ домѣ лицомъ едва ли не послѣднимъ, потому что Прасковья Никитична играла въ немъ главную роль; и если ей приходилось спрашивать о чемъ мужа, такъ это дѣлалось только для формы, или въ такомъ случаѣ, когда нужно было вытребовать отъ него денегъ. Она вела всѣ домашнія дѣла такимъ образомъ, что до него ничто не касалось; а онъ, сидя запершись въ своемъ кабинетѣ, откуда рѣдко выходилъ, занимался дѣлами и счетами, и вовсе не замѣчалъ своей ничтожной роли. Ему было все равно, что въ домѣ ни дѣлалось, только бы его оставляли въ покоѣ.

Единственная дочь его и наследница огромнаго состоянія, Марья Семеновна, или Mariette, какъ называла ее маменька, женщина крайне чопорная, была воспитана дома, и для ея воспитанія Семень Оадеевичъ не щадилъ никакихъ издержекъ.

Mariette до двадцати-лѣтняго возраста не переставала учиться; при ней безотлучно находились двѣ гувернантки, изъ коихъ одна была русская, преподающая также французскій и нѣмецкій языки, а другая англичанка, да еще, кромѣ прочихъ учителей, къ ней три раза въ недѣлю ѣздилъ итальянецъ. Когда ей стукнулъ двадцать первый годъ, заботливая маменька, одѣвавшая ее до тѣхъ поръ à l'enfant, говорила всѣмъ и каждому, что ей только семнадцатый, и, спровадивъ всѣхъ наставниковъ и наставницъ, взяла для нея компаньонку.

Балъ былъ въ полной силѣ разгара, когда наши пріатели вошли въ залу. Пары мелькали по паркету, доканчивая галопомъ шестую фигуру кадрили. Въ ближнемъ покоѣ гремѣлъ оркестръ Лядова.

Невозможно было пробраться впередъ сквозь эту бѣснующуюся тол-

пу. Одоевъ и Жербинъ остановились въ дверяхъ, выжидая болѣе удобной минуты, чтобъ подойти къ хозяйкѣ.

Первый, бѣглымъ взглядомъ окинулъ собраніе, стараясь разгадать, въ какое общество забросилъ его случай. Второй, воткнувъ въ глазъ невзбѣнный лорнетъ свой и поправивъ небрежно прическу, сталъ разсѣянно смотрѣть на танцующихъ.

Минуту спустя, музыка умолкла, гости разбрелись по разнымъ комнатамъ, и тогда только Жербинъ могъ кое-какъ провесть Одоева въ главную залу, гдѣ, на триковомъ диванѣ и обмахиваясь великолѣпнымъ опахаломъ изъ марабу, возсѣдала торжественно съ какими-то двумя старухами Прасковья Никитична.

Это была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, плотная, въ желтомъ атласномъ платьѣ съ серизовыми лентами и цвѣтами, обшитомъ сверху до низу широкими брюссельскими кружевами, въ которомъ какъ-то невольно просвѣчивала претензія на—увы! отцвѣтшую молодость. Въ манерѣ ея замѣтна была какая-то натянутость; голова, гордо поднятая кверху, еле-еле оборачивалась къ собесѣдницамъ, да и то тогда только, когда того требовала необходимость; самодовольная улыбка постоянно царствовала на губахъ ея, какъ бы сознавая собственное достоинство.

Одоевъ, опытный и искусный наблюдатель, сдѣлалъ этотъ экзаменъ въ одно мгновенье, и съ перваго взгляда увидѣлъ съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло.

— Честь имѣю представить пріятели моего, Сергѣя Петровича Одоева, — сказалъ Жербинъ, подводя его къ Губкиной.

— *Charmée de faire votre connaissance, monsieur*, отвѣчала, жеманясь, Прасковья Никитична. Одоевъ ловко раскланялся.

— Я премного обязана мосье Жербину за его любезность, — продолжала она, сдѣлавъ сладкую мину. Впрочемъ, онъ давно бы долженъ былъ познакомить насъ. Говорятъ, вы прекрасно танцуете, и особенно что вы отличный полькѣръ. Позвольте представить вамъ дочь мою.

И обернувшись въ сторону, она прибавила:

— *Mariette, venez donc, ma chère!*

— Что за баба! подумалъ молодой человекъ. Не успѣлъ показаться, какъ ужъ она навязываетъ мнѣ ее въ дамы. Теперь, хочешь, или не хочешь, а изволь пригласить ее на слѣдующій кадрилъ. Бѣда, если дочка такой же масти, какъ матушка.

Одоевъ съ утонченною учтивостью поклонился *Mariette*, которая подошла къ нимъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ кавалеровъ, и отвѣчала на почтительный поклонъ его легкимъ наклоненіемъ головы.

Mariette, какъ мы сказали выше, была дѣвушка не первой юности, но такая маленькая, худенькая и миниатюрная, что походила скорѣе на ребенка, или на какого-то недоросля, хотя и узнали мы, по секрету отъ горничной ея, что въ башмакахъ ея были весьма искусно устроены внутренніе каблукы, чтобъ особа ея казалась по возможности выше. Русые волосы ея, смуглая кожа, небольшие, сѣрые, но пронизательные глаза, ротъ довольно большой и не совсѣмъ еще сформированная талія составляли порознь довольно некрасивыя подробности, но все вмѣстѣ было недурно. Физическое развитіе Mariette произошло очень медленно и поздно. Частію, тутъ едва-ли не примѣшивался одинъ довольно-важный органическій недостатокъ, а именно, что одна лопатка ея выдавалась нѣсколько наружу и была гораздо больше другой, въ слѣдствіе чего корсетъ ея былъ какого-то совершенно особеннаго устройства и снабженъ мѣстами достаточнымъ количествомъ ваты, пружинъ, накладокъ, и такъ далѣе.

Mariette также, какъ и маменька ея, любила одѣваться пышно. На ней было розовое креповое платье, въ три тюника, что еще болѣе скрадывало ея крошечный, почти кругленькій ростъ, а яркій розовый цвѣтъ увеличивалъ смуглость кожи; на головѣ, на шеѣ и на тюникахъ красовались цвѣты, жемчугъ и банты.

— Позвольте просить васъ на слѣдующую кадрили, сказалъ Сергѣй Петровичъ, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Съ удовольствіемъ, проговорила дѣвушка форменную фразу. Тѣмъ болѣе, что мосе Жербинъ утверждаетъ положительно, что вы играете первую роль на всѣхъ петербургскихъ балахъ. *Donc, je vais vous mettre à l'épave.*

Одоевъ отвѣчалъ залпомъ комплиментовъ, а Прасковья Никитична, въ восторгѣ отъ своей дочки, улыбнулась еще слаще прежняго и подняла голову еще выше.

Заиграли польку. Mariette исчезла въ толпѣ танцующихъ, а друзья тотчасъ же воспользовались случаемъ отдѣлаться отъ хозяйки и ретироваться подальше, чтобъ посмотрѣть на хорошенькихъ и также, какъ водится, подтрунить при первой возможности надъ неловкими.

— Скажи, пожалуйста, *mon cher*, сказалъ Сергѣй Петровичъ, котораго черные глаза вдругъ засверкали необыкновеннымъ огнемъ:—кто эта прелестная блондинка, которая танцуетъ вонъ съ тѣмъ высокимъ гусаромъ?

— Гдѣ? Помилуй, братецъ, здѣсь много блондинокъ; почему мнѣ знать, о которой ты говоришь.

— Да вотъ же она. Смотри налѣво... видишь?

— Да ихъ тутъ трое.

— Боже мой, какъ ты сегодня безтолковъ! Или я недовольно ясно выражаюсь. Вотъ она обгоняетъ теперь какого-то льва съ дамой въ желтомъ платьѣ. Сама она въ бѣломъ, съ красною камеліей на груди.

— А! теперь вижу, отвѣчалъ Жербинъ небрежно, и прищурившись посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указывалъ ему пріятель. — Это Александрина, компаньонка Марьи Семеновны.

— Какая хорошенькая! Что за глаза, что за бюстъ, что за лицо, что за ножка! Вотъ танцуетъ-то! Какая легкость и непринужденность въ манерѣ!

Жербинъ засмѣялся.

— Bravo, bravo! сказалъ онъ. Тебя можно поздравить: голубое домино ужъ въ отставку. Какъ ты себя хочешь, а ужъ это примѣрное непостоянство; вчера вздыхалъ по одной, а сегодня вылокалъ другую.

— А почему ты знаешь? Быть можетъ, это и есть голубое домино, на которое въ среду я такъ тщетно поглядывалъ. У нея та же самая фигура, та же походка и наконецъ точно такая же красная камелія.

— У тебя сильное воображеніе: ты будешь теперь видѣть голубое домино на всѣхъ перекресткахъ.

— Я тебѣ говорю, что это она, перебилъ Одоевъ съ нетерпѣніемъ. Я въ этомъ увѣренъ.

— Что ты увѣренъ, я въ томъ не сомнѣваюсь. Однако, братецъ, вотъ ужъ полчаса, какъ мы здѣсь, а я еще не представилъ тебя Губкину. Пойдемъ скорѣе, не то, пожалуй, онъ еще обидится.

— погоди. Дай мнѣ прополькировать съ нею, а тамъ, пожалуй, веди меня куда хочешь.

— Послѣ будешь полькировать, сколько твоей душѣ угодно. Время передъ тобой.

И Жербинъ, взявъ подъ руку молодаго человѣка, увелъ его изъ залы и углубился въ анфиладу комнатъ, не слушая съ его стороны никакихъ возраженій.

Когда услужливый кавалеръ привелъ Александрину на мѣсто, Праксovia Никитична подозвала ее къ себѣ и попросила распорядиться на счетъ напитковъ. Довольно долго спустя, Одоевъ возвратился въ залу безъ пріятеля, который остался съ кѣмъ-то разговаривать; но польку перестали уже играть. Мѣсто ея заступилъ шумный говоръ, а Александрины не было въ комнатѣ.

Одоеву стало досадно. Вообще весь этотъ вечеръ былъ наполненъ подобными неудачами, и что онъ ни предпринималъ, ничто не клеилось.

Это же, къ довершенію несчастія, была пятница, а Одоевъ замѣчалъ не разъ, что пятница всегда бываетъ для него неудачна.

— А все этотъ несносный Жербинъ надѣлалъ эту катавасію, думалъ онъ. Стащи онъ меня десятью минутами позже къ этому глупому старику, я не опоздалъ бы и не остался бы въ дуракахъ. Такъ нѣтъ вѣдь: «пойдемъ, да пойдёмъ!» Не успѣлъ бы я увидѣть въ кабинетѣ его всѣхъ этихъ мудрецовъ, которые сидятъ да толкуютъ о пшеницѣ да о грибахъ, какъ о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ. Самъ благо не танцуетъ, да ходитъ изъ угла въ уголь, да фанфаронитъ съ своимъ прищуреннымъ глазомъ. Отбрѣю же я его порядкомъ!

Одоевъ протанцовалъ слѣдующую кадрили съ Mariette, замѣтивъ, между прочимъ, что она весьма некстати говоритъ множество заученныхъ въ романахъ фразъ; потомъ, повертѣвшись нѣсколько минутъ между зрителями, ушелъ въ другія комнаты, гдѣ были карточные столы, и сѣлъ за преферансъ.

Было около двухъ часовъ утра, когда Жербинъ, послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ наткнулся на него.

— Помилуй, братецъ, сказалъ онъ: да на что это похоже? тебя просили сюда, чтобъ танцовать, а ты сидишь да козыряешь. Пойдемъ скорѣе—тебя ищутъ.

— Дай пульку докончить; видишь, что у меня стоитъ семьдесятъ ремизовъ.

Одоевъ могъ бы передать кому-нибудь карты, но сказалъ это потому, что вовсе не имѣлъ желанія пуститься въ плясъ и былъ разсерженъ не на шутку. Къ бѣлой досадѣ его, тутъ, какъ нарочно, подвернулся какой-то низенькій, плѣшивый старичокъ и объявилъ, что съ удовольствіемъ займетъ его мѣсто, прибавивъ, между прочимъ, что весьма радъ, что подошелъ во-время, потому что самъ только что освободился отъ карты.

Одоевъ всталъ и, не поблагодаривъ даже услужливаго любителя преферанса, зашелъ прежде въ буфетъ, чтобъ заглушить горе мороженнымъ.

— Знаешь-ли что, шоп снэг,—говорилъ дорогою Жербинъ: Прасковья Никитична раза три тебя спрашивала, а ты, какъ нарочно, вдругъ обратился въ невидимку.

— Если я обратился въ невидимку, такъ ты виноватъ въ этомъ. Можешь сказать это твоей Прасковьѣ Никитичнѣ.

— Ого! да мы, кажется, сердимся за что-то?

— Я думаю, что всякій порядочный человекъ разсердился бы на моемъ мѣстѣ. Только-что я собрался ангажировать Александрину, какъ

тебѣ вздумалось вести меня, Богъ знаетъ зачѣмъ, къ этому несносному Губкину, и она исчезла у меня изподъ-носу. Я ждалъ, ждалъ, думая, что она скоро вернется, однакожь напрасно; наконецъ потерялъ терпѣніе и убрался подальше отъ твоей подвижной куклы Губкиной и ея черномазой Mariette.

Жербинъ захохоталъ.

— Такъ вотъ причина твоей досады! вскричалъ онъ. Ну, братецъ, честное слово, ты не много потерялъ, что тебѣ не удалось полюбезничать съ этой компаньонкой. У нея только всего и есть, что хорошенькое личико, да нѣсколько горшковъ камелій, потому что она безъ ума отъ камелій; что-же касается до кармановъ, такъ они пусты.

— А кто ея отецъ? спросилъ Одоевъ, невольно заинтересованный этими словами.

— А Богъ его знаетъ! Кажется, служилъ гдѣ-то въ неважной должности. Теперь его нѣтъ въ живыхъ.

— Еслибъ она была въ залѣ, я хотѣлъ бы взглянуть на нее еще разъ.

— Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ? Пойдемъ. Только я даю тебѣ дружескій совѣтъ: не слишкомъ явно за нею ухаживай; Прасковья Никитична этого не любитъ. А лучше ты прикуртизань хорошенько Мариеттѣ: триста тысячъ — вѣдь лакомый кусочекъ, будетъ чѣмъ долги расплатить. Да! ты, кажется, хотѣлъ просить у Губкина въ займы. Ну что, успѣлъ-ли?

— Некогда было. Ты видѣлъ, что въ его кабинетѣ собраны чучелы со всѣхъ концовъ свѣта—гдѣ тутъ говорить о деньгахъ! Пойдемъ же скорѣе.

И не окончивъ своей порціи мороженнаго, Одоевъ бросилъ на столъ хрустальную раковину и поспѣшно вышелъ изъ буфета въ сопровожденіи Жербина.

Одоевъ увидѣлъ Александрина, которая промелькнула въ вихрѣ вальса, и потомъ, запыхавшись, опустилась на стулъ. Губкина снова подзвала ее и шепнула ей что-то на ухо.

Дѣвушка тотчасъ же вышла, вѣроятно, опять за какимъ нибудь порученіемъ.

Это окончательно взбѣсило Одоева. Онъ взялъ съ окна шляпу и медленными шагами подошелъ къ хозяйкѣ, чтобъ проститься съ нею.

— Какъ! вы уже уѣзжаете, м-г Одоевъ? спросила Прасковья Никитична, дурно скрывая досаду свою. Вы доставили бы намъ большое удовольствіе, если бъ остались отужинать съ нами.

— Я весьма благодаренъ за лестное приглашеніе ваше, но, къ ве-

личайшему сожалѣнію, долженъ отказать отъ него, отвѣчалъ молодой человекъ, взглянувъ на часы. Я обѣщала быть еще на одномъ балѣ: теперь третій часъ, я еще успею.

— По-крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что вы и впредь будете посѣщать насъ?

Одоевъ поклонился.

— Пожалуйста, безъ церемоній; пріѣзжайте къ обѣду, мы всегда дома.

Сергій Петровичъ поклонился еще разъ и вышелъ въ швейцарскую.

Надѣвая шубу, онъ услышалъ, что кто то зоветъ его. Онъ обернулся: Жербинъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ нему и кричалъ что есть силы:

— Помилуй, братецъ!... что ты дѣлаешь!... погоди немного.... что про тебя будутъ думать!.. погоди хоть четверть часа!.. проигралъ весь вечеръ въ карты, и теперь уѣзжаешь!.. останься хоть на мазурку!.. покажись хоть на нѣсколько минутъ!... успеешь домой!..

Но Одоевъ, не слушая безсвязной болтовни его, надѣлъ кое-какъ калоши, завернулся въ шубу и махнувъ рукой съ явною досадою, стремглавъ бросился съ лѣстницы.

III.

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Кто не испыталъ на себѣ, какое несносное впечатлѣніе производить на человека неудача? Что ни за думай, чего ни пожелаешь, на все встрѣтишь препятствіе и неминуемую помѣху; это давно уже признано и доказано на дѣлѣ. Иногда задумаешь бездѣлицу, вздоръ, а какъ посмотрѣшь, такъ и отъ тѣхъ надо отказаться.

Одоевъ пролежалъ въ постели до двѣнадцатаго часа; но глаза его не сомкнулись ни на одну минуту. Онъ долго ворочался съ боку на бокъ, стараясь заснуть, однакожь усиліе его оказалось совершенно бесполезнымъ, и поневолѣ принужденъ онъ былъ углубиться, отъ нечего дѣлать, въ крѣпкую думу.

И въ самомъ дѣлѣ можно ли спать, когда воображеніе наше занято какоюнибудь мыслью? Правда и то, что сонъ послѣ бала—вещь самая обыкновенная. Но развѣ можно думать о немъ, когда насъ занимаетъ какоенибудь приключеніе, или какаянибудь неудача? Въ подобномъ случаѣ сонъ уже становится незваннымъ гостемъ, и тогда мы, напротивъ, разумея, если онъ держитъ себя на благородной дистанціи.

Съ Одоевымъ не случилось никакого романческаго приключенія, и онъ отъ души желалъ укрыться подъ благодѣтельнымъ покровомъ Морфея; но какъ тотъ, повидимому, отказывался оказать ему обычное гостепріимство, то онъ, отъ нечего дѣлать, перенесся мыслями въ блестящіе чертоги Прасковьи Никитичны.

Первое лицо, на которомъ остановилось воображеніе его, была, разумѣется, Александрина—это дивное существо, съ которымъ не успѣлъ онъ обмѣнять ни одного слова и которое произвело на него неизъяснимое впечатлѣніе.

Какимъ образомъ попала она въ этотъ домъ, гдѣ все для нея такъ чуждо, гдѣ смотреть на нее съ такимъ пренебреженіемъ, обращаются такъ свысока, и гдѣ, повидимому, она вовсе не въ своей сферѣ? Ужели крайность или нищета заставили ее прибѣгнуть къ этому горькому состоянію? Ужели эта дѣвушка, молодая и прекрасная, которой изящныя манеры свидѣтельствовали о пышномъ воспитаніи, могла посвятить себя столь мелочной жизни и смотрѣть, повидимому, равнодушно на свою незавидную долю?

Одоевъ невольно сталъ сожалѣть о ней. Онъ видѣлъ ее только издали, но его поразила ея горькая почтительность къ окружавшимъ, ея убѣжденіе въ собственномъ ничтожествѣ. Казалось, она свыкла съ своею участью и вполнѣ постигла свою унижительную обязанность.

Одоевъ никогда не занимался женщинами особенно. Ему было только двадцать семь лѣтъ, слѣдовательно, съ его характеромъ, онъ не могъ думать о чемъ либо серьезно. Въ головѣ его ни одна мысль не врѣзывалась прочно, умъ его былъ сильно подверженъ скукѣ, воображеніе настроено на хандру, почти всеобщую болѣзнь молодости, и онъ, пользуясь вполнѣ ея привилегіями, анализировалъ вещи съ весьма неблагоприятной точки зрѣнія.

Впрочемъ, Одоевъ былъ очень уменъ и зачастую трунилъ надъ самимъ собою, что однакоже, не мѣшало ему подвергаться частымъ насмѣшкамъ пріятелей.

Онъ все таки продолжалъ свою, такъ сказать, полусонную жизнь; бывалъ вездѣ; дремалъ въ оперѣ, скучалъ въ маскарадѣ, на балахъ бывалъ простымъ, иногда даже сатирическимъ зрителемъ; женщину замѣчалъ отъ нечего дѣлать, любилъ ее безъ всякихъ видовъ и часто ухаживалъ за нѣсколькими вдругъ. Побѣды удавались ему легко; по этой части онъ былъ избалованъ. Въ кругу его знакомыхъ дамы говорили: «Одоевъ очень недуренъ,» или: «Одоевъ очень любезенъ.» И дѣйствительно, онъ вполнѣ заслуживалъ оба отзыва вообще, а послѣдній исключительно, потому что умѣлъ понять cadaго, умѣлъ занять разговоромъ остроумнымъ

и оригинальнымъ, особенно, когда бывалъ въ духъ. Надо было видѣть, какъ неподражаемо серьёзно рассказывалъ онъ анекдоты, или какую придавалъ занимательность самой пустой вещи, самому простому и безцвѣтному приключенію. Конечно, съ перваго взгляда, онъ показался бы каждому фанфарономъ, или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ съ большими претензіями, потому собственно, что рѣдко съ кѣмъ сходилъ коротко, или оказывалъ кому либо особое расположеніе.

Надо было знать Одоева, чтобъ постигнуть его качества и недостатки; надо было изучить его натуру, чтобъ сказать положительно свое сужденіе о немъ. Будь онъ менѣе вѣтренъ, онъ составилъ бы счастье любой женщины. Вѣтренность была первымъ недостаткомъ его, вторымъ—расточительность. Его характеръ бывалъ иногда не понятенъ—такъ онъ переназначивалъ его, такъ мастерски управлялъ и ворочалъ своими поступками, такъ разнообразилъ свои иллюзіи, которыя испещряли его бурную молодость.

Онъ нечаянно наткнулся въ маскарадѣ на голубое домино, создалъ себѣ изъ него идеалъ совершенства, и вдругъ показалось ему, что сердце его наконецъ зашевелилось.

Увидѣвъ Александрину, онъ тотчасъ вообразилъ, что это должна быть непременно она, то есть, его чудное голубое домино, и заключилъ совершеннымъ убѣжденіемъ, что двѣ строгія спутницы ея были—*Mariette* и Прасковья Никитична.

Всѣ эти догадки были весьма неположительны и довольно и сбивчивы, но Одоевъ рѣшилъ по-своему и крѣпко вѣрилъ въ справедливость предположенія, когда сравнилъ матушку съ толстой, неповоротливой дамой, а дочку—съ миниатюрною дѣвушкой, сіявшей розовымъ атласомъ, и обратившей на себя всеобщее вниманіе коллекціею украшавшихъ ее каменьевъ.

Онъ живо припомнилъ всѣ обстоятельства, случившіяся на балѣ, пожалѣлъ о тщетныхъ усиліяхъ своихъ сблизиться съ Александриной, съ которой, къ крайней досадѣ своей, не успѣлъ обмѣнять ни одного слова. По всему видно было, что тутъ скрывались какіе нибудь замыслы, потому что компаньонка весь вечеръ была на разсылкахъ и исчезала мгновенно при каждомъ взглядѣ, который онъ останавливалъ на ней.

Какъ бы то ни было, только Одоевъ рѣшилъ, что это надо вывести на чистую воду, чтобы знать положительно, какихъ мѣръ придерживаться и какъ нибудь вывѣдать, дѣйствительно-ли эта дѣвушка его таинственная героиня?

Что-жь касается до *Mariette*, то онъ вспомнилъ о ней только

мимолетно. Все, что онъ могъ заключить о ней, было: что она очень занята собой, хорошо воспитана, но безъ дальняго ума, и что во всѣхъ дѣйствіяхъ ея было много педантства. Впрочемъ, всѣ движенія ея были ловки, хотя въ нихъ и просвѣчивала нѣкоторая самоувѣренность, видимо, потому, что они были напередъ рассчитаны. Она была, несмотря на свои физическіе недостатки, очень бойка и жива, что заставляло забывать ея некрасивое лицо, и притомъ изысканно любезна со всѣми. Одоевъ, всегда подвергавшій женщину самому строгому грамматическому разбору, со всѣми существительными и прилагательными, не могъ не сознаться, что въ ней много привлекательнаго.

Сверхъ того, Mariette была богатая невѣста, а это качество довольно заманчиво, и потому Mariette была постоянно окружена множествомъ поклонниковъ, добивавшихся, какъ величайшей чести, ея расположенія и предугадывавшихъ ея малѣйшіе взгляды. Такая невѣста долго не засидит-ся. Свѣтъ не обращаетъ вниманія на качества физическія и душевныя; онъ ищетъ нѣчто посолднѣе; а что можетъ быть солиднѣе трехъ сотъ тысячъ капитала? Не разъ случалось намъ слышать отъ алчныхъ любителей прерѣннаго металла, что онъ служить лучшимъ достоинствомъ, какимъ только судьба дозволила обладать женщинѣ. Все прочее въ ней—химера. Красота, образованность, любезность—все это утекаетъ съ быстрымъ потокомъ всеразрушающаго времени; иногда даже въ цвѣтущихъ лѣтахъ всѣ эти достоинства, безъ прилагательнаго, не удостоиваются даже и тѣни вниманія, тогда какъ съ деньгами такихъ примѣровъ не бываетъ. Почему? Потому что человѣку, каковъ бы онъ ни былъ, деньги всегда пригодятся, особенно человѣку, неимѣющему за душой ничего, кромѣ долговъ, любящему жить на распашку и мѣтящему только на *богатую невѣсту*, какъ для извлеченія своей особы изъ критическаго положенія, такъ и для продленія комфорта и роскоши, безъ которыхъ большая часть искателей супружескихъ благъ не можетъ обойтись.

Герой нашъ придерживался тѣхъ же воззрѣній: Одоевъ рассчиталъ, что подобная афера будетъ весьма кстати; что, такъ какъ въ настоящее время онъ находился въ крайне критическихъ обстоятельствахъ, то съ его стороны было бы глупо упустить подобную находку, и что огромное приданое Mariette можетъ послужить на расплату долговъ, да еще, кромѣ того, отъ него останется столько, что можно будетъ пожить и пожуировать.

Одоевъ, само собою разумѣется, имѣлъ время вычислить все это на просторѣ, потому что послѣ всѣхъ своихъ догадокъ, ожиданій и неудачъ, спать рѣшительно не хотѣлъ и не могъ.

Впрочемъ, мы должны прибавить, къ несказанному сожалѣнію на-

шему и рискуя даже поселить въ читателѣ невыгодное мнѣніе о герое нашемъ, что и догадки, и ожиданія, и неудачи—все это, при появленіи въ умѣ его вышеизложеннаго проекта, мгновенно, подобно сигарочному дыму, испарилось изъ его воображенія. Mariette и ея триста тысячъ, триста тысячъ и Mariette—вотъ что теперь исключительно занимало его.

Было далеко за полдень, когда онъ вздумалъ сдѣлать визитъ Губиннымъ. Онъ желалъ завести съ ними знакомство покороче, и къ тому-жъ, визитъ послѣ бала—вещь самая естественная, которую требуютъ приличія. Сверхъ того, ему хотѣлось увидѣть Александрину, а можетъ быть, ему удастся и поговорить съ нею, и потомъ, главное, понравится Марья Семеновнѣ. Одна только Прасковья Никитична произвела на Одоева какое-то неприятное чувство, похожее на антипатію. Ея странныя манеры, кривливый голосъ, натянутая до безконечности чопорность и неумѣстное жеманство, были для него просто нестерпимы.

Впрочемъ, что ему за дѣло до нея? Вѣдь не она же, въ самомъ дѣлѣ, богатая невѣста; не она и та интересная особа, съ которою, какъ будто на зло, ему не удалось вчера полькировать; а остальное, то-есть, ея претензію корчить знатную даму, равно какъ и чрезмѣрную заботливость о лимонадахъ и оршадахъ можно простить, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Долго еще Одоевъ причитывалъ различныя подробности, думая, передумывая и не зная на что рѣшиться.

На улицѣ была ѣзда страшная.

Онъ позвонилъ и велѣлъ подать себѣ одѣваться.

IV.

НЕУДОБСТВО ПОЗДНЯГО ОДѢВАНЬЯ.

Въ великолѣпной уборной, обитой красивымъ штофомъ, украшенной по угламъ золотою рѣзбой въ видѣ широкихъ гирляндъ и убранной въ готическомъ вкусѣ, на низенькой кушеткѣ изъ чернаго дерева, закинувъ назадъ голову и опустивъ небрежно руки, которыя держали раскрытый модный журналъ, сидѣла Марья Семеновна въ бѣломъ кисейномъ вышитомъ капотѣ.

Волосы ея еще не были причесаны, но собраны на затылкѣ кое-какъ въ большую косу, въ которую былъ воткнутъ черепаховый гребень, а туго зашплетенные на вискахъ косички свидѣтельствовали, что она въ скоромъ времени намѣревалась заняться своимъ туалетомъ.

Возлѣ; у стола, на низенькомъ табуретѣ, сидѣла Александрина совершенно уже одѣтая и вышивала что-то по канвѣ.

На ней было сѣрое кашемировое платье съ гладкимъ амазонскимъ лифомъ, стянутымъ въ талии сѣрымъ же кушакомъ съ стальной пряжкой, а шею окаймлялъ англійскаго шитья воротникъ. Простая прическа ея изъ густыхъ бѣлокурыхъ волосъ, округленныхъ назадъ въ два толстые кольца, взбитыхъ напередъ и сглаженныхъ тщательно, спускалась до половины уха безукоризненно, просто, оставляя наружу овальный лобъ, и обрисовывая граціозно ея греческій профиль.

Объ молчали. Mariette была не въ духѣ, а Александрина нѣсколько задумчива. Мы рѣшительно не беремся излагать причины этой задумчивости, не зная чему приписать ее, потому что характеръ Александрины чрезвычайно гибокъ и эластиченъ.

Беззаботная, равнодушная и угодливая при постороннихъ, она безъ свидѣтелей становилась грустна и серьзна. Понимая вполне свое щекотливое положеніе, она старалась свыкнуться съ нимъ сколько могла, и излишнюю веселость считала неприличною. Александрина рано познакомилась съ горемъ. Поселившись въ чужомъ домѣ, гдѣ старалась приноровливаться ко всякому, она часто принуждена была сносить неприятели, а что еще хуже, эти косые и вмѣстѣ презрительные взгляды, которые производятъ на душу такое сильное впечатлѣніе, которые такъ обидно, такъ больно откликаются въ сердцахъ. А между тѣмъ никто не подозрѣвалъ даже, какъ жестоко страдала бѣдная дѣвушка въ тѣ самыя минуты, когда на прелестныхъ устахъ ея мелькала улыбка.

Александрина все умѣла скрыть. Свѣтъ и люди вразумили ее; переходя съ мѣста на мѣсто, она коротко узнала ихъ; она стала опытна не по лѣтамъ. Умъ ея созрѣлъ въ ту самую пору, когда умъ каждой женщины только начинаетъ развиваться.

Два звонкіе, протяжные удара раздались на бронзовыхъ часахъ камина Велѣдь за этимъ, партъера приподнялась и въ уборную вошла горничная.

— Что тебѣ надо, Даша? спросила Марья Семеновна лѣнливо.

— Какое платье прикажете приготовить?

Неизвѣстно, о чемъ думала въ это время Mariette; быть можетъ, она не разобрала хорошенько вопроса, или думала о чемъ другомъ, только она повернула слегка голову къ Александринѣ, и показывая ей картинку журнала, сказала какимъ-то полусоннымъ тономъ:

— Посмотрите, та shèpe.... эти рукава совсѣмъ недурны.... до локтя гладкіе, а низъ пышный, обшитый въ пять рядовъ кружевами.

Они напоминают маркизу де-Помпадуръ; говорятъ, она носила такіе Какъ вамъ нравятся?

— Они очень красивы, отвѣчала Александрина, думая совершенно противное и бросивъ бѣглый взглядъ на картинку:—то есть, смотря потому, кто ихъ надѣнетъ, прибавила она улыбувшись. — На одной они будутъ очень эффектны, на другой, напротивъ, очень дурны.

— Какъ это? спросила Mariette, взглянувъ на нее и нѣсколько удивленная странною страною сужденія.

— Весьма просто: для васъ они хороши, но для меня въ нихъ слишкомъ много претензіи и мало вкуса. Надѣньте ихъ вы—къ вамъ они пойдутъ, а если надѣну ихъ я — это будетъ смѣшно.

— Что это за философія! У васъ преоригинальныя идеи!

— Сверхъ того, продолжала дѣвушка,—ихъ могутъ носить только люди богатые, потому что тутъ столько кружевъ, что просто разоренье.

— По крайней мѣрѣ разнообразіе. Всѣ эти гладкіе и сборчатые рукава такъ надоѣли, приглядѣлись, что можно порадоваться, когда они выйдутъ изъ моды. Я не люблю носить вещь, которую носятъ всѣ, и съ незапамятныхъ временъ, или на которой нѣтъ никакой гарнировки. Точно не изъ чего сдѣлать. Зачѣмъ, право, изобрѣтаютъ такія дурачкія моды?

— А что же стали бы дѣлать тѣ, которые любятъ простоту и однообразіе? возразила Александрина. Я первая осиротѣла бы, еслибъ мнѣ пришлось оставить мои рукава и замѣнить ихъ новыми à la marquise Rompadour. Привычка много значить.

— О, въ такомъ случаѣ, я васъ поздравляю, сказала Mariette насмѣшливо прищурившись. Вы, стало быть, намѣрены носить вѣчно одно, и то же и не измѣнять тому, что вамъ нравится. Это довольно оригинально, но слишкомъ бросается въ глаза.

Даша простояла нѣсколько минутъ у дверей, и удостовѣрившись наконецъ, что ее рѣшительно не замѣчаютъ, сочла за нужное вторично возвысить голосъ и возобновить вопросъ:

— Какое платье прикажете приготовить?

— Платье? повторила Mariette машинально: какое хочешь.

Потомъ, подумавъ, она прибавила:

— Хоть лиловое гроденаплевое и бѣлую пу-де-суа мантилью.

Горничная вышла.

Mariette звѣнула, протянула руку вдоль кушетки, подняла другую къ лицу и положила щеку на ладонь.

— Завтра мы будемъ въ оперѣ, сказала она помолчавъ. Даютъ Люцію. Хотите ѣхать съ нами?

— Merci, отвѣчала Александрина: Вы знаете, что я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Да вы хотите ѣхать, или нѣтъ?

— Я совершенно въ вашемъ распоряженіи, сказала дѣвушка, поднявъ голову.

— Ахъ какія вы смѣшныя, Александрина! Говорите прямо: хотите, или нѣтъ. Я вижу, что вы предпочитаете остаться дома.

— Если вы предоставляете мнѣ располагать вечеромъ, то я лучше желала бы идти къ маменькѣ.

— Какъ хотите. А propos! Видѣли вы вчера молодаго человѣка, котораго привезъ къ намъ м-г. Жербинъ? Кажется, его фамилія...

— Одоевъ.

— Вѣдь это тотъ самый, который такъ приставалъ къ вамъ въ маскарадѣ.

— Я не замѣтила его, отвѣчала Александрина просто и безъ всякой аффектаціи.

— Онъ очень не дурень. Лицо правильное и выразительное, манеры аристократическія. Жаль только, что онъ мало танцуетъ. Вчера, говорятъ, весь вечеръ проигралъ въ карты.

Александрина опустила иголку, и едва замѣтная улыбка приподняла уголки ея маленькаго ротика.

— У васъ и безъ него было довольно кавалеровъ, сказала она. Нельзя пожаловаться на недостатокъ.

— Однакожъ, пріѣхать въ домъ въ первый разъ и не показываться весь вечеръ—это вѣдь manque de convenances. Пріѣхать для того, чтобъ танцовать, и не танцовать вовсе—на что это похоже?

— Прекрасно! сказала Прасковья Никитична, входя въ комнату. Третій часъ, а ты еще и не думала одѣваться! Ну, если кто нибудь пріѣдетъ? Ты вѣдь не можешь выйти; а все оттого, что любишь прохлаждаться вплоть до обѣда. Надобно ѣхать съ визитами; карета заложена, а она изволить себѣ лежать—и горя мало! Одѣвайся скорѣе!

— Сію минуту, тамаа. Извините меня, я думала что еще не поздно.

Mariette лѣниво поднялась съ кушетки, опираясь одной рукою на локоть, другою сильно позвонила.

Въ одну дверь вошла Даша, другую полуотворилъ лакей и, не показываясь доложилъ:

— Пріѣхалъ Сергій Петровичъ Одоевъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Прасковья Никитична: вотъ не кетати-то! Право, я не знаю, какъ и быть. А все вы, сударыня,

виноваты! Что вы до сих поръ дѣлали? Даже не причесаны еще! Отказать нельзя: это значитъ прекратить знакомство. Проси, сказала она лакею. А вы, ма сѣге, продолжала Губкина, обращаясь къ Александринѣ, потрудитесь принять его; мы скоро выйдемъ; я должна остаться здѣсь, чтобъ поторопить эту лѣнивицу.

Одоевъ большими шагами расхаживалъ по гостиной, когда въ ближнемъ покоѣ послышался шорохъ платья и велѣдъ затѣмъ на порогѣ показалась Александрина.

Одоевъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, не постигая, какимъ образомъ случай наконецъ допустилъ его увидѣть эту дѣвушку, да еще видѣть тогда, когда онъ надѣялся на это менѣе, чѣмъ когда либо.

Онъ внутренно поздравилъ себя съ осуществившеюся надеждою и ловко поклонился Александринѣ, которая слегка склонила, въ отвѣтъ на поклонъ его, свою прекрасную голову.

Александрина была высока ростомъ, очень стройна, очень ловка. О лѣтахъ ея невозможно было судить правильно: когда она смѣялась, когда находилась въ обществѣ постороннихъ, ей казалось на видъ не болѣе восемнадцати; когда она уходила въ свою комнату и предавалась тамъ своимъ горькимъ думамъ, когда она становилась серьезна и печальна, ей казалось тогда болѣе тридцати, словно годы являлись къ ней въ одну минуту и налагали упорно и безжалостно на этотъ умный лобъ свое клеймо. Строгая правильность лица ея, носъ прямой и тонкій, на которомъ замѣтна была легкая горбинка, глаза темно-голубые, небольшие, но прекраснаго разрѣза; зубы блестящіе и ровные, точно жемчугъ; кожа прозрачная и притомъ ослѣпительной бѣлизны, какъ вообще у всѣхъ блондинокъ—все это вмѣстѣ составляло такое цѣлое, которымъ не пренебрегъ бы ни Микель Анджело, ни Канова, еслибы у нихъ случился недостатокъ въ образцахъ для ихъ бессмертныхъ произведеній. Голова ея, маленькая и изящная, обремененная густыми и шелковистыми бѣлокурыми волосами, гордо возвышалась на длинной атласной шеѣ, какъ пышная лилія на стройномъ стеблѣ; ея развитые виски и совершенная пропорціональность формъ могли служить типомъ любому художнику, а темныя рѣсницы, вопреки свѣтлымъ волосамъ, рѣзко обозначались на ея блѣдныхъ щекахъ, бросая на нихъ остроконечную тѣнь, когда она опускала вѣки; станъ ея, гибкій и ловко перехваченный; руки нѣжныя, съ длинными пальцами, суживавшимися на концахъ и на которыхъ не было ни одного кольца; плеча широкія и нѣсколько закругленные, наконецъ поразительная оконченность бюста, составляли одно изъ тѣхъ прекрасныхъ явленій природы, которыя такъ

редко встрѣчаются въ нашемъ щелушномъ и изможденномъ общественномъ мѣрѣ.

Александрина узнала Одоева съ перваго взгляда и увидѣла въ немъ человѣка хорошаго круга. Впрочемъ, она уже знала его по слышкѣ отъ Жербина, который былъ у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Она давно уже составила себѣ портретъ его, но воображала его совсѣмъ иначе. Она представляла себѣ Одоева низенькаго ростомъ, плотнаго, широкоплечаго, смуглаго, неимѣвшаго ни понятія о свѣтской жизни, ни того утонченнаго образованія; которымъ такъ щеголяютъ наши петербургскіе львы, словомъ, одного изъ тѣхъ закоренѣлыхъ, безпечныхъ холостяковъ, которымъ все надоѣло и наскучило, и которые, когда наступаетъ имъ четвертый десятокъ съ хвостикомъ, начинаютъ, отъ нечего дѣлать, метаться изъ угла въ уголь, чтобъ убить какъ нибудь время, или чтобъ сказать потомъ: *«Я былъ тамъ»*.

Понятія Александрины на его счетъ были оттого такъ неосновательны, что Жербинъ никогда не распространялся о немъ, но говорилъ мимоходомъ, когда приходилось къ слову. Ей казалось страннымъ и то, что Жербинъ, человѣкъ очень молодой и находчивый, могъ сдружиться съ человѣкомъ, котораго характеръ такъ мало согласовался съ его собственнымъ и котораго лѣта даже разнились съ его лѣтами. Но Жербинъ любилъ странности, освоился съ ними и не могъ безъ нихъ существовать, слѣдовательно эта неравная дружба была весьма естественна.

Не зная почему и не отдавая себѣ въ томъ отчета, Александрина была пріятно поражена, замѣтивъ свою ошибку и увидѣвъ передъ собою высокаго молодаго брюнета, котораго щегольской черной мундиръ, плотно обхватывавшій корпусъ, увеличивалъ стройность гибкаго стана. Одно только обстоятельство нѣсколько удивило ее: это—поспѣшность, съ какою онъ отдалъ свой бальный визитъ.

— Извините, пожалуйста, м-г Одоевъ, сказала Александрина, знакомъ приглашая гостя сѣсть и помѣтившись на противоположномъ креслѣ около окна, что не Прасковья Никитична встрѣчаетъ васъ: она собирается ѣхать куда-то и потому дѣлаетъ необходимыя къ тому распоряженія. Она не замедлитъ выйти къ вамъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ Одоевъ, я весьма счастливъ, что могу познакомиться съ вами. Искренно обязанъ м-ме Губкиной за удовольствіе, которое она доставляетъ мнѣ. Могу васъ увѣрить, что оно не изгладится изъ моей памяти.

Александрина была пріучена къ комплиентамъ; она часто слы-

шала ихъ, и потому отвѣтъ Одоева произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе. Ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Вы постоянный петербургскій житель? спросила она, желая дать другой оборотъ разговору.

— Зимомъ, постоянный, а лѣтомъ я живу въ деревнѣ, отвѣчалъ молодой человекъ улыбувшись.

Наступило молчаніе.

Александрина не находила что говорить, потому-что терпѣть не могла пустыхъ и пошлыхъ разговоровъ, а Одоевъ, пользуясь минутой, въ которую дѣвушка опустила глаза, углубился въ созерцаніе.

Но молчаніе надо же было прервать, и потому Александрина, стараясь побѣдить отвращеніе свое къ фразамъ, расточаемымъ въ изобиліи въ пустыхъ бесѣдахъ, спросила:

— Какъ вамъ нравятся наши увеселенія?

— Увеселенія? какого рода? спросилъ Одоевъ.

— Всѣ вообще: балы, концерты, спектакли?

— На первыхъ я обыкновенно скучаю, потому-что не люблю танцевать; на вторыхъ бываю не часто, потому-что не знатокъ въ музыкѣ, а третьихъ также избѣгаю по возможности, потому-что не нахожу удовольствія просидѣть нѣсколько часовъ сряду въ душной залѣ, чтобъ смотрѣть вздорныя пьесы. У меня есть, впрочемъ, абонированное кресло, но я предоставляю его желающимъ, и готовъ платить вдесятеро, только чтобъ меня избавили отъ подобной пытки.

Сардоническая улыбка едва замѣтно проскользнула по тонкимъ губамъ Александрины. Такое фанфаронство не понравилось ей. Эта улыбка мелькнула подобно молціи, а между тѣмъ, какъ много она выразила! Она обнаружила въ одно и то же время сожалѣніе и насмѣшку; она явно говорила: «какъ ты смѣшонъ, какъ ты жалокъ!»

Опытный фізіономистъ Одоевъ, казалось, понялъ ее вполне, и желая загладить невыгодное впечатлѣніе, которое произвелъ на дѣвушку успѣшилъ прибавить:

— Впрочемъ, все зависитъ оттого, въ какомъ я расположеніи духа. Иногда, чтобъ убить время, я не пренебрегаю и театромъ. Одно, что я люблю, люблю исключительно—это маскарады.

И онъ устремилъ на нее такой пытливый взоръ, что она не могла выдержать его и опустила вѣки.

«Неужели онъ узналъ меня?» подумала дѣвушка съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Не можетъ быть: мы были слишкомъ неприступны. Я не говорила съ нимъ и не снимала маски.

— Маскарады, повторила она вслухъ, нисколько не сконфузивъ.

шись, но появляя однако вполне этот мѣткій намекъ. Какое же удовольствіе вы находите тамъ?

— О, весьма большое! Я увѣренъ, что еслибы вы посѣщали маскарады, вы раздѣляли бы мое мнѣніе. Маскарадъ тѣмъ пріятенъ, что именно тамъ можно встрѣтить лица, которыми интересуешься и которыхъ по какимъ либо обстоятельствамъ не встрѣчаешь въ обществѣ. Тамъ можно говорить многое, говорить все, что вамъ вздумается, можно высказать множество истинъ, можно услышать много забавнаго и занимательнаго, можно избрать себѣ въ собесѣдники кого вамъ угодно, и наконецъ интриговать всѣхъ безъ разбора. Маска имѣетъ свои привилегіи.

— Да, сказала Александрина: многіе подтверждаютъ это мнѣніе, но я не раздѣляю его. Я была въ маскарадѣ одинъ разъ въ жизни, изъ пустаго любопытства, провела тамъ нѣсколько минутъ и скучала смертельно. Правда, иные ѣздятъ туда, чтобъ убить время; но можно убить его инымъ образомъ. Люди изобрѣтательны; у нихъ много средствъ къ тому.

Это была она, непременно она, подумалъ съ восторгомъ Одоевъ: теперь уже нѣтъ никакихъ сомнѣній. Открытіе сдѣлано; надо только приступить къ завоеванію сердца, и какъ можно скорѣе и ловче.

Послѣ минутнаго молчанія онъ спросилъ:

— Такъ вамъ не нравятся маскарады?

— Нѣтъ, не нравятся.

— Вы, стало быть, любите тотъ ограниченный образъ жизни, который французы называютъ «vie privée»?

— Да, я предпочитаю его и даже вовсе не люблю выѣзжать. Мнѣ дома какъ-то веселѣе. Впрочемъ, это не удивительно: я порядочная домохозяйка, прибавила Александрина, засмѣявшись.

— Слѣдовательно, если я не ошибаюсь, сказалъ Одоевъ, едва скрывая удивленіе свое при подобномъ сужденіи дѣвушки, сужденіи для него совершенно новомъ, вы занимаетесь вещами болѣе серьезными?

— О нѣтъ, не всегда. Я отдаю, однакоже, преимущество чтенію. Теперь, особенно, у меня есть прекрасныя книги.

— Какія же именно?

— Романъ Александра Дюма, Вы не читали ихъ?

— Началъ когда-то, но не кончилъ Дюма написалъ такое несметное количество томовъ, что я прочелъ нѣсколько и потомъ бросилъ.

— Онъ пишетъ много, это правдз, но зато пишетъ мастерски, сказала Александрина, всегда горячо державшая сторону этого автора.

Какъ интересно у него самое ничтожное лицо, какъ занимательно самое безцвѣтное приключеніе.

Одоевъ хотѣлъ отвѣчать, но на порогѣ показалась Прасковья Никитична и Mariette.

Обѣ были въ шляпкахъ и, несмотря на мартъ мѣсяць, у каждой было въ рукахъ по зонтику. Богъ ихъ знаетъ, для какого употребленія они были вынуты изъ чухловъ: отъ дождя или отъ солнца? Трудно было рѣшить это, потому—что на улицѣ не было ни того, ни другаго.

Одоевъ былъ весьма неприятно прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, и искренно пожалѣлъ о непродолжительности его. Александрина говорила для него такъ ново, и при всемъ томъ такъ неоспоримо просто, что ему казалось, что онъ давно знакомъ съ нею.

Одоевъ наслаждался вполне и оказывалъ словамъ ея вниманіе, котораго другому трудно было бы добиться отъ него, и вдругъ увидѣлъ двухъ дамъ, разодѣтыхъ какъ куколь, и явившихся, точно на зло, чтобъ не во—время прекратить бесѣду ихъ. Переходъ былъ чувствителенъ.

Сергѣй Петровичъ счелъ однакоже за нужное пріятно улыбнуться, чтобъ скрыть свою досаду и подошелъ къ нимъ тотчасъ же съ какою—то сахарною фразой на устахъ.

— Я васъ очень благодарю за ваше посѣщеніе, масье Одоевъ, сказала Прасковья Никитична, опускаясь на диванъ. *Vous êtes bien aimable...*

— Жаль только, что вы предпочли явиться къ намъ съ церемоннымъ визитомъ, подхватила Mariette. Я врагъ всѣхъ церемонныхъ визитовъ; и вы доставили бы намъ гораздо болѣе удовольствія, еслибъ пріѣхали за—просто провести съ нами день.

Одоевъ поклонился.

— Я не замедлю сдѣлать это впредь, если вы позволите, отвѣчалъ онъ. Сегодня же это было бы весьма некстати, потому—что я задержалъ бы васъ и отвлекъ отъ намѣренія выѣхать. Не должно употреблять снисхожденія во зло.

— Что это, теорія или аксіома? спросила Mariette усмѣхнувшись.

— Ни то, ни другое, сказалъ Одоевъ, взглянувъ на нее съ нѣкоторымъ изумленіемъ: это истина, доказанная неоднократно на дѣлѣ.

— Ваша истина очень нелюбезна. По—моему такъ должно имѣть снисхожденіе къ тѣмъ, кто васъ проситъ, а не отказывать наотрѣзъ.

— Какова у насъ погода? сказала Прасковья Никитична. Нельзя ѣздить ни въ саняхъ, ни на колесахъ. Нашъ климатъ день отъ дня становится хуже!

— Онъ никогда, кажется, и не былъ хорошъ, сказала Mariette, сдѣлавъ гримаску. Осень была дурная, зима дурная, весна дурная; одна надежда на лѣто, если оно, противъ обыкновенія, у насъ будетъ.

— А гдѣ вы намѣрены провести его нынче? спросилъ Одоевъ.

— На Петергофской дорогѣ. Мы всегда тамъ живемъ; у насъ своя дача на седьмой верстѣ. А вы?

— Я желалъ бы отправиться мѣсяца на три къ матушкѣ въ деревню. Я давно съ нею не видался и уже лѣтъ восемь какъ не былъ тамъ.

— Въ какой губерніи ваша деревня?

— Въ Ярославской. Вотъ чудная жизнь! Какіе тамъ лѣса, сколько дичи! Я страстный любитель охоты и рассчитываю на нее съ большимъ наслажденіемъ.

Разговоръ продолжалъ вертѣться на предметахъ незначущихъ, измѣняясь безирестанно и сохраняя то пустое направленіе, которое обыкновенно принимаетъ при первой встрѣчѣ.

Во все это время Александрина не вылегла ни одного слова и сидѣла неподвижно на мѣстѣ своемъ, ограничиваясь только тѣмъ, что слушала разсѣянно. Странно было видѣть эту дѣвушку въ безмолвномъ оцѣпенѣніи и смотрѣть на ея безстрастное лицо, еще недавно милое и пріятливое, но вдругъ превратившееся въ холодное и равнодушное. Взглянувъ на нее, можно было подумать, что она была въ этой комнатѣ ничто иное, какъ мебель: никто не обращалъ на нее даже тѣни вниманія.

Пробило половина четвертаго.

Одоевъ всталъ и началъ собираться домой. Прасковья Никитична возобновила свои просьбы посѣщать ихъ, и просила его обѣдать въ слѣдующій понедѣльникъ. Послѣ чего всѣ встали и вышли изъ гостиной.

Александрина слегка кивнула ему головой, въ знакъ прощанія, и медленными шагами пошла по комнатамъ, гдѣ вскорѣ скрылась въ длинной анфиладѣ ихъ.

Одоевъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, взглянувъ бѣгло на ея покорный видъ, на ея плавную походку—и ему стало больно и неловко, точно что-то кольнуло его въ сердце.

Высокій лакей подалъ Прасковѣ Никитичнѣ бархатный салопоъ на мѣху изъ черныхъ лисицъ, Mariette—легонькій бурнусъ, и побѣжалъ отворять дверцы кареты.

Одоевъ посадилъ въ нее дамъ, вскочилъ въ свои сани и оба экипажа помчались въ разныя стороны.

V.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Случалось ли вамъ когда нибудь, благосклонный читатель, имѣть въ виду какой нибудь проектъ, проектъ важный и заманчивый, и быть принужденнымъ отложить его на довольно долгое, а иногда и на неопредѣленное время? Или желать чего нибудь сильно и горячо, и видѣть это желаніе зарытымъ въ долгій ящикъ? И кипить въ васъ тогда негодованіе, бушуетъ неистово ваше обманутое самолюбіе, какъ-то фальшиво звучитъ ловко затронутая струна его. Что тутъ прикажете дѣлать? Какъ оборониться отъ нападеній фортуны? Какъ достигнуть своей цѣли? Какъ опрокинуть непрощенную преграду? Многіе утверждаютъ, что на это есть два средства: первое—благоразуміе, второе—сила воли. А извольте-ка попробовать эти средства, да при первой явившейся неожиданно оказіи, пустить ихъ въ ходъ, и посмотрите тогда, къ чему послужитъ вамъ ваше благоразуміе и ваша великая сила воли. Попробуйте испытать любое, и вы убѣдитесь, что ни то, ни другое ровно нигуда не годятся.

Такъ было и съ Одоевымъ. Онъ пользовался вполне приглашеніями, которыя не переставали сыпаться на него щедро, и часто бывалъ у Губкиныхъ.

Не понимая, почему ему тамъ нравилось и что его тянуло туда, тѣмъ болѣе, что сама Прасковья Никитична, по его собственному выраженію, была «дура набитая;» мужъ ея—«грамотный мужикъ, надутый спесью;» д очь ихъ—«хорошо вышколенный попугай,» а Александрина всегда такъ отдалена отъ нихъ, всегда въ такомъ загонѣ, что съ нею нельзя было обмѣнять двухъ словъ.

Онъ возобновлялъ посѣщенія свои по возможности и, противъ всякаго ожиданія, проводилъ время пріятно. У нихъ обыкновенно собирались по пятницамъ; въ прочіе же дни рѣдко кого принимали, кромѣ Одоева, да какого-то барона фонъ Штубенказе, который страшно ухаживалъ за Марьей Семеновной и ужасно надоѣдалъ ей своими любезностями, а Одоева бѣсилъ этимъ до невѣроятія.

Mariette была музыкантша. За ея уроки много было переплачено денегъ, и потому она хорошо играла на роялѣ. Она любила похвастать своими познаніями, говорила безъ умолку, когда представлялся къ тому удобный случай, и, какъ говорится, умѣла пускать пыль въ глаза.

Губкины жили открыто; прислуги у нихъ было пропасть; начиная отъ самой бездѣлицы, все у нихъ дѣлалось по модѣ. Они обѣдали въ

шесть часовъ, чай пили въ десять, спать ложились въ два, вставали въ двѣнадцатомъ, и оттого весь день у нихъ былъ наизнанку.

Вечеромъ Семенъ Оаденчъ убирался во-своеси и не показывался вплоть до чая, а молодежь, то есть Mariette и Сергѣй Петровичъ, принимались за музыку. Mariette пѣла отрывки изъ итальянскихъ арій, Одоевъ аккомпанировалъ ей; Прасковья же Никитична усаживалась въ вольтерово кресло и сидѣла въ немъ въ какой-то полудремотѣ, забавляясь, отъ нѣчего дѣлать, съ маленькою болонкой, называемою романтическимъ именемъ «Монтальта», заимствованнымъ изъ какого-то романа; Александрина обыкновенно работала гдѣ нибудь въ сторонѣ, при свѣтѣ лампы; баронъ зѣвалъ въ углу, испуская ежеминутно страшные вздохи.

Время шло быстро. Наступилъ май мѣсяцъ; сухіе сучья начали пускаться отпрыски; грязь съ шумомъ скатилась въ канавы; Петербургъ значительно опустѣлъ, но зато острова и загородныя мѣста наводнились дачниками. Губкины также переѣхали на дачу, но Одоевъ не тужилъ о томъ; онъ продолжалъ бывать у нихъ такъ же часто, а именно: раза два, или даже три въ недѣлю, выбирая, само собою разумѣется, хорошую погоду, чтобы не упустить случая погулять съ Марьей Семеновной по саду, куда, къ вѣщему удовольствію его, Александрина, какъ *компаньонка*, обязана была сопутствовать имъ.

Онъ старался сдѣлать разговоръ общимъ, съ неподражаемымъ умѣньемъ поддерживая его такъ, что обѣ дѣвушки принуждены были принимать въ немъ участіе. Александрина говорила умно, судила о вещахъ положительно и имѣла обо всемъ то высокое понятіе, ту строгую, глубоко основную идею, которая пріобрѣтается только съ годами, которую постигаютъ люди много страдавшіе, испытанные жизнью.

Одоевъ дивился и не постигалъ; откуда берется у нея такой вѣрный взглядъ, откуда это твердое убѣжденіе въ истинѣ сказаннаго, откуда столько опытности въ эти годы? Малѣйшее замѣчаніе ея было такъ изучено, такъ глубоко обдуманно, такъ совершенно, что онъ слушалъ ее не иначе, какъ съ невольнымъ уваженіемъ. Онъ явно ухаживалъ за Mariette, или, вѣрнѣе, за цифрой ея капитала, вожделѣнной принадлежности ея будущаго мужа, но сердце влекло его къ Александринѣ, этой чудной, загадочной дѣвушкѣ, такъ мало походившей на тѣхъ, которыхъ до сихъ поръ встрѣчалъ онъ.

Прикидываясь влюбленнымъ въ Mariette, проводя съ нею цѣлые вечера, напѣвая ей комплименты, онъ не переставалъ думать о компаньонкѣ. Бѣдная Mariette! ослѣпленная собственными чувствами, она, привязываясь къ нему все болѣе и болѣе, не подозрѣвала ка-

кую жалкую роль онъ заставлялъ ее играть. Еслибъ онъ имѣлъ неосторожность оказывать Александриѣ болѣе вниманія, нежели того требовало общежитіе, онъ зналъ, что его не стали бы принимать, и кромѣ того, Александра дорого поплатилась бы за свою неумышленную побѣду. Другимъ путемъ, болѣе вѣрнымъ, проложилъ онъ себѣ дорогу въ этотъ домъ, гдѣ Mariette, какъ комета, влачила за собою длинный хвостъ поклонниковъ. Онъ могъ присоединиться къ числу ихъ, могъ догнать или опередить ихъ, смотря по обстоятельствамъ, или собственному желанію; но Александра была тутъ на другихъ условіяхъ, слѣдовательно, надо было дѣйствовать осторожно. Часто искалъ онъ случая застать ее какъ нибудь наединѣ, чтобъ высказать ей все, что онъ чувствовалъ, но дѣвушка ловко оборонялась и избѣгала встрѣчи съ нимъ съ пастойчивостью, крайне сердившею нашего героя.

Онъ видѣлъ, что предпринималъ невозможное, видѣлъ, что если ходъ дѣлъ будетъ продолжаться такимъ образомъ, то онъ никогда не достигнетъ своей цѣли, и потому рѣшился придумать другое средство. Невыносимая досада терзала его при мысли, что эта бѣдная компаньонка, неимѣвшая никакихъ видовъ на будущность, пренебрегаетъ его любовью до такой степени, что не оказываетъ ему ничего: ни вниманія, ни отвращенія, но остается непоколебима неприступна, и ускользаетъ отъ него всякій разъ, когда онъ вздумаетъ подойти къ ней слишкомъ близко.

Задумывая свой будущій подвигъ, Одоевъ не воображалъ даже возможности неудачъ, тѣмъ болѣе, что никогда не зналъ ихъ, а побѣды доставались ему такъ легко. Онъ часто спрашивалъ себя: что такое была Александра? Была-ли она дѣйствительно одно изъ тѣхъ безчувственныхъ созданій, которыя пресмыкаются на землѣ подобно насекомому и живутъ на ней безъ привязанностей, безъ всякихъ ощущеній? Или подъ личиною холодности и равнодушія она скрывала настоящія чувства? Была-ли она только скрытна, или все дѣйствія ея были ничто иное какъ маска?

Одоевъ долго думалъ, да гадалъ, но на этотъ разъ соображеніе отказало ему въ обычной услугѣ, что, однакоже не помѣшало ему сдѣлать два заключенія: первое, что Александра была дѣвушка съ величайшими достоинствами, второе, что она самая жесточайшая кокетка, находившая удовольствіе мучить его, чтобъ потомъ торжество ея было полнѣе. Впрочемъ послѣднее мнѣніе свое онъ ни на чемъ не основывалъ, потому что Александра была со всѣми точно такъ же холодна и равнодушна, а комплиментъ каждому мужчине, комплиментъ, который любая женщина, какъ бы безчувственна она ни была, принимаетъ съ

явнымъ удовольствіемъ, Александрина выслушивала почти нѣ-хотя, и отвѣчала какою-то насмѣшливою, даже презрительною улыбкой.

Одоевъ старался всѣми силами сдернуть эту загадочную оболочку, но въ продолженіе семи недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ нею, отношенія ихъ не подвинулись ни на шагъ.

Лѣто было чудное. Онъ получилъ письмо отъ матери, которая просила его пріѣхать съ ней повидаться. Сказать правду, ему было теперь вовсе не до отъѣзда изъ столицы. Но дѣлать было нечего; онъ еще зимою обѣщалъ пріѣхать къ ней погостить, слѣдовательно, ѣхать было надо. Онъ взялъ подорожную почтовыхъ и поскакалъ въ деревню, разумѣется, не безъ сожалѣній и вздоховъ, но по крайней мѣрѣ, съ надеждою на скорое возвращеніе и съ твердымъ намѣреніемъ утanutъ еще сколько нибудь деньковъ изъ срока, назначеннаго для прожитія подлѣ кровомъ родныхъ пенатовъ.

Прежде онъ радовался этой поѣздкѣ: ему все такъ надоѣло, что онъ желалъ поскорѣе отдохнуть отъ своей взбалмошной жизни; но теперь онъ проклиналъ глупую идею: «забѣгъся въ деревню, когда можно пожуировать въ городѣ». Онъ выѣхалъ въ послѣднихъ числахъ іюля, а возвратился въ половинѣ сентября.

Губкиныхъ не было уже на дачѣ. Онъ явился къ нимъ на другой день; его приняли съ тѣмъ же радушіемъ, съ тѣми же знаками дружбы; но Александрина не показывалась вовсе, а въ обращеніи Марьи Семеновны просвѣчивалась какая-то холодная принужденность.

Не постигая причины внезапной переменны, Одоевъ принялся пріискивать ее, но пріискивалъ напрасно: не смотря на всѣ усилія онъ ея не нашелъ. Однакожъ онъ все-таки продолжалъ по прежнему бывать у нихъ часто, навѣщалъ ихъ почти ежедневно, особенно вечера проводилъ почти всегда съ ними, но игра-ли случая, умысленность-ли хозяйки, только Александрина онъ не видалъ совсѣмъ, а если она и показывалась, то на такое короткое время, что невозможно было не только отнестись къ ней съ какимъ нибудь вопросомъ, но даже обмѣнять двухъ словъ мимоходомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ показать неудовольствіе свое, слѣдовательно, дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Любилъ ли онъ дѣйствительно Александрина, или чувство его было ничто иное, какъ капризъ, или новая прихоть? Этому вопроса онъ не задавалъ себѣ. Только, когда въ ближней комнатѣ раздавался нѣжный голосъ дѣвушки, онъ жадно прислушивался къ нему, и когда кто нибудь входилъ, взоръ его съ безпокойнымъ ожиданіемъ устремлялся на дверь.

Разговаривая съ гостями, Прасковья Никитична прилежно наблюда-

ла за нимъ; отъ проницательнаго взора ея ничто не могло укрыться; но хотя продѣлки эти повторялись ежедневно, однако для прочихъ они оставались покрытыми мракомъ неизвѣстности, благодаря неусыпной предусмотрительности Губкиной.

Отъ всѣхъ этихъ неудачъ чувства Одоева къ Александрицѣ не измѣнились ни сколько, напротивъ, подобно волкану разгорались день отъ дня все сильнѣе. Неудачи только воспаляли его возрастающую страсть, а бдительность Прасковьи Никитичны онъ проклиналъ отъ всей души. Онъ горячо желалъ какъ нибудь объясниться съ Александриной и, наперекоръ возстающимъ противъ него препятствіямъ даже самой Прасковьи Никитичнѣ, далъ себѣ слово хоть письменно молить ее о свиданіи. А что скажетъ на это Губкинъ, какія приметъ тогда мѣры, до этого ему нѣтъ теперь ровно никакого дѣла. Пусть дуется на него Mariette, пусть сама Губкина лопнетъ съ досады, пусть обѣ думаютъ что хотятъ, пусть говорятъ что хотятъ, лишь бы только его оставили въ покоѣ.

Однажды, это было во вторникъ, Сергѣй Петровичъ лежалъ на своемъ турецкомъ диванѣ и крѣпко хандрилъ. Въ рукахъ у него была газета; онъ разсѣянно глядѣлъ на фельетонъ, въ которомъ красовались дебюты: Плесси, Вольнисъ, Мартынова и другихъ, и вообще, какъ всѣ фельетоны, наводилъ на него страшную зѣвоту. Жербинъ давно у него не былъ. Что съ нимъ случилось, онъ не могъ понять, потому что Жербинъ не любилъ сидѣть дома и каждый день, отъ нечего дѣлать, объѣзжалъ поочередно извѣстное число знакомыхъ.

Одоевъ велѣлъ заложить лошадь и спросилъ одѣваться. Черезъ полчаса онъ былъ у Жербина, но не засталъ его. Было половина четвертаго, и онъ заключилъ, что, по неизмѣнному и никогда ненарушаемому обычаю, тотъ долженъ быть на Невскомъ. Онъ поскакалъ туда, и дѣйствительно, сойдя съ пролетокъ и пройдя нѣсколько шаговъ по широкому тротуару, онъ увидѣлъ его съ какимъ-то толстымъ господиномъ, говорившемъ очень громко по-французски, и немилосердо картавившемъ на каждомъ словѣ.

Туалетъ Жербина былъ по обыкновенію изященъ: на немъ было надѣто синее пальто, очень коротенькое, то есть не достававшее до колѣнъ, такъ что, еслибъ случилось увидѣть его какому нибудь заѣзжему провинціалу, тотъ счелъ бы это пальто ужъ никакъ не за пальто, а скорѣе за курточку; галстухъ Жербина былъ самый модный, то есть также довольно короткій или, вѣрнѣе, узкій, отчего верхняя часть шеи его оставалась незакрытою; тонкіе полотняные маншеты выглядывали изъ-подъ рукавовъ; панталоны были свѣтло-сѣрые безъ

штрипокъ, вольно падающіе на лакированныя ботинки, на которыхъ солнце отражало свое ослѣпительное сіяніе; и наконецъ, квадратное стеклышко, служившее ему вмѣсто лорнета, было воткнуто въ нѣсколько прищуренный глазъ и эластическій снурокъ своенравно болтался по лицу.

Увидя Одоева, онъ раскланялся съ толстякомъ, который пошелъ въ кондитерскую.

— Гдѣ это ты пропадалъ? сказалъ Жербинъ, подходя къ нему.

— Вотъ прекрасно! Это надо у тебя спросить. Отчего тебя нигдѣ не видно?

— Занятъ, братецъ. Нынче мнѣ некогда развѣзжать.

— Ну, а теперь?

— Теперь я гуляю.

— Хорошее занятіе, нечего сказать!

— Гулянье также занятіе. Оно, во-первыхъ, необходимо для здоровья, а во-вторыхъ... во-вторыхъ... ну, да во-вторыхъ слѣдуетъ въ четвертомъ часу быть здѣсь. Весь grand-geuge такъ дѣлаетъ. Это ужъ такъ принято.

Одоевъ засмѣялся.

— Ты, братецъ, просто помѣшался на твоёмъ grand-geuge, сказалъ онъ: ты только имъ и бредишь. Однако, здѣсь нестерпимо жарко... пойдемъ въ пассажъ.

Пріятели взошли по ступенькамъ и, взявшись подъ руку, мелкими шагами пошли по ненатертому паркетному полу, мимо всевозможныхъ магазиновъ, разсуждая о всякомъ вздорѣ и поминутно раскланиваясь на всѣ стороны.

— Скажи пожалуйста, братецъ, спросилъ Василій Дмитріевичъ, въ кого ты влюбленъ? въ Марью Семеновну или въ Александрину?

Одоевъ пристально и вмѣстѣ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Я? влюбленъ? повторилъ онъ протяжно и дѣлая удареніе на каждомъ словѣ. Я влюбленъ! Съ чего ты это взялъ?

— Съ того, съ чего всѣ берутъ. Объ этомъ весь городъ говоритъ теперь, а ты ни съ того, ни съ сего вздумалъ секретничать, воображая, что я ничего не знаю.

— Нечего секретничать, потому что это все вздоръ.

— Какой тутъ вздоръ, не вздоръ, если я тебѣ говорю, что самъ слышалъ разные толки собственными ушами.

— Отъ кого же?

— Ужъ это не твое дѣло; слышалъ, да и все тутъ.

— У тебя изобрѣтательное воображеніе.

— Скажи еще, что, ты не бываешь каждый день у Губинныхъ, не просиживаешь тамъ вечера, не караулишь, какъ какой нибудь аркадскій пастушокъ, которой нибудь изъ этихъ нимфъ?

— Пустяки! Впрочемъ, что удивляться! Твои предположенія всегда въ такомъ родѣ.

— Это не предположеніе, а фактъ, чтожъ дѣлать! ужъ у меня такое правило говорить всегда прямо. Однако, братецъ, сердись не сердись, а эта m-ле Александрина также порядкомъ задѣла твою неприступную философію, и покорила наконецъ твое непокоримое сердце. Что, не права? спросилъ Жербинъ, и не дожидаясь отвѣта, самъ отвѣчалъ за пріятеля:

— Сущая правда. Хоть сей часъ держать пари готовъ на полдюжины шампанскаго.

— Смотри, проиграешь.

— Никакъ не проиграю. Вѣдь я знаю, что ты за ней волочишься, это извѣстно всемъ и каждому. Ну, да это въ сторону, а дѣло въ томъ, что Прасковья Шикитична какъ-то это пронохала; ей это пришло въ голову, потому что ея возлюбленная дочка отъ тебя безъ ума; вслѣдствіе чего Александринѣ объявлено самымъ, впрочемъ, деликатнымъ образомъ, что когда у нихъ бываютъ гости, или даже кто нибудь изъ ежещевныхъ посѣтителей, такъ чтобъ она оставалась въ своей комнатѣ; что ее не хотятъ стѣснять, зная какъ она любитъ уединеніе, что ей у себя будетъ лучше нежели съ посторонними, и тому подобное.

— Неужели? спросилъ Одоевъ съ негодованіемъ. То-то ее нынче совсемъ не видно.

— Впрочемъ, я ужъ говорилъ тебѣ, что у нея ни гроша, а жениться изъ одного хорошенькаго личика вовсе не кстати; она не заплатить долговъ твоихъ, да и нынче подобныя сантиментальности какъ-то устарѣли. Вотъ на Mariette, такъ другое дѣло; по крайней мѣрѣ это болѣе сообразно.

— Жениться, повторилъ Одоевъ, — мнѣ жениться? Ты шутишь, Жербинъ!

— Нисколько. Когда нибудь надо же этия кончить, а теперь для этого случай самый удобный.

— Когда нибудь, да не теперь. Теперь еще слишкомъ рано. Вотъ когда стукнетъ сорокъ съ чѣмъ нибудь, тогда, пожалуй, можно, а до тѣхъ поръ надо еще подождать; молодость бываетъ однажды.

— А я советую тебѣ поторопиться, продолжалъ Жербинъ, не замѣчая грустной и вмѣстѣ наемѣшливой улыбки, блуждавшей на устахъ

его друга: не то берегись: тамъ ужъ есть теперь на лицо толстый баронъ фонъ Штубенказе, постоянный вздохатель по Марьѣ Семеновѣ. Онъ какъ разъ перебьетъ ее у тебя, несмотря на то, что, кромѣ краснаго носа да сѣдыхъ волосъ, у него нѣтъ ровно ничего. Онъ все таки баронъ, а Губкинъ помѣшанъ на баронствѣ; самому нельзя попасть въ бароны, такъ хоть дочку выдастъ, все таки родня будетъ баронская.

— Съѣздить развѣ къ нимъ сегодня? я вчера у нихъ не былъ, третьяго дня также. Что они про меня подумаютъ?

— Да ихъ сегодня дома нѣтъ, они въ театрѣ.

Одоевъ быстро и пристально взглянулъ на Жербина.

— Все? спросилъ онъ какимъ-то странно рѣзкимъ тономъ.

— Разумѣется все, кромѣ Александрины.

— Какъ? Александрина дома!

— Конечно. Развѣ ты не знаешь, что она не любитъ ничего на свѣтѣ и сидитъ у себя въ каморкѣ, какъ какая нибудь отшельница.

Сергѣй Петровичъ поспѣшно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ молча показалъ ихъ пріятелю.

— Гдѣ ты сегодня обѣдаешь? спросилъ послѣдній.

— У Свѣтковыхъ. А ты?

— Въ клубѣ.

Оба сошли съ подъѣзда. Одоевъ взявъ у кучера шинель, надѣлъ ее, вскочилъ на свои щегольскія пролетки, потомъ кивнулъ головою Жербину. Пролетки понеслись по мостовой и вскорѣ скрылись за Аничковымъ мостомъ.

«Чудакъ этотъ Одоевъ, подумалъ Жербинъ уѣзжая: вздумалъ же влюбиться въ компаньонку, влюбиться какъ школьникъ, и вздыхаетъ теперь съ утра до вечера».

VI.

НЕЖДАННЫЙ ВИЗИТЪ.

Былъ вечеръ. Домъ Семена Оадеевича и Прасковьи Никитичны Губкинныхъ былъ слабо освѣщенъ; разставленные изрѣдка лампы и опущенныя шторы свидѣтельствовали объ отсутствіи хозяевъ.

Одинокое сидѣла Александрина въ своей комнатѣ, опершись локтемъ на овальный столъ, на которомъ горѣли двѣ стеариновые свѣчи, бросающія матовый свѣтъ на блѣдное, выразительное лицо дѣвушки. Передъ нею лежала раскрытая книга, но она не читала ее, а смотрѣла прямо на противоположную стѣну, неподвижно поднявъ вѣки, и по

временамъ опуская ихъ и замуривая темно-голубые глаза, утомленные долгимъ напряженіемъ. Лѣвая рука ея, брошенная на диванъ, оставалась постоянно въ одномъ положеніи, и только изрѣдка пальцы ея судорожно и безжалостно мяти батистовый платокъ. Александрина была чудно хороша въ этотъ вечеръ: на ней было гороховое кисейное платье съ двумя пышными волнами, окаймленными широкимъ голубымъ бортомъ; сборчатый лифъ, стянутый голубымъ кушакомъ, драпировалъ ея высокую грудь: изъ-подъ рукавовъ, узкихъ около плечъ и широкихъ внизу, также обшитыхъ двумя фалбелками, на которыхъ кайма была гораздо уже, выскладывали иѣжныя, прекрасно округленные руки, которыхъ бѣлизна была ослѣпительна; ноги ея были протянуты и, скрещенныя, покоились на коврѣ.

Александрина была прелестна, и при всемъ томъ никто не повѣрилъ бы, что ей было не съ большимъ двадцать лѣтъ. Въ эту минуту ей было на видъ по крайней мѣрѣ сорокъ; никто не повѣрилъ бы, что это была одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ беззаботная молодость мирно и незамѣтно протекаетъ въ тѣсномъ кружкѣ любящихъ изъ существъ; никто не сдѣлалъ бы такой грубой ошибки, но каждый съ перваго взгляда угадалъ бы истину, потому что увидѣлъ бы передъ собою не дѣвушку, но скорѣе женщину, женщину, испытанную рокомъ, борющуюся съ самой собою и подавленную, или, вѣрнѣе, убитую всѣ страсти свои. Трудно изъяснить словами, что выражало теперь это умное и выскетъ гордое лицо: оно выражало и презрѣніе, и отвращеніе, и ненависть, и душевную скорбь, а потомъ, порою, на немъ вдругъ проглядывало совершенное равнодушіе, совершенное спокойствіе, совершенная безчувственность, хотя глаза мрачно сверкали, хотя брови были слегка сдвинуты, хотя губы были судорожно сжаты, хотя на наморщенномъ лбу едва замѣтно пробѣгала легкая морщина.

Тишина царствовала кругомъ. Домъ былъ совершенно пустъ, только два или три лакея дремали въ швейцарской.

Несмотря на зажженные фонари, на улицѣ было темно. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно Александрининой комнаты, и мертвые лучи его, рисуя на полу фантастическія фигуры, отражались на висѣвшемъ насупротивъ зеркалѣ.

Въ этой комнатѣ не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда роскоши. Тутъ все было просто, почти необходимое. Зеленая драдемамовая занавѣска пересѣкала комнату отъ одного конца до другаго; такая же была на дверяхъ, такая же на окнахъ; небольшая кушетка, на которой сидѣла Александрина, передъ нею овальный столъ на низенькихъ ножкахъ; маленькій письменный столъ у лѣвой стѣны, около потухающаго

кампа; восемь кресель и четыре стула на пружинахъ; пальцы ореховаго дерева съ бронзовыми винтами, покрытые тонкою простыней; под ними высокая плетеная, подбитая красною тафтой корзинка съ шерстями; два дагеротипные портрета, висѣвшіе надъ кушеткой — вотъ все, что тутъ было.

Безконечно долго тянулся вечеръ, а между тѣмъ часы летѣли одинъ за другимъ, но Александрина не замѣчала этого. Она сохраняла свою безмолвную неподвижность; ни одинъ членъ ея не пошевелился, и только голова, опущенная на ладонь, по временамъ откидывалась назадъ. Холодно, почти безжизненно было лицо ея; но несмотря на эту безжизненность, сколько оно выражало! Какая глубокая дума, какая безпредѣльная грусть просвѣчивала безсознательно въ этихъ темныхъ глазахъ!

— Peut-on entrer, mademoiselle? раздался голосъ за портьерой, которая осторожно приподнялась, и прежде нежели дѣвушка успѣла опомниться, Одоевъ очутился передъ нею.

Она вздрогнула и слегка покраснѣла, не зная, чему приписать этотъ поздній визитъ. Въ эту минуту онъ былъ ей вовсе не по сердцу.

— Куда это ваши уѣхали? спросилъ Одоевъ, садясь противъ дѣвушки и прикидываясь, что ничего не знаетъ. Я думалъ застать ихъ, а вышло наоборотъ. Это предосадно!

— Развѣ вы забыли, что сегодня пятница? отвѣчала Александрина, улыбнувшись едва замѣтно.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Сегодня вѣдь даютъ Семирамиду. Вотъ несносная память! Вѣчно все перезабуду.... Что съ вами, Александра Васильевна, вскричалъ съ безпокойствомъ молодой человекъ, пораженный и встревоженный ея разстроеннымъ видомъ и смертельною блѣдностью. Бога ради, скажите мнѣ, не случилось-ли чего нибудь съ вами?

Но лицо Александрины, точно по какому нибудь волшебству, вдругъ совершенно измѣнилось. Попрежнему было оно теперь безпечно, равнодушно и безстрастно. Ее застали въ расплохъ, но одинъ мигъ — и она опомнилась.

— Что со мною случилось? спросила она, смѣясь. Потрудитесь объяснить мнѣ это сами, потому что, какъ видите, я и здорова, и весела, слѣдовательно рѣшительно не могу отвѣчать на вопросъ вашъ.

Одоевъ пристально взглянулъ на нее и невольно отшатнулся. Эта скрытность, это внезапное спокойствіе, это изумительное умѣнье владѣть собою его совершенно озадачили.

— Полноте хитрить, сказалъ онъ вслухъ. Скрытность съ друзьями — вещь предурная, а для меня, съ вашей стороны, она даже оскор-

бительна. Если я ни въ чемъ не провинился передъ вами и ничѣмъ не заслужилъ вашего гнѣва, скажите мнѣ, что васъ такъ встревожило? прибавилъ онъ съ участіемъ.

Александрина пожала плечами.

— Какъ вы смѣшны, м-г Одоевъ, сказала она. Что же по вашему могло встревожить меня?

— Почему я знаю! Только я никогда не видалъ васъ въ такомъ состояніи, какъ сію минуту. Если вы ничѣмъ не разстроены, отчего же вы не поѣхали въ театръ? продолжалъ онъ съ видомъ упрека. О чемъ вы такъ замечались?

— Я уже видѣла Семпирмиду. Хорошую пьесу, по-моему, должно смотрѣть только одинъ разъ, но не по нѣскольку. Если слишкомъ приглядись къ ней, она не имѣетъ прежней цѣны. Вы видите, что я не скучаю, прибавила Александрина, показывая раскрытую на первыхъ страницахъ книгу

Настушило молчаніе. Нѣсколько минутъ разговоръ не клеился.

Одоевъ былъ на короткой ногѣ съ Губкиными и потому съ нимъ не церемонились. Онъ имѣлъ привилегію бывать у нихъ во всякое время; ему всегда были рады, всегда принимали безъ доклада.

Въ сосѣдней комнатѣ пробило девять.

Съ послѣднимъ ударомъ молотка, Александрина подняла голову.

— Не хотите-ли папирску? спросила она.

— Мегеі, отвѣчалъ Одоевъ, я не курю.

— Вы не курите? повторила съ удивленіемъ Александрина. Давно-ли?

— Съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что вы этого не любите.

Дѣвушка слегка покраснѣла и взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Вы вѣрно боитесь, сказала она, что у меня заболитъ голова отъ табачнаго дыму? Напрасно: дымъ на меня не дѣйствуетъ.

И она взялась за колокольчикъ, чтобъ приказать принесть *porte-cigares* изъ кабинета Семена Фадденча, но Одоевъ остановилъ ее.

— Сегодня я не расположенъ курить, сказалъ онъ. Благодарю васъ.

— Жаль. Вамъ будетъ скучно, а сегодня вы и безъ того уже не въ духѣ.

— Такъ вы думаете, что съ папирской мнѣ будетъ веселье?

— Конечно. Занявшись папирской, вы забудете скуку.

— Скуку! повторилъ молодой человѣкъ машинально. Скука неизбѣжна необходима для каждаго. Можно обойтись безъ многого, но безъ скуки нельзя, потому что ей одной обязаны мы отрадными минутами нашей жизни. Еслибъ у насъ не было скуки, мы не умѣли бы цѣнить отрадныхъ минутъ, которыхъ въ жизни бываетъ немного. Она

заставляет нас цѣнить ихъ дорого и высоко, и потому я заступаюсь за скуку.

— Поневоля, сказала дѣвушка серьезно и посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ. Вамъ вѣдь рѣдко бываетъ весело.

— Вы это замѣтили?

— Конечно. Я васъ почти не видала веселымъ.

— Вы сегодня безчеловѣчны, Александра Васильевна. За что вы такъ нападаете на меня?

Онъ придвинулся къ ней, и неожиданно схватилъ ее за руку.

— Послушайте! вскричалъ онъ: вы ко мнѣ несправедливы! Вы обвиняете меня въ скукѣ, то есть въ неспособіи характерѣ, а знаете ли вы, отчего характеръ этотъ сталъ неспособнымъ? Отчего съ нѣкоторыхъ поръ скука не покидаетъ меня? Оттого, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта дѣвушки, которая быстро выдернула у него руку, оттого, что я такъ рѣдко вижу васъ; оттого, что вы избѣгаете присутствія моего; оттого, что я не могу жить безъ васъ; оттого, что и люблю васъ!

Смутное, правильное лице Одоева выражало безумную страсть. Его голосъ дышалъ неподдѣльною искренностью, черные глаза сверкали какъ раскаленные уголья. Всякая другая дѣвушка смутилась бы при подобномъ признаніи, хотя признаніе это для молоденькой, обладавшей притомъ красивою наружностью, не было бы эпохой. Но Александрина выслушала его повидимому совершенно равнодушно, и устремивъ на молодого человѣка пристальный, почти насмѣшливый взглядъ, сомнительно покачала головой.

— Вы меня любите, проговорила она спокойно. Для меня это не новость.

Одоевъ вскочилъ точно отъ прикосновенія электричества.

— Вы, стало быть, знали, что я люблю васъ! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, не знала. Но предвидѣла вашу фразу, которую, въ продолженіе моей скитальческой жизни, слышала тысячу разъ, которая каждый разъ меня обманывала.

При послѣднемъ словѣ молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ, стиснулъ зубы, провелъ рукою по лбу и опустился на стулъ. Подобнаго отвѣта онъ вовсе не ожидалъ.

— Стало быть, вы любви не вѣрите? спросилъ онъ проницески.

— Нѣтъ, не вѣрю.

— И никогда не вѣрили ей?

— Что за странный вопросъ!

— Неужели вы никогда не любили? продолжалъ Одоевъ, какъ бы

не слыша восклицанія ея. Неужели это чувство для васъ совершенно чуждо?

Александрина принужденно улыбулась.

— Вотъ мило! сказала она. Развѣ я обязана вамъ отчетомъ въ моихъ чувствахъ?

— О, простите меня за нескромность. Она происходитъ не изъ пустаго любопытства. Вы сами сказали мнѣ, что не разъ слышали слово любовь; но неужели ваше сердце ни разу не откликнулось на него? Неужели это слово ни разу не заставило трепетать его? Неужели не могло оно согрѣть его? Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть! Я не вѣрю вамъ; вы клеветеете на себя. Всякій, кто знаетъ васъ, кто видѣлъ васъ хоть мелькомъ, тотъ, подобно мнѣ, не повѣритъ вамъ. Бездушную женщину не возможно любить, а васъ, я увѣренъ, любили многіе. Я самъ, продолжалъ онъ, снова схвативъ ея руку: я самъ люблю васъ какъ безумецъ! такъ люблю, что не могу жить безъ васъ! За одно ваше слово, за одинъ взглядъ я готовъ отдать полжизни!

Александрина отняла руку свою, скрестила обѣ руки на груди и отодвинулась.

— Я давно люблю васъ, люблю горячо, безпредѣльно, а отъ васъ не видѣлъ еще ничего, кромѣ равнодушія, даже презрѣнія. Вы находите удовольствіе въ моихъ страданіяхъ, вы отвергаете любовь мою, вы безжалостно отталкиваете мое бѣдное сердце, которое бьется только для васъ. Александрина, Александрина! Сжальтесь падо мною, не будьте неумолимы!

И его блестящій, пламенный взглядъ страстно впился въ задумчивое личико дѣвушки.

Съ минуту сидѣла она, храня глубокое молчаніе, потомъ грустно улыбулась.

— Вы обманываете себя, проговорила она медленно. Вамъ не за что любить меня.

Какимъ ѣдкимъ сарказмомъ дышала эта простая, короткая фраза! какая ужасная иронія проглядывала въ каждомъ слогѣ ея! Но, чтобъ имѣть идею объ этомъ сарказмѣ, объ этой ироніи, надо было видѣть ту минуту, которая, подобно летучему метеору скользнула, на выразительныхъ устахъ дѣвушки.

Мы не беремся описывать, какое магическое дѣйствіе произвела эта фраза на Одоева. Вполнѣ постигнувъ на что намекала Александрина, онъ поблѣднѣлъ, въ свою очередь пожалъ плечами и облокотился на спинку кресла.

— Не думалъ я слышать отъ васъ подобнаго отвѣта, сказалъ онъ

съ колкостью. Не берусь разбирать настоящаго смысла его, потому что, если начать разбирать его, онъ можетъ внушить невыгодное мнѣніе о той, чьи уста произнесли его.

Дѣвушка выпрямилась. Въ глазахъ ея блеснула молнія.

— Что это? Вы, кажется, говорите дерзости? сказала она надменно.

— Человѣкъ благомыслящій и воспитанный слишкомъ хорошо знаетъ долгъ уваженія, которымъ обязанъ онъ женщинамъ. Следовательно, я не могъ сказать вамъ дерзости, ни унизивъ собственнаго достоинства. Если же у меня противъ воли вырвалось лишнее слово, то потому, что мнѣ больно слышать, и еще слышать отъ васъ, подобное сужденіе, которымъ вы такъ безжалостно и несправедливо оскорбляете человѣчество.

— Я не оскорбляю его, а говорю истину. Говорю то, въ чемъ убѣдилась на отвѣтъ.

— Вы не могли убѣдиться въ томъ; вы еще слишкомъ молоды. Теперь вы клеветаете вдвойнѣ: клеветаете и на себя, и на людей. Никогда не повѣрю я, чтобъ съ вашимъ умомъ, съ вашимъ характеромъ, съ вашими правилами могли вы смотрѣть на свѣтъ съ такой неблагопріятной точки зрѣнія. Быть можетъ, вы были испытаны жизнью, или много страдали; но это еще не оправданіе. Каждому человѣку судьба назначила особенный путь—одному легкій и отрадный, другому тяжелый и утомительный, который долженъ свершать онъ безъ ропота. Повторяю вамъ, Александрина, надѣясь, что вы простите мнѣ мою откровенность: невозможно разрѣшать такъ утвердительно такой многосложный и затруднительный вопросъ. Никогда люди опытные, постигнувшіе жизнь со всѣхъ сторонъ ея, не рѣшаются на это, опасаясь промаха. А въ ваши годы это большой рискъ, большая самоувѣренность.

Александрина слушала не прерывая его. Ея взглядъ былъ попрежнему насмѣшливъ; на ея блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ изображались недоувѣренность и сомнѣніе.

— Послушайте, продолжалъ Одоевъ, я признался вамъ въ любви, а что вы отвѣтили мнѣ на мое признаніе? *«Вы обманываете себя, вамъ не за что любить меня.»* Что понимали вы подъ этимъ? Уже ли вы хотѣли сказать: люди до того заражены корыстолюбіемъ, что для нихъ недоступно никакое благородное чувство? Если я понялъ васъ не въ превратномъ смыслѣ, то съ вашей стороны это кровавая насмѣшка.

— Напрасно считаете вы слова мои за насмѣшку, отвѣчала холодно Александрина. Ваши сужденія не разувѣрятъ меня. Вы будете оспаривать мнѣніе мое, сколько и когда вамъ угодно, но сегодня, но

завтра, но через недѣлю, но черезъ нѣсколько лѣтъ я скажу вамъ то же самое.

— Это жестоко, несправедливо! Я увѣренъ, что все сказанное вами противорѣчитъ вашему собственному убѣжденію.

— Нисколько. За кого же вы принимаете меня? Вѣроятно, за бессмысленнаго ребенка, который самъ не знаетъ что говорить? Это очень лестно, м-г Одоевъ, прибавила дѣвушка; который вамъ годъ?

Молодой человѣкъ съ величайшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Странность и неожиданность вопроса озадачили его.

— Двадцать седьмой. Но чему приписать...

— Двадцать седьмой? перебила Александрина. О, въ такомъ случаѣ я не удивляюсь ни вашему ослѣпленію, ни вашей логикѣ, потому что въ сравненіи съ вами я старуха.

— Вы!

— Я. Мнѣ двадцать шестой годъ; я однимъ годомъ моложе васъ, но старѣе васъ опытностью. Я постигла въ короткое время натуру человѣка, я давно изучила ее. Я не вѣрю ни вашей любви, ни возможности, ни продолжительности ея; не вѣрю вашей дружбѣ, потому что не считаю васъ способнымъ къ этому чувству. Быть можетъ, идеи мои покажутся вамъ дикими, нелѣпыми, но въ мои лѣта каждая женщина пережила многое. Она не можетъ ошибиться.

Неожиданная, упорная борьба Александрины, ея понятія, оригинальное направленіе ума ея, серьезнаго и меланхолическаго, были для Одоева настоящею новостью. Никогда не слышалъ онъ отъ женщинъ ничего подобнаго; никогда ни одна женщина не противилась до такой степени любви его. Самолюбіе его сильно возбудилось, и въ ту самую минуту, когда Александрина, объясняяшая продолжительное молчаніе его въ свою пользу, внутренне поздравляла себя съ успѣхомъ, радуясь, что ей удалось оттолкнуть его отъ себя, въ эту самую минуту, говоримъ мы, Одоевъ мысленно произносилъ клятву не выходить изъ этой комнаты до тѣхъ поръ, покаместъ гордая, надменная компаньонка не отвѣтитъ ему взаимностью.

Одоевъ всталъ съ своего мѣста, обошелъ мимо стола на ту сторону кушетки, куда она пересѣла, и прежде нежели она успѣла опомниться, уналъ передъ нею на колѣни.

— Что это! Что съ вами! вскричала съ испугомъ Александрина. Встаньте, Бога ради. Можетъ кто-нибудь войти и застать васъ въ этомъ положеніи.

И она быстрымъ движеніемъ протанула къ нему обѣ руки, стараясь поднять его.

Онъ схватилъ эти руки и страстно прильнулъ къ нимъ губами, не смотря на тщетныя усилія дѣвушки вырвать ихъ.

— М-г Одоевъ, что это значить? спросила съ негодованіемъ Александрина. Или вы забыли уже, что я сейчасъ говорила вамъ?

— Что мнѣ за дѣло до философіи вашей! Я не хочу ни слышать, ни помнить, ни понимать ее. Я васъ люблю, люблю болѣе жизни своей и, вопреки всѣмъ доводамъ вашимъ, докажу вамъ это на дѣлѣ. Я люблю васъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ видѣлъ васъ въ маскарадѣ: на васъ было надѣто голубое домино, голубая атласная маска и прозрачная бѣлая мантилья, приколотая красною камеліей. Всѣ маски похожи одна на другую, но я тотчасъ же узналъ васъ, когда на третій день пріѣхалъ къ вамъ на балъ, а вы не узнали меня, вы не хотѣли узнать меня! Не грѣшно ли вамъ это?

— Я васъ не замѣтила.

— Но я подходилъ къ вамъ.

— Можетъ быть. Я хорошенько не помню.

— Александрина, Александрина! Будьте великодушны! Отмѣните жестокое намѣреніе ваше, бросьте холодное обращеніе ваше, позвольте любить себя!

— Вотъ странная настойчивость! Какая же въ томъ польза, еслибъ я и дала вамъ это позволеніе? Тогда на вашу долю выпала бы самая смѣшная и жалкая участь, возразила дѣвушка съ ѣдкимъ сарказмомъ. Вы только напрасно расточали бы любовь вашу существу, до такой степени бездушному, что оно не въ состояніи даже было бы рѣшить, къ какой категоріи причислить это чувство, которое, повторяю вамъ, я считаю за насмѣшку.

— Считайте ее чѣмъ вамъ угодно, только заклинаю васъ, не отталкивайте меня! Я буду молчать, буду сносить безропотно ваше равнодушіе, но побѣдить любовь мою я не въ страхъ.

— Послушайте, m-er Одоевъ, сказала строго Александрина: вы ведете себя не прилично; вы оскорбляете беззащитную лѣвушки и потому предупреждаю васъ, что при первой попыткѣ вашей подойти ко мнѣ, я позову людей.

Она встала, вооружилась колокольчикомъ, отошла къ окну и стала въ амбразурѣ его, глядя спокойно на полный кругъ мѣсяца. Звѣзды пестрѣли на синемъ небѣ; кой-гдѣ пробѣгали рѣдкія тучки, подобно прозрачному туману, заслонявшія на мгновеніе блестящія свѣтила; мостовая была пуста, пѣшеходовъ не видно. Одинъ только извозчикъ стоялъ какъ вкопанный у тротуара, и подергивая ежеминутно тощую клячу, мурлыкалъ въ полголоса заунывную пѣсню.

Одоевъ поднялся съ полу, взялъ со стула фуражку и остановился на срединѣ комнаты, съ укоромъ устремивъ на дѣвушку пронизательные черные глаза.

— Прощайте, Александра Васильевна, сказалъ онъ грустно. Я вижу, что мнѣ нечего болѣе дѣлать здѣсь. Если мое присутствіе до такой степени непріятно вамъ, если вы такъ сильно ненавидите меня, то скажите мнѣ прямо, что вы не хотите, чтобъ я бывалъ въ этомъ домѣ—я покорюсь безропотно приказанію вашему. Лучше нанесите мнѣ оба удара вдругъ, нежели каждый отдѣльно. По-крайней-мѣрѣ, вы убьете меня разомъ.

— Adieu, m-g Одоевъ, произнесла спокойно Александрина.

— О, еслибъ вы знали, до какой степени простиралась къ вамъ любовь моя, вы никогда не рѣшились бы произнести роковое слово—«adieu» этимъ убойственнымъ тономъ.

«Простиралась»? Что значить это слово? Развѣ онъ вдругъ пересталъ уже любить ее? Развѣ она оттолкнула его своею холодною? При этой мысли дѣвушка обернулась. Лицо Одоева выражало такую страшную борьбу, голосъ его былъ такъ неподдѣльно печаленъ, что ей стало жаль его. Подобная наружность не можетъ быть фальшива. Александрина была горя, но справедлива. Она упрекнула себя въ опрометчивости, съ какою высказала неудовольствіе свое, потомъ... кто знаетъ, что происходило въ эту минуту въ сердцѣ ея? Еслибъ кто-нибудь могъ заглянуть въ него, то навѣрное убѣдился бы, что оно было вовсе не такъ холодно и непреклонно. Каковы бы ни были ощущенія Александрины, они по большей части не вырывались наружу; она мастерски умѣла подавить ихъ, прикрывая своею обычною, равнодушною маскою и рано приучивъ себя къ благоразумію.

— Вижу, что я не долженъ любить васъ, прибавилъ Одоевъ. Судьба сдѣлала васъ несправедливою, а люди озлобили. Богъ съ вами! Забудьте все, что произошло между нами.

Онъ поклонился и хотѣлъ выйти.

Не болѣе какъ мгновенье колебалась дѣвушка, придумывая и не зная на что рѣшиться, но эту нерѣшительность побѣдило самолюбіе.

Быстрымъ движеніемъ она остановила Одоева.

— Подождите немного, Сергѣй Петровичъ, сказала она улыбувшись: я не хочу, чтобъ вы вышли отсюда, не узнавъ напередъ причины, которая заставляетъ меня такимъ образомъ дѣйствовать. Но объ этомъ послѣ. Сперва простите меня, потому что я передъ вами виновата: бываютъ минуты, въ которыя я сама не знаю, что дѣлаю; но на меня нельзя сердиться за это. Я не умѣю владѣть собою; я чуждаюсь всѣхъ, кого ви-

жу. Это, конечно, ребячество, однако я не могу преодолѣть его, хоть часто раскаяваюсь въ томъ. Теперь ваша очередь быть ко мнѣ снисходительнымъ.

Она протянула ему бѣлую ручку и опустила головку. Суровое выраженіе лица ея уступило мѣсто трогательному умиленію, слеза сверкнула на ея влажныхъ глазахъ.

— О! сказалъ Одоевъ, не выпуская руки ея, скажите еще одно слово, скажите, что вы меня любите! Александрина, вы осчастливите меня совершенно. Я удостовѣрюсь тогда, что вы умѣете чувствовать.

— Приказывать чувствамъ не въ нашей власти. Еслибъ я общалась что-нибудь, я обманула бы васъ, сказала дѣвушка съ горькою усмѣшкой, стараясь подавить въ себѣ некстати явившуюся энергію: Было время, когда и я умѣла чувствовать, когда имѣла благородную способность любить. Но прошло то время, пропало невозвратно! Оно пронеслось надъ головой моею какъ буря, страшная, грозная, всеразрушающая; но къ счастью, природа устроила такъ, что даже стихіи подвержены непостоянству. Послѣ бури наступаетъ невозмутимая тишь, и эта тишь, въ продолженіе многихъ лѣтъ господствуетъ безвыходно въ моей душѣ.

— Неужели вы когда-нибудь любили? Неужели это правда?

— Чему жъ вы удивляетесь? Каждая женщина, если она только не истуканъ, начинаетъ рано любить и любить сильно, отвѣчала Александрина, снова переходя къ внезапному спокойствію. Счастье ея, если ей отвѣчаютъ неподдѣльной взаимностью; но горе ей, если завѣтное чувство ея безжалостно растопчутъ, тогда она превращается или въ демона, или въ истукана, и этотъ жалкій удѣлъ не покидаетъ ее до могилы. Послушайте, продолжала дѣвушка, быстро и неожиданно схвативъ его за руку. Еслибъ вамъ пришлось испытать десятую долю того, что перенесла я, вы возненавидѣли бы и жизнь, и людей, и самого себя. Не дай Богъ никому; даже еслибъ были у меня враги, и тѣмъ не желала бы я быть на моемъ мѣстѣ и, подобно мнѣ, до дна испить горькую чашу моральныхъ истязаній.

— Боже мой! вы меня пугаете! Александрина, прійдите въ себя! Ваше воображеніе разстроено: вы говорите загадками; вы преувеличиваете и минувшее и настоящее.

— Преувеличиваю! Напрасно вы такъ думаете. Развѣ по вашему ничего, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ скитаюсь я изъ дома въ домъ, вымаливая пристанище? Это развѣ ничего, что безусловно обязана я подчиняться капризамъ людей, пріютившихъ меня, угождать всѣмъ безъ разбора, даже, при случаѣ, ходить, сидѣть, говорить и смѣяться, когда

я вовсе не расположена къ тому? По вашему, это все ничего? Вы говорите, что воображеніе мое разстроено? Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ оно еще кое-какъ уцѣлѣло, и какъ давно я не лишилась разсудка? Вы находите, что я говорю загадками? Сейчасъ я объяснюсь яснѣе. Теперь, когда уже вы навели меня на это, не для чего мнѣ что либо скрывать отъ васъ; по крайней мѣрѣ вы поймете меня лучше, и бѣдное сердце мое нѣсколько отляжетъ. Что за вздоръ говорю я! перебила Александрина съ горько-саркастическою усмѣшкой. Можетъ ли отлечь на сердце, когда давно истерзано оно по клочкамъ, когда не осталось въ немъ ни одной живой частицы! — М-г Одоевъ, васъ удивляетъ моя логика? Она похожа на безумство; но не я виновата въ этомъ; мои дѣйствія всегда одинаковы. Я не могу держаться середины; во мнѣ постоянно господствуютъ двѣ жалкія крайности, или я автоматъ, или сумасшедшая. Вы меня любите? Но развѣ вы можете любить компаньонку?

— Вы ли это Александрина! вскричалъ съ возрастающимъ изумленіемъ Одоевъ. Что съ вами? Я сегодня не узнаю васъ!

— Вы думаете, что сегодня я впервые слышу признаніе въ любви? продолжала дѣвушка, какъ бы не слушая его: нѣтъ, подобныхъ признаній я много слышала, слишкомъ много! Я даже имѣла слабость вѣрить имъ, и... отвѣчать. О, все бы дала я, чтобъ вернуть давно утраченное спокойствіе, которымъ наслаждалась я въ былое время! Пока не знала еще я, что такое любовь, или пока вѣрила ей слѣпо; пока червь не источилъ моего сердца, и оно было молодо и не подозрѣвало обмана!

Александрина замолчала, провела рукою по пылающему лбу, по жаркимъ щекамъ, на которыхъ выступили багровыя пятна, потомъ пристально взглянула на молодаго человѣка и прибавила, измѣнивъ совершенно тонъ, который по прежнему сталъ спокоенъ, равнодушенъ и холоденъ:

— Я уже говорила вамъ, и повторяю еще разъ, что вы обманываете себя. Нельзя утверждать того, что невозможно. Положимъ, что теперь вы расположены ко мнѣ, болѣе чѣмъ когда либо... да, я правильно выразилась... но загляните въ ваше сердце черезъ недѣлю... загляните въ него безпристрастно, разберите его со всею строгостью анализа—и вы не найдете въ немъ ни малѣйшей тѣни того, что шевелило его сегодня. Вы не найдете въ немъ ничего, кромѣ пустоты, не увидите ничего, кромѣ холода.

Спокойно, безстрастно было лице ея; грудь высоко поднялась, но вздоха не было слышно.

Одоевъ весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Казалось, онъ не довѣрялъ тому, что слышитъ, даже не сознавалъ хорошенько, гдѣ онъ находится. Онъ сидѣлъ безмолвно, неподвижно, скрестивъ руки.

Одоевъ судилъ, какъ судять многіе эгоисты; онъ увидѣлъ Александрина; она ему понравилась, но не хотѣла отвѣчать взаимностью. Этого было достаточно, чтобы затронуть за живое и безъ того уже недремавшій эгоизмъ и поставить самолюбіе нашего героя въ то рѣшительное и бунтующее положеніе, которое всегда было ему свойственно, тѣмъ болѣе, что Александрина была первая женщина, такъ упорно противившаяся любви его.

Дѣвушка опустила зеленую штору, потомъ снова сѣла на кушетку и придвинула къ себѣ книгу.

— Пора вамъ оставить меня, Сергѣй Петровичъ, сказала она. Уже поздно. Что скажетъ Прасковья Никитична, когда застанетъ васъ здѣсь въ эту пору?

— Э, Боже мой! Какое мнѣ дѣло до того, отвѣчалъ небрежно молодой человѣкъ. Пусть думаетъ и говоритъ все, что душѣ ея угодно; что касается до меня, я предупреждаю васъ, что не выйду отсюда до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ рѣшительнаго отвѣта.

— Вы съума сошли! вскричала дѣвушка. Вы очень хорошо знаете, что никогда не получите его. Въ тяжеломъ положеніи своемъ Александра можетъ быть и жалка, и глупа, но не было примѣра, чтобы она нарушила когда-либо обѣщаніе свое. Чего вы отъ меня хотите? Если вы ожидаете снисхожденія на вашу шалость — а подобнаго поступка нельзя назвать иначе — то напрасно. Я уже сказала вамъ и повторяю еще разъ, что вамъ нечего ожидать отъ меня, потому-что сердцемъ я давно отжила.

— Скажите лучше, что вы никогда имъ не жили, отвѣчалъ Одоевъ съ горечью. Весь вечеръ молилъ я васъ о любви у ногъ вашихъ и не получилъ въ отвѣтъ ничего, кромѣ насмѣшки. Если предшественникамъ моимъ выпала та же доля, то я не завидую имъ.

— Теперь вы пустились въ колкости—это лучше; только онѣ не помогутъ вамъ. Къ чему говорить сарказмы, когда можно обойтись и безъ нихъ? Къ чему понапрасну расточать свой умъ? Ни то, ни другое ни къ чему не поведетъ васъ. Лучше разстанемтесь миролюбивымъ образомъ, лучше изгонимъ изъ памяти нашей картину этого глупаго вечера. М-г Одоевъ, теперь одиннадцатый часъ; наши могутъ вернуться съ минуты на минуту. Уѣзжайте поскорѣе; я не желаю, чтобы васъ застали здѣсь.

Но молодой человекъ, молча устремивъ на нее взоръ, не трогался съ мѣста.

— Боже мой! вскричала Александрина, такія непріятности случаются только со мной! Не то, такъ другое; и вѣчно изъ-за пустяковъ я получаю выговоры.—М-г Одоевъ, продолжала дѣвушка убѣдительнымъ тономъ: я знаю, что просьба моя не можетъ имѣть для васъ никакой цѣны; но неужели вы находите удовольствіе издѣваться надо мною и заставлять просить себя нѣсколько часовъ сряду? Въ послѣдній разъ повторяю вамъ, что присутствіе ваше для меня весьма непріятно. Въ послѣдній разъ повторяю вамъ, что передъ вами не женщина, а кукла, ни на что неспособная и ни къ чему негодная, которая не можетъ и не должна внушать ничего, даже состраданія и антипатіи.

Въ меланхолическомъ взорѣ ея, на блѣдномъ лицѣ, на презрительныхъ устахъ сіяла такая непоколебимость, что Одоевъ убѣдился наконецъ, что продолжительнѣйшая настойчивость будетъ бесполезна.

Онъ молча поклонился и вышелъ. Александрина достигла своей цѣли: ей удалось оттолкнуть его отъ себя, а между тѣмъ, лишь только дверь затворилась, лишь только затихъ въ отдаленіи шумъ шаговъ его, слезы градомъ полились изъ глазъ дѣвушки. Она всплеснула руками, судорожно сдвинула ими грудь и голосомъ, полнымъ невыразимаго отчаянія, вскричала:

— Боже мой! Боже мой! спаси меня!.. Неужели я люблю его?

Александрина была теперь снова одна, и потому безъ опасенія сбросила обычную маску свою. Глухое рыданіе вырвалось изъ груди ея. Ея сила воли была изумительна при постороннихъ, но безъ свидѣтелей она ослабѣвала. Дѣвушка закрыла лицо руками и почти безъ чувствъ упала на кушетку.

На слѣдующее утро горничная, войдя къ ней, нашла постель ея неизмятою.

VII.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Не думайте, благосклонный читатель, что, давъ главѣ нашей это поэтическое названіе, мы вздумали сдѣлать пародію на знаменитый «*Домикъ въ Коломнѣ*» Пушкина. Боже насъ избави отъ подобной нелѣпости! Никогда безразсудная фантазія копировать гениальнаго поэта не можетъ войти въ голову человека благомыслящаго, а нашъ скромный рассказъ и подавно не имѣетъ права на подобную претензію. Причина,

побудившая насъ избрать вышеупомянутое заглавіе, очень проста, а именно: мы не могли прійскать главѣ нашей названія болѣе удобнаго.

И такъ, позвольте на минуту отступитъ отъ нити нашего разсказа, чтобъ познакомить васъ съ новымъ лицомъ, хотя новое знакомство, вещь пренепріятная, и перенестись въ Коломну.

Тутъ, какъ вамъ извѣстно, дома всевозможныхъ архитектуръ: есть и большіе, и маленькіе, и средніе, и кривые, и полуразвалившіеся, и старые, и новые, словомъ: сортовъ несметное количество. Между ними есть одинъ весьма замѣчательный, деревянный о двухъ окнахъ съ покоробленными рамами, перекосившимися на одинъ бокъ, съ довольно низенькимъ заборомъ, изъ котораго вывалилось нѣсколько досокъ, и который такъ пригнулся къ землѣ, что, того и гляди, сдѣлаетъ глису и упадетъ на чью-нибудь голову. Ставни сѣрыя, въ серединѣ которыхъ вырѣзаны сердечки; калитка низенькая, пискливая; къ ней, вмѣсто ручки прибита гвоздикомъ веревочная петля, совершившая уже повидимому, долгую службу, потому-что, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, связана узлами; на самомъ центрѣ калитки красуется желѣзная дощечка, выкрашенная бѣлою, масляною краской, а на ней большими черными буквами намалевано: «*Домъ титулярной совѣтницы Голубковой, свободенъ отъ постоя*». Двѣ плоскія ступеньки ведутъ въ узкія сѣни, раздѣлявшія двѣ чистенькія комнатки отъ тѣсной кухни, перегородженной пополамъ. Все это движимое и недвижимое сильно пахнетъ древностью и свидѣтельствуетъ неоспоримо, что домъ этотъ стоитъ тутъ и не чинится съ давнихъ временъ.

Законная владѣтельница его, Варвара Степановна Голубкова, получившая его въ приданое отъ родителя своего, чиновника одиннадцатаго класса, проживала въ немъ безвыѣздно со дня своего брака, совершившагося по обоюдной наклонности съ Васильемъ Ивановичемъ Голубковымъ, двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношею, вкусившимъ наслажденіе супружеской жизни не болѣе какъ съ какой нибудь десятокъ лѣтъ и дослужившимся, однакоже до чина титулярнаго совѣтника.

Варвара Степановна осталась вдовою въ цвѣтущихъ лѣтахъ, съ маленькою дочерью Сашею, которую, тотчасъ по смерти мужа, пустила въ балотировку одного изъ воспитательныхъ заведеній, куда она, по счастью, попала, а сама стала кое-какъ жить процентами съ небольшого капитала своего, положеннаго покойнымъ отцомъ ея въ какой-то банкъ, въ самый день ея свадьбы.

При ней находилась одна только служанка, Авдотья, вынянчившая Сашу, добрая и усердная женщина, получавшая жалованья по два рубль серебромъ въ мѣсяць. Варвара Степановна была женщина солид-

ная, не дурная собой; воспитаніе получила она весьма ограниченное, но, несмотря на то, имѣла нѣсколько случаевъ вступить снова въ семейную жизнь. Рѣшившись продолжать вдовствовать, она посвятила себя исключительно попеченіямъ о Сашѣ. Знакомыхъ у нея было немного, посѣщали ее рѣдко, сама она почти никуда не выходила, потому—что любила быть одна въ своемъ завѣтномъ уголкѣ.

Она много претерпѣла лишеній, стараясь сберечь что—нибудь для дочери, которая должна была со временемъ жить съ нею. Авдотья тоже очень любила Сашу; и еслибъ послѣдней не пришлось провести восемь лѣтъ въ институтѣ, она непременно избаловала бы ее самымъ невѣроятнѣйшимъ образомъ. Каждое воскресенье она отправлялась туда, вооруженная огромнымъ узломъ, заключавшимъ въ себѣ нѣсколько сортовъ ватрушекъ, пироговъ и тому подобное, и на прощаньи съ любимицею проливала на возвратномъ пути извѣстное количество слезъ. Эта исторія возобновлялась каждый разъ, когда старая няня побываетъ въ гостяхъ у Саши, несмотря ни на какія ласки и увѣщанія послѣдней.

Авдотья привыкла къ господамъ своимъ; нѣсколько разъ выходило ей мѣсто выгоднѣе этого, но она не хотѣла о немъ и слышать, увѣряя, что ей тутъ такъ хорошо, что лучше и быть не можетъ; а если усердный докладчикъ принимался настаивать, она осыпала такового цѣлымъ потокомъ ругательствъ.

Зато Варвара Степановна смотрѣла на нее не такъ, какъ смотрятъ обыкновенно на наемную прислугу: она позволяла ей многое въ отношеніи и къ себѣ, и къ дочери, понимая вполне ея рѣдкую преданность и высоко цѣня ея услуги.

Саша, или Александрина, названная такъ подругами, провела шесть лѣтъ въ институтѣ и еще, кромѣ того, два года оставалась въ пепиньеркахъ, по желанію матери. Александрина была одна изъ первыхъ ученицъ; и такъ какъ ее знали за дѣвушку бѣдную, то, при выпускѣ, ей выдано награжденіе, на которое Варвара Степановна ешила ей все необходимое. Замѣтивъ стѣсненное положеніе, почти нищету матери, Александрина увидѣла, что принуждена пріискивать себѣ иной образъ жизни, чтобъ не быть ей въ тягость, и, не смотря на доводы и увѣщенія старушки, рѣшилась искать мѣста компаньонки, хоть такое мѣсто найти весьма трудно. Идти же въ гувернантки ей не хотѣлось, потому что неусыпный присмотръ за дѣтьми слишкомъ утомителенъ, и сверхъ того, для этого необходимо обладать какъ невозмутимымъ терпѣніемъ, такъ и крѣпкимъ здоровьемъ. Александрина же хотя и обладала первымъ изъ этихъ условій съ избыткомъ, но была слабаго тѣлосложенія, и потому классная дама ея, принимавшая въ ней участіе,

рекомендовала ее через нѣсколько времени компаньонкой въ одинъ знакомый домъ. Вступивъ въ незнакомую для нея сферу, окруженная на первыхъ порахъ людьми бездушными и взыскательными, претерпѣвая на каждомъ шагѣ непріятности неопытной, чистосердечной дѣвушкѣ стало казаться, что она попала въ какой-то омутъ, въ которомъ нѣтъ ни входа, ни выхода, въ которомъ живутъ существа совершенно инья, нежели тѣ, которыхъ она до сихъ поръ встрѣчала.

Долго не могла она свыкнуться съ настоящимъ положеніемъ своимъ; долго не могла побѣдить своего уязвленного самолюбія. Изъ одного дома перешла она въ другой, гдѣ ей также было не легче.

По мѣрѣ того, какъ подвигалась она впередъ по скользкой стезѣ жизни, ея горькая опытность расла съ каждымъ днемъ. Мало-по-малу приучила она себя обрывать безжалостно свои чувствительныя струны, и съ невозмутимымъ равнодушіемъ глядѣть на все, что происходило вокругъ нея. Любовь ея, перейдя всѣ степени, начиная отъ благоразумной и тихой, до восторженной и порывистой, оставила въ воспоминаніи дѣвушки нѣсколько грустныхъ періодовъ, но ни одной эпохи. Александрина любила многіе, но любила только на словахъ, такъ что любовь дѣвушки по большей части падала на бесплодную почву. Александрина, преувеличивая свое тогдашнее положеніе, старалась вырвать съ корнемъ изъ сердца своего неумѣтную чувствительность.

Было воскресенье, день спустя послѣ описаннаго нами происшествія. Варвара Степановна только что возвратилась отъ обѣдни и, напившись кофе, принялась вязать завѣтный чулокъ свой, усѣвшись на маленькомъ обтянутомъ ситцемъ диванѣ.

Теперь это была уже старушка, строгая и почтенная, вся въ черномъ, въ большомъ шерстяномъ клѣтчатомъ платкѣ, приколотомъ на груди большою булавкой, въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ въ оправленныхъ серебромъ очкахъ, съ большими круглыми стеклами. На лицѣ ея, еще свѣжемъ и добродушномъ, не было ни морщинки, но зато сѣдина, повидимому, давно уже убѣлила ея голову, и двѣ сѣдыя какъ лень, букли волосъ свѣшивались на виски. Въ ней было много сходства съ дочерью, но она была гораздо меньше ея ростомъ, довольно плотна и станъ ея согнулся подъ бременемъ заботъ.

Авдотья страпала въ кухнѣ. Она была не въ духѣ, и въ подобныхъ случаяхъ имѣла обыкновеніе разсуждать и браниться съ своею собственною особію, что происходило и въ настоящую минуту. Отъ этого ли весьма неинтереснаго обстоятельства, или отчего другаго—не знаемъ на вѣрное, только у нея дѣло какъ-то не ладилось, и что ни возьметъ она, все валилось изъ рукъ. Дрова въ печкѣ были сырыя и никакъ не хо-

тѣли разгараться, а тѣсто, между тѣмъ, стояло замѣшанное въ кастрюлѣ и грозило перекинуться.

Авдотья принялась раздувать огонь, присѣвъ на корточки передъ заслонкой и переворачивая на всѣ стороны полѣнья большими желѣзными щипцами. Вдругъ мѣдный кофейникъ огромнаго размѣра, вмѣщавшій въ себѣ, по-крайней-мѣрѣ, чашекъ около десятка, и красовавшійся въ центрѣ стоящаго на плитѣ тагана, подъ которымъ пылали и трещали щепья, совершенно неожиданно издалъ ревъ, подобный свисту паровой мѣшины, и кофе, поднявшись черезъ края, полилъ ручьями на плиту, и оттуда на полъ, шипя и пѣнясь.

Смекнувъ тотчасъ въ чемъ дѣло, Авдотья разразилась страшною бранью, вкочила на ноги и бросилась какъ безумная спасать остатки.

— Здравствуй няня, сказала Александрина, отворивъ осторожно дверь кухни.

— Ахъ ты мать моя! Солнышко мое ненаглядное! вскричала старуха, бросивъ мочалку и побѣжавъ къ ней съ самыми чувствительными знаками радости—Куда это ты пропадала, моя красавица? Аль нездорова была? А я ужъ и не чаяла, что ты прійдешь къ намъ сегодня.

— Некѣгда было. Ты знаешь, я живу въ чужомъ домѣ и часто не могу дѣлать то, что мнѣ хочется. Сегодня же я свободна часа на три, и пришла посмотреть на васъ. Что, маменька здорова?

— Ништо. На прошлой недѣлѣ маленько зубами маялась, ну, да теперь полегче стало.

— Бѣдная маменька! сказала Александрина печально: она нынче часто хвораетъ.

— Ужъ такіе годы ея, возразила Авдотья флегматически. «Старость не радость», говоритъ русская половица. Вотъ у меня этотъ платъ куда красивъ былъ: самъ желтый, цвѣты красные, а какъ изнасился, такъ и дырки пошли.

Александрина засмѣялась при этомъ сравненіи. Логика Авдотьи была всегда въ такомъ родѣ, что къ ней невозможно было привыкнуть.

— А ты, няня, сказала она, боясь обидѣть старуху смѣхомъ своимъ: на кого это ты такъ разсердилась? Я никогда не видала тебя въ такомъ видѣ.

Да что, сердись, не сердись, а бѣды не поправишь. Варила я, знаешь ты, себѣ кофей, да и отошла въ сторону, чтобъ подѣлать покамѣсть другое дѣло—кофей-то у меня и ушелъ...

— Ну, вотъ тебѣ, сварилъ другаго, сказала дѣвушка, доставъ изъ портъ-моне цѣлковый, который подавала старухѣ.

— Ахъ ты моя дорогая! Золото ты мое ненаглядное! закричала

Авдотья, не помня себя отъ радости, и бросилась цѣловать руку, державшую монету. Вишь, ты вѣдь, знать, любишь меня, старуху, коли такъ жалѣешь! «Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословица. И впрямь; мой изьянъ мнѣ не сталъ въ убытокъ: твоя милость какъ разъ цѣлковику пожаловала.

Потолковавъ еще нѣсколько времени съ Авдотьей, Александрина отправилась черезъ сѣни въ комнату матери.

При видѣ дочери, Варвара Степановна пришла въ совершенный восторгъ. Она даже на радостяхъ сняла очки и сложила чулокъ, который обыкновенно оставался въ рукахъ ея, несмотря ни на какого посетителя.

— Что это, ты совсѣмъ пропала, Саша? спросила Варвара Степановна. Не грѣшно-ли тебѣ забывать меня? Впрочемъ, прибавила она, одумавшись, я вѣдь знаю, что ты не отъ себя зависишь. Ну, что, каково тебѣ тамъ? Много ли ты выѣзжаешь? Веселишься ли ты?

— Веселюсь, маменька.

Варвара Степановна пристально взглянула на нее и покачала головой. Блѣдность дѣвушки ее испугала.

— Развѣ можно говорить о весельи такимъ тономъ, какъ будто тебѣ плакать хочется? Ты что-то очень невесела. Не случилось-ли у васъ чегонибудь? спросила съ безпокойствомъ старушка.

— Нѣтъ, ничего не случилось, маменька.

— Ты отъ меня что-то скрываешь, Саша. Я ужъ это не разъ замѣтила. Посмотри, вѣдь ты блѣднехонька, худая такая. Правда, ты толста никогда не была, а ужъ теперь просто переломиться хочешь.

— Мало-ли отъ чего худѣютъ люди, возразила печально Александрина. Мнѣ дано въ удѣлъ не столько радостей, сколько горя. Неудивительно, что я перемѣнилась въ эти три мѣсяца, пока мы не видѣлись.

— Отчего же неудивительно? спросила Варвара Степановна съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Да оттого, отвѣчала дѣвушка спохватившись, что когда я сказала вамъ, что веселюсь, я ошиблась. Напротивъ, все лѣто я проскучала, потому что ни разу не видѣлась съ вами.

— Ну, это еще не бѣда. Что жъ дѣлать, когда нельзя было иначе? Быть можетъ, современемъ все перемѣнится, и ты чаще станешь навѣщать меня; а покамѣстъ потерпи: худо-ли, хорошо-ли — все къ лучшему. Хочешь кофею?

— Благодарю васъ. Я долго не могу остаться: Прасковья Ники-

тичва и Марья Семеновна поѣхали съ визитами и къ обѣду вернутся. Я немного отдохну, а потомъ домой пойду. Сегодня у насъ гости.

— Какъ! неужели, не выдавъ меня столько времени, ты пришла ко мнѣ только на нѣсколько часовъ? Неужели тебя не отпустили на цѣлый день?

— Нѣтъ, сказала Александрина съ покорностью: когда у насъ гости, я должна быть дома.

Старушка вздохнула.

Она ясно видѣла, что дочь ея потеряна для нея, пока будетъ жить съ чужими; она постигала вполнѣ, что дѣвушка не была счастлива въ этомъ домѣ, но никогда не показывала ей вида, что понимаетъ положеніе ея, боясь огорчить ее и зная, какъ тщательно скрывала отъ нея Александрина все, что приходилось сносить ей, щадя ея здоровье и безъ того уже довольно плохое.

— Часто у васъ гости бываютъ? спросила она, помолчавъ.

— Прежде бывали только по пятницамъ, а теперь почти каждый день, отвѣчала Александрина разсѣянно. Даже наскучили.

— Ну, а этотъ... Какъ, бить, ты его называешь?... я позабыла.

— Одоевъ?

Блѣдныя щеки Александрины покрылись яркимъ румянцемъ при этомъ словѣ.

— Да, Одоевъ. Ты говорила, что онъ недуренъ собой. Ужъ пожалуй не хочеть-ли онъ жениться на вашей Марьѣ Семеновнѣ?

— А Богъ его знаетъ, замѣтила дѣвушка равнодушно и твердо, но голосъ ея слегка задрожалъ.

Барвара Степановна замѣтила это. Она пристально посмотрѣла на нее, потомъ прибавила:

— Если онъ ей нравится—такъ и дѣло съ концомъ. Она богата, онъ въ долгу какъ въ шелку, стало быть, ему такая невѣста просто кладъ. Тутъ нечего и думать долго.

— Онъ, кажется, никогда и ни о чемъ не думаетъ. Онъ такой странный.

— Теперь не думаетъ, а какъ заимодавцы потянутъ въ судъ, тогда небось и подумаетъ. Всему есть мѣра.

— Развѣ у него есть заимодавцы? Почему вы знаете, что онъ много долженъ?

— Какъ не знать? Земля слухомъ полнится.

— Жаль его, отвѣчала дѣвушка, неволью озадаченная этою вѣстью. Жаль, если онъ доведетъ себя до этого.

— Саша, дитя мое, сказала ласково старушка, глядя морщинистою

рукой вѣжную ручку дѣвушки: ради Бога, берегись его. Онъ тебѣ нравится; я давно замѣчаю это. Быть можетъ, и ты приглянулась ему: тутъ нѣтъ ничего мудренаго, потому что ты у меня дѣвушка хоть куда, только я говорю тебѣ для твоей собственной пользы; будь осторожна. Если онъ станетъ что нибудь говорить тебѣ, не вѣрь ему и не слушай. Ужъ эти мнѣ мужчины! Хорошо еще если попадутъ на умную, да та не поддастся, да не развѣситъ уши; а какъ попадетъ безмысленная, такъ ужъ они съумѣютъ завербовать ее; напоютъ пропасть, наговорятъ столько, что кажется, какъ не повѣрить имъ? Какъ не расчувствоваться?

— Будьте спокойны, маменька, отвѣчала Александрина, стараясь улыбнуться. Меня онъ не проведетъ; да и что ему искать во мнѣ? Что я такое? Бѣдная дѣвушка, прибавила она, которая живетъ изъ милости у чужихъ и проживаетъ все свое жалованье, чтобъ одѣваться прилично.

— Вотъ то-то и есть! Ну, да что про тебя и говорить? Не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ ты у меня, сказала старушка съ самодовольствіемъ, но не убѣдившись однако же нисколько въ истинѣ словъ ея. Если ты и полюбишь, такъ не покажешь этого; ты не пропадешь съ твоею гордостью.

Александрина видѣла, что мать не вѣритъ ей, а ей такъ хотѣлось скрыть отъ нея все и прошедшее, и настоящее. У бѣдной старухи и безъ того было довольно заботъ и горя, которыя увеличивать было бы жестоко, и потому Александрина поспѣшно перемѣнила разговоръ.

— Я часто писала къ вамъ съ дачи, сказала она, а отъ васъ получила всего два письма. Неужели вы были больны?

— У меня глаза очень ослабли. Теперь я ничего почти дѣлать не могу... вязать, и то худо вижу. Я знала, что ты безпокоиться будешь, да дѣлать нечего, должна была покориться.

— А я такъ часто думала объ васъ, сказала Александрина, доставая изъ большого вышитаго мѣшка тщательно сложенную бумагу, приколотую въ нѣсколькихъ мѣстахъ булавками, и развернувъ ее, положила передъ старушкой два вышитые кисейные чепчика.

При видѣ такой внимательности, Варвара Степановна прослезилась, начала сморкаться, потомъ кашлять и отъ избытка чувствъ, чуть даже не заплакала самымъ трагическимъ образомъ.

— Какъ-же это тебѣ не стыдно, Саша? сказала она съ упрекомъ, шить такую скучную и медленную работу, когда у тебя и безъ того всеѣмъ нѣтъ времени.

— У насъ всегда есть время для тѣхъ, кого мы любимъ, отвѣчала

Александрина вставая, и стала издѣвать шляпку передъ маленькимъ туалетомъ, стоявшемъ въ простѣнкѣ между оконъ.

— Куда же ты такъ спѣшишь? Погоди немного, возразила старушка, подходя къ ней. Пришла на минутку и ужъ уходитъ.

— Не могу, маменька, сказала печально дѣвушка. Пожалуй, онѣ прїѣдутъ, а я еще не вернулась. Прощайте.

— Ну, коли не можешь, такъ Господь съ тобою, отвѣчала Варвара Степановна со вздохомъ. Только смотри, неиди скоро, * а то неравно еще устанешь. Побереги себя.

Она перекрестила ее и нѣсколько разъ поцѣловала въ лобъ.

Александрина пошла проститься съ Авдотьей, а Варвара Степановна сѣла къ окошку, чтобъ еще разъ, хоть издали, посмотрѣть на дочь.

И снова мысленно повторила она, что Александрина будетъ потеряна для нея до тѣхъ поръ, пока судьба ея не устроится инымъ образомъ. А скоро ли это случится, даже случится-ли когда нибудь—бѣдная мать не рѣшалась задавать себѣ этого вопроса, одна мысль о которомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, совершенно несбыточная, заставляла ее вздрагивать.

Она не могла постигнуть, какъ этотъ гордый, непреклонный характеръ сталъ такъ гибокъ и покоренъ? Какъ онъ спокойно принималъ все мелкія дразги? Съ какимъ стойческимъ хладнокровіемъ подчинялся имъ, какъ терпѣливо переносилъ все толчки, неутомимо преслѣдовавшіе ее? Точно все чувствительныя струны замерли, и безсильные уже звуки ихъ, или, вѣрнѣе, замирающіе отголоски, обречены на какую то жалкую, непрерывную дремоту. Какъ эта твердая натура могла такъ легко войти въ свою роль и такъ мастерски подавить свое самолюбіе?

Александрина вскорѣ вышла изъ домика, затворила за собой калитку и, запахнувшись бурнусомъ, тихо пошла по тротуару, задумчиво склонивъ голову и опираясь на зонтикъ. Маленькая и узкая ножка ея, обутая старательно въ прунелевый сапожокъ, привлекала вниманіе прохожихъ, которые нескромно заглядывали на владѣтельницу ея. Но та, не замѣчая ихъ, подвигалась медленно впередъ и вскорѣ, повернувъ направо, скрылась за угломъ.

VIII.

ЛОВЛАСЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Александрина возвратилась передъ самымъ обѣдомъ, и на вопросъ, сдѣланный швейцару: «вернулись-ли барыня съ барышней?» получила въ отвѣтъ, что: «сейчасъ изволили прїѣхать».

Она порадовалась, что такъ удачно окончила путешествіе свое и пошла къ себѣ переодѣться.

Обѣдъ продолжался долго; сѣли въ пять часовъ, встали въ седьмомъ. Чужихъ было человѣкъ десять, по большой части все мужчины, изъ которыхъ баронъ фонъ Штубенказе былъ такъ занятъ блюдами, что во все время не вымолвилъ рѣшительно ни одного слова, а Жербинъ трунилъ безъ пощады надъ русскими поварами (Прасковья Никитична, для важности, держала француза), говоря, что они въ поваренномъ мастерствѣ ровно ничего не смыслятъ, и доказывалъ всевозможными доводами все превосходство французовъ, которыхъ гастрономическая кухня можетъ смѣло соперничать со всеми кухнями Европы.

Одоевъ пріѣхалъ уже вечеромъ.

Было довольно поздно; мужчины играли одни въ карты, другіе—въ бильярдъ. Mariette кокетничала съ барономъ.

Освѣщеніе было великолѣпное: комнаты горѣли несметнымъ множествомъ карсельскихъ лампъ.

Сидя въ столовой у большаго, круглаго стола, Александрина разливала чай. Лакеи, одинъ за другимъ, приходили къ ней за приказаніями, которыя она отдавала имъ какъ-то нѣ-хотя и разсѣянно. Звукъ веселаго разговора долетали до нея изъ гостиной, гдѣ сидѣла молодежь; разговоръ кипѣлъ тамъ живой и игривый, изобрѣтались острые каламбуры, небывалые анекдоты и колкія эпиграммы. Жербинъ, по неизмѣнному правилу своему и ни въ какихъ случаяхъ ненарушаемому обыкновенію, фанфаронилъ и хвасталъ до нельзя, какъ только могъ.

Александрина сняла чайникъ съ серебрянаго самовара, налила чашки, разставила ихъ на подносѣ, который держалъ передъ нею одинъ изъ лакеевъ, молча указала другому на серебряную корзинку съ сухарями, и потомъ снова опустилась на стулъ, перебирая машинально кисти чернаго шелковаго передника.

Столовая была въ сторонѣ. Съ ней были смежны двѣ проходныя комнаты, въ которыхъ рѣдко сидѣли, и одна изъ нихъ выходила на балконъ, который былъ теперь отворенъ.

Вечеръ былъ чудный, вовсе непохожій на сентябрскій. Александрина сидѣла прямо противъ двери, ведущей въ эти комнаты. Правильное лицо дѣвушки было задумчивѣе обыкновеннаго, но о чемъ она думала, куда разбрелись ея мысли—трудно было разгадать это.

Сильный звонъ колокольчика заставилъ ее вздрогнуть; она подняла голову и, къ несказанному удивленію своему, увидѣла Марью Семеновну, въ сопровожденіи Одоева. Вѣроятно, той показалось, что на зовъ ея не довольно скоро являються, и потому, подойдя къ маленькому столику, сто-

явшему противъ малиноваго бархатнаго дивана, она позвонила еще разъ и отдала вошедшему лакею какое-то приказаніе, котораго Александрина не могла разслушать. Любопытство подстрекнуло ее; она стала глядѣть внимательно и ей показалось, что оба горячо о чемъ-то спорили. Велѣдъ за этимъ явилась Даша съ мантилею въ рукахъ, которую набросила на плечи Mariette, Одоевъ подаль послѣдней руку и оба вышли на балконъ.

Александрина чуть не вскрикнула. Кровь хлынула ей въ голову и багровымъ пятномъ заиграла на блѣдной щекѣ. Она оперлась рукою о столъ и, прижавъ другую къ груди, какъ бы желая заглушить сильное биченіе сердца, стала слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобъ уловить хоть что нибудь изъ разговора ихъ, побудившаго обоихъ къ этому свиданію съ глазу на глазъ.

Но—увы! къ крайнему сожалѣнію она мало могла разслушать, потому что оба говорили довольно тихо, но по какому-то странному инстинкту, свойственному одной только женщинѣ, она отгадала остальное, отгадала почти все, что не достигло чуткаго уха.

Ужели Одоевъ былъ до того низокъ, что могъ забыть такъ скоро свои просьбы и клятвы? Ужели онъ хотѣлъ только посмѣяться надъ нею, прикинулся влюбленнымъ, и разыгралъ такъ ловко и искусно роль свою для одной забавы? Нѣтъ; все его приемы были слишкомъ натуральны, чтобъ подозрѣвать въ нихъ малѣйшую тѣнь фальшивости; его убѣжденія слишкомъ краснорѣчивы, чтобъ сомнѣваться въ искренности ихъ, и хотя Александрина, два дня тому назадъ, такъ энергически увѣряла его въ противномъ, такъ холодно оттолкнула его; но кто знаетъ, что происходило тогда въ ея сердцѣ? Поставленное судьбою на ту шаткую степень, которая принуждала его вѣчно противорѣчить себѣ, вѣчно таить все ощущенія, болѣе или менѣе сильныя, и никогда не заглядывать въ его сокровенныя изгибы, быть можетъ, это бѣдное, глубоко уязвленное сердце наконецъ встрепенулось или откликнулось, судя по послѣдней фразѣ, произнесенной дѣвушкой на-единѣ, тотчасъ по удаленіи Одоева. Да и зачѣмъ бы ему было обманывать ее? Какое бы онъ нашелъ въ томъ удовольствіе? какую пользу? къ чему послужила бы вся эта комедія? Еслибъ онъ захотѣлъ просто позабавиться надъ нею, онъ могъ бы сдѣлать это инымъ образомъ; ему не къ чему было истратить цѣлый вечеръ и добиваться отъ нея съ такимъ упорствомъ согласія на просьбы свои и безконечныя просьбы. Наконецъ забыть ихъ, забыть такъ скоро и забыть, не видѣвъ даже ее съ тѣхъ самыхъ поръ—было невозможно. Для этого надо быть слишкомъ вѣтренымъ и безнравственнымъ. Быть можетъ, поступокъ Александрины и ея колкія

сужденія оскорбили его? Но истинная любовь слѣпа и неутомима, и вмѣсто того, чтобъ угаснуть, она возрастаетъ по мѣрѣ препятствій.

Все еще не довѣря самой себѣ, Александрина тихо встала, бросила вокругъ себя бѣглый взглядъ и вида, что въ столовой нѣтъ никого, она медленно пошла въ ту комнату, гдѣ былъ балконъ, и помѣстилась за густымъ трельяжемъ изъ плюща, окаймлявшемъ стеклянную дверь. Въ центрѣ потолка висѣлъ готическій рисованный фонарь, низко спускавшійся на бронзовой цѣпи, и потому въ комнатѣ было довольно темно; свѣтъ походилъ на какой-то полумракъ.

Такимъ образомъ Александрина могла видѣть и слышать отсюда все, не бывъ вовсе замѣченною. Она стала не шевелиться и притаила дыханіе.

Было поздно. Мѣсяць выкатился изъ-за тучи и томные, серебристые лучи его блѣдно падали на балконъ.

— Да, говорилъ Одоевъ, облокотясь на перила, странныя вещи происходятъ съ человѣкомъ. Онъ хочетъ пользоваться жизнью, жадно ловить счастье, а оно не дается ему въ удѣлъ.

— Счастье! повторила Mariette усмѣхнувшись. Развѣ человѣкъ умѣетъ пользоваться имъ?

— Смотря по обстоятельствамъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— То, что иной и умѣлъ бы пользоваться имъ, да не отъ него зависитъ.

— Оттого, что люди слишкомъ самонадѣянны и капризны. Они часто хотятъ невозможнаго.

Одоевъ задумчиво взглянулъ на темное небо, отошелъ отъ перилъ и подойдя къ Mariette такъ близко, что лицо ея почти коснулось его сюртука, отвѣчалъ двусмысленно:

— Невозможность заманчива, и потому извинительна; нельзя отказать себѣ въ удовольствіи испытать ее. Иногда она имѣетъ вліяніе на цѣлую жизнь нашу, потому что, желая невозможнаго, намъ какъ-то веселѣе живется, когда весь интересъ нашъ сосредоточенъ на одной цѣли. Мы желаемъ, надѣемся, ждемъ, а это не бездѣлица.

— Стало быть и вы, слѣдуя похвальному правилу, также живете иллюзіями? спросила шутя Mariette.

— Отчасти. Только иллюзіи любимцевъ фортуны иногда осуществляются, мои же такого рода, что наврядъ ли осуществляются когда-либо.

— Нельзя-ли узнать къ какой категоріи принадлежать онѣ? Вы подстрекаете мое любопытство.

— Къ категоріи сердца.

— Ахъ Боже мой! ужъ не влюблены ли вы? Впрочемъ, по-моему, любовь не иллюзія.

— А по-моему, эта задача подлежитъ сомнѣнію.

— Нисколько! вскричала Mariette. Иллюзіей называемъ мы то, что создаетъ наше воображеніе, и что по большой части не существуетъ въ природѣ, однимъ словомъ то, что вы называете невозможнымъ. А развѣ любовь невозможна? Развѣ вы не вѣрите ей? Напротивъ, кажется, это вещь весьма обыкновенная. Ну, что вы скажете на это?

— Я скажу: и да, и нѣтъ.

— Это весьма загадочно и неудовлетворительно.

— Я постараюсь выразиться яснѣе. Любовь, продолжалъ Одоевъ, устремивъ на дѣвушку пристальный взоръ: вещь обыкновенная только тогда, когда взаимно раздѣляется существомъ, которое внушаетъ ее. Если же она остается незамѣченной, то какъ назовете вы тогда это чувство?

— Какъ хотите, только не иллюзіей. Такое названіе вовсе не соответствуетъ ему, потому что, рано или поздно, истинная любовь находитъ отголосокъ въ каждомъ сердцѣ, и я могу насчитать вамъ тысячу примѣровъ.

— Зачѣмъ! перебилъ Одоевъ, съ несвойственною ему живостью. Вы можете доказать мнѣ это на дѣлѣ. Отъ васъ зависитъ уничтожить это убѣжденіе. Mariette, Mariette, я люблю васъ!

Съ послѣднимъ словомъ онъ былъ у ногъ дѣвушки, предвидѣвшей подобную развязку, но неуспѣвшей опомниться отъ внезапнаго перехода ожиданія къ дѣйствительности.

Александрина стояла за трельяжемъ съ сердечнымъ замираніемъ, стараясь не проронить ни одного звука. Язвительно-саркастическая улыбка скользнула на блѣдныхъ губахъ; ея колѣни дрожали, руки судорожно опустившись и обрывали безжалостно листья плюща.

Одоевъ въ глазахъ ея былъ безсовѣстный интригантъ, чуждый благородства и чести, словомъ: одинъ изъ тѣхъ жалкихъ корыстолюбцевъ, которыхъ портретъ давно начертало воображеніе ея, которыхъ столько разъ случалось ей встрѣчать, которыхъ давно уже такъ глубоко постигла. Значить, поступокъ его съ нею былъ ничто иное, какъ гнусная ложь, а признаніе, сдѣланное имъ теперь Mariette, было основано на интересѣ. Бѣдная Александрина! Еще незадолго до этого, пораженная искренностью, которою дышала каждая фраза, каждый жестъ Одоева, она упрекала себя въ излишней недовѣрчивости, внутренно намѣреваясь заглядить ее при первомъ удобномъ случаѣ, а теперь вдругъ увидѣла характеръ его во всей наготѣ своей, увидѣла, что онъ занялся ею

только отъ скуки, только мимоходомъ, что она служила для него минутною, пустою забавой. Къ чему повели ея строгія сужденія? Какая вышла изъ нихъ польза? Ровно никакой! Невольно поддавшись искушенію и хорошенько сама того не сознавая, Александрина начинала вѣрить тогда Одоеву, тогда показался онъ ей лучше другихъ, а теперь въ одинъ мигъ разрушилось то мнѣніе, которое онъ такъ хитро умѣлъ внушить ей. Тогда она сожалѣла о немъ стараясь подавить раждающуюся взаимность, теперь она презирала его.

Одоевъ почтительно взялъ руку Mariette, которую не отнимали у него, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и повторилъ тихо:

— Mariette, я люблю васъ!

Дѣвушка сконфузилась и высвободила потихоньку руку свою.

— Вы сами сейчасъ сказали, что любовь не можетъ быть иллюзіей, потому что въ каждомъ сердцѣ находятъ отголосокъ. О, докажите же это на дѣлѣ! Докажите, что мнѣніе мое было неосновательно!

Mariette молчала.

— Если вы отвергнете сердце мое, прибавилъ Одоевъ, ваше равнодушіе убьетъ меня.

Одоевъ выразился романически. Онъ зналъ, что Mariette любила этотъ тонъ. Онъ попрежнему стоялъ передъ нею на колѣняхъ, она и не думала поднимать его.

Мѣсяцъ скрылся за тучу, стало совершенно темно, и потому нельзя было замѣтить трепета, который пробѣжалъ по всѣмъ членамъ дѣвушки. Онъ снова схватилъ ея руку и спросилъ:

— Смѣю ли я надѣяться, что не останусь неонятымъ?

Mariette не отвѣчала ни слова; она только слегка оттолкнула его, потомъ хотѣла отойти на другой конецъ балкона, но Одоевъ удержалъ ее.

— О говорите, говорите! вскричалъ онъ съ живостью. Рѣшите мою участь скорѣе, сейчасъ же!

Mariette быстро обернулась, посмотрѣла съ безпокойствомъ на отворенную дверь, потомъ на темную улицу, какъ бы опасаясь посторонняго свидѣтеля, и голова ея склонилась на плечо Одоева, а трепещущія губы прошептали едва внятно:

— Я также люблю васъ.

Одоевъ вскрикнулъ, вкочилъ на ноги, а она, вырвавшись изъ его объятій, бросилась опретью бѣжать.

Онъ вышелъ влѣдъ за нею. На лицѣ его сіяла самодовольная улыбка; направляя шаги къ двери и покручивая старательно усы, онъ напѣвалъ итальянскую арію.

Александрина глубоко вздохнула и бросивъ на удалявшася молодая-

го человѣка полный презрѣнія взглядъ, поспѣшно ушла къ себѣ въ комнату, унося тайну обоихъ.

Гости вскорѣ стали разѣзжаться, но ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ отсутствія дѣвушки, которая не доказывалась болѣе и провела одиноко остатокъ вечера.

Долго ходила она взадъ и впередъ, перебирая въ умѣ все слышанное, и все еще сомнѣваясь въ истинѣ происшествія, котораго была свидѣтельницею. Сожалѣніе, досада, негодованіе, гнѣвъ смѣнялись въ ней попеременно: она обвиняла себя въ томъ, что могла хотя минуту повѣрить искренности этого человѣка, не достигая, какъ съ такимъ вѣрнымъ взглядомъ на вещи, съ такою испытанною опытностью могла она поддаться искушенію? Но все равно: Одобъ не знаетъ, что пережила она въ эти роковые два дня, не подозреваетъ даже и того, что происходило въ ней въ настоящую минуту, слѣдовательно ея тайна умереть вмѣстѣ съ нею.

А ея уязвленное самолюбіе, а ея оскорбленная гордость? О, она съ умѣтѣмъ защититъ ихъ, она не позволитъ издѣваться надъ ними, никогда, никогда!

«Я говорила ему, что ему не за что любить меня, думала Александрина, стараясь подавить душившее ее водненіе. Онъ не хотѣлъ вѣрить мнѣ... а теперь... но иначе и быть не могло..... Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ!»

Она сѣла къ письменному столу, взяла листокъ тонкой, розовой бумаги, стальное перо, и мелкимъ, шеголеватымъ почеркомъ написала слѣдующія строки:

«Милостивый Государь!

«Не знаю, какъ назвать поведеніе, которымъ вы руководствуетесь, но знаю, что оно превосходитъ то мнѣніе, которое я имѣла о васъ. Я много жила морально, и моя кочующая жизнь способствовала мнѣ коротко узнать людей. Соображаясь съ настоящимъ положеніемъ моимъ и вполне сознавая свое ничтожество, я повторяю вамъ теперь то же, что говорила два дня тому назадъ, когда вы, забывъ, вѣроятно, что видите передъ собою не что иное, какъ то забытое, ненужное міру существо, которое называютъ компаньонкой, и когда показалось вамъ, что, вопреки обычаямъ, вы можете любить его, повторяю вамъ то же самое: вы жестоко обманываете себя: вамъ не за что любить меня. Надо имѣть желѣзную волю, чтобы переначить свою натуру, а люди такъ далеки отъ этого! Мы живемъ для себя, а не для другихъ. Хотя аксіома эта не подлежитъ никакому сомнѣнію, но сегодня, когда нечаянно случай привелъ меня услышать раз-

говоръ вашъ съ Марьей Семеновной, я убѣдилась въ томъ вполнѣ. Я все слышала—*все*, и, признаюсь, удивлялась, откуда, повременамъ, беретя въ челоуѣкѣ такое краснорѣчіе, когда душа его такъ пуста? Какъ достигаетъ онъ до этого необъяснимаго искусства? Но странная вещь, что, дѣлая этотъ разборъ надъ вами, я заглянула въ самой себя, припомнила все прошедшее и настоящее, и тотчасъ же сказала себѣ, что не имѣю права осуждать другихъ, потому что и во мнѣ самой точно такая же дремлющая душа, то же каменное сердце, негодное ни къ чему, неспособное не только къ любви, но даже къ ненависти и презрѣнію, однимъ словомъ: что я пропитана тѣми же жалкими недостатками и слабостями, которые такъ рѣзко замѣчала въ другихъ, и которые всегда внушали мнѣ непобѣдимое отвращеніе. И вотъ, въ наказаніе, мнѣ пришлось раздѣлить ту же участь. Чтожъ дѣлать! Когда мы вникнемъ въ себя хорошенько, разсмотримъ на просторѣ эти слабости и недостатки и удостовѣрится, что мы точно такіе же эгоисты, какъ и прочіе, насъ это утѣшаетъ, намъ какъ-то веселѣе живется. Оттого-ли это что мы при самомъ началѣ не стараемся оборонять себя отъ заразы, которая, какъ извѣстно, крайне приличлива, или оттого, что сами уже слишкомъ испорчены? Въ пятницу вы оказывали расположеніе мнѣ, сегодня Марья Семеновнѣ, но расположеніе это, какъ это должно было предвидѣть, вышло ложно и фальшиво: вы говорили намъ одно и то же, а между тѣмъ обманули и себя и насъ, то есть не насъ, я неправильно выразилась, потому что меня вы обмануть не могли, но Марью Семеновну. Въ отношеніи меня, вы обманули себя, а надъ Марьей Семеновной хотѣли позабавиться. Последнее вамъ удалось и вы торжествуете теперь, вы счастливы совершенно! Вамъ можно позавидовать, потому что васъ хоть что нибудь забавляетъ еще, и такъ какъ, безъ сомнѣнія, есть много жертвъ, обреченныхъ вами на собственную забаву, то и впредь желаю вамъ успѣха подобнаго сегодняшнему.»

Александрина.

Она положила письмо въ конвертъ, запечатала его изящною облаткой, написала адресъ, потомъ позвонила.

Вошла горничная.

— Маша, сказала Александрина, подошла къ ней, у меня есть до тебя большая просьба.

— Что прикажете-съ?

— Отнеси пожалуйста завтра утромъ вотъ это письмо по адресу... это недалеко...

— Слушаю-съ, отвѣчала Маша, протянувъ руку, чтобъ взять его.

Александрина держала письмо въ дрожащихъ пальцахъ, не рѣшаясь поручить его хитрой горничной, прославившейся въ домѣ своей неутомимой болтливостью и непобѣдимую страстью къ сплетнямъ.

— Пожалуйте, сказала опять Маша.

— Дѣло въ томъ, отвѣчала Александрина съ несвойственною ей робостью, что я желала бы, чтобъ объ этомъ никто ничего не зналъ. А не то, пожалуй, выйдетъ еще непріятность.

— Извольте-съ, повторила горничная сладко-льстивымъ голосомъ.

Дѣвушка все еще колебалась, но наконецъ, зная, что надо было рѣшиться на что-нибудь, прочла адресъ съ такимъ волненіемъ, такъ отрывисто, и вмѣстѣ такъ тихо, что ее едва можно было разслушать, потомъ прибавила вслухъ, желая задобрить услужливую горничную:

— Тебѣ нравится мое розовое барежевое платье—можешь взять его себѣ.

Маша съ восторгомъ поцѣловала руку дѣвушки, взяла письмо, обѣщая доставить его завтра въ восьмомъ часу утра, чтобъ не возбудить ни въ комъ подозрѣнія, раздѣла Александрину и, потушивъ свѣчи, вышла изъ комнаты.

Маша любила разглашать новости и потому не могла устоять противъ искушенія рассказать по-секрету про данное ей порученіе, сперва Дашѣ, потомъ ключницѣ, потомъ бѣфетчику, такъ что за ужиномъ уже вся прислуга знала и толковала по-своему о запискѣ Александры Васильевны, отираваемой завтра, чуть свѣтъ, къ Сергѣю Петровичу Одоеву.

IX.

ПРОЗАИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА.

Александрина всю ночь провела безъ сна. Все слышанное и видѣнное ею казалось ей какою-то смутною тяжелою грезой, и лежа въ постели съ открытыми глазами, несмотря на потемки, она спрашивала себя: какое впечатлѣніе произведетъ на Одоева письмо ея? А содержаніе его должно было порядочно затронуть его самолюбіе.

Александрина встала съ головою болью и какою-то тяжестью во всѣхъ членахъ.

Былъ двѣнадцатый часъ. Маша, одѣвая Александрину, отдала ей отчетъ въ своемъ раннемъ визитѣ, объявивъ, между прочимъ, что удач-

но уладила данное ей порученіе; никто и не вообразил даже, что она отлучалась изъ дому. Александрина похвалила ее, и несмотря на то, что чувствовала себя не такъ здоровою, вышла въ кабинетъ Прасковьи Никитичны, гдѣ обыкновенно по утрамъ пили кофе.

При взглядѣ на Mariette, эту жалкую соперницу, у нея въ глазахъ помутилось и въ груди сильно застучало сердце, точно что-нибудь оторвалось отъ него.

Она однакоже поздоровалась съ нею съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но поспѣшно опустилась на ближнее кресло, опасаясь, чтобы физическія силы не измѣнили ей.

Mariette была необыкновенно весела, безпрестанно хохотала обо всякомъ вздорѣ и болтала безъ умолку. Она до того была занята собой и своимъ вчерашнимъ дебютомъ, что не замѣтила даже страшной блѣдности Александрины, на лицѣ которой не было ни кровинки.

Но этого не случилось съ Прасковьей Никитичной: ничто не могло ускользнуть отъ зоркаго ея глаза. Пораженная молчаливостью дѣвушки и ея разстроеннымъ видомъ, съ которымъ вовсе не привыкла видѣть ее, она внимательно оглядѣла ее съ ногъ до головы и, толкнувъ къ ней серебряный кофейникъ, сказала какимъ-то дребезжащимъ тономъ:

— *Servez-vous donc, ma chère.*

Александрина молча наклонила голову въ знакъ благодарности, налила себѣ чашку, и омочивъ въ нее розовыя губы, подозвала къ себѣ болонку и начала усердно подчивать ее сухарями, разламывая ихъ на маленькіе кусочки.

— Не знаете-ли, mesdames, что сдѣлалось съ барономъ? спросила Прасковья Никитична, глядя вопросительно на обѣихъ. Онъ былъ вчера, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ; даже уѣхалъ не дождавшись ужина.

— Онъ куда-то былъ отозванъ на вечеръ, отвѣчала Mariette. Впрочемъ, я очень рада, что такъ случилось: онъ ужасно надоѣлъ мнѣ.

— А ты, чѣмъ бы тебѣ постараться занять его, да не показывать, что тебѣ съ нимъ скучно, какъ нарочно ушла куда-то, оставивъ его въ углу одного. Этакъ не дѣлаютъ, замѣтила лаконически Губкина.

— Но его болтовня нестерпима, шаманъ:—она такъ безконечно однообразна, что я просто зѣвать принялась.

— Все равно. Молодая, воспитанная дѣвица должна уметь преодолѣть себя и быть всегда одинаково любезной, особенно съ мужчинами.

Это была фаворитная тема Прасковьи Никитичны, на которую любила нападать она и кстати и некстати. Какъ вообще всѣ матушки, желавшія пристроить къ мѣсту перерзѣлыхъ дочекъ, она думала, что

нельзя не замѣчать расположенія и даже отнюдь не должно ни въ какомъ случаѣ упускать изъ вида человѣка, который могъ бы составить партію дѣвухѣ богатой, но не изъ знатнаго, даже не изъ дворянскаго происхожденія, а его, то-есть барона фонъ Штубенказе, и подавно, потому что онъ былъ очень хорошій и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительный женихъ, несмотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ и на недостатокъ состоянія.

Mariette покажетъ еще вовсе не думала о замужствѣ. Ея шумная, полная разнообразія жизнь не давала ей времени увлекаться чѣмъ-нибудь другимъ. Ей некогда было скучать ни въ гостяхъ, ни дома, потому что Прасковья Никитична завела огромный кругъ знакомства, какъ только дочь ея начала подрастать, и вывозила ее куда только возможно. У Mariette было много жениховъ; ея триста тысячъ всѣмъ приходились по сердцу, но Mariette была разборчива, потому что знала себѣ цѣну.

Нельзя не согласиться, впрочемъ, что она поступала весьма благо-разумно: съ такими неоспоримыми достоинствами она имѣла полное право разбирать.

Mariette подошла къ большому трюмо, стоявшему въ простѣнкѣ, повертѣлась передъ нимъ, охорашивая себѣ волосы, потомъ, вдругъ обернувшись къ Александриѣ, спросила: какую шляпку намѣрена она сдѣлать себѣ къ зимѣ?

Последняя до того занята была своими мыслями и боловкой, что не разслучала хорошенько вопроса, такъ что Mariette принуждена была повторить его, прибавивъ между прочимъ:

— Будьте внимательнѣе, когда съ вами говорятъ, Александрина. Право, я не знаю, гдѣ сегодня мысли ваши!

Александрина отвѣчала, что она отдастъ передѣлать свою прошлогоднюю шляпку, которая еще довольно хороша, и потому ее можно пронести эту зиму.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Mariette: такъ какъ въ будущемъ мѣсяцѣ ваше рожденіе, то я дарю вамъ шляпку. Завтра будетъ ко мнѣ *т-ше Мальпаръ*, закажите ей на вашъ вкусъ. Вы умѣете торговаться лучше меня.

— *Chère mademoiselle Mariette*, я вамъ очень благодарна за ваше милое вниманіе ко мнѣ, отвѣчала Александрина, стараясь улыбнуться: только вы напрасно вводите себя въ лишніа издержки и хлопоты.

— Вотъ пустяки! сказала Mariette. *Non il le faut: ça se fait*. И, выглянувъ въ окно, она пошла одѣваться.

Непріятно прозвучали слова ея въ ушахъ Александрины: она дѣ-

лала ей подарокъ этотъ не потому, чтобы желала доставить ей удовольствіе, а потому только, что такъ дѣлалось, и объявляла ей это прямо.

— Здравствуйте, Прасковья Никитична, сказалъ Одоевъ, отворяя дверь. Можно войти?

— А, Сергѣй Петровичъ! Очень рада. Что это вы сегодня явились спозаранку?

Онъ расклавялся съ обѣими, взглянувъ украдкой на Александрина.

Та отвѣчала холодно и непринужденно на поклонъ его. Онъ не нашелъ въ ней никакой перемѣны, только глаза ея покраснѣли и распухли; а между тѣмъ, во взглядѣ ея не было ни принужденности, ни укора, ни даже презрѣнія. Это взбѣсило его.

Онъ сѣлъ противъ Губкиной и отвѣчалъ, снимая перчатки, которыя бросилъ въ фуражку:

— Я желалъ застать васъ однѣхъ, чтобъ имѣть возможность сказать вамъ нѣсколько словъ безъ свидѣтелей, и потому явился къ вамъ по провинціальному.

Прасковья Никитична съ самодовольствіемъ кивнула головой, облокотилась на диванъ съ нѣкоторою важностью и сказала Александринѣ:

— *Laissez nous pour un instant, ma chère.* Та, не отвѣчая ни слова, спустила съ колѣней болонку, поставила на столъ недопитую чашку и, не оглянувшись ни разу, ушла къ себѣ.

Александрина была одна изъ тѣхъ сильныхъ натуръ, которыя не ужасаются ничего, которыя на все насмотрѣлись вдоволь, которымъ ничто не въ диковинку и которыя и радость и горе принимаютъ съ одинаковымъ равнодушіемъ. Отъ судьбы не ждуть онѣ ничего, борются съ нею не въ силахъ, и пролетаютъ незамѣтно ихъ лучшіе годы безъ отрады, безъ воспоминаній, безъ всякой надежды на будущность. Жизнь ихъ медленно угасаетъ и онѣ, испытанныя, выстрадавшія много, не ищутъ уже въ ней ничего и оставляютъ ее безъ сожалѣнія, утомленная долгой, непрерывной борьбой.

Одоевъ обождалъ покамѣстъ дверь не затворилась и тихіе, ровные шаги Александрины не затихли въ отдаленіи.

Губкина сидѣла важно, въ вопросительной позѣ, смотря ему прямо въ лицо.

— Вы удивляетесь моему раннему посѣщенію, Прасковья Никитична? сказалъ наконецъ Одоевъ—и это весьма естественно, потому что я извѣстный лѣнтяй. Но причина этому та, что въ другое время у васъ всегда есть кто нибудь изъ постороннихъ, или васъ вовсе не застанешь дома; а я желалъ бы окончить дѣло свое сегодня же.

— Что жъ, говорите, я слушаю васъ.

— Важность предмета, съ которымъ я явился сюда, требовала бы предварительно нѣсколькихъ объясненій; но такъ какъ я непримиримый врагъ всѣхъ излишнихъ и пустыхъ словъ, то позвольте мнѣ не отступать отъ принятаго мною правила.

Лицо Одоева было серьезно; Губкина продолжала вопросительно глядѣть на него, какъ бы понуждая его къ объясненію болѣе ясному.

— Я люблю вашу дочь, присовокупилъ онъ, и пріѣхалъ просить руки ея.

Прасковья Никитична была къ этому подготовлена. Она знала, что рано или поздно это должно было случиться, потому что Одоевъ давно ухаживалъ за Mariette и ухаживалъ явно, слѣдовательно имѣлъ на нее виды.

Но Прасковья Никитична, по ея мнѣнію, отнюдь не должна была скоро сдаться. Это значило бы уронить собственное достоинство, да еще сверхъ того, еслибъ она сдалась слишкомъ скоро, онъ могъ бы подумать, что она обрадовалась предложенію его, точно безъ него дочь ея и не вышла бы замужъ — нѣтъ; у Прасковьи Никитичны ничего не дѣлалось безъ расчета. Она никогда не упустила случая придать себѣ вѣсу и ничто не могло сравниться съ ея высокоумѣннымъ тщеславіемъ.

Съ важною выслушала она просьбу Одоева и, не измѣняя нисколько положенія, сочла нужнымъ отвѣтить слѣдующее:

— Семень Фаддеичъ и я премного обязаны вамъ за честь, которую вы дѣлаете намъ.... но.... прежде нежели обѣщать что либо, я должна еще хорошенько подумать.

— Вы, стало быть, въ чемъ нибудь затрудняетесь? спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, отчасти. Хотя я вообще и не люблю долго думать о чемъ либо, однако, все таки въ подобномъ случаѣ нельзя безъ этого обойтись, тѣмъ болѣе, что *вслѣдствіе*—Прасковья Никитична сдѣлала удареніе на послѣднемъ словѣ—кто адресовался ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ какъ ваше, я принуждена была отказать.

«Поздравляю ее! подумалъ Одоевъ. Вотъ разодолжила-то, нечего сказать! Вообразила себѣ, что дочь ея такой фениксъ, отъ котораго весь свѣтъ долженъ съ ума сходить. Быть можетъ, она и права, быть можетъ и сходить съ ума, только ужъ никакъ не отъ Mariette, а отъ ея прилагательнаго. Впрочемъ, на-то кажется и времени еще достаточно не было: давно-ли она ее показывать-то стала, всего какой нибудь годъ, а то все по дѣтски одѣвала, чтобъ самой годковъ десяткъ посбавить.

— Отчего же вы отказали имъ? спросилъ онъ вслухъ.

— Оттого, что Mariette еще слишкомъ молода. Успѣтъ замужемъ нажитья, а жениховъ всегда найдеть. Впрочемъ, прибавила она, спохватившись вдругъ, что выразилась слишкомъ рѣзко: я поговорю съ ней объ этомъ. Надо узнать прежде, согласится ли она, и потомъ уже дѣйствовать рѣшительно. Предупреждаю васъ, что это зависить совершенно отъ Mariette, и что ни я, ни Семенъ Фадеечъ, не будемъ принуждать ее. Мы предоставляемъ выборъ совершенно ей собственному усмотрѣнiю.

— Я объяснялся вчера съ Марьей Семеновной, сказалъ Одоевъ, рѣшившійся во что бы то ни стало покончить дѣло въ свою пользу и покончить немедленно: отвѣтъ ея былъ для меня благопріятенъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— То, что Марья Семеновна не могла не понять, что, назвавъ ее моей женою, я былъ бы самымъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, и что никто другой не составитъ такъ хорошо ея счастья.

— Mariette еще ребенокъ, который ничего не смыслить. Она часто говоритъ одно, а думаетъ другое, или наоборотъ. Впрочемъ... если она согласна... то извольте. Я даю вамъ благословеніе мое.

Сергѣй Петровичъ, при всей дальновидности не ожидалъ, что ему такъ легко сдадутся. Правда, иногда онъ обманывался въ ожиданіяхъ своихъ, но съ нѣкоторыхъ поръ ему просто везло. Теперь мечта его, которую онъ такъ давно ласкалъ — пріискать себѣ богатую невѣсту и ея состояніемъ поправить опустошеніе своего собственнаго, осуществилась. Но какъ человѣкъ съ тактомъ, онъ не хотѣлъ показывать своей радости, и только прикоснувшись въ первый разъ къ обремененной кольцами и браслетами рукъ Прасковьи Никитичны, просилъ позволенія явиться послѣ обѣда къ невѣстѣ, и тотчасъ же уѣхалъ домой, чуть не прыгая на своихъ дрожжахъ и сравнивая себя со всеми мудрецами Греціи.

Мѣсяца черезъ полтора, около восьми часовъ вечера, по тротуару одной изъ широкихъ и яркоосвѣщенныхъ улицъ Петербурга шли трое: старуха, щедушнаго сложенія, въ черныхъ, поношенныхъ сапогахъ и въ темныхъ сборчатыхъ шляпкахъ. Объ усердно о чемъ-то толковали, или, какъ говорится, трещали безъ умолку, потому что рѣчь шла у нихъ рѣкой и повидному не имѣла никакой возможности изсякнуть.

— Поглядите-ка, Прасковья Ильинична, прервала на самой серединѣ фразы одна изъ старухъ, указывая рукою на церковь, которая видѣлась въ концѣ улицы: никакъ тамъ свадьба.

— Свадьба и есть, подхватила спутница ея. Вишь церковь-то такъ и пылаеть. А что, Татьяна Ивановна, не пойти-ли и намъ туда? Я ужъ никакъ съ недѣлю какъ свадебъ не видѣла. Съ хлопотами никакъ не урвусь, а поглядѣть смерть хочется. Шутка-ль недѣля? Легко сказать!

— Разумѣется пойдемте. Я, почитай что каждый день свадьбы гляжу, нарочно для этого раньше изъ гостей ухожу, а какъ на дорогъ попадется, такъ ужъ тутъ не прогуляю. Эка сила каретъ-то: просто видимо-не видимо! Должно быть свадьба-то богатая, ужъ, пожалуй, не кучеческая-ли?

— А народу-то сколько! присовокушила Прасковья Ильинична. Просто тьма тьмушая: и на паперти, и на улицѣ! Проберемся-ли мы туда? Что, если въ церковь-то насъ не впускать?..

— Не впускать! Какъ бы не такъ! Да статочное ли это дѣло? перебила словоохотливая Татьяна Ивановна. Ужъ я вамъ говорю, что впускать, а пробраться мы проберемся такъ, что мое почтенье, да еще ставемъ на самомъ переду, и мѣсто выберемъ самое лучшее. Ни на кого не поглядимъ.

Порѣшивъ такимъ образомъ, обѣ прибавили шагу, пустились чуть не вскачь, нисколько не взирая на то, что рисковали сшибить съ ногъ попадавшихся на встрѣчу прохожихъ, и нѣсколько минутъ спустя, достигли, запыхавшись, вожделѣнной цѣпи.

Церковь, дѣйствительно, была ярко освѣщена. Цѣлый рой экипажей стоялъ около паперти.

Татьяна Ивановна и Прасковья Ильинична вошли въ церковь.

Въ церкви было такъ тѣсно, что, по словамъ обѣихъ спутницъ, не куда было уронить яблока. Однако-же, не смотря на это, онѣ прошли на лѣвый клиросъ. По окончаніи обряда, онѣ, мѣстъ съ толпой вышли изъ церкви, велѣдъ за женихомъ и невѣстою; послѣдніе сѣли въ богатую карету и весело покатали по мостовой, а первыя еще остановились на улицѣ потолковать.

— Прасковья Ильинична! а Прасковья Ильинична! говорила Татьяна Ивановна. — Поглядите-ка родная на жениха-то... Какой безподобный! Просто молодець-молодецъ!

— Не то что молодець, Татьяна Ивановна, просто красавецъ! Веъмъ взялъ, нечего сказать! И росту высокаго, и этакой осанки важной, и лица какого прітнаго. Волосы какъ смоль, а глаза словно угли!

— А ужь женушка-то, куда некрасива, словно испитая какая, подхватила снова Татьяна Ивановна. — Видно, однакоже, не глупа: вишь какого мужа подцѣпила!

— Да, ужь признаться, хоть бы и не ей такого. Ахъ, мои матушки, — продолжала Прасковья Ильинична, качая головой, и глядя на жениха съ состраданиёмъ: онъ-то чего глядѣлъ? Ослѣпъ что-ли? Съ этакой красой, какую скверную взялъ!

— Видно, богата. Ну, ужь признаться, будь я на его мѣстѣ, ну право не поглядѣла бы что денегъ много. Шутка-ли всю жизнь съ этакой чучелой маяться! Вишь какая поджарая, да черномазая! Хоть бы для этакой оказіи каблукъ поддѣлала себѣ, да попритерлась маленько.

Татьяна Ивановна вдругъ замолчала, потому что около самой рѣшетки клироса услышала весьма для нее любопытное совѣщаніе, происшедшее между дороднымъ, бородатымъ купцомъ и его супругою.

— Такъ ты говоришь, сколько за нею, Терентьичъ? — спрашивала послѣдняя.

— Да говорятъ, что триста тысячъ, матушка.

— Неужто? А ты отъ кого слышалъ?

— Мало-ли отъ кого. Поди, чай, и здѣсь всякъ знаетъ объ этомъ. Ужь мнѣ всѣ уши прожужжали.

— Да вѣдь мало-ли что говорятъ-то.

— Мнѣ давеча еще ихной фалеторъ то же самое сказывалъ. Какъ карета-то подкатила, я и шмыгъ-туда, да и выспросилъ все до-чиста.

— А ты что думаешь? Быть можетъ и взаправду ему деньги-то ея приглянулись! А то, что бы ему за оказію съ этакой непригожей связаться!

— Вѣстимо, приглянулись деньги. Шутка-ль триста тысячъ!

— Сколько, сколько, родной мой? спросила Татьяна Ивановна, перевѣсившись через перилы, непроронившая ни одного слова, и погагавшая, что огромная цифра достигла слуха ея въ преувеличенномъ видѣ.

— Да, триста тысячъ, матушка, подтвердилъ купецъ.

— Неужто! Вотъ оказію-то, такъ ужь подлинно оказію! А кто она такая? Не знаешь-ли? Ужь ты, чай, все повыспросилъ.

— Какъ же не повыспросить, матушка? Сказывали мнѣ, что какая-то Губкина.

Татьяна Ивановна и Прасковья Ильинична долго не переставали ахать, удивляться, и даже приступили къ купцу съ требованіемъ пересказать имъ немедленно и со всеми подробностями все слышанное, всю подноготную, что тотъ и исполнилъ со всевозможною добросовѣтностью.

Въ эту самую минуту на улицѣ, около паперти, отъ толпы отделилась молодая дѣвушка въ черной бархатной шляпкѣ и въ длинномъ байковомъ бурнусѣ, потому что была глубокая осень и стужа сильная. Она устремила большіе темно-голубые глаза на плотно затворенную дверь церкви, потомъ тотчасъ же опустила ихъ, какъ бы опасаясь, чтобъ она не растворилась, и проскользнула въ ближнюю улицу.

Не въ дальнемъ разстояніи, по загрязившейся мостовой тащился шагъ за шагомъ ломовой извозчикъ. На длинныхъ роспускахъ его стояла простая, выкрашенная подъ красное дерево, кровать, старый комодъ, небольшой туалетъ, да бѣлый деревянный ящикъ, изъ котораго выглядывали верхушки нѣсколькихъ горшковъ цвѣтовъ, плотно закутанныхъ въ бумагу.

Александрина быстро удалялась, направляя шаги свои къ домику доброй старушки, своей матери, которая ласками своими не разъ уже отогрѣвала сердцѣ бѣдной дѣвушки. Она опустила вуаль, зашагнула бурнусъ и векорѣ скрылась изъ виду.

А что же случилось съ красною камеліей?

Однажды Сенька, камердинеръ Сергѣя Петровича, нашедшаго необходимымъ въ этотъ день куда-то отлучиться, убиралъ кабинетъ его. Обмахивая пыль съ письменнаго стола и съ прочихъ мебели и этажерокъ съ бездѣлушками, рука его наткнулась на завѣтный футляръ, и не знаемо по какой причинѣ, ему вздумалось открыть его, что онъ немедленно и привелъ въ исполненіе. Камелія совершенно высохла и ярко-красные нѣкогда листья ея съѣжились и пожелтели.

— Эка штука! сказалъ Сенька, вертя ее въ пальцахъ во все стороны. — Что это барину вздумалось положить сюда эту траву? Что за краса въ ней? А не то, можетъ статься, онъ позабылъ ее тутъ. Въдь она ему не нужна, только мѣсто занимаетъ ... дай, брошу ...

Потомъ, подумавъ, онъ прибавилъ: — А какъ спросить?.. куда, дескать, ты дѣвалъ? скажетъ... Нѣтъ, не спросить, продолжалъ Сенька съ увѣренностью. — Куда этакая дрянь годится? Совѣзмъ запылится, да засохъ этотъ цвѣтъ, даже корова ѣсть не станетъ.

И безъ дальнихъ церемоній, Сенъна вышвырнулъ его въ соръ, который былъ уже заметенъ къ порогу, а оттуда смахнулъ его крыломъ и отправилъ такимъ образомъ въ дальнѣйшее и окончательное путешествіе, не заботясь и даже не подозрѣвая нисколько того, что уничтожилъ нѣкогда завѣтный талисманъ, красовавшійся на груди голубаго домина.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Г. РОТЧЕВА.

—
I.

ВЕЧЕРЪ НА МОРЪ,

Подъ небомъ тропиковъ вечерняя заря
Прекрасна! Я люблю, вперяя жадно взоры
На западъ, наблюдать, какъ въ пурпуръ горя,
Какъ будто мгла, черны, какъ храмины, какъ горы,
Надъ шаромъ огненнымъ тѣсняются облака.
Уже погасъ въ волнахъ огонь златаго шара...
Темно.... а ихъ толпа, сребриста и легка,
И блещетъ и горитъ, какъ въ заревѣ пожара!
Пустынно одинокъ корабль мой на волнахъ....
Лишь небо да вода — куда ни брошу очи!
Люблю я въ этотъ часъ — сліянье дня и ночи
Встрѣчать и провожать.... молитва на устахъ
Въ сей часъ таинственный: ея прикосновеенье
Врачуесть тяжкое души моея волненье!
Тогда я счастливѣй, тогда мечтаю я:
Мой другъ! не тамъ ли, гдѣ, то пурпуромъ одѣта,
То въ золотѣ — небесъ тропическихъ заря
Горитъ и гаснетъ, гдѣ, какъ знаменье завѣта,
Встрѣчаю я Креста * плѣнительный восходъ,
Не тамъ ли часъ свиданья намъ пробьетъ?...

На переходѣ въ Калькутту. Апр. 1852.

* Южный Крестъ — созвѣздіе.

II.

ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ.

Чуть дышетъ вѣтерокъ и море — какъ равнина.
 Тропическая ночь. Какъ тихо, какъ тепло!
 Полнеба въ пурпурѣ, другая половина
 Вся въ тучахъ, и черна, какъ ворона крыло.
 Весь въ брызгахъ огненныхъ, какъ сказочное диво,
 Какъ гипогрифъ, корабль качается лѣнливо.
 Но тучи все чернѣй... проснулась въ нихъ гроза,
 Какъ страсть въ груди. Вотъ громъ, сверкнули небеса,
 Зажглись изъ края въ край... Какъ левъ, тряхнувши гривой,
 Понесся мой корабль, раскинувъ паруса!
 Но ты спокойна будь! И въ ужасахъ природы
 Ты все въ душѣ моей! Пускай гроза шумить!
 Я вѣрю, мой карабль при воѣ непогоды
 Безвредно къ пристани летить!

Тихій океанъ. Корабль Ганнибаль. Июнь. 1852.

III.

ВСЕГДА, ВЕЗДѢ ОДИНЪ.

Всегда, вездѣ одинъ! Въ минуты ли печали
 На небо южное вперяю жадный взглядъ:
 Въ немъ незнакомыя созвѣздія горятъ —
 И закрываю я мнѣ чуждыя скрижали!
 И мнѣ еще грустнѣй... На Южный Крестъ смотрю —
 Минувшихъ дней встаютъ грядой воспоминанья,
 И я въ душѣ мольбу усердную творю:
 «Отдайте сѣверной звѣзды моей сіянье!»
 Иль пальма стройная надъ головой моей
 Широколиственнымъ раскинется покровомъ,
 Душа моя твердитъ въ волненьи вѣчно новомъ:
 «Подъ небомъ сѣвера отрадитъ было ей!»
 Когда жъ, въ часъ вечера, надъ дивными цвѣтами
 Тропической земли — огни, какъ свѣтлый рой

Видѣній неземныхъ, мелькаютъ предъ глазами,
 Мой взоръ любитъся ихъ свѣтлою гурьбой,
 А сердце говорить: » на сѣверѣ долекомъ
 Твой путеводный огонь, онъ для тебя горитъ! »
 И вновь душа моя, въ волненьи одинокомъ,
 Ни чѣмъ не радуясь, о сѣверѣ груститъ!
 Пусть воздухъ сѣвера не полнъ благоуханій
 Сихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, тропическихъ долинъ,
 Но въ немъ вся жизнь моя! Тамъ ядъ воспоминаній
 Не гложетъ грудь мою... О, тамъ я не одинъ!

Восточная Индія, на берегахъ Ганга. Августъ. 1852.

IV.

ДО СВИДАНЬЯ.

Въ часъ незабвенный, въ часъ страданья
 Ты мнѣ сказала: « до свиданья! »
 А не послѣднее — прости.
 И съ той поры, я слово это,
 Какъ лучъ живительнаго свѣта,
 Храню въ измученной груди.
 « Жди свѣтлый часъ соединенья
 Въ молитвѣ, въ вѣрѣ и въ терпѣннѣи » —
 Ты мнѣ сказала: — « я твоя! »
 И, помня сладостные звуки,
 Всѣ раздрающія муки
 Сносила гордо грудь моя.
 Разстались мы — и надо мною
 Бѣгутъ обычной чередою
 Чужаго неба облака!
 Мнѣ все здѣсь чуждо — лишь страданья
 Не чужды — да воспоминанья,
 Да безпредѣльная тоска,
 И все, чѣмъ сердце въ жизни билось,
 Къ чему тревожное стремилось,

Безъ укоризны и безъ слезъ,
Печаль въ душѣ сокрывъ глубоко,
Какъ жрецъ, покорный волъ рока,
Не самъ ли въ жертву я принесть?

Смотрю въ грядущее пытливо....
Въ немъ безотвѣтно, молчаливо!
Печаль грядущее сулить!
Къ нему одно мое моленье:
Да ядъ губительный сомнѣнья
Моей души не омрачить!

Что жъ? если часъ обтованный,
Блаженства часъ, тотъ часъ желанный
Намъ въ этой жизни не пробьетъ...
Ты вѣришь — этотъ часъ свиданья
Ударить тамъ, гдѣ нѣтъ страданья,
Гдѣ наше счастье не пройдетъ!

Капръ; на берегахъ Нила. Сент. 1852

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

РАШЕЛЬ И КЛАСИЦИЗМЪ.

Въ исторіи сценическаго искусства артисту принадлежитъ второстепенное мѣсто: онъ только исполнитель мысли автора, живой органъ передачи чувствъ, влагаемыхъ авторомъ въ лица историческія, или созданныя его воображеніемъ. Знаменитые артисты находятъ иногда въ характерахъ, которые олицетворяютъ, новыя черты, незамѣченныя до того ни авторомъ, ни публикою, дополняютъ эти характеры, выставляютъ ихъ рельефнѣе, яснѣе, эффектнѣе. Этимъ, однакожь и ограничивается значеніе автора въ области искусства. Если онъ изъ незначительной роли можетъ иногда сдѣлать довольно замѣчательную, то ни въ какомъ случаѣ не извлечетъ ничего изъ дурной роли. Тальма, Лекенъ, Гарриксъ, Кипъ, Дюшенуа и Марсъ не прибавили ничего къ славы авторовъ, чьи пьесы они играли: они знамениты только тѣмъ, что превосходно исполняли роли великихъ писателей; они не прибавили ни нѣвольное знаменитости пьесамъ, въ которыхъ выходили на сцену. Рашель составляетъ исключеніе въ ряду этихъ великихъ артистовъ. Она рѣшительно возстановила цѣлый рядъ пьесъ, которыхъ безъ нея почти никто не смотрѣлъ. Она заставила публику обратиться къ произведеніямъ, давно забытымъ, оживила ихъ, сдѣлала изъ своей роли въ такихъ пьесахъ главную роль, вокругъ которой сосредоточила все остальные. Для нея только масса зрителей собиралась смотрѣть классическихъ писате-

лей французской сцены — и это едва ли не единственный примѣръ въ исторіи театра.

Теперь, когда вопросъ о классицизмѣ давно рѣшенъ, когда никто не станетъ спорить о томъ, возможно ли въ наше время существованіе трагедіи съ классическими единствами и безъ всякой исторической вѣрности, когда, наконецъ, мы видимъ предъ собою знаменитую защитницу и одушевленную классицизма—вопросъ о значеніи его и отношеніи къ исторіи литературы дѣлается очень важенъ и интересенъ. Въ отдѣлѣ театральной хроники нашего журнала читатели найдутъ отчетъ о представленіяхъ Рашели на нашей сценѣ. Здѣсь мы расскажемъ біографію знаменитой артистки и постараемся объяснить отношеніе ея къ классицизму. Для этого мы должны бросить прежде всего бѣглый взглядъ на классицизмъ вообще, на его развитіе, паденіе и возрожденіе, при появленіи Рашели.

Не хотимъ возвращаться къ дѣламъ давноминувшихъ дней и сдѣлаемъ только бѣглый очеркъ классицизма, чтобъ опредѣлить его настоящее значеніе въ теоріи и исторіи драматическаго искусства.

Въ древней Греціи трагедія была народнымъ праздникомъ, почти обрядомъ. Гимны, пѣтые хоромъ въ честь Діонисія—Вакха, положили, какъ извѣстно, основаніе этому роду произведеній. Пѣвецъ—корифей, выходившій изъ среды хора и заводившій съ нимъ родъ разговора, подалъ Эспису мысль составить для этого корифея рассказъ о какомънибудь подвигѣ изъ исторіи Вакха. Рассказъ этотъ, названный *эпизодомъ*, давалъ возможность хору отдохнуть, чтобы потомъ съ новою силою обратиться къ воспѣванію сына Семелы. Впослѣдствіи эпизодъ сдѣлался главною частью этихъ представленій; хоръ занялъ второе мѣсто. Эта перемѣна сдѣлана была Эсписомъ, раздѣлившимъ эпизодъ, или рассказъ, на пять частей, или *актовъ*, и избравшимъ предметомъ этихъ рассказовъ другія лица, кромѣ Вакха. Еще прежде Эхила, Фриникъ къ одному корифею прибавилъ другихъ и вывелъ на свои подмостки женщинъ, роли которыхъ исполняемы были, однакожь, мужчинами; женщины никогда не появлялись на греческихъ театрахъ.

При преемникахъ Эхила — Софоклѣ и Эврипидѣ и вообще до послѣднихъ дней греческой трагедіи, хоръ занималъ въ ней всегда, если не первое, то весьма важное мѣсто, былъ главною, существенною частью каждой пьесы. Это были зрители, принимавшіе участіе въ представленіи, то изъ простаго любопытства, какъ въ *Прометей*, то изъ страха, какъ въ *Семи вождахъ предъ Тивами*, то изъ мщенія, какъ въ *Эвменидахъ*; то соединялъ онъ всѣ свои голоса, воспѣвая свое сожалѣніе, негодованіе или ужасъ, то разговаривалъ съ актеромъ, или читалъ

ему наставленіе посредствомъ одного корифея, избраннаго изъ среды хора. Софокль и Эврипидъ ввели въ обыкновеніе оканчивать каждый актъ трагедіи строфами и антистрофами, пѣтыми обѣими половинами хора поочередно. Планъ и содержаніе ихъ трагедій, конечно, выше Эсхилловскихъ, но никогда хоры ихъ не достигали того величія, не производили такого впечатлѣнія, какъ у Эсхила. Стоитъ вспомнить только эффектъ хора Эвменидъ, пробуждавшій въ зрителяхъ религіозный ужасъ. Что можетъ быть трогательнѣе хора стариковъ, въ трагедіи *Персы*? Хоръ второго акта въ трагедіи *Семь вождей*—выше всѣхъ одъ Пиндара.

Стало бытъ, отличительною чертою древней греческой трагедіи былъ хоръ. Въ театрѣ, гдѣ помѣщалось тридцать тысячъ зрителей, онъ наполнялъ сцену, въ огромной пустотѣ которой терялись бы немногіе актеры. Нѣсколько десятковъ голосовъ, сопровождаемыхъ инструментами, производили большое впечатлѣніе на зрителя. При началѣ трагедіи, на сцену выходила толпа мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и стариковъ, гражданъ и рабовъ, жрецовъ и воиновъ; впереди ихъ шли музыканты, игравшіе на флейтѣ, или лирѣ; хоръ занималъ на театрѣ свое обычное мѣсто между зрителями и актерами, устроенное, однакожь, ниже сцены. При появленіи актера, хоръ вступалъ съ нимъ въ разговоръ, принималъ участіе въ его горестяхъ, подавалъ ему совѣты; по уходѣ актера и во время такъ называемыхъ у насъ антрактовъ, хоръ рассказывалъ какія нибудь событія изъ представляемаго сюжета; говорили о своихъ опасеніяхъ, о надеждахъ касательно поступковъ героя, или, наконецъ, просто дѣлалъ обращеніе къ какому нибудь божеству и пѣлъ моральныя сентенціи.

Само собою разумѣется, что, при постоянномъ участіи хора въ трагедіяхъ, для сохраненія правдоподобія, необходимо было, чтобъ мѣсто дѣйствій происходило въ храмѣ, на площади, подъ портикомъ, куда допускался народъ. Это было причиной употреблявшагося у древнихъ *единства мѣста*, *Единство времени* протекало само собою изъ этого же условія, потому что хоръ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ долѣе одного дня. Очевидно, что введеніе хора связывало писателя трагедій. Кромѣ этихъ неудобныхъ единствъ, актеры принуждены были раскрывать свои замыслы и тайныя чувства передъ толпою, являвшеюся на мѣсто дѣйствія часто безъ всякой причины. Какъ пріятно было высказывать Медеѣ предъ этой толпой свои ужасныя намѣренія, или Федрѣ свою преступную страсть, которую она хотѣла бы скрыть отъ самой себя!

Огромность греческихъ театровъ вела за собою еще и другія неудобства: надо было увеличить ростъ актера, усилить его голосъ. Изо-

брѣтены были высокіе котурны, широкія маски съ аппаратами, придававшими голосу силу и звучность, но лишавшими его гибкости и выразительности, въ то же время, какъ маска придавала лицу неподвижность и безжизненность. При такихъ условіяхъ было трудно, да и вовсе не нужно, быть хорошимъ актеромъ: надо было только громко декламировать или, вѣрнѣе, пѣть свою роль. Изобрѣтеніе впоследствии масокъ, у которыхъ одна половина лица выражала радость, другая печаль, такъ что актеръ не могъ иначе стоять къ публикѣ какъ въ профиль, повертываясь къ ней то той, то другой стороною, смотря по положенію роли—было верхомъ нелѣпости. И, однакожь, все это не помѣшало трагедіямъ Эсхила и Эврипида, и въ особенности Софокла, быть совершенствомъ своего рода и своего времени.

Мы не будемъ разбирать теперь греческихъ трагедій: Рашель, конечно, дастъ намъ поводъ говорить о многихъ изъ нихъ впоследствии. Римъ, соперничествовавшій съ Греціей во многихъ родахъ поэзіи, не оставилъ ни одной порядочной трагедіи. Въ этомъ виновато можетъ быть время, нещадившее этихъ произведеній. О нихъ нельзя судить по трагедіямъ Сенеки. Цицеронъ и Квинтилианъ очень хвалятъ трагическихъ писателей Акція и Пакувія. Мы знаемъ также, что Овидій написалъ *Медю*, Цезарь—*Эдина*, Октавій Августъ—*Аякса*. Эти трагедіи не могли быть слабыми произведеніями.

Болѣе двѣнадцати вѣковъ прошло со смерти трагедіи до ея возрожденія во Франціи. Начало ея было также религіозное, какъ въ Греціи. Какъ въ Греціи, французская трагедія родилась на площадяхъ и перекресткахъ, и первые сценическіе подмостки были устроены на бочкахъ, напоминавшихъ Оесписа. *Мистеріи* во многомъ напоминали древнія трагедіи, хотя въ нихъ не было ни одного единства. Первымъ трагическимъ писателемъ Франціи считаютъ *Беранже Парасоля*, умершаго въ 1383 году. Находясь при Іоаниѣ неаполитанской, онъ написалъ пять трагедій, содержаніе которыхъ взялъ изъ приключеній этой королевы. Онъ посвятилъ свои пьесы папѣ Клименту VII. Это были разговоры то элегическіе, то сатирическіе, безъ раздѣленій на явленія и акты.

Первая французская трагедія, составленная по правиламъ древней греческой, была *Клеопатра*, написанная *Жоделлемъ*; она была играна въ 1552 году и возбудила всеобщій восторгъ. Генрихъ II присутствовалъ со всѣмъ своимъ дворомъ при представленіи этой трагедіи, и далъ автору 500 экю изъ своихъ собственныхъ денегъ. Друзья автора до того увлеклись его успѣхомъ, что вздумали устроить въ честь Жоделля такой же триумфъ, какими Аѳиняне награждали своихъ трагическихъ

писателей. На пиру, въ Аркейлѣ друзья автора закололи, въ честь его, козла. Эта пародія древности едва не стоила жизни бѣднымъ энтузіастамъ. Народъ требовалъ, чтобы ихъ сожгли какъ идолопоклонниковъ. Ихъ съ трудомъ освободили. Успѣхъ Жоделля былъ, однакожь, непродолжителенъ: авторъ «Клеопатры» умеръ при Карлѣ IX отъ бѣдности, другіе говорятъ даже—отъ голоду.

Гарнье, преемникъ Жоделля, все еще подражая древнимъ, не копировалъ ихъ, однакожь, рабски, какъ его предшественникъ. Его *Ипполитъ* заставилъ забыть *Клеопатру*. Болѣе тридцати лѣтъ Гарнье господствовалъ на французской сценѣ.

Въ 1600 году явился *Гарди*, написавшій *восемьсотъ* трагедій, изъ которыхъ многія не совсѣмъ дурны. Отъ этого писателя до Корнеля прошло также болѣе тридцати лѣтъ, и въ этотъ періодъ времени явились только двѣ порядочныя трагедіи: *Муцій Сцевола*, Дюріе, и *Софонизба*. Мере. Первую передѣлывалъ сначала Мармонтель, потомъ Люсь де-Лансиваль. Вторую безъ перемоніи воспользовался Вольтеръ, сказавъ въ предисловіи, что онъ взялъ на себя трудъ обдѣлать ее за-ново (de remettre à neuf). Замѣчательно, что Корнель также написалъ *Софонизбу*, очень плохую пьесу, и что до него еще четыре автора писали четыре трагедіи на тотъ же сюжетъ.

Жоделль, Гарнье и Гарди, слѣдуя во всемъ трагедіямъ древнихъ, ввели и хоры въ свои пьесы. Каждый актъ ихъ трагедіи оканчивается тирадами, полными сентенцій и общихъ мѣстъ. До Гарди, эти хоры даже пѣлись. Мало по малу стали, однакожь, замѣчать несообразность хоровъ, и они дѣлались все короче и рѣже. Наконецъ, въ 1636 году, явилась первая класическая трагедія, признаваемая образцомъ всѣхъ послѣдующихъ произведеній въ этомъ родѣ, до сихъ поръ восхищающая приверженцевъ классицизма. Это былъ знаменитый «Сидъ» Корнеля.

Фонтенель, племянникъ Корнеля, говоритъ въ жизнеописаніи своего дяди: «Чтобы судить о красотѣ какого нибудь произведенія, достаточно разобрать его внутреннее достоинство; но чтобы судить о заслугахъ и значеніи писателя, необходимо сравнить его съ современниками» и съ его предшественниками, прибавимъ мы. Въ этомъ отношеніи во французской литературѣ нѣтъ писателя выше Корнеля. Онъ создалъ все въ трагедіи: стихъ, интригу, характеры. Несмотря на все величіе, его герои говорятъ простымъ языкомъ, сравнительно съ надутостью, сентенціальностью и каламбурами (conceits) Гарди и Гарнье. Чувства героевъ Корнеля возвышенны; его римляне, испанцы, греки, довольно близко подходятъ къ дѣйствительнымъ. Переворотъ, сдѣланный имъ въ

драматическомъ искусствѣ, такъ великъ, что имя его должно стоять на первомъ мѣстѣ въ исторіи театра.

Корнель не вдругъ, однакожь, достигъ извѣстности и знаменитости, не всегда оставался одинаково великъ въ своихъ пьесахъ. До Сида онъ написалъ восемь очень плохихъ пьесъ, послѣ Сида написалъ еще столько же, и еще слабѣе. Разборъ его пьесъ займетъ насъ, когда Рашель будетъ играть ихъ. Скажемъ теперь только, что онъ окончательно утвердилъ формы, составляющія основаніе классической трагедіи: три единства: мѣста, времени и дѣйствія, пять актовъ и стихи. Правда, послѣ него были попытки снова ввести въ трагедію хоры; но, кромѣ Гофоліа, гдѣ величіе библейскаго сюжета, положеніе дѣйствующихъ лицъ и самое мѣсто дѣйствія—храмъ Соломона, позволяли употребить въ дѣло эту главную принадлежность древняго театра — всѣ остальные трагедіи съ хорами, не исключая *Эсври* Расина, *Эдина* Вольтера и *Уллиса* Понсара, не имѣли успѣха. Одна изъ внѣшнихъ причинъ упадка хоровъ была та, что публика не могла выдержать три часа слишкомъ безъ отдыха, безъ антрактовъ.

Прошли времена, когда на праздникахъ въ честь Діонисія давали въ одинъ спектакль шесть трагедій, и представленія шли нѣсколько дней сряду, начинаясь съ утра и продолжаясь до поздняго вечера. Зато, конечно, подобныя театральныя зрѣлища въ Афинахъ бывали одинъ разъ въ годъ, а современная публика всякій вечеръ хочетъ видѣть и слышать новое.

Трагедія, основанная Корнелемъ, поддержанная и возвышенная Расиномъ, упала тотчасъ же послѣ нихъ и до Вольтера не производила ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ двухъ, трехъ пьесъ Кребиллона младшаго. Вольтеръ былъ послѣднимъ знаменитымъ представителемъ ея въ литературѣ. Разрушившій такъ много литературныхъ предразсудковъ, онъ не смѣлъ, однакожь, вооружиться противъ устарѣлыхъ формъ трагедіи и рабски слѣдовалъ имъ, осыпая бранью произведенія *пьянаго дикаря* — Шекспира.

Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV и первые Людовика XVI драма начала уже вторгаться на сцены парижскихъ театровъ. Попытки Дидро и Бомарше возбуждали участіе, несмотря на вопли классиковъ, приходившихъ въ отчаяніе; революція все остановила. Въ это время, когда на театрахъ республики играли надутыя трагедіи Маріи-Жозефа Шенье и сладкія пасторали съ Титрами и Мелибеями.

Въ короткое время своего владычества, Наполеонъ всѣми силами старался поднять классицизмъ. Онъ былъ идеаломъ классика въ литературѣ. Его суровому, холодному и отчасти напыщенному генію нра-

вились громкія фразы трагедіи, строгія формы и котурны. Нѣсколь-ко разъ требовалъ онъ у Франціи трехсотъ тысячъ конскриптовъ и знаменитаго поэта. Истощенная Франція давала ему войско, но не дала поэта. Соловьямъ какъ-то не пѣлось подъ желѣзной рукою побѣдителя поль-Европы. Съ величайшими усиліями Франція производила только Бауръ—Лорміановъ и ему подобныхъ писателей.

Реставрація познакомила наконецъ Францію съ литературной жизнью остальной Европы. Но прошло еще около пятнадцати лѣтъ, покамѣтъ классицизмъ умеръ окончательно подъ ударами молодой фаланги даровитыхъ драматурговъ. *Генрихъ III* и *Христина* Александра Дюма, *Отелло* въ переводѣ Альфреда де-Виньи и *Гернани* Виктора Гюго—положили основаніе новой школѣ, современной драмѣ, до сихъ поръ господствующей на сценахъ всей Европы, хотя попытки воскресить классическую трагедію продолжаютъ по временамъ какъ со стороны авторовъ, такъ и со стороны актеровъ. Изъ короткаго очерка сущности древней трагедіи, сдѣланнаго нами, читатели могутъ заключить: возможно ли въ наше время возвращеніе къ классицизму? Еще не такъ давно замолкли между романтизмомъ и классицизмомъ жаркіе споры; и какъ почти во всѣхъ литературныхъ спорахъ, продолжительность ихъ происходила оттого, что спорящіе просто не понимали другъ друга, спорили не о дѣлѣ, а о словахъ, понимая и толкуя ихъ каждый по своему. Подъ классицизмомъ понимали произведенія древней литературы, а изъ современныхъ такія, которыя подходили къ древнимъ—подражали имъ. Классицисты и не догадывались, что ихъ поддѣлки и подражанія—только пародіи на древнихъ; что взять образцомъ только одну форму у давнопогибшихъ націй, значить добровольно лишить себя средствъ быть оригинальными, самобытными, вѣрными своей національности, положить самого себя на прокустово ложе, убить жизнь, душу произведенія и восхищаться его разрушеннымъ трупомъ, поставленнымъ на ходули.

Мы видѣли, что главною, необходимою частью греческой трагедіи былъ хоръ, отвергнутый самими классиками, какъ несвойственный новымъ идеямъ, новымъ сценическимъ условіямъ. Отчего же эти самыя лица такъ упорно держались своихъ нелѣпыхъ единствъ? Причиною этому было схоластическое ученіе среднихъ вѣковъ, основанное на Аристотелѣ. *Ipse dixit*—и этого было довольно: это прекращало всѣ споры. Уже гораздо позже замѣтили, что пресловутый Аристотель никогда не говорилъ положительно и прямо о необходимости трехъ классическихъ единствъ въ своей *Поэтикѣ*. Да и врядъ ли кто изъ тогдашнихъ поборниковъ классицизма, привыкшій *jurare in verba magistri*, читалъ эту знаменитую *Поэтику*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Аристотель былъ великій чело-

вѣкъ съ огромнымъ и разнообразнымъ дарованіемъ; но легкость выраженія не принадлежала къ числу его достоинствъ. Сжатость его философскаго слога, афектація его методы, сухость, темнота выражений, ненужныя повторенія, невыносимыя длинноты—все это дѣлаетъ чтеніе Аристотеля весьма затруднительнымъ. Проповѣдуя ученіе совершенно противоположное Платону, Аристотель хотѣлъ отличиться отъ своего учителя даже слогомъ. Платона укоряли въ излишествѣ украшеній; Аристотель избѣгалъ ихъ вовсе, но впалъ въ другую крайность—темноту и сухость. Къ тому же *Питтика* его дошла до насъ въ однихъ отрывкахъ. Вотъ все, что Аристотель говоритъ въ ней объ одномъ изъ единствъ трагедіи: «Трагедія старается заключиться въ одномъ днѣ, или простирается немного далѣе этого времени». И на этомъ шаткомъ основаніи класики построили свою систему! Далѣе Аристотель говоритъ: «Трагедія есть подражаніе важнаго событія, полнаго, довольно-продолжительнаго... Но какова должна быть мѣра этой продолжительности? Этого искусство не можетъ опредѣлить въ точности». И изъ этихъ словъ класики вывели, что важное событіе только то, въ которомъ участвуютъ герои, и что событіе это должно совершиться непременно въ одинъ день и въ теченіе пяти актовъ!

Есть, впрочемъ, у Аристотеля и такія сужденія о трагедіи, которыя класики не брали на себя труда переиначивать, а просто не обращали на нихъ вниманія, хотя въ нихъ заключается прямое опроверженіе нѣкоторыхъ изъ класическихъ формулъ. Таковы, на примѣръ, слѣдующія слова: «Безъ дѣйствія нѣтъ трагедіи. Можно слыть вмѣстѣ прекрасныя сентенціи, блестящія мысли или выраженія, и не достигнуть впечатлѣнія, производимаго трагедіей». Не правда ли, какъ оправдываютъ эту мысль безконечныя тирады французскихъ трагедій, монологи Тераменоли и разные рассказы о томъ, что *дѣлается* за кулисами, между тѣмъ, какъ объ этомъ только *говорится* на сценѣ.

Подобныхъ мѣстъ, которымъ класики вовсе не слѣдуютъ, мы бы могли найти не мало. Такъ Аристотель прямо говоритъ, что главное достоинство трагедіи—планъ и сюжетъ, а класики предпочитаютъ всему слогъ. Лагарть прямо говоритъ, что, по языку, Корнель не можетъ быть поставленъ въ ряду класиковъ. Потомъ Аристотель требуетъ какъ можно болѣе правдоподобія отъ поступковъ героевъ, желаетъ, чтобъ они были ни совершенно добры, ни совершенно злы и чтобъ впадали въ несчастіе не по преступленію, или по злобѣ, но по ошибкѣ или заблужденію, свойственнымъ человѣку. Какъ все это похоже на класическихъ героевъ! Конечно, класики могутъ сказать намъ на это, что и Аристотель могъ ошибаться, приводя подобныя сужденія, какъ

ошибался, называя Эврипида первымъ греческимъ трагикомъ; онъ не ошибался только въ тѣхъ сужденіяхъ, изъ которыхъ классици извлекли свои правила. А извлечь ихъ было не трудно, какъ мы видѣли выше: стоило только взять нѣсколько строкъ изъ Аристотеля и перетолковать ихъ по своему. Вѣдь извлекли же даже изъ Аристотеля, что главною пружиною классическихъ трагедій должна быть любовь, тогда какъ любви — какъ мы понимаемъ теперь это чувство — нѣтъ ни въ одной греческой трагедіи, кромѣ Федры.

Въ томъ, что французская трагедія похожа на греческую, можно было увѣрять только, покамѣсть литература не познакомилась съ Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипидомъ въ добросовѣстныхъ переводахъ. Тогда псевдоклассицизмъ, видя, что притязанія его на родство съ древними болѣе чѣмъ смѣшны, принялъ другую тактику и сталъ хлопотать за сохраненіе своихъ единствъ и героевъ потому, что они только одни могли спасти идеаль прераснаго, высокаго въ литературѣ, униженный попытками романтиковъ представить жизнь современную въ настоящемъ ея видѣ, изобразить челоѣка челоѣкомъ, а не героемъ. Наконецъ, разбитые на всѣхъ пунктахъ, классици стали оправдывать свои единства и формы двухсотлѣтнею давностью; но и въ этомъ случаѣ изысканія строгой критики доказали, что съ самыхъ первыхъ временъ псевдоклассицизма шли объ руку съ нимъ и его противники. Не говоримъ уже о такихъ писателяхъ, которые какъ Буа-Робертъ, Демаре, Сен-Сорленъ, Шарль Перро, возставали въ эпоху процвѣтанія классицизма, противъ его образцовъ грековъ и римлянъ и противъ педанта Буало, положившаго въ своемъ *Art poétique* законы псевдоклассицизма. Фонтенель, д'Аламберъ, Мармонтель, Мариво, Дидро, Кондорсе, Бомарше, Жанъ Жакъ-Руссо также не уважали древнихъ и не признавали ихъ заслугъ. Ламотъ первый возсталъ противъ классическихъ единствъ, доказывая ихъ нелѣпость, первый началъ смѣяться надъ трагическими наперсниками. Вольтеръ, несмотря на весь свой авторитетъ, на свои злые сарказмы, не могъ осмѣять и уронить Ламота въ общественномъ мнѣніи. Ламотъ защищался очень искусно и поминутно ловилъ Вольтера въ противорѣчіяхъ самому себѣ. Послѣ того, въ то самое время, какъ Дюсисъ уродовалъ Шекспира, приспособляя его къ классическимъ формамъ, Себастьянъ Мерсье въ своемъ «Опытѣ драматическаго искусства», изданномъ въ 1773 году, излагалъ о театрѣ и вообще о романтизмѣ почти тѣ же самыя мысли, которыя были въ такомъ ходу отъ 1820 до 1830 года. Самое слово *романтизмъ* было въ первый разъ употреблено въ это же время Летуриеромъ въ предисловіи къ его

переводу Шекспира. Мерсье былъ настоящимъ основателемъ новой школы, хотя Франція и забыла о немъ.

Теперь уже не спорять о преимуществахъ классицизма передъ романтизмомъ, не спорять даже объ обратномъ предложеніи. Въ наше время подъ классическою школою литературы понимаютъ ложныя чувства, ложныхъ героевъ, ложныя формы. Романтизмъ, напротивъ, сдѣлался синонимомъ истиннаго. Очевидно, что рѣшеніе вопроса, уясненнаго до такой степени, не можетъ быть подвержено ни малѣйшему сомнѣнію.

И однакожь, въ наше время есть приверженцы классицизма, есть заклятые враги романтизма. Отчего происходитъ это? Намъ кажется, что и это не трудно объяснить. Приверженность французовъ стараго порядка, de l'ancien régime, къ классицизму объясняется историческимъ ходомъ вещей во Франціи. Классическая литература, начиная съ Людовика XIII, была достояніемъ избраннаго, высшаго класса общества. Масса народа никогда не сочувствовала трагедіямъ и смотрѣла ихъ потому, что больше смотрѣть было нечего. Поэтому съ преданіями о классицизмѣ у классиковъ соединяются преданія блестящаго двора Людовиковъ XIV и XV. Въ классической трагедіи старые классики (молодыхъ классиковъ нѣтъ и никогда не было) любятъ свое прошлое, свою молодость, воспоминаніе первыхъ лѣтъ ученія, первыхъ минутъ любви. Вражда этихъ лицъ къ романтизму можетъ объясниться также отчасти и злоупотребленіями его, доходившими до послѣдней степени крайности въ современной французской драмѣ. Но очевидно, что употребленіе во зло какаго бы то ни было предмета, не доказываетъ еще, чтобъ предметъ этотъ былъ дурень или вредень. Сами романтики, неувлекаемые пристрастіемъ и односторонностью взгляда, и осуждающіе по заслугамъ формы и заблужденія классицизма, отдадутъ всегда справедливость знаменитымъ классическимъ писателямъ, умѣвшимъ и въ этихъ стѣснительныхъ формахъ выразить много благородныхъ и прекрасныхъ чувствъ. Дѣло только въ томъ, что, нестѣсняемые этими формами, классическіе писатели создали бы еще лучшія произведенія.

Тѣмъ, что мы сказали выше, объясняется невозможность возрожденія классицизма въ наше время, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и возможность съ участіемъ и любопытствомъ смотрѣть французскія трагедіи, только не постоянно и не всякій день. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не любопытно человѣку, знакомому съ исторіей литературы, взглянуть на произведенія, восхищавшія образованныхъ людей, двѣсти лѣтъ тому назадъ? Развѣ не интересно вернуться къ давнопрошедшимъ временамъ, воскресить въ своей памяти образы эпохи блистательной, знаме-

нитой? Конечно, эпоха эта будет непонятна тому, кто не изучал историческаго развитія литературы; но она будетъ всегда занимательна даже для націй, въ которыхъ сценическое искусство развивалось по другимъ законамъ, на другихъ основаніяхъ. Вотъ почему образованный англичанинъ, испанецъ, германецъ будутъ съ удовольствіемъ слушать французскую трагедію, хотя ихъ національный театръ далеко выше французскаго, а Шекспиръ, Кальдеронъ и Шиллеръ конечно уже выше Расина и Корнеля.

Изъ всѣхъ народовъ ближе всего подходятъ къ французамъ, по сценическимъ произведеніямъ — итальянцы; дальше всѣхъ отъ нихъ славянскія племена. У насъ, конечно, театръ нашъ, при началѣ его существованія, долженъ былъ слѣдовать классическому направленію. Французская трагедія явилась и на нашей сценѣ, сначала въ тяжелыхъ виршахъ Ломоносова и Сумарокова, потомъ болѣе въ очищенномъ видѣ у Княжнина и его подражателей. У насъ также, какъ и въ Парижѣ, только высшій кругъ интересовался трагедіей; для народа она была дика, какъ экзотическое растеніе, которое никакъ не могло привиться къ нашей почвѣ. Впрочемъ, и въ первые годы своего существованія, русская классическая трагедія почувствовала необходимость своихъ, самобытныхъ, народныхъ сюжетовъ для сценическихъ представленій. Правда, наши Владисавы, Росславы, Ярополки, Вадимы, Дмитріи Самозванцы были тѣ же французскіе маркизы или, что все одно и то же, Пирры, Оресты, Баязеты, Титы французскихъ трагедій; но даже эти заморскія маріонетки, одѣтыя въ русскіе кафтаны, пробуждали въ массѣ зрителей любовь къ народнымъ драмамъ. Классицизмъ упалъ у насъ еще до 1812 года. Послѣ этого онъ поддерживался съ трудомъ только нѣсколькими замѣчательными сценическими дарованіями. Въ одно время съ Западной Европой, начались и у насъ толки о классицизмѣ и романтизмѣ. Ни одинъ альманахъ двадцатыхъ годовъ не выходилъ безъ болѣе или менѣе глубокомысленнаго разсужденія объ этомъ предметѣ. Мы нашли, между прочимъ, весьма любопытный отзывъ о романтизмѣ у Пушкина въ одномъ частномъ письмѣ его къ другу-литератору. Вотъ, что писалъ знаменитый поэтъ нашъ изъ Опочки, 3 декабря 1824 года: «Я написалъ трагедію и ею очень доволенъ; но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то; даже К—ъ вретъ... Жду твоей новой повѣсти, да возмись—ка за дѣлный романъ и пиши его со всей непринужденностью разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину... Я право болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ плавъ безъ стиховъ.» Въ этомъ

же письмѣ Пушкинъ высказываетъ свое мнѣніе о первой *романтической* комедіи въ Россіи, о «Горѣ отъ Ума». Это мнѣніе до того замѣчательно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ близкое отношеніе къ предмету, о которомъ мы бесѣдуемъ съ читателями.

«Слушала Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣдкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно: не то... не то московская кузина. Молчалинъ недовольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина, но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. *Les propos du bal*, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорецкій, всеми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума», кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, островами и сатирическими заключеніями. Все это говоритъ онъ очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? на балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно! Первый признакъ умнаго человѣка: съ перваго взгляда звать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера предъ Репетиловыми и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глухъ: съ такимъ простодушіемъ довольно, чтобы онъ признавался въ своей глушости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину—прелестна, и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ—его воля. О стихахъ я не говорю: половина должна войти въ пословицу».

Подобные свѣтлые взгляды были не рѣдкость въ русской литературѣ двадцатыхъ годовъ. Мы не можемъ, однакожь, входить въ подробности развитія и паденія классицизма въ Россіи и должны обратиться къ главному предмету нашей статьи, отъ котораго мы такъ часто от-

даляемъ, увлекаемые богатствомъ сюжета и любопытными чертами исторіи классицизма.

Прошло безъ малаго восемь лѣтъ послѣ іюльскаго переворота, классицизмъ совершенно упалъ въ Парижѣ. Французскій театръ посѣщали одни старики, восхищавшіеся трагедіями изъ упрямства и по привычкѣ. Но и романтизмъ успѣлъ надобѣть своими крайностями, преувеличеніями, неуваженіемъ къ искусству, къ основнымъ законамъ прекраснаго, истиннаго. Вдругъ, среди жаркихъ лѣтнихъ дней, двѣнадцатаго іюня 1838 года, Французскій Театръ возвѣстилъ въ своихъ афишахъ дебютъ дѣвицы *Рашель-Феликсъ* въ роли *Камиллы* въ трагедіи Корнеля: *Горацию*...

Театръ былъ еще пустѣе, нежели когда нибудь; зрители собрались смотрѣть и пьесу и дебютантку рѣшительно отъ скуки, и вдругъ даже первый выходъ Рашели поразилъ публику. Въмѣсто неестественнаго, классическаго *выступанія*, молодая дебютантка вышла простой, благородной походкой. При первыхъ звукахъ ея голоса изумленіе увеличилось: Это было не декламированіе стиховъ на распѣвъ, по завѣтнымъ традиціямъ съ трагическимъ завываніемъ, однообразнымъ паденіемъ стиха на послѣднемъ слогѣ, это было простое, естественное чтеніе, живая рѣчь живаго созданія, голосъ, полный чувства и возбуждающій чувство въ зрителяхъ. Класики видѣли, что это не *классическая* игра, не *классическое* чтеніе стиховъ, но сознавались въ глубинѣ души, что все таки это хорошо сыграно и прочтено. Три акта прошли въ недоумѣніи, въ молчаніи; ни одинъ аплодисменъ не раздавался въ полупустой залѣ. Зрители поняли, что въ искусствѣ совершился переворотъ огромный, важный, неожиданный. Но въ четвертомъ актѣ класики не выдержали: они пришли въ восторгъ, вздрогнули невольно при знаменитыхъ стихахъ, превосходно прочтенныхъ молодой артисткой:

Rome, unique objet de mon ressentiment!
 Romé, à qui vient ton bras d'immoler mon amant!
 Rome, qui t'a vu naître et que ton cœur adore!
 Rome, enfin que je hais, parce qu'elle t'honore!

Въ особенности конецъ этого монолога рѣшительно уничтожилъ публику:

Puissé-je de mes yeux voir tomber la foudre,
 Voir tes maisons en cendres et tes lauriers en poudre!
 Voir le dernier romain à son dernier soupir
 Moi seule en être cause et mourir de plaisir!

Эффектъ этого спектакля былъ единственный въ лѣтописяхъ французскаго театра со времени Жоржъ и Дюшенуа. На другое утро Парижъ съ удивленіемъ узналъ о появленіи въ немъ новой гениальной артистки. Журналы, до тѣхъ поръ ничего о ней неговорившіе, обратили вниманіе на ея дебюты, но слѣдили за ними какъ-то недовѣрчиво; извѣстность ея распространялась очень медленно.

Послѣ Гораціевъ Рашель играла роль Эмилиі въ *Циннъ* Корнеля. Зрители также слушали съ ужасомъ знаменитую тираду ея:

Me connais-tu, Maxime et sais tu qui je suis?

Tu m'ose aimer et tu n'ose mourir.

Tu prétends un peu trop: mais pour que tu pretendes

Rends-toi digne du moins de ce que tu demandes,

Cesse de fuire en lache un glorieux trepas

Ou de m'offrir un coeur que tu fais voir si bas;

Fais que je porte envie a ta vertu parfaite;

Ne te pouvant aimer fais que je te regrette:

Montre d'un vrai Romain la derniere vigueur

Et merite mes pleurs au défaut de mon coeur.

Суровый талантъ Корнеля особенно хорошо былъ постигнутъ Рашелью; это видно изъ двухъ противоположныхъ характеровъ, каковы характеръ Камиллы и Эмилиі. Камилла жевщина, которую любовь заставляетъ позабыть объ отечествѣ; Эмилиа жертвуетъ отечеству своею любовью. Въ этой послѣдней роли Рашель достигла высокаго совершенства и съ особеннымъ чувствомъ передала самоотверженіе наивной, непорочной дѣвушки, которую сознаніе разрушеннаго счастья вынуждаетъ къ смѣлому поступку.

Герміона, въ *Андромахѣ*, была третья роль Рашели. Различіе характера Герміоны отъ Камиллы и Эмилиі было прекрасно выражено Рашелью. Зрители видѣли предъ собою петинную дочь Менелая, то счастливую и нѣжную, то преданную самому сильному отчаянію, умѣющую повелѣвать своими чувствами въ присутствіи предпочтенной ей соперницы, передъ плѣнною троянкой, которую Герміона уничтожаетъ однимъ презрительнымъ взглядомъ и величественнымъ движеніемъ. Особенно въ этой пьесѣ, все могущество таланта Рашели выказалось въ энергической сценѣ, когда она говоритъ Оресту:

Ne vous suffit il pas que je l'ai condamné?

Ne vous suffit il pas que ma gloire offensée

Demande une victime a moi seule adressée,

Qu'Hermione est le prix d'un tyran opprimé;
Que je le hais; enfin, seigneur, que je l'aimai?

Je m'en vais seule au temple ou leur hymen s'apprête,
Où vous n'oser aller mériter ma conquête;
Là de mon ennemi je saurai m'approcher
Je percerai le cœur que je n'ai pu toucher;
Et mes sanglantes mains, sur moi-même tournées,
Aussitôt, malgré lui, joindrons nos destinées;
Et, tout ingrat qu'il est, il me sera plus doux
De mourir près de lui que de vivre avec vous.

И потомъ, отдѣльные стихи въ ея сценѣ съ Пирромъ были верхомъ совершенства, какого когда либо достигали актрисы...

Аменада въ Танкредѣ была выполнена Рашелью съ такимъ же совершенствомъ. Роль Эрифилы, въ Ифигеніи несмотря на свою незначительность, была сыграна Рашелью съ такимъ искусствомъ, что дочь Клитемнестры казалась передъ нею второстепенной героиней. Противъ Рашели начали уже распространять толки зависти: стали упрекать ее въ томъ, что у нея не достаетъ истиннаго чувства; что ни въ душѣ ея, ни въ голосѣ незамѣтно выраженія грусти, задумчивости и восторговъ любви. Тогда, какъ бы для опроверженія этихъ обвиненій, она появилась въ роли Мониимы, въ Митридатѣ. Рашель особенно была хороша въ ту минуту, когда печальная Мониима держитъ отравленный кубокъ и мечтаетъ о голубомъ небѣ своей родины, и когда она сталкивается съ Кеифаромъ. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, когда она говорила Митридату:

Dans l'ombre du secret ce feu allait s' éteindre;
Et même de mon sort je ne pouvais me plaindre,
Puisqu' enfin, aux dépens de mes vœux les plus doux,
Je faisais les bonheur d'un héros tel que vous.
Vous seul seigneur, vous seul m'avez arrachée
A cette obeissance où j'étais attachée, и проч.

Директоръ Французскаго Театра положилъ возобновить представленіе трагедіи Баязетъ, въ которой Рашель должна была играть роль Роксаны. За нее боялись немного ея почитатели. Самъ Жюль-Жаненъ, всегда благосклонный почитатель таланта Рашели, лично объявилъ ей, что она въ роли Роксаны «никогда ни на что не будетъ похожа,» но и Жюль-Жаненъ принужденъ былъ сознаться, что ему суждено ошибаться. Представленіе Баязета увѣнчалось огромнымъ успѣхомъ, и Рашель раздѣлила славу актеромъ Фонта игравшимъ роль Османа. Особенно

хороша она была въ томъ явленіи, гдѣ ей подають письмо и она говоритъ:

Donne!.. Pourquoi fremir?... et quel trouble soudain
 Me glace à cet objet et fait trembler ma main?
 Il peut l'avoir écrit sans m'avoir offensée

Ah! de la trahison me voila done instruite!
 Je reconnais l'appas dont il m'avait séduite.
 Ainsi donc mon amour était récompensé,
 Lâche! indigne de jour que je l'avais laissé!
 Ah! je respire enfin, et ma joie est extrême
 Que le traître une fois se soit trahi lui même!
 Libre des soins cruels où j'allais m'engager,
 Ma tranquille fureur n'a plus qu'a se venger,
 Qu'il meure! Veugeons-nous: courez! qu'on le saisisse,
 Que la main des muets s'arme pour son suplice;
 Qu'ils viennent preparer ces noeuds infortunés....

Рашель передала эти неистовыя слова Роксаны съ ужасающею естественностью.

Не смотря на эти успѣхи, зала Французскаго Театра оставалась пуста попрежнему. Рашелью восхищались немногіе класики. Большинство публики имъ не вѣрило. Говорили даже, что Рашель просто *сочинили* класики, чтобы поддержать свою умирающую трагедію, что Рашель—просто фокусъ и что трагедія съ Рашелью—тотъ же трупъ, который при ударѣ гальванической батареи приподнимется на мгновение для того, чтобы послѣ упасть съ бѣльшимъ шумомъ.

И вдругъ, среди этого равнодушія, среди недовѣрчивости къ возникающему дарованію явлась въ фельетонѣ Journal de Débats статья блистательная, живая, увлекательная, полная ума, чувства и любви къ искусству. Предметомъ этой статьи была Рашель; авторъ ея—Жюль-Жаненъ, невидавшій первыхъ дебютовъ артистки, потому что онъ путешествовалъ въ это время по Италіи.

Жюль-Жаненъ былъ въ восторгѣ отъ Рашели. Она была уже знакома ему прежде. Съ годъ тому назадъ, на театрѣ Драматической Гимназіи, директоръ его Делетръ-Пуарсонъ принялъ новую дебютантку, и заказалъ даже для нея новую пьесу Теолопу, одному изъ неутомимыхъ поставщиковъ бульварныхъ пьесъ. Тогда только что вышелъ *Театръ Клары Хазуль*—Мериме и всѣ театры переносили на сцену эпизодъ измѣнницы, отъ которой спасается графъ Романья. Пьеса Теолона называлась *Вандейка* и заключала въ себѣ сто первое повтореніе этой

исторіи. Это происходило 24 апрѣля 1837 года. Пьеса не имѣла никакого успѣха; дебютантка раздѣлила участь пьесы. Несмотря на это, Жюль-Жаненъ писалъ въ фельетонѣ того же журнала Преній, 1 мая 1837 года слѣдующее:

«Въ этой пьесѣ (La Vendéenne) авторъ хотѣлъ не только создать драму, но вывести въ драмѣ ребенка, дѣвочку, которой только что минуло пятнадцать лѣтъ; имя ея—*Рашель*. Ребенокъ этотъ, по счастью, не феноменъ и не попадетъ въ число рѣдкостей. Въ игрѣ Рашели много ума, души, сердца, чувства и очень мало опытности; въ ней есть природное пониманіе драмы, которую она играетъ, и чтобъ понять ее, ей довольно своего собственного разсудка: она не нуждается ни въ чьихъ урокахъ и совѣтахъ. Въ ней не видно никакого усилія, никакого преувеличенія; нѣтъ криковъ, нѣтъ жестовъ; чрезвычайная умѣренность въ движеніяхъ корпуса и лица; ничего, что бы было похоже на кокетство, но, напротивъ, что-то рѣзкое, смѣлое, даже дикое въ движеніяхъ, въ походкѣ, во взглядѣ—такова Рашель. Эта дѣвочка, обладающая сознаниемъ истины въ искусствѣ, костюмируется съ мелочною вѣрностью; голосъ ея глухъ и не выработанъ, какъ голосъ ребенка; руки красны, ноги также какъ и руки, не сформировались; она далеко не красавица—но нравится. Однимъ словомъ, въ этомъ молодомъ дарованіи таится великая будущность; она уже въ настоящую минуту возбуждаетъ много участія, слезъ, волненія.»

На эту статью не обратили въ то время вниманія. Говорили, что знаменитый фельетонистъ увлеченъ; что онъ преувеличиваетъ. Обо всемъ этомъ онъ упоминалъ въ новой статьѣ по поводу той же Рашели, появившейся на другомъ театрѣ, въ другихъ пьесахъ, съ другимъ успѣхомъ.

«Странная вещь! говоритъ онъ, дѣвочка, ничему неучившаяся, безъ искусства, безъ приготовленія, вдругъ является въ старинной трагедіи, силою своего дыханія разогрѣваетъ ея остывшій пепель и развиваетъ изъ этого пепла пламя. Это точно удивительно! И замѣтите, эта дѣвочка невысока ростомъ, довольно дурна собой, слабой груди, весьма обыкновенной наружности, съ выраженіями тривіальными. Недавно я встрѣтился съ нею; она сказала мнѣ: *C'est moi que j'étais-t-au Gymnase*. Я долженъ былъ отвѣчать ей на это: *je le savons*. Не спрашивайте у нея, кто такой Танкредъ, старикъ Гораций, что такое Герміона, Троянская война, Пирръ, Елена? Она не знаетъ этого; она ничего не знаетъ. Но въ ней есть что-то лучше знанія: въ ней есть вдохновеніе, страсть, есть молніи, освѣщающія все вокругъ нея. Едва она вышла на сцену—она вырастаетъ; вы видите передъ собой фигуру

поэмы Гомера; голова ея поднялась, грудь расширилась, глаза загорѣлись, ноги гордо попирають землю; ея жестъ исторгается изъ души; звучная рѣчь полна сердечной страсти. Смѣло играетъ она въ пьесѣ Корнеля, возбуждая страхъ и волненіе, также смѣло выходитъ она въ трагедіи Вольтера, всею душою и тѣломъ предается нѣжной страсти Расина—и ничто не удивляетъ ее. Она родилась въ этомъ отдѣльномъ мірѣ поэзіи, она знаетъ все его тайны. Актеры, играющіе вмѣстѣ съ нею, удивляются этой смѣлости; древняя трагедія оживаетъ въ надеждѣ. Партеръ безмолвный, очарованный ея упоеніемъ, слушаетъ эту музыку чудныхъ стиховъ...»

Далѣе Жюль-Жаненъ говоритъ о трудности поднять въ наше время изъ праха класическую трагедію; радуется, что Рашель, не видѣвъ опасности, гордо выступила на этотъ подвигъ, смѣло исполнила его. Во всѣхъ порывахъ ея незамѣтно ничего, что отзывалось бы школой, напоминало консерваторію, показывало бы учителя, скрывающагося за этой декламацией, заранѣе положенной на ноты. Все, что въ ней есть, принадлежитъ ей одной—ошибка и торжество. Она презираетъ старья, избитыя тропы, даже не знаетъ ихъ. Часто старый трагическій актеръ, играющій съ ней и привыкшій къ извѣстному ударенію (*melorée*) на извѣстномъ стихѣ, вдругъ останавливается, испуганный новымъ удареніемъ на новомъ словѣ, которое вдругъ придаетъ новый блескъ и стиху и тирадѣ. Она сама не знаетъ впередъ, что сдѣлаетъ; ничего не предвидитъ; всякое движеніе исторгается у нея невольно, безсознательно.

Вотъ еще нѣсколько строкъ въ концѣ этого знаменитаго фельетона: «Рашель — это пивоя Виргилія: блѣдная, умирающая, она едва сидитъ съ опущенными руками, съ согнутымъ тѣломъ... вдругъ эта убитая природа пробуждается, оживаетъ, огонь изъ души переходитъ въ глаза; сердце сильно бьется въ поднявшейся груди; дыханіе ея сильно, горячо; вся фигура вдругъ становится дивно хороша. Какія позы! какой ростъ! какія руки! Ее можно принять за одну изъ тѣхъ древнихъ статуй вполнину изваянныхъ неизвѣстнымъ художникомъ, но которыя до того хороши, что никто не осмѣлится коснуться рѣзцомъ до этого необдѣланнаго мрамора. И покамѣстъ ей говорить, возбуждаютъ въ ней страсть, она вся занята; дѣйствуетъ сердцемъ, душою, умомъ, взглядомъ, всею тѣломъ съ ногъ до головы... Эта дѣвочка одарена необыкновеннымъ логическимъ смысломъ, сама этого не зная. Она не забываетъ ни на минуту господствующей страсти въ роли своей, хотя бы могла этимъ произвести большой эффектъ. Потомъ, когда она не сможетъ больше такъ сильно чувствовать, когда устанетъ, измучится отъ страданій, тогда играетъ до конца трагедіи—какъ позволять ей силы; она не играетъ, не слушаетъ; голосъ ея пау-

даетъ вмѣстѣ съ жестами... Будьте же снисходительны, если увидите, что она идетъ ощупью по дорогѣ, по которой сейчасъ шла съ такой энергіей: что дѣлать! погасъ свѣтъ, указывавшій ей дорогу.»

Эта статья Жюль-Жанена возбудила всеобщее вниманіе, надѣлала много шума въ Парижѣ, хотя въ ней фельетонистъ выражался немного восторженно, сознаваясь, что Рашель иногда играетъ неровно и слабо, и противорѣчилъ самому себѣ, говоря, что она играетъ то по одному вдохновенію, то съ удивительнымъ умомъ.

Одинъ изъ парижскихъ фельетонистовъ вычислилъ суммы, вырученныя французскимъ театромъ за представленія Рашели отъ іюня до октября 1838 года. Увеличивающаяся постепенно прогрессія выручки довольно любопытна. Вотъ она:

12 іюня 1838 года, первый дебютъ — Камилла въ Гораціяхъ — 752 фр.; 16 іюня—Эмилія, въ Циннѣ—558 фр.; 23 іюня—Гораціи—303 фр.; 9 іюля—Герміона въ Андромахъ — 373 фр.; 11 іюля — Цинна—342 фр.; 15 іюля—Андромаха—740 фр.; 9 августа—Аменаида, въ Танкредѣ—620 фр.; 12 августа, та же роль — 422 фр.; 16 августа—Эрифилла, въ Ифигеніи—715 фр.; 18 августа—Гораціи—594 фр.; 22 августа—Танкредъ—800 фр.; 26 августа—Андромаха—1225 фр.; 30 августа—Танкредъ—650 фр.; 4 сентября—Андромаха—629 фр.; 9 сентября—Танкредъ—2048 фр.; 11 сентября—Гораціи—1304 фр.; 15 сентября—Андромаха—1218 фр.; 17 сентября—Танкредъ—1118 фр.; 23 сентября—Андромаха—2129 фр.; 27 сентября—Цинна—3150 фр.; 29 сентября—та же роль—2400 фр.; 3 октября—Андромаха 4281 фр. 5 октября—Монима въ Митридатѣ—3660 фр.; 9 октября—та же роль—4640 фр.; 12 октября — Андромаха— 5529 фр.; 17 октября—Гораціи—4440 фр.; 19 октября—Андромаха — 6131 фр.; итакъ за двадцать шесть представленій получено было 49,465 франковъ.

Въ продолженіе октября мѣсяца число это возрасло до ста тысячъ франковъ. Ложье говорить, что въ теченіе пяти лѣтъ, съ 12 іюня 1838 по 1 ноября 1842 года, за сто семьдесятъ представленій, Рашель доставила Французскому Театру болѣе милліона пяти сотъ тысячъ франковъ. Этими пьесами не ограничился полный репертуаръ Рашели и вскорѣ послѣ роли Аменаиды въ Танкредѣ, она явилась въ роли Химены въ Сидѣ. Спектакль былъ обставленъ великолѣпно: Бовале игралъ Родрига, Гюйонъ дона Діего; Фонта короля; Друвиль дона Санчо. Трудную роль Химены, въ которой Корнель хотѣлъ изобразить всю испанскую гордость и вмѣстѣ всю пламенную нѣжность испанской женщины, Рашель ыграла слабѣе прочихъ ролей и только мѣстами являлась на высокой

степени своего искусства; но это минутное впечатлѣніе неполнаго наслажденія было вскорѣ изглажено ролью Маріи Стюартъ. Рашель, послѣ полнаго торжества въ Парижѣ, играла эту роль въ Лондонѣ съ равнымъ огромнымъ успѣхомъ и, кромѣ неистовыхъ рукоплесканій англійской публики, была награждена англійскою королевою драгоценнымъ золотымъ браслетомъ, украшеннымъ брилліантовымъ именованнымъ шифромъ.

Марія Стюартъ, какъ *Аріана* и *Фредегонда* Лемерсье, дала Рашели возможность выказать все могущество своего таланта и въ области трагедіи новѣйшей. Въ *Аріанѣ*, грустный и влюбленный взглядъ ея трогалъ томною нѣгою; въ роли Маріи онъ возбуждалъ невольное сочувствіе къ этой поэтической и несчастной женщинѣ; въ *Фредегондѣ* выраженіе глазъ Рашели пугало и обдавало душу холодомъ; блескъ ихъ, по словамъ Франсуа Жиро, былъ блескомъ металлическимъ, твердымъ, уничтожающимъ всякую надежду найти въ *Фредегондѣ* какое нибудь женское чувство... Наконецъ, послѣ *Полины* въ *Поліэвктѣ*, *Лаодицеи* въ *Никомедѣ*, *Эсвири* и *Юдифи*, для Рашели наступило еще трудное испытаніе: назначена была *Федра*—лучшее произведеніе Расина, давно всѣми нетерпѣливо ожидаемое, которое не могло имѣть болѣе гениальной представительницы. Театръ былъ весь полонъ, и огромная, труднѣйшая во всемъ класическомъ репертуарѣ роль *Федры* была сыграна въ совершенствѣ, хоть нѣкоторые фельетонисты замѣтили въ ней прежній недостатокъ чувствительности; эта слабая сторона искупалась вполнѣ, впрочемъ, силою выраженія и пантомимы.

Послѣ представленія *Федры*, Рашель достигла апогея извѣстности и славы, сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ, возбуждала всеобщій интересъ. Къ каждому слову ея прислушивались, припоминали каждое остроумное или удачное выраженіе, которыя пересказывались въ различныхъ кругахъ общества.

Рашель сама очень хорошо сознается, что упрекъ въ недостаткѣ чувствительности не безоснователенъ, и отвѣчала однажды:

«Я стараюсь придать своему голосу необходимую мягкость и нѣжность для выраженія этого чувства; но когда желаю достичь совершенства той интонаціи, какая прилична этому сердечному состоянію и какъ я понимаю ее — голосъ не повинуется мнѣ и фальшивитъ». Это чисто музыкальное замѣчаніе. Тальма испытывалъ то же самое.

Со времени фельетона *Жюль-Жанена* Рашель сдѣлалась настоящею знаменитостью. Журналы овладѣли ею и, какъ водится, начали рассказывать чудеса и небылицы о ея дѣтствѣ и первой молодости. Вотъ, однакожъ, самые вѣрные факты о ея жизни, которые мы могли собрать изъ множества разнородныхъ и часто противорѣчащихъ другъ другу источни-

ковъ. У Рашели не одни поклонники и панегиристы, у нея есть враги и памфлетисты, клеветавшіе не только на игру, но и на жизнь артистки.

Простой французскій торговецъ Феликсъ, родомъ изъ Метца, женатый на жидовкѣ Эсеиръ Гаѳа (Науа), съ ношею за плечами странствовалъ по ярмаркамъ въ сопровожденіи многочисленнаго семейства. Въ Швейцаріи, въ кантонѣ Ааргау, въ мѣстечкѣ Мюнфѣ, двадцать четвертаго марта 1820 года родилась у него дочь, которую назвали *Элиза-Рашель*. Рожденіе дочери не прекратило бродячей жизни мелочнаго торговца; онъ продолжалъ кочевать по разнымъ городамъ Франціи и наконецъ остановился въ Ліонѣ, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ. Торговля шла плохо: семейство надо было кормить; маленькая Рашель пѣла по улицамъ, въ кофейняхъ и собирала милостыню...

Про эту эпоху жизни Рашели рзсказываютъ много басенъ. Говорятъ, будто ее жестоко мучили, если она собирала мало денегъ; будто голодная дѣвочка должна была прибѣгать даже къ непозволительнымъ средствамъ, чтобъ утолить свой голодъ, и однажды была даже взята на улицы и проч. Во всѣхъ этихъ разсказахъ справедливо только то, что она съ первыхъ лѣтъ младенчества терпѣла нужду и лишенія и что въ это время ея судьба походила на судьбу многихъ гениальныхъ артистовъ. Вотъ что говорилъ Вольтеръ объ этихъ труженикахъ искусства.

«Почти всѣ актеры и актрисы, составившіе себѣ извѣстность на театрѣ, занимались сценическимъ искусствомъ противъ желанія своихъ родителей, несмотря на бѣдствія, поражавшія ихъ съ самой первой молодости, несмотря на всѣ униженія, холодность, даже презрѣніе — ужасную свиту бѣдности, часто умерщвляющей гений въ самомъ зародышѣ его, и между тѣмъ, несмотря на всѣ эти страшныя преграды, природа, побѣждая всѣ препятствія, всегда была сильнѣе несчастій и воспитанія».

Слова Вольтера, справедливыя въ прошедшемъ, оправдываются иногда и въ настоящемъ.

Въ 1831 году Феликсъ жилъ уже въ Парижѣ въ бѣдномъ уголку на Гревской площади. Онъ все еще думалъ сдѣлать изъ дочери своей пѣвицу и привелъ ее однажды къ профессору музыки Шарону, въ его музыкальную школу. Рашель не пробыла въ ней и года: пѣніе не давалось ей. Она перешла въ консерваторію къ профессору декламации и актеру французскаго театра Сентъ-Олеру. Три года училась она, по видимому безуспѣшно, потомъ играла нѣсколько маленькихъ ролей на театрѣ *Прадо* и *Залы Мольера*, гдѣ упражнялись ученики и ученицы

Сент-Олера, незамѣчавшаго въ Рашели никакого дарованія и почти вовсе незанимавшагося ею.

Пятнадцать лѣтъ она дебютировала, какъ мы уже говорили, на театрѣ Гимназій и безъ успѣха. Тогда она стала учиться у другаго актера французскаго театра Сансона, взявшагося докончить ее сценическое образованіе и, несмотря на увѣренія Жюль-Жанена, много изучала и трудилась прежде нежели достигла успѣха.

Но вслѣдъ за этимъ успѣхомъ, въ то время, когда въ теченіе сентября и октября 1838 года, Французскій Театръ собиралъ отъ 70 до 80 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ свыше обыкновенныхъ сборовъ, потому что весь Парижъ бросился смотрѣть Рашель—на нее обрушились новыя заботы, новыя непріятности, денежныя, грязныя.

Директоръ французскаго театра Ведель ангажировалъ Рашель за четыре тысячи франковъ въ годъ. Въ октябрѣ жалованье это было увеличено до восьми тысячъ. Общники театра, видя выгоды, какія приносила имъ Рашель (каждый мѣсяцъ круглымъ числомъ касса собирала до 40 тысячъ франковъ), предложили срокъ контракта по 1 апрѣля 1840 года, выговоривъ неустойки 50 тысячъ, если Рашель захочетъ нарушить контрактъ. Потомъ ей предложили званіе *общницы* (*soicétaire*) Французскаго Театра, съ ангажементомъ на *тридцать* лѣтъ. Она приняла это условіе, хотя не заключала на него контракта. Извѣстно, что актеры—общники Французскаго Театра, получаютъ положенную часть съ доходовъ театра, которая и дѣлится между ними не по таланту, а по *старшинству*. Рашель была, конечно моложе всѣхъ. За пять лѣтъ службы она получила бы по расчету 1250 франковъ пенсіи, а между тѣмъ въ одинъ годъ доставила она театру болѣе 450 тысячъ дохода. Постунокъ дирекціи театра съ Рашелью былъ очевидно весьма неблагоприятенъ. Ей было девятнадцать лѣтъ; она нехорошо понимала свои выгоды; за нея вступился отецъ. Онъ требовалъ, чтобъ Французскій Театръ по справедливости назначилъ прибавку къ жалованью его дочери, опредѣлилъ *разовыя* деньги смотря по количеству сбора и далъ ей въ годъ три мѣсяца отпуска для отдыха или представленія въ другихъ городахъ.

Французскій Театръ возсталъ противъ этого справедливаго требованія и началъ сильно жаловаться на неблагодарность артистки и корыстолюбіе ея отца. Журналы приняли сторону *общниковъ*—и на Рашель посылались со всѣхъ сторонъ пасквили и неприличные выходки.

Въ Парижѣ и Брюсселѣ вышли даже цѣлыя книги, направленные противъ ни въ чемъ невинной дѣвушки. Сочинили цѣлую сцену между ею и ея учителемъ въ декламациі, Самсономъ, окончившуюся тѣмъ,

что старый актер разбил статуэтку Рашели и сказалъ ей такое: *sortez!* какого она сама никогда не произносила на сценѣ.

Всѣ фельетоны были противъ Рашели и только одинъ малоизвѣстный парижскій журналъ вооружился всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ противъ этихъ нападеній, начинавшихъ становиться уже неприличными. Вотъ что говорить защитникъ Феликса:

«Мы уже имѣли случай возставать противъ *достоверныхъ* извѣстій, сообщенныхъ нѣкоторыми фельетонами. Въ подобнаго рода извѣстіяхъ, какъ для журналиста, такъ и для читателя скрывается часто самое неблагонамѣренное неправдоподобіе; въ особенности, когда вопросъ касается театра, чаще всего представляется случай указывать на такія злоупотребленія тисненія.

»Чтобъ представить, для доказательства нашихъ словъ, фактъ самый новый, напоминаемъ, что всѣ газеты, большія и маленькія, серьезныя и шутивыя, съ невѣроятною поспѣшностью и охотою перепечатали строки, явно вышедшія изъ администраціи Французскаго Театра. Вотъ эти строки.

«Добродѣтельный родитель дѣвицы Рашель, подписавшій собственноручно контрактъ, заключенный между французскимъ театромъ и имъ, въ пользу своей несовершеннолѣтней дочери отъ ея имени, суммою въ 4000 франковъ, возвышаетъ теперь свои притязанія до ничтожной суммы шестидесяти тысячъ франковъ. Кажется, что онъ такъ хлопочетъ объ этой суммѣ для остальныхъ членовъ своего бѣднаго семейства.

Г. Феликсъ *Рашель* хочетъ выручить г. Веделя, потому что требуетъ эту скромную плату въ шестьдесятъ тысячъ франковъ только до совершеннолѣтія нашей великой трагической актрисы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Ведель не приметъ подобнаго предложенія, потому что, въ противномъ случаѣ, не будетъ нисколько удивительно, если въ одинъ прекрасный день всѣ соплеменники дѣвицы Рашель явятся тоже предлагать дирекціи условія отъ имени ихъ малолѣтней родственницы.»

«Спѣшимъ объяснить истину. Дѣвица Рашель вступила на сцену Французскаго Театра въ мартѣ 1838 года, съ назначеніемъ ей жалованья 4000 фр. въ годъ. Дебюты ея начались въ іюнѣ и были блестятельны, какъ всѣмъ извѣстно. Въ продолженіе сентября и октября мѣсяцевъ сборы возвысились отъ 65 до 70 тысячъ франковъ и съ того времени жалованье г-жѣ Рашель было увеличено наградами до 8000 фр.

«Общники Французскаго Театра предчувствовали уже будущее, но ангажементъ г-жи Рашель продолжался на прежнемъ условіи до 1-го апрѣля 1840 г; между тѣмъ представленія молодой артистки доставляли съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дохода, и ея присутствіе на сценѣ увеличивало театральнй доходъ отъ 35 до 40,000 франковъ каждый мѣ-

сяць. Общники Французскаго Театра понимая, что нужно было сохранить какъ нибудь на долгое время на ихъ сценѣ талантъ, любимый публикою, тотчасъ же предложили дѣвицѣ Рашель званіе общницы, которое было скрѣплено контрактомъ на *тридцать* лѣтъ; другихъ условій положительно опредѣлено не было.

«До вступленія на сцену дѣвицы Рашель, сборы Французскаго Театра едва покрывали расходы; въ настоящее время они приносятъ ежегодно до 450,000 франковъ доходу—почему же послѣ этого удивляться, что отецъ дѣвицы Рашель желаетъ приобрести для своей дочери нѣкоторую часть изъ тѣхъ огромныхъ доходовъ, которые она доставляетъ театру? Зачѣмъ, послѣ этого, всѣ эти газетныя и журнальныя нападенія, эти возгласы противъ неблагодарности, жадности и корыстолюбія, когда виноваты во всемъ единственно только сами обвинители?

«Гг. члены Французскаго Театра! развѣ вы уже позабыли, что эта молодая артистка спасла васъ отъ холоднаго равнодушія утомленной вами публики; что она возстановила умирающую трагедію, привлекла снова толпу къ тѣмъ твореніямъ Расина и Корнеля, которыя лежали заброшенными въ пыли, за неимѣніемъ достойнаго истолкователя красотъ ихъ, и что она, наконецъ, отдала вамъ свою молодость, свой талантъ и даже, можетъ быть, самую жизнь!.. потому что, развѣ вы можете быть увѣрены, что эта блѣдная и слабая дѣвушка не падетъ, истощенная тѣми разнообразными душевными потрясеніями, которыя она выражаетъ съ такою естественностью и энергіею?

«Никогда артистъ не возвышался до такихъ огромныхъ требованій», говорите вы; но никогда ни одинъ артистъ и не выказывалъ такъ рано и такъ быстро такого полнаго и могучаго таланта. Самъ Тальма сталъ Тальмою только по прошествіи двадцати лѣтъ, а Рашель сдѣлалась великою актрисой съ перваго своего дебюта.

«Не торгуйтесь съ этою молодою дѣвушкой, которая требуетъ не столько для себя, сколько для своего многочисленнаго семейства, которому она единственная опора; не будьте мелочны съ этимъ дарованіемъ, которое стало для васъ источникомъ богатства. Вспомните, что цѣнность гениальнаго дарованія стоитъ выше всѣхъ вашихъ театральныхъ тарифовъ, условленныхъ для посредственности.»

Послѣ этого опроверженія всѣхъ нападковъ клеветы, стоить привести письмо самого отца Рашели, Феликса, чтобъ показать сколько было справедливаго и сколько ложнаго во всѣхъ журнальныхъ объясненіяхъ, занимавшихъ весь Парижъ, и еще болѣе дѣлавшихъ Рашель героиней настоящей минуты.

«Вашъ журналъ—писалъ онъ къ одному редактору—обвиняетъ меня,

(хотя только основываясь на слухахъ) въ томъ, что, я 1) нахожу недостаточнымъ жалованье 20,000 фр., получаемое моею дочерью; 2) въ томъ, что я требовалъ ей съ этой же минуты полного пенсіона, назначеннаго общникамъ 3) 12,000 фр.; каждагодно вознагражденія; 4) 500 за каждый выходъ и, наконецъ, 5) четырехмѣсячнаго отпуска.

«Вотъ мой отвѣтъ на эти обвиненія:

«Дочь моя не получаетъ *двадцати тысячъ* франковъ, но только *семь*. Вступивъ на сцену въ маѣ мѣсяцъ съ жалованьемъ въ 4,000 фр., въ октябрѣ дочь моя начала получать 8,000 до 1840 года, употребляя часть его на свои костюмы, которыхъ не полагала ей дирекція, и смѣю васъ увѣрить, что до сихъ поръ, покуда она не будетъ *общинницей*, Рашель не получаетъ *другаго содержанія, не заключала другаго ангажемента*. Правда, что дирекція сдѣлала три самые лучшіе ея костюма и дала ей тысячу франковъ вознагражденія въ ноябрѣ и другую тысячу въ декабрѣ; но этимъ все и ограничилось, хотя дочь моя и доставила французскому театру въ первые же шесть мѣсяцевъ двѣсти тысячъ сбору.

«Я никогда не требовалъ ни полного пенсіона, ни 12,000 вознагражденія сверхъ жалованья, а напротивъ, въ письмѣ моемъ директору говорилъ, что *въ назначеніи части, которую дочь моя должна имѣть въ вознагражденіе изъ общей театральнаго суммы, я вполне полагаюсь на справедливость театральнаго комитета.*»

«Я не требую 500 фр. разовыхъ за каждый спектакль, но по 300 200 и наконецъ 100 франковъ за представленіе, смотря потому, будутъ ли сборы превышать сумму 5000, 4000 фр. или достигнуть только этой послѣдней цифры. Я даже считаю обязанностью прибавить здѣсь для всеобщаго свѣдѣнія, что если, по несчастію, благосклонность, которою пользуется дочь моя, прекратится, комитетъ вправѣ не допускать ее до представленій.

«Я не требую четырехъ мѣсяцевъ отпуска, но только трехъ, и то единственно потому, чтобъ публикѣ не надоѣло видѣть постоянно однѣ трагическія пьесы, изученію которыхъ дочь моя посвятила себя исключительно.

«Въ сущности я требую отъ 100 до 300 франковъ за каждое представленіе и трехмѣсячный отпускъ. Оставаясь при этихъ требованіяхъ, я нисколько не полагаю, чтобъ разрушалъ ими подписанный мною контрактъ, который *дочь моя хочетъ также соблюдать, какъ и я*. Мы доказали это желаніе, отказавшись отъ самыхъ выгодныхъ и блестящихъ

предложеній, сдѣланныхъ намъ другими театрами. Я нисколько не отказываюсь отъ связывающаго меня обязательства, но обращаюсь съ вопросомъ ко всему, что есть только добросовѣтнаго во Франціи: можетъ ли мое желаніе доставить дочери пенсіонъ, 200 франковъ, среднимъ числомъ, за каждое представленіе и три мѣсяца отпуска, быть причиною столькихъ клеветъ противъ меня и недоброжелательныхъ толковъ?

«Да, я бѣденъ и отецъ шестерыхъ дѣтей; но во Франціи эта крайность и такое количество семейства даютъ еще болѣе права на снисхожденіе!

«Да! я точно требую отъ имени моей дочери нѣкоторыхъ выгодъ у театра, который также былъ бѣденъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а теперь, благодаря счастію моей дочери и благосклонности къ ней публики, находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи!

«Виновать ли я въ чемъ послѣ всего этого? Справедливо ли поселать внутри моего семейства смущеніе и печаль, однимъ словомъ, всю тягость незаслуженной недоброй огласки, которая падетъ не на одного меня?»

«Примите увѣреніе и пр.

Феликсъ.»

Письмо это, напечатанное въ одной изъ болѣе читаемыхъ газетъ, произвело сильное впечатлѣніе. Рашель стала еще болѣею любимцею публики.

Принуждены были согласиться, что требованія Рашели и ея отца справедливы. Она получила все, чего просила. вмѣстѣ съ рззовыми она получала въ послѣднее время до ста тысячъ франковъ въ годъ.

Оставаясь съ тѣхъ поръ постоянно любимцею публики французскаго театра, Рашель долгое время не хотѣла играть ничего, кромѣ классическихъ трагедій. Одни приписывали это исключительной привязанности ея къ старинному репертуару; другіе говорили: актриса эта до того увлекается чувствомъ, что бываетъ всякій разъ больна отъ изнеможенія послѣ трагедій Расина и Вольтера, стало быть, она можетъ просто умереть послѣ романтической драмы. Ни та, ни другая причина не удовлетворили публику. Любить исключительно классическій репертуаръ нельзя человѣку съ современнымъ образованіемъ; сыграть роль напыщенную и неестественную труднѣе, нежели вѣрную исторію, современности, логику ума и страстей. Скорѣе въ этой

ограниченности репертуара можно было видѣть боязнь стать въ современныхъ пьесахъ ниже, чѣмъ въ классическихъ. Мало по малу, однакожь, Рашель начала играть произведенія послѣдующихъ и новѣйшихъ драматурговъ, классическія по формѣ, близкія къ современности по духу и изложенію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами пьесъ, къ этому роду принадлежатъ: *Жанна-д'Аркъ*—Сулье, *Юдиовъ* и *Клеопатра*—г-жи Жирарденъ, *Виргинія*—Датуръ-де-Сент-Ибара, *Ліаа*—Ожье, одна пьеса Романа, и наконецъ *Валерія*, въ которой она играла *два* роли, вдругъ (изобрѣтеніе вовсе неклассическое!) строгую и добродѣтельную Валерію—Мессалину (о историки!) и страстную Лизиску. Рашель испытывала также свои силы въ пьесахъ, составляющихъ переходъ отъ трагедіи къ такъ называемой высокой комедіи, комедіи нравовъ. Таковы пьесы: *Гораций* и *Лидія*—Понсара и *Воробей Лесбій*—Бартэ, два маленькіе атюда древности, въ одномъ актѣ, написанные звучными стихами, въ которыхъ Рашель играла роли возлюбленныхъ Горация и Катутла. Она спустилась даже въ послѣдствіи до презрѣнной прозы въ *Адриеннъ Лекуверрѣ*, драмѣ-комедіи Скриба и *Леди Тартюфѣ*—комедіи г-жи Жирарденъ. Въ этихъ послѣднихъ пьесахъ, роли Рашель все таки драматическія и по нимъ нельзя судить, можетъ ли она когда нибудь замѣнить г-жу Марсъ, чего она, какъ кажется, сильно жаждетъ. Мы думаемъ, что ей всегда будетъ мѣшать имѣть успѣхъ въ комедіи ея голосъ, имѣющій мало гибкости и мягкости для выраженія тонкихъ оттѣнковъ чувствъ, и недостатокъ нѣжности и кокетливой граціи, безъ котораго можетъ иногда обойтись героиня, но никогда—женщина. Безпристрастные французы говорятъ даже, что она въ трагедіи стоитъ выше Жоржа и Дюшенуа, но ниже Дюмениль и Рокуръ. (См. *Les acteurs et les actrices de Paris; biographie complète par V. Darthenay. Paris 1853*). Вотъ что говорила о ней также недавно одна изъ лучшихъ парижскихъ газетъ: «*Messenger des théâtres et des arts*»: «Голосъ г-жи Рашель нѣсколько глухой, нѣсколько строгій для комедіи—въ выраженіяхъ трагическихъ блстателенъ. Она соблюдаетъ удивительно постепенность эффекта, разнообразить его, пользуется имъ съ большимъ искусствомъ, пренебрегая традиціями и ища вдохновенія въ самой себѣ; она не трогаетъ зрителя въ положеніяхъ, которыми онъ привыкъ восхищаться, и вдругъ возбуждаетъ его восторгъ въ такихъ мѣстахъ, на которыя онъ прежде не обращалъ вниманія. Не понятно, какимъ образомъ она могла постигнуть все тонкости классическихъ писателей, найти въ нихъ такія стороны, которыхъ не замѣчали ея предшественницы. Рашель очень умно обдумываетъ свою роль, искусно скрываетъ все ея слабыя сто-

роны, выказываетъ всё блестящія мѣста. Она удивительна въ выраженіи ненависти, гнѣва, мщенія, но выражаетъ лучше рѣзкія страсти, нежели любовь и нѣжность».

Съ этимъ, конечно, согласится всякій, кто видѣлъ Рашель въ ея лучшихъ роляхъ. Мы можемъ прибавить также, что дикція ея, обыкновенно ясная и отчетливая, становится прерывистою и неясною въ выраженіяхъ страсти, что, конечно, вѣрно истинно, но не можетъ быть допущено на сценѣ, гдѣ все условно и гдѣ зритель прежде всего имѣетъ право требовать, чтобъ онъ явственно слышалъ и разбиралъ то, что говорятъ. Рѣзкія вскрикиванья въ мѣстахъ, гдѣ это вовсе не нужно, и злоупотребленіе эффекта въ переходѣ голоса изъ forte къ piano безъ всякой причины, оправдывающей этотъ переходъ, принадлежатъ также къ числу недостатковъ знаменитой артистки, которая, несмотря на эти недостатки, все таки составляетъ самое замѣчательное явленіе современнаго сценическаго искусства и единственное въ его исторіи.

ПУССЕНЪ.

I.

Жизнь Пуссена видна вся въ его картинахъ; которыя соотвѣтствуютъ благородству и чистотѣ его чувствъ. Въ нихъ видна также борьба, которую великій артистъ долженъ былъ вести съ невѣжествомъ и завистью, прежде чѣмъ достигъ извѣстности. Жизнь Пуссена, разумѣется, давно извѣстна; но есть предметы, о которыхъ можно вѣчно говорить, не сказавъ еще всего, и которые возвышаютъ челоуѣка, представляя ему благородный примѣръ и полезный урокъ.

Собраніе любопытныхъ писемъ великаго живописца еще болѣе открываетъ подробностей о немъ и оканчиваетъ совершенно его портретъ. Въ нихъ видны его мысли, чувства, сужденія о современникахъ и нѣкоторыя изъ правилъ, которыя онъ принялъ въ искусствѣ. Но яснѣе всего въ этихъ письмахъ высказывается его искреннее расположеніе къ друзьямъ, гордость и нѣжность чувствъ, и умныя утѣшенія, которыми онъ облегчаетъ горе друзей въ несчастіи.

Сколько разъ повторяли, что Пуссенъ самый классическій живописецъ, и многіе удивятся узнавъ, что онъ въ самомъ-то дѣлѣ самый смѣлый нововводитель, какой только встрѣчается въ исторіи живописи. Онъ явился посреди преувеличенныхъ, натянутыхъ школъ, у которыхъ искусство превращено было въ ремесло. Онъ отсталъ отъ этой ложной школы, безъ

дурныхъ намѣреній, но потому что слѣдовалъ своему влеченію. Не надобно однакоже думать, чтобъ смѣлый преобразователь имѣлъ большое вліяніе на своихъ современниковъ. Напротивъ, артисты, гораздо ниже его талантомъ, произвели гораздо больше его впечатлѣнія, и составили цѣлыя школы только потому, что казались новыми и необыкновенными. Эффекты и дурной вкусъ имѣютъ привиллегію нравиться въ эпохи бездѣйствія и устатка, которыя слѣдуютъ за великими событіями, тогда какъ очень трудно избавиться отъ правилъ ложной школы, только потому, что они приняты всеми, и что посредственность имѣла въ ней большіе успѣхи. Когда Пуссенъ явился посреди послѣдователей Караччи, всѣ боялись признать его, не смотря на его необыкновенный талантъ. Кажется даже, что вліяніе этихъ живописцевъ имѣло дѣйствіе и послѣ него, потому что послѣдующіе французскіе живописцы продолжали подражать натянутой манерѣ италіянцевъ. Лебрюнъ замѣтно изучалъ стиль Пуссена, и его картины соединяютъ правильность съ академическою строгостью, которыя тоже вдохновили цѣлое поколѣніе артистовъ, явившихся послѣ него во Франціи.

Леессюёръ имѣлъ еще меньше вліянія, чѣмъ Пуссенъ, потому что невозможно подражать его наивности и граціи, точно также какъ трудно изобразить энергію и другія возвышенныя качества Пуссена. Но что составляетъ настоящую славу этихъ двухъ основателей французской живописи, такъ это вліяніе, которое они имѣютъ въ наше время, хотя современники и предпочитали имъ италіянскую манеру. Оба они имѣютъ свою оригинальность и напоминаютъ наивность фламандскихъ школъ, вѣрную экспрессию, и открываютъ въ будущемъ новую карьеру для рисунка и его исполненія. Они будутъ путеводителями всехъ артистовъ, которые уважаютъ принятые правила и подражаютъ одной природѣ.

Пуссенъ принадлежалъ къ благородному, но бѣдному семейству. Отецъ его, Жанъ Пуссенъ, былъ Пикардецъ и служилъ въ военной службѣ при многихъ короляхъ, но въ 1592 году удалился въ маленькій городъ Вернонь въ Нормандіи, не потому чтобъ служба утомила его, или онъ хотѣлъ поправиться послѣ ранъ, но потому что чрезвычайная бѣдность не позволяла ему продолжать службу на свой счетъ. Въ то несчастное время для Франціи, финансы были такъ разстроены, что почти никто не рассчитывалъ на жалованье, которое получали очень немногіе.

Когда Вернонь былъ взятъ, Жанъ Пуссенъ переселился въ Андели, маленькій городокъ на берегахъ Сены, и женился тамъ на дочери прокурора, Маріи Леземанъ. Въ 1594 году родился у нихъ сынъ Николай, который долженъ былъ прославить это скромное имя. Онъ очень рано началъ оказывать расположеніе къ живописи, и отецъ его не хотѣлъ,

чтобъ сынъ его былъ артистомъ; но настойчивость ребенка и его успѣхи превозмогли все препятствія. Притомъ же въ этомъ городкѣ нечаянно случился живописецъ, имя котораго не забыто въ исторіи искусства: это былъ Кентенъ Варенъ, замѣтившій необыкновенныя способности маленькаго Пуссена, и старавшійся развить ихъ, не забываясь, чтобъ ученикъ прежде всего изучилъ классическія науки. Этотъ недостатокъ чувствовалъ въ послѣдствіи самъ Пуссенъ, когда понялъ, какъ необходимо изученіе древнихъ, если приступаешь къ чему нибудь серьезному. Къ счастью, онъ успѣлъ позже воспользоваться совѣтами добрыхъ и умныхъ людей, которые дали ему средство познакомиться съ древнею литературою и дополнить его поверхностное воспитаніе.

Молодой человѣкъ самъ замѣтилъ, что совѣты его перваго учителя недостаточны, и единственнымъ его желаніемъ было ѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ надѣялся найти больше учености и больше моделей.

Нѣсколько эстамповъ съ Рафаэля и Джуліо Романо возбудили въ немъ инстинктъ прекраснаго, и онъ думалъ только объ одномъ—какъ бы ему усовершенствовать свои познанія. Онъ отправился наконецъ въ столицу, которая не походила на теперешнюю и не соединяла въ себѣ всехъ средствъ для образованія, и началъ искать себѣ учителя. Но хлопоты Пуссена были напрасны, потому что парижскіе учителя знали столько же, сколько провинціальный живописецъ, показавшій ему первыя правила. Съ нимъ еще могло случиться, что онъ вмѣсто новыхъ познаній забудетъ, или употребитъ во зло старыя, какъ это часто случается съ молодыми, неоцѣнными талантами. Есть артисты, которые всю жизнь не могутъ избавиться отъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ стилѣ, происшедшихъ отъ дурнаго направленія первыхъ уроковъ.

Живописецъ Фердинандъ Эль принялъ Пуссена въ число своихъ учениковъ; но онъ не долго пользовался его совѣтами, точно также какъ и уроками Лалемана, который былъ вторымъ его учителемъ въ Парижѣ. Встрѣча съ Филиппомъ Шампанемъ была для него счастлива. Этотъ извѣстный живописецъ былъ еще молодъ, но уже зналъ все традиціи фламандской живописи, и между молодыми артистами составила тѣсная дружба, которая принесла много пользы Николаю Пуссену.

Все великіе артисты начинаютъ одинаково. Натуральное безпокойство увлекаетъ ихъ и они, пренебрегая установленными правилами, стараются создать что нибудь новое, оригинальное. Биографы Пуссена говорятъ, что хотя учителя его были люди неизвѣстные и бездарные, но все-таки онъ у нихъ научился правиламъ. Развѣ можно отдѣлять въ искусствѣ матеріальную часть отъ духовной? Правила безъ таланта, точно также какъ талантъ безъ правилъ, не могутъ

ничего создать великаго. Притомъ же Дидеро замѣчаетъ справедливо, что великіе артисты часто не въ состояніи не только научить, но даже объяснить элементы своего искусства. Отсутствие методы составляетъ истинное несчастье нѣкоторыхъ людей, одаренныхъ необыкновеннымъ талантомъ. Вотъ отчего и Пуссенъ понялъ, что неполное, неосновательное ученіе не только недостаточно, но даже вредно. Случай познакомилъ его съ нѣкоторыми любителями, и у нихъ онъ увидѣлъ образцовыя картины, съ которыхъ снималъ коші. Одинъ молодой, богатый дворянинъ до того привязался къ будущему живописцу, что пригласилъ его къ себѣ въ Пуату, гдѣ у него было имѣніе. Но мать этого друга, непонимавшая ничего кромѣ хозяйства, разумѣется, не видѣла въ искусствѣ ничего полезнаго, и потому обращалась съ артистомъ какъ съ слугою, смѣясь надъ его занятіями. Бѣдный Пуссенъ поспѣшилъ воротиться въ Парижъ, куда добрался какъ могъ, рисуя по дорогѣ потолки и вывѣски, чтобъ заплатить за ночлегъ и пищу. Для этого рода живописи онъ употреблялъ краски, растертыя на водѣ съ клеємъ, и приучился къ этой манерѣ, которая имѣла вліяніе и на послѣдующія его картины, оставляя въ нихъ что-то сухое и рѣшительное, которое имѣетъ свою хорошую сторону.

Онъ возвратился въ Парижъ больной и безнадежный, и не могъ даже приняться ни за какую работу. Въ этомъ несчастномъ положеніи онъ вспомнилъ о родномъ городкѣ Андели, и отправился туда. Цѣлый годъ работалъ онъ за ничтожную цѣну и рисовалъ все, что ему заказывали, чтобъ только собрать небольшую сумму и добраться какъ нибудь до Италіи—этой обѣтованной земли всѣхъ талантовъ.

Наконецъ онъ какимъ-то образомъ доѣхалъ до Флоренціи, но тамъ его ждало такое жестокое разочарованіе, что онъ принужденъ былъ возвратиться въ Парижъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время невозможно было жить въ городахъ Италіи артисту съ неизвѣстнымъ именемъ, потому что вездѣ были свои уже знаменитые любимцы, которые исполняли всѣ работы по своей части.

Филиппъ Шампанъ подалъ руку помощи своему другу, и такъ какъ въ это время отдѣльвали Люксембургъ, то живописецъ Дюшенъ поручилъ нѣсколько работъ Филиппу, который раздѣлилъ ихъ съ Пуссеномъ. Талантъ молодого живописца обратилъ на него всеобщее вниманіе и возбуждалъ зависть Дюшена, который подъ пустымъ предлогомъ поссорился съ двумя друзьями и заставилъ ихъ отказаться отъ работъ. Пуссенъ въ это время успѣлъ сдѣлать нѣсколько экономій, и надѣялся опять увидѣть Римъ. Но въ Лионѣ его остановила опасная болѣзнь, и неизвѣстно

пережилъ ли бы ее артистъ, если бѣ одинъ негоціантъ этого города не далъ ему впередъ денегъ за обѣщанныя картины.

Не странна ли судьба великаго артиста, который, не смотря на свой талантъ, не можетъ никакъ выпутаться изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Теперь ученики, подающіе надежды, посылаются въ Италію безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ съ ихъ стороны, и для нихъ устранены все пренятствія, чтобъ они могли достигнуть совершенства. Бѣдный же Пуссенъ принужденъ былъ опять вернуться въ Парижъ, гдѣ не могъ найти пищи своему вдохновенію, и который онъ возненавидѣлъ отъ всей души, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ.

Однако извѣстность живописца начала возрастать въ этомъ городѣ, потому что онъ окончилъ нѣсколько работъ, которыя обратили на себя всеобщее вниманіе знатоковъ. Въ 1623 году іезуиты праздновали канонизацію св. Игнатія Лойолы и св. Франциска Кеверерія, и предложили конкурсъ для картинъ, изображающихъ жизнь этихъ святыхъ. Пуссенъ не пропустилъ этого удобнаго случая и представилъ шесть картинъ, которыя нарисовалъ въ шесть дней. Эта удивительная скорость поразила его соперниковъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на замѣтную поспѣшность, картины были превосходны. Все любители и знатоки Парижа признали его великимъ живописцемъ и старались съ нимъ сблизиться. Въ этомъ числѣ находился кавалеръ Марини, неаполитанскій поэтъ, знаменитый въ свое время и поселившійся во Франціи по желанію Маріи Медичи. Притомъ же это было и его собственное желаніе, потому что онъ не могъ ужиться ни въ Неаполѣ, ни при другихъ итальянскихъ дворахъ, гдѣ его сатиры сдѣлали ему много непріятностей и враговъ. Въ Парижѣ онъ тоже продолжалъ писать, только въ другомъ родѣ, и заслужилъ уваженіе всехъ знатныхъ лицъ. Марини отгадалъ, что Пуссенъ скоро прославится, и потому поспѣшилъ предложить ему свою дружбу. Онъ заставилъ артиста переѣхать къ нему, и представилъ его во многіе важные дома. Но болѣе всего онъ заслужилъ благодарность Пуссена тѣмъ, что познакомилъ его съ древнею литературою и съ поэтами Италіи. Марини проводилъ цѣлые дни въ мастерской живописца и, читая ему пассажи изъ лучшихъ поэмъ, воспламенялъ его воображеніе и очищалъ вкусъ, представляя настоящія модели для картинъ. Разумѣется, что поэтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ прочитать Пуссену все свои произведенія, на которыя, говорятъ, артистъ написалъ нѣсколько рисунковъ. Можетъ быть, это было причиною, что въ немъ развился вкусъ къ сельскимъ сценамъ въ древнемъ родѣ, къ вакханаліямъ и поэтическимъ пейзажамъ, которые нѣсколько не похожи на жеманные пасторали; бывшіе

въ то время въ большой модѣ. Въ нихъ онъ никакъ не могъ найти типовъ для своихъ нимфъ, фавновъ, боговъ Олимпа и Парнасса.

Еще новый случай познакомилъ его съ рѣдкими моделями—статуями изъ мрамора и бронзы, которыя прожили вѣка и теперь еще оживляютъ собою современный Римъ.

Матео Барберини вошелъ на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. Марини былъ его другомъ, и рассчитывая на прежнія чувства папы, рѣшился вернуться въ Италию, не смотря на свои болѣзнь и преклонныя лѣта. Разумѣется, онъ предложилъ Пуссену ѣхать съ нимъ, но тотъ къ несчастію имѣлъ въ это время много заказовъ и не могъ оставить Парижа, не окончивъ множества картинъ. Это была самая большая жертва для артиста; однако онъ простился съ своимъ другомъ, обѣщая соединиться съ нимъ по окончаніи работъ. Въ самомъ дѣлѣ, весною 1624 года онъ отправился въ давно желаемый городъ; но тамъ его ожидали новыя несчастія. Въ Римѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ и сознаться, что Парижъ, со всѣми его непріятностями, былъ все-таки благосклоннѣе для артиста, чѣмъ вѣчный городъ.

Новый папа принялъ Марини чрезвычайно холодно, и тотъ, огорченный незаслуженною немилостію, большой и отчаянный уѣхалъ въ Неаполь, гдѣ вскорѣ и умеръ. Однако онъ успѣлъ рекомендовать Пуссену одному изъ своихъ друзей, который представилъ артиста кардиналу Барберини, племяннику папы.

Но кардиналъ назначенъ былъ посланникомъ въ Испанію, и потому не имѣлъ времени заняться съ живописцемъ, позволивъ ему только изучать, сколько ему угодно, богатый музей дворца Барберини. Вотъ все, до чего могъ достигнуть Пуссенъ на тридцатомъ году своей жизни, въ полной силѣ молодости и таланта; вотъ для чего онъ все бросилъ и устранилъ всѣ препятствія, чтобъ остаться въ Римѣ безъ покровителей и безъ средствъ къ жизни.

Что было ему дѣлать въ этомъ городѣ, гдѣ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ? Въ отечествѣ по-крайней-мѣрѣ начали его цѣнить, хотя репутація его и стоила ему многихъ трудовъ и страданій; но здѣсь онъ долженъ былъ начинать снова работать, и это было тѣмъ труднѣе, что онъ явился посреди цвѣтущихъ школъ съ новымъ талантомъ; но оригинальность котораго могла скорѣе возбудить противъ него недоувѣрчивость, а ужъ никакъ не доставить ему покровителей или друзей. Дѣла его пришли въ такое печальное положеніе, что онъ продалъ за четырнадцать экю большую батальную картину, въ которой было множество фигуръ, и за два экю портретъ большихъ размѣровъ. Черезъ нѣсколько

времени какой-то посредственный живописецъ получилъ большую сумму только за копію этой картины.

Однако твердость не оставила артиста, и онъ съ жаромъ продолжалъ работать: копировалъ антики, древнія модели и изучалъ новыя науки, еще мало ему извѣстныя. Перспектива, анатомія и особенно архитектура, которой онъ обязанъ самыми богатыми аксесуарами своихъ картинъ, были постоянными предметами его занятій, и онъ думалъ только объ увеличеніи и разнообразіи своихъ познаній. Въ Римѣ онъ нашелъ другаго артиста, который былъ тоже въ бѣдственномъ положеніи и обладалъ замѣчательнымъ талантомъ — это былъ скульпторъ *Франсуа Дюкенуа*, болѣе извѣстный подъ именемъ Франциска *Фламандца*, который не могъ найти себѣ достаточно работы, чтобъ жить порядочно. Бѣдные артисты сошлись, подружились, и начали вмѣстѣ работать и отыскивать людей. Пуссенъ занялся скульптурой и сдѣлалъ нѣсколько моделей для статуй, между прочимъ восковую фигуру спящей Клеопатры. Онъ лѣпилъ также грушны, сюжеты для которыхъ бралъ съ лучшихъ картинъ. Не этому ли занятію надобно приписать, что въ его картинахъ фигуры иногда имѣютъ изысканное положеніе и очень отдѣляются одна отъ другой, какъ будто бы были мраморныя?

Этотъ недостатокъ и сухость въ исполненіи замѣтны во всѣхъ его первыхъ картинахъ. Въ Луврѣ находится въ этомъ родѣ картина его *Чума у Филистимлянъ*, которую онъ продалъ въ Римѣ, бывши въ крайности, только за то, что ему стоилъ матеріалъ. Кардиналъ Ришелье купилъ ее вскорѣ послѣ этого за тысячу экю, и то еще удивлялся дешевизнѣ, потому—что талантъ Пуссена успѣлъ преодолѣть всѣ препятствія и сдѣлался извѣстнымъ.

Пуссенъ пріучился работать съ необыкновенною скоростью, что было очень удобно какъ для его бѣднаго положенія, такъ и для того, что воображеніе его не успѣвало остывать, когда картина была уже окончена. Притомъ же онъ, подобно другимъ артистамъ, не употреблялъ во зло своей рѣдкой способности и не оставлялъ ничего неоконченнаго или неправильнаго. Напротивъ, отдѣлка и старательность первыхъ картинъ Пуссена доказываютъ, что онъ обдумывалъ каждую фигуру и положеніе, что онъ занимался подробностями, мелочами и общимъ эффектомъ картины. Однако эта скорость исполненія могла ему вредить, потому—что многіе почетные люди увѣрили, что при такой поспѣшности, картины Пуссена могутъ быть только эскизами или набросаннымъ рисункомъ. Разумѣется, стоить только разсмотрѣть эти эскизы, чтобъ понять, что они драгоцѣннѣе многихъ большихъ и обдуманыхъ картинъ, потому—что въ нихъ видна гениальная кисть и мысль художника.

Эта натура въ экспрессіи и простота средствъ въ то время, когда было въ модѣ все натянутое и жеманное, не могли скоро возвысить репутацію артиста, потому-что любители всегда готовы защищать только то, что въ модѣ. Живописцы въ Римѣ и иностранные артисты были въ эту минуту увлечены гениемъ Гвидо-Рени, ученика Караччи, блистательный талантъ котораго представлялъ разительную противоположность съ манерою Пуссена.

Это была эпоха, названная по справедливости *серебрянымъ вѣкомъ искусства*, но которую теперь уже слишкомъ унижаютъ. Тогда славились Караччи и ихъ ученики.

II.

Послѣ великаго XVI вѣка, когда въ живописи почти вдругъ явились таланты во всѣхъ родахъ, должна была непременно наступить эпоха критики. Люди, одаренные необыкновенными способностями и являющіеся въ то время, когда искусство еще въ младенствѣ, почтиаются основателями правилъ и могутъ сами служить предѣлами изящнаго. Преданія не могутъ остановить ихъ, потому-что для нихъ нѣтъ сравненій, и они могутъ быть увѣрены, что современники награждать ихъ радостнымъ восторгомъ, который отдадутъ тому, кто доставитъ имъ новое наслажденіе, больше силы и увѣренности. Образцовыя произведенія еще не успѣли надоесть міру, потому-что они очень рѣдки и не поддаются искуснымъ поддѣлкамъ неопытныхъ учениковъ. Владѣтели этихъ сокровищъ, уважаемыхъ всѣми, гордятся ими, не стараясь отыскивать въ нихъ незамѣтныхъ недостатковъ.

Счастливая эпоха *возрожденія* искусствъ, слѣдовавшая за готической, имѣла огромное вліяніе, бывшее продолжительнымъ, потому-что необыкновенные таланты являлись безпрестанно, и не успѣвалъ угаснуть одинъ изъ нихъ, какъ природа заботливо производила другой, такой же рѣдкой и высокой, хотя совершенно съ другимъ характеромъ. Однако скоро великіе люди начали являться рѣже, и подражатели умножились. Можетъ быть тоже, послѣ столькихъ образцовыхъ произведеній, восторгъ утомился, судьи сдѣлались строже и разборчивѣе и не довольствовались смѣлыми, но неопытными талантами. Однако плодородіе итальянскаго генія еще не истощилось въ продолженіе одного вѣка, и Караччи, пользуясь удивленіемъ современниковъ и примѣромъ Рафаэля, ввели нѣсколько новыхъ элементовъ въ живопись, имѣвшихъ много успѣха, но нисколько не подвинувшихъ впередъ искусства.

Они думали, что если присоединять къ граціи и красотѣ предшественниковъ своихъ еще одну степень матеріальнаго подражанія, то достигнуть такого совершенства, которое только возможно въ живописи. Неправильности и легкіе недостатки, происходящіе отъ избытка чувствъ, казались имъ важными пороками, и они, копируя модели, исправляли ихъ, чтобъ только доказать свою ученость. Тогда-то изобрѣли академическій родъ живописи, и свободную натуру подчинили правиламъ артиста.

Рафаэль употреблялъ модели часто простыя, чтобъ съ помощію ихъ изображать возвышенные типы, вызванные его воображеніемъ, но послѣ него эти модели выражали уже самый типъ, и никто не смѣлъ отступить отъ него, какъ отъ самаго важнаго правила, принятаго всеми.

Это преувеличеніе реализма, не смотря на многія хорошія стороны его, должно было привести къ роду живописи, въ которомъ энергія и вѣрность должны были выкупать слишкомъ замѣтное подражаніе. Вотъ почему эта подражательная живопись имѣла много успѣха и произвела цѣлое поколѣніе живописцевъ, называемыхъ *натуралистами*, которые происходятъ по прямой линіи отъ Караччи, Караваджіо, Рибейры. Выше ихъ стоитъ не подражаемый Гверчино, самый патетическій поклонникъ идеала.

Въ то же время явилось нѣсколько другихъ талантовъ болѣе гибкихъ и нѣжныхъ; они придали этому подражанію особенную прелесть и грацію, и успѣли обратить на себя всеобщее вниманіе. Альбано и Гвидо Рени считаются корифеями въ этомъ увлекательномъ родѣ, имѣвшемъ въ наше время такое огромное вліяніе на живопись послѣдняго столѣтія, что все артисты учителя и ученики спѣшили въ Италію для того только, чтобы изучить нѣжную манеру картинъ Гвидо-Рени.

Изъ этихъ школъ вышелъ еще одинъ геніальный человѣкъ, напоминающій простоту живописцевъ XVI столѣтія, въ картинахъ котораго нѣтъ блестящихъ и легкихъ качествъ, какими отличаются его соперники. Это Доминикино, котораго товарищи называли *Быкомъ*; но этотъ быкъ сдѣлалъ для искусства больше, чѣмъ все его порицатели.

Чтобъ оцѣнить безпристрастно достоинства этихъ разнообразныхъ талантовъ, довольно замѣтить, какое вліяніе имѣлъ каждый изъ нихъ на послѣдующихъ артистовъ. Пуссенъ многимъ обязанъ Доминикину, но онъ перенялъ также твердость школы подражателей природы. Подобное же вліяніе еще замѣтнѣе въ Рубенсѣ, пріѣхавшемъ въ Италію уже съ зрѣлымъ талантомъ и съ извѣстностью, и до того перемѣнившимъ свою манеру, что послѣдующія его картины, какъ-то: *Распятіе*, находящееся въ Антверпенской церкви, *Смерть св. Франциска* и

многія другія можно назвать скорѣе итальянскими картинами, нежели фламандскими.

Пуссенъ, прїѣхавъ въ Римъ, былъ уже въ полномъ развитіи таланта и могъ судить о достоинствахъ всѣхъ родовъ живописей. Школа Гвидо была тогда въ большой славѣ. Ученики его составляли сильную многочисленную партію, и до того провозглашали преимущество своего учителя, что публика не хотѣла слышать ни о комъ другомъ. Это пристрастіе, доведенное до крайнихъ предѣловъ, заставило пренебрегать другимъ, великимъ талантомъ, который стоилъ лучшей участи. Доминикино въ началѣ поприща считался соперникомъ Гвидо, но потомъ его начали унижать, преслѣдовать, даже угрожать ему. Великій артистъ принужденъ былъ скрываться отъ враговъ; его кроткій и задумчивый характеръ удалялъ его отъ шумной толпы, которая завидовала ему и боялась, что талантъ его уничтожить всѣ ихъ нападки.

Пуссенъ попалъ въ самый разгаръ этой артистической борьбы, но онъ недолго колебался, и его здравый умъ тотчасъ же отличилъ на чьей сторонѣ справедливость и страданіе. Онъ громко предъявилъ свое предпочтеніе непризнанному генію, съ которымъ имѣлъ нѣкоторое сходство. Притомъ же грусть и величіе, изображающіяся въ картинахъ Доминикино, привлекали его болѣе, чѣмъ изысканность, нѣжность и свѣжесть картинъ Гвидо. Этотъ контрастъ долженъ былъ тронуть его чувствительную душу, тѣмъ болѣе, что и жизнь обоихъ итальянскихъ артистовъ была совершенно разная. Доминикино и Гвидо нарисовали для церкви св. Григорія двѣ картины изъ жизни св. мученика Андрея. Оба произведенія поставлены были одно противъ другаго; Доминикино изобразилъ мученіе святаго, а Гвидо веденіе его на казнь. Эту послѣднюю картину окружила толпа любопытныхъ, и ученики Гвидо старались наперерывъ копировать ее и хвалили безъ умолку, тогда какъ никто даже не обращалъ вниманія на первую картину.

Доминикино жилъ въ Римѣ, скрываясь отъ враговъ и преслѣдованій. Онъ былъ болѣнъ, но съ твердостью переносилъ несчастія, и вдругъ узналъ, что къ покинутой его картинѣ приходятъ часто французскій живописецъ и копируетъ ее съ величайшимъ стараніемъ. Великій живописецъ хотѣлъ узнать челоуѣка, осмѣливагося презирать общественное мнѣніе, и велѣлъ перенести себя въ церковь, чтобъ встрѣтить своего неизвѣстнаго почитателя.

Пуссенъ такъ занялся копіею, что не замѣтилъ ранняго посѣтителя. Притомъ же онъ не зналъ лично Доминикино, и думалъ, какъ многіе въ Римѣ, что онъ умеръ. Однако увидя блѣдность и слезы незнакомца, смотрѣвшаго на картину, Пуссенъ понялъ, что передъ нимъ не простой

любитель, а великій художникъ. Какъ изобразить восторгъ молодаго артиста, когда онъ узналъ, что передъ нимъ несчастный Доминикино. Пуссенъ съ искренностью и благородствомъ предложилъ ему свои услуги и утѣшенія, и итальянскій артистъ благодарилъ отъ всей души за неожиданную дружбу. Оба живописца поняли и оцѣнили другъ друга, и Доминикино, открывъ въ своемъ почитателѣ необыкновенный талантъ, позволилъ ему работать въ своей мастерской и давалъ полезные совѣты. Пуссенъ съ своей стороны начиналъ обращать на себя вниманіе знатоковъ и употребилъ все свое вліяніе, чтобъ возвысить картины Доминикино и заставить ихъ признать превосходными. Нѣкоторые историки разсказываютъ, что знаменитая картина *Причащеніе св. Геронима* сдѣлалась извѣстною только благодаря великодушному поступку Пуссена. Можетъ быть, это легенда, подобно многимъ другимъ, встрѣчающимся въ біографіяхъ великихъ артистовъ, но увѣряютъ, что картина великаго художника была, въ слѣдствіе интригъ, снята съ своего мѣста и брошена на чердакъ, и когда монахи церкви заказали французскому живописцу другую картину, то прислали ему *св. Геронима* Доминикино только для размѣровъ, какъ старое, негодное полотно. Можно вообразить себѣ удивленіе и негодованіе Пуссена, когда онъ увидѣлъ чудную картину, которую смѣли считать ничтожною. Онъ пристыдилъ легковѣрныхъ повѣрившихъ интригантамъ, и доказалъ имъ, что они обладаютъ образцовымъ произведеніемъ, которое должны почитать лучшимъ сокровищемъ.

Однако Пуссенъ, покровительствуя непризнаннымъ талантамъ, чувствовалъ, что ему самому не мѣшало бы отыскать могущественнаго и просвѣщеннаго покровителя, потому-что талантъ его былъ еще признанъ не всеми. Онъ находилъ единственное утѣшеніе въ безкорыстной дружбѣ одного бѣднаго семейства, которое утѣшало его во всехъ неудачахъ. Дружба его съ Доминикино продолжалась до отъѣзда итальянскаго живописца въ Неаполь, гдѣ ему поручили украсить церковь св. Януарія. Извѣстно, что это путешествіе было послѣднимъ для страдальца и что онъ умеръ за работою, говорятъ, отъ дѣйствія яда. Пуссенъ тоже работалъ съ такимъ прилежаніемъ, что силы его истощились и онъ захворалъ очень опасно. Положеніе его было отчаянное, тѣмъ болѣе, что бѣдность не позволяла ему лечиться. Тогда одинъ изъ его соотечественниковъ, Жанъ Дюге, служившій поваромъ у одного вельможи, принялъ его въ свой домъ и заботился о немъ какъ о сынѣ. По выздоровленіи, живописецъ хотѣлъ доказать признательность за спасеніе своей жизни, и женился на дочери своего благодѣтеля, Маріи Дюге, которую никогда не переставалъ любить и уважать. Такъ какъ у нихъ не было дѣтей, то Пуссенъ усыновилъ въ послѣдствіи брата своей же-

ны, Гаспара, которому щедро отплатилъ за благодаренія его родныхъ. Этотъ Гаспаръ сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ *Гуаспра Пуссена*, потому-что принялъ имя своего воспитателя, и пейзажи его уважаются всеми живописцами, потому-что напоминаютъ стиль его учителя-отца.

Кажется, что судьба утомилась наконецъ преслѣдовать гениальнаго артиста, и вмѣстѣ съ семейнымъ счастьемъ наградила его другими благами, способствовавшими къ распространенію его извѣстности. Кардиналъ Барберини, которому онъ былъ представленъ послѣ отъѣзда и смерти Марини, возвратился изъ посольства, и вспомнивъ свои обѣщанія, призвалъ Пуссена, заказалъ ему нѣсколько картинъ и поручилъ составить сюжетъ одной картины для мозаики въ куполѣ церкви св. Петра: это было мученіе св. Эразма. Замѣчательно, что подъ одною этою картиною Пуссенъ подписалъ свое имя. «Не для того, говорилъ онъ, что картина имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но для того, чтобъ невѣжды не смѣшали мое слабое произведеніе съ образцовыми картинами великихъ художниковъ, украшающими этотъ великолѣпный храмъ.»

Фамилія дель-Поццо тоже начала покровительствовать французскому живописцу, и въ ней нашелъ онъ искреннюю и вѣрную дружбу, которая утѣшала его до конца жизни и которою онъ былъ вправѣ гордиться. Большая часть его писемъ адресованы къ командору дель-Поццо или къ его брату. Первое отдѣленіе *Святыя тайны* написалъ онъ тоже для командора, и оно считается образцовымъ произведеніемъ. Оно принадлежитъ теперь герцогу Рютланду. Второе отдѣленіе, заказанное г. Шантелу находится тоже въ Англіи и принадлежало къ Орлеанской галереѣ.

Съ этой эпохи жизнь Пуссена была обезпечена, и онъ заботился только объ одномъ, чтобы производить чудныя картины. Въ этомъ періодѣ онъ написалъ ихъ множество; но надобно удивляться не столько скорости его, сколько отчетливости и отдѣлкѣ каждаго сюжета. «Это не такія картины, писалъ онъ, какія ваши парижскіе живописцы намахають въ двадцать четыре часа, и еще *посвистывая во все время*, пока работаютъ». Сила характера и таланта Пуссена заслужили всеобщее уваженіе, и онъ занялъ мѣсто посреди двухъ школъ, находившихся въ вѣчной ссорѣ. Потомъ покровительство вельможъ и вниманіе любителей увеличили его извѣстность, и его имя ставили наравнѣ съ знаменитыми живописцами. Онъ жилъ уединенно въ маленькомъ своемъ домѣ въ *Пинціо*, и продолжалъ работать усердно, находя развлеченіе только въ умныхъ разговорахъ съ образованными друзьями.

Въ этомъ уединеніи, окруженный артистическими рѣдкостями и добрыми друзьями, онъ получилъ пріятное извѣстіе изъ своего отечества.

Франція и король ея обратили наконецъ вниманіе на живописца. Мода, которая всегда слѣдуетъ за счастливыми, начала превозносить Пуссена, и люди, не разъ видѣвшіе его картины и не признававшіе въ нихъ достоинствъ, теперь громко кричали о его необыкновенномъ талантѣ. Во Франціи удивились, какъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ Пуссенъ въ странѣ, гдѣ множество образцовыхъ произведеній и артистовъ поневолѣ должны сдѣлать всѣхъ судей строгими и взыскательными!

Въ 1638 году кардиналъ Ришелье предложилъ Людовику XIII возобновить нѣкоторыя части Лувра. Болѣе всего онъ хотѣлъ украсить дворецъ живописью, и такъ какъ имя Пуссена повторялось всѣми съ восторгомъ, то кардиналъ рѣшился призвать его и удержать въ Парижѣ. Прежде всего заставили къ нему написать тѣхъ, которые его знали въ Римѣ и которые просили живописца согласиться на желаніе великаго министра. Но въ это время Пуссенъ началъ только пользоваться независимостью, и потому ему тяжело было бросить все, чего онъ достигъ столькими трудами. Онъ отговаривался заказами на призывы министра, и когда, послѣ усиленныхъ просьбъ, согласился наконецъ вернуться въ отечество, то собрался въ это путешествіе цѣлые два года, предчувствуя неминуемыя ссоры и интриги, къ которымъ онъ всегда питалъ отвращеніе. Въ его письмахъ ясно видно съ какою неохотою онъ покидалъ свое уединенное жилище и мѣнялъ тихую жизнь Рима на безпокойства и непріятности. Въ 1639 году 15-го января писалъ онъ слѣдующее письмо г. Шантелу, который болѣе всего хлопоталъ о пріѣздѣ Пуссена въ Парижъ.

«Г. Нойе требуетъ моего рѣшенія, (г. Нойе былъ начальникъ луврскихъ построекъ, писавшій живописцу длинное письмо, въ которомъ просилъ его поспѣшить пріѣздомъ), но я, признаюсь, все еще не знаю, что долженъ отвѣчать. Пятнадцать лѣтъ прожилъ я въ этой странѣ, и наконецъ добился до независимости; женился здѣсь и надѣялся умереть, слѣдуя италіанской пословицѣ: *Chi sta bene non si muove...* И такъ прошу васъ, если встрѣтятся какія-нибудь препятствія въ нашемъ дѣлѣ, доведите ихъ до свѣдѣнія того, кто желаетъ моего пріѣзда.

«Съ тѣхъ поръ какъ я рѣшился ѣхать, я нахожусь въ безпрестанномъ волненіи, потому что ни какъ не могу выбить изъ головы, *что сдѣлалъ большую глупость, давъ слово* отправиться во Францію, и еще въ такое время, когда спокойствіе для меня нужнѣе всего. Я покидаю мой тихій, маленькій домикъ для выгодъ, *которыя еще, можетъ быть, не сбудутся и останутся только въ однихъ мечтахъ.*

«Я постараюсь исполнить мое обѣщаніе, но если какая-нибудь бо-

лѣзнь задержать меня здѣсь, то я скажу, что сама судьба не позволяетъ мнѣ разстаться съ Римомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, судьба долго задерживала его, но наконецъ надобно же было ѣхать, потому что все предлоги истощились, и онъ прибылъ въ Парижъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, какъ будто въ изгнаніе къ варварамъ.

«Я всегда увлекаюсь работою, писалъ онъ, когда вижу предъ собою что-нибудь прекрасное; но здѣсь мы такъ далеки отъ солнца, и все, что я встрѣчаю, — дурно и отвратительно».

Онъ не могъ впрочемъ жаловаться на приемъ, который ему сдѣлали. Онъ представлялся королю, и тотъ принялъ его милостиво и ласково. вмѣстѣ съ титуломъ перваго королевскаго живописца, ему назначили жалованья тысячу экю въ годъ, сдѣлали директоромъ всехъ работъ въ Луврѣ и другихъ дворцахъ, и заказали ему картины для капеллъ, въ Фонтенбло, Сень-Жерменъ и нѣсколько картоновъ для ковровъ. Ему назначили цѣлый домъ въ Тюльерійскомъ саду, окруженный зеленью и цвѣтами. Онъ былъ меблированъ отлично, и въ погребу была приготовлена бочка стараго вина. Кажется, смотря по этому приему, надобно было ожидать, что Пуссенъ будетъ играть важную роль, и что жизнь его будетъ завидная.

Онъ началъ рисовать узоры для ковровъ, которые должны были украшать комнату короля. Ему позволили употребить, для скорости работы, его прежнія картины. Картоны были окончены и имѣли размѣры Рафаэлевыхъ, но къ несчастію пропали или уничтожены, и неизвѣстно, были ли употреблены въ дѣло. Стало быть, путешествіе это не принесло ни какой пользы Парижу, потому что даже медальоны, изображающіе жизнь Геркулеса, которыми была украшена большая Луврская галерея, въ послѣдствіи были уничтожены, и отъ нихъ не осталось бы ничего, еслибъ Пенъ не сохранилъ ихъ въ своихъ гравюрахъ.

Появленіе человѣка съ необыкновеннымъ талантомъ и разнообразными познаніями, который зналъ архитектуру лучше чѣмъ архитекторы, и явно показывалъ свое презрѣніе къ жеманному модному стилю—должно было разрушить все мечты посредственныхъ артистовъ, исполнявшихъ уже разныя работы въ Луврѣ. Особенно Вуэ, модный живописецъ, не могъ простить Пуссену его превосходства и замѣчанія Людовика XIII, который при пріѣздѣ Пуссена вскричалъ: «какъ будетъ досадно бѣдному Вуэ!»

Независть бѣднаго живописца и его почитателей достигла вышей степени, когда выставили картину Пуссена, изображающую Чудо св.

Франциска Кеверія, вмѣстѣ съ картиною Вузъ. Первая была всегда окружена толпою любопытныхъ, на вторую никто не обращалъ вниманія.

Кромѣ работъ, заказанныхъ Пуссену, просили также рисунковъ его для книгъ королевской библіотеки, и онъ долженъ былъ приняться за все въ одно время.

Онъ жалуется на это въ письмѣ къ командору дель-Поццо и говоритъ, что рѣшительно не имѣетъ ни минуты свободной.

«Я бы съ удовольствіемъ занялся сюжетомъ картины, назначенной для васъ, но здѣсь такъ преувеличили мою скорость въ исполненіи, что я не могу заняться даже собственными моими дѣлами—такъ я заваленъ рисунками для книгъ, украшеніемъ кабинетовъ, формою каминовъ и другими бездѣлками... Они увѣряютъ, что небольшія работы послужатъ мнѣ развлеченіемъ отъ большихъ, и платятъ мнѣ за нихъ похвалами, а не деньгами.»

Посреди этихъ мелочныхъ занятій, которыя только разстроивали его, онъ представилъ планъ предполагаемыхъ украшеній въ Луврской галереѣ. Разумѣется, что этотъ планъ ни сколько не походилъ на представленный архитекторомъ Лемерсье, по которому уже начались работы.

Это послѣднее обстоятельство увеличило еще враговъ Пуссена, соединившихся вмѣстѣ, чтобы преслѣдовать его клеветами, угрозами и критиками, которыя охладили участіе Нойе, главнаго покровителя живописца. Пуссенъ описываетъ это печальное положеніе въ письмѣ своемъ къ г. Шантелу и проситъ его защиты.

«Недавно я получилъ отъ министра письмо, въ которомъ сказано: талантъ Пуссена долженъ быть независимъ, и я буду сообщать ему только о желаніяхъ короля... Однако я до сихъ поръ не слыхалъ, чего именно желаетъ король, и чѣмъ я могу быть ему полезенъ. Я даже сомнѣваюсь, знаетъ ли его величество, что я въ состояніи исполнить, а между тѣмъ отъ меня требуютъ невозможнаго. Развѣ можно въ одно время дѣлать рисунки для книгъ и картины для церквей, расписывать галерею, дѣлать картоны и множество другихъ заказовъ? Помилуйте, у меня одна голова и та довольно слабая, и одни руки, и я не хочу чтобъ мнѣ помогали. Надобно же учредить хоть какую-нибудь послѣдовательность, а то мнѣ скоро скажутъ: нарисуйте огромную картину, когда у васъ будетъ свободное время. Министръ требуетъ, чтобъ я исключительно занялся галереєю, но для чего же онъ поминутно присылаетъ мнѣ работы, которыя отвлекаютъ мои мысли. Одни картоны для ковровъ могутъ вскружить мнѣ голову, а тутъ еще тысячи другихъ требованій! Извините, что я смѣю беспокоить васъ моими жалобами, но я человѣкъ

акуратный, и люблю во всемъ порядокъ а не суматоху, къ которой осужденъ и которая терзаетъ меня».

Пуссенъ началъ дѣлать замѣчанія свои о работѣ Лемерсье, о тяжеломъ стилѣ его, о отсутствіи пропорцій и гармоніи въ цѣломъ, словомъ представилъ, что архитектура его такого дурнаго стиля, что живопись не можетъ поправить этихъ ошибокъ. Партія Вуэ и Лемерсье начала свои нападенія тѣмъ, что объявила планъ Пуссена ничтожнымъ и недостойнымъ Лувра, что простота его скрываетъ только постыдную скудость, потому что онъ вездѣ уничтожилъ позолоту и украшенія, и что это можетъ показаться обиднымъ для націи. Эта критика была сдѣлана съ замѣтною цѣлю, чтобъ экономія не была принята въ работахъ и не лишила бы значительныхъ доходовъ. Пуссенъ отвѣчалъ на эти оскорбительныя нападки слѣдующее: «Врагами моими сдѣлались всѣ, которые начали работать въ большой галереѣ и которые уже рассчитывали на большіе барыши. Я не боюсь ихъ, потому что владѣю богатствомъ, даннымъ мнѣ Богомъ, котораго нельзя отнять у меня какъ деньги. Оно вездѣ спасетъ меня и оправдаетъ передъ порядочными людьми. Но все-таки мнѣ больно переносить нападки и клеветы низкихъ невѣждъ. Я доказалъ, что начатыя работы Лемерсье никуда не годятся и, отвѣчу тѣмъ, которые находятъ, что мои планы бѣдны, что мнѣ не приказывали дѣлать ихъ великолѣпными, и что еслибъ и приказали, то я самъ бы отсовѣтовалъ это потому, что во-первыхъ, въ Парижѣ мало работниковъ, способныхъ къ этимъ занятіямъ, во-вторыхъ, на это надобно много времени, а въ-третьихъ, такіе огромные расходы не стоить дѣлать въ проходной галереѣ. Притомъ же, вѣроятно, послѣ всѣхъ работъ и издержекъ, эта галерея будетъ заброшена и придетъ въ такое же положеніе, въ какомъ я ее нашель, потому что *наша нація не умѣетъ цѣнить прекрасныхъ вещей и наслаждаться ими, а находитъ, напротивъ, удовольствіе портить ихъ и истреблять.* Стало быть, я нахожу, что угодилъ королю представивъ планъ простой, изящный, который можетъ быть оконченъ въ непродолжительное время и съ небольшими издержками. Если же будутъ принимать совѣты моихъ враговъ и предпочтутъ ихъ предложенія моимъ, не смотря на причины, высказанныя мною, то я охотно уступаю мое мѣсто болѣе искуснымъ артистамъ. *Я буду даже радъ, что во Франціи найдутся талантливые люди, неизвѣстные до этого случая, которые въ состояніи украсить Парижъ своими работами и принести честь націи».*

Далѣе онъ извиняется въ томъ, что объясняется такъ откровенно, но это потому, что онъ привыкъ выражать свои мысли красками, а не словами.

Въ концѣ письма ояъ прибавляетъ : «Я чувствую, что способенъ произвести что нибудь порядочное, но не горжусь этимъ, не ищу ни лести, ни почестей, потому что самъ никогда не унижался до лести, а всегда любилъ правду.»

Письма эти объясняютъ больше, чѣмъ всѣ разсказы и замѣчанія. Самый гениальный живописецъ своего времени и первый живописецъ Франціи долгое время остается въ неизвестности, и когда наконецъ иностранцы оцѣнили его дарованіе, не смотря на собственные великіе таланты, то его призвали на видное мѣсто директора работъ, поручивъ его вкусу и умѣнію всѣ украшенія великолѣпнаго дворца. Кажется, что въ этомъ случаѣ соотечественники Пуссена поступили благоразумно, гордясь національнымъ талантомъ, посѣвшили вызвать его въ отечество и постарались ласками и уваженіемъ загладить первое невниманіе къ молодому таланту. Король принимаетъ его благосклонно, министры гордятся его пріѣздомъ, всѣ вельможи ухаживаютъ за человѣкомъ, который возвышаетъ славу Франціи. И чтожь? Черезъ нѣсколько времени этого самаго гениальнаго человѣка равняютъ съ невѣждами, которые не въ состояніи сдѣлать ничего порядочнаго, и онъ обязанъ еще оправдываться въ томъ, что у него больше таланта; прежніе покровители—его друзья и не думаютъ защищать его. Всѣ знаютъ постыдные проски и интриги низкихъ клеветниковъ, и никто не остановитъ этихъ презрительныхъ дѣйствій. Неужели всѣ считаютъ невозможнымъ, чтобы во Франціи работалъ французъ, а не иностранцы, которые уже полтора вѣка забрали въ свои руки всѣ искусства, школы, монументы? Эта странная привязанность къ иностранному показываетъ только нерѣшимость въ сужденіяхъ о степени дарованія собственныхъ своихъ артистовъ, или неосновательность вкуса, потому что безпрестанныя перемѣны и передѣлки образцовыхъ произведеній не только не трогаютъ публику, но даже замѣтно ей нравятся. Стало бытъ, прекрасное и посредственное для нея равны, если то и другое имѣютъ равный успѣхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Франція имѣетъ истинный вкусъ только въ томъ родѣ, который у нее доведенъ до совершенства. Вообще во Франціи предпочитаютъ сужденія, рѣчи, мысль, выраженную словами или написанную, и въ этомъ родѣ она богата самыми умными и способными цѣнителями. Она въ этомъ отношеніи похожа на Аѳины, гдѣ послѣдній изъ народа понималъ изящество слова. Но Фидіи и Апелесы не многочисленны въ этой странѣ, удаленной отъ солнца. Надобно было много времени и примѣровъ Италіи, чтобы разогрѣтъ вкусъ публики во Франціи, и хотя она ласково принимала и награждала иностранныхъ

артистовъ, но своихъ собственныхъ не умѣла цѣнить, или оставляла ихъ въ неизвѣстности.

Когда Нойе призывалъ Пуссена изъ Рима, то въ тоже время искалъ и другихъ живописцевъ и скульпторовъ. Пуссенъ, видя этотъ наборъ безъ разбора, не могъ удержаться, чтобъ не написать въ Парижъ, что напрасно приглашаютъ такихъ артистовъ, которые хуже посредственныхъ французскихъ. Когда позже прѣхалъ съ триумфомъ Бернини строить колонаду, которую за него построилъ все-таки французъ Перо, онъ въ восхищеніи остановился предъ скульптурными работами Пюже, и сказалъ очень откровенно:

— Зачѣмъ призывали меня во Францію и завалили скульптурными работами, когда у васъ самихъ есть такіе великіе артисты?

Даже картины Пуссена, украшавшія Лувръ и которыя онъ успѣлъ окончить въ короткое свое пребываніе въ Парижъ, не были пощажены: и онѣ погибли не случайно, но были уничтожены по приказанію графа д'Анжевилле, который сдѣлалъ другое распоряженіе касательно украшеній. Пуссенъ, кажется, предчувствовалъ участь своихъ картинъ, когда писалъ, что французы не умѣютъ цѣнить и сохранять свои образцовыя произведенія.

III.

Все эти непріятности заставили наконецъ Пуссена отказаться отъ мѣста, котораго онъ и не добивался. Онъ подъ разными предлогами началъ просить отпуска, съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться во Францію. Огромное количество мелкихъ работъ не позволяло ему серьезно заняться большими картинами и работать старательно. Онъ даже не могъ выбирать самъ сюжетовъ и долженъ былъ отказываться отъ значительныхъ заказовъ, которые упрочили бы его славу. Наконецъ онъ вырвался изъ Парижа и вернулся въ Римъ. Тутъ онъ опять вздохнулъ свободнѣе, и началъ писать картины по своему выбору и вдохновенію, довольствуясь за нихъ небольшою платою, которую никогда не хотѣлъ увеличивать, говоря, что ему не надобно много, чтобъ жить покойно и счастливо.

Онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ небольшимъ картинамъ, но это еще не доказываетъ, что онъ былъ неспособенъ наполнить холсты большихъ размѣровъ. Его большія картины отличаются тѣмъ же изящнымъ вкусомъ, и онъ пользовался большими пространствами, чтобъ показать свое знаніе въ архитектурѣ, которое выражалось у него чуд-

ными, оригинальными созданіями. Онъ одинъ былъ въ состояніи освободить Францію отъ рабскаго подражанія Италіи, и еще въ такое время, когда искусства приходили въ ней въ упадокъ. Онъ создалъ бы новый родъ декоративной живописи, который напомнилъ бы о великихъ французскихъ артистахъ Жанъ Гужонъ, Жерменъ Пилонъ, Филибертъ Делормъ: они не подражали италіянкамъ, но изобрѣли оригинальное искусство, вдохновляясь формами *возрожденія*.

Со времени возвращенія въ Римъ, жизнь Пуссена протекала также тихо, какъ и до отъѣзда его во Францію. Онъ продолжалъ учиться и работать, довольный тѣмъ, что избавился отъ всѣхъ хлопотъ и зависимости. Самая счастливая нація та, исторія которой незанимательна. Еще счастливѣе артистъ, который напоминаетъ о себѣ только образцовыми произведеніями, и выражаетъ страсти и борьбу людей только въ своихъ работахъ. Однако онъ сохранилъ сношенія съ Парижемъ, и хотя не охотно, но исполнялъ комиссіи своихъ *парижскихъ друзей*, которые просили его то переслать копіи картинъ, то древнія статуи. Кроме этихъ порученій и писемъ г. Шантелу, онъ ничего не зналъ о Парижѣ и не любопытствовалъ справляться о немъ. Въ первое время пріѣзда Пуссена въ Италію, *письма друзей* до того преслѣдовали великаго артиста, что онъ могъ вообразить себя еще во Франціи. Ему поручали не только выбирать картины и мраморы, на что онъ терялъ много драгоценнаго времени, но просили высылать духи и перчатки, потому что тогда была мода выписывать эти предметы изъ Италіи; и добрый Пуссенъ не только не отказывался отъ этихъ тягостныхъ порученій, но еще хлопоталъ, чтобъ достать самые лучшіе предметы и переслать ихъ какъ можно осторожнѣе. Въ эту эпоху путешествія не были такъ обыкновенны какъ теперь, и надобно было ждать цѣлые мѣсяцы прежде окончанія приготовленій къ дорогѣ. Потомъ ждали удобнаго случая, выбирали лучшую дорогу, чтобъ не встрѣтиться съ разбойниками, избѣгали опасныхъ мѣстъ, словомъ путешествіе считалось самымъ важнымъ дѣломъ. Можно себѣ вообразить, сколько хлопотъ и безпокойствъ дѣлали эти комиссіи бѣдному живописцу, который не столько думалъ о своихъ картинахъ, сколько о модныхъ посылкахъ. Впрочемъ, надобно признаться, что часто требовали и его собственныхъ картинъ, которыхъ много было отправлено во Францію.

Смерть кардинала Ришелье случилась вскорѣ послѣ отъѣзда Пуссена, и такъ какъ Людовикъ XIII скоро послѣдовалъ за своимъ министромъ, то произошли большія перемѣны въ управленіи работами и дворцами. Проекты объ украшеніяхъ въ Луврѣ были покинуты, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что о великомъ артистѣ забыли очень

скоро. При Мазаринѣ возобновили работы и попробовали опять пригласить Пуссена, но тотъ рѣшительно отказался, сказавъ, что онъ можетъ прислать рисунки изъ Рима, если хотять принять его планы для украшеній Лувра. Онъ говорилъ, что уже ничѣмъ не заманятъ его въ Парижъ, и что если даже покроютъ всѣ его картины золотомъ, онъ все-таки останется въ Римѣ. Послѣ этого отказа уже не приставали къ нему болѣе; но Людовикъ XIV продолжалъ посылать ему жалованье, назначенное его предшественникомъ.

Въ Римѣ возрасла слава Пуссена, и онъ не хотѣлъ болѣе покидать этого города; друзья окружали его ласками и почестями; вокругъ были живописныя мѣста для прогулокъ; вездѣ онъ встрѣчалъ предметы, достойные изученія и наблюденія. «Я замѣчаю, пишетъ онъ, что чѣмъ дѣлаюсь старше, тѣмъ больше возрастаетъ мое желаніе выучиться чемунибудь новому и подвинуться къ совершенству.» И онъ не пропускалъ никакой бездѣлицы безъ вниманія. «Дары природы, говорилъ онъ, разбросаны вездѣ и находятся то въ людяхъ, то въ предметахъ. Человѣкъ не можетъ быть одаренъ всѣми качествами, но главная цѣль его должна состоять въ томъ, чтобъ наукой и терпѣніемъ соединить какъ можно больше познаній и тѣмъ достигнуть возможнаго совершенства.»

Онъ долго разсматривалъ великолѣпныя виллы въ окрестностяхъ Рима, и это послужило къ изображенію особеннаго характера въ его пейзажахъ. Это смѣшеніе зданій съ величественными деревьями, между которыми онъ изображаетъ всегда занимательные и приличные мѣсту сюжеты, поражаетъ всегда зрителя и производитъ на него сильное впечатлѣніе. Его родъ живописи совершенно оригинальный и неподражаемый, и у него не можетъ быть соперниковъ.

Что можетъ быть поразительнѣе темнаго свода древнихъ деревьевъ, подъ которыми два невольника держатъ тѣло добродѣтельнаго Фокіона, тогда какъ вдали развиваются цвѣтушія поля, окружающія Аѳины—неблагодарное отечество! Вотъ другой пейзажъ, представляющій въ одно время горе и радость: Орфей, божественный пѣвецъ, собираетъ вокругъ себя нимфъ и пастуховъ, которые въ восторгѣ слушаютъ его лиру, тогда какъ на первомъ планѣ Эвридика въ ужасѣ роняетъ корзину съ цвѣтами, потому что змѣя ужалила ее смертельно. Въ глубинѣ картины виднѣнъ счастливый городъ, гдѣ процвѣтаютъ искусства. По рѣкѣ плаваютъ лодки, и рыбакикупаются въ прозрачныхъ волнахъ.

Можно назвать еще много образцовыхъ произведеній Пуссена,⁹ но словами нельзя выразить всей прелести, оригинальности и величія ихъ. Какъ описать его вакханаліи и аллегоріи? Въ этомъ родѣ съ нимъ можно сравнить только древнія картины.

Итальянцы увлечены однимъ желаніемъ—блеснуть достоинствами исполненія; но они мало заботятся объ экспрессіи. Пуссенъ, напротивъ, не старается показать свои познанія, но думаетъ объ истинѣ выраженія и въ тоже время о правильности. Можно сказать, что, не смотря на его пристрастіе къ Италіи, онъ меньше всѣхъ походитъ на итальянскихъ живописцевъ.

Тиціанъ изобразилъ Антіопу, отдыхающую подъ густыми деревьями, и для фона выбралъ венеціанскій пейзажъ, въ которомъ помѣстилъ даже охотниковъ и крестьянъ. Каждый спроситъ, что изображаетъ эта картина, и какъ попала эта превосходная фигура въ такой необыкновенный пейзажъ?

Тожѣ самое можно сказать и о многихъ другихъ произведеніяхъ великихъ живописцевъ, которыя заключаютъ въ себѣ рѣдкія качества, но картины которыхъ не производятъ большаго впечатлѣнія потому, что въ сюжетѣ нѣтъ единства, и мысль артиста не соединяетъ всѣхъ частей картины. Часто изображаютъ множество фигуръ безъ всякаго выраженія, которыя группированы то на первомъ планѣ, то на второмъ, чтобъ только увеличить общій эффектъ. Но эта излишняя роскошь происходитъ отъ бѣдности мысли, и Рейнольдсъ называетъ подобныя лица по справедливости *нанятыми фигурами*, потому что ихъ можно придѣлать ко всѣмъ сюжетамъ.

Въ этомъ отношеніи Пуссенъ можетъ назваться настоящимъ реформаторомъ. Въ картинахъ его много воображенія, но онъ очень остороженъ и не увеличиваетъ безъ надобности числа фигуръ или украшеній. Онъ никогда не повторяется въ своихъ картинахъ, и въ нихъ нѣтъ ничего лишняго и пошлаго, потому что никто не помогалъ ему рисовать, какъ это случалось съ другими живописцами; онъ самъ отдѣлывалъ малѣйшія подробности, не позволяя никому дотрогиваться до своихъ картинъ, тогда какъ бѣольшая часть живописцевъ рисовала только главныя фигуры, предоставляя всѣ аксесуары ученикамъ.

«Надобно, чтобы картина выражала всегда мысль, говоритъ Пуссенъ. Рисунокъ и композиція не должны быть главною цѣлью, потому что они относятся тожѣ къ мысли.

«Живописецъ долженъ сначала распредѣлить сюжетъ, потомъ найти украшенія, изобразить красоту, нѣжность, живость, костюмы, правдоподобіе, а главное—стараться, чтобъ во всемъ была мысль. Разумѣется, что этому нельзя научиться: это дается свыше.

Правила эти, какъ плоды опытности и разсудка, были уже извѣстны артисту, когда онъ пріѣхалъ въ Римъ. Они руководили имъ до конца жизни; это доказывается тѣмъ, что Пуссенъ не увлекся подражаніемъ

ни одному великому имени. Онъ *обсуждалъ* каждый предметъ, и это качество создаетъ великихъ людей въ практической жизни точно также, какъ въ области воображенія. Онъ единственный изъ знаменитыхъ живописцевъ, не старавшійся присвоить себѣ ни одного качества великихъ людей, которыхъ мы привыкли почитать свѣтилами искусства. Онъ одинъ не подражалъ Микель Анджело, этому Голиафу живописи, который увлекъ за собою всѣхъ артистовъ своего времени и привелъ въ восторгъ послѣдующія поколѣнія, тотчасъ же послѣ готическаго искусства и безстрастныхъ фигуръ, которыми еще восхищались наканунѣ, поразилъ всѣхъ своимъ страннымъ, величественнымъ стилемъ, производимымъ и теперь большое впечатлѣніе даже послѣ картинъ Рубенса, который самъ переродился въ этой новой школѣ. Всѣ знаютъ, до какой степени Микель Анджело овладѣлъ воображеніемъ Рафаэля, и это единственная причина перемѣны стиля великаго живописца. Послѣ этого можно себѣ вообразить, какое вліяніе имѣлъ Микель Анджело на другихъ, менѣе оригинальныхъ живописцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Пуссенъ по пріѣздѣ въ Римъ восхищалеся величіемъ и гордостью этого необыкновеннаго художника. Можетъ быть, онъ испугался этого впечатлѣнія, потому что, говорятъ, боялся приблизиться къ Венеціи, чтобъ не увлечься яркостью красокъ ея школы. Возлѣ образцовъ, полныхъ величія и не принадлежащихъ ни одному народу, онъ нашелъ толпу греческихъ боговъ и героевъ, соединявшихъ величіе съ человѣческими слабостями. Вѣроятно, произведенія древности поразили его болѣе потому, что въ нихъ онъ узнавалъ свой собственный талантъ, хотя въ то время слабый и неопытный, но уже предчувствовавшій свою силу, особенно когда онъ сравнивалъ себя съ итальянскими артистами. Артисты, одаренные истиннымъ талантомъ, могутъ восхищаться образцовымъ произведеніемъ, но тотчасъ же замѣтятъ его малѣйшіе недостатки и особенно разницу, которая существуетъ между авторомъ картины и ихъ собственными чувствами. Когда Корреджіо, при видѣ картины Рафаэля сказалъ знаменитые слова: *Anch'io son pittore*, онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ сказать: Вотъ прекрасное произведеніе, но я помѣстилъ бы въ немъ то, чего тутъ недостаетъ.

Пуссенъ подражалъ древнимъ, потому что къ этому увлечень былъ своими чувствами. «Всѣ великіе люди, говоритъ ученый Вовенаргъ, подражали какимъ нибудь моделямъ, но, не смотря на это, были оригинальны, потому что обладали такимъ же геніемъ, какъ тѣ, которые произвели модели. Стало быть, они обрабатывали свой собственный стиль, на-ходящійся въ древнихъ учителяхъ, которыхъ часто побѣждали своимъ талантомъ. Тѣже, которые подражаютъ безъ собственнаго призванія, оста-

нута всегда жалкими копіями и не достигнуть никогда до величій моделей. Вотъ отчего необходимъ талантъ, чтобъ быть хорошимъ подражателемъ!»

Пуссенъ подражалъ барельефамъ и статуямъ, но не такъ какъ подражаютъ теперь, то есть отчетливо, передавая даже всѣ особенности костюмовъ. Онъ не старался изображать со всею точностью форму, складки, мебель, прически: это уже переходитъ въ искусство антикварія но не артиста, который не долженъ забывать, что онъ самъ въ состояніи создавать. Живописецъ долженъ изучать древнихъ, но не радоваться сходству узора на хламидѣ, и напоминая могучій геній древнихъ, изображать подъ его покровомъ человѣческія страсти. Такъ подражалъ Пуссенъ древнимъ.

Современные живописцы и архитекторы хлопочутъ только о мелочахъ и подробностяхъ. Они изображаютъ со смѣшнымъ педантствомъ нѣсколько старыхъ предметовъ, и воображаютъ, что воскресили древность. Въ этомъ состояла главная страсть знаменитаго Менгса, который, кажется, жилъ въ греческомъ и римскомъ мірѣ, презирая все остальное. Онъ безъ разбора копировалъ всѣ подробности рисунковъ Геркуланума, вазъ и барельефовъ, но стиль его, совершенно германскій, теперь смѣшить даже пуристовъ, и никогда не будетъ имѣть почитателей. Менгсъ хотѣлъ самъ сдѣлаться древнимъ, чтобъ еще подробнѣе изображать свои любимые предметы, и его друзья рассказывали серьезно, что онъ въ своей мастерской пѣлъ *лидійскія пѣсни*, чтобъ еще болѣе проникнуться своимъ сюжетомъ. Тоже самое возобновилось въ эпоху Овербека и Корнелиуса, когда въ Германіи вздумали возобновить искусство, подражая стилю первобытныхъ школъ. Тогда въ Римѣ толпа молодыхъ Германцевъ приняла католицизмъ изъ любви къ живописи, и согласилась бы на все, чтобъ только больше приблизиться къ идеалу среднихъ вѣковъ. Многие изъ нихъ приняли даже костюмъ XIV вѣка, думая этимъ выразить готическую наивность.

Пуссену можно сдѣлать одинъ упрекъ и довольно важный: онъ далъ костюмы Траяновой колонны своимъ Грекамъ и помѣстилъ римскіе храмы въ Египтѣ, во времена фараоновъ. Онъ тоже систематически пренебрегалъ колоритомъ, только неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ онъ это дѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, странная мысль—добровольно лишать себя одного изъ самыхъ сильныхъ пособій, которое украшаетъ живопись и придаетъ прелесть выраженію! Это объясняютъ привязанностью Пуссена къ скульптурѣ, но вѣроятнѣе всего онъ подчинился вліянію живописцевъ, находившихся въ его время въ Римѣ, и почти забывшихъ всѣ традиціи о краскахъ. Онъ не замѣтно привыкъ къ этой манерѣ, и по-

томъ самъ находилъ прелесть въ темныхъ и безцвѣтныхъ оттѣнкахъ. Это очень естественно, потому что и Рубенсъ принялъ эту манеру во всѣхъ картинахъ, которыя рисовалъ въ Италіи, и дымный колоритъ, которымъ рѣзко онъ отличается отъ его остальныхъ яркихъ произведеній. Много картинъ первой манеры Пуссена сохранили яркія краски, которыя казались бы еще блистательнѣе, еслибъ онъ не имѣлъ привычки рисовать на красномъ или темномъ фонѣ, отчего въ послѣдствіи всѣ цвѣта дѣлались темными. Въ началѣ своего поприща онъ снялъ много копій съ Тиціана, что нисколько не доказываетъ отвращенія отъ яркаго колорита.

Можетъ быть, онъ почиталъ краски аксессуарнымъ предметомъ, который только нравится зрѣнію, или думалъ, что онѣ помѣшаютъ простотѣ его композиціи, какъ излишнее украшеніе; но все таки странно, что онъ не понималъ, какое важное вспомогательное средство заключается въ краскахъ, и что если иногда одинъ неудачный цвѣтъ портитъ контуры, то часто живая краска выказываетъ достоинства картины, какъ это доказали извѣстные колористы.

Можетъ быть, скажутъ въ оправданіе этой странности, что картины Пуссена могутъ обойтись и безъ яркаго колорита, и артистъ имѣлъ полное право отдѣлывать ихъ въ такомъ видѣ, какъ хотѣлъ. Послѣ этого можно обвинить Пуссена и въ томъ, когда онъ упрекалъ Рафаэля въ недостатокъ познаній. Когда онъ говорилъ, что Рафаэль можетъ похвастаться идеаломъ въ сравненіи съ современниками, но что онъ настоящій невѣжда въ сравненіи съ древними, то намекалъ, что великій артистъ не имѣетъ познаній въ анатоміи, и нисколько не думалъ унижать живописца, которымъ всегда восхищался, удивляясь его неподражаемой граціи, нѣжности, смѣлости рисунка, увлекательной прелести въ цѣломъ. Во многихъ качествахъ, и особенно въ тѣхъ, которыхъ не доставало самому Пуссену, онъ предпочиталъ великаго Рафаэля даже древнимъ.

Если сравнить исполненіе картинъ Рафаэля съ Тиціаномъ, Корреджіо и фламандскими живописцами, то можно найти въ первомъ много недостатковъ. Но другія драгоцѣнныя и неподражаемыя качества ставятъ его въ главѣ живописцевъ древнихъ и новыхъ, и кажется, что большая правильность или анатомическія подробности не увеличили бы общаго эффекта его картинъ, но скорѣе ослабили бы его.

Пуссенъ превосходно изображалъ красоту, но въ его картинахъ она не такъ увлекательна, какъ у Рафаэля. Изображенія на картинахъ Пуссена имѣютъ много благородства, но до того правильны, что кажутся холодными и монотонными. У него нѣтъ ни стыдливой краски дѣвъ, ни восторженной блѣдности страдалицъ. Его фигуры не порази-

тельны, какъ у Мурильо, и не задумчивы и нѣжны, какъ у Кореджіо. Онъ не умѣетъ, какъ эти два артиста, окружить ихъ яркимъ сіяніемъ и помѣстить посреди легионовъ ангеловъ.

Зато какое у него совершенство въ историческихъ сюжетахъ, какая сила и сложеніе у этихъ храбрыхъ Римлянъ, кажется, оживающихъ передъ вами! Они нисколько не похожи на театральныхъ героевъ, у которыхъ только одежда римская. Всѣ его Фокіоны, Эвдамидасы и Ахиллы—настоящіе греки. Кориоланъ, убѣжденный слезами матери, можетъ быть только римляниномъ! Одинъ Пуссенъ могъ создать этихъ двухъ вонновъ, которые стоятъ позади колеблющагося начальника и ждутъ въ волненіи, какое дѣйствіе произведутъ просьбы Ветурии и римлянокъ. Онъ одинъ могъ создать этого челоуѣка съ мечемъ, вполонину вынутымъ изъ ноженъ, и гнѣвъ котораго стихаетъ въ ту минуту, когда мать въ печальной одеждѣ обнимаетъ его колѣни и умоляетъ за Римъ. Эта чудная женщина кажется живою и привлекаетъ глаза всѣхъ. Подобно великому Корнелю, съ которымъ онъ имѣетъ много сходства, Пуссенъ выбираетъ свои сюжеты изъ того времени, когда были великіе люди и великія чувства. Его смѣло можно поставить въ число героевъ Плутарха, которыхъ онъ оживилъ въ своихъ картинахъ. Кажется, благородная его душа можетъ существовать только въ героической сферѣ и презираетъ низкіе и мелочные предметы. Презрѣнный Скаронъ вздумалъ прислать Пуссену своего *Turphon burlesque*, и тотъ отвѣчалъ на это посланіе другу своему г. Шантелу: «Я получилъ отъ директора почтъ книгу, наполненную глупостями и неприличными шутками г. Скарона, безъ письма, такъ что не знаю даже, кто мнѣ прислалъ ее. Я пробѣжалъ эту книгу, и ужъ конечно никогда не вздумаю перечитать. Вы, конечно, не потребуете, чтобъ я выразилъ вамъ все отвращеніе, которое чувствую къ этому роду сочиненій.»

Въ другой разъ онъ пишетъ о томъ же предметѣ:

«Г. Скаронъ прислалъ мнѣ письмо, и признаюсь, я нахожусь въ большомъ затрудненіи. Я очень бы желалъ, чтобъ его прихоть—имѣть мою картину, прошла, и чтобъ онъ смотрѣлъ на мою живопись точно также, какъ я на его сочиненія. Я очень сожалею, что ему вздумалось прислать мнѣ свою книгу; но что беспокоитъ меня больше всего, это угроза, что онъ пришлетъ мнѣ своего комическаго *Виргилія* и посланіе, посвященное мнѣ въ первой книгѣ, которая будетъ напечатана. Онъ воображаетъ заставить меня смѣяться, также какъ онъ самъ хохочетъ, не смотря на свою уродливость. *Напротивъ, я готовъ плакать, когда подумаю, что въ нашемъ отечествѣ родился новый Эростратъ.*»

Вотъ еще новый образчикъ слога человѣка, который всегда извинялся, что не умѣетъ писать, *потому что занимается нѣмымъ выраженіемъ мысли*. Онъ пишетъ изъ Рима къ г. Шантелу, который всегда былъ къ нему привязанъ и старался утѣшать его во всѣхъ несчастіяхъ:

«Какъ бы я желалъ, чтобъ присланные мною семь картинъ превратились въ семь другихъ сюжетовъ, гдѣ бы изображены были всѣ превратности судьбы. Не надобно было бы долго придумывать этихъ примѣровъ и мучить свое воображеніе. Изъ нихъ человѣкъ видѣлъ бы, что необходимо пріобрѣсти добродѣтели и разсудокъ, чтобъ устоять противъ различныхъ испытаній. Обыкновенные люди поминутно подвергаются ея преслѣдованіямъ. Я увѣренъ, что вы глубоко тронуты вашею недавнею потерей, но вы должны уже были приготовиться къ ней, потому вамъ не въ первый разъ разставаться съ тѣми, кого любите. Есть люди, которые хладнокровно разсуждаютъ о несчастіяхъ въ жизни и которые приходятъ въ отчаяніе, когда съ ними чтонибудь случится. Тутъ они поймутъ, что воображеніе бываетъ ниже дѣйствительности. Но вы, мой другъ, уже однажды съ твердостью перенесли тяжелую потерю; призовите же и теперь на помощь все ваше благоразуміе. Изъ вашего письма я вижу, что вы очень слабы и не возвратились еще въ нормальное состояніе. Пусть ваше горе таетъ въ душѣ, но не показывайте его снаружи. Будьте тверды какъ всегда.»

Однако, при концѣ жизни, *благоразумный этотъ человѣкъ* принужденъ былъ самъ употребить въ дѣло философію, которую проповѣдывалъ своимъ друзьямъ. Слабость лѣтъ и разныя болѣзни изнурили силы великаго живописца, хотя характеръ его и разсудокъ сохранили прежнюю твердость. «Рука моя уже не слушается меня, говорилъ онъ, хотя мнѣ кажется, что я еще въ состояніи твердо водить кистью. Я вспоминаю слова Фемистокла, говорившаго при концѣ жизни: «человѣкъ умираетъ часто въ то время, когда хочетъ произвести чтонибудь прекрасное.» Однако я не прихожу въ отчаяніе, и хотя тѣло мое слабѣетъ, но голова здорова, и я увѣренъ, что никогда не отстану отъ моихъ правилъ какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни.»

Смерть жены, случившаяся за годъ до его собственной кончины, поразила артиста, тѣмъ болѣе, что самъ онъ нуждался въ нѣжныхъ заботахъ, потому что рука его уже не въ состояніи была держать кисть, и глаза плохо различали предметы. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи онъ написалъ къ Шантелу, прося его принять на себя послѣднія распоряженія и не забыть завѣщаній въ пользу бѣдныхъ родственниковъ въ Андели. Съ этой минуты страданія его увеличились и онъ напи-

салъ только одно письмо г. Шамбре, которому даетъ нѣкоторые совѣты въ теоріи живописи. Больше онъ не могъ уже ничѣмъ заняться, потому что болѣзнь овладѣла ихъ совѣтмъ. Эти немногіе совѣты объ искусствѣ, написанные дрожащею рукою у дверей гроба, заставляютъ сожалѣть, что великій артистъ не вздумалъ прежде описать своимъ древнимъ слогомъ всѣхъ правилъ искусства, которое онъ прославилъ. Ко всѣмъ его болѣзнямъ прибавился еще параличъ, и онъ употреблялъ нѣсколько дней на то, чтобъ написать коротенькое письмо. Горе и страданія ускорили его смерть. И Римъ, который считалъ его своимъ и уважалъ какъ великаго человѣка, горько плакалъ о преждевременной кончинѣ Пуссена. Онъ умеръ 19 ноября 1665 года.

Въ послѣднихъ его картинахъ замѣтно дрожаніе руки, на которое онъ часто жаловался въ своихъ письмахъ. Оно видно и въ четырехъ картинахъ Лувра, изображающихъ четыре времени года, и въ знаменитомъ *Потопъ*, который считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Въ эпоху, когда старость и болѣзнь еще не ослабили его силъ, онъ писалъ фигуры вообще въ уменьшенномъ видѣ. Этотъ недостатокъ болѣе всего замѣтенъ въ картинѣ *La femme adultère*. Но зато въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, находится удивительная мысль, смѣлый рисунокъ и необыкновенная отчетливость.

Послѣ этихъ неполныхъ и слабыхъ замѣчаній о великомъ артистѣ, любопытно прочесть сужденія иностраннаго живописца о Пуссенѣ, котораго онъ уважалъ, несмотря на совершенную противоположность манеры и стilia французскаго художника. Извѣстный Рейнольдсъ много писалъ о Пуссенѣ. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія англійскаго живописца:

«Ни одна современная картина не походитъ на древнія столько, какъ картины Пуссена. Лучшія его произведенія очень сухи, и хотя надобно избѣгать этого недостатка, но онъ чрезвычайно идетъ къ простотѣ, которая отличаетъ манеру Пуссена. Онъ такъ долго изучалъ древнихъ, что привыкъ думать какъ они, и кажется знаетъ всѣ поступки и жесты этихъ людей во всѣхъ случаяхъ жизни.

«Въ послѣднее время онъ перемѣнилъ свою манеру и принялъ болѣе мягкую и нѣжную, въ которой замѣтно больше отношеній между фигурами, какъ, напримѣръ, въ *Семи таинствахъ*, находящихся въ коллекціи герцога Орлеанскаго. Вообще картины второй его эпохи не могутъ равняться съ первыми сухими и холодными сюжетами.

«Любимые его сюжеты взяты изъ мифологіи, и никогда еще живописецъ не соединялъ столько качествъ, чтобъ представить подобные сюжеты. Онъ зналъ подробно не только нравы и костюмы древнихъ, но даже характеры этихъ вымышленныхъ аллегорическихъ лицъ.

«Рубенсъ тоже превосходно писалъ силеновъ, фавновъ и сатировъ, но у него они все таки не принадлежать къ древней природѣ, какъ у Пуссена. Въ подобныхъ сюжетахъ все должно напоминать о древности, и иллюзія должна быть полная. О современности не должно быть и помину въ древнихъ картинахъ.

«Если Пуссенъ изображаетъ восходящее солнце въ видѣ Аполлона, который выѣзжаетъ на колесницѣ изъ Океана, если онъ олицетворяетъ рѣки, озера, это несколько не удивляетъ насъ, потому что имѣетъ отношеніе съ остальной картиной. Но еслибъ въ этихъ фигурахъ было что нибудь современное, и одежды напоминали бы матеріи нашихъ фабрикъ, если бъ пейзажъ напоминалъ современный видъ, было бы смѣшно видѣть Аполлона вмѣсто солнца, или нимфу съ урной вмѣсто озера.»

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Рубенсѣ, Рейнольдсъ прибавляетъ:

«Его блестящей, невнимательной и неточной манерѣ можно противопоставить простоту, отдѣлку и правильность Пуссена. И несмотря на этотъ контрастъ, оба живописца имѣли между собою сходство. Въ картинахъ обоихъ художниковъ есть замѣтные недостатки, но они такъ свойственны имъ, что страшно исправлять ихъ, потому что отъ этого можетъ пропасть весь эффектъ картины.»

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Осень — Минувшее и настоящее. — Умѣнье раздувать афиши. — Театръ въ Курскѣ и Рыбинскѣ.

Ни одна Божья птичка, ни одинъ бѣднякъ, лишенный на зиму шинели, не встрѣчаютъ такъ радостно весны, какъ странствующие актеры — осень. Жатва, въ полномъ значеніи слова — жатва! Въ это время первый любовникъ замѣтно полнѣетъ, трагикъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа и скрежещетъ зубами только на сценѣ; что же касается до комика, то онъ рѣшительно не выльзаетъ изъ плѣшиваго парика. Антрепренѣръ улыбается всѣмъ и каждому и, что всего важнѣе и отраднѣе для Гамлета или Уголино, даетъ ему акуратно каждый день въ счетъ получаемыхъ. Въ былое время, театральная осень въ провинціи заставляла бѣдныхъ артистовъ смотрѣть сентябремъ, и лѣтнее солнце свѣтило для нихъ гораздо темнѣе. Осенью нерѣдко пустѣлъ городъ: помѣщики, люди богатые, разъѣхались по своимъ усадьбамъ. Въ дни праздничные даже и уѣздный критикъ — литераторъ, даже всѣ Добчинскіе и Бобчинскіе дезертировали изъ города къ сосѣду — помѣщику, и въ то время, какъ въ отъѣздѣ полѣ; при восторженныхъ крикахъ: а-ту, а-ту-его! лились удовольствія всѣхъ цвѣтовъ, лица печальныхъ артистовъ не

измѣняли своего блѣднаго цвѣта. Кому же было посѣщать театр?—не аптекарю же, или его супругѣ. Карлъ Богданычъ и Шарлота Крестьяновна, пропѣхнувъ во своей ромашкѣ, и рады были бы подышать воздухомъ сквознаго амбара, да вѣдь они не встрѣтили бы тамъ своего милаго Коцебу... Но это грустное время миновалось! Охота—эта чума театральной кассы, уже не имѣетъ такихъ рьяныхъ поклонниковъ, какъ было встарь... По-большой-части охотничьи доспѣхи висятъ мирно на стѣнѣ, и развѣ одолажаются на спектакль тѣмъ же артистамъ. Опустошительную войну въ поляхъ и лѣсахъ противъ зайцевъ, волковъ и куропа-токъ ведутъ прикащики съ десятскими и молодыми парнями—стрѣлками; литераторъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ спектаклей и постояннымъ ихъ критикомъ. Помѣщики, гонимые скучнымъ журналомъ и безмолвною пустошью полей, частенько наѣзжаютъ въ городъ—и театръ цвѣтетъ, и артисты полнѣютъ; иные цвѣтутъ вмѣстѣ съ театромъ.

Осень, мы увѣрены, много скажетъ намъ новаго о провинціальныхъ театрахъ; теперь же ограничимся немногимъ, при всемъ желаніи подарить нашихъ читателей цѣлымъ томомъ отчета о выше-волоцкомъ театрѣ. Но, какъ извѣстно, нынче выводится изъ моды въ журнальномъ мѣрѣ давать неинтересное и старое въ приложеніяхъ. Одно насъ навело на старую мысль при чтеніи этого отчета. Рассказывая о прекрасной игрѣ г. Гедцъ въ пьескѣ г. Савинова «Дайте мнѣ старуху!» нашъ корреспондентъ, съ драматическою точностью выписывающій афиши, увѣдомляетъ, что пьеса названа: «Онъ не онъ, или дайте мнѣ старуху!» Поистинѣ, такое названіе послѣ того, какъ просмотришь фарсъ, кого не поставить въ тупикъ и кого не заставить сдѣлать себѣ вопроса: «да который же это—онъ не онъ? Надо сказать правду: провинціальные режиссеры большіе охотники уродовать заглавія пьесъ, раздувая ихъ, сколько хватить чернилъ и воображенія. Это ихъ общая слабость... Мы нигдѣ и никогда не можемъ забыть страшной афиши, объявлявшей когда-то въ Кременчугѣ о пьесѣ «Вѣчный жидъ». Афиша эта, безъ преувеличенія, была больше обыкновеннаго полотенца и вмѣщала въ себѣ 12 отдѣльных пьесъ, подъ подобными заглавіями: ядъ и кинжалъ, труппа (вмѣсто группа) мертвецовъ и проч., все въ этомъ же родѣ... Но обратимся къ новостямъ.

ТЕАТРЪ ВЪ КУРСКЪ.

Въ 3 № «Пантеона» за мартъ мѣсяцъ настоящаго года, въ статьѣ о провинціальныхъ театрахъ, Г. О. Грѣхновскій говорилъ о цѣломъ годѣ спектаклей курскаго театра съ 11-го апрѣля 1852 г. о его началѣ и паденіи. Считаемо нелишнимъ кое-что прибавить къ этому извѣстію.

Въ мартъ мѣсяцъ 1851 года явился въ Курскъ г. Ващенко-Захарченко съ труппою актеровъ, собранныхъ изъ разныхъ провинціальныхъ театровъ, и съ Пасхи у насъ начались представленія. Въ сформированной Захарченкою труппѣ дѣйствительно было много хорошихъ артистовъ и между ними встрѣчались такіе сюжеты, которые всегда и вездѣ въ провинціи могутъ занять первыя роли. Курская публика, желая поощрить заѣзжаго антрепренѣра, приняла его благосклонно (и хотя не такъ, какъ описываетъ г. Грѣхновскій, что театръ всегда былъ полонъ и за недѣлю надо было запастись билетомъ), театръ посѣщали многіе. Въ первыя числа мая мѣсяца г. Ващенко-Захарченко съ труппою своею откочевалъ на ярмарку, не въ Лебедки, какъ сказано въ приведенной статьѣ, а въ Лебединъ; отсюда въ іюнь мѣсяцъ возвратился прямо къ Коренной ярмаркѣ, а послѣ жатвы, труппа съ ихъ содержателемъ вновь возвратилась въ Курскъ, утративъ на ярмаркѣ много актеровъ и актрисъ; за всеѣмъ тѣмъ еще оставалось ихъ такое количество, которое, по малому курскому театру, могло продолжать свои представленія. Лѣтомъ у насъ театральныя зрѣлища вообще мало посѣщаются; г. Ващенко-Захарченко принявъ это за равнодушіе публики и уѣхалъ съ труппою своею въ Орель. Не знаю, какъ были приняты тамъ заѣзжіе гости, но въ декабрѣ мѣсяцѣ наши знакомцы вновь возвратились въ Курскъ съ незнакомыми намъ драматическими актерами.

И началась драма... комедія да и только! Г. Ващенко-Захарченко, не долго думалъ, и недостатокъ драматическихъ актеровъ и актрисъ пополнилъ водевильными; словомъ: Карлуша игралъ Уголино—похожимъ по ходу обѣихъ пьесъ: они въ заключеніе оба голодны; но Карлуша—не Уголино! При бѣдной обстановкѣ и разнохарактерныхъ костюмахъ выступали на сцену современники Стюартовъ и Людовика XIV и смѣшили публику своею наивностью до колики, а людей серьезныхъ заставляли уѣзжать изъ театра, не досидѣвъ до половины спектакля. Когда же шли водевили, въ театрѣ бывало много посѣтителей, потому что водевили шли всегда хорошо. Въ нихъ участвовали даровитыя актрисы Гусевы (мать и дочь); публика просиживала спектакль съ удовольствіемъ, лю-

буясь ихъ прекрасною игрою; но Ващенко—Захарченко, какъ видно изъ статьи Грѣхновскаго, платилъ дорого трагическимъ актерамъ и, не получая отъ драмы большихъ выгодъ, рѣшился вновь искать счастья въ г. Орлѣ, куда въ половинѣ января 1852 г. выѣхалъ съ труппою и уже болѣе въ Курскъ не возвращался... Не много потеряли.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 года, составила въ Курскѣ дирекція театровъ и, въ числѣ прочихъ директоровъ, принялъ на себя это званіе г. Малѣевъ. Желая имѣть небольшую, но хорошо собранную труппу, директоры отправили рижскаго театра г. Василькова въ Москву, который, проѣзжая чрезъ Орелъ, встрѣтилъ въ немъ всю бѣдствующую труппу г. Ващенко—Захарченко. Содержатель не выдавалъ имъ жалованья до начатія представлений (это было великимъ постомъ), актеры съ восторгомъ узнали, что въ Курскѣ составила дирекція, упростили взять ихъ отъ г. Ващенко, который и самъ желалъ отъ нихъ отдѣлаться, прося только Василькова взять его музыку для курскаго театра. Васильковъ хотя и не имѣлъ на этотъ предметъ полномочія отъ дирекціи, но рѣшился принять предложеніе Ващенко и вмѣстѣ съ нимъ и со всею сформированною имъ труппою актеровъ прибылъ къ Пасхѣ въ Курскъ; хотя многіе изъ собранной Ващенко—Захарченкою труппы актеры и актрисы были слабы, но дирекція приняла ихъ. Вотъ какъ началась въ Курскѣ дирекція, продолжающаяся и до настоящаго времени подъ тѣмъ же управленіемъ. Паденія курскаго театра никогда не было; перемѣнялись актеры и актрисы; какъ и вездѣ это бываетъ на провинціальныхъ театрахъ, но курскій театръ никогда не достигалъ такой славы, какъ въ настоящее время. Много перебивало во время управленія дирекціею курскимъ театромъ столичныхъ и провинціальныхъ артистовъ; на иныхъ любовалась, другихъ порицала наша публика, но постоянная примадонна нашего театра *г-жа Гусева 2*, имѣя большой репертуаръ и обладающая прекраснымъ голосомъ и разнообразною, неподдѣльною игрою, остается въ продолженіе двухъ лѣтъ постоянною любимицею курской публики, занимая въ продолженіе этого времени первыя роли во всѣхъ водевиляхъ, комедіяхъ и опереткахъ. Г-жа Гусева на Коренной ярмаркѣ играла въ продолженіе двѣнадцати дней, каждый день въ двухъ и трехъ разнохарактерныхъ русскихъ и малороссійскихъ пьесахъ, и никто не замѣтилъ въ ней усталости и малѣйшаго пренебреженія къ игрѣ; публика всегда восхищается ею; въ бенефисы * ея всегда театръ по-

* Писано 26 іюня 1853 г. въ Коренной ярмаркѣ.

** Она беретъ въ годъ три бенефиса.

лонъ и билетомъ непременно надо запастись за недѣлю. 20 іюня, въ день ея бенефиса, театръ былъ совершенно полонъ; ни одной ложи, ни одного кресла не было пустаго. За такое вниманіе публики актриса заплатила ей прекрасною игрою въ роли Катерины въ пьесѣ «Молодая де-бютантка, или дочь Доминика». При открытіи занавѣса аплодисменты долго не давали бенефицианткѣ начать свою роль. Послѣ каждой пропѣтой аріи заставляли повторять ее нѣсколько разъ; она была вызвана послѣ каждого акта и въ концѣ спектакля восемь разъ. Самая высокая и образованная публика нашла въ игрѣ г-жи Гусевой талантъ самобытный, неподдѣльный. Въ Коренной ярмаркѣ за 12 спектаклей выручено было 2,500 руб. серебромъ. Такимъ сборомъ не вездѣ могутъ похвалиться провинціальныя театры, особенно въ лѣтнее время.

КУРСКІИ СТАРОЖИЛЬ.

РЫБИНСКІИ ТЕАТРЪ.

Въ послѣднее время рыбинская публика наслаждалась прекрасною игрою г. Полтавцева, который столько принесъ ей удовольствія, несмотря на то, что нынѣшнее лѣто какъ для театра, такъ и для всѣхъ жителей рыбинскихъ, было не слишкомъ весело. Но съ появленіемъ г. Полтавцева холера, которая навела уныніе на всѣхъ жителей, была забыта; нашъ рачительный антрепренеръ г. Лавровъ старался всѣми силами доставлять удовольствіе публикѣ, хотя самъ понесъ значительный убытокъ. И какъ мы обрадовались, когда афиша наша возвѣстила о прибытіи г. Полтавцева. Театръ хотя не всегда бывалъ полонъ, но кто посѣщалъ его, тотъ не раскаявался и разгонялъ свою скуку. Хотя у г. Лаврова сформирована большая труппа, но во всей театральной этой труппѣ только трое рѣзко обрисовываются на первомъ планѣ, именно г. Лавровъ, прекрасный драматическій артистъ, г-жа Лаврова (жена его), миленькая субретка, съ небольшимъ, но довольно пріятнымъ голоскомъ и, въ дополненіе къ нимъ, г. Маскимовъ; всѣ же остальные развѣ недурны были бы въ живыхъ картинахъ, и то если бы въ нихъ имъ пришлось или сидѣть или спать. Послѣ втораго представленія г. Полтавцева, афиша снова намъ объявила драму *Скопинъ-Шуйскій*. Роль Скопина для перваго дебюта игралъ актеръ московскихъ театровъ г. Сенявскій... Благодаримъ молодаго артиста, который

намъ также доставилъ удовольствіе; тѣмъ пріятнѣе было намъ видѣть его, что онъ не старался подыматься на драматическія ходули. Его простая, но отчетливая игра, непритворное чувство оправдались рукоплесканіемъ публики. Я его видѣлъ потомъ въ водевилѣ «Заколдованный Принцъ» въ роли Ганса, гдѣ я, бывало, восхищался игрой нашего умнаго комика г. Мартынова. Молодой артистъ, г. Сенявскій, хотя мы его нисколько не сравниваемъ съ г. Мартыновымъ, былъ—таки на своемъ мѣстѣ; безъ всякихъ сценическихъ фарсовъ заставлялъ зрителей отъ души смѣяться. Жаль, что онъ такъ мало играетъ, тогда какъ смѣло могъ бы замѣнить мѣсто г. Дмитриева, который обладаетъ всевозможности фарсами. Онъ въ каждой роли — полишинель, и многимъ кажется, что г. Дмитриевъ скорѣе обладаетъ танцевальнымъ искусствомъ, чѣмъ драматическимъ. Г-жа Милославская, примадонна, обладаетъ голосомъ очень несвѣжимъ; впрочемъ, о ней и говорить нечего. Г. Максимовъ занимаетъ амплуа комическихъ стариковъ и играетъ иногда удовлетворительно, если чувствуетъ себя здоровымъ. Гг. Колосовъ и Щегловъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе улучшаются. Хорошобы, если бы у насъ еще разъ повторился такой пріятный, театральнй сезонъ!

Р. НИКОЛАЕВЪ.

СМЪСЬ.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Статья третья и послѣдняя.

19 декабря 1842 года Кастрень оставилъ Мезень, начавъ такимъ образомъ свое путешествіе по тундрамъ. Прибывъ въ деревню Сомса, Кастрень напрасно спрашивалъ о тадибе, назначавшемъ ему свиданіе; здѣсь никто не зналъ, гдѣ онъ живетъ, Но, съ помощію становаго пристава, тадибе отыскали дню черезъ три и доставили Кастрѣну.

Тадибе, взявшій съ Кастрѣна въ задатокъ рубль серебромъ, оти́кнвался отъ исполненія обѣщанія, говоря, что онъ, сдѣлавшись христіаниномъ и стоя на краю гроба, не хочетъ связываться съ волшебствомъ; что онъ сжегъ свой бубень и не хотѣлъ даже спросить у Тадебтсіо лекарства для своей больной дочери; онъ обѣщалъ возвратить цѣлковый или сообщить Кастрѣну разныя свѣдѣнія объ искусствѣ тадибе. Кастрѣнъ удовольствовался послѣднимъ, и вотъ его замѣчанія объ этомъ предметѣ.

Предметы магіи (колдовства) у всѣхъ народовъ одинаковы, и число ихъ соотвѣтствуетъ желаніямъ, намѣреніямъ и потребностямъ чело́вѣка. Преимущественно же магія занимается: 1) леченіемъ и 2) отгадываніемъ. У нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ у Финовъ, преобладаетъ въ магіи леченіе болѣзней, у другихъ, какъ у Самоѣдовъ, гаданіе. Главный характеръ магіи зависитъ отъ различной степени образованія народовъ, отъ ихъ взгляда на вещи и отъ ихъ умственныхъ способностей.

Самоѣды думаютъ, что колдунъ самъ по себѣ можетъ сдѣлать очень мало или ровно ничего; онъ только посредникъ или передатчикъ міра

духовъ, и его достоинство состоитъ только въ томъ, что онъ входитъ въ сношенія съ духами Тадебтсію и получаетъ отъ нихъ необходимыя для него свѣдѣнія. Духи Самоѣдовъ, подобно имъ самимъ, народъ очень хитрый, упрямый и капризный: — имъ часто приходится на умъ не повиноваться тадибе, или обмануть его ложными словами; въ особенности они насмѣхаются надъ старыми тадибе. А потому тадибе долженъ быть молодъ и силенъ, крѣпокъ и здоровъ тѣломъ, которое онъ долженъ иногда, по приказанію Тадебтсію, рѣзать ножомъ и истязать другими острыми инструментами. Впрочемъ обычай этотъ уже выходитъ изъ употребленія; но преданіе говоритъ, что прежніе тадибе прокалывали себя пиками, стрѣляли въ себя стрѣлами, приказывали рѣзать себя на куски, и потомъ снова возвращались невредимыми къ жизни. Подобныя вещи разсказываютъ о нѣкоторыхъ живыхъ еще тадибе, а слѣдующій разсказъ, кажется, даетъ поводъ думать, что въ этомъ есть своя доля правды. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ одной юртѣ на Тиманской тундрѣ встрѣтились три Самоѣда и русскій. Одинъ изъ Самоѣдовъ былъ посвященъ въ ученіе тадибе, а другіе просили его показать свое искусство. Прийдя въ обыкновенное изступленіе, тадибе во время самой церемоніи приказалъ стрѣлять въ себя изъ заряженнаго пулею ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ повиновался приказанію, и пуля отскочила отъ тѣла; ружье заряжено снова—и выстрѣлъ другаго Самоѣда имѣлъ такой же результатъ. Удивленный русскій зарядилъ ружье, выстрѣлил и убилъ Самоѣда-тадибе на-поваль. Кастрѣнъ въ Кавинской тундрѣ встрѣтилъ множество чиновниковъ, ѣхавшихъ на слѣдствіе по этому дѣлу, результатъ котораго ему неизвѣстенъ. О прежнихъ тадибе разсказываютъ много преданій, встрѣчающихся и въ финскихъ народныхъ сагахъ. Тадибе летали, плавали надъ водою, поднимались къ облакамъ и спускались въ землю, принимая притомъ любой видъ.

Ремесло тадибе наследственное; *magus non fit, sed nascitur* *. Такое же мнѣніе имѣютъ Финны, но финскій магъ долженъ сначала изучить *Sanat, syntu* и прочее, а Самоѣдъ ничего, потому что Самоѣдъ заботу обо всемъ предоставляетъ Тадебтсію, а Финъ старается все узнать посредствомъ мудрости, полученной имъ отъ отцовъ своихъ. Тадибе переводить на обыкновенный языкъ только то, что ему сообщаютъ духи на языкѣ, одному ему понятномъ. Хотя Кастрѣнъ и слышалъ фразу: «итти въ науку къ тадибе,» но никогда не могъ узнать, въ чемъ именно состоитъ эта наука. Вотъ что одинъ Самоѣдъ разсказывалъ Кастрѣну о себѣ самомъ: пятнадцати лѣтъ отдали его въ науку къ тадибе, пото-

* Поэты (маги) не образуются, но рождаются.

му что въ его родѣ было много знаменитыхъ шамановъ; два тадибе должны были учить его; они завязали ему глаза, дали въ руку бубень и просили ударять въ него; между тѣмъ одинъ тадибе билъ его рукою по головѣ, другой по спинѣ; спустя нѣсколько времени, глаза ученика просвѣтлѣли, и онъ увидѣлъ множество Тадебтсію, танцующихъ у него на рукахъ и ногахъ; испугавшись этого явленія, ученикъ убежалъ къ священнику, былъ окрещенъ и не видалъ никогда ни одного Тадебтсію. Къ этому надобно прибавить, что тадибе распалили сначала воображеніе мальчика чудесными сагами и рассказами о Тадебтсію.

Тадибе, достаточно посвященный въ тайны своего ремесла, обзаводится бубномъ и особымъ костюмомъ. Бубень украшается, смотря по состоянію тадибе, болѣе или менѣе; украшенія состоятъ изъ мѣдныхъ бубенчиковъ, колець, оловянныхъ пластинокъ и прочее. Форма бубна круглая, величина его различная; Кастрѣнъ видѣлъ бубень величиною въ $\frac{5}{4}$ аршина въ діаметрѣ и $\frac{1}{8}$ въ вышину; бубень съ одной стороны только обтянутъ тонкою прозрачною оленью кожей. Бубень въ рукахъ тадибе есть могущественный инструментъ: ударами въ него онъ возвышаетъ свой духъ, и звуки ударовъ проникаютъ въ темный міръ духовъ и будятъ ихъ отъ лѣниваго сна. Костюмъ тадибе и красивъ, и странный. Онъ состоитъ изъ замшевой рубашки, называемой самбуртсію, которая внизу оторочена краснымъ холстомъ. Швы также покрыты краснымъ холстомъ, а равно и плечи; глаза и все лице закрыты кускомъ холста, потому что не посредствомъ глазъ, а помощью внутреннего зрѣнія тадибе проникаетъ въ міръ духовъ. Голова не закрыта, и только узкій кусокъ краснаго холста идетъ около затылка, а другой черезъ темя; они служатъ для прикрѣпленія куска, закрывающаго лице. На груди у тадибе желѣзный лѣтъ.

Убранный такъ; тадибе садится на землю, для того чтобы у Тадебтсію испросить совѣтъ и помощь. Ему прислуживаетъ при этомъ другой тадибе, еще мало посвященный въ искусство. Церемонія начинается тѣмъ, что старшій тадибе бьетъ нѣсколько разъ въ бубень и поетъ нѣкоторыя слова ужаснымъ голосомъ; другой тадибе вторитъ ему, и оба распеваютъ одни и тѣже слова, подобно финскимъ пѣвцамъ рунъ. Каждое слово и каждую букву растягиваютъ до безконечности. Когда, послѣ короткаго пролога, начнется таинственный разговоръ съ Тадебтсію, тогда старшій тадибе умолкаетъ и тихо ударяетъ въ бубень; вѣроятно слушаетъ онъ въ это время отвѣтъ идоловъ. Между тѣмъ младшій тадибе поетъ тѣ слова, которыя пропѣлъ передъ тѣмъ старшій. Когда нѣмѣй разговоръ съ Тадебтсію кончился, тадибе испускаютъ дикій вой, удары въ бубень дѣлаются чаще и громче, и отвѣтъ оракула возвышается.

Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ тадибе содержится мало словъ, и что они представляютъ родъ импровизаціи. Въ пѣсняхъ Самоѣдовъ вообще не разбираютъ словъ и мало обращаютъ вниманія на размѣръ и ритмъ. Если пѣвецъ знаетъ о чемъ говорить, то слово прійдетъ само, и если оно не соотвѣтствуетъ мелодіи, то выпускаютъ ту или другую букву или растягиваютъ ее, какъ требуетъ мелодія. Если же Самоѣдъ пѣснь не поетъ, а речитатируетъ, то онъ заботится о нѣкотораго рода ритмѣ, подходящемъ къ трохею.

Представимъ теперь нѣсколько случаевъ самоѣдскаго колдовства.

Если шаманяетъ о пропажѣ оленя, то мелодія тутъ употребляется очень простая. Сначала призывается Тадебтсію, и одинъ тадибе говоритъ Кастрену, что онъ поетъ при этомъ слѣдующее:

Придите, придите,
 Духи чародѣйства!
 Если вы не придете,
 Я къ вамъ приду.
 Проснитесь, проснитесь,
 Духи чародѣйства!
 Я пришелъ къ вамъ,
 Возстаньте отъ сна!

Тадебтсію отвѣчаетъ:

Скажи, по какой
 Причинѣ прибѣжалъ ты,
 Зачѣмъ приходишь ты
 Нарушать нашъ покой? —

Тадибе говоритъ:

Пришелъ ко мнѣ
 Недавно Нжинетъ (Самоѣдъ),
 Этотъ человекъ, который
 Надоѣлъ мнѣ сильно;
 У него пропалъ олень.
 Вотъ почему я
 Теперь прихожу къ вамъ.

На этотъ призывъ является только одинъ Тадебтсію; если ихъ прійдетъ много, то каждый говоритъ свое, и тадибе не знаетъ, кого изъ нихъ слушать. Тадибе проситъ своего послушнаго духа отыскать оленя. «Ищи его, ищи его, какъ можно лучше, и чтобы олень не потерялся.» Разумѣется, Тадебтсію повинуется приказанію, а между тѣмъ тадибе настаиваетъ на томъ, чтобы духъ искалъ оленя хорошо и не переставалъ до тѣхъ поръ, пока найдетъ оленя. Когда Тадебтсію возвратится съ поисковъ, тадибе опять начинаетъ просить его говорить правду. «Не лги; если ты солжешь, мнѣ будетъ худо. Товарищи мои осмѣютъ меня тогда. Скажи прямо, что ты видѣлъ; скажи худое, скажи хорошее. Скажи одно только

слово. Если ты скажешь много (то есть не ясно и неопредѣленно), то мнѣ будетъ худо, и т. д. Тогда Тадебтсію называетъ то мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ оленя. Послѣ того тадибе идетъ къ указанному мѣсту съ тѣмъ, для кого вся эта церемонія дѣлается, но отвѣчаетъ однако же, если олень между тѣмъ убѣжитъ оттуда или другой тадибе съ помощію Тадебтсію уничтожить слѣдъ оленя, и т. д. Надобно сказать, что до заклинанія тадибе узнаетъ всѣ обстоятельства, сопровождавшіе пропажу оленя: когда это случилось, гдѣ, думаетъ ли Самоѣдъ, что олень украденъ, кто его сосѣди, не враги ли его и т. д. Если Самоѣдъ не можетъ дать необходимыхъ свѣдѣній, то тадибе принимается за бубень, спрашиваетъ объ этомъ дѣлѣ Тадебтсію, спрашиваетъ опять Самоѣда, и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока составитъ себѣ по возможности ясное понятіе о ходѣ дѣла. Это заранѣе составленное мнѣніе и есть то, что слышитъ тадибе во время своего изступленія отъ Тадебтсію; можетъ быть, иногда это является тадибе въ его изступленномъ состояніи какъ сонъ — но онъ получаетъ приговоры оракула изъ устъ самаго Тадебтсію, являющагося передъ нимъ въ воображеніи. Кастрэнъ убѣдился въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве не только спокойными и единогласными увѣреніями тадибе объ этомъ предметѣ, но еще и тѣмъ, что очень часто тадибе признается, что онъ или не могъ вызвать Тадебтсію, или не могъ принудить его дать ясный отвѣтъ, и это въ такихъ случаяхъ, когда тадибе легко могъ бы выдумать предсказаніе. Кастрэнъ самъ испытывалъ откровенную честность тадибе въ этомъ отношеніи.

Непосвященные въ продѣлки тадибе Самоѣды употребляютъ и другія средства для отысканія потерявшихся оленей. Изъ оленьихъ роговъ образуютъ кругъ на полу; въ срединѣ круга кладутъ брусокъ, а на него огниво, топоръ или другой кусокъ желѣза такъ, чтобы онъ пересѣкалъ брусокъ и могъ легко упасть съ него. Потомъ Самоѣдъ начинаетъ ходить кругомъ, пока кусокъ желѣза упадетъ. Самоѣдъ теперь знаетъ въ какую сторону убѣжалъ олень, и если онъ пойдетъ туда, то олень самъ прибѣжитъ къ нему навстрѣчу. Такимъ же образомъ отыскиваютъ людей, сбившихся съ дороги, только вмѣсто оленьихъ роговъ, для образованія круга, употребляются человѣческіе волосы.

Когда больной прибѣгаетъ за помощію къ тадибе, то, не смотря на опасность болѣзни, леченіе не начинается тотчасъ, и ожидаютъ «первой утренней зари». Во время ночи тадибе совѣщается съ своимъ Тадебтсію и проситъ у него совѣта и помощи. Если къ утру больной почувствуетъ себя лучше, то время взяться за бубень; въ противномъ случаѣ надобно ожидать «седьмой утренней зари». Если и тогда больному не будетъ лучше, тадибе объявляетъ его неизлечимымъ, и даже не дѣлаетъ

никакой попытки помочь несчастному. Если же въ теченіе означеннаго времени больному слѣдается лучше, то тадибе спрашиваетъ его: знаетъ ли онъ того, кто напустилъ на него болѣзнь? Если больной не знаетъ, то тадибе начинаетъ расширивать о его врагахъ и т. д. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ больного, спрашиваютъ Тадебтсію. Тадибе не рѣшается въ этомъ дѣлѣ ничего предпринять до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, откуда болѣзнь взялась.

Если болѣзнь наущена злыми людьми, то тадибе просить духа помочь больному, и необходимое слѣдствіе этой помощи есть переходъ болѣзни съ больного на того, кто напустилъ ее. Тадибе увѣряли Кастрѣна, что они при леченіи не употребляютъ болѣе никакихъ приемовъ, что они не знаютъ ни наговоровъ, ни заклинаній и понятія не имѣютъ о естественныхъ средствахъ леченія. Кастрѣнъ нашелъ между Самоѣдами только леченіе прижиганіемъ, для чего берутъ березовый труть, сушатъ его и вырѣзываютъ изъ него два небольшіе кусочка, которые зажигаютъ и кладутъ на больное мѣсто. Самоѣды считаютъ хорошимъ признакомъ если труть отскочить отъ больного мѣста; вмѣстѣ съ нимъ отскакиваетъ и болѣ. Изъ сказаннаго здѣсь видно, что тадибе обладаютъ вообще малыми свѣдѣніями, хотя ихъ считаютъ умными и свѣдущими людьми. Имѣя въ Тадебтсію такихъ послушныхъ и услужливыхъ духовъ, тадибе не имѣютъ свѣдѣнія о болѣзняхъ. Впрочемъ Тадебтсію повинуются Нумъ или Иймбертій (Илейбертью), такъ Самоѣды-язычники зовутъ своего бога, что доказываетъ между прочимъ одна пѣсня, гдѣ тадибе посылаетъ Тадебтсію къ Нуму, для испрошенія помощи больному. Тадибе говоритъ съ духомъ, въ пѣснѣ, такъ: «Не оставляй больного, ступай вверхъ, ступай къ Иймбертію, и проси его о помощи». Тадебтсію повинуются приказанію, но тотчасъ возвращается и говоритъ, «что Иймбертій не отвѣчалъ ничего», то есть не даетъ помощи. Тогда тадибе начинаетъ просить о помощи самаго Тадебтсію, который отвѣчаетъ на это: «Какъ я могу помочь? Я менѣе могущественъ, нежели Нумъ, я не могу помочь!» Тадибе продолжаетъ свои просьбы, говоря, чтобы Тадебтсію отправился вверхъ къ Нуму и просилъ бы его о помощи и спасеніи. Съ своей стороны Тадебтсію говоритъ тадибе, чтобы онъ самъ шелъ къ Нуму, на что тадибе отвѣчаетъ: я не могу достигнуть до Нумы, потому что онъ очень далеко отъ меня. Если бы я могъ приблизиться къ нему, то не просилъ бы тебя, а самъ пошелъ бы къ нему. А какъ я не могу идти къ нему, то ступай ты. Тадебтсію наконецъ соглашается: «Для тебя, говоритъ онъ, я пойду; но на меня Тадебтсію косится постоянно и говоритъ, что онъ мнѣ не скажетъ ни слова и т. д.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о языческихъ богахъ Самоѣдовъ.

Объ Нумъ или Ёмбембертій расказываютъ Самоѣды тоже самое, что содержатъ финскія пѣсни объ Икко. Нумъ живетъ въ воздухѣ и оттуда посылаетъ на землю громъ и молнію, дождь и снѣгъ, бурю и вѣтеръ. Часто его смѣшиваютъ съ видимымъ небомъ, которое тоже называется Нумъ. Звѣзды составляютъ часть Нумы и называются Нюмжи, то есть нѣчто, принадлежащее къ Нумъ. Радуга составляетъ край одежды Нумы и называется Нумбани. Солнце тоже почитается какъ Нумъ или Ёмбембертій, потому что при восходѣ солнца Самоѣдъ выходитъ изъ юрты, а при закатѣ онъ читаетъ молитву: «Если ты Ёмбембертій уходишь, я иду на покой.» Отъ нѣкоторыхъ Самоѣдовъ я слышалъ, что земля, море и вся натура Нумъ; другіе же, вѣрно въ слѣдствіе вліянія христіанской религіи, привыкли считать Нума творцемъ міра и думаютъ, что онъ управляетъ міромъ и сохраняетъ его, посылаетъ людямъ счастье, даетъ имъ оленей, лисицъ и богатства всякаго рода. Нумъ охраняетъ также оленей отъ дикихъ звѣрей, въ слѣдствіе чего онъ имѣетъ эпитетъ Уйтбеарибержій, что значитъ «хранитель скота». Все что дѣлается на землѣ, Нума видитъ и знаетъ объ этомъ. И если онъ видитъ, что люди хорошо поступаютъ, то онъ посылаетъ имъ во всемъ удачу, даетъ имъ оленей, и хорошій ловъ, долгую жизнь, и такъ далѣе. Если же человѣкъ грѣшитъ, то ему Нумъ посылаетъ бѣдность и несчастія, и преждевременную смерть. Не имѣя яснаго понятія о будущей жизни, Самоѣды вообще думаютъ, что человѣкъ получаетъ и наказаніе за зло, и награду за добро еще въ этой жизни, и это мнѣніе поселяетъ въ нихъ ужасное отвращеніе отъ грѣховъ (haebea) и злыхъ дѣлъ, въ особенности отъ убійства, воровства, клятвопреступленія и нарушенія супружеской вѣрности. Хотя Самоѣды очень любятъ выпить, но пьянство не считается у нихъ порокомъ. Нумъ наказываетъ убійство и клятвопреступленіе — смертію, воровство — бѣдностію, супружескую невѣрность — неблагополучными родами, и такъ далѣе.

Кромѣ Нумы Самоѣды почитаютъ своихъ домашнихъ боговъ, фетишей или Nahe, повѣряютъ имъ свои желанія и потребности, просятъ о помощи во всехъ предпріятіяхъ и въ особенности объ удачномъ ловѣ. Хае и Тадебтеіо сходныя божества, подчиненныя Нумъ, но между ними есть то различіе, что духи Тадебтеіо доступны только для всевидящихъ очей тадибе. Наге не столь духовные, отвѣчаютъ на вопросы и непосвященныхъ въ мистеріи маговъ. Эти Наге бываютъ или естественные, или искусственные. Къ первому разряду принадлежатъ — необыкновенные камни, деревья, и другіе рѣдкіе въ природѣ предметы. Если Самоѣдъ найдетъ какой либо рѣдкій предметъ, который по его понятіямъ можетъ служить богомъ, то онъ завертываетъ его пестрыми

лентами или кусочками холста и везетъ съ собою, куда бы онъ не ѣхалъ. Самоѣды язычники имѣютъ особенныя сани, Гагенъ-ганъ, въ которыхъ сохраняются ихъ домашнія божества и которыя они берутъ съ собою во всѣ поѣздки. Если фетишъ такъ великъ, что его неудобно уложить въ сани, то онъ дѣлается предметомъ обожанія для всего народа;—такихъ фетишей очень много на островѣ Вайгачъ, и ихъ образуютъ камни и скалы; * самый главный изъ нихъ называется ја жіегу Напе, то есть владѣтель страны Хае. Фетишъ этотъ—большой камень, лежащій около одной пещеры; никто не знаетъ откуда онъ и когда попалъ сюда; видомъ онъ напоминаетъ формы человѣка, за исключеніемъ головы, которая у камня острая. Преданіе говоритъ, что по этому образцу Самоѣды начали дѣлать большихъ и малыхъ идоловъ изъ дерева, которые называются Сіадаи, потому что у нихъ человѣческое лицо (sja). Сіадаи бываютъ и мужскіе и женскіе; они обыкновенно одѣты по-самоѣдски и украшены лентами и всякимъ хламомъ. Впрочемъ на мѣстахъ лова (охоты) встрѣчаются и нагіе сіадаи, обращенные лицомъ къ западу.

По неизвѣстію дерева, фетишей дѣлаютъ изъ земли или снѣга, которые тоже называются Хае;—впрочемъ подобные фетиши употребляются только въ случаѣ нужды, напримѣръ при присягѣ, которая часто бываетъ у самоѣдовъ—язычниковъ. Если самоѣда обокрадутъ, то онъ призываетъ къ присягѣ того, на кого имѣетъ подозрѣніе, и употребляя при этомъ хае, сдѣланное изъ камня, дерева, земли или снѣга, какъ идола для своего противника, убиваетъ собаку, уничтожаетъ идола и говоритъ подозрѣваемому въ воровствѣ: «Если ты укралъ, то да погибнешь ты, какъ эта собака». Самоѣды, говорятъ, такъ боятся этой присяги, что воръ почти никогда не можетъ произнести клятву, но скорѣе сознается въ своемъ преступленіи. При присягахъ употребляются также морду медвѣдя, которую изрѣзываютъ въ куски. Это самая большая клятва, потому что Самоѣды считаютъ медвѣдя за могущественное божество, которое гораздо сильнѣе Гаге. Самоѣды говорятъ, что присяги у нихъ чаще всего бываютъ въ дѣлахъ по воровству, но употребляются также и при другихъ случаяхъ, и еще необращеннымъ Самоѣдамъ дозволено въ русскихъ судахъ произносить клятву по ихъ обычаямъ.

Если кто прибѣгаетъ съ просьбою о помощи къ Хае или Сіадаи, тотъ долженъ подкрѣпить просьбу жертвою, которая въ важныхъ случаяхъ совершается тадибе; а когда просятъ только о счастливомъ ловѣ, то жертву можетъ принести всякій. Церемоніи при жертвоприно-

* Иславнинъ насчитываетъ до 20 фетишей на островѣ Вайгачъ, сверхъ которыхъ одинъ былъ деревянный, сожженный миссіонерами въ 1827 году.

шевіи различны. Поставивъ на землю Хае, тадибе садится лицомъ къ нему, а между собою и божествомъ ставитъ пруть, къ концу котораго прикрѣплена красная лента; потомъ тадибе принимается за свой бубень и поетъ пѣнь Хае, въ которой содержится просьба. Черезъ нѣсколько времени начинаетъ лента на пруть двигаться (въ слѣдствіе какого нибудь незамѣтнаго дѣйствія тадибе), что для зрителей служитъ знакомъ, что Хае говоритъ съ тадибе. Рѣчь Хае тадибе переводитъ просящему, и обыкновенное содержаніе ея такое, что Хае обѣщаетъ исполнить просьбу съ условіемъ, чтобъ въ жертву ему принесены были или олень, или оленья самка, или молодой олень и т. д. Не рѣдко случается, что просящій начинаетъ торговаться съ своимъ тадибе, предлагая ему вмѣсто оленя — самку, вмѣсто самки — молодаго маленькаго оленя и т. д., или же проситъ объ отерочкѣ жертвы, на что тадибе или соглашается, или нѣтъ, смотря по важности желаній своего поклонника. При самомъ началѣ жертвоприношенія всѣ женщины удаляются отъ мѣста, гдѣ должна совершиться жертва; потомъ приводятъ животное, ставятъ его передъ идоломъ, и тадибе удушаетъ жертву. Голову, рога и даже кожу животнаго вѣшаютъ передъ Хае на дерево; лице Хае тадибе мажетъ кровью оленя, и сожигаетъ на огнѣ не много оленьей кожи, что и составляетъ обѣдъ идола, а остальное тадибе съѣдаетъ съ присутствующими при жертвоприношеніи; тадибе не должны уронить ни одной капли крови на свои платья, что считается грѣхомъ и приноситъ несчастіе.

Путешествіе по тундрамъ не представляетъ ничего особеннаго: перѣздъ совершается на оленяхъ, которыхъ двѣ пары запрягаются въ сани. На пути отъ Мезеня до деревни Несъ, (сто веретъ) Кастрень удостовѣрился только въ томъ, что Самоѣды очень любятъ водку, и тѣ изъ нихъ, которые не приняли еще христіанства, имѣютъ много женъ.

Деревня Несъ лежитъ въ пятнадцати верстахъ отъ впаденія рѣки того же имени въ Бѣлое море. Деревня эта состоитъ изъ самыхъ жалкихъ жилищъ, владѣльцы которыхъ приписаны въ Мезенѣ. Отцы нынѣшнихъ поселенцевъ основали свои жилища здѣсь для того, чтобъ поправить свои дѣла торговлею съ Самоѣдами; но къ ихъ невыгодѣ правительство наше снабжаетъ Самоѣдовъ мукою, солью, порохомъ и свинцомъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Въ 1825 году прибыла сюда миссія, для обращенія Самоѣдовъ въ христіанство, которая имѣла значительный успѣхъ; въ слѣдствіе чего были выстроены три церкви: въ 1831 году для большеземельской тундры на рѣкѣ Кольвѣ, и въ томъ же году для канинскихъ Самоѣдовъ въ деревнѣ Несъ, а въ 1832 для таманской тундры на рѣкѣ Пьота.

Въ Несѣ Кастрень остановился на нѣкоторое время для изученія языка, и имѣлъ удовольствіе познакомиться и даже жить посреди семейства тамошняго священника. Здѣсь же удалось ему быть на самоѣдской свадьбѣ, о которой онъ говоритъ слѣдующее. Если Самоѣдъ хочетъ жениться, то онъ вмѣстѣ съ сватомъ отправляется къ жилищу родителей той дѣвушки, которую онъ выбралъ для себя. Пріѣхавъ къ юртѣ, женихъ, по обычаю, остается у своихъ саней, а свать входитъ въ юрту и дѣлаетъ предложеніе отцу или опекуну дѣвушки. Если отвѣтъ будетъ отрицательный, то женихъ и свать тотчасъ отправляются домой; въ противномъ же случаѣ свать спрашиваетъ, когда праздновать свадьбу. Впрочемъ у Самоѣдовъ есть обычай, что женихъ платитъ отцу невесты известную сумму. Для чего предъ сватовствомъ со стороны жениха производится оцѣнка невесты, и свату сообщаютъ цѣну. Но если отецъ дѣвушки потребуетъ за свою дочь большую цѣну, то свать идетъ къ жениху и совѣтуется съ нимъ, можно ли прибавить одного или двухъ оленей къ преждеобъявленной цѣнѣ. И такъ торгуются до тѣхъ поръ, пока сойдутся въ цѣнѣ, и въ такомъ случаѣ свать вводитъ жениха въ юрту; если же не поладятъ въ цѣнѣ, то женихъ не входитъ въ юрту.

Послѣ помолвки женихъ не посѣщаетъ невесту, но все предоставляется заботамъ свата. Предъ самою свадьбой родные невесты ѣдутъ къ жениху въ гости. Когда гости поѣдутъ и выпьютъ въволю, свать привязываетъ четыре оленя гуськомъ, двухъ самцовъ и двухъ самокъ, покрываетъ двухъ переднихъ краснымъ холстомъ, привѣшиваетъ колокольчикъ на шею передняго оленя, обводитъ оленей три раза кругомъ юрты и запрягаетъ ихъ въ сани жениха. Поѣздъ отправляется къ невестѣ; женихъ ѣдетъ впереди, свать управляетъ его оленями. По прибытіи къ юртѣ, свать объѣзжаетъ ее три раза, останавливается позади юрты и оставляетъ тамъ жениха въ саняхъ. По прибытіи жениха, убиваютъ оленя. Всѣ пьютъ водку, и обѣдъ начинается; но женихъ не присутствуетъ тутъ однакоже, а свать приноситъ ему кушанье и вино за юрту. По окончаніи стола, свать приводитъ наконецъ жениха въ юрту, въ которой по одну сторону очага сидятъ родственники жениха, а по другую родные невесты. Женихъ подходитъ къ роднымъ невесты и садится съ нею рядомъ, по правую ея сторону; свать садится у ногъ жениха и невесты. Когда всѣ усядутся, хозяинъ подаетъ гостей водкою. Первый стаканъ онъ подаетъ свату, который передаетъ его жениху, и тотъ выпиваетъ половину, а остальное передаетъ невестѣ. Послѣ нѣсколькихъ стакановъ водки, начинаютъ ѣсть вареное мясо; сердце отдается жениху и невестѣ. Потомъ церемоніи уничтожаются, и

свадьба оканчивается водкою. Впрочемъ еслибъ вся водка и вышла въ первый день свадьбы, то женихъ долженъ оставаться въ юртѣ до другаго утра, когда ѣдутъ все къ нему. Невѣста лежитъ закрытая въ своихъ саняхъ, оленями которыхъ управляетъ мать жениха. По прибытіи къ жениху, мать его три раза обвозитъ невѣсту въ саняхъ около юрты; послѣ чего покрывала съ нее снимаются и ее вводятъ въ юрту. Угощеніе тутъ начинается снова: подаютъ оленину, водку, все пьютъ, спорятъ, шумятъ и дерутся.

Когда Кастрень съ женою священника прибыли на свадьбу, они нашли, что гости были уже такъ хорошо угощены, что многіе лежали безъ движенія около юрты на снѣгу, и вѣтеръ заносилъ снѣгомъ лица ихъ. Много сценъ самыхъ комическихъ можно было видѣть здѣсь: какойнибудь Самоѣдъ, шатаясь, осматриваетъ мертвецки-пьяныхъ, находитъ знакомаго, беретъ его за голову, поворачиваетъ спиною къ вѣтру и ложится рядомъ съ нимъ, носъ къ носу. Другой съ кружкою въ рукахъ отыскиваетъ свою дорогую половину и, узнавъ ее наконецъ, начинаетъ лить водку ей въ ротъ; тамъ какойнибудь Самоѣдъ подмѣчаетъ своего непріятеля, наноситъ ему нѣсколько ударовъ и удаляется незамѣченный; тутъ мертвецки-пьянаго укладываютъ въ сани, привязываютъ его къ нимъ и увозятъ домой. Дѣвицы самоѣдскія во время свадьбы занимаются разными играми. Хозяинъ юрты пригласилъ Кастрена на чашку чая, и они усѣлись втроемъ въ юртѣ, Кастрень посреди хозяина и свата.

Послѣ чая хозяинъ приказалъ убить оленя. Самоѣды ѣли оленье мясо сырое, обмакивая его въ теплую кровь; впрочемъ они и варятъ его. Во время стола самоѣдскія дѣвушки пѣли пѣсни; напѣвъ ихъ очень походилъ на бѣганье лягушекъ. Трагическая сцена прервала обѣдъ: въ дверь юрты заглянулъ Самоѣдъ съ остроконечнымъ лицомъ и просилъ пискливымъ голосомъ позволенія принять участіе въ свадебномъ празднествѣ; нѣкоторые изъ гостей пригласили этого человѣка войти въ юрту; и онъ принялъ приглашеніе; хозяинъ ничего не зналъ объ этомъ, но когда увидѣлъ не прошеннаго гостя, велѣлъ его выгнать вонъ; много рукъ нашлось для исполненія этого, но другіе заступились за Самоѣда; хозяинъ и сватъ схватили другъ друга за волосы и положеніе Кастрена, сидѣвшаго между ими, было довольно критическое; бой начался въ юртѣ съ ужаснымъ ожесточеніемъ, и вся домашняя утварь пришла въ движеніе; наконецъ Самоѣда выгнали изъ юрты. Когда все успокоилось, хозяинъ разсказалъ Кастрену, что недавно одинъ мошенникъ показалъ ему бумагу, будто бы подписанную Кастреномъ, и которою давалось право Самоѣду этому собирать для нашего

путника по двадцати рублей ассигнаціями съ каждой юрты, а тѣхъ, которые не хотятъ платить—отправлять въ Архангельскъ. Вотъ причина, по которой хозяинъ не хотѣлъ пустить того Самоѣда къ себѣ въ жилище.

Женихъ, во все время пребыванія Кастрена въ юртѣ, спалъ мертвымъ сномъ у двери, потому что былъ сильно пьянъ. На немъ была надѣта малица, то есть родъ рубашки изъ оленьей кожи, шерстью къ тѣлу; малица была безъ всякихъ украшеній. Наружностью женихъ походилъ на другихъ Самоѣдовъ: онъ имѣлъ широкія скулы, толстыя губы, маленькіе глаза, низкій лобъ и плоскій носъ, образующій почти прямую линію со лбомъ, широкія ноздри, черные какъ смоль, щетинообразные волосы, рѣдкая борода, темная кожа. Невѣста была — дитя лѣтъ тринадцати и считалась у Самоѣдовъ красавицею. Маленькое круглое личико, полныя розовыя щеки и губы, бѣлый лобъ, черные волосы, маленькіе темные глаза—вотъ самоѣдская красота. Особенную прелесть придаетъ молодымъ Самоѣдамъ ихъ одежда, которая состоитъ изъ туники изъ оленьей кожи, довольно узкой, но къ низу расширяющейся и у колѣнъ оканчивающейся оторочкою изъ собачьяго мѣха; воротникъ туники откинуть назадъ и застегивается на полной груди; ноги обуты въ оленьи сапоги; волосы свои самоѣдскія дѣвушки заплетаютъ въ двѣ косы и украшаютъ лентами и другими вещами; косы у нѣкоторыхъ достигаютъ до пятъ. Невѣста отличалась отъ другихъ дѣвушекъ тѣмъ, что имѣла на лбу двѣ нитки стеклянныхъ бусъ и не такъ была пьяна, какъ прочія ея подруги. Всѣ лица гостей, не исключая и дѣвушекъ, носили на себѣ явные кровавые знаки побоища, бывшаго передъ тѣмъ. Страсть къ дракѣ въ особенности увеличилась къ вечеру. Вездѣ видны были люди, вѣсившіеся другъ другу въ волосы. Бой начинался безъ всякаго повода; какъ только два человѣка сталкивались между собою, они, не разбирая лѣтъ и пола, хватили другъ друга за волосы и потасовка продолжалась до тѣхъ поръ, пока одинъ не былъ побѣжденъ и оставался на снѣгу, а побѣдитель шелъ на новые подвиги.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ описанной нами свадьбы, Кастрень оставилъ Несъ и направилъ путь свой на востокъ, къ Чесской губѣ. Кастрень не поѣхалъ внизъ по Канинскому полуострову потому, что въ ту зиму тамъ никто не жилъ, что случается довольно рѣдко.

Вотъ причина, заставившая Самоѣдовъ оставить это мѣсто во-время той зимы: берегъ морской у Канинскаго носа очень низокъ и болотистъ и въ дождливую осень сильно размягчается; если зима начнется значительными морозами, то повсюду образуется толстая ледяная кора, и

олени, не будучи въ состояніи копытомъ пробить эту кору, не могутъ достать для себя моха и слѣдовательно подвергаются опасности умереть съ голода. Хотя въ горахъ, можетъ быть, и есть мохъ, но это бесполезно для Самоѣдовъ, потому что они и зимою и лѣтомъ занимаются рыбною ловлею въ морѣ и должны жить на берегу. Вообще канинской носъ мало поѣщается, и канинскіе Самоѣды большею частію живутъ на Томанскомъ берегу. Передъ Рождествомъ они приходятъ въ Мезень и Сомса (Somsha), гдѣ промѣниваютъ оленинъ кожи, лисицъ и проч., что добыли на твердой землѣ и въ морѣ, на муку, масло, порохъ, свинець, водку, и проч. Послѣ Рождества уходятъ они снова къ морю, исключая не многихъ бѣдняковъ, которыхъ можно видѣть въ Пинегѣ, Холмогорахъ, Архангельскѣ, гдѣ мужчины нанимаются въ извозчики, а женщины просятъ милостыню. На рѣкахъ Висасъ, Снопа, Виска—Кастренъ встрѣтилъ нѣсколько русскихъ дворовъ, объ обитателяхъ которыхъ, какъ и вообще о всѣхъ русскихъ, живущихъ на тундрахъ, Кастренъ относится съ очень невыгодной стороны.

Хотя Кастренъ и благополучно прибылъ въ Пустозерскъ, но на дорогѣ съ нимъ случилось много приключеній, которыя раза два могли окончиться очень трагически для нашего путника. Вотъ что замѣчаетъ Кастренъ о характерѣ Самоѣдовъ вообще: они имѣютъ много общаго съ финнами; они очень осмотрительны, скрытны и хладнокровны, недовѣрчивы и упрямы; медленно принимаются за какое нибудь дѣло, но постоянны при исполненіи его. Подобно лапландцамъ, они капризны, любятъ обманывать, и на нихъ нельзя положиться; впрочемъ послѣднія два качества относятся въ особенности къ канинскимъ Самоѣдамъ и не должны входить въ изображеніе характера Самоѣдовъ вообще. Взглядъ Самоѣда на жизнь очень печаленъ. Ночь господствуетъ и въ наружной, и во внутренней жизни Самоѣда, и еслибъ самоѣдскій народъ имѣлъ сильныя страсти, то это былъ бы самый дикій народъ на землѣ. Но Провидѣніе устроило такъ, что на большую часть вещей въ мірѣ Самоѣды смотрятъ очень равнодушно. Пища составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ для Самоѣда, но и этотъ вопросъ Самоѣды разсматриваютъ съ большимъ спокойствіемъ, и часто жертвуетъ удовольствіемъ поѣсть еще большому наслажденію — пить. Голодь, жажду и прочія непріятности Самоѣды переносятъ охотно, если только дѣло идетъ о его спокойствіи и удобствахъ. Но если кто нибудь угрожаетъ его жизни, если его обмануть, обидятъ или возбуждаютъ только идею объ обидѣ, тогда этотъ сынъ Ледовитаго моря выказываетъ вполнѣ свой характеръ, который можно встрѣтить только подъ болѣе знойнымъ солнцемъ, нежели на тундрахъ. Этотъ мрачный, необузданный, страстный

по своему духу въ особенности проявляется въ канинскихъ Самоѣдахъ. Этотъ духъ поддерживается здѣсь значительнымъ достаткомъ жителей и тѣмъ, что они упрямо держатся язычества. Не таковы Самоѣды тиманскіе. Въ 1831 и 33 годахъ сдѣлался здѣсь падежь оленей, которыхъ погибло до 20,000 штукъ, что привело жителей въ крайнюю бѣдность; даже много погибло и Самоѣдовъ, потому что они употребляли въ пищу зараженныхъ болѣзнію оленей. Послѣ такого испытанія, тиманскіе Самоѣды сдѣлались кротки и богобоязненны и всѣ обратились въ христіанство; правда, и у нихъ взглядъ на жизнь довольно печаленъ; но по крайней мѣрѣ нѣтъ уже тѣхъ дикихъ страстей. Сердце ихъ мягко, духъ кротокъ, а печаль живетъ въ глубинѣ души. Самоѣды охотно оказываютъ благодѣянія бѣднымъ, и эта добродѣтель миритъ съ неровностями самоѣдскаго характера.

Пустозерская волость состоитъ изъ 18 большихъ и малыхъ деревень, часть которыхъ расположена по нижнимъ частямъ теченія рѣки Печоры, а часть по рѣкамъ, впадающимъ въ Печору, и около ближнихъ озеръ. Самая большая деревня здѣсь — Пустозерскъ, получившій свое названіе отъ близъ лежащаго озера Пустаго и называемый обыкновенно городкомъ, потому что въ прежнее время была въ немъ крѣпость, какъ говорятъ, для защиты отъ набѣга Самоѣдовъ. Природа здѣсь самая скудная и пустынная; лѣса мало, скалы нѣтъ, зимою видно ровное снѣжное поле, на которомъ свободно разгуливаетъ вѣтеръ. И въ самомъ дѣлѣ, вьюги здѣсь такъ бываютъ сильны, что жители не могутъ иногда выгнать изъ домовъ своихъ за водою или за дровами. Очень часто случается, что снѣгомъ заноситъ деревню до такой степени, что въ немъ дѣлаютъ узкіе ходы около домовъ, потому что большой и бесполезный трудъ былъ бы раскапывать весь снѣгъ около дома.

Въ этой-то печальной странѣ остался Кастрень на нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы изучить языкъ, нравы, религію и обычаи Самоѣдовъ, которые пріѣзжали въ Пустозерскъ изъ тундръ Большеземельской, Канинской и Тиманской, — преимущественно для промѣна своихъ товаровъ на муку и другія необходимыя для нихъ вещи, а равно и для водки. Съ цѣлю посѣтить храмъ Божій пріѣзжали очень рѣдкіе. Кастрень дѣлалъ изъ Пустозерска небольшія поѣздки въ близъ лежащія оттуда юрты Самоѣдовъ, съ своимъ менторомъ самоѣдскимъ колонистомъ, который былъ знаменитъ между своими соотечественниками какъ по уму, такъ по печальной исторіи своей жизни. Мать колониста этого продала его, когда онъ былъ маленькимъ ребенкомъ, одному переселенцу за пудъ муки, и онъ переходилъ потомъ изъ рукъ въ руки, какъ товаръ до тѣхъ поръ, пока поступилъ въ работу къ одному переселенцу, кочевав-

шему въ Большеземельской тундрѣ. Хозяинъ этотъ былъ человѣкъ жестокой и скупой, и заставлялъ мальчика, которому тогда было 8 лѣтъ, день и ночь пасти оленей, едва прикрывая за это его наготу и почти не утоляя его голода. Къ счастію мальчика, исправникъ, объѣзжая тундру, обратилъ на него вниманіе и освободивъ изъ рабства, взялъ къ себѣ и сталъ учить его вмѣстѣ съ дѣтьми-своими. Впрочемъ исправникъ вскорѣ уѣхалъ оттуда, и мальчикъ снова остался безъ пристанища. Прийдя въ возрастъ онъ продалъ себя въ рекруты, но былъ признанъ негоднымъ къ службѣ и отпущенъ. Потомъ онъ жилъ въ работникахъ на тундрахъ, и наконецъ поселился въ небольшой деревнѣ около Пустозерска, гдѣ онъ срубилъ себѣ избу, женился на русской, но не смотря на то сохранилъ любовь свою къ націи, къ которой принадлежалъ по рожденію. Когда Самоѣды перестали показываться въ Пустозерскѣ, Кастрень отправился въ русскую деревню, Устьсылмекъ, лежащую въ 250 верстахъ къ югу. Дорога туда идетъ вверхъ по теченію рѣки Печоры, и нѣтъ тутъ никакихъ постоянныхъ поселеній, а на нѣкоторомъ разстояніи выстроены избы курныя и бани, гдѣ путники и останавливаются. Сюда много пріѣзжаетъ русскихъ для ловли тетеревей, которыхъ они ловятъ силками.

На парѣ жалкихъ лошадей Кастрень тащился цѣлую недѣлю до Устьсылмека, который ведетъ свое начало отъ Іоанна Грознаго и населенъ грубыми людьми. Эти люди считали Кастрена волшебникомъ, разбойникомъ и зажигателемъ, отравителемъ рѣкъ и ключей; они увѣряли, что онъ имѣетъ сношеніе съ нечистою силою и рассказывали о немъ тысячи нелѣпостей. Поступки ихъ съ Кастреномъ были до того непріязненны, что онъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить это селеніе и отправился въ Исемскъ, населенный Зырянами и отстоящій отъ Устьсылмека во 100 верстахъ. Молва о Кастренѣ достигла и сюда, и ни одинъ изъ Зырянъ, обыкновенно гостепріимныхъ, не хотѣлъ пустить его къ себѣ въ домъ, и только съ помощію находившагося тамъ чиновника Кастрену отвели наконецъ квартиру. Не смотря на участіе, которое приняли въ Кастренѣ семейство чиновника и лучшихъ жителей деревни, толпа смотрѣла на нашего путника, какъ на волшебника и безбожника. Впрочемъ здѣсь Кастрень могъ продолжать свои занятія, изучая исемское нарѣчіе самоѣдскаго языка и языкъ зырянскій. Исемскіе Зыряне въ религіи, нравахъ и образѣ жизни совершенно схожи съ русскими. Главныя отличія ихъ характера доказываютъ ихъ родство съ Финнами и вообще съ цѣлымъ финскимъ племенемъ, куда принадлежатъ и Зыряне. Имъ приписываютъ осторожность, серьезность, прямоту, честность и прочія качества; но также лукавство, недовѣрчивость и недоброжелательство. Мужъ у Зы-

рянъ смотритъ на свою жену какъ на невольницу и затавляеть ее дѣлать все то, что онъ самъ долженъ былъ бы дѣлать. Малое уваженіе Зырянъ къ ихъ женщинамъ можно видѣть изъ отношеній жениха къ невѣстѣ при самой свадьбѣ, когда невѣста при всѣхъ гостяхъ поетъ пѣсню, въ которой со слезами и поклонами проситъ жениха сжалиться надъ ея беззащитнымъ состояніемъ и взять ее въ жены. Естественно этимъ хотятъ выразить то, что невѣста не должна гордиться предложеніемъ жениха, а должна смотрѣть на себя, какъ на послушную его служанку, почему она послѣ вѣнца должна сама разувать новобрачнаго. При зырянскихъ свадьбахъ встрѣчается много обычаевъ, показывающихъ униженіе женщины, и Кастрень приводитъ нѣсколько пѣсень, въ которыхъ дѣвушка прощается съ домою родительскимъ и его радостями.

Въ Исемскѣ Кастрень пробылъ до половины іюня и оттуда отправился въ небольшую деревню Колва, лежащую въ 400 верстахъ отъ Исемска на Большеземельской тундрѣ. Путь этотъ Кастрень сдѣлалъ въ пятнадцать дней, водою, въ рыбацкѣй лодкѣ, сначала изъ Исемска внизъ по рѣкѣ Исѣмъ, а потомъ вверхъ по теченію рѣкѣ Печоры и Ужа до устья рѣки Колвы. Печора у Самоѣдовъ называется моремъ (jam) и отчасти оправдываетъ свое названіе. Принимая въ себя почти всѣ воды, текуція съ западной стороны Сѣвернаго Урала, Печора въ низкихъ частяхъ своего теченія достигаетъ ширины въ три версты и болѣе; теченіе ея ровное; она богата рыбою; въ среднихъ частяхъ ея берега плодоносны, но неспособны для хлѣбопашества по суровости климата, въ которомъ они лежатъ; за то обѣщаютъ много для скотоводства, которое здѣсь дѣлаетъ самые незначительные успѣхи. Жители, почти во всей этой странѣ Зыряне, существуютъ охотой и рыбной ловлей; впрочемъ они не кочуютъ, а живутъ въ небольшихъ деревняхъ, принадлежащихъ исемской волости.

Въ среднихъ частяхъ Печоры много занимательнаго: великолѣпная рѣка, прекрасные поросшіе лѣсомъ берега, зеленѣющіе луга и холмы, дикая пустыня, темный, меланхолю наводящій цвѣтъ, свойственный на сѣверѣ травѣ, лѣсамъ и даже водѣ, и такъ далѣе; но комары, которыхъ здѣсь страшное множество, мѣшаютъ наслаждаться природою, потому что вынуждаютъ или надѣть волосяную сѣтку, или сидѣть въ балаганѣ (палатка изъ холста); и самые солнечные лучи здѣсь почти ослѣпляютъ зрѣніе, такъ они нестерпимо горячи. Деревня Колва населена большеземельскими Самоѣдами, принявшими языкъ и образъ жизни Зырянъ. Въ ней выстроены церковь, жилища для двухъ священниковъ и одного діакона и множество маленькихъ хижинъ, гдѣ живутъ Самоѣды.

Въ этой деревнѣ Кастрень провелъ остатокъ лѣта, и въ это время писалъ грамматику зырянскаго языка.

Огромное пространство земли, которое русскіе называютъ Большеземельская тундра, раздѣлено между Самоѣдами, приписанными къ волостямъ Пустозерской, Устьсылмской и Исемской, такъ что сѣверо-западная часть ея принадлежитъ пустозерскимъ и устьсылмскимъ Самоѣдамъ, а юго-восточная — исемскимъ. Впрочемъ Самоѣды, какъ народъ кочующій, не наблюдаютъ въ точности границъ этого раздѣленія, а переселяются туда, куда хотятъ или куда принуждаютъ ихъ обстоятельства. Правительство высшее не утверждало этого раздѣленія тундры, а оно произведено мезенскимъ уѣзднымъ судомъ, по просьбѣ зырянскихъ крестьянъ, которые завладѣвъ всякими путями оленей исемскихъ Самоѣдовъ, старались присвоить себѣ и мѣста пастбищъ, имъ принадлежавшія. Они подали просьбу отъ имени и для пользы исемскихъ Самоѣдовъ; но какъ эти самоѣды не имѣютъ уже оленей, а другимъ Самоѣдамъ судъ воспретилъ переходить означенную нами выше границу, то южная часть тундры и осталась за Зырянами. Эта часть состоитъ изъ лѣсныхъ мѣстъ по Уусѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ; — зимою эта страна очень благоприятствуетъ оленеводству, потому что лѣсъ защищаетъ оленей отъ ужасныхъ здѣшнихъ бурь, которыя дѣлаютъ пребываніе на тундрахъ опаснымъ не только для людей, но и для оленей. Лѣтомъ же олень не можетъ выносить жара въ лѣсахъ, и потому Зыряне, при началѣ лѣта, переходятъ границы своихъ пастбищъ и перекочевываютъ въ тѣ мѣста тундръ, гдѣ нѣтъ лѣса, и слѣдовательно прохладнѣе. Осенью же они, мало по малу, возвращаются на прежнія мѣста. Осень — настоящее время жатвы на тундрахъ; тогда является во множествѣ оленина, оленинѣ кожи, лисьи шкуры, перья и такъ далѣе; исемскіе крестьяне ѣздятъ сами изъ юрты въ юрту и посылаютъ отъ себя прикащиковъ для вымѣна у Самоѣдовъ разныхъ вещей; зимою многіе изъ нихъ отправляются въ Сибирь для покупки у тамошнихъ Остяковъ и Самоѣдовъ мѣховъ, у русскихъ колонистовъ муки и прочаго.

Съ однимъ изъ такихъ промышленниковъ уговорился Кастрень еще въ Исемскѣ, ѣхать изъ Колвы въ Обдорскъ, и дѣйствительно, 4 сентября они отправились въ каюкъ изъ Колвы. Каюкъ—это одномачтовое плоскодонное судно, впереди широкое, въ кормѣ узкое. Путешествіе на такомъ каюкѣ не можетъ назваться пріятнымъ, потому что палуба его пропускаетъ одинаково дневной свѣтъ и дождевую воду; а открытая бочка съ соленою рыбою и мясомъ, служащимъ пищею людямъ судна, распространяютъ прескверный запахъ. А потому подъ палубою сдѣлано было четыре балагана, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ Кастреню,

другой хозяину каюка, третій его племяннику съ женою, а четвертый, вѣроятно, какой нибудь красавицѣ съ розовыми щечками, потому что онъ сдѣланъ былъ изъ розовыхъ платковъ. Впрочемъ эта красавица не показывалась изъ балагана, вѣрно по скромности и изъ боязни грубыхъ людей судна, и какъ оказалось въ послѣдствіи была—старая колдунья.

На третій день по отъѣздѣ изъ Колвы, какъ достигъ устья рѣчки Скени, впадающей въ Уусу съ востока, въ 40 верстахъ отъ Колвы и въ 60 отъ Печоры. Здѣсь Ууса поворачиваетъ на сѣверъ и въ 90 верстахъ отсюда, при впаденіи въ нее рѣчки Хирмора (или Adsiwa) Ууса направляется опять на востокъ. До этого мѣста берега Уусы почти одинаковы съ берегами Печоры; у самой рѣчки они покрыты лѣсомъ и богаты лугами, а далѣе внутрь земли представляютъ болота и шики; вообще же берега низменны и только изрѣдка встрѣчаются мѣста нѣсколько возвышенныя, которыя Зыряне называютъ *челья*; господствующая земля — глина, встрѣчаемая рѣже по мѣрѣ того, какъ поднимаются по рѣкѣ; камня попадаетея мало, но въ нѣсколькихъ верстахъ выше устья рѣчки Хирмора находится гора, называется Адакъ. Далѣе природа совершенно перемѣняется: лѣсъ становится рѣже, деревья принимаютъ меньшіе размѣры; береза начинаетъ превращаться въ кустарникъ; сосна теряетъ вѣтви и прикрываетъ наготу свою темнымъ мохомъ; ивнякъ образуетъ на берегу непроницаемыя шпалеры, и вся страна показываетъ наклонность къ переходу въ тундру.

Хотя люди ученые и неученые утверждаютъ, что хлѣбопашество не можетъ быть ведено съ успѣхомъ на мѣстахъ, орошаемыхъ нижними частями теченія Уусы и верхними Печоры; но это мнѣніе не подтверждено еще опытомъ, потому что тамошніе жители и не думаютъ о хлѣбопашествѣ. Въ самомъ Исемскѣ, который славится здѣсь хлѣбопашествомъ, оно ведется очень плохо. Впрочемъ кромѣ хлѣбопашества, Ууса и Печора представляютъ неизсякаемые источники для жизни народа неkochующаго: луга здѣсь роскошны; рыбы множество; дичи тоже. И, несмотря на то, страна эта пустынна и необитаема. По берегамъ Печоры разбѣяно нѣсколько малонаселенныхъ деревень, а на Уусѣ, кромѣ Колвы нѣтъ ни одного поселенія, отъ чего природа является здѣсь во всей своей дикости.

Проѣхавъ мимо устья рѣчки Кося (вереть 40), тоже впадающей въ Уусу, какъ бросилъ якорь недалеко отъ устья рѣчки Хусморъ (или Rögöwli), потому что погода стала утихать. Но вечеромъ буря поднялась снова, дождь лилъ ливнемъ, и каюкъ подвергался опасностямъ быть разбитымъ о скалистый берегъ; къ счастью, людямъ удалось спасти судно и закрѣпить якорь. Въ ту же ночь Кастрень имѣлъ случай

наблюдать, какъ старая хромая колдунья, жившая въ четвертомъ балаганѣ, заклинала вѣтеръ. Познакомившись съ нею, Кастрень узналъ отъ нея много подробностей о самоѣдскихъ шаманахъ и между прочимъ слышалъ слѣдующій рассказъ о Уріерѣ, знаменитомъ талибе.

«Давно, очень давно жилъ на землѣ талибе по имени Уріеръ, который былъ талибе — мудрецъ изъ мудрецовъ, врачъ изъ врачей; онъ былъ такой человекъ, какого наше время не произведетъ. — Пропадетъ ли олень, или обокрадутъ кого, надобно ли вылѣчить когонибудь и т. д., все обращались въ такихъ случаяхъ только къ Уріеру. — Уріеръ имѣлъ многочисленную стада оленей, посѣтилъ много странъ и видѣлъ много народовъ; но наконецъ жизнь надоѣла ему. — «Оленеводство, сказалъ онъ самъ себѣ, съ каждымъ годомъ уменьшается, мохъ тоже, дичь тоже, а между тѣмъ воровство, обманъ и неправда увеличиваются между людьми. Я не хочу долго жить на этой землѣ, но найду себѣ лучшее жилище на небѣ. Сказавъ это, онъ приказалъ обѣимъ своимъ женамъ приготовить для него самого и для нихъ новое платье, а для оленей новую сбрую, запретивъ имъ настрого употреблять при этой работѣ чтонибудь бывшее уже въ носкѣ. Когда было все готово, онъ сѣлъ въ сани, запряженные четырьмя оленями и поднялся на воздухъ; за нимъ слѣдовали обѣ жены его, каждая въ особыхъ саняхъ. — Когда они были на половинѣ дороги къ небу, олени Уріера начали вдругъ клониться къ низу. — Уріеръ, предугадывая причину этого, спросилъ своихъ женъ, дѣйствительно ли они сдѣлали платья и сбрую изъ совершенно новыхъ матеріаловъ, какъ онъ имъ приказывалъ. И тогда вторая жена Уріера призналась, что на ея платьѣ находится ленточка, уже бывшая прежде въ употребленіи, и въ тоже время просила и заклинала Уріера, со слезами на глазахъ, позволить ей возвратиться на землю, гдѣ она оставила двухъ сыновей своихъ: она хотѣла лучше переносить все печали земнаго существованія съ дѣтьми своими. — Тронутый ея просьбами, Уріеръ послалъ ее на землю, а самъ съ своею первою женою поднялся на облака и нашелъ тамъ въ изобиліи все, что только нужно человеку — здоровыхъ оленей, сочный мохъ, дичь и т. д.»

Вариантъ этого разсказа говоритъ, что обѣ жены Уріера съ дѣтьми поднялись съ нимъ на небо; но чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ сыновей возвратился на землю и описалъ Самоѣдамъ все наслажденія новаго жилища, его богатство оленями, мохомъ, и проч.

Надобно замѣтить, что Самоѣды вѣрятъ, что подобныя поѣздки, какъ Уріерова, до сихъ поръ продолжаютъ. — Если случится, что какойнибудь клятвопреступникъ или злодѣй погибнетъ на тундрахъ, и слѣдовъ

его не найдутъ, то обыкновенно говорятъ, что его съѣлъ медвѣдь; но если эта судьба постигнетъ человѣка извѣстнаго между Самоѣдами почему нибудь хорошему, тогда все убѣждены, что этотъ счастливый смертный отправился въ облака, подобно Уріеру.

Самоѣды думаютъ, что смерть уничтожаетъ существованіе человѣка совершенно, что жизни за гробомъ нѣтъ, и только одни тадибе пользуются у нихъ правомъ на безсмертіе. — Правда, они полагаютъ, что умершій живетъ еще нѣсколько времени въ могилѣ, и потому кладутъ около него ножъ, топоръ, коньѣ, деньги и прочія вещи, и также отъ времени до времени убиваютъ оленя на могилѣ; но если трупъ сгнилъ, то, по понятіямъ Самоѣдовъ, жизнь человѣка кончилась совершенно. Тадибе же безсмертны и превращаются по смерти своей на землѣ въ Итарма (itarma), которые тоже, что Тадебтсію канинскихъ Самоѣдовъ. — Самоѣды вообще боятся Итарма и не любятъ говорить о нихъ; они думаютъ, что Итарма то покоятся въ своихъ могилахъ, то выходятъ оттуда, особенно ночью, странствуютъ по землѣ и, смотря по своему прежнему характеру на землѣ, дѣлаютъ людямъ добро или зло.

Продолжая путь свой по р. Уусѣ, Кастрень и его спутники на другой день ввечеру увидѣли большіе огни на берегу. Огни эти разложены были шедшими крестьянами, остановившимися здѣсь на отдыхъ, на пути къ стадамъ своихъ оленей. Какъ остановился вблизи огня, исетцы были приглашены на него, и все общество усѣлось около опрокинутой бочки, замѣнявшей столъ. Пока подавали чай, лица Зырянъ выражали неудовольствіе и досаду; но какъ только появился коньякъ, флегма ихъ начала мало по малу исчезать. Кастрень воспользовался случаемъ обратить разговоръ на состояніе Самоѣдовъ и на ихъ отношенія къ колонистамъ на тундрахъ. Вопросъ этотъ былъ очень щекотливъ, потому что Самоѣды обвиняли колонистовъ, въ томъ числѣ и Зырянъ, во многихъ несправедливостяхъ, и твердо были убѣждены, что въ слѣдствіе безсовѣстныхъ притѣсненій колонистовъ, они вѣали въ то жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда. — Зыряне же смотрѣли на себя какъ на благодѣтелей Самоѣдовъ и старались свои дѣйствія прикрыть хотя тѣнью справедливости.

Много еще говорили, и результатъ ихъ разсужденій можно соединить въ три пункта: 1) Все они согласны въ томъ, что Зыряне и колонисты много способствовали образованію и облагороженію Самоѣдовъ, и теперь продолжаютъ дѣлать тоже постоянно; 2) въ настоящее время колонисты не только не приносятъ вреда Самоѣдамъ, но эти послѣдніе, напротивъ, получаютъ отъ нихъ много пользы, потому что колонисты даютъ Самоѣдамъ возможность зарабатывать

деньги, и 3) Зыряне могутъ жить въ этихъ бесплодныхъ странахъ только оленеводствомъ. Если о томъ же спросить Самоѣдовъ, то хотя они и согласятся, что между колонистами встрѣчаются добрые люди, полезные для нихъ въ вещахъ Божественныхъ и человѣческихъ; но вообще они очень недовольны пришельцами и обвиняютъ ихъ въ присвоеніи себѣ самоѣдскихъ оленей воровствомъ и обманами, въ отведеніи въ рабство вавилонское дѣтей и родныхъ Самоѣдовъ; далѣе, что колонисты сдѣлали пребываніе на тундрахъ весьма затруднительнымъ, потому что ихъ многочисленныя стада истребляютъ оленій мохъ; потомъ, что они обманываютъ ихъ въ торговлѣ, крадутъ у нихъ оленей и прочее. А потому все Самоѣды, имѣющіе еще стада оленей, очень желаютъ, чтобъ колонисты или советѣмъ вытѣснены были изъ тундръ, или мѣста для ихъ стадъ были ограничены; теперь же они играютъ роль владѣтелей всей самоѣдской земли, что Самоѣдамъ очень не нравится.

Не смотря на различныя препятствія то отъ погоды, то отъ быстрины теченія рѣки, то отъ ея мелководія во многихъ мѣстахъ, каюкъ 15 сентября достигъ небольшой хижины или юрты, лежащей въ 40 верстахъ отъ Урала.

Въ этой-то тѣеной юртѣ должны были помѣститься пятнадцать человѣкъ и ожидать зимы для того, чтобы отправиться въ Сибирь. Не надѣясь вынести ожиданія зимы въ этой неудобной, нечистой, жаркой и дымной юртѣ, Кастрень хотѣлъ безъ остановки отправиться пѣшкомъ въ Обдорскъ; но Зыряне не дали ему проводника, потому что путешествіе это было сопряжено съ большими опасностями и предчувствіями, а Зыряне не хотѣли взять на свою советъ ответственности въ случаѣ смерти Кастрена на этомъ пути. И такъ Кастрень долженъ былъ коротать свое время здѣсь. Заниматься въ юртѣ было невозможно; сами Зыряне днемъ не могли вынести дыма и жара. — Въ хижинѣ постоянный дождь дѣлалъ прогулки очень неприятными, при томъ же вокругъ юрты была тундра, то есть безлѣсная нагая почва; на тундрѣ можно встрѣтить холмы и долины, болота, озера, рѣки и прочее, но на ней нѣтъ прозябенія. Можетъ быть, посредствомъ микроскопа откроютъ умныя существа и на тундрѣ, но невооруженнымъ глазамъ наблюдателя представляются здѣсь только низкій ивнякъ, сѣрый мохъ, нѣкоторыя травы и множество тайнобрачныхъ растений. Изъ животныхъ, кромѣ оленей, волки, лисицы, въ особенности каменные лисицы, вороны, совы и безчисленное множество крысъ и мышей.

Наконецъ въ концѣ октября, чрезъ мѣсяць ожиданія, наступила зима; зырянскія стада оленей прибыли къ юртѣ, и начались приготовленія къ отъѣзду. Въ короткое время составилъ караванъ изъ 150

саней, который раздѣлился на 15 алыгинъ, что означает маленькій караванъ въ 10 саней. Въ каждыя сани запрягаются два оленя, которые посредствомъ недоуздка прикрѣпляются къ ѣдущимъ впереди санямъ, и такъ составляется алыгинъ, впереди котораго ѣдутъ легкія сани, запряженные 3 или 4 оленями. Эти сани такъ коротки, что человекъ можетъ сидѣть только поперегъ ихъ, спиною обратясь къ правой сторонѣ, а ноги его висятъ изъ саней. Желая избѣжать подобнаго неудобства, Кастрень помѣстился въ обыкновенныя сани, на которыхъ перевозятся тяжести, гдѣ онъ могъ по крайней мѣрѣ лежать и смотрѣть въ обѣ стороны. Впрочемъ, по дорогѣ не на что было много смотрѣть, и поѣздъ подвигался медленно впередъ, сдѣлавъ въ первые четыре дня около 40 верстъ, но не достигши Урала, потому что для болѣе удобнаго перевѣзда черезъ горы надобно было сдѣлать порядочный крюкъ. — Погода не очень благоприятствовала путешествію: то оттепель, то дождь заставляли ихъ останавливаться на пути и ставить юрты, когда это позволяло вѣтеръ. Юрты эти состояли изъ кольевъ и оленьихъ шкуръ и были такъ легки, что сильный вѣтеръ могъ унести ихъ, если онѣ не были прикрѣплены къ дереву или тяжелымъ санямъ; полъ юрты дѣлается изъ досокъ, вѣтвей или рогожъ и оленьихъ шкуръ; огонь раскладывается на рѣшетчатомъ таганѣ, и котлы висятъ на полкахъ, укрѣпленныхъ однимъ концемъ въ стѣну юрты. Впрочемъ приготовленіе пищи на огнѣ не всегда возможно во время этого пути; иногда не только нельзя разложить огня, но и разбить палатки, а потому Самоѣды Русскіе и Зыряне привыкли уже употреблять здѣсь мясо и рыбу сырыя. Даже образованные люди употребляютъ въ пищу замороженную рыбу сырую и считаютъ ее предохранительнымъ средствомъ отъ скорбута. — Путешественникъ привыкаетъ поневолѣ къ сырой пищѣ, и каждый ѣдущій имѣетъ при себѣ въ саняхъ кусокъ сыраго мяса, особенно оленье горло, которымъ онъ наслаждается по мѣрѣ своего аппетита. — Общество, въ которомъ находился Кастрень, было самое пестрое, и на привалахъ каждый жилъ по-своему: Русскіе пѣли вѣселья пѣсни, шалили, дурачились; Зыряне читали молитвы, разказывали легенды и морализировали; Самоѣды были тихи, молчаливы и внимательно слушали другихъ. Караванъ перевалился чрезъ уральскій хребетъ благополучно въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотятъ прорыть каналъ для соединенія двухъ рѣкъ, берущихъ свое начало на хребтѣ и выпадающихъ—Елецъ въ Усу, а Падыга или Собъ въ Обь. — Если проектъ этотъ осуществится, то Обь будетъ соединена съ Печорою, и это новое водяное сообщеніе будетъ имѣть большое вліяніе на культуру страны и на цивилизацію дикихъ ея обитателей.

Съ хребта путь идетъ вдоль рѣки Собы, къ Ю. В., въ странѣ, покрытой густымъ лѣсомъ лиственницъ и сосенъ. Черезъ три дня пути караванъ оставилъ Собу вправо; въ теченіе полутора дней ѣхали по тундрѣ и наконецъ достигъ возвышенія, съ котораго видна была Обь во всей своей красотѣ. Вода еще была очень высока, а потому раскинули на возвышеніи палатки, и послали людей отыскивать юрты Остяковъ. Посланные возвратились къ вечеру и принесли извѣстіе, что Остяки, въ юртахъ которыхъ они были, не соглашаются перевезти Кастрена на другую сторону Оби, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ лодки. Опасаясь, что Остяки ночью убѣгутъ, Кастренъ отправился самъ къ нимъ въ саняхъ, и ему удалось угрозами заставить Остяковъ перевезти его въ Обдорекъ, котораго онъ наконецъ достигъ послѣ почти двухмѣсячнаго путешествія, соединеннаго съ величайшими трудностями.

Это небольшая деревня, расположенная на сѣверѣ восточной Сибири, недалеко отъ впаденія Оби въ Ледовитое-море. Прѣжде это было знаменитое названіе, входившее въ титулъ русскихъ царей, но теперь деревня эта потеряла свое значеніе. Названіе Обдорекъ — зырянское и означаетъ устье Оби (отъ ob и dor—крайній). Очень можетъ быть, что Зыряне основали эту колонію, имя которой происходитъ отъ ихъ языка; впрочемъ, по исторіи мы знаемъ только то, что Зыряне во времена давнопрошедшія посѣщали это мѣсто для торговыхъ цѣлей. Гораздо позже начали русскіе изъ Тобольска и Березова посѣщать это мѣсто и выстроили здѣсь небольшія хижины и магазины, но не жили тутъ постоянно. Трудности, встрѣчаемыя на пути сюда, заставили русскихъ постоянно поселиться въ этой пустынной странѣ. Русскіе поселенія начались здѣсь лѣтъ сто тому назадъ; но большая часть колонистовъ переселилась сюда въ послѣдніе тридцать лѣтъ, и теперь они живутъ здѣсь съ паспортомъ, который ежегодно должны перемѣнять. Настоящіе же обитатели страны суть остяки и самоѣды; юрты многихъ изъ нихъ Кастренъ видѣлъ около Обдорека, другіе должны были прибыть въ скоромъ времени.

По мнѣнію Кастрена, промышленники, поселившіеся въ Обдорекъ имѣютъ одну цѣль — хитростью завладѣть тѣмъ, что остяки и самоѣды пріобрѣли трудомъ. Когда Кастренъ вошелъ въ домъ къ одному мѣщанину изъ Тобольска, съ намѣреніемъ посмотрѣть для себя квартиру, онъ нашелъ все семейство сидящимъ на полу и пожирающимъ сырую рыбу, которую глава семейства рѣзалъ на куски. Одна особа, какой-то чиновникъ, хвастался Кастрену тѣмъ, что въ теченіе полугода онъ не употреблялъ другой пищи, кромѣ сыраго мяса. Хотя вы здѣсь и увидите дома, нѣкоторые даже въ два этажа, но

все они построены из стараго барочнаго лѣса и мало защищаютъ отъ холода и вѣтровъ. Жители одѣваются подобно остякамъ и самоѣдамъ, и многіе держатъ многочисленныя стада оленей; коровы и овцы тоже не рѣдкость здѣсь; но за то лошадей нѣтъ вовсе, а вмѣсто ихъ употребляются олени или собаки. Впрочемъ, надобно признаться, говорить Кастрень, что въ нѣкоторыхъ семействахъ здѣшнихъ гражданъ и купцовъ вы найдете тобольскій тонъ: сертуки изъ тонкаго сукна, блестящія шали, большіе зеркала, мускатное вино, пріятную бесѣду и табакъ Суворова № 1-й. Съ боязнію и недоброжелательствомъ встрѣчали Кастрена многіе жители Обдорска, думая видѣть въ немъ опаснаго ихъ коммерческимъ предпріятіямъ соглядатая, и это подозрѣніе было тѣмъ естественнѣе, что Кастрень постоянно находился въ сношеніяхъ съ остяками и самоѣдами, стараясь пріобрѣсть отъ нихъ разныя свѣдѣнія филологическія, этнографическія и статистическія.

Съ установомъ зимы прибыли на обдорскій рынокъ остяки и самоѣды во множествѣ и расположились съ своими юртами и оленями вокругъ деревни, въ которую внесли новую жизнь, странную и пеструю. Сыны и дочери тундры появились въ значительномъ числѣ на улицахъ Обдорска, съ удивленіемъ разсматривая высокіе дома его. Кастрень долго не могъ повѣрить, что вся эта толпа собралась сюда для торговли, потому что самоѣды и остяки казались совершенно равнодушными ко всякому интересу и даже не приносили на рынокъ своихъ товаровъ. Говорили однако же, что подъ шубами номадовъ спрятано много драгоценностей; но эти товары доступны не всякому покупателю. Номадъ пробирается къ какому нибудь доброму пріятелю совершенно незамѣтно, получаетъ тамъ хорошее угощеніе, и продаетъ свои товары, и хотя видитъ, что терпитъ убытокъ, но его боязливый характеръ ужасается публичной продажи, и притомъ не въ его волѣ отдать свой товаръ тому, кто больше дастъ за него. Изъ тысячи остяковъ и самоѣдовъ, ежегодно посѣщающихъ Обдорскъ, очень мало найдется такихъ, которые не были бы должны купцамъ, мѣщанамъ и казакамъ суммы, превышающія ихъ состояніе. А потому, если они осмѣлятся продать товаръ не своимъ кредиторамъ, то тѣ не замедлятъ наложить запрещеніе на ихъ имѣніе. Правда, иногда случается, что туземецъ продаетъ свой товаръ чужому купцу, но и это дѣлается съ большими предосторожностями.

Мало по малу магазины въ Обдорскѣ наполняются мѣхами, состоящими изъ лисицъ, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей и т. д., платьями, сшитыми изъ оленьей кожи, перьями, оленьей, замороженной осетриной, мамонтовою костью и прочимъ. За эти товары туземцы получаютъ муку

и печеный хлѣбъ, табакъ, котлы, чугушки, стекло, ножи и иголки, латунныя пуговицы и кольца, бусы стеклянныя и прочія мелочи.

Въ Обдорскѣ прѣзжаютъ во время ярмарки, которая продолжается съ начала зимы до февраля, большею частію жители Березова—купцы, мѣщане, крестьяне и казаки въ значительномъ числѣ, хотя эти люди и жалуются на худую торговлю по причинѣ увеличивающейся бѣдности номадовъ.

Въ Обдорскѣ Кастрень познакомился съ г. Шершиневичемъ, чиновникомъ, служившемъ при губернаторѣ. Г. Шершиневичу поручено было составить проэктъ законовъ для остяковъ и самоѣдовъ, живущихъ въ Тобольской губерніи, и онъ изучалъ этихъ народовъ на мѣстѣ и собралъ очень много интересныхъ свѣдѣній, которые сообщилъ Кастреню. Признавая родство остяковъ съ финами и мадырами, Кастрень говоритъ объ этомъ народѣ слѣдующее:

Подобно самоѣдамъ, остяки раздѣляются на множество мелкихъ родовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ образуетъ большое семейство. Это различіе уже исчезло между остяками, принявшими христіанство, потому что они управляются русскими законами и русскими присутственными мѣстами; обдорскіе остяки сохранили нѣкоторыя патриархальныя учрежденія. Любовь къ цѣлому роду — вотъ та власть, которая въ этомъ случаѣ приводитъ къ добродѣтели. Каждый родъ состоитъ изъ извѣстнаго числа семействъ, имѣющихъ одно общее происхожденіе, и родственныхъ болѣе или мѣнѣе между собою. У остяковъ, подобно какъ и у самоѣдовъ, есть роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотенъ, даже тысячъ человекъ, изъ которыхъ многіе не могутъ уже доказать своего родства съ другими; но, несмотря на то, смотрятъ на себя какъ на родныхъ, не вступаютъ между собою въ супружество и помогаютъ другъ другу, по обязанности. Все принадлежащее къ одному и тому же роду обыкновенно кочуютъ вблизи другъ друга, и обычай требуетъ, чтобы богатые изъ нихъ помогали бѣднымъ. Остяки вообще народъ бѣдный и живутъ изо-дня въ-день; а потому помощь, которую они оказываютъ ближнимъ, собственно состоитъ въ томъ, что они братски раздѣляютъ съ ними дневную добычу. Замѣчательно, что у нихъ не просятъ милостыни. Если два остяка поссорятся и не могутъ кончить дѣла мировою, они идутъ къ старшинѣ, который безъ всякихъ судебныхъ формъ рѣшаетъ дѣло; этимъ рѣшеніемъ объ партіи обыкновенно остаются довольны, въ противномъ же случаѣ они могутъ жаловаться князю. Съ самыхъ древнихъ временъ, множество родовъ, жившихъ другъ подле друга, признавали одного начальника, который носилъ названіе князя. Достоинство это подтверждено Императрицею Екатериною II, и формальный дипломъ

данъ былъ остякскому князю въ Обдорскѣ и Куноватѣ, въ Березовскомъ округѣ. Каждый князь въ своемъ округѣ рѣшаетъ всѣ дѣла, исключая тѣхъ, которыя по старинному русскому праву наказываются смертію. Главнѣйшая обязанность князя состоитъ однакоже въ поддержаніи согласія между различными родами и рѣшеніи тѣхъ спорныхъ дѣлъ, которыя возникаютъ по поводу настьбищъ, мѣстъ для рыбной ловли и охоты, и проч.; между людьми, принадлежащими къ разнымъ родамъ. Князю подчинены всѣ старшины родовъ, а самъ онъ зависитъ отъ русскаго правительства. Достоинства князей и родовыхъ старшинъ наследственны и переходятъ отъ отца къ сыну; если сынъ не совершеннолѣтній, тогда общество назначаетъ дядю или другаго близкаго родственника его опекуномъ; если же сына нѣтъ, то наследуетъ по выбору какойнибудь близкій родственникъ покойнаго.

Общіе религиозные обряды служатъ также могущественными узами для соединенія между собою отдѣльныхъ лицъ одного и того же рода, изъ которыхъ каждый съ незамятныхъ временъ имѣетъ своихъ собственныхъ идоловъ, сохраняемыхъ часто въ особой юртѣ; жертвы и другія церемоніи для почитанія такихъ идоловъ совершаетъ цѣлый родъ, и къ этимъ идоламъ приставлено лицо, которое въ одно и тоже время и шаманъ, и жрецъ, и лекарь. Лица эти пользуются почитаніемъ отъ народа; во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ къ нимъ прибѣгаютъ за совѣтами не только родъ, но и отдѣльныя лица; но шаманъ не отвѣчаетъ самъ непосредственно ни на одинъ вопросъ, а предоставляетъ рѣшеніе дѣла идоламъ, и вопрошающему передаетъ только отвѣтъ идоловъ.

Впрочемъ эти вопросы нельзя предложить высочайшему, небесному богу, котораго остяки называютъ турумъ (Turum), потому что онъ говоритъ съ человѣкомъ только въ громѣ и бурѣ. Хотя и думаютъ, что турумъ постоянно слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него не укрывается ни добро, ни зло, и что онъ каждому воздаетъ по дѣламъ его; но, несмотря на все это, турумъ недоступенъ для смертныхъ, и существо очень грозное. Онъ не слушаетъ никакихъ молитвъ и просьбъ, и управляетъ міромъ и людьми по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Онъ не обращаетъ вниманія на жертвы и молитвы, и смотритъ только на заслуги человѣка, и по нимъ раздѣляетъ свои дары людямъ. А если остякъ нуждается по какомунибудь случаю въ высшей помощи, то долженъ обратиться съ своею просьбою къ божеству низшему, подчиненному. Эти низшія божества или составляютъ общее достоинствѣ цѣлаго рода, или принадлежатъ отдѣльнымъ семействамъ, и наконецъ лицамъ, но оба рода идоловъ почти не отличаются другъ отъ друга. Большею частію они деревянные, имѣютъ видъ человѣческой и

представляютъ то мужчинъ, то женщинъ. Идолы, принадлежащія цѣлому роду, украшены богаче прочихъ: на нихъ увидите вы красныя платья, цѣпочки на шеѣ и проч.; лица ихъ часто обложены жостью, мужскіе идолы иногда имѣютъ мечъ на боку и панцырь. Хотя роды сохраняютъ своихъ идоловъ охотнѣе всего въ особыхъ юртахъ, но за недостаткомъ ихъ, идоловъ ставятъ въ палатки или подъ открытымъ небомъ на какомъ нибудь отдаленномъ отъ жилищъ холмѣ въ лѣсу. Вообще остяки не любятъ показывать чужимъ людямъ своихъ идоловъ, и по этому ихъ священныя юрты или храмы расположены всегда въ мѣстахъ отдаленныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ, что необходимо еще и потому, что въ юртахъ этихъ много жертвованныхъ денегъ и мѣховъ, которые легко могли бы сдѣлаться жертвою воровства. Кастрень не знаетъ, какъ устроены храмы остяковъ; но на пути въ Обдорскъ онъ нечаянно попалъ въ общество остякскихъ боговъ, которые стояли подъ развѣсистыми листовными деревьями и были совершенно нагіе, не отличаясь ни чѣмъ отъ самоѣдскихъ Сіадаи. Остяки называли ихъ Иліанъ, для отличія отъ всѣхъ идоловъ другаго рода, которые имѣли общее названіе—Лонгъ, соотвѣтствующее Хае самоѣдовъ. Эти Иліаны имѣли различную вышину: самыя большіе по глазомѣру не превышали $4\frac{1}{4}$ аршина, а меньшіе — вполовину ниже. Въ этой же роцѣ, гдѣ поставлены были идолы, Кастрень видѣлъ множество оленьихъ шкуръ и роговъ, повѣшанныхъ на деревѣ такъ, что идолы могли имѣть ихъ постоянно передъ глазами. Недалеко отъ этого мѣста жило бѣдное остякское семейство, для котораго роца была святилищемъ.

О частныхъ и семействамъ принадлежащихъ богамъ остяковъ тоже можно сказать, что и объ идолахъ самоѣдскихъ. Идолы эти или состоятъ изъ необыкновеннаго вида камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, которыхъ почитаютъ, не измѣняя ихъ вида, или они преимущественно деревянные съ человѣческимъ лицомъ и остроконечною головою. Каждое семейство, даже каждое отдѣльное лицо имѣетъ одного или многихъ такихъ идоловъ, которыхъ остяки считаютъ своими богами—защитниками, и возятъ повсюду съ собою въ особыхъ саняхъ, одѣвая ихъ приличнымъ образомъ по-остякски. Часто эти идолы имѣютъ особенныя обязанности: нѣкоторые охраняютъ стада оленей, другіе даютъ хорошій ловъ, здоровье, семейное счастье и такъ далѣе. Ихъ выставляютъ по мѣрѣ надобности въ палаткѣ, на пастбищѣ оленей, на мѣстахъ охоты и рыбной ловли, и приносятъ имъ жертвы отъ времени до времени, обмазывая ихъ губы или кровью, или рыбнымъ жиромъ и ставя предъ ними сосудъ съ рыбою или мясомъ для пищи идола. Такія жертвенныя церемоніи можетъ совершать всякій; но если надобно принести общую

жертву божеству или спросить ихъ совѣта для цѣлаго рода или для отдѣльнаго лица, то при этихъ случаяхъ необходимъ шаманъ, потому что одинъ онъ извѣдываетъ сердце боговъ и одинъ онъ можетъ говорить съ ними. Бубень необходимъ для шамана: обыкновенныя слова не долетаютъ до слуха боговъ; разговоръ съ ними надобно вести посредствомъ пѣнія и ударовъ въ бубень. Иногда говорить самъ идолъ, поставленный передъ шаманомъ; но его слова слышитъ только шаманъ. А между тѣмъ, для убѣжденія легковѣрной толпы въ томъ, что идолъ дѣйствительно говоритъ, шаманъ ставитъ предъ нимъ палку и къ верхнему концу ея прикрѣпляетъ ленту; если лента случайно, или чрезъ особое устройство, извѣстное шаману, прійдетъ въ движеніе, всякій полагаетъ, что богъ говоритъ съ шаманомъ. Разумѣется, при такихъ случаяхъ никогда не обходится безъ жертвъ, состоящихъ изъ одного или нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ убьетъ оленя, шкуру его и рога вѣшаетъ на священномъ деревѣ въ честь бога, а мясо съѣдаютъ присутствующіе, показавъ его предварительно идолу. Часть мяса всегда идетъ шаману.

Богослуженіе остяковъ состоитъ только въ призываніи боговъ и умиловленіи ихъ посредствомъ жертвъ. Иногда различные роды совершаютъ нѣкоторые общіе празднества въ честь богамъ. Самый большой и торжественный праздникъ бываетъ осенью, когда кочующіе остяки съ богатою добычею съ тундръ возвращаются къ своимъ родичамъ, ловящимъ рыбу въ рѣкѣ Оби. Празднество совершается различными родами въ извѣстные годы; но въ немъ принимаютъ участіе не только члены того рода, который празднуетъ, но остяки другихъ родовъ собираются къ этому торжеству и приносятъ съ собою нѣкоторыхъ изъ самыхъ древнихъ ихъ идоловъ, для того чтобы тѣ поздравили сосѣднихъ боговъ и насладились ихъ гостепріимствомъ. Чужіе идолы, прибывшіе на праздникъ, ставятся въ той же юртѣ, гдѣ находятся боги рода, совершающаго праздникъ; если же родъ не имѣетъ особой юрты для своихъ боговъ, то выстраиваетъ нарочно для этого случая большую палатку. Празднество отправляется ночью, и очевидецъ описываетъ его такъ: «церемонія началась съ 8 часовъ вечера и продолжалась до 2 часовъ по полуночи. При началѣ дѣти бѣгали изъ юрты въ юрту и созывали остяковъ къ богослуженію; они издавали при этомъ странные дикіе звуки, и казались какъ бы испуганными. Мало-по-малу собрались остяки въ юрту, назначенную для богослуженія. При входѣ каждый остякъ повертывался три раза передъ идиоломъ и садился на правую сторону юрты, или въ боковое отдѣленіе, или на полъ. Сосѣди разговаривали между собою, и каждый занимался чѣмъ хотѣлъ. Западная сто-

рона была отдѣлена занавѣсой, за которую шли нѣкоторые остяки. Когда всѣ собрались, зашумѣлъ шаманъ саблями и копьями, оправленными желѣзомъ, которыя предварительно были принесены въ юрту и положены передъ идоломъ. Потомъ шаманъ далъ каждому изъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ женщинъ, находившихся за занавѣскою, по саблѣ и копью, взялъ самъ въ каждую руку по саблѣ, и оборотился спиною къ идолу. Прочіе остяки выстроились въ рядъ вдоль юрты, а другіе стояли также выстроенные въ боковыхъ отдѣленіяхъ. Потомъ всѣ въ одно время поворотились три раза кругомъ, держа сабли передъ собою. Шаманъ ударилъ свои сабли одна о другую, и всѣ остяки начали по командѣ шамана вдругъ кричать на разные тоны «hai», начиная при этомъ изъ стороны въ сторону. Звуки эти то скоро слѣдовали одинъ за другимъ, то отдѣлялись паузами, и при каждомъ «hai», перекачиваясь направо и налево, то опускаая свои сабли и копья, то поднимая ихъ. Эта церемонія продолжалась цѣлый часъ; остяки все болѣе и болѣе приходили въ экстазъ, и лица ихъ дѣлались ужасными. Когда они накричались вдоволь, вдругъ замолкли, перестали качаться, перевернулись передъ идоломъ, какъ дѣлали это въ началѣ, и отдали шаману сабли и копья, которыя онъ собралъ и положилъ передъ идоломъ на прежнее мѣсто. Нѣкоторые изъ остяковъ сѣли снова въ отдѣленіяхъ, а другіе на полу. Тогда поднялась завѣса, скрывавшая до тѣхъ поръ женщинъ, заиграли домбру (*dombra*), и мужчины и женщины начали танцовать. Танецъ этотъ то дикій, то смѣшной, часто неприличный, продолжался очень долго. Потомъ явились комедіанты и фокусники въ различныхъ комическихъ костюмахъ, и представили тѣже сцены, какія были въ танцѣ. Наконецъ шаманъ еще разъ роздалъ сабли и копья, и снова начались крики «hai» и качанія какъ и прежде; дѣло кончилось тѣмъ, что остяки повернулись три раза, поражая землю копьемъ, отдали шаману оружіе и отправились домой. Праздникъ описанъ здѣсь такъ, какъ будто бы онъ совершался однимъ изъ родовъ, и тутъ упоминается только одинъ идолъ; описаніе это разнится также и въ другихъ отношеніяхъ отъ свѣдѣній, собранныхъ Кастреномъ. Кастренъ говоритъ, что праздникъ продолжается десять ночей сряду, и въ первую ночь танецъ, описанный выше, совершаетъ одинъ шаманъ передъ идолами, во вторую ночь — два остяка, въ третью — три, и т. д., а въ послѣднюю ночь пляшутъ всѣ, даже женщины. Праздникъ не обходится безъ жертвъ: остяки, возвращающіеся на родину съ тундръ, угощаютъ боговъ роскошно олениной, и шаманъ каждому богу приноситъ особое блюдо съ сырымъ мясомъ, мажетъ ему губы и лице кровью, даетъ ему пить воду и угощаетъ его

самымъ усерднымъ образомъ. Когда, по мнѣнію шамана, боги довольно покушали, блюда берутъ отъ нихъ и остяки сами съѣдаютъ мясо. Что остается отъ жертвеннаго обѣда, то идетъ шаману. Такія общественныя жертвоприношенія совершаются при различныхъ случаяхъ: при началѣ какого нибудь важнаго предпріятія, при предполагаемомъ путешествіи и перекочевкѣ, и такъ далѣе. Если рыбный ловъ на рѣкѣ Оби скуденъ, то обдорскіе остяки иногда привязываютъ камень на шею оленю и бросаютъ оленя въ рѣку, какъ жертву.

Хотя въ этихъ жертвахъ и празднествахъ проявляются слѣды религіознаго культа, но остяки въ этомъ отношеніи стоятъ на самой низшей степени культа. Они почитаютъ своихъ боговъ не по религіозному чувству, но изъ выгодъ. Остяки почитаютъ боговъ и приносятъ имъ жертву не для нихъ самихъ, не изъ благоговѣнія къ ихъ величеству и силѣ, а для того, чтобъ боги исполняли ихъ желанія или удовлетворяли ихъ потребности. За все, что приносятъ богамъ, требуютъ отъ нихъ отдарковъ, и жертва есть или задатокъ для будущихъ услугъ, или плата за услуги, уже оказанныя. Не рѣдко боги назначаютъ за свои услуги плату впередъ, и шаманъ тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, играетъ роль переводчика и посредника между богами и смертными. Если боги требуютъ слишкомъ высокую плату, то шаманъ старается склонить ихъ къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ, употребляя при томъ даже угрозы и всегда съ хорошимъ успѣхомъ. Изъ этого ясно, что своихъ боговъ остяки чтутъ не какъ какую нибудь абсолютную силу, а просто какъ услужливыхъ, покорныхъ имъ духовъ. Только турумъ или небесный богъ пользуется большимъ уваженіемъ, хотя и не составляетъ предмета культа. Меньшее значеніе имѣетъ лѣсной богъ—меангъ (meang) и водяной богъ кули, (kuli) изъ которыхъ послѣдній злой и губительный богъ. Медвѣдь пользуется у остяковъ какъ и у народовъ, родственныхъ имъ, особеннаго рода уваженіемъ. У обдорскихъ остяковъ Кастрень видѣлъ даже мѣдныя маленькія изображенія медвѣдей, которыя почитаются какъ идолы. Преданія говорятъ, что эти идолы перешли сюда отъ древнихъ пермяковъ и зырянъ, которые тоже обожали медвѣдя. Нѣкоторыя деревья и мѣстности тоже обожаются остяками. Если кедръ растетъ между соснами, то кедръ и вся мѣстность вокругъ считаются священной. Тамъ, гдѣ семь лиственницъ растутъ вмѣстѣ, одна подлѣ другой—тоже священное мѣсто. Обыкновенно на такихъ мѣстахъ вы увидите множество идоловъ и большое число оленьихъ шкуръ и роговъ, повѣшенныхъ на сучьяхъ деревьевъ въ честь боговъ.

Остяки приносятъ жертвы и совершаютъ другія церемоніи въ па-

мять покойниковъ; это основано на мнѣніи, что умершій, хотя и похороненный какъ слѣдуетъ, продолжаетъ занятія, какъ и при жизни, и имѣетъ тѣже потребности. А потому частію съ нимъ, а частію около могилы кладутъ сани, копые, очагъ, котель, ножикъ, топоръ, кремь, огниво и другіе инструменты, посредствомъ которыхъ онъ можетъ добыть себѣ продовольствіе и приготовить пищу. При погребеніи и потомъ отъ времени до времени родные покойника на могилѣ его приносятъ въ жертву оленей. Если умретъ какое нибудь старшее многоуважаемое лицо, родные его готовятъ тотчасъ идола, который сохраняется въ юртѣ умершаго и которому оказываютъ такую же честь, какою пользовался покойникъ при жизни. Каждое утро эту статуэтку одѣваютъ, кормятъ, вечеромъ раздѣваютъ и кладутъ въ постель, и вообще она занимаетъ то мѣсто, которое обыкновенно принадлежало покойнику. Три года ей оказываютъ такое почитаніе, а потомъ опускаютъ въ могилу; въ три года тѣло покойнаго истлѣветъ, а слѣдовательно жизнь его въ могилѣ совершенно прекратится.

Клятва у остяковъ имѣетъ высокое религиозное значеніе, и одна изъ важнѣйшихъ есть клятва на мордѣ медвѣдя, которую обвиняемый рѣжетъ на куски ножомъ и говоритъ при этомъ: «Пусть медвѣдь съѣстъ меня, если я клянусь ложно». Остяки клянутся такъ же богами и съ такими же церемоніями, какъ самоѣды. Вообще въ этомъ отношеніи между остяками и самоѣдами много общаго. Другихъ клятвъ остяки не употребляютъ; свидѣтели у нихъ никогда не присягаютъ; имъ обыкновенно вѣрятъ на—слово; всѣ мужчины и женщины, кромѣ сумасшедшихъ, могутъ быть свидѣтелями; дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ своихъ родителей, сестры противъ сестеръ, супруги противъ другъ друга.

Бракъ у остяковъ—болѣе гражданское учрежденіе, и со стороны невѣсты заключается отцемъ и ближнимъ ея родственникомъ. Сама женщина, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, касающихся ея самыхъ дорогихъ интересовъ, не имѣетъ голоса: она рабыня въ полномъ смыслѣ слова. Но и этого мало, она считается существомъ нечистымъ, и ее заставляютъ жить въ состояніи самаго ужаснаго униженія. А потому женщина, чувствуя свое ничтожество, не смѣетъ обнаружить свою волю и слѣпо повинуется всякой прихоти мужа. Спокойно она должна смотрѣть на продажу съ аукціона ея сердца отцемъ, братомъ или другимъ близкимъ родственникомъ. Съ нею поступаютъ какъ съ товаромъ, не заботясь о ея желаніяхъ. Правда, женщинъ не продаютъ на рынкахъ, но все судьба ея зависитъ отъ продажи тайной. Цѣны на молодыхъ дѣвушекъ въ разныхъ мѣстахъ различны. Въ Обдорскѣ дочь богатаго челоуѣка цѣ-

нятся въ 50—100 оленей; а бѣднякъ отдаетъ свое дитя и за 20—25 оленей. Причина дороговизны дочерей людей богатыхъ, кажется, та, что супругъ ея надѣется въ будущемъ получить отъ своего тестя помощь и покровительство, не говоря уже о значительномъ приданомъ, которое зять получить тотчасъ. И слѣдовательно дорогая жена тоже, что дорогой и хорошей товаръ, который въ продолженіе времени принесетъ болѣе выгодъ владѣльцу, нежели товаръ дурной, купленный дешево. Впрочемъ цѣна за дѣвушку разсматривается какъ настоящая плата за полученный товаръ, а не какъ впередъ данная деньги, которыя потомъ возвратятся въ будущемъ. По понятіямъ остяковъ, нѣтъ ничего справедливѣе, какъ полученіе отцемъ или защитникомъ дѣвушки за нее платы. Дочерей отдаютъ замужъ обыкновенно въ такомъ возрастѣ, когда онѣ могутъ работать, и отдаютъ людямъ совершенно чужимъ. И можетъ ли совершенно чужой человѣкъ имѣть притязаніе на то, чтобъ для него кормили, содержали и воспитывали женщину, которая потомъ остальную часть своей жизни будетъ его рабыня? Отецъ можетъ удерживать свою дочь при себѣ, и она работою вознаградитъ ему съ лихвою то, что стоила сама въ дѣтствѣ. Но если онъ изъ доброй воли отдастъ свою законную собственность, то тотъ, кто беретъ ее (будущій мужъ), долженъ вознаградить отца за заботы его о дочери и за издержки на ея прежнюю жизнь. Короче, плата за невѣсту, есть вознагражденіе отцу за его издержки и заботы о дочери во-время ея юности. Калымъ этотъ выплачивается, до, или послѣ свадьбы; если онъ заплаченъ былъ до свадьбы, и одна изъ особъ, женихъ или невѣста, умерли, то калымъ возвращается; Впрочемъ, въ случаѣ смерти невѣсты, жениху предоставляется право за взятую уже съ него плату требовать другую дочь, если таковая имѣется.

Хотя у остяковъ многоженство и дозволено, но оно, по причинѣ высокой цѣны на дѣвушекъ, рѣдко встрѣчается. Кастрень говоритъ, что въ Обдорекѣ ему назвали только одного человѣка, имѣвшаго трехъ женъ; двоеженцы также рѣдки. При многоженствѣ существуетъ здѣсь обычай, что мужчина можетъ жениться на многихъ сестрахъ; но многіе возстаютъ противъ этого обычая, потому-что опытъ показалъ, что сестры обыкновенно неуживались въ такихъ бракахъ. Два брата не могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, если бъ онѣ были даже отъ разныхъ матерей; меньшей братъ долженъ жениться на вдовѣ старшаго. Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, оставшіяся въ живыхъ можетъ вступить въ новый бракъ не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ смерти покойника. Сыновья и дочери не должны вступать въ бракъ ранѣе двухъ лѣтъ со дня смерти ихъ родителей.

У остяковъ и у другихъ дикихъ обитателей Сибири женщина не наследуетъ, и слѣдовательно мужъ не можетъ наследовать родственникамъ своей жены, и вдова не получаетъ части изъ имущества своего покойнаго мужа. Наслѣдство раздѣляется по-равну между сыновьями, которые обязаны содержать мать свою, сестеръ и другихъ женщинъ къ семейству принадлежащихъ. Если сыновья остаются послѣ смерти отца несовершеннолѣтними, то ихъ, вмѣстѣ съ женщинами, беретъ подъ покровительство ближайшій родственникъ, и за то получаетъ часть, равную съ сыновьями. Если покойникъ не оставилъ сына, то имѣніе его раздѣляютъ родственники дальніе и ближніе между собою, по взаимному соглашенію, принимая на себя обязанность заботиться о дочеряхъ и вдовѣ.

По образу жизни, Обдорскіе остяки раздѣляются на рыбаковъ и оленеводовъ; первые живутъ около рѣкъ, въ особенности на Оби и Нарымѣ, послѣдніе кочуютъ большую часть года по тундрамъ и находятся въ постоянномъ соприкосновеніи съ самоѣдами. Число остяковъ, исключительно занимающихся оленеводствомъ, относительно весьма мало, и, говорятъ, ежегодно уменьшается, сливаясь съ самоѣдами. Это сліяніе дошло до того, что остякъ-олeneводъ не только принялъ религію, нравы и образъ жизни самоѣдовъ, но часто знаетъ ихъ языкъ, лучше своего роднаго. Истинный остякъ представляется намъ только въ остякъ-рыбакъ, но и тутъ можно замѣтить разность въ ихъ образѣ жизни, потому что одни занимаются только рыбною ловлей, а другіе сверхъ-того и оленями; эти-то послѣдніе лѣтомъ раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ одна ловитъ рыбу, а другая стережетъ оленей. Съ наступленіемъ теплаго времени, олени отправляются на берега моря, потому-что имъ жарко, и комары и мошки менѣе беспокоятъ ихъ тамъ; комары и мошки страшно мучатъ оленей, особенно во-время ихъ линянія. Во-время пребыванія своего на берегахъ Ледовитаго моря, остякъ, подобно самоѣдамъ и русскимъ, бьетъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и прочихъ. Впрочемъ изъ остяковъ не многіе доходятъ до самаго моря: большая часть изъ нихъ проводятъ лѣто на самыхъ сѣверныхъ тундрахъ, и когда воздухъ охладится, мошки и комары исчезнутъ, тогда они перекочевываютъ въ лѣсныя мѣста къ востоку отъ Урала, гдѣ охотятся за лисицами. Съ наступленіемъ зимы и тѣ остяки и самоѣды, которые кочевали по берегу моря, переходятъ въ страны лѣсныя, гдѣ находятъ и для себя и для оленей защиту отъ страшныхъ бурь. Переходъ этотъ совершается весьма медленно; въ день проходятъ небольшое число верстъ, останавливаются на отдыхъ, на день или на два, и все время охотятся. Каждый родъ держится вмѣстѣ, и въ главѣ его идетъ князь или старшина. Къ концу декабря всѣ эти ко-

чующія толпы приходятъ на обдорскій рынокъ. По распоряженію правительства, всѣ князья и старшины должны во-время ярмарки находиться въ Обдорскѣ, потому-что на нихъ возложена обязанность сдавать въ это время ясакъ. Изъ Обдорска туземцы опять отправляются въ лѣса и охотятся тамъ въ продолженіе холоднаго времени. Остяки и самоѣды, исключительно занимающіеся оленями, раннею весною отправляются уже къ морю; тѣ же, у которыхъ часть семействъ занята рыбною ловлей на рѣкахъ, не торопятся откочевывать, тѣмъ болѣе, что не посѣщаютъ самыхъ отдаленныхъ береговъ Ледовитаго моря; эти послѣдніе остяки кочуютъ съ своими оленями во-время зимы подлѣ своихъ постоянныхъ жилищъ или юрть, которыхъ вовсе нѣтъ у самоѣдовъ и у постоянно-кочующихъ остяковъ.

Само собою разумѣется, что остяки, которые нѣсколько лѣтъ могутъ жить на одномъ и томъ же мѣстѣ, могутъ имѣть весьма малое число оленей, потому-что большія стада требуютъ обширныхъ пастбищъ и не допускаютъ осѣдлой жизни. Но какъ бы незначительно ни было число этихъ оленей, обладаніе ими считается большимъ богатствомъ; олень даетъ не только пищу и одежду Остяку, но и полезенъ ему при путешествіяхъ и на охотѣ. Остяки, не имѣющіе оленей, должны дѣлать переѣзды на собакахъ, которыя еще требуютъ пищи отъ хозяина и не могутъ замѣнить оленей при перевозкѣ тяжестей; для такихъ Остяковъ рыбная ловля главный источникъ пропитанія.

Извѣстно, что тѣ племена, которыя въ полярныхъ странахъ занимаются исключительно рыбною ловлей, постоянно живутъ въ бѣдности, которая нерѣдко влечетъ за собою лѣнь, пьянство и развратъ. Кастрѣнь полагаетъ, что причины этого болѣею частію случайныя, а также, что жители тамошніе не умѣютъ порядочно пользоваться богатыми источниками, которые природа приготовила тамъ для человѣка, и не могутъ противостоятъ искушенію—употреблять крѣпкіе напитки, предлагаемые имъ колонистами. Это можно сказать по крайней мѣрѣ объ остякахъ-рыболовахъ. Вся рыба, которая сбывается купцамъ, ловится лѣтомъ, и въ это время спекуляторы изъ Обдорска, Березова и Тобольска ѣздятъ по Оби на своихъ лодкахъ, отбираютъ у Остяковъ уловъ, солятъ рыбу и сохраняютъ ее въ особо-устроенныхъ на берегу магазинахъ. При началѣ осени они отправляются домой, и въ тѣхъ же лодкахъ, въ которыхъ привезли муку, проданную остякамъ, увозятъ рыбу. Русскіе тоже ловятъ рыбу на Оби и съ болѣшимъ успѣхомъ, нежели остяки. Между тѣмъ остяки продолжаютъ свой промыселъ, и часто рыбу пускаютъ въ озера или пруды, откуда осенью опять достаютъ ее и замораживаютъ. Въ началѣ зимы пріѣзжаютъ русскіе и зыряне для

закуски замороженной рыбы, часть которой остяки сами продаютъ въ Обдорскѣ. Рыбная ловля продолжается и зимою; но уже рыба не имѣетъ той цѣны въ торговлѣ, какъ пойманная въ другое время года, и рѣдко попадаетъ въ такомъ количествѣ, чтобы превышала дневную потребность самихъ рыбаковъ. Въ Оби попадаются: 1) щука, окунь, ершь, плотва, живущіе тутъ лѣто и зиму; 2) осетръ, сельдь, налимъ и разные виды лосося, называемой муксуномъ, нельмой, сырокъ, пидсакъ, все такія рыбы, которыя въ началѣ іюня, когда ледъ пройдетъ, заходятъ въ рѣки вверхъ по теченію, а зимою мало по малу возвращаются въ море. Осетръ и разные виды лосося цѣнятся высоко; прочіихъ же рыбъ остяки сѣдаютъ сами или кормятъ ими собакъ. Рыбу ловятъ сѣтями на песчаныхъ мѣстахъ; для ловли употребляются также верши, удочки, и проч.

Обдорскіе остяки одѣваются совершенно какъ самоѣды, только женщины первыхъ заняли отъ татаръ обычай закрывать свои лица. Кочующіе остяки устраиваютъ свои юрты, подобно самоѣдамъ. Юрты остяковъ—рыбаковъ маленькія, низкія избы, въ одномъ углу которыхъ устроенъ чумалъ (очагъ). Окно замѣняется отверстіемъ въ стѣнѣ или потолкѣ, которое зимою покрывается кускомъ льда. Въ лучшихъ юртахъ вдоль одной или нѣсколькихъ стѣнъ полъ покрытъ рогожами, на которыхъ располагается семейство хозяина и которыя служатъ постелями. Иногда предъ входомъ въ юрту устраиваютъ небольшую клѣтку для платья и домашней утвари. Лѣтнія юрты еще хуже, потому что онѣ безъ пола и безъ чумала; окно затянуто кожей налима; огонь раскладываютъ посреди юрты, а дымъ выходитъ чрезъ отверстіе въ потолкѣ. Бѣднѣйшія остякскія семейства живутъ въ ямахъ, покрытыхъ торфомъ.

Палласъ описываетъ наружность и характеръ остяковъ такъ: «Роста они средняго и даже малаго, сложенія слабаго и въ особенности имѣютъ тонкія и худыя ноги. Лица ихъ вообще непріятны, блѣдны и гладки, не имѣютъ ничего характеристическаго. Волосы у нихъ красноватые и бѣловатые, и у мужчинъ всегда въ безпорядкѣ, что дѣлаетъ лица ихъ еще болѣе непріятными. Между взрослыми женщинами, особенно которыя постарше, очень немного милостивыхъ. Остяки боязливы, суевѣрны и просты, впрочемъ довольно добры; начиная съ юности они привыкаютъ къ работѣ, но если небольшія потребности ихъ удовлетворены, то они способны только къ праздности, особенно мужчины; хозяйство и жизнь ихъ возбуждаютъ отвращеніе». Кастрень при этомъ замѣчаетъ, что хотя онъ многихъ остяковъ видѣлъ съ блѣднымъ цвѣ-

томъ лица и свѣтлыми волосами, но у большой части остяковъ, какъ и у самоѣдовъ, цвѣтъ кожи темный и волосы черные какъ смоль. Это замѣчаніе навело Кастрена на мысль, что остяки-блондины были, можетъ быть, потомки зырянъ, которые переселились въ Сибирь во время обращенія ихъ св. Стефаномъ. Впрочемъ остяки образованіемъ своего лица больше подходятъ къ финскому, самоѣдскому и тюркскому племенамъ и, неимѣютъ плоскаго носа, маленькихъ узкихъ глазъ и безобразно широкихъ скулъ монголовъ и тунгусовъ. Они не представляютъ ясно очерченнаго типа, что, вѣроятно, происходитъ отъ смѣшенія ихъ съ разными чуждыми племенами. Боязливость, суевѣріе, простоту и доброту можно встрѣтить у всѣхъ дикихъ народовъ Сибири. Паласа оставилъ безъ замѣчанія два хорошія качества остяковъ:—ихъ услужливость и честность. Остякъ никогда не оставитъ друга своего въ нуждѣ; двери у него всегда отворены для просящаго; онъ охотно раздѣляетъ съ нимъ то, что имѣетъ; богатый считаетъ своею обязанностью помогать бѣднымъ. Воровство здѣсь почти неизвѣстно; дома всегда отворены и имущество часто оставляется безъ присмотра посреди тундры. Остяки живутъ между собою какъ братья, не питая никакого подозрѣнія другъ противъ друга. Вообще Кастренъ защищаетъ остяковъ противъ Паласа. и даже неопытность приписываетъ ихъ ремеслу, говоря, что она встрѣчается только между остяками-рыбаками, а кочующіе живутъ очень опытно.

ПЕРЕКРЕСТОВЪ.

24 іюля, 1853 года, Луганскій заводъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ САВОЯРЫ.

Уличный типъ

Позвольте, благосклонный читатель, рекомендовать вашему вниманію петербургскихъ савояровъ, — не тѣхъ, которые приносятъ изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ свои иностранныя мышеловки для русскихъ мышей, но тѣхъ, которыхъ, волею или не волею, а приходится иной разъ слушать и видѣть. Такая смѣлость будетъ тѣмъ болѣе извинительна, что это сословіе, вѣроятно, когда-нибудь уже интересовало васъ и въ чувствительныхъ переводныхъ романахъ, и въ переводныхъ романахъ веселыхъ. Правда, что кругъ дѣятельности и дѣйствій петербургскихъ савояровъ не такъ обширенъ, какъ савояровъ парижскихъ, но все таки довольно разнообразенъ для того, чтобы обратить на себя хотя малое вниманіе, если не всѣхъ и каждого, то, по крайней мѣрѣ, людей любознательныхъ, разсматривающихъ также внимательно самую малую песчинку, какъ и громадное солнце. «Исторія души человѣческой, хотя и самой мелкой души, стоитъ иногда цѣлой исторіи инаго народа», сказалъ Лермонтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, горе, радость, надежды и наслажденія человѣческія такъ разнообразны въ своемъ основаніи и проявленіи, что стоитъ разсмотрѣть ихъ порою поближе, если не отдѣльно въ каждомъ (что невозможно), то, по крайней мѣрѣ, въ какомъ нибудь извѣстномъ, тѣсномъ кругу. Положимъ, что личность савояровъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого особеннаго, что могло бы пробудить къ ней слишкомъ большой интересъ; положимъ, что многіе называютъ ихъ даже «лѣнтями» и «дармоѣдами», но все-таки они существуютъ, — почему же не присоединить и ихъ ко многому, хотя и мелко существующему, но уже болѣе или менѣе каждому извѣстному? Кого нравоописатели не рекомендовали публикѣ? Они представляли ей и водозововъ, и дворниковъ, и салошницъ, и петербургскихъ нѣмцевъ — одни

только савояры, столь же общіе какъ водовозы и салопницы, оставались въ тѣни;—пора же, наконецъ, настать очереди и для савояровъ. Вотъ существующіе ихъ виды: рылейщики, шарманщики (съ обезьянами и безъ обезьянъ), пѣстуны однихъ обезьянъ, ношатаи сурковъ и морскихъ свинокъ и подражатели пѣнію соловья.

Быть можетъ, кто-нибудь замѣтитъ при этомъ: «Отъ чего же рядъ не продолженъ и не упомянуто объ уличныхъ фокусникахъ, о вожатыхъ ученыхъ собакъ и ученыхъ обезьянъ, танцовщикахъ, арфистахъ и арфисткахъ, уличныхъ сальтенбанкахъ, пѣвцахъ, пѣвицахъ, и прочее и прочее? На такой основательный вопросъ можно будетъ принести только одинъ оправдательный отвѣтъ: — Потому что артисты этихъ послѣднихъ видовъ не принадлежатъ къ числу артистовъ чисто савойскаго происхожденія, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ также, какъ и савояры, носятъ на себѣ иго шарманокъ, — а здѣсь условлено говорить лишь только о савоярахъ «чистой крови». Послѣ такого логическаго оправданія, можно, кажется, приступить къ дальнѣйшему повѣствованію и начать его съ «рыла» и «рылейщиковъ», какъ съ вида самаго общаго и самаго малаго.

Приступая къ достовѣрному сказанію объ особенностяхъ рылейщиковъ, позвольте прежде всего объяснить вамъ, благосклонный читатель, что такое «рыло», если вы не петербургскій житель или, если даже и петербургскій, но будучи всегда окружены лишь роялями Лихтенталя и Вирта да пѣвучими скрипками, не имѣете о немъ рѣшительно никакого понятія.

Слово это нисколько не должно оскорблять вашего эстетическаго слуха; оно отнюдь не грубо измѣненное, —человѣческими же устами, — названіе человѣческаго лица, которымъ именуютъ иногда, въ порывѣ досады и гнѣва, самыя благообразныя фізіономіи. Вся подозрительность въ этомъ щекотливомъ случаѣ можетъ произойти только отъ неправильнаго произношенія этого иностраннаго слова, на русскомъ діалектѣ. «Рыло», какъ обыкновенно говорятъ, есть ви что иное, какъ то же, такъ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, музыкійское орудіе — «*рылаэ*», вѣче, по убѣжденію многихъ другихъ, мандолина, (*mandoline*). Маленькій инструментъ этотъ, похожій своею наружною формою нѣсколько на скрипичный футляръ, носится на перевязи, перекинутой черезъ плечо, и до того прочно и грубо устроенъ, что, какъ цыганъ, въ извѣстной пѣснѣ, не страшится ни вьюги, ни мятелей. Персты играющаго на немъ артиста никогда не касаются струнъ его. Обязанность рукъ исполняетъ колесо, приврѣзленное къ ручкѣ, о которой можетъ дать полное

понятіе ручка, приводящая въ дѣйствіе механизмъ извѣстнаго всеѣмъ инструмента-органа.

Звуки, издаваемые рылэ... тутъ автору представляется большое затрудненіе, и онъ поневолѣ долженъ остановиться въ нерѣшимости отъ труднаго, самому себѣ заданнаго вопроса: съ чѣмъ, съ какою существующею въ природѣ вибраціей, потрясающей воздухъ, можетъ его воображеніе сравнить звуки бѣднаго, неусовершенствованнаго человѣческаго изобрѣтательностью рылэ?.. У самаго смѣлаго и находчиваго описателя инструментальныхъ особенностей и совершенствъ, при всеѣмъ его желаніи льстить и поэтизировать, неостанетъ отважности сравнить ихъ, на примѣръ, съ пѣніемъ какой-бы то ни-было, даже ни кѣмъ невиданной и неслышанной, птицы! Съ ревомъ какого-нибудь животнаго, съ которымъ можно, на примѣръ, сравнить отголосокъ Левіофана инструментовъ—контрабаса, тоже невозможно, и будетъ далеко неправильно и не вѣрно... Говоря о звукахъ, производимыхъ рылэ, нельзя дать мѣста даже и самому маленькому поэтическому увлеченію; нельзя имѣть никакого права допустить какое-бы то ни-было благоприятное для его нѣжности сравненіе. Въ этомъ затруднительномъ случаѣ, чтобъ быть вполнѣ достовѣрнымъ повѣствователемъ, необходимо, нехотя, прибѣгнуть къ пособію грубой, ничѣмъ не увлекающейся прозы. Пусть же она одна и отвѣчаетъ предъ вами, благосклонный читатель, за тривiальную точность сравненія. Первоначальныя трели этого миниатюрнаго, но между тѣмъ громкаго инструмента (покуда ржавое и неподмазанное колесо, приводящее въ сотрясеніе струны, порядочно не развертится и не начнетъ дѣлать правильныхъ оборотовъ) болѣе всего походятъ на «хриплый пискъ недоколотаго поросятка». Не извѣстно когда, въ наказаніе за какое музыкальное преступленіе и какой разгнѣванный музыкальный геній воспроизвелъ эти ручныя гусли. Исторія гармоніи, сохранившая, съ благодарностію до нашихъ временъ, имена Эола, Орфея и Пана, набросила пепелъ забвенія на творца ихъ; вѣроятно же всего надо полагать, что рылэ получило свое начало въ самомъ тартарѣ. Нестройный хрипъ жестяной, пастушечьей петербургской трубы, прерывающій раннимъ утрѣмъ самый крѣпкій сонъ, можетъ почестся упоительною гармоніей въ сравненіи съ потрясающимъ нервы скриномъ этой, чистотой антимзыкальной гитарки; а между тѣмъ и она доставляетъ средства къ существованію упражняющимся на ней артистамъ.

Рылейщики, точно также, какъ и шарманщики и ношатаи обезьянъ, сурковъ и морскихъ свинокъ, встрѣчаются на каждомъ шагу, на каждой улицѣ и перекресткѣ и почти на всѣхъ, не замкнутыхъ отъ чужаго посѣщенія, дворахъ. Ихъ требованія и надежды очень благоразумны и

ограничены. Исполняя свои концерты подъ единымъ, равно для всѣхъ безкорыстнымъ и гостепріимнымъ небомъ, и слѣдовательно не нуждаясь въ наймѣ никакого, болѣе удобнаго, музыкальнаго крова, они, какъ птицы небесныя, за доставляемое ими удовольствіе довольствуются лишь малыми крохами. Часы для такихъ концертовъ не опредѣлены и ими можетъ наслаждаться всякій желающій, отъ ранняго утра до поздняго вечера.

Возрастъ, въ который вполне развивается талантъ артистовъ на рылэ, а также и сравнительное превосходство музыкальнаго исполненія пьесъ одного изъ нихъ передъ другими, опредѣлить невозможно, потому что мотивы дикой гитарки до крайности однообразны и, подъ нѣсколькими десятками колесъ воспроизводятъ одну и ту же мелодію—нѣчто въ родѣ трепака. Правда, что иногда среди этихъ нестройныхъ, терзающихъ уши звуковъ вдругъ какъ будто послышится какой-то жалобный, мелодическій аккордъ, похожій на слабый голосъ пустынного путника, изнуреннаго голодомъ и жаждою, но этотъ акордъ, какъ должно полагать, или вырывается какъ нибудь случайно, изъ самой глубины внутренности рылэ, или есть ничто иное, какъ фата-моргана слуха. Фаты-морганы существуютъ не въ одной физической природѣ, но и въ нравственной—это давно извѣстно.

Играющими на этомъ инструментѣ бываютъ мальчики отъ десяти и болѣе лѣтъ, загорѣлые отъ солнца, исхудалые отъ ежедневныхъ переходовъ въ мѣста самыя отдаленныя, никогда удовлетворительно не насытившіеся, а между тѣмъ, не смотря на все это, до того живые и постоянно бодрые и неутомимые, какъ будто жилы ихъ, вмѣсто обыкновенной крови, наполнены вѣчно движущеюся и ни чѣмъ не останавливаю ртутью. По своей легкости для ношенія и простотѣ исполненія музыкальныхъ пьесъ, рылэ именно только ребяческой инструментъ, но очень не трудно увидѣть иногда, среди несовершеннолѣтней толпы рылейщиковъ и такихъ, которыхъ сильные мускулы тотчасъ приведутъ вамъ на память формы древняго Геркулеса, а порою даже и такихъ, которыхъ кудри бѣгаютъ къ плечамъ сбитою нерасчесанною волной, будто тонкія, матовыя серебряныя нити высокаго художественнаго издѣлія Бенвенуто Челлини. Эти послѣдніе рылейщики отличаются отъ первыхъ только наружностью; движенія же ихъ также живы. Старики эти уже привыкли къ своему ремеслу, прыгать на одной ногѣ, свистя при этомъ, усиленнымъ, скрытою во рту жестяною машинкою, присвистомъ, — имъ гораздо легче, чѣмъ приняться за какое-нибудь иное ремесло, приличное ихъ лѣтамъ.

Если вы не такъ изнѣжены и вамъ не трудно, часу въ восьмомъ

утра встать съ постели, чтобъ постоять на Вознесенскомъ мосту, вамъ всегда удастся полюбоваться пестрою, разнообразною толпой ходебщиковъ не только савойскаго, но даже германскаго происхожденія. Погодите немного, и предъ вами незамедлительно потянутся изъ всѣхъ трехъ Подьяческихъ, длинная вереница ихъ, спѣшащая на разныя улицы и окраины Петербурга не для стяжанія лавровъ и рукоплесканій, а только на ловлю дневнаго счастья. Ни томительный лѣтній зной, ни осенній ливень, ни зимнія вьюги и морозы не въ состояніи остановить людей этихъ, прибывшихъ въ Россію, какъ аргонавты въ древнюю Колхиду, за поисками золотаго руна. Значеніе слова «усталость» имъ кажется вовсе неизвѣстно, и крѣпости ихъ ногъ могла бы иной разъ позавидовать не одна, до тучности откормленная, городская лошадь, покрывающаяся бѣлою пѣной, пробѣжавъ отъ одной оконечности Невскаго проспекта до другой. Ни одной улицы, ни одного переулка не пропускаютъ савояры, и даже обитатели самыхъ отдаленныхъ дачъ могутъ каждодневно наслаждаться особенностью ихъ игры. Пройти на тощакъ десять, пятнадцать веретъ имъ также легко, какъ какой нибудь столичной барышнѣ протанцовать кряду нѣсколько десятковъ полекъ и кадрили.

Глядя на шумную, говорливую толпу ихъ, торопливо подвигающуюся впередъ, невольно приходитъ на память, часто употребляемое всѣми восклицаніе Пушкина:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній...»

И въ самомъ дѣлѣ, чего и кого не увидите вы въ фалангѣ этихъ не честолюбивыхъ промышленниковъ!.. Вотъ маленькая ученая лошадка, съ хвостомъ, перевязаннымъ щедро лентами, со лбомъ, украшеннымъ пучкомъ густыхъ перьевъ, расписанныхъ красною, голубою, зеленою и желтою красками, тщательно подвитыхъ подъ страусовыя перья. На спинѣ лошади возвышается, на нѣсколько четвертей, всадникъ—мартышка, въ старинномъ французскомъ камзолѣ, постоянно прыгающая на сѣдлѣ, съ пискомъ снимающая предъ прохожими шляпу и старающаяся, время отъ времени, ухватить неосторожныхъ за носъ, въ будущемъ ожиданіи правильныхъ представленій. Вслѣдъ за ученой лошадкой медленно движется исполнѣ—шарманка, (нѣчто въ родѣ какой-то гармонической кунтскамеры) укрѣпленная на двухъ колесахъ и везомая самимъ хозяиномъ, переругивающимся съ своею подругой, ведущей свору собаченокъ, въ коротенькихъ женскихъ кацавейкахъ и чепчикахъ, короткопалыхъ фраккахъ и трехугольныхъ шляпахъ. На верху этой подвижной шарманки—кунтскамеры устроена сцена, на которой вы уви-

дите прекрасную пспанку, подпрыгивающую качучу вмѣстѣ съ стоящимъ съ нею рядомъ, на заднихъ ногахъ, козломъ, толстаго турецкаго пашу, вальспрующаго съ тощимъ жидомъ, и много другихъ, очень вертлявыхъ особъ, прикакивающихъ на мѣдныхъ спичкахъ. За шарманкой кунстъ-камерой ѣдетъ простая, громадная шарманка, запряженная обыкновенною лошаdkой, управляемую двумя иностранными дамами, съ мѣдными налобниками, въ коротенькихъ, синихъ суконныхъ юбкахъ, но за то въ предлинныхъ мужскихъ охотничьихъ сапогахъ. Лимонныя лица ихъ украшены такими яркими ланитами, что цвѣтъ осенней зари, блѣднѣя предъ ихъ искусственною свѣжестью, долженъ краснѣть за свой неподдѣльный пурпуръ. По бокамъ шарманки выступаетъ двухперсонный оркестръ, составленный изъ бубна съ колокольчиками и изъ желѣзнаго треугольника, издающаго тѣ же самые звуки, какіе издаетъ кухонная сковорода... Вотъ большіе и маленькіе савояры-пѣтуны мартышекъ; вотъ другіе, няньки и кормилицы прокармливающихъ ихъ, въ свою очередь, морскихъ свинокъ, терпѣливыхъ затворницъ, задыхающихся среди гнилаго сѣна, которымъ наполнены ихъ маленькія деревянные темницы. За этими савоярами бѣжитъ маленькая дѣвочка съ посинѣлыми рученками, пристукивая отъ холода пальцами, какъ каштаньетами, одѣтая засаленной швейцарскою пастушкой... Вотъ другая, такая же маленькая женская пара, наряженная сифидами, которая цѣлый день будетъ восхищать любопытствующихъ посреди дворовъ исполненіемъ вальсовъ, полекъ, полекъ-мазурокъ, подъ акомпаниментъ женщины, играющей на скрипкѣ и въ тоже время поющей: Ah! du liber Augustin, Augustin, и другіе танцевальныя припѣвы... Вотъ испанецъ, въ дырвомъ кафтанѣ, готовый тѣшить васъ аріями всевозможныхъ италіанскихъ оперъ.

Когда этотъ первый отрядъ пройдетъ, потянется другой — пойдутъ піеомонты съ круглыми столиками, съ мѣшками, наполненными игрушечными ружьями, пушками, барабанами, обручами, половыми щетками, кофейными мельницами, и проч., которыми будутъ упражняться, среди необыкновенныхъ представленій, обезьяны «высшей школы». За ними слѣдуютъ простые, обыкновенные шарманщики, съ шарманками безъ куколъ и съ куклами, съ обезьянами и безъ обезьянъ. Всю эту толпу замыкаютъ акробаты въ порыжелыхъ шпцеляхъ, тщательно прикрывающіе свой легкій, дико-американскій костюмъ, обнаженную шею и ноги, обтянутыя разползающимся бумажнымъ трико. Головы этихъ американцевъ, вмѣсто обыкновенныхъ картузовъ, бываютъ иногда прикрыты индѣйскими головными уборами изъ перьевъ и фольги, привлекающими особенное вниманіе пріѣзжихъ мужичковъ и уличныхъ мальчишекъ. Это

уличные кабилы, салтенбанки, акробаты, Вейнерты, Раппо и что вамъ угодно, ломающіе себѣ члены и суставы безъ всякой положительно-опредѣленной таксы, большею же частію, по расчетливости петербургскихъ любителей не таксированныхъ представлений, совершенно бесплатно, безъ всякаго, даже льстящаго самолюбію *браво* и *спасибо*.

Вся эта толпа пестрѣетъ самыми яркими лохмотьями, и ея разнообразныя одежды напоминаютъ масляничныхъ балаганныхъ скомороховъ. На нѣкоторыхъ мальчишкахъ—савоярахъ можно даже иногда увидѣть нѣкоторыя принадлежности костюма, (особливо жилеты и шляпы) сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги, которая подъ вечеръ дождливаго дня теряетъ свою первоначальную, данную ей утромъ форму и цвѣтъ, плотно липнетъ въ лохмотьяхъ къ лицу, груди и колѣнамъ, возбуждая, вмѣсто участія, невольный смѣхъ. Зимой описанные костюмы мало измѣняются. На многихъ савоярахъ остаются тѣже лѣтнія курточки, перевитыя какимъ нибудь шерстянымъ шарфомъ, въ которыхъ они, дрожа отъ холода, выдѣлываютъ предъ окнами домовъ самыя отчаянныя и оживленныя *па*, чтобы только какъ нибудь да разогрѣть свою кровь, хотя и ртутную, но готовую застыть отъ стужи. Утирая одною рукою выжатую морозомъ слезу и повертывая другою судорожно рылэ или шарманку, савояръ тщательно ожидаетъ иногда вознагражденія за свою ловкость и продолжительную музыку. Иному бываетъ не въ догадъ бросить ему что нибудь, другіе не имѣютъ возможности, потому что заклеены окна.

Правда, нѣкоторые савояры облачаются въ важныя пальто, но эти пальто, купленные съ плечъ, иногда чуть-ли не гигантскихъ, широкія, длинныя, неуклюжія, дѣлаютъ ихъ похожими на шелковичныхъ червей, обернувшихся въ просторную кокону. Самое теплое и тщательно прикрытое мѣсто въ вѣточныхъ одеждахъ принадлежитъ обезьянамъ, спящимъ, до минуты надобности, преспокойно за пазухой. О присутствіи ихъ можно только догадаться по слишкомъ возвышенному горбу на боку савояра, гдѣ у человѣка не можетъ существовать собственнаго горба, или по высовывающейся, порою, изъ пальто лапы, ловащей снѣжинки, падающія на лицо обезьянчика или просто шутящей съ его посомъ. Суровый климатъ Савон, къ которому савояры привыкли съ младенчества, помогаетъ имъ сносить съ горемъ неполамъ суровость нашей зимы; неизвѣстно какое ощущеніе чувствуютъ въ такое время уроженцы Пиемонта, Вероны и другихъ итальянскихъ мѣстечекъ, прибывшіе въ Россію выдѣлывать гипсовыя карикатуры на высокія скульптурныя произведенія древней Греціи и древняго Рима.

Какое-то глубокое раздумье западаетъ въ душу, когда взглядъ, обѣжавъ беззаботное выраженіе лицъ этихъ уличныхъ потѣшниковъ, на-

чнетъ слѣдить за развѣтвленіемъ музыкальнаго, танцевальнаго и акробатическаго отряда по разнымъ улицамъ, послѣ долгихъ переговоровъ и условій объ участкахъ, гдѣ кому начинать свои дѣйствія. Такъ и хочется спросить у каждаго изъ нихъ:

« Откуда ты, откуда, гость неожиданный?
 Какой неожиданно судьбой
 Ты загнанъ къ намъ въ холодный край туманный?
 Скажи, хорошъ у насъ сводъ неба голубой,
 Отраднo ли весна здѣсь нѣгой счастья дышетъ?..
 Друзей ты встрѣтилъ ли, нашелъ ли ты пріютъ,
 Когда на промыселъ пошелъ, дитя послушный?
 За пѣсни бѣдныя, за твой суровый трудъ
 Ты награжденъ-ли, выходецъ тщедушный?
 Всегда ли сладокъ сонъ? Ужель, пришелецъ, ты
 Не гордъ такъ, что порой, усталый, изнуренной,
 Приподнимаешь грошъ, упавшій съ высоты,
 Безъ гнѣва, съ радостью, рукою запыленной?
 На жесткій войлокъ ли склонившись головой
 Ты спишь, иль гдѣ нибудь въ тѣни зеленой кущи,
 Скажи, смущаютъ ли ребячій твой покой
 Печаль прошедшаго, заботы дней грядущихъ?.. »

На всѣ эти вопросы можно положительно отвѣчать только одно, что почти всѣ савояры спятъ на войлокахъ. За исключеніемъ музыкантовъ, акробатовъ, фокусниковъ и другихъ шукарей, не савойскаго происхожденія, имѣющихъ болѣе средствъ къ роскоши, почивающихъ на кроватяхъ, снабженныхъ мочальными тюфяками, а иногда и на чемъ нибудь лучшемъ и имѣющихъ кое-какое домашнее хозяйство, въ которомъ кофейникъ играетъ, разумѣется, главную роль, ни одинъ изъ савояровъ не знакомъ съ комфортомъ и разными другими удобствами домашней жизни. Кухонная стряпня производится у нихъ только для больныхъ, русскою деревенскою стряпухой, нанятой въ складчину, которая подчууетъ ослабѣлаго, нездороваго савояра тѣмъ, что Господь ей на умъ положить и что поближе подъ руку. Щи, похлебка, каша, свѣжая свинина, соленые огурцы, все съѣдается савоярами, какъ кушанья, самыя легкія для желудка; иныхъ роскошнѣйшихъ блюдъ они не имѣютъ, за исключеніемъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ и самыхъ торжественныхъ дней ихъ жизни, въ которые уже сами они готовятъ *stofato* и *masagoni*. Дни эти составляютъ въ ихъ памяти и въ ихъ году нѣкоторымъ образомъ замѣчательную эпоху, воспоминаемую съ сладостнымъ прищелкиваніемъ языка и пальцевъ.

Рылейщики, обыкновенные шарманщики и воспитатели обезьянъ и

морскихъ свинокъ, живутъ всё вмѣстѣ, артелью, въ одной квартирѣ; вырученныя днемъ деньги кладутъ въ общую кассу, чтобы по истеченіи положеннаго времени, дѣлиться по равнымъ частямъ, при посредствѣ избраннаго цѣлымъ обществомъ кассира. Съ первыми лучами зари визгъ, пискъ и драка проголодавшихся животныхъ, раздѣляющихъ съ своими хозяевами братски ночлегъ, а иногда и самое войлочное ложе, скоро разгоняетъ крѣпкій сонъ усталыхъ савояровъ. Громкій возгласъ перваго проснувшагося, или просто только отъ одного писка, или визга, или отъ усиленнаго подергиванія мартышки за курчавыя, сбитыя тоже какъ войлокъ, волоса, подымаетъ всѣхъ остальныхъ, убаюканныхъ разнообразными грѣзами, нестройными, причудливыми повтореніями впечатлѣній прошедшаго дня, которыя окружаютъ ихъ призраками то дворниковъ, гоняющихъ ихъ метлами со двора, то собакъ, бросающихся на нихъ съ ожесточеніемъ, при видѣ вовсе непріятной и возбуждающей собачью антипатію морды обезьяны, то мальчишекъ, бросающихъ въ нее кочарыжками или чѣмъ попало, и преслѣдующихъ даже самихъ савояровъ названіемъ паяцевъ, мошенниковъ и гаеровъ. Среди этихъ непріятныхъ, почти обычныхъ видѣній, мелькаютъ нерѣдко и свѣтлые образы миловидной женщины, бросающей съ балкона гривенникъ своею бѣленькою ручкою, видъ хорошо убранной залы, въ которую вводятъ его съ мартышкой, чтобъ показать ее вблизи окружающимъ маленькимъ дѣтямъ, и которой свѣтлѣющій полъ савояръ замаралъ своими грязными подошвами. Савояру не хочется открывать глазъ, ему бы желалось еще разъ призвать къ своему жесткому изголовью такія балующія его грѣзы, но дѣйствительность, что вѣтеръ злой, гонитъ его, какъ легкій листъ изъ тепла на холодъ, отъ нѣги къ тяжелой дѣятельности, изъ міра благосклонной мечты въ область беспощадной существенности. Савояръ вздыхаетъ, расчесываетъ прилежно пятерней свои кудри и встаетъ; день, котораго онъ ждетъ, становится ему не милъ.

Сборы савояровъ, спящихъ всегда полуодѣтыми, непродолжительны. Пospѣшая на дневной промыселъ и не имѣя никакой претензіи плѣнать уличную публику изящностью своей наружности, они часто выходятъ, даже не умывшись порядочно, и не тратятъ нисколько времени на завтракъ. Завтракомъ запасаются они уже на улицѣ, у лоточныхъ торговцевъ, и уничтожаютъ его на ходу, а иногда среди самыхъ танцевъ и музыкальныхъ пьесъ, дѣлаясь имъ дружно съ своими свинками и особенно съ обезьянами, которыя въ это время дѣлаются очень наглы и непокорны по врожденной прожорливости и зависти. Послѣ обоюдной маленькой драки и взаимнаго сопротивленія, завтракъ, состоящій обыкновенно изъ одной ситной булки и какихъ нибудь приностей—луку, моркови

и чесноку, оканчивается у обезьяны и савояра мирно съ равнымъ аппетитомъ. Какъ въ завтракъ, такъ и въ уличномъ обѣдѣ обезьяна бываетъ всегда сытѣ своего хозяина, потому-что савояръ болѣе заботится о ней чѣмъ о себѣ, какъ будто бы не она, а онъ служитъ ей. Ношатай обезьяны не проситъ, какъ носильщикъ морской свинки, подавнїя громогласно и жалобно, употребляя въ этомъ случаѣ имя маленькаго животнаго, нисколько не подозрѣвающаго, что его хозяинъ, ради своей надобности, выставляетъ ее, свинку, такую неотвязчиво и неудовлетворимо нищю. Обезьянщикъ, напротивъ, лелѣетъ и бережетъ свою обезьяну и никогда не продастъ ее, ее, перешедшую съ нимъ половину Европы, развѣ что ему предложить такую цѣну, которая въ его жизнь составляетъ капиталъ огромный, надолго обезпечивающій во многомъ. Дерните вы савояра за ухо, за волосы, онъ только слегка запищитъ, поморщится и отойдетъ прочь; нанесите же вы такое же оскорбленіе мартышкѣ, глаза его засверкаютъ и рука готова тотчасъ же схватить привычное оборонительное оружіе—комокъ грязи.

Прежде всѣхъ прочихъ жителей Петербурга, удовольствіе слышать рыла и шарманки достается булочникамъ, торговцамъ мелочныхъ лавокъ, прикащикамъ и служителямъ русскихъ ресторацій и харчевень и вообще всему мастеровому классу, какъ людямъ которые раньше встаютъ. Завидя отворенныя двери булочныхъ, мелочныхъ лавокъ и харчевень, рылейщики и шарманщики прїостанавливаются, принимаютъ приличную позу и начинаютъ издавать монотонные звуки, кружиться волчкомъ на одной ногѣ, припрыгивать и оглашать воздухъ пронзительнымъ свистомъ, очень похожимъ на прерывистый, предупредительный свистокъ паровой машины, подходящей къ станціи.

Рылейщикамъ и шарманщикамъ нѣтъ до того никакой надобности, расположены или нѣтъ слушать ихъ музыку пробудившіеся. Чуждые всякой лишней щепетильной деликатности, они исполняютъ свое дѣло съ необыкновеннымъ усердіемъ и живостію, поглядывая внимательно на окна и двери и даже на чердаки, то опрокинувъ голову на затылокъ, какъ будто они примѣтили что нибудь выгодное для себя на самыхъ облакахъ, то перегнувшись до земли, чтобы заглянуть въ подвалы, въ чайни, не окажется ли и въ нихъ охотниковъ послушать ихъ и пожертвовать кое-что отъ избытка средствъ. Не замѣтивъ никого, савояры продолжаютъ играть и насвистывать, пока убѣдятся, что нѣтъ болѣе никакой надежды, или не раздастся изъ дверей или окна сердитый возгласъ продирающаго глаза лавочника:

— Убирайся прочь, скѣморохъ, пока такъ тебя водой не вспрыснутъ, что запоешь на всѣ пѣтушья голоса! Вишь какъ уши выдумалъ

драть, нѣмецкая трещетка! Добрые люди не успѣли еще порядочно перекреститься и куска въ горло пропустить, а ты видно уже нажрался, напился и пошелъ скоморошничать!

И лавочникъ преспокойно усаживается пить чай, никакъ не предполагая, что конвульсивно сжатая рука рылейщика, можетъ быть, едва въ состояніи наворачивать веселую пѣсню; что отъ постоянно не вполне удовлетворяемаго аппетита, желудокъ савояра сильно сводитъ, и что вертящаяся съ такимъ проворствомъ нога, отъ ожиданія получить какое нибудь вознагражденіе за стараніе и искусство, едва, быть можетъ, чувствуетъ въ дыравомъ башмакѣ, свои оостѣнѣвшіе пальцы.

Савояръ медлитъ въ нерѣшимости, и все таки еще не много повертывается, въ чашии умилостивленія.

— Да перестанешь ли ты когда нибудь дрыгать ногами? повторяется снова сердитый возгласъ, и савояръ спѣшитъ къ другой лавочкѣ, къ другому, быть можетъ, болѣе музыкальному и щедрому хозяину и начинаетъ свистать то соловьемъ, то малиновкой, то разливаться и пѣть канарейкой. Пріятная картина поражаетъ глаза рылейщика. Лавочникъ купилъ у чухонца кортофелю и рассчитывается съ нимъ; въ рукахъ у него много и мелкаго серебра, и мелкой мѣди. Савояръ подходит чуть не-подъ-самое его ухо, и желая отличиться, вполне возвышаетъ свистъ на два тона. Въ воображеніи его рисуется уже копѣйка, она уже, умственно, въ его карманѣ, но и тутъ расчетъ оказывается всегда не вѣренъ.

Принадлежа къ числу савояровъ, забывающихъ на улицѣ о данномъ имъ дарѣ слова (чѣмъ рылейщики, шарманщики и пѣстуны обезьянъ рѣзко отличаются отъ савояровъ, прогуливающихся съ морскими свинками, не умолкающими ни на одну минуту) рылейщики и шарманщики, если имъ и не подадутъ ничего, покорно и безропотно удаляются въ иные щедрыя мѣста, въ другую улицу, и опять начинаютъ играть, свистать и вертѣться кубаремъ на одной ножкѣ.

Для исполненія ихъ чисто-дервишскаго вальса, рылейщикамъ не существуетъ никакихъ уличныхъ неудобствъ и препятствій. Нѣсколько не страшась быть раздавленными чьимъ нибудь рысакомъ и опрокинутыми зазѣвавшимся извозчикомъ, пренебрегая видомъ дышла, они ловко увертываются отъ скачущихъ экипажей, искусно перепрыгиваютъ съ булыжника на булыжникъ и, въ самомъ крайнемъ случаѣ, покинувъ сухое, избранное ими для балета мѣсто, нѣсколько не задумываются докончить начатый прыжокъ на самой срединѣ дождевой лужи, обдающей ихъ съ ногъ до головы грязными вепрысками. Опрятность одежды и вообще фізіономіи самая послѣдняя изъ заботъ савояровъ (что расло-

лагають ихъ, вѣроятно, во Франціи, преимущественно предъ прочими ремеслами къ ремеслу трубочистовъ), и потому они продолжаютъ хладнокровно свое шествіе съ лицомъ, испещреннымъ грязью, будто родимыми пятнами, покуда любознательная лапа мартышки не вздумаетъ ихъ соскоблить, одно за другимъ, чтобы попробовать не есть ли это что нибудь съѣтное и лакомое. Впрочемъ, такая совершенно посторонняя услуга достается только однимъ немногимъ шарманщикамъ, потому—что, собственно рылейщики не носятъ обезьянъ, и по своимъ недостаточнымъ средствамъ, не могутъ купить ихъ, чтобы достигнуть до степени добыванія копѣекъ менѣе трудной и болѣе почетной въ савоярскихъ понятіяхъ о человѣческомъ достоинствѣ.

Савояры нисколько не подвержены пороку сребролюбія и корыстолюбія. Картофелина, яблоко, остатокъ пирога или мѣдный грошъ, не поданный, а даже съ невниманіемъ брошенный, куда ни попало, заставляютъ ихъ также продолжительно и усердно играть, и пятакъ, упавшій изъ окна, гривенникъ или двугриденный, пожертвованный людьми, находящимися въ томъ веселомъ расположеніи, когда все чувства какъ-то удваиваются, приводитъ рылейщиковъ и шарманщиковъ въ какое-то плясовое неистовство, превращаетъ свистъ ихъ, именно какъ будто въ настоящій свистъ Соловья-Разбойника, а антрша на одной ногѣ, чуть ли не въ воздушные антрша самой Тальони. Болѣе всего прочаго пространства Петербурга труднѣе для савояровъ путь по Гостиному Двору.

Въ надеждѣ изъ получаемыхъ торговцами барышей получить и свою часть дневнаго барыша, Савояры приставиваются предъ каждою лавкой, ловко ловятъ на лету бросаема полукопѣйки, и не уменьшая быстроты скачковъ, извиваясь между прохожими, переходятъ къ прочимъ лавкамъ, и такъ обсакиваютъ цѣлый гостинный рядъ, обвиваясь крупнымъ потомъ. Они нисколько не оскорбляются, если предъ чьимъ магазиномъ прикащикъ, замѣтивъ что они своимъ присутствіемъ мѣшаютъ прохожимъ, вмѣсто полукопѣйки наградить ихъ толчкомъ; споткнувшись немного впередъ или на сторону, Савояры, не возражая ни слова, идутъ съ рѣшимостію, какъ ни въ чемъ не бывало на новыя случайности и вѣроятности. Гостиный дворъ, благодаря сострадательности русскаго торговаго сословія, настоящая Калифорнія для всехъ странствующихъ музыкантовъ и прочихъ артистовъ; но подавая имъ дань, достойную ихъ искусства, всегда почти полукопѣйку, и только въ порывѣ самой высокой щедрости копѣйку серебромъ, торговцы и прикащики всегда имѣютъ обыкновеніе прибавлять къ ней назидательный совѣтъ:

— Прими, мусье, и убирайся поскорѣе прочь, а то мѣшаешь по-

купателямъ, когда въ магазинъ идутъ. Ферштейнзи? теперь алонъ маршъ, мусью, бонъ вояжъ!

Но иногда и полукопейка расчетливая дань, необходимая въ промышленности, отъ полного знанія савояровъ того коммерческаго правила, по которому и полукопейка принимается въ строгій расчетъ, какъ необходимая часть единицы, безъ которой не можетъ существовать полного рубля, ускользаетъ какъ тѣнь изъ рукъ рылейщиковъ, шарманщиковъ и прочихъ, и часто протянутая отверзтая ладонь, отдѣленная отъ адекой гитарки или разбитой шарманки, издающей лихорадочные, больные звуки, опять принимается за нихъ, не ощутивъ въ себѣ ничего метааллическаго.

— Полукопейки есть сдачи, спрашиваетъ савояръ лавочный мальчишка, возвышая надъ его головою руку съ зеленѣющею въ ней мѣдною копейкой. Ну, распоряди же скорѣе, некогда!

— Non, monsieur! произноситъ сожалительно савояръ, размахнувъ руками.

— Ну, такъ у меня тоже для тебя *non*, объявляетъ мальчишка; впередъ умнѣ будь и запасайся сдачей; въ выручку свою всегда что нибудь про запасъ для раздачи клади. Впередъ *vuy* носи!

Савояръ благодаритъ поклономъ, хоть за одно желаніе и удаляется, затаивъ въ сердцѣ своемъ сладостную надежду, что этотъ же самый человѣкъ, который сейчасъ такъ скупо жался изъ лишней полукопейки и выказывалъ такой строгій расчетъ, когда нибудь, въ праздничный день, гдѣ нибудь на гуляньи, броситъ ему, безъ всякаго сожалѣнія, не только гривенникъ, но даже и рубль.

Гостинный дворъ — самое любимое, центральное мѣсто, въ которое никогда не забудутъ завернуть савояры, какъ бы далеко отъ него они ни были. Кромѣ поясненной уже щедрости торговцевъ, рылейщики и шарманщики заводятъ въ гостинномъ ряду постоянныхъ слушателей и зрителей, которыхъ они, преимущественно предъ прочими, томятъ своими мелодіями, а также находятъ иногда случай побесѣдовать и развлечь себя разговоромъ, болѣе, впрочемъ, пантомимнымъ, чѣмъ словеснымъ.

Тщетно дожидаясь покупателей и наскучивъ играть все въ шашки да въ шашки и колотить, для препровожденія времени, какъ кузнецы въ тактъ по наковальнѣ, себя по пальцамъ (игра невинная и очень употребительная въ апраксинскихъ рядахъ) лавочные мальчики, завидя рылейщика и шарманщика, тотчасъ начинаютъ звать его.

— Мусье, говорятъ они, коменъ-зи-гиръ, паше вамъ почтеніе. Какъ ваше здоровье? Сколько изволили себѣ нынче капиталу напрыгать, мусье?

Шарманщикъ улыбается и кланяется, ожидая, что будетъ дальше.

— А гримаса у васъ веселая, продолжаетъ краснойбай: стало быть вы нынче таки съ барышомъ, такъ попотчуйте же насъ чѣмъ нибудь?

Шарманщикъ продолжаетъ улыбаться и хватается за ручку шарманки, чтобы пощекотать слухъ какою нибудь полькою, которая, неизвѣстно по какому чудному гармоническому механизму, вдругъ иногда переходитъ въ похоронный маршь, а иногда просто въ какой-то совершенно змѣиный шипъ.

— Нѣтъ, ужь эту-то аферу ты оставь, прерываетъ меценатъ, замѣтивъ музыкальное попопзновение савояра: эта штука намъ ужь надоѣла, а ты, если такъ ужь тебѣ захотѣлось, лучше перекувырнишь, грошь дадимъ. Вотъ что производи.

При этомъ, для непонятливаго савояра, производится пояснительная пантомима рукою. Савояръ отрицательно трясетъ головою и со вздохомъ размахиваетъ руками.

— Вотъ и оказывается, что ты, стало быть, глупъ, когда кувыркаться даже не умѣешь, за что жѣ тебѣ послѣ этого деньги-то платить, мусью; ну, не разбойникъ ли ты? продолжаютъ шутить надъ савояромъ пріатели. Въ это время проходитъ одинъ изъ рестораторовъ, неизмѣющихся осѣдлости, которыми упитывается и упоется весь Гостиный дворъ.

— А что, мусье, спрашиваютъ мальчики савояра, указывая на окорокъ, что, возьмешь этого кушанья попробовать?

Невполювъ понимающій вопросъ, савояръ старается объяснить знаками, что онъ бы и не прочь отъ этого кушанья, но, хоть око его и видитъ, да зубъ нейметъ.

— Какъ! восклицаютъ прикащики: да развѣ ты не изъ такихъ? развѣ у тебя тоже своя, какая нибудь, сторона есть? А ну-ка, пусть тебѣ отрущать, посмотримъ....

Аппетитъ савояра является во всемъ своемъ блескѣ; прикащики веселятся.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, замѣчаютъ они, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ только просто заграничный; смотри, смотри, какъ жреть, только за ушами хруститъ. Молодецъ! и впередъ будь такимъ молодцомъ. Получай копейку за представленіе.

И всѣ остаются довольны, и Савояръ уходитъ отъ нихъ въ восхищеніи, сытый, надѣленный лишнею, неожиданною прибылью, на которую какъ не на разчитанную, тотчасъ же спѣшитъ купить горсть орѣховъ, если не своей обезьянѣ, то въ гостинецъ обезьянамъ товарищей, унося вмѣстѣ съ своимъ подаркомъ пріятное воспоминаніе какъ о Гостиномъ дворѣ вообще, такъ и о ветчинѣ въ особенности.

Вотъ легкій очеркъ пріятной и выгодной стороны савоярскаго путешествія! Но, такъ какъ ни чья жизнь и ни чей день не проходятъ, иногда, безъ непріятностей, то и савояры имѣютъ ихъ, и еще немного болѣе другихъ. Непріятности эти, или маленькія несчастія савоярскаго жизни бываютъ большею частію случайныя: то отъ собакъ, дѣлающихъ лишнюю дыру въ ихъ костюмъ, то отъ неосторожной прислуги, обливающей ихъ на дворахъ, подъ окнами, грязною водою, то отъ петербургской погоды, неожиданно-непріятной для всѣхъ. Но бываютъ также и непріятности, пріуготованныя и злонамѣренныя, хотя и не прямо противъ самой личности савояровъ, но все таки не менѣе того чувствительныя. Судьба, на которую, какъ-то отвыкли жаловаться савояры, нисколько въ нихъ не вмѣшивается; враждебными геніями савояровъ оказываются въ этомъ послѣднемъ случаѣ шалуны, уличные мальчишки и болѣе всего мальчишки-слуги, и очень часто воздаяніе, на которое рассчитывалъ рылейщикъ или шарманщикъ, превращается для него въ настоящее наказаніе, будто за какую нибудь вину. Желая вполне повеселиться въ отсутствіе господъ и испытать вѣрность глаза и прицѣла, слуги-мальчишки выбираютъ мартышекъ савояровъ мѣтою своей ловкости, и мѣдный грошъ, обернутый въ бумагу, едва не касался фізіономіи разицувшаго ротъ и опрокинувшаго на затылокъ голову шарманщика, ударяется въ спокойно сидящую на плечѣ его обезьяну. Мартышка взвизгиваетъ, начинаеть метаться изъ стороны въ сторону и, не вѣдая правила, что за виновныхъ невинный не отвѣчаетъ, съ злобою вцѣляется въ нерасчесанныя кудри хозяина. Шарманщикъ сильно морщится, но если ударъ не причинилъ его питомцѣ слишкомъ большаго вреда, самъ начинаеть улыбаться злой шуткѣ, съ благодарностью снимаетъ картузь или испанскій плесовый токъ, и поднявъ поразившее его обезьяну физическое тѣло, принимается снова играть, ожидая вторичной награды... И вотъ она не медлитъ, но что-то болѣе тяжелое, чѣмъ грошъ, поражаетъ снова, но уже не такъ ловко и, мѣтко и, минуя настоящую избранную цѣль, попадаетъ прямо въ лицо самого музыканта. Шарманщикъ болѣзненно вскрикиваетъ и между тѣмъ все таки спѣшить нагнуться и посмотрѣть какою, такъ больно ударившею его, монетою наградили его повѣсы-слушатели. Онъ срываетъ обертку, но вмѣсто ожидаемаго металла, который, могъ быть заступникомъ за нихъ въ его незлобивомъ сердцѣ, видитъ завернутый въ бумагу комокъ кухонной глины. Тутъ, втѣстѣ съ кровинкою, показавшеюся изъ носа, долготерпѣніе его исчезаетъ. Двойное, мгновенное мщеніе за оскорбленную личность мартышки и его собственную, закипаетъ въ груди шарманщика. Артистъ, постоянно безмолвствующій во время исполненія своихъ концертовъ, снова

получаетъ даръ слова и изъ губъ его начинаетъ вырваться смѣшанная французско-итальянская брань. Онъ съ живостью начинаетъ грозить мальчишкамъ ихъ же оружіемъ; видя, что на его справедливый гнѣвъ противники отвѣчаютъ ему только смѣхомъ, высовываніемъ языковъ и присоединеніемъ къ длинѣ носа еще длины всѣхъ десяти пальцевъ, шарманщикъ дѣлаетъ даже видъ, что готовъ привести угрозу свою въ исполненіе; рука его уже отдѣлилась отъ туловища и разсѣкаетъ взадъ и впередъ воздухъ, но, какая-то болѣе мощная рука приостанавливаетъ его усталую руку.

— Что ты глину-то съ чужихъ дворовъ воруетъ? раздается за нимъ громкій укорительный возгласъ.

Шарманщикъ оборачивается: передъ нимъ стоитъ грозная особа дворника, блюстителя порядка и охранителя двора, съ своимъ обычнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ—метлой.

— Монсье! пицить савояръ, стараясь знаками и немногими словами объяснить кровную, хоть и нечаянно нанесенную ему обиду.

— Не мусьюкай, не умусьюкаешь! возражаетъ дворникъ, ты кромѣ всего прочаго, баталію еще здѣсь, кажется, хочешь заводить?

— Монсье... начинаетъ снова савояръ, желая защитить свою невинность.

— Вотъ я тебѣ покажу, какой я мусье, другой разъ—въ будкѣ, доканчиваетъ дворникъ, выпроваживая савояра за ухо въ ворота и подталкивая его вѣникомъ метлы.

Вдвойнѣ невинно-оскорбленный шарманщикъ усаживается гдѣнибудь на тротуарномъ столбикѣ, или просто на землѣ, не разбирая удобно или не удобно мѣсто, и принимается хныкать, заѣдая въ то же время свою обиду и горе морковью, остатками булки или яблокъ, вынутыми изъ кармана. Многіе проходятъ и проѣзжаютъ мимо шарманщика, но никто не думаетъ обратить вниманіе на его горе, кромѣ давно уже утѣшившейся обезьяны, которая, стараясь вырвать у савояра скудный запасъ дневной провизіи, становится чрезвычайно нѣжна, лижетъ ему лице и руки, и визжитъ какъ-то жалобно. У всякаго есть свои заботы: гдѣ-же заниматься мелкими неприятностями какагонибудь савояра. Одна только проходящая мимо торговка гнилыми апельсинами, съ лицомъ желтымъ, какъ латунь, въ парикѣ, сдѣланномъ, вмѣсто волосъ, изъ порыжѣлаго сырца, рѣзко отличающагося отъ черныхъ ея глазъ и бровей, останавливается передъ шарманщикомъ и посматриваетъ, какъ онъ, доѣдая яблоко пересчитываетъ на ладони копейки—прибыль настоящаго дня.

— Васъ вейнетъ ду? хѣръ маль, васъ вейнетъ ду? спрашиваетъ она савояра, приподнимая его. А вотъ цто, носъ ушибъ, бѣдненькій!

Видя незнакомое лицо, присмирѣвшая мартышка принимается снова пищать самымъ пронзительнымъ пискомъ.

— Молди, цортъ! На!—произноситъ торговка, подавая обезьянѣ самый гнилѣйшій изъ апельсиновъ.

— Мерсі, madame, спѣшить поблагодарить шарманщикъ, видя такую внимательность къ существу, самому дорогому и милому для него въ его петербургской жизни.

— За что, за свое добро что за благодарность, возражаетъ торговка; а тебѣ, прикажешь? добавляетъ она, подавая и савояру апельсинъ.

— Мерсі, madame! благодарить опять шарманщикъ, протягивая руку.

Примѣтивъ это движеніе, мартышка спѣшить подражать хозяину и тоже протягиваетъ лапу къ апельсинному лотку.

— А! ду вильеть аухъ, дусинка, произноситъ торговка. Прикажешь попотцивать? обращается она къ шарманщику; нимъ, нимъ, красавица, доканчиваетъ она, подавая мартышкѣ второй апельсинъ.

При видѣ такой новой щедрости, грустное расположеніе шарманщика совершенно проходитъ. Онъ поспѣшно векакиваетъ и принимается вертѣть шарманку и насвистывать, чтобъ вознаградить хоть музыкой и танцами за великодушную внимательность.

— Полно, полно, ты и такъ усталъ, я не охотница, замѣчаетъ продавица апельсиновъ: можетъ еще апельсинчикъ прикажешь? на, кушай на здоровье.

Савояръ благодаритъ новымъ низкимъ поклономъ, и желая продолжать путь, намѣревается припрятать въ карманъ свое богатство. Костлявая рука торговки поспѣшно предупреждаетъ это движеніе.

— А что же мнѣ деньги? спрашиваетъ она изумленного шарманщика, насильно разгибая ему ладонь и овладѣвая его капиталомъ. Развѣ ты полагаешь, что я всѣхъ, кто плацетъ, даромъ должна своимъ товаромъ кормить? Развѣ я должна потцивать твою скверную обезьяну? Ахъ, ду!...

Неожиданшій такого угощенія, савояръ снова принимается хныкать, видя, какъ жидовка упрятываетъ въ кошелекъ свой его копейки и расчитавшись, подаетъ ему нѣсколько копеекъ сдачи. Савояръ начинаетъ упрямиться; торговка остается глуха къ его моленіямъ. Шарманщикъ понимаетъ, что потеря его невозвратима, и умоляющее выраженіе его лица замѣняется выраженіемъ досады и гнѣва. Поспѣшно упрятавъ мартышку за пазуху, онъ быстро приподнимаетъ руку, дѣлаетъ ею ловкое, неожиданное движеніе—и лотокъ старухи опрокидывается на улицѣ вмѣстѣ со всѣмъ ея товаромъ. Жидовка вскрикиваетъ, бро-

сается на савояра, но онъ уже далеко, онъ уже во всемъ утѣшился своею мстью, и снова, беззаботный и веселый, удаляется отъ озлобленной торговки, припрыгивая и дѣлая ей самыя разнообразныя гримасы, перенятая имъ отъ своей постоянной спутницы.

Сутки савояра проходятъ очень однообразно, безъ всякихъ развлеченій; впрочемъ, виноваты, и савояры имѣютъ своего рода развлеченія. Уставъ все играть да играть, свистать и прыгать, савояръ рѣшается немного отдохнуть и развлечься. Чѣмъ же, вопросъ, развлечься ему? Очень немногимъ, положимъ, но все-таки есть чѣмъ. Желая позабавиться, савояры принимаются дразнить своихъ обезьянъ, чтобы, какъ новые Фанъ-Амбурги, укрощать потомъ ихъ ярость, или поддражживать собакъ, или, остановясь у рѣшетокъ каналовъ, бросать въ воду камешки и слѣдить за ихъ рикшетами надъ водяною поверхностью.

Попріще рылейщиковъ и, въ особенности, шарманщиковъ не ограничивается одними улицами и дворами: ихъ очень часто приглашаютъ на свои пирушки мастеровые и другіе подобные люди.

При раздавшемся возгласѣ: шпилера сюда, подавай сюда шпилера! Хозяева гостепріимныхъ заведеній спѣшатъ залучить рылейщиковъ и шарманщиковъ, за немѣнимъ вблизи, подъ рукою, иныхъ музыкальныхъ артистовъ.

— А ну-ка, веселенькую, плясовую! кричатъ шарманщику съ одной стороны сильные голоса.

— *Жалобостную!* требуютъ съ другой.

— Эй, ты, желтобрюхій журавль, накальвай не бѣлы-то снѣги, перебиваютъ эти требованія съ третьей стороны.

— Польку, транбланъ-польку, трясучку-польку! вопятъ съ четвертой.

— Ваньку-Таньку! сливаются, наконецъ, все голоса въ одинъ общій гулъ.

Осторопѣвшій савояръ, не понимая различныхъ требованій, начинаетъ наворачивать первую пьесу, слѣдующую за той, на которой остановился валъ шарманки.

— Важно! раздается одобрителный голосъ съ одной стороны.

— Съ градомъ! восклицаютъ съ другой.

— Сомкни своей механикѣ уста, не то она поретъ! кричатъ съ третьей стороны.

Савояръ перемѣняетъ валъ, другой, третій, и наконецъ успѣваетъ угодить всей публикѣ. Къ ногамъ его падаютъ копейки, трехкопеечники и даже иногда между ихъ коричневатымъ цвѣтомъ удается сверкнуть серебряному пятаку.

Шарманщикъ совершенно счастливъ и вполне остается довольнымъ честною кампаніею, которая не въ веселомъ расположеніи духа бываетъ не такъ щедра, и большею частью любитъ наслушаться звуковъ рыла и шарманокъ даромъ, или, какъ говорится въ простонародьи, на «шеръ ами» и на «шермака».

Завидя въ бездѣйствіи стоящаго шарманщика, отыскивающего глазами въ окнахъ домовъ любителей музыкальныхъ наслажденій, или просто, отъ нечего дѣлать, дразнящаго собакъ, мелочные торговцы начинаютъ звать его:

— Эй, мусью, полно тебѣ съ собаками разговаривать, всего не переговоришь, комъ-ка лучше сюда.

Шарманщикъ подходитъ.

— Ну-ка, про шпиль намъ чтонибудь.

Шарманщикъ начинаетъ наVERTывать какуюнибудь мелодію.

— Важно! Молодецъ! Ну-ка посмотримъ теперь, какъ ты производишь вотъ это, продолжаютъ мелочные торговцы, поясняя непонятное для савояра слово «вотъ это» дряганьемъ двухъ пальцевъ и нѣмецкимъ дополнительнымъ словомъ: танценъ.

Савояръ начинаетъ плясать.

— Молодецъ! потѣшилъ! Ну, теперь можешь итти себѣ, куда хочешь.

Шарманщикъ снимаетъ шапку и начинаетъ кланяться.

— Что, денегъ что ли нужно? дѣлаютъ ему вопросъ слушатели.

Шарманщикъ начинаетъ издавать тихое мычанье и вторично протягиваетъ картузь.

— Такъ тебѣ непременно нужно заплатить? спрашиваютъ его слушатели.

Шарманщикъ утвердительно киваетъ головой.

— Гуть! Изволь, ахъ ты нищій этакой! говорятъ слушатели и кидаютъ въ картузь шарманщика что то въ родѣ гроша.

— Видѣлъ? генухъ, что ли?

Шарманщикъ улыбается, и идетъ себѣ дальше.

Савояры носящіе свинокъ, несмотря на постоянный ихъ протяжный возгласъ: «*Же ву при энъ пети шу, пуръ монъ кошонъ де меръ, мушье;*» чаще прочихъ савояровъ подвергаются вѣроятности не получить не только чегонибудь, но даже простаго «спасибо», за открываемую ими предъ всякимъ прохожимъ клѣтку. Зрителями этихъ савояровъ большею частью бываютъ уличные мальчишки и рабочій классъ, предпочитающій обыкновеннымъ сюртукамъ костюмъ азіатскій—затрапезные халаты.

— *Parce cochon de mer*, пищить савоярь, завидя ремесленниковъ, выходящихъ изъ заведенія, открывая коробку.

— Что у тебя тамъ такое, мусье? спрашиваютъ зрители.

— *Cochon de mer, monsieur!* повторяеть, съ поклономъ, савоярь.

— Врешь, какъ ты своего звѣря ни именууй, а онъ все будетъ, по нашему, простая крыса. Охота же тебѣ, мусью, съ такою дрянью нячиться; отдалъ бы ты ее лучше кошкѣ, да принялся бы по нашему, швы строчить да сапоги точать, больше бь барыша добылъ. Развѣ только она особенныя какія нибудь заслуги оказываетъ: танцуетъ, что ли, она?

Савоярь отрицательно качаетъ головой.

— Ну, вотъ и выходитъ, что ты дуракъ, даромъ что человекъ заморскій. А что, крыса твоя кусается али нѣтъ? можно за хвостъ подергать?

И не ожидая позволенія, зрители приступаютъ къ опыту. Свинка начинаетъ пищать и барахтаться, что доставляетъ не малое удовольствіе любопытствующимъ.

— Важно! замѣчаютъ они: вишь, какъ она у тебя пѣсни поеть. А что, мусье, она у тебя все кушаетъ или съ разборомъ, вотъ, напри- мѣръ, леденчика можно ей предложить?

Савоярь показываетъ знаками, что его свинка чужда лакомства.

— Важно! замѣчаютъ любопытствующіе, похвально, мусье, что она у тебя такого степеннаго поведенія. Ну, спасибо, тащи твою штуку дальше, гуть моргенъ, мусью, доканчиваютъ зрители, помучивъ и пощипавъ порядочно свинку и укладывая ее въ сѣно.

Савоярь открываетъ ротъ, чтобъ просить обыкновеннаго вспомо- ществованія для своей свинки, но, вмѣсто словъ, изъ губъ его вырывается также визгъ. Обозрѣвая его смѣшную, засаленную фигуру, одному изъ зрителей пришла охота полюбопытствовать, какого рода пискъ можетъ издавать самъ савоярь, и опъ, изъ любознательности, не приминувъ ушинуть и его. Визгъ савояра приводитъ въ самое веселое расположе- ніе его зрителей.

— А, братецъ, замѣчаютъ они: такъ ты, стало быть, можешь сво- ему звѣрю подтягивать; отчего же ты не подтягиваешь? большія бы деньги, право, бралъ, а то вѣдь чай только прохарчиваешься...

Un petit chou, pour mon cochon de mer, mon bon monsieur, начинаетъ просить незлобивый савоярь, почесывая спину.

Щедрѣ всѣхъ къ пошатаямъ морскихъ свинокъ оказываются лобазники, торгующіе мукой, крупю и овсомъ. Несмотря даже на затвор- ницъ, лобазники говорятъ мальчикѣ, показывая ему на карманъ:

— Ну-ка, отвори твой закромъ.

Савояръ растопыриваетъ карманъ и получаетъ горсть муки или овса. Изъ благодарности, онъ хочетъ открыть ящикъ и показать свое маленькое животное; лобазники, повертывая его лицомъ къ выходу, спѣшаютъ замѣтить:

— Съ Богомъ, съ Богомъ, не трудись, видали эти виды; своихъ такихъ штукъ въ лобазѣ довольно, хоть сотню сами тебѣ покажемъ. Прими безъ показу.

Въ этомъ отношеніи, морскія свинки бываютъ счастливѣе обезьянъ, которымъ иногда приходится долго голодать. На пояснительный жестъ савояра, что обезьяна его ни къ овсу, ни къ мукѣ никакого расположенія не имѣетъ, щедрые податели замѣчаютъ съ насмѣшкою:

— Вишь какая авантажная! того не жреть, другаго не лопаешь, отъ третьяго тошно. Такъ ты бы ей лучше нанялъ мраморныя палаты, самъ къ ней въ кухмистеръ али въ *камардины* пошелъ. Прощай, мусье.

И часто маленькій савояръ, голодный, утомленный, возвращается позднимъ вечеромъ въ свой душный сырой подвалъ, вмѣщающій ихъ десятки, къ такимъ же, какъ и онъ, голоднымъ товарищамъ, не имѣя ни одного сочувствующаго сердца, къ которому бы можно было приблѣниться ему, чтобы сложить хоть малую часть тяжелой, гнетущей его тоски, кромѣ хрюкающихъ свинокъ, да такихъ же, какъ и онѣ, пронзительно кричащихъ обезьянъ. Свернувшись на засаленномъ войлокѣ, клубкомъ, какъ котята, и желая хоть крѣпкимъ сномъ прогнать немного докучливый аппетитъ, савояры засыпаютъ, сжавъ въ усталыхъ рукахъ свою единственную надежду, единственное утѣшеніе и единственное средство къ существованію—своихъ обезьянъ.

И иногда чудныя грезы, замѣняющія безнадежную существенность, какъ единственный даръ счастья за его непривѣтливость къ савоярамъ, носятся надъ усталую голову мальчика-савояра. Среди душевной, сырой атмосферы его ночлега, вдругъ засверкаетъ предъ нимъ своими вѣчными снѣгами Монбланъ, начнетъ разбѣгаться у подошвы его долина Шамуни, и зашумитъ знакомыми струями тихая рѣчка. Ему видится небо его Савои; къ сѣрымъ облакамъ, тонкою, голубоватой струей подымается дымъ изъ родной трубы, покоившейся на бокъ хижины. Тощая собака радостнымъ лаемъ привѣтствуетъ возвратившагося странника. Сѣдая старушка-мать, окруженная полунагими ребятишками, одною рукою крѣпко и жадно жметъ пришельца къ груди своей, а другою, еще жаднѣе, ищетъ въ карманѣ его заработаннаго имъ на чужбинѣ золота. И вотъ оно уже сверкаетъ на ея ладони! Вотъ уже запылалъ давно нетопле-

ный очагъ; запахъ мяса и сытныхъ кушаній достигаетъ до обонянія проголодавшагося путешественника; эти кушанья уже на столѣ, уже пріятно щекотаютъ его гортань. Веселая пѣсня довольства и счастья льется трелями изъ его гармоническаго горла, громко вторятъ ей родныя, высокія горы, и небо принимаетъ ихъ въ свое голубое пространство. И вотъ савояру хочется пить; жажда пресыщенія томитъ его; онъ быстро протягиваетъ руку—но она хватаетъ отнюдь не желанную чашу. Слухъ полупробужденнаго поражается жалобнымъ пискомъ. Пятёрней онъ придавилъ только обезьяну или морскую свинку! Не страшнуй еще съ себя порядочно чарующаго обонянιά грезь, савояръ хочетъ снова забыться, но уже нѣтъ времени. Въ тусклое окно уже брежетъ сѣрый, мокрый день; сожители его уже нарядились въ свои лохмотья и ему самому пора собираться въ дорогу за хлѣбомъ себѣ и своему животному. Савояръ грустно почесываетъ голову и спѣшитъ въ обычное путешествіе на неопредѣленную удачу, имѣя для благополучія своего желудка и кошелька въ перспективѣ цѣлый Петербургъ и всѣ его окрестности.

Савояры никогда не бываютъ грустны: они уже свыклись съ своимъ бытомъ, и другое какое нибудь занятіе—мѣсто слуги, легкая работа въ теплыхъ комнатахъ, скоро могутъ имъ наскучить; жизнь кочующая привлекательнѣе для нихъ жизни осѣдой и обезпеченной, даже и тогда, когда они лишаются возможности прогуливаться по улицамъ съ обезьяною или морскою свинкой. Постигнутый великимъ савоярскимъ горемъ—смертью своихъ животныхъ, савояръ не изберетъ себѣ другаго ремесла; онъ будетъ ходить съ пустою коробкою и жалобно просить пособія, пока не будетъ въ состояніи купить новую. Жизнь савояровъ дѣлается тогда очень трудна, а между тѣмъ, несмотря на всѣ лишения, савояры никогда не задумаютъ упражняться въ попыткахъ осматривать незамѣтно какіе кто привыкъ носить въ своемъ карманѣ платки.

В. ТОЛБИНЪ.

ТРЕХТЪСЯЧНЫЙ ПЛЪНЪ У ВЕЛИКАНОВЪ.

(Статья первая.)

Со времени Гарсилассо-де-ла-Веги, знаменитаго историка Инковъ и завоеванія Перу, повѣствовавшаго, что «на югѣ Новаго Свѣта существуетъ, по перуанскимъ преданіямъ, земля, населенная великанами» Патагонія оставалась страной неизвѣстною. По словамъ этого же писателя, Магелланъ *собственными глазами* видѣлъ, въ 1519 году, многихъ изъ этихъ великановъ, имѣвшихъ до шести съ половиною локтей роста; одинъ изъ нихъ былъ даже до того высокъ, что матросы экипажа едва доставали ему до пояса. Кевендишъ (Cavendish), проплывавшій Магелланскій проливъ въ 1592 году, видѣлъ, если только вѣрить его разсказу, на западномъ берегу трупы двухъ патагонцевъ, длиною до четырнадцати локтей. Имѣвши случай измѣрить слѣдъ тоже одного туземца, сохранившійся на песку, онъ нашелъ, что длин. его превосходила вчетверо длину его собственной ступни. Капитанъ Кингъ, авторъ сочиненія: *Географическія замѣтки о западной оконечности Южной Америки, Огненной Земли и Магелланскаго пролива*, увѣряетъ, что руки и ноги патагонцевъ, сравнительно съ пропорціями цѣлаго тѣла, очень малы. О ростѣ патагонцевъ капитанъ Кингъ говоритъ то же самое, и по его словамъ, ростъ этотъ еще изумительнѣе тогда, когда туземцы сидятъ или ѣдутъ верхомъ, потому что верхняя часть ихъ туловища очень длинна и сравнительно непропорціональна съ короткими ногами. Слова Кинга подтверждаетъ и капитанъ Борнъ (Bourne) заглавіемъ своего интереснаго разсказа о пребываніи въ Патагоніи «Плѣнъ у великановъ».

Капитанъ Борнъ, офицеръ одного купеческаго судна (shoper), не принадлежитъ къ числу путешествующихъ съ ученою цѣлью; онъ, какъ многіе другіе, ѣхалъ въ Калифорнію искать счастья. Повѣствованіе его о жизни патагонцевъ имѣетъ, разумѣется, очень много сходства съ нравами и обычаями другихъ туземныхъ племенъ западной Америки, но онъ дополняетъ свои картины многими новыми извѣстіями, которыя тѣмъ интереснѣе, что касаются страны, куда до сихъ поръ никто еще не проникалъ и о которой никто ничего не знаетъ. До 1850 года не было сдѣлано даже ни малѣйшей попытки распространить между патагонцами благотворный свѣтъ Евангелія, несмотря на пламенное рвеніе и неустранимость миссіонеровъ, первоначальныхъ испанскихъ завоевателей и ихъ послѣдователей. Въ выше сказанномъ только году составилось въ Бристолѣ общество патагонской миссіи, основанное методистами съ цѣлью озарить эти варварскія, дикія, кочующія племена истинами христіанской религіи. Снявшись, въ сентябрѣ 1850 года, съ якоря въ Ливерпулѣ, миссія благополучно вышла на берегъ у мѣста своего назначенія, простившись съ кораблемъ, плывшимъ въ Калифорнію. Съ того времени до 1851 года, не было никакого извѣстія объ участи миссіонеровъ, покуда капитанъ Муршедъ (Moorshead), командующій королевскимъ англійскимъ кораблемъ Дидоной, отправленный для розысковъ, не привезъ самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ, что они все погибли отъ холода, голода и болѣзней; одинъ изъ нихъ, пережившій прочихъ до самаго послѣдняго страшнаго и торжественнаго часа, велъ журналъ ихъ долговременныхъ и жестокихъ страданій. Вотъ что пишетъ капитанъ Борнъ о своемъ пребываніи въ Патагоніи.

I.

Жажда къ золоту не превратилась еще въ общую эпидемическую болѣзнь, какою она явилась осенью и зимою 1848 года, когда общество двадцати-пяти искателей приключеній, отправлявшееся въ Калифорнію, отплыло изъ Нью-бедфордскаго порта на суднѣ John Allune, находившемся подъ командою Брунеля и старшаго по немъ Борна. Судно это, по легкости своего хода и удобству плаванія на немъ въ рѣкахъ, было нарочно избрано для такого дальнаго пути и, несмотря на свое достоинство, было какъ-то счастливо тѣмъ, что, несмотря на общее стремленіе и поспѣшность добывать золотую руду, при которыхъ трудно выбирать цѣлое общество приличныхъ пассажировъ, вмѣщало лишь путе-

шественниковъ, непредвѣщавшихъ никакихъ сильныхъ несогласій и необузданныхъ привычекъ и требованій. Мы подвiali паруса съ самыми блестящими надеждами, съ мечтами, въ которыхъ только и сверкало одно золото. Для избѣжанія остановокъ и опасностей, случающихся при обходѣ мыса Горна, было условлено попытаться пройти Магелланскій проливъ.

Судно наше отплыло изъ порта тринадцатаго февраля и въ продолженіе довольно долгаго времени все были очень довольны путемъ, исключая, разумѣется, его однообразія, когда вдругъ у корабля нашего оказались кое-какіе недостатки въ его устройствѣ. Самые нетерпѣливые, не обращая на это никакого вниманія, требовали, чтобъ продолжали плаваніе, но большинство голосовъ рѣшило зайти въ первую ближнюю гавань и исправить то, что было необходимо. Мы своротили поэтому къ Фернамбуку и бросили якорь на вѣтшнемъ рейдѣ 25 марта. Красота и безопасность фернамбукскаго рейда замѣчательны. Онъ защищенъ отъ напора волнъ почти перпендикулярнымъ утесомъ, закрывающимъ на три четверти пространство у его входа и несѣняющимъ, между тѣмъ, нисколько плаванія кораблей, имѣющихъ тамъ превосходную якорную стоянку. Отдаленный только на восемь градусовъ отъ экватора, Фернамбукъ согрѣвается лучами тропическаго солнца и походить на большую часть испанскихъ и португальскихъ городовъ, наполненныхъ высокими и массивными зданіями, имѣющими болѣе наружность замковъ, чѣмъ коммерческихъ конторъ и обыкновенныхъ жилищъ. Улицы его узки, неправильны и наполнены людьми и животными всехъ цвѣтовъ и всехъ формъ. Поселяне гонятъ по нимъ передъ собой своихъ мустанговъ (mustangs), муловъ и ословъ, навьюченныхъ разными продуктами; богатые и благородные прогуливаются, лежа въ своихъ паланкинахъ, между которыми мелькаютъ женщины, несущія въ маленькихъ боченкахъ, ведрахъ и кружкахъ, на головѣ своей воду, не прибѣгая нисколько къ помощи рукъ для поддержанія равновѣсія полныхъ сосудовъ. Женщины эти идутъ такъ же смѣло, такъ же развязно и скоро, какъ могутъ ходить только юнги. Это общее движеніе, разнообразіе лицъ, постоянный шумъ и говоръ придавали какую-то особенную прелесть нашимъ поѣздкамъ на берегъ. Многочисленныя фернамбукскія церкви не имѣютъ ничего замѣчательнаго въ своей наружности, что бы могло остановить на себѣ взглядъ, и только одно внутреннее богатство ихъ украшеній свидѣтельствуетъ, что благочестіе, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, не щадило ничего, ни излишняго, ни даже необходимаго, чтобы споспѣшествовать церковному благолѣпію.

Мы оставались въ Фернамбукѣ очень недолго, и потому я не рѣ-

шаюсъ пускаться въ исчисленіе его достопримѣчательностей. Запасшись веѣмъ нужнымъ, мы снова вышли въ море и до нашего прибытія къ проливу съ нами не случилось ничего достойнаго замѣчанія. Мы встрѣтились только съ однимъ или съ двумя кораблями. 30 апрѣля судно наше обогнуло мысъ Богородицы и направило рейсъ къ Магелланскому проливу. Въѣтъ съ нами, по одному пути и для одинаковой цѣли,плыли съ того времени два судна: Геба, изъ Балтиморы, и Гагеръ, изъ Нью-Йорка. Воспользовавшись безвѣтріемъ, остановившимъ насъ на нѣсколько часовъ предъ входомъ въ проливъ, капитанъ Брунель разсудилъ побывать на палубѣ Гебы. Онъ возвратился предъ наступленіемъ ночи, и мы, напутствуемые свѣжимъ западнымъ вѣтромъ, посѣщили войдти въ Магелланскій проливъ. Гареръ, какъ корабль болѣе опытный въ путешествіяхъ по этимъ морямъ, шелъ впереди. Около полуночи, пройдя миль двѣнадцать отъ перваго мѣста остановки, оба корабля бросили якорь.

На слѣдующее утро былъ совершенный штиль. Нѣкоторые изъ людей нашего экипажа, взяли маленькую шлюбку и отправились охотиться на берегъ. Они возвратились вскорѣ послѣ полудня, со множествомъ убитыхъ морскихъ птицъ. Черезъ нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, капитанъ Брунель также выразилъ желаніе выйдти на землю и приказалъ сдѣлать кое-какія приготовленія, какъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и попросилъ меня занять его мѣсто, чтобы зацастись какими нибудь свѣжими припасами, если представится возможность. Зная, по разсказамъ китоловозъ и другихъ мореплавателей о звѣрской природѣ туземцевъ, я не безъ отвращенія согласился исполнить просьбу капитана, и съ четырьмя человѣками, снабженными ружьями и большимъ мѣшкомъ съ хлѣбомъ и табакомъ, отчалилъ отъ судна къ берегу. Едва только мы къ нему приблизились, какъ толпа великановъ бросилась къ водѣ и начала насъ осматривать. Наружность и видъ ихъ нисколько не говорили въ ихъ пользу, и мы долго оставались, не смѣя пошевелить веслами. Дурные слухи о патагонцахъ не внушали намъ никакого желанія свести съ ними болѣе короткое знакомство.

Наконецъ я рѣшился издали окликать ихъ по испански и спросилъ: нѣтъ ли у нихъ яицъ, живности и мяса? Мнѣ отвѣчали тоже и гораздо лучше моего испанскимъ языкомъ, что все требуемое находится въ ихъ жилищахъ. Тогда я просилъ принести запасы къ берегу, замѣтивъ, что въ обмѣнъ ихъ у насъ есть съ собою хлѣбъ и табакъ. Покуда челнокъ нашъ окончательно не врѣзался въ землю, на переговоры истрачено было много времени. Чтобы предупредить попытку патагонцевъ украсть что нибудь, я сталъ у руля съ ружьемъ въ рукѣ,

приказывая моимъ спутникамъ не выходить изъ челнока; но, несмотря на мои приказанія, они не могли удержаться, чтобъ не соскочить на землю, общаясь только не удаляться.

Индійцы продали мнѣ нѣсколько кожъ, за которыя я заплатилъ имъ хлѣбомъ; и въ то время, когда мое вниманіе было развлечено этимъ мѣновымъ торгомъ, они уговорили моихъ товарищей углубиться съ ними подалѣе отъ берега. Когда я осмотрѣлся котомъ кругомъ, со мною остался только одинъ человѣкъ, котораго я тотчасъ же послалъ въ погону за прочими, приказавъ ему вернуть ихъ немедленно. Приливъ въ этомъ мѣстѣ материка возвышается и понижается на сорокъ-два фута. Челнокъ мой быстро врѣзывался все болѣе и болѣе въ песокъ, и такъ-какъ онъ былъ широкъ и тяжело нагруженъ, то мнѣ не было никакой возможности сдвинуть его съ мѣста на большую глубину. Во время моихъ безуспѣшныхъ попытокъ, одинъ изъ старшинъ и многіе другіе па-тагонцы уже успѣли влѣзть въ него. Я очень хорошо понималъ, что было неблагоприятно и неловко стараться выпроводить этихъ незваныхъ гостей, тѣмъ болѣе, что ихъ число никакъ не допускало даже мысли прибѣгнуть къ пособію силы. Однимъ словомъ: я находился совершенно въ ихъ власти, и тотчасъ же понялъ всю затруднительность и опасность моего положенія. Люди мои ушли Богъ знаетъ куда; глубоко завязнувшій челнокъ былъ наполненъ дикарями, между тѣмъ; какъ болѣе тысячи другихъ черныхъ великановъ наполняли берегъ. Судьбу, ожидавшую меня среди этихъ существъ, о которыхъ я слышалъ столько ужаснаго, можно было очень хорошо предвидѣть. Что оставалось мнѣ дѣлать? вопросъ, легче предлагаемый, чѣмъ разрѣшаемый, вертѣлся въ умѣ моемъ!

Послѣ безконечнаго ожиданія (и могло ли оно не казаться мнѣ такимъ среди обстоятельствъ, обращающихъ въ вѣка самыя краткія минуты), одинъ изъ моихъ людей возвратился къ берегу съ просьбою, позволить ему побывать въ туземной деревнѣ, находящейся, по его словамъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, въ которой обѣщали снабдить ихъ съ избыткомъ мясомъ, яицами и молокомъ. Я рѣшительно не согласился; но, несмотря на приказаніе—тотчасъ же войти въ челнокъ, онъ упорствовалъ въ своемъ требованіи и снова убѣдительно началъ упрашивать согласиться на общее ихъ желаніе; оно показалось мнѣ такъ неблагоприятно и опасно, что я настойчиво повторилъ разъ уже мною приказанное. Тогда матросъ, отозвавшись, что онъ поспѣшитъ уведомить о моемъ отказѣ своихъ товарищей и не замедлитъ вернуться съ ними, снова удалился. Неизвѣстно, какая причина могла задержать всѣхъ ихъ, только остальные несколько не смѣшили мнѣ повиноваться. Соскучившись ждать

ихъ и беспокоясь въ то же время о ихъ участи, я выпросилъ у одного патагонца его лошадь и поспекалъ по слѣдамъ бѣглецовъ. Въ пылу моего преслѣдованія, я перегналъ тѣхъ, кого отыскивалъ; и когда рѣшился повернуть назадъ, упрямый конь мой былъ противоположнаго намѣренія. Во время нашихъ обоюдныхъ усилій, удерживавшихъ насъ на одномъ мѣстѣ, я увидѣлъ моихъ спутниковъ, приближавшихся ко мнѣ тоже верхомъ позади толпы патагонцевъ. Напрасно я упрашивалъ ихъ возвратиться на корабль: искушеніе имѣть обѣщанное мясо, яйца и молоко и тонкая хитрость черныхъ ихъ путеводителей, усыпили въ моихъ товарищахъ самую обыкновенную осторожность. Переговоривъ поочередно съ каждымъ изъ нихъ и объяснивъ имъ все подозрѣнія, возбужденныя обстоятельствами, я снова возвысилъ голосъ и повторилъ приказаніе вернуться къ берегу. По всему было видно, что патагонцы обманули насъ. По словамъ ихъ, деревня должна была находиться въ самомъ маленькомъ разстояніи отъ мѣста нашей высадки, а между тѣмъ мы уже проѣхали почти съ милю и не замѣчали даже слѣдовъ какого нибудь жилья.

Рѣшившись вернуться къ челноку безъ нихъ, я обернулъ лошадь къ берегу; тутъ только спала личина, надѣтая дикарями. Патагонцы схватили за узду и не позволили мнѣ двинуться съ мѣста. Все мы сошли съ лошадей. Не знаю, что думали въ ту минуту мои товарищи; но я не перемѣнилъ намѣренія и хотѣлъ пѣшкомъ пуститься въ обратный путь; но прежде чѣмъ успѣлъ я приблизиться къ одному изъ четырехъ рѣшившихся за мною слѣдовать, какъ патагонцы выхватили у него изъ рукъ ружье. Условившись помогать другъ другу въ нашемъ отступленіи, мы ускорили шаги, но не успѣли ихъ сдѣлать и сотню, какъ замѣтили, что индійцы тоже рѣшились за нами слѣдовать. Верхомъ на лошадяхъ, они скоро обогнали насъ и, остановившись, преградили дорогу; но бросаясь изъ стороны въ сторону и смѣло отворачивая морды ихъ лошадей, мы все таки продолжали быстро подаваться впередъ. Усиленные движенія патагонцевъ показали намъ наконецъ, что рѣшительная минута настала. Я выхватилъ пистолеты (со мною была только одна одноствольная пара), но не успѣлъ еще ни одного порядочно зарядить, какъ съ полдюжины этихъ великановъ бросились на меня сзади. Одинъ изъ нихъ ухватился за стволъ пистолета; я прицѣлился ему въ голову и спустилъ курокъ—благодаря Бога онъ осѣкся! Выстрѣлъ непременно положилъ бы патагонца на мѣстѣ и, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ту же бы минуту остальные отметили бы на мнѣ и на моихъ спутникахъ смерть своего товарища. Это мнѣ легко понять и говорить объ этомъ теперь, но тогда, въ первую ми-

нута, увлекаясь борьбою за свою свободу, опасаясь даже за самую жизнь, которую считалъ обязанностью защищать противъ такихъ дикарей и противъ такой опасности, я разсуждалъ совершенно иначе.

Ко мнѣ подошелъ тогда одинъ пожилой старшина, схватилъ меня съ силою за руку и сказалъ:

— Usted no bono! usted hab la varmano por me casa muho, mala hombre currarhas. Muho montaro hombre!

Этимъ образчикомъ своей испанской галиматии онъ хотѣлъ мнѣ объяснить, что, обѣщавшись идти въ ихъ хижины и теперь отказываясь, мы стали въ ихъ мнѣніи ничто иное, какъ люди злые и ложные. Его густое и гортанное произношеніе еще болѣе дѣлало рѣчь его непонятной; но всякая критика была въ ту минуту тѣмъ неумѣстнѣе, что сильныя выразительныя движенія, сопровождавшія каждое слово, достаточно должны были помогать и моему слуху, и моему пониманію. Я спѣшилъ отвѣчать ему, что если онъ прикажетъ своимъ подчиненнымъ удержаться отъ всякихъ насилій противъ нашей личности, мы готовы слѣдовать за нимъ, куда ему будетъ угодно. А между тѣмъ патагонцы схватились уже за ножи, и только ожидали, кажется, знака, чтобы употребить ихъ въ дѣло. Старшина замѣтилъ это непріязненное и гибельное для насъ движеніе.

— Еще успѣемъ! проговорилъ онъ.

Я понялъ, что ему хотѣлось сперва получить рому и табаку за нашъ выкупъ, и потомъ уже окончить съ нами.

Въ промежуткѣ этихъ переговоровъ, одинъ изъ моихъ корабельныхъ спутниковъ, ближайшій ко мнѣ, замѣтилъ въ рукахъ у одного изъ патагонцевъ, стоявшаго невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ я продолжалъ сопротивляться, ружье свое. Онъ неожиданно бросился на похитителя и болѣе, разумѣется, ловкостью чѣмъ силой (потому что противникъ его, какъ и всѣ окружавшіе насъ патагонцы, были самыхъ огромныхъ размѣровъ) успѣлъ высвободить свое оружіе. Отскочивъ потомъ быстро въ сторону и взведя курокъ, онъ громко совѣтовалъ мнѣ, обрадованный своею удачею, послѣдовать его примѣру и попытаться подобнаго же счастья. Я только могъ взглядомъ одобрить совѣтъ его; такое предложеніе было для меня рѣшительно неудобноисполнимо въ настоящую минуту и я никакъ не могъ имъ воспользоваться. Одинъ изъ патагонцевъ уже схватилъ меня тогда за руки и за ноги, другіе обхватили меня по срединѣ тѣла, между тѣмъ, какъ прочіе принялись выворачивать и свѣдѣтельствовать мои карманы. Совѣтовавшій мнѣ матросъ также жестоко ошибся, полагая, что онъ успѣлъ оградить свою независимость отъ всякаго посягательства на нее. Не прошло еще и минуты, не успѣлъ онъ

порядочно уложить ружье на плечо, какъ очутившіеся вокругъ него, въ нѣсколько скачковъ, индѣйцы снова отняли у него драгоценную защиту его свободы.

Во все это время старшій начальникъ патагонцевъ не переставалъ жать мнѣ руку съ такою силою, какъ-будто держалъ ее въ тискахъ, удерживая, впрочемъ, своихъ подчиненныхъ отъ другихъ насилій, сильнымъ потряхиваніемъ полубоюженнаго мѣднаго ножа. Замѣчая въ немъ изъ этого движенія какое то расположеніе къ поступкамъ умѣреннымъ и несовершеннымъ кровожаднымъ, я принялся все болѣе и болѣе увеличивать выкупъ за свою свободу и жизнь, общая старику въ избыткѣ рому, табуку, хлѣба, мѣдныхъ и стеклянныхъ вещицъ, если только онъ согласится отпустить насъ и дозволить вернуться на челнокъ.

Успѣвъ наконецъ своими угрозами удалить отъ насъ на нѣкоторое разстояніе прочихъ черныхъ хищниковъ, старшина, кажется, уже рѣшился принять мои заманчивыя предложенія, потому-что вскочилъ съ живостью на лошадь и приказалъ мнѣ помѣститься сзади его, на хребтѣ. Я не заставилъ его повторять два раза такое приказаніе, и почитая себя уже на большой дорогѣ къ свободѣ, съ легкостью и цѣпкостью юнга, усѣлся за патагонскимъ предводителемъ. А между-тѣмъ, несмотря на его, быть можетъ, въ-самомъ-дѣлѣ первоначальное, доброе намѣреніе, политика его скоро измѣнилась. Къ намъ подкакалъ одинъ, изъ самыхъ безобразныхъ и рѣшительныхъ съ виду патагонцевъ, и, къ невыразимому моему ужасу, началъ совѣтовать не отпускать насъ. По его мнѣнію, я былъ капитаномъ корабля, и онъ утверждалъ, что, дозволить мнѣ возвратиться обратно на корабль, они ни за что уже не получатъ ни рому, ни табуку. Пораженный такимъ замѣчаніемъ, старикъ пріостановился и слѣзъ съ лошади, приказавъ сойти и мнѣ. Старшій патаговецъ повелъ потомъ своего коня на вершину одного пригорка, куда и я долженъ былъ за нимъ слѣдовать по данному мнѣ знаку. Тамъ онъ остановился, приказалъ мнѣ сѣсть на землю и дожидаться его возвращенія. Я слѣлъ, и взглядъ мой, сіяя самыми пламенными надеждами и туманясь отъ самыхъ сильныхъ сожалѣній, могъ свободно переноситься, не встрѣчая препятствія отъ нашего челнока къ нашему кораблю, стоявшему спокойно на якорѣ. Вскорѣ на вершину пригорка, на который я любовался такими драгоценными для меня предметами, приведены были и прочіе мои товарищи. Имъ также приказано было сѣсть на землю. По исполненіи этого приказанія, открылись съ нашей стороны самыя заманчивыя предложенія. Мы предлагали патагонцамъ столько рому и табуку, что, послѣ продолжительныхъ торговъ и переторжекъ, они наконецъ согласились отпустить троихъ изъ насъ, оставивъ чет-

вертаго заложникомъ; этотъ четвертый, разумѣется, былъ я. Я старался уговорить котораго нибудь изъ моихъ товарищей зиступить на время мое мѣсто, и уже нашель одного; онъ былъ почти согласенъ. Я ожилъ духомъ; но когда наступила рѣшительная минута, твердость и мужество его оставили, и онъ прибѣгнулъ ко всему своему краснорѣчію, что-бы выпутаться изъ затруднительнаго положенія и отговориться отъ даннаго имъ слова. Никакія великолѣпныя обѣщанія не могли опровергнуть его убѣжденія въ этой драгоцѣнной истинѣ, что лучше имѣть силу въ рукахъ, чѣмъ любоваться журавлемъ на небѣ.

Бѣднякъ! Я нисколько не имѣю права жаловаться на него за то, что онъ такъ дорожилъ своею свободою; мнѣ было лишь прискорбно то, что я долженъ былъ находиться въ такомъ ужасномъ положеніи единственно отъ ихъ же общаго упрямства, пренебреженія къ моимъ совѣтамъ и отъ ихъ же непослушанія моимъ приказаніямъ. Впрочемъ, будь я на мѣстѣ отказавшагося, вѣроятно, и я сдѣлалъ бы то же самое и не захотѣлъ рисковать за другаго своею свободою, а, можетъ быть, и даже самую жизнь. Но положимъ, что онъ и согласился бы исполнить мою просьбу, надо было знать, согласились бы патагонцы на такой обмѣнъ, считая меня самою цѣнною добычей? Итакъ, было рѣшено, что трое возвратятся на корабль, а я останусь принужденною жертвою самоотверженія.

Трое патагонцевъ усадили моихъ товарищей сзади себя на лошадей и поѣхали къ берегу. Нельзя выразить, какое болѣзненное чувство терзало меня, видя ихъ отъѣздъ. При мысли, что я оставленъ на произволъ дикарей, коварство и жестокость которыхъ были мнѣ уже извѣстны по рассказамъ и частію испытаны самимъ, мною овладѣло самое сильное отчаяніе.

Я чувствовалъ, что нахожусь уже внѣ круга моихъ прежнихъ товарищей, и завидовалъ имъ; послѣ я узналъ, что и они испытали лукавство туземцевъ и что патагонцы не желали отпустить ни одного изъ насъ.

Подѣхавъ на близкое разстояніе къ челноку, патагонцы остановились и не хотѣли ни сами податься впередъ, ни людямъ моимъ удалиться отъ нихъ; плѣнники освободились только силою, послѣ самой упорной схватки. Одинъ изъ нихъ бросился въ море, другіе вошли въ челнокъ, оттолкнули его носѣбно отъ берега и втащили къ себѣ плившаго въ ту минуту, когда онъ уже лишался силъ. Прибывъ на судно, они рассказали о нашемъ приключеніи и моемъ бѣдственномъ положеніи. Всѣ тогда принялись вытаскивать на палубу запасы рому и табаку, нужные для моего выкупа. Предъ наступленіемъ ночи, двѣ лодки,

наполненныя требуемыми предметами и снабженныя оружіемъ и зарядами, подъѣхали къ патагонскому берегу и вошли въ маленькую бухту.

Замѣтивъ ихъ прибытіе, я просилъ патагонцевъ подвезти меня къ нимъ; но они вмѣсто того, чтобъ согласиться на мою просьбу, приказали мнѣ взойти на вершину одного ближняго пригорка и дали въ руки старую кожу гуанако, чтобъ я, дѣлая ею знаки, звалъ людей нашего судна къ себѣ. Видя что туземцы хотятъ употребить меня вмѣсто ловушки, чтобъ и другихъ завлечь въ свои сѣти и взять въ плѣнъ, я рѣшительно отказался исполнить ихъ требованіе, объяснивъ патагонцамъ, что мои соотечественники, послѣ вчерашняго приключенія съ нами, ни за что не оставятъ своихъ лодокъ. Чтобъ получить желаемый ромъ и табакъ, патагонцамъ оставалось, слѣдовательно, только одно средство: самого меня вести къ берегу. Послѣ долгихъ разсужденій и не безъ видимаго неудовольствія, они наконѣцъ рѣшились на такую необходимость. Старшина приказалъ мнѣ сѣсть къ нему на лошадь, измѣнивъ въ этотъ разъ первоначальное мое положеніе: онъ усадилъ меня на грубо-выдѣланный деревянный станокъ сѣдла, а самъ помѣстился на хребетъ и, обвивъ меня своими длинными руками, началъ ногами управлять движеніями лошади. Въ такомъ положеніи подвезенъ былъ я почти къ самому берегу, близъ котораго, на полной водѣ держались наши лодки. Подъѣхавъ какъ можно ближе, чтобъ меня услышали, я началъ кричать матросамъ, чтобъ они ни въ какомъ случаѣ не стрѣляли въ патагонцевъ и отдали имъ все обѣщанное.

Товарищи отвѣчали мнѣ, что они привезли ромъ и табакъ, и спрашивали, что имъ дѣлать съ ихъ грузомъ. Я обратился къ патагонскому старшинѣ, объяснилъ, чѣмъ нагружены были наши лодки и спросилъ, доволенъ ли онъ?

— Дá, отвѣчалъ онъ мнѣ: и когда ромъ и табакъ будутъ на берегу, ты получишь свободу.

Довѣренность моя къ словамъ патагонца, какъ всякій можетъ догадаться, далеко была неполна; но вспомнивъ пословицу: кто ничѣмъ не жертвуетъ, ничего не пріобрѣтаетъ, я приказалъ нашимъ людямъ выгрузить ромъ и табакъ на берегъ, что они тотчасъ же и исполнили. Туземцы успѣшно завладѣли и тѣмъ и другимъ, и я снова началъ требовать, чтобъ меня отпустили. Въ отвѣтъ на это старый разбойникъ замѣтилъ, что рому было недостаточно и что ему нуженъ цѣлый боченокъ. Я настаивалъ, силясь вырваться, но тщетно: онъ держалъ меня поперегъ тѣла; и когда я замѣчалъ ему, что отъ объятій его мнѣ больно, патаговецъ еще сильнѣе сжималъ мою талию. Онъ догадывался, что, при малѣйшемъ ослабленіи его рукъ, я не премину этимъ восполь-

зоваться и буду стараться соединиться какъ нибудь съ своими товарищами, пользуясь близостью воды. Я началъ дѣлать уже самыя усиленныя движенія, какъ вдругъ онъ ударилъ ногами лошадь, какъ бы намѣреваясь оставить мѣсто размѣна. Это движеніе испугало меня и я, со всею силою присоединивъ къ ней всю тяжесть своего тѣла, началъ тянуть узду въ противоположную сторону; но разница между усиліями человѣческими и мощностью лошади, подстрекаемой ударами, была слишкомъ огромна. Я только успѣлъ закричать товарищамъ, чтобъ они возвращались на другой день и ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять меня во власти дикарей, что они и обѣщали мнѣ торжественно, какъ уже мы помчались назадъ отъ берега.

Патагонецъ быстро скакалъ пять или шесть миль, и мы скоро доѣхали до одной туземной деревни, въ которой старикъ остановился у своего вигамы и поручилъ меня надюру одной изъ своихъ женъ. Патагонка приказала мнѣ войти въ хижину и сѣсть на землю. Усѣвшись, я поспѣшно окинулъ кругомъ все жилище любопытнымъ и безпокойнымъ взглядомъ, и мое вниманіе тотчасъ же было привлечено нѣсколькими парами глазъ, сверкавшихъ страннымъ свѣтомъ въ одномъ темномъ углу. Я задумался и не зналъ, человѣческимъ ли существамъ, или дикимъ звѣрямъ принадлежать такія свѣтящіеся глаза; но, всмотрѣвшись внимательно, скоро увидѣлъ, что эти взоры устремляли три женщины—великанши. Продолжая свой осмотръ, я увидѣлъ въ этой темной хижинѣ еще множество чернокожихъ дѣтей различныхъ лѣтъ и различнаго роста, игравшихъ и ползавшихъ, подъ наметомъ, въ совершенно обнаженномъ состояніи. На все эти открытія я употребилъ довольно долгое время, потому что въ вигамѣ было очень темно, а жители ея были чернокожіе.

Вскорѣ послѣ этого вошелъ старшина и началъ разговаривать съ своими женами. Онъ произносилъ слова глухо и гортанно, и я никакъ не могъ постигнуть смысла его разговора, между тѣмъ, какъ мнѣ было очень любопытно хотъ догадаться, какъ передавалъ онъ рассказъ о дневныхъ происшествіяхъ, замѣчательныхъ по двойной добычѣ: табачной, ромовой и человѣческой.

Черезъ нѣсколько минутъ, по приходѣ родовачальника этой темной хижины, одна изъ женъ принесла нѣсколько сухихъ вѣтвей и травы; хозяинъ мой вынулъ изъ мѣдной коробки кремень, трутъ, кусочекъ стали — и трепещущее пламя быстро освѣтило всю внутренность патагонскаго жилища. При свѣтѣ его, я могъ любоваться образчикомъ патагонской архитектуры, благодаря за это удовольствіе свою судьбу. Хижина была устроена изъ жердей вышиною локтей въ восемь, соединенныхъ между собою на вершинѣ острымъ угломъ, подъ которымъ утвер-

жеда была горизонтальная жердь; два ряда жердей, параллельныхъ землѣ, довершали все устройство хижины, покрытой кожами гуанако, спитыми вмѣстѣ страусовыми жилами—единственными нитками, употребляемыми патагонцами. Кожи эти, натянуты на жерди, прикрѣплены къ землѣ маленькими деревянными колыями. Чтобы допустить присутствіе вѣшняго воздуха, туземные архитекторы протыкаютъ въ кожахъ нѣскольکو отверстій; но всѣ они вполнину прикрыты другими наружными кожами, такъ что вѣшній воздухъ и внутренній дымъ, за отсутствіемъ трубы, влетаютъ и вылетаютъ чрезъ скважины, какъ только можетъ быть имъ удобнѣе. Впрочемъ, первоначальный мой осмотръ удобства патагонской архитектуры былъ очень быстръ, потому что едва благопріятный блескъ огня дозволилъ взглядамъ моимъ предаться созерцанію, какъ уже невыносимый дымъ принудилъ меня крѣпко сомкнуть ихъ, и я скоро почувствовалъ, какое мученіе должна была бы испытывать вѣщина, еслибѣ животное кочилосъ живьемъ. Никакой долговременный навыкъ не могъ приучить мои глаза, ноздри и лёгкія сносить это неудобство. Очень часто, почти задыхаясь, я принужденъ былъ ложиться ничкомъ на землю и плотно прилегать къ ней лицомъ, потому что всякое другое положеніе было невыносимо и, я полагаю, для меня смертельно.

«Иныя рѣчи (сказалъ гдѣ-то Шекспиръ) бываютъ хуже чаднаго дома»; но даже воображеніе поэта не могло бы придумать ничего подобнаго въ этомъ послѣднемъ отношеніи хуже внутренности патагонской хижины, потому что мѣки, которыя я испытывалъ, уже не могли найти себѣ никакого сравненія, а между тѣмъ и старыи патаговецъ и его многочисленная семья, казалось, не могли нарадоваться на свое помѣщеніе. Они болтали, ворчали и строили разныя гримасы и ужимки съ такимъ самодовольствіемъ, какъ будто дышали самымъ чистымъ и благоухающимъ воздухомъ.

Мои размышленія и наблюденія были вскорѣ прерваны приготовленіемъ къ обѣду. Одна изъ четырехъ женъ моего хозяина, исполнявшая должность экономки и хозяйки, занялась страшной столь же простою и первобытною, какъ и хижина, въ которой должно было ее производить. Мое воображеніе невольно начало рисовать мнѣ призраки: быка, домашнихъ куръ и яицъ, обѣщаніемъ которыхъ патагонцы сманили моихъ людей съ челока и которыя были причиною моего плѣна; но я напрасно дожидался ихъ появленія. Если быки, куры и яйца не могли находиться въ распоряженіи патагонскаго старшины, то въ то время были, вѣроятно, куда вѣбудь далеко припрятаны.

Старая колдунья сбросила съ одной изъ жердей, поддерживавшихъ хижину, часть какаго то животнаго: собаки, гуанако, или какаго другаго—

воображенію предоставлялось полное право воспроизводить все животныя породы — и приступила къ своей обязанности. Потраसा мощнымъ кулакомъ старый мѣдный ножъ, она начала рубить имъ мясо направо и налево, покуда не искрошила весь кусокъ на части. Взявъ потомъ нѣсколько деревянныхъ палочекъ, заостренныхъ по концамъ, она надѣла на нихъ разрубленные куски, воткнувъ противоположные концы въ землю кругомъ огня, который былъ только довольно силенъ, чтобы окоптить и опалить мясо, но ни сколько не достаточно, чтобы его изжарить.

Но патагонцы дорожатъ, кажется, болѣе временемъ при кухонныхъ операціяхъ и не принимаютъ въ соображеніе послѣдняго обстоятельства. Прожорливому аппетиту ихъ некогда ждать этой степени гастрономическаго совершенства. Черная повариха сняла говядину сырую и, грязными руками разрывая ее на куски еще болѣе мелкіе, начала раздавать присутствующимъ, хватавшимъ свои порціи съ жадностью. Мнѣ также бросили одинъ кусокъ; но что мнѣ было съ нимъ дѣлать? Обѣдъ самаго гастрономическаго и роскошнаго альдермана не прельстилъ бы меня въ подобную минуту и въ подобномъ мѣстѣ! Я не могъ рѣшиться поднести ко рту такое кушанье, между тѣмъ, какъ семейство великана, какъ стая проголодавшихся собакъ, уничтожало все, что доставалось ему на долю, съ самымъ искреннимъ прилежаніемъ. Запустивъ въ эти куски, едва опаленные огнемъ, свои бѣлые зубы, все выказывали знаки самаго высшаго животнаго наслажденія.

Вдругъ старшина обернулся и, замѣтивъ, какъ мало чести оказываю я его гостепримству и хлѣбосольству, спросилъ меня ломанымъ испанскимъ языкомъ:

— Por que usted, no munge usted, usted carna? Esta carna muho bueno hombre por munge, se hombre, munge! (Зачѣмъ не ѣшь ты свое мясо? Это мясо очень хорошо, прекрасное кушанье. Ышь, ѣшь!)

Видя, что хозяинъ мой разгорячился и не зная, какія дѣйствія могли послѣдовать за его словами въ случаѣ отказа, я рѣшился исполнить его приглашеніе со всевозможною наружною охотой. Вкусъ этого невѣдомаго мяса показался мнѣ, впрочемъ, не такъ отвратителенъ, какъ его наружный видъ. Таковъ былъ мой первый обѣдъ у патагонскихъ великановъ, однообразный составъ котораго иногда измѣнялся отъ счастливыхъ успѣховъ охоты и травли. По окончаніи обѣда, старуха взяла широкій рогъ, вѣроятно, украшавшій когда-нибудь лобъ испанскаго быка, опустила этотъ рогъ въ кожаный большой мѣхъ и начала передавать изъ рукъ въ руки. Мѣхъ и рогъ были наполнены такимъ напштомъ, который, вѣроятно, не принадлежалъ къ тѣмъ первобытнымъ напшткамъ, какими утоляли свою жажду первые люди; отъ него то-

же вѣяло далеко несвѣжестью. Мнѣ пришлось опять побѣднть свое отвращеніе и пить какъ другіе.

Вернувшись въ свой уголъ къ потухающему огоньку, я предался самымъ горестнымъ мыслямъ. Странное и внезапное одиночество, въ которое я былъ ввергнутъ, мало вѣроятностей на успѣхъ и попытку къ побѣгу, страданія, на которыя я былъ осужденъ на неопредѣленное время, неизвѣстность намѣреній туземцевъ противъ моей личности — все это заставляло сжиматься и ныть мое сердце.

Мрачныя мои размышленія были разсѣяны отданнѣмъ мнѣ призаніемъ готовиться къ ночному успокоенію. Старая кожа гуанако, брошенная на мокрую землю въ одинъ изъ самыхъ тѣсныхъ угловъ патагонскаго хлѣва, предназначена была служить мнѣ постелью. Я помѣстился на ней какъ только могъ удобнѣе, а вмѣстѣ со мною и все семейство великана, по разнымъ мѣстамъ, подъ одною кровлей, и въ скоромъ времени удушливая атмосфера хижины огласилась разнозвучнымъ и разнотоннымъ храпѣньемъ. Мозгъ мой, волнуемый лихорадочными видѣніями и думами, не позволялъ мнѣ испытать сладости сна на моемъ неожиданномъ новосельи. Въ головѣ моей составлялись, одинъ за другимъ, планы побѣга, пробѣгали разнообразныя виды и средства освобожденія.

— Можно ли мнѣ выйти изъ хижины, не будучи замѣченнымъ? Могу ли я отыскать дорогу къ берегу?

Вотъ главные вопросы, которые занимали меня въ ту тревожную минуту. Сомнительный отвѣтъ на первый вопросъ былъ еще сомнительнѣе на второй.

— Если мнѣ и удалось бы добраться до берега, найду ли я тамъ челнокъ, на которомъ бы можно было удалиться отъ этой проклятой земли? Какъ мнѣ скрыться, и гдѣ скрыться до того времени, покуда мои товарищи пришлютъ за мною лодку? Таковы были вопросы, заданные мною самому себѣ. Патагонцы съ разсвѣтомъ дня, замѣтили бы мое бѣгство и, прежде чѣмъ я могъ бы дать чѣмъ-нибудь замѣтить нашему судну о моемъ присутствіи на берегу, погнались бы за мною на своихъ лошадяхъ съ своими собаками. Ни одной купци деревьевъ, ни одного кустарника не было мною замѣчено среди той пустыни, по которой увозили меня такъ недавно. Я старался придумать какую-нибудь хитрую уловку, но ни одна не представлялась моему воображенію. Мнѣ только оставалось: или бѣжать просто безъ всякой цѣли, или ничего не дѣлать; а первое казалось мнѣ также невозможно какъ второе. Однакоже, въ моемъ отчаяніи, я рѣшился сдѣлать попытку къ побѣгу.

Пролежавъ нѣкоторое время неподвижно, прислушиваясь къ храпѣ-

нiю многочисленныхъ сожителей, чтобы увѣриться, всё ли они заснули, я всталъ, воздерживаясь отъ самаго малѣйшаго шума и едва слышно, какъ тѣнь, началъ скользить къ выходу вигамы. Оглянувшись боязливо назадъ, я замѣтилъ, что старый старшина сдѣлалъ легкое движенiе. Онъ или притворялся спящимъ, или какой-нибудь шорохъ разбудилъ его въ такую критическую для меня минуту. Вернуться тотчасъ же на свою кожаную постель, значило бы выдать себя и открыть принятое намѣренiе, и потому я притворился прогуливающимся очень хладнокровно на открытомъ воздухѣ, и сталъ разсматривать звѣзды, которыя, казалось мнѣ, были не такъ неподвижны и не такъ устремлены на землю, какъ проклятые глаза моего хозяина, устремленные на меня. Я почелъ самымъ благоразумнымъ, по-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, вернуться въ мой уголокъ и снова лечь на гуанабовую кожу. Я замѣтилъ стараго патагонца на прежнемъ мѣстѣ; онъ храпѣлъ очень прилежно какъ-будто ничто не возмущало его сновидѣнiй. Въ продолженiе двухъ долгихъ часовъ потомъ я думалъ и передумывалъ о новомъ способѣ бѣгства и старался разрѣшить неразрѣшимую задачу. Наконецъ, когда мнѣ показалось, что всё заснули уже непритворно, я рѣшился на вторичную попытку: выползъ изъ хижины и спѣшилъ прежде всего спрятаться въ траву. Обманывался ли я? Нѣтъ! Бдительная пара глазъ слѣдила опять за каждымъ моимъ движенiемъ! Не было никакой возможности скрыться отъ бдительнаго присмотра ея двухъ тусклыхъ огоньковъ. Въ ту же минуту мнѣ послышались какъ-будто завыванья сотни волковъ и почти такое же количество собакъ бросилось, вслѣдъ за ними, мнѣ подъ ноги наперерывъ одна передъ другою. Бросившись обратно въ вигамъ со всею возможною мнѣ скоростью я споткнулся на длинную и толстую палку. Само Провидѣнiе посылало мнѣ это оборонительное оружье; я схватилъ его и, размахивая кругомъ, началъ расточать удары тѣмъ изъ собакъ, которыя были заносчивѣе и приближались на разстоянiи моего жезла. По возвращенiи моемъ на прежнее мѣсто, старый Парозильверъ (такъ назывался старшина) лежалъ попрежнему, растянувшись на самой срединѣ хижины, среди своихъ женъ и многочисленнаго поколѣнiя, и спалъ повидимому самымъ крѣпкимъ и безтревожнымъ сномъ.

Аргусовы глаза и коварство стараго патагонца, несчастный результатъ моей вторичной попытки и неопредѣленность новой, которую должно начинать мнѣ на слѣдующую ночь, въ ожиданiи свободы посредствомъ вторичнаго выкупа, перевернули вверхъ дномъ всё мои надежды, мысли и соображенiя. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ; я испытывалъ невыносимыя нравственныя мученiя; но, впрочемъ, къ утру мнѣ посчастли-

вилось впасть въ забытѣ, полное самыми тревожными, горячечными грѣзами. Мнѣ казалось, что я былъ вдали отъ хижины дикаря, на палубѣ нашего судна, которое несло къ какой-то опасной безднѣ на полныхъ парусахъ, надуваемыхъ сильнымъ вѣтромъ. Никто изъ экипажа не предчувствовалъ, казалось, опасности; одинъ я ее только видѣлъ и вполнѣ понималъ; между тѣмъ, подъ вліаніемъ какого-то кошмара, губы мои не могли произнести ни одного звука, и ни одинъ изъ моихъ членовъ не былъ въ состояніи сдѣлать даже малѣйшее движеніе, которымъ бы можно было мнѣ предупредить экипажъ о предстоящей ему участи. Я оставался прикованнымъ невидимою силой къ мѣсту, занятому мною на палубѣ въ нѣмомъ мученіи, тогда какъ корабль все ближе и ближе подвигался на встрѣчу роковой гибели. Нѣкоторые изъ матросовъ опрокинуты были силою порыва, другіе, сброшенные въ пѣнящіяся волны, боролись уже съ смертью, напрасно стараясь ухватиться за осколки мачтъ и другихъ частей разбитаго корабля. Въ минуту самаго ужаснаго безпорядка и всеобщаго отчаянія, когда надежда отклонить послѣдними усиліями страшную развязку, превращается въ безсмысленное спокойствіе безнадежности, я вздрогнулъ, открылъ глаза и не могъ нѣкоторое время понять и сообразить, гдѣ я и какимъ образомъ очутился въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Будучи поглощенъ дѣйствительно пучиной, неужели я былъ выброшенъ ею на твердую землю? Я провелъ рукою по глазамъ, чтобъ увѣриться, не заслоняетъ ли что мое зрѣніе и осмотрѣлся направо и налево. Знакомый уже видъ хижины, пепель вчерашняго камелька, старый патагонецъ и его странная семья, дверь, чрезъ которую онъ слѣдилъ за мною своимъ рысьимъ взглядомъ и до которой съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовала меня бѣшеная стая собакъ, убѣдили меня какъ нельзя болѣе въ существенности того положенія, которое бы я почти охотно промѣнялъ въ эту минуту на все ужасы моего сновидѣнія.

Мало по малу волненіе мое начало уменьшаться, и первые лучи солнца уже застали меня довольно спокойнымъ. Мысли мои пришли въ порядокъ; преувеличенное отчаяніе утихло: не вся еще надежда была потеряна! Слѣдовало только стараться уговорить патагонскаго старшину свезти меня къ берегу и начать новую переторжку. Увидѣвъ, что онъ проснулся, я подошелъ къ нему и началъ обѣщать и рому и табаку вдвое противъ вчерашняго полученнаго имъ количества; но онъ отвѣчалъ мнѣ съ какою-то безпечностью, болѣе или менѣе приговорною, и съ какимъ-то равнодушіемъ къ заманчивому предложенію, что онъ объ этомъ подумаетъ и что будетъ еще на это время. Я, напротивъ, настаивалъ и представлялъ ему всю необходимость ѣхать не мѣшкая, если

онъ точно желаетъ застать еще корабль нашъ на прежнемъ мѣстѣ и притомъ безъ той толпы провожатыхъ, которые вчерашній день слѣдили за нимъ по пятамъ: старый Парозильверъ, казалось, нисколько не намѣренъ былъ торопиться. Онъ взявъ свой ножикъ, вынулъ его изъ мѣдныхъ ноженъ и началъ точить на ржавой стальной пластинкѣ, пробуя время отъ времени остроту лезвія и поглядывая на меня какъ-то особенно значительно изподлобья и притомъ косвенно, какъ бы желая, чтобъ я не замѣтилъ его взгляда. Было ли это занятіе предшествоемъ какого нибудь насилія, заранѣе обдуманнаго, или только подготовленная эффектная сцена, чтобы поразить мое сердце спасительнымъ страхомъ — я не могъ разгадать этого, и понялъ очень хорошо только, какъ опасно было обнаруживать предъ дикаремъ свои, можетъ быть, напрасныя опасенія. Я рѣшился поэтому дѣйствовать на патагонскаго старшину видомъ безстрашія и присутствія духа и показать ему пренебреженіе къ опасностямъ: достоинства эти, сколько мнѣ было извѣстно, были уважаемы дикарями. Я подошелъ къ нему, попробовалъ въ свою очередь остроту лезвія и началъ самъ окончательно то дотачивать. Не довольствуясь похвалами красотъ ножа, я распространился въ изъясленіяхъ удивленія къ собственнымъ качествамъ стараго патагонца, какъ самаго великаго изъ туземныхъ предводителей чернаго племени, что было физически-истинно и совершенно-ложно морально. Начавъ потомъ снова обѣщать ему самое огромное вознагражденіе за веѣ его ласки, я очень ловко умѣлъ намекнуть ему о томъ, какъ будетъ ему выгодно ѣхать къ берегу ранѣе и какъ больше прійдется на его долю добычи рому и табаку, если провожатыхъ съ нимъ будетъ менѣе.

Прослушавъ довольно долгое время мои льстивыя выраженія, старикъ наконецъ рѣшился пойти за своею старою лошадыю. Я усѣлся за нимъ на хребтѣ и мы медленно поѣхали къ берегу. Къ моему несчастью, вѣтеръ дулъ порывами и челноку опасно было отваживаться по волнамъ, высоко набѣгавшимъ на землю. Три корабля стояли на новыхъ якоряхъ недалеко отъ прежняго ихъ мѣста. Геба стояла близъ оранской отмели, опасной для мореплавателей. Я узналъ впоследствии, что, попавъ на малую воду, въ которой она едва могла двигаться, она едва не разбилась; но пожертвовавъ нѣсколькими мачтами, успѣла наконецъ обогнуть отмель и вышла въ открытое море. Гагеръ стоялъ неподалеку отъ Гебы; наше судно расположилось гораздо выгоднѣе, и я надѣялся, что оно выдержитъ счастливо бурю.

Старый Парозильверъ, кажется, очень хорошо понялъ причину, препятствовавшую челноку нашему пристать къ берегу, какъ это было

мною обѣщано. Торгъ и размѣнъ отложены были до слѣдующаго дня и мы удалились тѣмъ же путемъ и въ томъ же положеніи, какъ и пріѣхали.

Когда, на другое утро, мы прибыли опять къ берегу моря, взоръ мой съ жадностью устремился на тѣ мѣста, на которыхъ наканунѣ сосредоточивались все мои надежды и ожиданія. Пусть представятъ мое отчаяніе: ни одного изъ кораблей не было видно на морской поверхности! Потонули ли они? Сорвало ли ихъ съ якорей и, противъ ихъ желанія, увлекло въ открытое море? или мои товарищи, послѣ того, какъ стихъ вѣтеръ, послѣ многихъ разсужденій, поплыли далѣе, оставивъ меня на произволъ собственной судьбы? Я предался самымъ разнообразнымъ предположеніямъ; но изъ всехъ ихъ было вѣрно только одно, что я остался во власти патагонцевъ. Съ отплытіемъ кораблей исчезла для меня всякая возможность къ побѣгу, а грядущее, такъ мудро сокрытое Провидѣніемъ, не представляло мнѣ, въ моемъ тогдашнемъ безнадежномъ положеніи, ни малѣйшей вѣроятности на избавленіе.

Когда, истолковавъ для себя все въ самую дурную сторону, я объявилъ моимъ новымъ повелителямъ, что буря, вѣроятно, поглотила все три корабля со всемъ экипажемъ и имуществомъ, это извѣстіе было, кажется, для нихъ очень пріятно. Они приняли его съ самымъ громкимъ адекимъ смѣхомъ и повидимому нисколько не сожалѣли о лишнемъ количествѣ рому и табаку, которое могли еще вымѣнить у мовъ товарищей за выкупъ моей свободы. Такая звѣрская радость еще болѣе увеличила мое отчаяніе. Все мое прошедшее принадлежало другому міру; я вступалъ, такъ сказать, въ новую сферу существованія. Предо мною разстилась угрюмая и безплодная страна; въ будущемъ представлялась мнѣ жизнь, чуждая малѣйшей человѣческой радости, осужденная на голодъ, холодъ, изнуренія, оскорбленія всякаго рода, быть можетъ, даже на непрерывныя мученія; нить этой жизни вполне зависѣла отъ малѣйшей прихоти дикихъ и тотчасъ могла быть прервана. По странному могуществу воображенія, какъ бы для того, чтобъ еще болѣе показать мнѣ весь ужасъ и всю тягость моего положенія, мысль моя переносилась на инныя картины, въ инныя мѣста. Мнѣ видѣлись веселыя лица, слышались вѣжные, милые голоса—предметы, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства. Мнѣ какъ-будто даже слышалось бѣненіе тѣхъ любящихъ меня сердецъ, которыя, нисколько не предчувствуя постигну ю меня въ въ одинъ короткій срокъ дня роковую напасть, наслаждаются спокойствіемъ и радостью. Грозная новость о моей судьбѣ пугливо пробудить ихъ отъ сладкой дремоты!

— Одинъ Господь можетъ теперь помочь мнѣ! вскричалъ я, потому что отъ людей мнѣ уже нечего надѣяться.

Возвратясь въ деревню и прибѣгая къ своимъ географическимъ воспоминаніямъ, я заключилъ однакожь, что пять или шесть дней пути къ западу достаточны, чтобъ дойти до «Голоднаго» порта, находящагося на проливѣ, ссыльнаго мѣстечка республики Хили, единственнаго пункта, въ которомъ я могъ войти снова въ сношеніе съ образованнымъ европейскимъ міромъ. Я посѣтилъ, поэтому, посовѣтовать патагонцамъ отправиться въ него со мною, прибавивъ, что это путешествіе осталось единственнымъ средствомъ выгодно сбить меня съ рукъ. Дикари отвергли мое предложеніе такъ быстро и такъ рѣшительно, что я никакъ не могъ понять предубѣжденія противъ этого мѣстечка. Впослѣдствіи я узналъ, что патагонцы въ неочень давнее время посѣщали эту часть Южной Америки для кражи лошадей и ихъ экспедиція увѣнчалась такимъ блистательнымъ успѣхомъ, что они нисколько не были расположены въ минуту моего предложенія показывать въ Голодномъ портѣ свои, еще не совсѣмъ позабытыя, фізіономіи. Серебро, ружья, пистолеты, ножи, мѣдъ, хрусталь, ромъ, табакъ—не знаю, чего еще не общалъ я имъ, ни сколько не скупясь ни на какія общанія, но они рѣшительно объявили, что не пойдутъ въ фаминскій портъ.

Какъ бы желая утѣшить и вознаградить меня за неудачное предложеніе, старый Парозильверъ общалъ свезти меня въ «Голландію», мѣстечко, которое, по его словамъ и убѣжденію, было гораздо лучше и благопріятнѣе для меня Голоднаго порта. На какой точкѣ твердой земли находилась эта «Голландія» Южной Америки, существовала ли она въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь дѣйствительно, кромѣ обманчиваго воображенія стараго начальника патагонцевъ—я рѣшительно не могъ угадать. Я спросилъ его о разстояніи этой «Голландіи» отъ настоящаго мѣста моего плѣна. Парозильверъ отвѣчалъ, что не можетъ опредѣлить съ должною точностью, кѣмъ было обитаемо это мѣстечко—американцами или англичанами? Старшина тоже не могъ дать прямаго отвѣта; онъ только объявилъ мнѣ, что тамъ живутъ отъ двадцати до тридцати бѣлыхъ людей и есть много рому и табаку. Парозильверъ общалъ отправиться со мною въ его «Голландію» на другой день. По какому направленію?—Парозильверъ показалъ мнѣ рукою на ту сторону, гдѣ находился Атлантическій океанъ.

— Слава Богу! подумалъ я: нужды нѣтъ, гдѣ находится эта «Голландія» и кѣмъ она ни населена, только бы не патагонцами.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго утра, но поѣздка въ «Голландію» была отсрочена по случаю неожиданнаго извѣстія.

Одинъ изъ туземцевъ, ходившій за чѣмъ-то къ берегу, объявилъ что корабль нашъ возвратился. Старшина, я и съ полдюжины патагон-

цевъ тотчасъ же отправились къ берегу при этой новости. Прибывъ къ заливу, мы точно увидѣли въ отдаленіи корабль, но корабль чужой, что очень хорошо можно было видѣть по вооруженію его мачтъ. Но все таки, еслибъ мнѣ можно было войти съ нимъ въ сношеніе и извѣстить о своей участи, онъ непремѣнно бы помогъ мнѣ. Войдя въ устье пролива, неизвѣстный корабль бросилъ якорь миль за пятнадцать отъ мѣста моего плѣненія. Я старался вразумить патагонцевъ, что, по случаю приближенія отлива, кораблю можно было подвинуться къ твердой землѣ не иначе, какъ съ возвышеніемъ воды, то есть къ ночи, и просилъ ихъ обождать до этого времени на берегу. Первоначально они согласились исполнить мою просьбу, но голодъ и жажда истощили ихъ терпѣніе прежде условеннаго срока, и они, желая удалиться, требовали, чтобы и я слѣдовала за ними. Я началъ убѣдительно упрасивать, представлять всю невыгоду и неблагоразуміе такого рѣшенія, и наконецъ снова успѣлъ убѣдить моихъ повелителей. Было рѣшено, что старшина проведетъ со мною ночь неподалеку отъ берега, а другіе возвратятся въ деревню. По удаленіи ихъ, мы развели огонь, который я поддерживалъ до утра съ бдительностью весталки. Старый Парозильверъ растянулся во всю длину, огородивъ себя отъ порыва вѣтра густымъ кустарникомъ, между тѣмъ, какъ я началъ употреблять все стараніе, чтобы огонь, разведенный мною, не потухъ. Предъ наступленіемъ ночи я примѣтилъ, что корабль поднялъ паруса и намѣренъ былъ отплыть снова въ открытое море. Я быстро схватилъ тогда горячія головки и началъ махать ими, бѣгая часа два взадъ и впередъ по протяженію берега. Корабль шелъ по прямой линіи; посреди окружавшей меня темноты можно было легко разглядѣть бѣлыя паруса его. Я собралъ новыхъ сучьевъ для нашего пламени и вскорѣ костеръ запылалъ самымъ сильнымъ огнемъ; чтобы лучше выдаться изъ мглы, я всталъ впереди самаго костра, началъ махать, вмѣсто сигнальнаго флага, моею фуражкой и поминутно поворачивался въ разныя стороны, чтобы дать явственнѣе увидѣть мой силуэтъ. Вдругъ сердце мое затрепетало отъ радости: на палубѣ показался огонь, остановившійся неподвижно на одномъ мѣстѣ. Не было сомнѣнія, что корабль снова сталъ на якорь, и именно противъ той самой точки, гдѣ былъ я и Парозильверъ. Несмотря на мучившій меня голодъ и на совершенное изнуреніе, я съ живостью бросался во все стороны и собиралъ сучья, чтобы увеличить какъ можно болѣе пламя моего спасительнаго маяка. Когда утренній отблескъ освѣтилъ окрестность, я увидѣлъ, что корабль точно стоялъ на якорѣ въ разстояніи мили отъ берега, такъ покойно и неподвижно, какъ морская птица, уснувшая на гладкой поверхности воды. Но вскорѣ на палубѣ замѣт-

но стало движеніе; начали подымать сперва маленькіе, а потомъ большіе паруса—и предметъ всѣхъ надеждъ моихъ, моихъ самыхъ пламенныхъ моленій, моихъ томительныхъ ожиданій въ продолженіе цѣлой ночи, сырой и холодной, быстро помчался по проливу, по всей вѣроятности, въ Калифорнію. Я еще слѣдилъ за его мелькающими вдали парусами глазами, наполненными слезъ, когда старый патагонецъ, бывшій, также какъ и я, на сторожѣ, видя, что предположенія наши не сбылись, поспѣшилъ за своею лошадыю, которая съ связанными ногами ржала неподалеку, стараясь щипать, гдѣ могла, тощую траву.

Едва успѣлъ я немного оправиться отъ тягостнаго чувства безнадежности, какъ новый корабль, родъ брига, вошелъ въ проливъ, по направлению отъ Дунгенесса.

«Ненужно отчаиваться», ободрилъ я самого себя: скоро встанетъ солнце и утреннія сумерки совершенно разсѣются, прежде чѣмъ корабль поровняется съ нашимъ костромъ. Онъ непременно долженъ меня замѣтить.

Твердо убѣжденный въ этой мысли, я приготовился встрѣтить новаго пришельца и удвоилъ свое рвеніе и дѣятельность. Я началъ бѣгать по берегу и искать какой-нибудь длинной палки, но напрасно; такой нигдѣ не отыскивалось; но нужда научить изобрѣтательности. За неимѣніемъ нужнаго, я замѣнилъ желаемую длину цѣлаго многими частями и собралъ нѣсколько маленькихъ, прямыхъ палочекъ; чтобы связать ихъ вмѣстѣ, я изорвалъ свое исподнее платье, присоединивъ къ нему шнуры отъ башмаковъ; фланелевый жилетъ служилъ мнѣ вмѣсто флага, и, разведя новый огромный костеръ, я началъ бѣгать по берегу, потрясая моимъ развернутымъ знаменемъ. Но по мѣрѣ того, какъ корабль подвигался впередъ, сердце мое снова болѣзненно сжалось, потому—что вѣтеръ дувшій къ берегу, вдругъ измѣнился. Чтобы воспользоваться его направлениемъ, нужно было плыть къ Огненной Землѣ. Наконецъ корабль поровнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы находились, но такъ близко къ противоположному берегу пролива, что вѣроятность быть замѣченнымъ мною уменьшалась. На палубѣ корабля двигались черные предметы, которые, конечно, были матросы или пассажиры. Увидать ли они меня въ подзорную трубку? Приплывутъ ли они на мои сигналы? Нѣтъ! Корабль продолжалъ удаляться отъ меня; скоро онъ сталъ едва замѣтенъ—и моя новая надежда на избавленіе лопнула, какъ блестящій мыльный пузырь!

Это былъ для меня рѣшительный, смертельный ударъ! Изнуренный голодомъ, холодомъ, усталостью и отчаяніемъ, я упалъ на землю и рыдалъ какъ ребенокъ. Въ первый разъ тогда я почувствовалъ вполне

всю тягость моего одиночества. Всѣ попытки, всѣ средства, всѣ надежды были напрасны; я не чувствовалъ въ себѣ ни силъ, ни рѣшимости дожидаться новыхъ счастливыхъ обстоятельствъ. Была минута, когда я упрекалъ себя въ томъ, что не бросился въ море, чтобы доплыть до брига; такое предпріятіе было, правда, невозможно, но я подвергался лишь опасности утонуть; я только рисковалъ жизнью!

Впрочемъ, я скоро опять успокоился; умъ мой такъ странно созданъ, что я не могу долго упадать духомъ. Спокойныя и рѣшительныя думы смѣняли малодушное отчаяніе. Какой-то внутренней голосъ говорилъ мнѣ, что мужчине стыдно отчаяваться предъ несчастіемъ. Я вспомнилъ истину: «Старайся самъ—и тебѣ поможетъ Богъ», и, приподнимаясь съ земли, принялъ твердое намѣреніе разсѣять мое отчаяніе по вѣтру и предаться съ мужествомъ и надеждою на Бога всему, что могло только ожидать меня въ неизвѣстномъ будущемъ. Во мнѣ произошла въ эту минуту необыкновенная перемена. Я чувствовалъ себя новымъ человѣкомъ, твердымъ, на все готовымъ, и на всѣ явленія, на всѣ событія смотрѣлъ съ этого дня хладнокровно и съ спокойнымъ сердцемъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, что о скоромъ освобожденіи мнѣ нечего было даже и мечтать. Патагонцамъ суждено было на неопредѣленный срокъ оставаться моими товарищами и сожителями, и мнѣ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ изучать ихъ нравы, обычаи и привычки, а въ особенности характеры, чтобы, при случаѣ, умѣть воспользоваться слабобою стороною и укрощать ихъ жестокость. Я рѣшился, во что бы то ни стало, войти въ ихъ довѣренность и усыпить ихъ бдительность, чтобы, при первомъ удобномъ случаѣ, если только могъ онъ когда представиться, бѣжать отъ нихъ.

II.

Патагонія, какъ она представилась моему взору, вполнѣ оправдывала географическія ея описанія. Это страна пустынная, бесплодная, печальная. Нужно побывать въ ней и дополнить своимъ присутствіемъ то, чего нельзя выразить словами, чтобы вполнѣ судить о ней. Наблюдатель, оборотясь спиною къ Магелланскому проливу, увидитъ предъ собою только огромное пространство, наполненное маленькими возвышенностями; но, напрягая зрѣніе въ западу, онъ можетъ замѣтить, что почти плоская страна эта начинаетъ измѣнять свой однообразный видъ. Длинная цѣпь горъ, протянутая отъ сѣвера къ югу, раздѣляетъ восточную часть Патагоніи отъ западной. Рыхлая и песчаная почва земли не производитъ никакой растительности, которая бы могла носить названіе

дерева. Мелкіе кустарники, малорослые древесныя побѣги одни только встрѣчаются повсюду; въ долинахъ растеть высокая, жесткая трава. Источники и ручьи рѣдки, и туземцы пользуются только водою ключей и прудовъ, встрѣчающихся въ долинахъ. Вода эта непріятнаго, затхлаго вкуса и часто даже вонюча.

Животныя породы не разнообразіе растительнаго царства. Гуанако, четвероногое, изъ породы ламъ, имѣющее нѣкоторое сходство, особенно по росту, съ жирафами, одно только многочисленно. Превосходя ростомъ оленя, легкія и быстрыя на бѣгу гуанако, бродять большими стадами по вѣсѣмъ патагонскимъ долинамъ и по всему протяженію Андъ. Мясо гуанако служитъ преимущественно пищею патагонцамъ; кожу гуанако они сушатъ вмѣстѣ съ шерстью, стараясь, сколько можно, сохранить ея натуральную мягкость и нѣжность. Особенное искусство, съ которымъ выдѣлываются кожи, кажется, обще вѣсѣмъ индійскимъ племенамъ, потому—что буйволовыя одежды, оленьи и медвѣжьи кожи и другіе мѣха цѣнныя и нецѣнныя, которые употребляются въ Европѣ какъ предметы роскоши или необходимости, приготавливаются индійцами Сѣверной Америки. Патагонцы разрѣзываютъ кожу гуанако на куски различной величины и сшиваютъ ихъ самыми разнообразными, причудливыми фасонами, такъ—что костюмъ каждаго имѣеть свою особенную форму и видъ. Изъ копытъ гуанако, патагонцы выдѣлываютъ себѣ подметки къ сандалямъ, если можно такъ назвать ихъ обувь; но это бываетъ только когда имъ приходитъ желаніе приварядиться и поспокойнѣе походить, что случается очень рѣдко.

Кромѣ патагонцевъ, гуанако имѣеть другихъ враговъ—*кугара*, или американскаго льва. Животное это менѣе своего африканскаго соименника и своимъ нравомъ и привычками походить болѣе на тигра. Шерсть его желтокоричневаго цвѣта, мягка, глянцевиата и гладка; формы очень красивы; нравъ свирѣпый. Охота за кугаромъ, впрочемъ рѣдкая и опасная, самое любимое препровожденіе времени патагонцевъ. Кромѣ этихъ звѣрей, въ Патагоніи водятся еще «shunk», которыхъ мясо употребляютъ въ пищу, четвероногое, похожее на лисецъ; преимущественно изобилуетъ она крысами, которыхъ въ ней неисчислимое множество. Изъ птичьихъ породъ замѣчательны только кондоръ, водящійся на Андахъ, и птицы похожія на страуса, но только гораздо менѣе африканскихъ. Птицы эти водятся въ долинахъ; рѣдкія ихъ перья обыкновенно бываютъ сѣраго или коричневаго цвѣта; мясо патагонскихъ страусовъ нѣжно и пріятнаго вкуса; но патагонцы въ особенности лакомы до ихъ жира. Какъ африканскіе страусы, патагонскіе бѣгають очень быстро, такъ—что самому искусному всаднику трудно ихъ догнать.

Климатъ Патагоніи суровъ до крайности. Гранича къ сѣверу Ріо-Негро, Патагонія почти вся лежитъ подъ 40 градусомъ западной широты. Въ пору моего плѣна, то-есть, въ маѣ мѣсяцѣ, погода Патагоніи очень походила на ноябрскую погоду въ Новой-Англійи. Холодные вѣтры, дующіе постоянно въ этой открытой со всѣхъ сторонъ землѣ, еще болѣе увеличиваютъ суровость температуры, которая необыкновенно переменчива близъ береговъ Магелланскаго пролива. Внезапные порывы вѣтра, равняющіеся ураганамъ, очень затрудняютъ мореплаваніе и съ такою силою гонять къ берегу волны, что трудно противиться ихъ теченію.

Патагонцы, по крайней мѣрѣ то племя, въ средѣ котораго бросила меня судьба, ведутъ жизнь кочующую. Бродя съ одного края страны къ другому, или за охотою, или просто по одной прихоти, они почти исключительно питаются мясомъ животныхъ и птицъ. Самую лучшую пищу и болѣе употребительную доставляетъ имъ гуанако; а плащъ, сдѣланный изъ кожи этого животнаго, сшитый страусовыми жилами и стянутый оволо шеи, составляетъ всю одежду патагонцевъ.

Съ перваго взгляда патагонцы кажутся настоящими великанами; свирѣпый и дикій видъ ихъ еще болѣе увеличиваетъ непріятное впечатлѣніе, производимое несообразнымъ, уродливымъ ростомъ. Никогда не случилось мнѣ видѣть такого высокаго племени; но я не могу никакъ, даже приблизительно, опредѣлить величину ихъ роста. Собственный мой ростъ, довольно большой, былъ для меня единственною мѣркою. Я очень свободно могъ стоять прямо подъ-мышками у многихъ изъ нихъ; другіе были еще выше, и всѣ превышали меня болѣе, чѣмъ на цѣлую голову. Плечи у патагонцевъ широки, грудь полна и выпукла, члены мускулисты и довольно-пропорціональны. Когда покидаетъ ихъ врожденная лѣность и что-нибудь ихъ воодушевить, или озлобить, патагонцы выказываютъ необыкновенную силу и мужество. Голова у нихъ большаго размѣра, скулы выдавшіяся, какъ у индійцевъ Сѣверной Америки, на которыхъ они походятъ и цвѣтомъ кожи, съ тою только разницею, что оттѣвки ея темнѣе и грязноватѣе. Лобъ патагонцевъ широкъ, но низокъ, такъ-что волосы сходятся почти съ бровями; глаза у нихъ большіе, обыкновенно совершенно черные или темно-каріе, очень блестящи, хотя выраженіе ихъ показываетъ мало смысленности. Волосы на головѣ патагонцевъ, густые, курчавые, жесткіе и спутанные какъ войлокъ, позволяютъ имъ обходиться безъ искусственныхъ шляпъ. Они никогда не стригутъ ихъ и носятъ раздѣленными на косы, на плечахъ впереди и на спинѣ сзади, а иногда прикрѣпляютъ къ вискамъ огромными завитками. По примѣру племени, болѣе образованныхъ, патагонцы

обращаютъ большое вниманіе на убранство и паружный видъ своего головнаго украшенія. Зубы ихъ прекрасной формы и необыкновенной бѣлизны, въ чемъ одномъ можно было бы имъ позавидовать. Огромныя руки и ноги довольно неразмѣрны съ прочими частями тѣла. Голосъ патагонцевъ глухъ, хриповатъ и гортаненъ. Слушая разговоръ ихъ, скоро и невнятно произносимыя рѣчи, можно было бы подумать, что они набрали себѣ въ ротъ горячаго пуддинга и жгутся имъ, стараясь поскорѣе проглотить. Вообще наружность ихъ выражаетъ тушуміе; но если всматриваться внимательнѣе, то изъ-подъ этой личины безсмыслія вдругъ поразитъ васъ мелькающее выраженіе низкаго плутовства и притворства; особенно когда они чѣмъ-нибудь воодушевлены или заинтересованы въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ необходимы всѣ ихъ умственные качества. Наружность патагонцевъ изумительно преобразуется и выказываетъ неожиданную понятливость и подвижность. Человѣку, побывшему съ ними довольно долгое время, не трудно подмѣтить въ этомъ племени сильную двуличность, которую трудно предположить съ перваго раза подъ такою варужною личиною безсмысленности. Подражательность ихъ превосходить всѣ описанія: въ этомъ отношеніи патагонцы могутъ поспорить съ обезьянами; а склонность ко лжи чуть ли не первенствующая, по ихъ понятіямъ, добродѣтель. Ложь такъ обыкновенна и общепринята у патагонцевъ, что нельзя сдѣлать шагу, не замѣтивъ ее. Мужчины, женщины, взрослые и малолѣтныя—всѣ заражены этимъ порокомъ въ высшей степени и, кажется, даже рождаются съ этою склонностью, стараясь съ лѣтами превзойти въ ней старшихъ. Никогда обнаруженіе истины не приведетъ патагонцевъ въ стыдъ и не поставитъ ихъ въ затрудненіе. Къ этимъ нравственнымъ чертамъ можно присоединить еще самое сильное коварство, непоумѣрное тщеславіе и пристрастіе къ похваламъ. Неопратность и отвращеніе отъ воды въ этомъ отношеніи, кажется, также какъ и ложь — врожденная болѣзнь патагонцевъ. Они никогда не умываются и лицо ихъ покрыто такимъ густымъ слоемъ сала и грязи, наросшей въ продолженіе многихъ лѣтъ, что натуральный цвѣтъ ихъ кожи можно замѣтить только мѣстами, когда, по какимъ-нибудь случайнымъ, независящимъ отъ ихъ воли причинамъ, отпадетъ искусственная кора, облепляющая всѣ части тѣла ихъ. Неужно при этомъ говорить, сколько такое состояніе помогаетъ размноженію безпокойныхъ насѣкомыхъ. Патагонцы усѣяны ими въ буквальномъ смыслѣ.

Патагонскія женщины не такъ велики ростомъ, какъ мужчины, но зато превосходятъ ихъ тучностью. Несмотря на то, что никто изъ патагонцевъ не имѣетъ понятія ни объ Алкоранѣ, ни о Магометѣ, стар-

шины ихъ имѣли четырехъ жень, многіе по двѣ и только самыя ничтожныя изъ туземцевъ по одной. Всѣ домашнія заботы, хлопоты и работы возложены на женщинъ. Онѣ ставятъ и снимаютъ хижины, отыскиваютъ съѣстные припасы, запасаются водою и стряпаютъ кушанье, если можно назвать стряпаньемъ ту первобытную кухонную процедуру, доторую я уже имѣлъ случай описывать. Онѣ почтаются рабынями, но между тѣмъ допускаются своими супругами и повелителями ко всѣмъ кошаннымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ и пользуются тѣмъ же самымъ комфортомъ, какимъ наслаждаются и мужчины. Но если случится супругамъ ихъ испытать какое-нибудь препятствіе, неудачу, или проигратъ; однимъ словомъ, если они бывають отчего-нибудь не въ хорошемъ расположеніи духа—все неудовольствіе и злоба падаютъ на ихъ беззащитныя головы: женщины надѣляются ударами самыми жестокими и перепосытъ ихъ съ терпѣніемъ и покорностью, достойными лучшей участи. Всѣ патагонянки до крайности любятъ разныя мелкія блестящія вещицы, какъ-то: хрустальныя осколки, мѣдныя и бронзовыя кусочки, яркіе суконныя лоскутки и тому подобное, которыми онѣ съ большимъ тщаніемъ украшаютъ себѣ шею. Нѣкоторыя изъ нихъ протыкають себѣ уши и вдѣваютъ въ нихъ бронзовыя или мѣдныя подвѣски, которыми украшаютъ иногда и своихъ дѣтей. Впрочемъ, кромѣ рома, табаку и хлѣба, они, кажется, ни въ чемъ не находятъ высшаго удовольствія. Мужчины расписываютъ или, лучше сказать, марають себѣ лицо и грудь какою то красноватою землей; древесный уголь также служитъ имъ косметическимъ средствомъ. Широкія, красныя полосы, соединенныя съ черными, перепутанныя въ самыхъ фантастическихъ уборахъ, бывають общею и любимую тѣлесною живописью патагонцевъ; женщины дѣлаются еще отвратительнѣе отъ смѣси глины, крови и жира, которую онѣ натирають себѣ все тѣло. Нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы назвать хорошенькими, если бы онѣ старались быть поопрятнѣе и не такъ заботились объ искусственномъ украшеніи ихъ природныхъ формъ.

Нравственность патагонцевъ не выше ихъ матеріальнаго просвѣщенія; развращеніе ихъ нравовъ равняется ихъ жестокости. Я не замѣтилъ между ними признаковъ существованія глубокой старости. Самые дряхлыя изъ патагонцевъ не были, кажется, старѣе шестидесяти лѣтъ. Все ихъ главное богатство состоитъ изъ лошадей, большею частью украденныхъ въ испанскихъ поселеніяхъ близъ Чили. Лошади эти маленькаго роста, дики, покрыты длинною и жесткою шерстью и, судя по ихъ тощему и изнуренному виду, болѣе годны на пищу воронамъ, чѣмъ для верховой ѣзды. Впрочемъ, между этими клячами встрѣчаются лошади хорошихъ породъ, ужъ, безъ всякаго сомнѣнія, гдѣ-нибудь украденныя.

Грубья сѣдла, употребляемая патагонцами, также, должно быть, добываются или гдѣ нибудь въ ближнихъ поселеніяхъ, потому-что сами они неспособны къ ремесламъ. Сѣдла эти сѣдланы изъ двухъ дощечекъ, связанныхъ между собою вдоль ремнями, имѣющихъ по обѣимъ сторонамъ округленныя возвышенности и стягиваются на хребтѣ кожанымъ ремнемъ, пропущеннымъ сквозь двѣ скажины, находящіяся по обѣимъ сторонамъ деревянныхъ половинокъ. Чаще всего эти грубья сѣдла замѣняются кожей гуанако. Патагонцы большею частью управляютъ лошадьми посредствомъ веревки, обвязанной вокругъ нижней челюсти. Нѣкоторые изъ всадниковъ употребляютъ удила, состоящія изъ деревяннаго сука, или желѣзнаго прута продѣтаго между челюстями и завязаннаго туго подъ нижнею. Шпоры патагонцевъ дѣлаются изъ дерева; шпинки ихъ бываютъ вершковъ шесть длины съ желѣзными наконечниками; эти самодѣльные шпоры прикрѣпляются тремя ремнями, изъ которыхъ одинъ проходитъ надъ щиколкой, другой надъ пяткой, а третій обвиваетъ всю ногу кругомъ. Всѣ патагонцы ловкіе и смѣлые наѣздники.

Старшина и главные начальники патагонскаго племени вооружены ножами или саблями. Мнѣ никогда не случилось видѣть у нихъ огнестрѣльнаго оружія, и я полагаю, что они не знаютъ его употребленія. Луки и стрѣлы, копыя и палицы—оружія, обыкновенно употребляемыя дикими и доведенныя у нѣкоторыхъ племенъ до самаго полнаго, губительнаго совершенства, также, кажется, неизвѣстны патагонцамъ. Прочіе патагонцы вооружаются ножами и bola, метательнымъ орудіемъ, которымъ они ловятъ и убиваютъ всякаго рода животныхъ. Bola состоитъ изъ двухъ круглыхъ камней, или двухъ свинцовыхъ пуль (если представится патагонцамъ случай гдѣ добыть ихъ), вѣсомъ съ фунтъ, привязанныхъ на обоихъ концахъ длиннаго, сажени въ три и болѣе, ремня. Когда патаговецъ гонится верхомъ за своею добычею, bola становится губительнымъ оружіемъ. Всадникъ держитъ въ рукѣ одну изъ пуль, или одинъ изъ камней, вертя другую часть ремня вокругъ головы съ необыкновенною скоростью. Когда ремень вытянется отъ движенія въ прямую линію, онъ бросаетъ его съ удивительною меткостью въ преслѣдуемое животное, и если не поражаетъ его смертельно, то непременно уже опутаетъ извилами ремня и, такъ сказать, пригибаетъ къ землѣ; ударъ ножомъ оканчиваетъ охоту.

Племя, которымъ начальствовалъ старшій Парозильверъ, состояло почти изъ тысячи человекъ. Замѣчая въ своихъ подчиненныхъ непростительныя увлеченія къ неповиновенію, старшій Парозильверъ прибѣгалъ къ видимымъ признакамъ своего могущества; онъ съ грознымъ видомъ

потрясалъ своимъ мѣднымъ ножомъ предъ глазами непокорныхъ — все приходило въ повиновеніе и порядокъ возстановлялся.

Дѣятельность также не принадлежитъ къ числу хорошихъ качествъ патагонцевъ; всѣ они очень лѣнны и ничто не бываетъ имъ, кажется, такъ тягостно, какъ тѣлесныя и умственныя упражненія. Даже на самую охоту они рѣшаются отпавляться тогда только, когда всѣ ихъ съѣстные запасы совершенно истощатся; но если въ такую рѣшительную и трудную для нихъ минуту настанетъ буря, очень часто случается, что они сидятъ дня два и три въ своихъ хижинахъ безъ всякой пищи. У нихъ, кажется, нѣтъ ни въ чемъ никакой опытности, никакой склонности къ усовершенствованію чего нибудь, и они вѣчно вращаются въ одномъ и томъ же первобытномъ кругу.

Съ перваго взгляда огромный ростъ патагонцевъ можетъ привести въ ужасъ; но мнѣ немного нужно было времени, чтобъ убѣдиться въ томъ, что ни у одного изъ этихъ великановъ нѣтъ врожденной храбрости. Это оправдали мои наблюденія; но къ тому же самому заключенію можно дойти, узнавъ только ихъ одну склонность ко лжи, коварству и предательству. Такія свойства никогда не бываютъ замѣчаемы въ натурахъ сильныхъ и могущественныхъ, и только употребляются людьми слабыми и малодушными. Для нападеній своихъ патагонцы всегда выбираютъ ночное время и никогда не наступаютъ на врага прямо лицомъ къ лицу, когда имѣютъ даже малѣйшій случай поразить его неожиданно сзади. Если же необходимость принудитъ ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ во время дня, они всегда нападаютъ на противниковъ въ массѣ, превышающей вдвое или втрое число ихъ. Суевѣріе еще болѣе увеличиваетъ ихъ природную трусость. Патагонцы вѣрятъ въ колдовство, заговоры, предсказанія и разныя предзнаменованія, которыя благоприятно или неблагоприятно дѣйствуютъ на человѣческую судьбу.

Я часто думаю, что если бы мнѣ можно было войти въ ихъ полное довѣріе и приобрести надъ ними какое нибудь мистическое вліяніе: какъ бы оно было мнѣ полезно! какимъ бы оборонительнымъ оружіемъ служила мнѣ эта власть и какъ бы она могла способствовать моему побѣгу! Я не замѣтилъ между патагонцами никакихъ признаковъ идолопоклонства, а также не могъ замѣтить ни въ рѣчахъ ихъ, ни въ ихъ нравахъ и обычаяхъ, имѣютъ ли они какое понятіе о существованіи Верховнаго Существа. Исключая одного случая — странной церемоніи, о которой я буду говорить ниже и которой поводъ и значеніе остались для меня непонятными — ничто, во все время моего пребыванія у патагонцевъ, не могло показать мнѣ, существуетъ ли у нихъ хоть какая нибудь религія. Людьми ли патагонцы? Этотъ вопросъ ча-

сто вертѣлся въ головѣ моей, но и его я не могъ разрѣшить. Все, что я зналъ до тѣхъ поръ о патагонцахъ, было извѣстно мнѣ отъ китолововъ, или въ европейскихъ колоніяхъ, сосѣднихъ съ Патагоніей; но нѣкоторыя обстоятельства, случившіяся во время моего пребыванія у этихъ великановъ, и собственные ихъ, хоть и не ясные, рассказы заставляютъ меня полагать, что патагонцамъ несовѣтъ несправедливо приписываютъ влеченіе попробовать, при удобномъ случаѣ, человѣческаго мяса. Благодаря Бога, я не былъ свидѣтелемъ такихъ пиршествъ; но одна мысль о нихъ не разъ обливала лобъ мой холоднымъ потомъ.

Прежнія мои привычки и прежній образъ жизни дѣлали для меня несноснымъ мое настоящее бѣдственное существованіе и позволяли съ трудомъ переносить суровость патагонскаго климата. Выйдя на берегъ, я былъ одѣтъ въ свой обыкновенный корабельный костюмъ: толстую куртку, панталоны, башмаки и кожаную лаковую фуражку. Нижнее мое платье было шерстяное; но, какъ уже я сказалъ выше, эта необходимая часть моего туалета была пожертвована, безъ всякой пользы, на устройство ручнаго телеграфа, которымъ я хотѣлъ подать признакъ о своемъ существованіи кораблямъ, замѣченнымъ мной въ водахъ Магелланскаго пролива. Жить, не перемѣняя бѣлья и одежды, спать безъ одѣяла, не отдѣляясь ни чѣмъ отъ грязной и влажной земли, кромѣ куска тонкой кожи гуанако, не говоря уже о другихъ подобныхъ обстоятельствахъ дикой жизни, было такъ рѣзко противоположно тому комфорту, которымъ я пользовался на нашемъ суднѣ. Первое время было мнѣ очень трудно сносить все эти неудобства моего новаго быта; но наконецъ я началъ привыкать и къ холоду, и къ дождю, и къ бурямъ, и ко всемъ измѣненіямъ патагонской температуры, снося все съ такимъ же стоическимъ хладнокровіемъ и безнечностью, съ какимъ сносили климатическія и жизненные неудобства черные великаны, неспытавшіе инаго быта съ самаго ихъ рожденія.

Немногое, извѣстное мнѣ о патагонцахъ, неслишкомъ было утѣшительно и не могло меня достаточно успокоить за безопасность моей будущности. Китоловы, отъ которыхъ имѣлъ я о моихъ черныхъ властителяхъ нѣкоторыя свѣдѣнія, сами были очень довольны, что знали о нихъ неочень подробно. Я долженъ замѣтить при этомъ еще то, что вообще все мореплаватели пристають къ этой странѣ Америки съ большими предосторожностями, и многіе опытные моряки рѣшительно отказываются сходить на твердую землю. Размѣны припасовъ съ туземцами производятся не иначе, какъ на челнокахъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, на полной водѣ и полныхъ вооруженными людьми. Въ числѣ немногихъ и мнѣ досталось грустное преимущество из-

учить вблизи и на опытѣ нравы и обычаи того племени, къ которому всѣ бѣлые имѣютъ такое глубокое отвращеніе и такую сильную боязнь.

III.

Едва только прошло мое первое отчаяніе и я собрался съ твердостью, какъ первую мою заботою было утолить мучившую меня жажду. Послѣ долгихъ и напрасныхъ стараній, отыскать гдѣ-нибудь поблизости прѣсную воду, я подошелъ къ морю, рѣшась проглотить нѣсколько глотковъ хоть соленой воды. Ожидая каждую минуту, что старшина погонится за мною съ толпою своихъ черныхъ подчиненныхъ и стаею собакъ, мнѣ вдругъ пришло желаніе, хоть на минуту, укрыться отъ его преслѣдованія, и я пошелъ съ этою цѣлю такъ близко отъ воды, что набѣгающія волны смывали слѣды мои. Пройдя большое разстояніе, я удалился отъ берега и углубился во внутренность страны, отыскивая благопріятное мѣсто, гдѣ бы можно мнѣ было вырыть въ рыхлой землѣ достаточную яму, чтобъ спрятаться въ ней и закрыться травой и сучьями. Эта счастливая мысль все болѣе и болѣе развивалась въ умѣ моемъ, когда вдругъ на одной изъ возвышенностей показался предо мною старый Парозильверъ съ однимъ изъ патагонцевъ. Я чистосердечно послалъ въ эту минуту и его самого и его спутника въ самую глубь Магелланскаго пролива, привѣсивая умственно имъ обоимъ самые тяжелые камни, чтобъ они не могли какъ нибудь всплыть на морскую поверхность, а между тѣмъ—Богъ да проститъ мнѣ невольное притворство—изъявилъ я самую искреннюю наружную радость и выразилъ самое большое удовольствіе, желая имъ показать, какъ дорога для меня подобная неожиданная встрѣча. Мало, повидимому, убѣжденный въ моемъ чистосердечіи, старый Парозильверъ двумя словами сухо приказалъ мнѣ помѣститься на лошадь позади его, и какъ я ни торопился исполнить его приказаніе, онъ повелительно и грубо повторилъ его. Въ продолженіе всего пути я почелъ выгоднымъ льстить ему какъ нельзя болѣе, осыпая похвалами его величіе, его нравственныя и физическія достоинства и снова началъ его просить, чтобъ онъ доставилъ меня въ «Голодный» портъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно: я свезу тебя въ Голландію.

Цѣлый день трясся я за нимъ на лошадиномъ позвоночномъ столбѣ по направленію къ мысу Богородицы. Въ продолженіе двухъ дней и двухъ ночей я ничего не ѣлъ и не пилъ, кромѣ нѣсколькихъ глотковъ воды, а въ день, предшествовавшій этимъ злополучнымъ двумъ суткамъ, мнѣ, какъ нарочно, какъ-то не было охоты наполнять желудка. Къ су-

меркамъ мы остановились у одного пригорка, возвышавшагося надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ раскинуты были шалаши патагонцевъ. Въ глазахъ туземцевъ мѣстоположеніе этого участка, вѣроятно, казалось превосходнымъ, но въ моихъ, оно было угрюмо и пустынно; а между-тѣмъ, видя, что Парозильверъ слѣдитъ за малѣйшимъ моимъ движеніемъ бдительнымъ взоромъ, я скрылъ свои печальныя впечатлѣнія въ самую глубь души. Въ концѣ этой ложбины или, лучше сказать, низкаго болота, паслись почти неисчислимые табуны лошадей, за которыми, не въ далекомъ разстояніи, видѣлось множество шалашей, или хижинъ, уже поставленныхъ, или приготавливаемыхъ къ постановкѣ сквавами (женщинами), единственными архитекторами въ Патагоніи. Вокругъ этихъ хижинъ, какъ докучливые рои лѣтнихъ мушекъ, играли толпы черныхъ дѣтей, наполняя воздухъ радостными криками. Это зрѣлище, казалось, привело стараго Парозильвера въ неизъяснимое удовольствіе, потому-что онъ остановилъ лошадь и предался безмолвному созерцанію. Впрочемъ, оно продолжалось недолго, и мы, поворачивая то вправо, то влево, не замедлили спуститься во вновь устроенную деревню и остановились у хижины старшины. Я не дожидаясь приглашенія и поспѣшно соскочилъ съ костяного своего сѣдла, на которомъ терпѣлъ такое долгое время самыя мучительныя истязанія.

Едва только мы расположились въ хижнѣ, я опять возобновилъ свое предложеніе везти меня въ «Голодный» портъ, добавивъ, что готовъ одинъ идти и просить, чтобы меня выкупили, если патагонцы не желаютъ сами сопровождать меня. Старый Парозильверъ повторилъ, что онъ не хочетъ даже и слушать объ этомъ ничтожномъ портѣ, потому-что намѣреніе его совершенно иное, и что онъ вымѣняетъ меня на ромъ и табакъ въ Голландіи, потому-что это европейское поселеніе въ избыткѣ изобилуетъ первымъ и послѣднимъ предметомъ.

Чрезъ три дня послѣ нашего кочевья на этомъ мѣстѣ, патагонское племя раздѣлялось. Я былъ порученъ надзору одному изъ главныхъ подчиненныхъ Парозильвера. Не знаю, существовалъ ли во всей Патагоніи другой подобный кровожадный мошенникъ, какимъ былъ мой новый надсмотрщикъ. Первое время я полагалъ, что моя настойчивость и безпрестанная просьба надоѣли старому патагонцу, и онъ рѣшился отъ меня отдѣлаться. Новый мой пристрагъ угощалъ меня, время отъ времени, разказами о своихъ звѣрскихъ подвигахъ, вѣроятно, съ цѣлюю поразить меня приличнымъ ужасомъ и покорить своему могуществу. Было бы долго и отвратительно повторять все слышанное мною и описывать тѣ выразительныя и ужасныя тѣлодвиженія, которыми сопровождались патетическія мѣста разказовъ, и потому я ограничусь только однимъ звѣрскимъ

случаемъ, который онъ повторялъ чаще прочихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Достоѣрность происшествія, слышаннаго мною отъ отвратительнаго дикаря, была мнѣ впоследствии подтверждена людьми, вполне заслуживающими довѣріе.

Около двухъ лѣтъ до моего плѣненія, англійскій бригъ Авонъ бросилъ якорь въ Вера Санта-Круцъ и капитанъ Этонч, командовавшій имъ, рѣшился сойти на твердую землю съ нѣсколькими челювѣками изъ своего экипажа, чтобъ купить у патагонцевъ лошадей, за которыхъ онъ заплатилъ имъ ромомъ, табакомъ и стеклянными вещицами. Получивъ условленное количество вещей, туземцы, по врожденному плутовству, отказались отъ своихъ обѣщаній и не хотѣли отдавать лошадей. Соскучась долго дожидаться, капитанъ намѣревался уже поднять паруса, когда патагонцы, какъ будто раскаявшіеся въ своихъ поступкахъ, начали ему дѣлать знаки, уговаривая возвратиться на берегъ. Обманутый капитанъ согласился послать къ берегу лодку, которая возвратилась съ семью или осьюму туземцами. Нужно замѣтить, что часть экипажа находилась въ морѣ на другой лодкѣ. Взобравшись на палубу, въ заднюю часть корабля, патагонцы окружили капитана Этона, показывая ему знаками, что лошади плывутъ вслѣдъ за ними, и въ то время, когда онъ, безъ всякаго подозрѣнія, подходилъ къ борту и нагнулся, чтобъ посмотреть, чтѣ происходитъ на берегу, дикари обнажили свои длинные ножи и пронзили ему сердце. Бросившись потомъ на трупъ его, они схватили его за волосы, приподняли къ себѣ на колѣни, перерѣзали ему горло и начали поражать новыми ударами, чтобы вполне увѣрится, что въ немъ не осталось ни искры жизни. Старшій лейтенантъ, на котораго они бросились потомъ, тяжело, но не смертельно раненный, успѣлъ спуститься въ люкъ и спрятался между грузомъ. Корабельнаго юнга постигла та же самая участь, какъ и капитана. Двое или трое матросовъ также раненные, тоже спустились въ нижнюю часть корабля и спрятались, между тѣмъ, какъ патагонцы поѣдали, пили и грабили все, чтѣ ни попадалось имъ подъ руки. Г. Дугласъ, находившійся въ то время на кораблѣ, умерщвленъ не былъ, но его связали, перевезли на берегъ и задержали. Другой пассажиръ, по имени Симмсъ, пытался освободить Дугласа и отдавалъ все, чтѣ отъ него ни требовали патагонцы за выкупъ его товарища; но эта готовность послужила лишь къ тому, что его также схватили и задержали. Г. Джонъ Гелль, съ которымъ читатель скоро познакомится покороче, рѣшился на третью попытку и отправился на берегъ. Онъ предлагалъ огромный выкупъ за обоихъ друзей, но съ нимъ поступили также, какъ съ Дугласомъ и Симмсомъ; къ счастью, на другой день онъ успѣлъ

убѣжать. Что же касается до Дугласа и Слимса, они были уведены во внутренность Патагоніи и, какъ полагають, умерщвлены и съѣдены, и я думаю, что это предположеніе не несбыточно. Совершенно разграбленный и опустѣлый, Авонъ съ остальною частью своего экипажа продолжалъ потомъ путь въ Монтевидео.

Я пробылъ десять дней съ презрѣннымъ участникомъ этого ужаснаго пропшества. Это былъ свирѣпый великанъ; но, впрочемъ, я не могу жаловаться, чтобъ онъ обходился со мною очень жестоко. Жизнь наша была однообразна: мы спали большую часть дня, пили чистую воду, если только гдѣ могли ее найти, и ѣли все, что только намъ ни попадалось; но, впрочемъ, не досыта. Дней черезъ десять все племя опять соединилось на условленномъ мѣстѣ и пробыло тамъ нѣсколько сутокъ. Патагонцы все это время проводили въ игрѣ, которая служить имъ единственнымъ развлеченіемъ и отрадою, покуда побужденія голода не подымутъ ихъ на охоту за гуанако.

Я уже сказалъ, что игра—господствующая страсть патагонцевъ и они предаются ей съ такимъ же увлеченіемъ, какимъ отличаются записные европейскіе игроки. Патагонцы употребляютъ для игры кусочки гузнаковой кожи, величиною почти съ наши обыкновенныя игорныя карты, на которыхъ изображены собаки и другія животныя, а равно разныя болѣе или менѣе кабалистическіе знаки, грубо нарисованные палочкой, обмакнутою въ смѣсь изъ глины, крови и жира. Въ противоположность европейскимъ условіямъ игры, патагонцы ставятъ ставку всѣ вмѣстѣ и такимъ образомъ проигрываютъ свои сѣдла, узды, ножи и все, чѣмъ только въ состояніи располагать. Страсть ихъ доходила иногда до того, что они срывали плащи, прикрывавшіе ихъ женъ, предоставляя бѣднымъ женщинамъ охраняться отъ холода, какъ онѣ заблагоразсудятъ.

Но гдѣ же находилась эта таинственная «Голландія», о которой такъ упорно твердилъ мнѣ старый Парозильверъ? Онъ увѣрялъ меня сперва, что до этого желаннаго мѣста не болѣе четырехъ дней пути, а между тѣмъ прошло уже десять въ постоянномъ путешествіи, когда я снова отважился повторить вопросъ о разстояніи Голландіи.

— Черезъ шесть дней мы пріѣдемъ, отвѣчали мнѣ на мое любопытство.

Шесть дней прошли также, какъ и прежнія десять, безъ всякаго видимаго приближенія, и на новый мой вопросъ, прибытіе наше снова было отерочено на шесть или на семь дней. Кажалось, что эта «Американская Голландія» удалялась отъ насъ по мѣрѣ того, какъ мы желили къ ней приблизиться.

Когда все племя снова соединилось, я начал просить старого Парозильвера взять меня опять въ свою хижину и подь свой присмотреть: къ моему удовольствію, онъ согласился довольно-охотно. Близь него я могъ пользоваться безопасностью, на которую не могъ надѣяться у другихъ туземцевъ; старикъ одинъ могъ защитить меня отъ своихъ злобныхъ и кровожадныхъ соотечественниковъ; послѣ Бога, онъ былъ моимъ единственнымъ покровителемъ. Вполнѣ убѣжденный въ могущество Парозильвера, я общалъ ему все, что только могло возбудить его аппетитъ и жажду и польстить алчности къ добычѣ; ко всему этому я пасулилъ еще множество подарковъ его женамъ и огромному потомству, упрасивая только объ одномъ, чтобы онъ свезъ меня въ какое нибудь мѣсто, населенное бѣлыми. Дѣйствуя въ духѣ той же политики и со всѣми домашними старшины, я съ самоотверженіемъ ласкалъ грязныхъ дѣтенышей, стараясь дать имъ понять прелесть всѣхъ тѣхъ вещей, которыя назначались имъ отъ меня въ подарокъ...

Когда я соучествовалъ охотникамъ, я всегда былъ увѣренъ что добуду себѣ къ вечеру что нибудь съѣтное, потому что патагонцы имѣютъ обыкновеніе разводить огонь и жарить часть дичи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была убита. Способъ ихъ приготовления мяса ничѣмъ не отличается отъ описаннаго уже мною способа жаренія мяса женщинами. Охотники развѣшиваютъ куски надъ огнемъ, коптятъ ихъ, болѣе или менѣе, и пожираютъ съ жадностью безъ соли и безъ всякой иной приправы, кромѣ самаго изумительнаго, никогда неудовлетворяемаго вполнѣ аппетита. Метода эта измѣнялась единственно только при приготовленіи страуса (такъ называю я по привычкѣ похожую на него патагонскую птицу). Птицу эту ощипываютъ, вынимаютъ кишки, наполняютъ ей внутренность горячими камнями, зашиваютъ потомъ кожу и жарятъ надъ щепломъ. Когда полагаютъ, что жаркое достаточно прожарилось, жилы страуса, разрѣзываются и огромная птица, которой мясо далеко превосходитъ вкусомъ мясо нашей домашней индѣйки, разрывается на части руками и уничтожается. Я было позабылъ при этомъ объ одной важной особености. Страуса покрываютъ слоемъ жира на полвершка толщины, который, растаявъ и впитавшись въ мясо, образуетъ приправу, очень уважаемую патагонскими Лукуллами. Если отъ охотничьихъ импровизированныхъ обѣдовъ остаются какіе нибудь куски, патагонцы привѣшиваютъ ихъ къ сѣдламъ и увозятъ съ собою. Куски эти, ударяясь о бока лошади, чрезъ нѣсколько времени покрываются лошадиною потною пѣной и потомъ до того приставшею къ нимъ пылью, что обращаются въ совершенно темную массу, по которой никакъ нельзя узнать ни первоначальнаго вкуса, ни породы животныхъ, къ которымъ она принадлежала. Эти куски

принимаются прекраснымъ патагонскимъ поломъ съ улыбкою благодарности и тотчасъ же уничтожаются съ выраженіемъ самаго полного удовольствія. Патагонцы нисколько не дорожатъ перьями своихъ страусовъ, несмотря на красоту ихъ и большое количество перьевъ, разносимое вѣтромъ по вѣсьмъ окрестностямъ, не стоить, по ихъ понятіямъ, труда собирать, чтобы воспользоваться ими для украшенія ихъ особъ, вмѣсто отвратительныхъ замазокъ, которыми они умащаютъ себѣ тѣло.

Огромныя патагонскія степи, въ которыхъ ничто не препятствуетъ погонѣ за дичью, исключая попадающихся время отъ времени кустарниковъ и болотныхъ камышей, гдѣ ничто не скроется отъ взора, очень благопріятствуютъ успѣхамъ туземной охоты. Двѣсти или триста конныхъ патагонцевъ, съ обнаженною головою, обвернутые плащами изъ кожи гуанако, вооруженные bola и длинными ножами, привѣшанными къ поясу, пускаются на добычу въ сопровожденіи безчисленной стаи собакъ.

По всему пространству степей, доступному зрѣнію, рисуются ихъ громадные силуэты, уменьшенные отдаленностью; они скачутъ развѣвая свои длинные волосы по вѣтру, все уменьшаясь и уменьшаясь, покуда густая подвѣшавшаяся на горизонтѣ пыль не скроетъ ихъ, какъ туманомъ, отъ взоровъ. Пыль эта служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что охотники подняли стадо гуанако, и что оно приближается; и въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени большое пространство земли какъ будто вдругъ оживетъ и задвигается. Это значить, что стадо, состоящее изъ пяти-сотъ или тысячи гуанако, помчалось впередъ съ ужасающею скоростью. Какое бы первоначально направленіе не приняли гуанако, они всегда слѣдуютъ по прямой линіи. Патагонцы пускаютъ лошадей своихъ во всю прыть, стараясь пересѣчь дорогу этому бурному, одушевленному потоку. Сблизившись со стадомъ на разстояніе двадцати или тридцати шаговъ, охотники отвязываютъ bola отъ пояса, развертываетъ его въ огромныхъ кругахъ надъ головою и мечутъ съ необыкновенною силой. Страшное метательное орудіе обыкновенно поражаетъ жертву въ шею или голову, обвивается вокругъ переднихъ ногъ и опрокидываетъ животное на землю. Очень рѣдко случается, чтобы патагонцы промахнулись и не поразили избранное ими животное.

По окончаніи охоты, принимаются тотчасъ же пластать добычу. Гуанако разрѣзаютъ животъ, вынимаютъ внутренности и вскрываютъ сердце и главныя вены, чтобы благопріятствовать истеченію крови, которую патагонцы пьютъ съ жадностью изъ пригоршней рукъ. Утоливъ свою жажду, охотники сливаютъ остальную кровь въ нѣкоторыя изъ внутренностей, которыя дѣлаются для нихъ впоследствии времени такими же изысканными кушаньями, какими славятся Арль, Ліонъ и

Болонь. Ребра и спинной хребетъ, очищенные отъ мяса, и голова гуанако бросаются въ пищу собакамъ. Остальныя части животнаго разрѣзываются на большіе куски вмѣстѣ съ кожею, связываются попарно и, перекинутые сзади сѣдла, отвозятся въ деревню. Возвратясь въ свои хижины, всадники никогда не берутъ на себя труда снимать привезенную добычу, они молча остаются на сѣдлѣ облокотясь на гриву, до тѣхъ поръ, покуда женщины не унесутъ части гуанако на надлежащее мѣсто. Тогда только патагонцы слѣзаютъ съ лошадей, разсѣдываютъ ихъ и пускаютъ на волю.

Во время нашего кочевья на этомъ новомъ мѣстѣ, между патагонцами обнаружилось самое сильное неудовольствіе и размолвка; нѣтъ сомнѣнія, что я былъ этому причиной. Большая часть черныхъ жителей питала противъ меня враждебные замыслы. Чтобы отвратить собиравшуюся надъ головою моею грозу, мнѣ нужно было болѣе чѣмъ когда либо расточать обѣщанія, льстить прихотямъ и порокамъ патагонцевъ и имѣть для каждаго, самаго ничтожнаго изъ нихъ, наготовѣ самыя медовыя рѣчи.

Съ первой минуты, когда я вступилъ на эту землю, туземцы приняли меня за капитана корабля и за лицо значительное; такое заблужденіе было несправимо и гибельно для моего освобожденія. Волею и неволею я принужденъ былъ поддерживать до конца эту важную роль и даже увеличивать для своей пользы предполагаемое важное мое значеніе. Впрочемъ, патагонцы такъ лукавы, что трудно проникнуть ихъ мысли, и я никогда не могъ положительно узнать, какое именно особа моя производить на нихъ впечатлѣніе. Когда я расточалъ свои обѣщанія, старшина пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ бы желая проникнуть въ самую глубину моихъ помысловъ. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго времени, я успѣлъ пріобрѣсти кое какую самостоятельность, разсказывая патагонцамъ, нисколько не запинаясь, такія правдоподобныя приключенія, какія, вѣроятно, не случались и съ знаменитымъ барономъ Мюнхгаузенемъ. Я вскорѣ сталъ любимымъ разсказщикомъ цѣлаго племени, и нужно при этомъ замѣтить, не только не безъ удовольствія, но даже и не безъ пользы. Сказками моими, и въ особенности чудеснымъ ихъ содержаніемъ, соображаясь съ моимъ наблюденіемъ, я видимо ослаблялъ таившуюся противъ меня между большимъ числомъ патагонцевъ ненависть и пріобрѣталъ себѣ приверженцевъ. Не опасаясь встрѣтить между этими первобытными слушателями недовѣріе въ томъ, что я стараюсь только тѣшить ихъ выдумками, я полными пригоршнями почерпалъ себѣ источникъ для разсказа изъ приключеній Синдбаба-мореходца и другихъ чудесъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь», иногда

даже изъ лукавыхъ запискахъ Жиль Блаза, факты которыхъ, перемѣшивая съ истиннымъ сказаніемъ Синдбаба, сопровождалъ всегда самыми краснорѣчивыми тѣлодвиженіями.

Патагонцы сживали около меня по нѣскольку часовъ сряду, выпуча глаза и развѣсивъ уши, прислушиваясь къ каждому моему слову съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ прислушиваются къ рассказамъ маленькія дѣти. Перемѣшивая клочки испанскаго своего языкознанія съ патагонскими словами, которыя мнѣ посчастливилось запомнить, я растягивалъ нити своихъ занимательныхъ для туземцевъ исторій до нескончаемой длины съ гениальною эластичностью. Иногда, по общему требованію любознательной публики, старшина приказывалъ мнѣ снова пересказывать ту же самую сказку, что было въ первое время для меня очень затруднительно по причинѣ разныхъ дополненій, пропусковъ и вариантовъ, которые я невольно дѣлалъ, не твердо удерживая въ памяти все сказанное прежде; но вскорѣ, принявъ все предосторожности и подражая дѣтямъ, которыя, чтобы лучше запомнить, загибаютъ листья у книги, или индійцамъ, которые ломаютъ на новомъ пути сучья незнакомыхъ имъ деревъ, чтобы лучше найдти опять старую дорогу, я могъ начинать ту же самую Одиссею, въ самыхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ столько разъ, сколько имъ было угодно.

Раздраженіе, которое я замѣтилъ противъ себя въ нѣкоторой части патагонскаго племени, казалось мнѣ совершенно прошло, когда, въ одну ночь, я долженъ былъ удостовѣриться, что пламя не переставало таяться подъ пепломъ. Въ тотъ обычный часъ вечерняго отдыха, когда я приготовился къ приказанію удалиться, какъ собака, въ мой душный уголъ, одинъ изъ патагонцевъ, великанъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, лицо котораго мнѣ не нравилось болѣе прочихъ, вдругъ неожиданно вошелъ въ хижину и обмѣнялся съ моимъ хозяиномъ шопотомъ нѣсколькими словами. Не понимая ничего, что онъ говорилъ, я очень хорошо замѣтилъ, по ихъ черезчуръ значительнымъ взглядамъ, что предметомъ ихъ разговора былъ единственно я, и что исходъ его не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго. Великанъ оставался въ хижинѣ очень недолго. Посидѣвъ немного въ раздумьи, старый Парозильверъ быстро поднялся съ земли и приказалъ мнѣ за нимъ слѣдовать.

Разумѣется, что первый вопросъ мой былъ: куда онъ намѣренъ вести меня и за чѣмъ?

— Иди за мной! отвѣчалъ только мнѣ лаконически патагонскій старшина.

Въ недалекомъ разстояніи отъ нашей хижины я замѣтилъ довольно значительное число патагонцевъ, усѣвшихъ кругомъ на землѣ. Зрѣлище

это заморозило въ жилахъ моихъ всю кровь; въ головѣ моей промелькнули самыя грустныя предположенія. Не нужно быть угадчикомъ, чтобъ понять всю важность значенія этого патагонскаго собранія. «Роковое живое кольцо», такъ справедливо приводящее въ ужасъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ несчастная судьба когда либо предавала на произволъ нѣжнаго состраданія и человѣколюбія дикихъ, было образовано для моей особы. Неожиданность такго удара еще болѣе увеличила мой ужасъ; умъ мой совершенно помрачился и я остался на мѣстѣ какъ окаменѣлый. Я видѣлъ ясно, что, безъ особеннаго милосердія и покровительства Провидѣнія, кровавая трагедія должна была надо мною окончиться и что развязка ея близка; а между тѣмъ, волею или не волею, я долженъ былъ вступить въ этотъ смертельный кружокъ. Въ краткій промежутокъ времени, который мнѣ остался, чтобъ подойти къ сборищу патагонцевъ, мысли мои устремились съ молитвою къ Тому, чье око и всемогущество могли одни спасти меня отъ неизбѣжной опасности, если только Его правосудная десница сама не опредѣлила срока для моей жизни.

Подошедши къ кружку, я увидѣлъ, что патагонцы сидѣли на льду, и снѣгу, согнувшись на корточкахъ; они ожидали насъ съ своими мѣдными ножичками и огромными ножами, спрятанными подъ кожаными плащами. Я видѣлъ, что мои черные сожители готовились порѣшить со мною окончательно, потому что, безъ важныхъ причинъ, они никогда не берутъ съ собою никакого оружія. Мнѣ приказали войти въ патагонскій кругъ и я усѣлся въ немъ какъ только могъ ближе къ моему хозяину. Тогда каждый патаговецъ, поочередно, началъ ораторствовать на своемъ глухомъ нарѣчій. Слова горныхъ дикарей были почти для меня непонятны; но глубокая ненависть, сверкавшая въ глазахъ ихъ и на лицахъ и черезчуръ одушевленные и рѣзкія тѣлодвиженія нѣкоторыхъ произносившихъ свои краснорѣчивыя рѣчи, не позволяли мнѣ нисколько сомнѣваться въ настоящемъ смыслѣ ихъ краткихъ періодовъ; большая часть требовала немедленно моего умерщвленія; другіе были, кажется, еще въ нѣкоторой нерѣшимости или, по крайней мѣрѣ, выказывали намѣренія отсрочить на нѣкоторое время мою смертную казнь. Эти послѣдніе говорили менѣе и были гораздо хладнокровнѣе, но ни одинъ голосъ не возвышался, между тѣмъ, въ полную мою пользу. Старый Парозильверъ, какъ старшина началъ рѣчь послѣдній.

Если такъ можно поэтически выразиться—я повисъ на губахъ его; слѣдя съ тревожнымъ трепетомъ за игрою его фізіономіи и за его тѣлодвиженіями; я понялъ, что онъ соглашался съ мнѣніемъ еще немного побережь меня, чтобы имѣть приманку для привлеченія другихъ. Въ рѣчи своей старшина напомнилъ кровожаднымъ ораторамъ

также и о моихъ обѣщаніяхъ—огромномъ количествѣ табаку и рому и о разныхъ игрушкахъ ихъ женамъ и дѣтямъ, которыя я предлагалъ за свое освобожденіе. Къ этому онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, прежде чѣмъ покончить со мною, нужно воспользоваться обѣщаннымъ и имѣть предлагаемое въ своихъ рукахъ. Слова его имѣли, какъ мнѣ показалось, большое вліяніе на разногласіе рѣшенія патагонскаго совѣта; все на минуту смолкли и начали разсуждать между собою шопотомъ. Тогда я рѣшился на послѣднюю попытку и полагая минуту благоприятною, самъ выступилъ на сцену, чтобы защищать свое колеблющееся дѣло. Дозволеніе произнести тоже рѣчь въ свою очередь было мнѣ дано безъ всякаго затрудненія. Старый Парозильверъ взялся служить мнѣ переводчикомъ, передавая каждое мое слово съ удвоеннымъ выраженіемъ, что еще болѣе увеличивало силу и краснорѣчіе моего ораторскаго обращенія къ дикимъ. Я не могу безъ смѣха вспомнить въ настоящее время ту торжественную рѣчь, которая заключалась въ наборъ исковерканныхъ испанскихъ словъ и выраженій такого, или почти такого содержанія:

«*Buenos senores! me mucho grande americane capitan, mismo commandant, mucho mass, mucha barca, mucha galeta, muchos soldados, muchos marinarios, me tene mucho, mucho big guns, bastante poquito, mismo bastante, cutlass, pistols, mucho bastante. Vuestros hombres, buenos per me, mi marinarios, mi soldados buenos per vos. Otro corso usted malo gumpе me...*» и прочая и прочая.

Этимъ смѣшаннымъ вавилонскимъ нарѣчіемъ, состоящимъ изъ языковъ англійскаго, испанскаго и частью патагонскаго, усиленнымъ разными отчаянными гримасами и тѣлодвиженіями, я хотѣлъ дать понятіе патагонцамъ, что они имѣли дѣло не съ обыкновеннымъ человѣкомъ, но съ такимъ значительнымъ лицомъ, которое на своей родинѣ (въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, о которыхъ удавалось имъ, вѣроятно, отъ кого-нибудь слышать) нисколько не ниже и не менѣе самаго президента, сановника, имѣющаго въ своемъ распоряженіи корабли, двигающіеся и силою паровъ и силою парусовъ, множество солдатъ и мотросовъ, пушекъ, ружей, пистолетовъ и ножей. По исчисленіи всей этой власти и величія, я рѣшительно объявилъ моимъ слушателямъ, что если они будутъ поступать со мною благосклонно и человѣколюбиво, то и мои подчиненные поступятъ съ ними такъ же, и щедро вознаградятъ ихъ; въ противномъ же случаѣ, если они покусятся сдѣлать мнѣ хотя малѣйшее зло, изъ Сѣверной Америки къ землѣ ихъ пристанутъ столько людей, сколько нѣтъ на головахъ ихъ даже волосъ, и что эти люди истребятъ не только ихъ, но даже ихъ женъ и дѣтей. Къ этой угрозѣ я добавилъ, что если патагонцы согласятся предста-

вить меня въ какое-нибудь мѣсто, населенное бѣлыми, американцами а англичанами, французами или испанцами, то я прикажу выдать имъ столько рому, табаку, хлѣба, муки, рису, сахару и чаю, сколько они сами пожелаютъ, и что люди бѣлаго происхожденія, какой бы они ни были націи, ни минуты не замедлятъ пожертвовать всѣмъ, что-бы услужить такой важной особѣ, какъ я.

Слова мои видимо не падали на бесплодную почву. Разинувъ отъ удивленія рты, патагонцы слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ, и звѣрское выраженіе ихъ лицъ стало смягчаться. Было рѣшено дождаться исполненія моихъ обѣщаній. Миѣ даже обѣщали доставить меня чрезъ нѣсколько дней въ Голландію, но я зналъ, что это значило. Впрочемъ, Голландія ихъ, о которой такъ часто они вспоминали, не была мистификаціей, какъ показали потомъ обстоятельства, и медленность въ отправленіи меня въ это европейское поселеніе происходила отъ недовѣрчивости къ моимъ словамъ и нерѣшимости какъ поступить со мною. Патагонцы такъ же сильно, какъ и я, желали отправиться въ образованную колонію, чтобы пріобрѣсти такія лестныя вещи, каковы ромъ, табакъ, мука, и прочее; но мысль: не попытаюсь ли я какъ-нибудь скрыться отъ нихъ дорогою, постоянно удерживала ихъ отъ этого ревностнаго желанія. Чтобы избѣжать этого возможнаго случая, большая часть изъ нихъ вѣроятно скорѣе бы лишила меня жизни, если бы только они увлекались одною врожденною свирѣпостью, но ихъ удержали мои угрозы, такъ ловко и счастливо присоединенныя къ лестнымъ обѣщаніямъ. Ружья и пушки благотельно для меня подѣйствовали не на одно патагонское воображеніе; трусость бываетъ почти всегда нераздѣльна съ жестокостью. Однимъ словомъ: я показался имъ очень плохую личностью, трудною въ сохраненіи и опасною на свободѣ. Патагонцы обѣщали, отказывали, опредѣляли конечный срокъ къ отбытію, и опять откладывали его на неопредѣленное время. Торопить ихъ, значило произвести обратное послѣдствіе для моихъ желаній, и потому я предоставилъ имъ полную свободу дѣйствовать по ихъ доброй волѣ, не упуская между тѣмъ ни малѣйшаго случая все глубже и глубже запустѣть крючокъ, который я снабдилъ такою великолѣпной приманкой.

ШЕСТОЙ КОНТИНЕНТЪ.

(Статья дополнительная къ Южному полюсу).

Смотря на земной глобусъ, мы съ перваго взгляда замѣчаемъ, что материкъ Европы, Азии и Америки очень углубляются на сѣверъ, между тѣмъ, какъ противоположныя оконечности Африки, Новой Голландіи и Южной Америки недалеко простираются къ югу. Мысль Доброй Надежды не достигаетъ 35° , оконечность Вандименовой Земли лежитъ подь 43° , а мысъ Горнъ подь 56° ю. ш., все остальное пространство до льдовъ южнаго полюса покрыто океаномъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи ученые предполагали, что на отдаленномъ югѣ должна находиться обширная земля, будто бы необходимая для равновѣсія земнаго шара.

Не упоминая о неудачныхъ плаваніяхъ для открытія этого материка, первая настоящая ученая экспедиція къ южному полюсу совершена была знаменитымъ мореплавателемъ Кукомъ. Онъ осмотрѣлъ въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ болѣе 100° пространства по долготѣ выше 60° ю. ш. и дважды достигалъ значительныхъ южныхъ широтъ, именно въ 1773 году $67^{\circ} 30'$ на меридіанѣ 38° в. д. и въ 1774 году $71^{\circ} 15'$ на меридіанѣ 108° з. д. Хотя Сандвичева земля *) была единственнымъ его открытіемъ, но Кукъ многократными плаваніями доказалъ, что отъ экватора къ югу, до параллели 60° ю. ш. нельзя сдѣлать никакихъ важныхъ открытій. Между тѣмъ отъ 60° ю. ш. до полюса оставалось много еще неизслѣдованнаго пространства моря.

Хотя Кукъ и полагалъ, что подъ южнымъ полюсомъ должна находиться обширная земля, около которой образуются ледяныя громады, относимыя вѣтрами и теченіями моря въ меньшія широты, но былъ увѣренъ, что достигнуть до нея невозможно и что вообще едва ли кому удастся далѣе его проникнуть къ югу, потому что льды, туманная погода, морозы, снѣгъ, бури, словомъ, всевозможныя препятствія послужатъ непреодолимою преградой самому предприимчивому изслѣдователю. Такъ полагалъ знаменитый мореходецъ послѣ труднаго и опаснаго плаванія своего къ южному полюсу. Но кто можетъ положить границы усиліямъ и предприимчивости человѣка и сказать: «вотъ предѣлъ, котораго не преидешь!» По слѣдамъ Кука новѣйшіе мореплаватели устремились въ южныя полярныя моря и, преодолевъ все препятствія, дошли на отдаленномъ югѣ до важнѣйшихъ открытій.

Послѣ Кука, чрезъ 45 лѣтъ, первая экспедиція на югъ предпринята была, по волѣ Императора Александра Благословеннаго, русскими мореплавателями. Начальникъ этой экспедиціи, капитанъ Беллингаузень, шесть разъ проникалъ за полярный кругъ, осмотрѣлъ въ предѣлахъ его значительное по долготѣ пространство моря, описалъ группу южныхъ Сандвичевыхъ острововъ и открылъ въ этихъ водахъ, среди льдовъ, вулканическіе острова Маркиза де-Траверсе, описалъ острова, составляющіе Новую Шетландію, нѣсколько разъ доходилъ до неподвижной ледяной стѣны, которая тянулась отъ запада къ востоку и преграждала ему дальнѣйшіе поиски къ югу. Наконецъ благородныя его усилія и, можно сказать, дерзкая предприимчивость увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ: онъ открылъ у неподвижнаго льда, близъ параллели 69° ю. ш., подъ меридіаномъ $90^{\circ} 46'$ з. д., высокій на 4000 ф. поднявшійся изъ воды островъ Петра 1-го и потомъ, почти въ той же широтѣ, берегъ Александра, подъ меридіаномъ 73° отъ Гринича. Такимъ образомъ открытіе самыхъ отдаленнѣйшихъ антарктическихъ земель долго, и именно, до путешествія капитана Росса *), оставалось за русскими.

Въ 1819 году капитанъ купеческаго судна англичанинъ Смитъ открылъ западнѣ Сандвичевой земли Новую Южную Шетландію. По прибытіи въ Вальпарайзо, онъ донесъ объ этомъ открытіи англійскому командору шерифу, который немедленно отправилъ, для обозрѣнія этой земли,

*) Кукъ видѣлъ эту землю въ туманную погоду и не могъ удостовѣриться, что она состоитъ изъ группы острововъ.

*) Россъ подтверждаетъ это на 188 стр. 1 тома изданныя имъ путешествія, подъ заглавіемъ: *A voyage of discovery and research in the southern and antarctic regions during the years 1839—43 by captain Sir James Clark Ross, R. V. etc. in two volumes. London. 1847.*

штурмана Брансфильда. Брансфильдъ, описавъ эту землю, или, лучше сказать, группу острововъ, которые названы Южными Ново-Шетландскими, доходилъ до 65° ю. ш., гдѣ остановленъ былъ сплошнымъ льдомъ. По изданной Лоріемъ картѣ плаванія Брансфильда, оказывается, что къ югу отъ острова Бриджмена, принадлежащаго къ Южной Шетландіи, онъ видѣлъ высокую гору, покрытую снѣгомъ, подъ $63^{\circ} 20'$ ю. ш. и 62° з. д.

Если вѣрить американцу Фанингу, то въ 1820 году въ Новой Южной Шетландіи находилось, для добыванія морскихъ котиковъ, пять американскихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ у острова Десепсионъ. Часовой, поставленный на самомъ высокомъ мѣстѣ острова увидѣлъ, въ ясную погоду, къ югу горы, изъ которыхъ одна была вулканическая, что-будто американскій купеческій капитанъ Пальмеръ на шлюпѣ Геро отправился для обозрѣнія этой земли, и дѣйствительно нашелъ обширный гористый берегъ, покрытый льдомъ и снѣгомъ, еще болѣе угрюмый и безжизненный, чѣмъ Новая Шетландія и, не смотря на лѣтнее время, до того окруженный льдами, что пристать къ нему не было никакой возможности. Возвратясь къ острову Десепсионъ, Пальмеръ былъ удивленъ, увидя въ этихъ водахъ два русскія военныя судна — это были *Востокъ* и *Мирный*, возвращавшіеся, въ 1821 году, изъ продолжительнаго путешествія къ южному полюсу. Пальмеръ былъ у начальника русской экспедиціи, который, будто бы узнавъ о сдѣланномъ имъ открытіи обласкалъ американца и назвалъ по его имени открытый имъ берегъ. Пальмеръ дѣйствительно пріѣзжалъ къ капитану Беллингаузону, но объ открытомъ имъ берегѣ, по крайней мѣрѣ въ это время, не было помину, и вышеприведенный разсказъ Фанинга — чистая выдумка, а между тѣмъ берегъ, видѣнный Брансфильдомъ, названъ впоследствии именемъ Пальмера и берегомъ Троицы.

Въ концѣ 1821 года англичанинъ Повель на суднѣ Голубь (Dove), встрѣтясь въ Новой Южной Шетландіи съ упомянутымъ выше Пальмеромъ, начальствовавшимъ тогда судномъ *Монрое*, вмѣстѣ съ нимъ предпринялъ путешествіе для открытія новыхъ острововъ и добыванія на нихъ морскихъ котиковъ. 6 декабря на суднѣ *Голубь* увидѣли землю: это были острова, названные англичанами островами Повель или Южными Оркнейскими, въ 60° ю. ш. и 45° з. д.

О путешествіи американца Морреля, который будто бы въ 1820 году на меридианѣ 42° з. д. достигъ $70^{\circ} 14'$ ю. ш. и нашелъ свободное отъ льдовъ море, а потомъ между 68° и $62^{\circ} 40'$ ю. ш. шелъ вдоль высокаго берега, распространяться много нечего: оно не заслуживаетъ

ни малѣйшей вѣры. Впослѣдствіи Дюмонъ-Дюрвиль съ судами *Астролябією* и *Зеле* невредимо прошелъ по этой землѣ.

Гораздо болѣе можно вѣрить капитану купеческаго судна англичанину Ведделю. Въ 1822 году, начальствуя надъ двумя судами *Анной* (Jane) и *Веауфоу*, онъ 12 января находился у Южныхъ Оркнейскихъ острововъ для добыванія морскихъ котиковъ; но какъ эти звѣри въ этихъ водахъ были почти все истреблены, то отправился для обозрѣнія пространства моря между этими островами и Южными Сандвичевыми. Не сдѣлавъ здѣсь никакихъ открытій, онъ пустился далѣе къ югу и, безъ большихъ затрудненій, 18 февраля достигъ 72° ю. ш. при 35° з. д., не имѣя въ виду ни одной льдинки. 20 февраля, въ $74^{\circ} 15'$ ш., въ горизонтѣ были только 4 ледяные острова; погода стояла хорошая и довольно теплая. Веддель не сомнѣвается, что онъ легко могъ бы проникнуть гораздо далѣе къ югу и даже приблизиться къ полюсу, но, принимая во вниманіе позднее время года и трудности, ожидавшія его на возвратномъ пути, онъ рѣшился воспользоваться попутнымъ вѣтромъ и повернулъ къ сѣверу, заходилъ потомъ къ Новой Южной Шетландіи, островамъ Фалкландскимъ, къ Патагоніи и наконецъ, въ 1824 году, возвратился въ Англію. Изданное имъ описаніе этого путешествія обратило на себя вниманіе ученыхъ, изумившихся, что простой купеческій капитанъ, безъ всякихъ затрудненій дошелъ до широты, какой, при всѣхъ усиліяхъ, не могли достигнуть ни знаменитый Кукъ, ни отважный русскій мореплаватель Беллинсгаузенъ. Веддель въ описаніи своемъ старается доказать возможность достиженія самого полюса, потому что въ высокихъ южныхъ широтахъ, по мнѣнію его, надо ожидать свободнаго отъ льдовъ моря и температуры болѣе умѣренной.

Въ 1828 году британское правительство послало офицера Форстера на суднѣ *Птыухъ* (Chanticleer) для физическихъ наблюденій. Форстеръ отъ Земли Штатовъ, лежащей къ востоку отъ Огненной Земли, отправился въ декабрѣ въ Новую Южную Шетландію, къ острову Десеписонъ, а оттуда на югъ къ землѣ Троицы или Пальмера. Онъ нашелъ тамъ обширный, весьма гористый, занесенный снѣгомъ берегъ. Нѣкоторыя горы возвышались надъ поверхностью моря на 6 и 7 тысячъ футовъ. Форстеръ приставалъ къ берегу и, исполнивъ неизбѣжную церемонію принятія этой находки подъ владѣніе Англіи, назвалъ мысъ, на который входилъ, Овладѣніемъ (Possession). Онъ находится въ $63^{\circ} 26'$ ю. ш. и въ $66^{\circ} 26'$ з. д. Оттуда берегъ тянется, сколько предѣлы горизонта позволяли видѣть, на югозападъ, оканчиваясь цѣпью горъ, которыя могли быть отдѣльными островами, или вершинами материка. Отправясь потомъ къ острову Десеписонъ, Форстеръ занимался

физическими наблюденіями. Достоинъ замѣчанія, что, во время прибытія его въ январѣ мѣсяцѣ къ острову, море покрыто было льдами, при отправленіи же назадъ, въ мартѣ, совершенно отъ нихъ свободно.

Фавингъ еще рассказываетъ, что въ то же время американецъ Броунъ, на суднѣ *Мирный* (Pacific), занимавшійся тюленьимъ промысломъ, открылъ между Южнымъ Георгіемъ и Сандвичевою землею четыре острова; по широтѣ ихъ, надо полагать, что они принадлежатъ къ группѣ острововъ Маркиза де-Траверсе, открытыхъ еще въ исходѣ 1819 года Беллинсгаузенемъ.

Вскорѣ послѣ того, лондонскій Торговый домъ Эндерби отправилъ два судна, бригъ (Tula) и куттеръ (Lively), подъ начальствомъ Бискоэ, для добыванія морскихъ котиковъ и открытій въ большихъ южныхъ широтахъ. Бискоэ отправился изъ Лондона 14 іюля 1830 года. 27 ноября находился онъ у Южныхъ Сандвичевыхъ острововъ и, по невозможности проникнуть далѣе 60° къ югу, направилъ путь свой сначала къ востоку, а потомъ опять къ югу. 21 января на меридіанѣ Гринича онъ достигъ $66^{\circ} 16'$ ю. ш., а 1 февраля въ 10° в. д. $68^{\circ} 51'$ ю. ш., но далѣе сплошной ледъ не допустилъ его идти къ югу. Держась между параллелями 66 и 68° , 25 февраля въ $66^{\circ} 2'$ ю. ш. и 46° в. д. онъ увидѣлъ землю, окруженную льдами, потомъ опять видѣлъ ее въ широтѣ $65^{\circ} 57'$ и долготѣ 50° в., но за льдами не могъ подойти къ ней ближе 20 миль. Берегъ этотъ, названный имъ Эндерби, простирался въ длину отъ 100 до 150 миль, былъ гористъ и покрытъ снѣгомъ и льдомъ, исключая острыхъ вершинъ, которыя казались черноватыми. Дурная погода и ненадежное здорье экипажа заставили его поспѣшить въ обратный путь, къ Вандиленовой Землѣ. Суда его остановились у Гобаръ-Тоуна, заходили въ Новую Зеландію, къ островамъ Чатаму и Боунти и въ исходѣ 1831 года снова пустились къ югу.

15 февраля 1832 г. въ широтѣ 67° ю. и долготѣ $74^{\circ} 18'$ з. Бискоэ увидѣлъ высокій островъ, который составлялъ оконечность цѣлой гряды острововъ, идущихъ отъ WSW къ ONO. Онъ назвалъ его островомъ Аделанды*.

21 февраля Бискоэ былъ подлѣ высокаго берега и заходилъ въ бухту, находившуюся между двумя высокими скалами, названными имъ Вильямсъ и Моверби, въ широтѣ $64^{\circ} 45'$ и долготѣ $68^{\circ} 11'$ з. Отсюда Бискоэ направилъ путь къ Новой Шетландіи, гдѣ едва не потерпѣлъ

* Это самая южнѣйшая земля, открытая Бискоэ. Но берегъ Александра, открытый Беллинсгаузенемъ, почти подъ тѣмъ же меридіаномъ углубляется на 100 итальянскихъ миль еще далѣе къ югу.

кораблекрушенія, потомъ заходилъ къ островамъ Фальландскимъ; тамъ разбилось судно его «Lively», послѣ того приставалъ еще къ острову Св. Екатерины и наконецъ возвратился въ Англію.

Бискозъ назвалъ послѣднее свое открытіе землею Грагама, которой дальнѣйшее протяженіе на югъ можетъ связываться съ берегомъ Александра.

Мореплавателю Бискозъ обязанъ открытіемъ дальнѣйшаго протяженія къ юго-западу антарктической земли, которой острова Новой Шетландіи составляютъ какъ бы передовой архипелагъ. Сверхъ того, онъ нашелъ и на другомъ меридіанѣ признаки южнаго материка. Жаль, что большое разстояніе, на которомъ онъ видѣлъ послѣднюю землю не дозволило ему судить о дальнѣйшемъ ея направленіи.

Путешествіе Бискозъ обратило на себя особенное вниманіе ученыхъ. Французское и Англійское Географическія Общества присудили ему награды.

Торговый домъ Эндерби ободренный такими успѣхами, сѣвшилъ снарядить вновь два судна, для дальнѣйшихъ открытій, подъ начальствомъ Бискозъ; но, по особымъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ этого путешествія. Экспедиція поручена была лейтенанту Реа, который близъ Новой Шетландіи неблагоразумно зашелъ въ такую чашу льда, что одно изъ его судовъ разбилось, а другое съ большимъ трудомъ едва могло черезъ льды пробиться назадъ, чѣмъ и кончилось это неудачное путешествіе.

Теперь насталъ новый періодъ ученыхъ экспедицій, предпринятыхъ къ южному полюсу уже не частными людьми, но правительствами трехъ морскихъ націй.

Въ 1837 году правительство Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшилось въ первый разъ послать большую экспедицію къ южному полюсу. Ученыя общества Англіи ходатайствовали предъ своимъ правительствомъ о снаряженіи подобной экспедиціи, опасаясь, чтобъ американцы не присвоили себѣ однимъ славы въ открытіи южнаго материка; англійскіе моряки также сильно подстрекаемы были успѣхами Бискозъ и Ведделя. Итакъ, положено было отправить и отъ британскаго правительства ученую экспедицію къ южному полюсу, которая должна была еще заняться и магнитическими въ обширномъ размѣрѣ наблюденіями. Начальство надъ нею ввѣрено было капитану Дженсу Россу. Въ то же время два французскіе корвета, Астролябія и Зеле, подъ командою Дюмонъ-Дюрвиля, назначавшіеся для ученаго кругосвѣтнаго плаванія, получили инструкцію идти по слѣдамъ Ведделя для достиженія наибольшихъ южныхъ широтъ. Такимъ образомъ мореплаватели трехъ націй

призваны были къ благородному соперничеству среди льдовъ подъ южнымъ полюсомъ.

Начнемъ съ экспедиціи французовъ:

7 сентября 1837 года корветы Астролябія и Зеде оставили тулонскій рейдъ. Дюмонъ-Дюрвиль находился на Астролябіи, капитанъ Жакино начальствовалъ на Зеде. Посѣтивъ и отчасти описавъ проливъ Магеллановъ, 9 января 1838 суда пустились къ Новой Шетландіи.

16 и 17 января миновали острова Элефанта и Кларенса, которыхъ, за пасмурностью, не могли видѣть и продолжали идти къ юго-востоку, встрѣчая на пути довольно много ледяныхъ острововъ. 22 января не достигнувъ еще параллели 64° на меридіанѣ 48° з. д., встрѣтили сплошной ледъ, который преградилъ имъ путь, почему и принуждены были, слѣдуя вдоль его, уклониться къ сѣверу. 26 января, выбравшись изъ льдовъ, прошли по сѣверную сторону Оркнейскихъ острововъ. 2 февраля пустились опять къ юго-востоку. 4 февраля ледяное поле вновь преградило имъ дорогу; дней пять они были совершенно затерты льдами и съ большимъ трудомъ пробились сквозь нихъ на чистое мѣсто. До 15 февраля слѣдовали вдоль ледянаго поля, а потомъ принуждены были повернуть къ западу и пройти вновь по сѣверную сторону Оркнейскихъ острововъ. 22 февраля оставили вправѣ маленькій островокъ Бриджменъ, возвышающійся футовъ на 500 отъ поверхности моря и служащій убѣжищемъ безчисленному множеству пингвиновъ. Продолжая идти далѣе къ юго-западу, увидѣли по лѣвую отъ себя сторону покрытый снѣгомъ берегъ и на немъ высокую гору, которую, судя по картѣ Лорія видѣлъ и Брансфильдъ. Дюмонъ-Дюрвиль назвалъ ее горою Брансфильда, а весь берегъ — Землею Луи Филиппа.

5 марта Дюмонъ-Дюрвиль подходилъ къ берегу на разстояніи 3 или 4 миль; но, за позднимъ временемъ и по неудовлетворительному состоянію здоровья экипажа на обоихъ корветахъ, не рѣшился предпринять дальнѣйшаго обозрѣнія этого берега и направилъ свой путь сначала къ Новой Шетландіи, а оттуда къ берегу Чили, и въ заливѣ Талкахуанскомъ пробылъ два мѣсяца.

Посѣтивъ потомъ въ тропическихъ моряхъ острова Монга-Рева, Нука-Гиву, Отаити, Опулу, Гаваи, Вити, Соломоновы, частью Каролинскіе и Маріанскіе, Молуккскіе, Зондскіе и нѣкоторые другіе, Дюмонъ-Дюрвиль достигъ 12 декабря 1839 года въ Вандименовой Землѣ Гобартъ-Тоуна. Здѣсь извѣстный капитанъ Бискоэ объявилъ ему о попыткѣ своей подняться къ югу по меридіану Новой-Зеландіи, гдѣ, однакоже, на параллели 63° встрѣтилъ непроходимые сплошные льды. Онъ присовокупилъ къ этому, что многіе мореплаватели предполагаютъ существованіе земли

на югъ по меридіану острова Маквари. Дюмонъ-Дюрвиль рѣшился по этимъ даннымъ изслѣдовать пространство Южнаго Полярнаго моря между меридіанами 120° и 160° в. д.; впрочемъ, ему не были еще извѣстны сдѣланныя, за годъ передъ тѣмъ, въ этихъ водахъ открытія капитаномъ китоловнаго судна Баллени земли Сабрина по меридіану 120° в. д. и острововъ Баллени по меридіану 165° в. д.

1 января 1840 Астролябія и Зеле, оставивъ Гобартъ-Тоунъ, отправились во второй разъ въ Ледовитое море. 16 января въ широтѣ 60° показались первые льды; 19 видны были большіе ледяные острова правильной формы съ плоскими вершинами и отрубистыми боками, вышиною отъ 100 до 130 футовъ, встрѣчали также тюленей и пингвиновъ, что служило признакомъ близости берега.

19 января въ три часа пополудни съ форъ-марса увидѣли прямо впереди берегъ; въ это время находились въ 66° ю. ш. и около 140° в. д. отъ гринич. мер. На слѣдующій день предъ судами возвышался однообразный, покрытый снѣгомъ, берегъ, тянувшійся отъ востока къ западу; но на немъ не было замѣтно ни одного чернѣющагося пятнышка. Видя одну чистую ледяную стѣну, многіе сомнѣвались, что это былъ дѣйствительно берегъ. Между тѣмъ прибывшій съ Зеле яликъ объявилъ, что на этомъ суднѣ еще со вчерашняго дня всѣ увѣрены были въ открытіи новой земли.

Хотя французы и не пересѣкли еще южнаго полярнаго круга, и даже въ оба плаванія ни разу не удалось имъ побывать за нимъ, но поторопились въ этотъ же вечеръ сдѣлать праздникъ въ честь полярнаго дѣдушки.

21 января корветы тѣсно окружены были ледяными островами; иногда они проходили между двухъ отвѣсныхъ ледяныхъ скалъ такъ близко, что эхо команды офицеровъ повторялось между ледяными стѣнами. Когда съ Астролябіи смотрѣли на Зеле, находящуюся подлѣ ледянаго острова, она, въ сравненіи съ нимъ, казалась игрушкою.

Наконецъ суда вошли въ родъ бассейна; съ одной стороны окружалъ ихъ покрытый льдомъ берегъ, съ другой—цѣпь ледяныхъ острововъ, которую только что миновали. Съ Астролябіи спущена была шлюбка для сдѣланія на одномъ ледяномъ острову магнитическихъ наблюдений. Въ это время вахтенный на Астролябіи офицеръ Дюрокъ замѣтилъ на льду черное пятно. Дюмонъ-Дюрвиль, несмотря, что время клонилось уже къ вечеру и берегъ былъ недалеко, рѣшился послать къ этому мѣсту яликъ съ Дюрокомъ, чтобъ привезти оттуда чтонибудь, несомнѣнно удостоверяющее, что предъ ними дѣйствительно находится земля. Для той же

цѣли посланъ былъ яликъ и съ Зеле. Они 200 саженьями здѣсь не достали дна.

Въ 9 часовъ вечера возвратились наблюдатели. Кромѣ магнитическихъ обсервацій, имъ удалось, посредствомъ компаса, замѣтить, что ледяные острова имѣютъ поступательное и притомъ довольно чувствительное движеніе. Такимъ образомъ практически убѣдились, что ледяныя громады, отламываясь отъ материка, легко вѣтромъ и теченіемъ уносятся въ морѣ.

Вскорѣ возвратились и ялики. Несмотря на бурю, они успѣли пристать къ одному голому острову. Матросы, взобравшись наверхъ, бросали оттуда оторопѣвшихъ пингвиновъ, спокойствіе которыхъ никто не возмущалъ доселѣ. Другіе, вооружась кирками и молотками, принялись отбивать куски отъ утеса, который такъ былъ твердъ и крѣпокъ, что отъ него летѣли только маленькіе осколки. По счастью, матросы въ другомъ мѣстѣ нашли большіе куски гранита, которые отдѣлялись отъ скалъ, вѣроятно, дѣйствіемъ быстрыхъ измѣненій въ температурѣ воздуха, и взяли ихъ на ялики. Сравнивая эти обломки съ кусочками камня, найденными въ желудкѣ наканунѣ убитаго пингвина, убѣдились въ совершенномъ ихъ сходствѣ. Вотъ по какимъ иногда слѣдамъ можно доходить до важныхъ открытій!

Этотъ безжизненный, частью обнаженный, частью покрытый снѣгомъ островъ, равно и весь подъ ледяною корою берегъ, моряки взяли подъ владычество Франціи, распустивъ для того трехцвѣтннй флагъ. Кромѣ пингвиновъ, ничего на островѣ не видали; нашли одну только на низменности водоросль, и та, вѣроятно, занесена была туда волнами или птицами. Этотъ островокъ принадлежитъ къ группѣ девяти или десяти подобныхъ острововъ, отстоящихъ отъ берега на версту.

Дюмонъ-Дюрвилъ назвалъ этотъ берегъ Аделью, выдавшійся на на немъ мысъ — Открытіемъ, а островокъ, къ которому приставалъ — Геологическимъ.

Съ 22 января суда шли вдоль сплошнаго льда, уклоняясь отъ берега нѣсколько къ сѣверу; между тѣмъ вѣтеръ засвѣжѣлъ, пошелъ снѣгъ и сдѣлался такой густой туманъ, что отъ одной мачты не видать было другой. Ночь на 25 января, была для этой экспедиціи одна изъ самыхъ опаснѣйшихъ; но Провидѣніе сохранило мореплавателей: суда ихъ невредимо пронеслись мимо ледяныхъ громадъ, столкновеніе съ которыми было бы для нихъ совершенною гибелью.

На другой день сдѣлалось потише и погода прояснилась. Зеле скрылась изъ виду, но къ 6 часамъ вечера увидѣли ее, шедшею подъ вѣтми парусами на соединеніе съ Астролябіей.

29 января усмотрѣли военный бригъ, который поднялъ американскій флагъ. Французы догадались, что онъ принадлежитъ къ американской экспедиціи, подъ начальствомъ лейтенанта Вилькса, и подняли свой флагъ. Суда желали войти въ сношенія, но, по обоюдному недоразумѣнію, разошлись въ разныя стороны: французы къ сѣверу, а американецъ къ югу.

30 января французскія суда подошли къ ледяной стѣнѣ, возвышающейся отъ поверхности моря, отъ 100 до 150 футовъ. Продолжая слѣдовать вдоль нея, тщетно искали какихъ нибудь признаковъ для удостовѣренія, что это берегъ, а не одинъ только ледъ; бросали лотъ, но 200 саженьми дна не достали. Нѣкоторые почитали эту стѣну прорето за неподвижный ледъ; Дюмонъ-Дюрвиль принялъ ее за настоящій берегъ, и безъ дальнихъ справокъ назвалъ Землею Клари, въ 135° вос. дол.

31 января суда достигли 128° вос. дол., отъ парижскаго меридіана. Въ эти дни склоненіе компаса изъ восточнаго сдѣлалось западнымъ, слѣдовательно перешли въ этой долготѣ магнитный меридіанъ †.

1 февраля, въ 65° южн. шир. французская экспедиція спустя одинъ мѣсяць, по выходѣ изъ Гобартъ-Тоуна, простилась съ Полярнымъ моремъ и направила свой путь къ Вандименовой Землѣ, которой достигла 17 февраля; потомъ суда посѣтили острова Аукландскіе, Новую Зеландію и нѣкоторые другіе, причемъ едва не потерпѣли кораблекрушенія, наткнувшись на коралловую стѣну острова Туа, направили путь къ мысу Доброй Надежды, и 6 ноября 1840 года, по 38-ми мѣсячномъ плаваніи, потерявъ отъ болѣзней много команды, прибыли въ Тулонъ **.

Американская экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта Вилькса, состояла изъ двухъ шлюповъ: Венсенъ и Павлинъ (Peacock), изъ брига Порпойзъ (Porpoise) ***, двухъ шкунъ: Морская Чайка (Sea-Gull) и Летучая Рыба (Flying-Fisch) и изъ Транспорта (Relief) **** назначенна-

* Въ 1820 году, шлюпы Востокъ и Мирный, подъ начальствомъ капитана Беллинсгаузена, пересѣкли магнитный меридіанъ, въ 136° в. д. отъ Гринича. Прибавя къ долготѣ 128°, разность долготы между Парижемъ и Гриничемъ 2°20'15'', все еще выйдетъ въ положеніи магнитнаго меридіана, чрезъ 20 лѣтъ, значительная разность.

** Дюмонъ-Дюрвиль не успѣлъ самъ издать этого интереснаго путешествія: онъ погибъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, на желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Версаль, 2 мая 1842 года. Обязанность эту приняли его спутники, и оно явилось въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: Voyage au Pôle Sud et dans l'Océanie sur les corvettes l'Astrolabe et la Zélée exécuté par ordre du Roi pendant les années 1837—1840, sous le commandement de m. J. Dumont-Durville, capitaine de vaisseau, etc. X volumes, avec un atlas pittoresque et 10 cartes. Paris. Gide. 1844 — 1847.

*** Морская свинья.

**** Облегченіе.

го для помѣщенія провизіи. Вообще эта экспедиція богато снабжена была всеми возможными инструментами для астрономическихъ и физическихъ наблюдений; ее сопровождали многіе ученые и въ особенности естествоиспытатели, съ подробными инструкціями, изъ которыхъ, по части гидрографіи, составлена была знаменитымъ русскимъ гидрографомъ адмираломъ Крузенштерномъ.

Въ началѣ февраля 1839 года всѣ суда этой экспедиціи стояли на якорѣ въ одной изъ бухтъ Огненной Земли. Въ половинѣ февраля Павлинъ и Летучая Рыба пошли на западъ къ меридіану, на которомъ Кукъ достигъ наибольшей широты; прочія суда, подъ начальствомъ Вилькса, отправились къ обозрѣнію моря между Южными Оркнейскими островами и берегомъ Пальмера, или Троицы. Первый отрядъ на меридіанѣ 100° з. д. проникъ за параллель 69° ю. ш., а по пути Ведделя встрѣтились сплошные льды тамъ же, гдѣ встрѣтилъ ихъ Дюмонъ-Дюрвиль и не позволили экспедиціи идти далѣе къ югу.

Въ 1840 году путешествіе Вилькса было удачнѣе. Онъ обозрѣлъ пространство моря отъ 160° до 95° в. д. близъ антарктическаго круга и на всемъ этомъ протяженіи полагаетъ непрерывный берегъ, названный имъ Южнымъ или Австральнымъ Континентомъ. Вильксъ предоставилъ въ эту компанію каждому судну, когда войдетъ во льды, дѣйствовать отдѣльно по удобствамъ и общимъ rendez-vous назначилъ у сплошныхъ льдовъ меридіанъ 105° в. д.

Венсенъ и Павлинъ встрѣтили ледяныя поля 11 января въ 64° 11' ю. ш. и въ 154° 53' в. д., и на другой день, во время пасмурности разлучились. Павлинъ достигъ до неподвижнаго льда 15, а Летучая Рыба 21 января. Суда эти замѣтили необыкновенную перемѣну въ цвѣтѣ воды, были окружены пингвинами и тюленями; близъ этого мѣста находились острова Баллени. Поутру 19 января 1840 года усмотрѣнъ былъ берегъ на Венсенѣ и Павлинѣ; послѣдній, потерпѣвъ много отъ льдовъ, принужденъ былъ 24 января отправиться въ Портъ-Джаксонъ. Наканунѣ на этомъ суднѣ достали дно моря 320 саженьми; грунтъ оказался голубоватый илъ съ крупнымъ гравіемъ.

Летучая Рыба, вытерпѣвъ жестокой штормъ, принуждена была отправиться въ меньшія широты. Венсенъ и Порпойсъ продолжали идти вдоль ледянаго берега, видя время отъ времени землю въ разстояніи отъ десяти до одной мили, смотря по тому, какъ ледяная стѣна имъ это позволяла.

29 января суда вошли въ заливъ, названный ими Пинерсъ, единственное мѣсто, въ которомъ могли бы пристать къ берегу *, глубины

* Заливъ этотъ находится въ близкомъ разстояніи отъ того пункта, къ которому экспе-

было только 30 сажень; но сильный ураганъ, длившійся полторы сутки, отъ котораго суда едва не погибли, отнесъ ихъ миль на 60 къ западу отъ залива. Вильксъ, вмѣсто того, чтобъ возвратиться назадъ и выйти въ заливъ Пинерсъ на берегъ, продолжалъ слѣдовать къ западу вдоль неподвижнаго льда, который въ долготѣ 97° поворотилъ къ сѣверу. Время года (20 февраля) было уже позднее, погода стояла дурная и Вильксъ отправился сначала въ Портъ-Джаксонъ, гдѣ починался Павлинъ, а потомъ въ Новую-Зеландію, гдѣ назначено было общее rendez-vous. Тамъ, въ заливѣ острововъ, находились Порпойзъ и Летучая Рыба, Морская же Чайка въ апрѣлѣ 1839 пропала безъ вѣсти на меридианѣ Горна. Что касается до транспорта Relief, то онъ, оставивъ грузъ частью на Сандвичевыхъ островахъ и частью въ Сидней, отправился въ Сѣверную Америку. Изъ Новой Зеландіи экспедиція заходила въ Портъ-Джаксонъ, гдѣ Вильксъ узналъ объ открытыхъ капитаномъ Баллени островахъ въ 165° в. д. за полярнымъ кругомъ. Освѣдомясь о новой экспедиціи къ южному полюсу капитана Росса, котораго ожидали тогда въ Портъ-Джаксонъ, онъ оставилъ ему, при подробномъ письмѣ, карту, на которой назначилъ берегъ южнаго материка, отчасти видѣнный и отчасти предполагаемый по разнымъ признакамъ отъ 160 до 97° в. д. Карту и письмо дѣйствительно Россъ получилъ въ Гобартъ-Тоунъ, предъ отправленіемъ во льды, и она послужила ему въ пользу, именно въ избраніи меридіана, по которому дошелъ до важнѣйшихъ открытій.

Отчетъ объ экспедиціи Вилькса изданъ имъ самимъ, подъ названіемъ: *Narrative of the United States Expedition, during the years 1838—1842. By C. Wilkes. U. S. N. Comandor of the Expedition. 3 vol. and an atlas. Philadelphia. etc. 1845.*

Капитанъ Джемсъ Россъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1839 года отправился изъ Англіи съ двумя судами, Эребусомъ и Терроромъ; первымъ командовалъ Россъ, вторымъ — Крозьеръ.

Они заходили на острова Мадеру, Тенерифъ, Зеленаго мыса, на о. Св. Елены и мысъ Доброй Надежды; въ послѣднихъ двухъ устроили магнитическія обсерваторіи, потомъ посѣтили островъ Крозетъ и землю Кергелену, гдѣ устроили также магнитическую обсерваторію; потомъ отправились къ Землѣ Вандименовой въ Гобартъ-Тоунъ и оттуда къ островамъ Аукландскимъ; тутъ нашли двѣ выставленныя доски съ надписями — одну Дюмонъ-Дюрвиля, объ открытіи имъ земли Адель и опре-

диція Дюмонъ-Дюрвиля приставала 21 января 1840. Вильксъ увѣряетъ, что увидѣлъ землю утромъ 19 января; въ тотъ же самый день видѣлъ ее и Дюмонъ-Дюрвиль; отсюда вышелъ споръ, кто изъ нихъ прежде открылъ эту землю.

дѣленіи южнаго магнитнаго полюса, другую—о плаваніи американскаго судна Порпойзъ около южнаго полярнаго круга; сверхъ того, найдена была худо-закупоренная бутылка съ бумагами, которыя такъ промокли, что трудно было разобрать написанное; впрочемъ, Порпойзъ не говорилъ въ нихъ объ открытіи южнаго материка.

Въ декабрѣ суда заходили къ острову Кембелю, и наконецъ, 17 числа, направили путь свой къ югу.

27 декабря въ широтѣ $63^{\circ} 20'$ и въ долготѣ 174° в. встрѣтили первые ледяные острова съ отрубистыми боками и плоскими вершинами, высотой отъ 120 до 180 футовъ и до двухъ миль въ окружности.

30 декабря пересѣкли путь Беллинсгаузена въ $64^{\circ} 38'$ ю. ш. и $173^{\circ} 10'$ в. д., а 1-го января перешли чрезъ полярный кругъ.

9 января 1841 года пробились чрезъ густые льды и вышли въ открытое море. 11 января увидѣли берегъ съ высокими горами, покрытый снѣгомъ. Передовой островъ въ $71^{\circ} 56'$ ю. ш. и $171^{\circ} 7'$ в. д., къ которому суда приставали, названъ Россомъ островомъ Овладѣнія. (Possession). На немъ не было никакихъ признаковъ растительности, природа была мертва; только одни пингвины, въ безчисленномъ множествѣ стоявшіе рядами, нарушали крикомъ своимъ царствовавшее здѣсь безмолвіе. Тутъ не обошлось безъ неизбежной церемоніи, принятія этой холодной, безжизненной подъ вѣчнымъ снѣговымъ покровомъ земли, подъ владычество Англій. Гора, имѣвшая до 10,000 футовъ высоты отъ поверхности моря, названа горою Сабина, а вся земля, въ честь англійской королевы названа Викторією.

Продолжая идти вдоль берега, 27 января приставали къ острову, находящемуся въ $76^{\circ} 8'$ ю. ш. и $168^{\circ} 12'$ в. д. На немъ есть огнедышущія горы высотой отъ 500 до 600 футовъ; нѣкоторыя скалы мѣстами имѣли желтоватый цвѣтъ, безъ малѣйшаго гдѣ либо знака растительности; вездѣ представлялись взорамъ только снѣжныя и ледяныя массы. Термометръ показывалъ $4\frac{1}{2}^{\circ}$ морозу. Россъ назвалъ его островомъ Франклина.

28 января открыли берегъ съ огнедышущею горою, которая возвышалась на 12,400 футовъ отъ поверхности моря и извергала въ высоту отъ 1500 до 2000 футовъ дымъ и пламя. Гору эту назвали Эребусъ. Другая гора, высотой до 11,000 футовъ, на восточной своей сторонѣ имѣла менѣе снѣга и состояла изъ коническихъ потухшихъ вулкановъ; ее назвали Терроръ. Широта мѣста въ это время была $76^{\circ} 6'$, долгота $168^{\circ} 11'$ в.

Продолжая плаваніе вдоль ледяной стѣны къ востоку, 31 января встрѣтили непреодолимую преграду отъ густаго льда, и не могли въ

этомъ мѣстѣ проникнуть далѣе къ югу, 2 февраля достигли широты $78^{\circ} 4'$ и принуждены были отъ сплошнаго льда поворотить къ сѣверу. До 11 февраля находились безирестанно во льдахъ. Термометръ опускался до -8° и вода вокругъ судовъ стала замерзать. Между тѣмъ сдѣлался жестокой штормъ при снѣгѣ и туманѣ; вода замерзала на палубѣ, снасти обледенѣли и суда подверглись величайшей опасности.

14 февраля, выбравшись на чистое мѣсто, все еще имѣли $76^{\circ} 22'$ ю. ш., при $178^{\circ} 16'$ в. д. Термометръ стоялъ на нулѣ. Тогда предприимчивый, неутомимый Россъ рѣшился направить свой путь къ южному магнитному полюсу; но 17 февраля сплошной ледъ прекратилъ ему дорогу въ $76^{\circ} 12'$ ю. ш. и въ 164° в. д. Въ это время магнитная стрѣлка показывала $88^{\circ} 40'$ наклоненія и $109^{\circ} 24'$ вос. склоненія. Россъ очень жалѣлъ, что ему не удалось водрузить на этомъ мѣстѣ флага, подобно тому, какъ это онъ сдѣлалъ на сѣверномъ магнитномъ полюсѣ.

2 марта въ ш. $67^{\circ} 28'$ и д. $165^{\circ} 30'$ в. видѣли три острова, которые Россъ назвалъ островами Баллени.

4 марта, при жестокомъ вѣтрѣ, экспедиція считала себя въ великой опасности, имѣя подъ вѣтромъ берегъ, назначенный на картѣ капитана Вилькса; но 6 марта, находясь въ 12 миляхъ отъ этого берега, Россъ, при ясной погодѣ, его не видалъ и полагаетъ, что за землю приняты были облака.

7 марта въ ш. $65^{\circ} 31'$ и въ вос. д. $162^{\circ} 9'$, суда находились въ самомъ критическомъ положеніи: ихъ прижимало, при безвѣтріи, сильною зыбью къ ледянымъ островамъ, а буксира нельзя было употребить, по причинѣ сильнаго волненія; но Провидѣніе спасло отважныхъ плавателей: подувшій вѣтеръ дозволилъ имъ удалиться отъ ледяныхъ громадъ.

28 марта въ ш. $57^{\circ} 21'$ въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ видѣли безчисленное множество птицъ, летѣвшихъ къ сѣверу; это стало затмѣвало воздухъ и занимало, примѣрно, пространство въ длину отъ 6 до 10, а въ ширину отъ 2 до 3 итальянскихъ миль.

Въ ш. $53^{\circ} 30'$ видѣли послѣдніе льды; 6 апрѣля вошли въ рѣку Дервентъ, Вандименовой Земли и бросили якорь вблизи устроенной ими магнитической обсерваторіи. Команда на Эребусъ и Терроръ пользовалась совершеннымъ здоровьемъ и самыя суда весьма мало потерпѣли отъ льдовъ.

Во время пребыванія въ Гобартъ-Тоунъ производились одновременныя условленныя магнитическія наблюденія, между тѣмъ экспедиція приготовлялась къ вторичному плаванію въ Южномъ Полярномъ морѣ.

Суда заходили въ Портъ-Джаксонъ, въ Новую Зеландію, въ Заливъ Острововъ, гдѣ также устроили обсерваторію и производили магнитическія наблюденія.

22 ноября 1841, суда вышли изъ Новой Зеландіи и 16 декабря въ ш. $58^{\circ} 36'$ дол. $146^{\circ} 34'$ з. впервые увидѣли ледяные острова вышиною въ 130 футовъ и окружностью до $\frac{3}{4}$ мил.

25 декабря въ ш. 66° и дол. $156^{\circ} 14'$ з. суда совершенно затерты были льдами. Новый годъ встрѣтили на льду; всѣ были въ веселомъ расположеніи духа и выдумывали разныя игры. До половины января находились въ густыхъ льдахъ и вмѣстѣ съ ними подавались въ разныя стороны; въ туманное время прикрѣплялись къ льдинамъ, между тѣмъ не могли избѣжать столкновенія со льдами; иногда удары такъ были сильны, что мачты дрожали и какъ бы готовы были упасть. 18 января, при жестокомъ вѣтрѣ, развело такое сильное волненіе, что волны переливались черезъ высокіе ледяные острова. Руль на Эребусѣ повредился, да и на Террорѣ едва держался; паруса изорвало въ клочки; иногда суда находились на гребняхъ двухъ ближайшихъ между собою водяныхъ холмовъ, такъ что ихъ раздѣляла только одна изрытая волнами пропастъ, наполненная льдинами. Ночью пронесло суда черезъ цѣпь ледяныхъ острововъ, которые утромъ видны были назадъ.

21 января, когда вѣтеръ стихъ, суда прикрѣпились къ большой льдинѣ и поправили на Эребусѣ руль, а для Террора сдѣлали и вставили новый. Обшивка на судахъ, несмотря на удары о льдины, мало испортилась.

28 января находились въ шир. $67^{\circ} 39'$ и дол. $155^{\circ} 59'$ з., такъ что вмѣстѣ съ льдинами подвинулись на 450 миль отъ того мѣста, какъ вошли въ ледяное поле.

Наконецъ 2 февраля въ шир. $67^{\circ} 29'$, дол. 159° з., пробившись сквозь льды, вышли въ чистое море. Далѣе плавали въ тѣхъ же водахъ, какъ и въ прошломъ году. 18 февраля въ полдень находились въ шир. $76^{\circ} 52'$ и дол. 178° з.

20 февраля термометръ показывалъ— 8° , 9; вокругъ судовъ сталъ образовываться новый ледъ; снасти обледенѣли.

23 февраля достигли $77^{\circ} 49'$ шир. въ $162^{\circ} 36'$ з. д. На ледяныхъ горахъ видѣли много камней и остатки земли: ясно было, что они отдѣлились отъ берега. Глубина моря здѣсь оказалась 290 сажень; но какъ ледяная стѣна имѣла высоты только до 15 сажень, то и вѣлья было полагать, чтобъ она касалась дна. Въ полдень дошли до $78^{\circ} 10'$ ш. при $161^{\circ} 27'$ з. д., слѣдовательно на 6 миль далѣе къ югу противъ прошлогодней наибольшей широты. Россъ

желалъ плыть вдоль ледяной стѣны, тянувшейся къ сѣверо-востоку, но при морозѣ 6° , вода на все видимое пространство стала покрываться слоемъ новаго льда, и какъ зима приближалась, то рѣшились спуститься къ сѣверу и 5 марта пересѣкли полярный кругъ, за которымъ находились 64 дня.

13 марта, суда, при крѣпкомъ вѣтрѣ, набѣжали на цѣпь ледяныхъ горъ и едва успѣли привести къ вѣтру; при этомъ случаѣ Эребусъ и Терроръ такъ сильно другъ о друга стукнулись, что на первомъ сло-мались бушприть и форъ-стенъга.

18 марта въ ш. 60° и д. 125° з. достигли мѣста, гдѣ предполагаютъ южный фокусъ наибольшей магнитной силы.

2 апрѣля миновали мысъ Горнъ и 6 апрѣля прибыли въ Портъ-Луи на Фалклендскихъ островахъ. Зиму употребили на исправленіе судовъ; изъ Ріо-Жанейро привезли новый бушприть, между тѣмъ занимались магнитическими наблюденіями.

17 декабря пустились въ третье, последнее къ южному полюсу плаваніе, и именно къ землѣ Луи-Филиппа.

20 декабря пересѣкли линію ровной температуры океана въ ш. $55^{\circ} 48'$, д. $54^{\circ} 41'$ з. На 1000 саженьяхъ глубины термометръ показывалъ $3^{\circ},3$ на 750 с. $3^{\circ},2$ на 600 с. $3^{\circ},3$ на 450 с. $3^{\circ},4$ на 300 с. $3^{\circ},4$ на 150 с. и на поверхности моря $3^{\circ},6$.

Океанъ, занимающій до $\frac{3}{4}$ всей поверхности земнаго шара, дѣлится, въ отношеніи температуры воды, на три бассейна: первый, или тропическій, находится между параллелями 56° с. и 56° ю. ш.; другіе два отъ параллелей 56° идутъ къ обоимъ полюсамъ и называются сѣвернымъ полярнымъ и южнымъ полярнымъ бассейномъ, смотря потому, какой въ срединѣ ихъ находится полюсъ. Въ тропическомъ бассейнѣ опыты показали, что, по мѣрѣ увеличиванія глубины, температура воды постепенно уменьшается, однако не далѣе $+ 3^{\circ}$; потомъ, начиная съ глубины отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ футовъ, постоянно оказывается та же самая температура. Совсѣмъ другое явленіе замѣчается въ бассейнахъ полярныхъ. Тамъ на поверхности воды термометръ показываетъ нуль и даже ниже нуля, съ увеличеніемъ же глубины, температура возвышается, пока не дойдетъ до $+ 3^{\circ}$, тогда на всѣхъ дальнѣйшихъ глубинахъ остается постоянною. Такимъ образомъ на обоихъ полушаріяхъ около параллели 56° есть полоса, на которой, начиная отъ самой поверхности океана, во всѣхъ глубинахъ бываетъ почти одна и та же температура: около $+ 3^{\circ}$; это и есть нормальная, собственно океану принадлежащая теплота.

24 декабря въ шир. 61° открылись первые льды и 25 декабря суда вошли въ нихъ.

27 декабря, находясь между ледяными островами, при температурѣ воздуха $2^{\circ}2$, и воды 0,9, видѣли, какъ ледяныя горы таяли и съ страшнымъ шумомъ и трескомъ разрушались. Подобнаго явленія не замѣчали въ прежнія плаванія.

28 декабря увидѣли на параллели 63° берегъ, составляющей продолженіе земли Луи-Филиппа; нѣсколько прибрежныхъ острововъ названы Опасными.

1 января 1843 года въ шир. $64^{\circ} 14'$, дол. $55^{\circ} 54'$ з. находились близъ высокой земли. Гору на ней, высотой въ 7050 футовъ, назвали Гаддингтонъ, а возвышавшійся около нея на 2760 футовъ отъ поверхности моря островъ—Кокборнъ; вершина его обнажена была отъ снѣга и походила на потухшій кратеръ. Островъ этотъ принять во владѣніе Англии.

Весь январь провели во льдахъ. 4 февраля, выйдя изъ нихъ, направили путь къ востоку, чтобъ подняться въ наибольшую широту.

14 февраля въ шир. $65^{\circ} 13'$ пересѣкли путь Ведделя, но совершенно при другихъ обстоятельствахъ: онъ плавалъ въ свободномъ отъ льдовъ морѣ, а Эребусъ и Терроръ встрѣтили тутъ густыя льды.

28 февраля опять были въ чистомъ морѣ. 1 марта пересѣкли полярный кругъ въ долготѣ 9° з. 5 марта достигли $71^{\circ} 30'$ при долготѣ $14^{\circ} 51'$ з. Но далѣе, за сплошными льдами, не могли проникнуть. Въ слѣдующіе дни вытерпѣли два шторма и, къ большому счастью, избѣжали столкновенія съ ледяными горами.

11 марта вышли изъ полярнаго круга въ дол. $13^{\circ} 30'$ з. 25 марта въ ш. $47^{\circ} 10'$ д. $10^{\circ} 51'$ в. видѣли послѣдніе ледяные острова.

4 апрѣля суда прибыли на мысъ Доброй Надежды, потомъ въ Рио-Жанейро, наконецъ благополучно возвратились въ Англію, не потерявъ ни одного человѣка отъ болѣзни во все время этого труднаго, въ самомъ неблагопріятномъ климатѣ, плаванія.

Послѣ всѣхъ этихъ путешествій существованіе огромнаго южнаго материка не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Честь перваго открытія его по справедливости должна принадлежать русскому мореплавателю Беллинсгаузену; найденный имъ берегъ Александра подъ меридіаномъ 73° з. д. вѣротно, примыкаетъ къ землѣ Грагама, составляя самую южную, доселѣ извѣстную ея оконечность*. За берегомъ Грагама тянутся къ сѣверо-востоку земли Пальмера, Троицы и Луи-Филиппа до 50° з. д.,

* Жаль, что предприимчивый Россъ въ третье свое плаваніе къ южному полюсу, не устремился къ нему подъ этимъ меридіаномъ.

потомъ, близъ полярнаго круга, подъ меридіаномъ 50° * в. д., находится открытая капитаномъ Бискозъ земля Эндерби, капитанъ Кембель видѣлъ берегъ подъ меридіаномъ 60° , далѣе идетъ берегъ, видѣнный американскимъ капитаномъ Вильксомъ отъ 100° до 160° в. д.; этотъ же берегъ видѣли Баллени на меридіанѣ 120° в. д. (земля Сабрина) и Дюмонъ-Дюрвиль на меридіанахъ 135° в. д. (берегъ Клари) и 140° в. д. (земля Адель). Наконецъ между меридіанами 160° и 170° простирается открытая капитаномъ Россомъ на самомъ отдаленномъ югѣ земля Викторія.

Но южный материкъ все еще сокрытъ подъ непроницаемою завѣсою: его окружаетъ недоступная ледяная стѣна и доселѣ ни одинъ еще мореходецъ не вступалъ на таинственный берегъ, вершины котораго покрыты вѣчными снѣгами, а внутри kloкочуть огненные раскаленные массы, выбрасывая изъ кратеровъ лаву и пламень на 2000 ф. въ высоту.

Но что недоступно нынѣ, доступно можетъ быть завтра пытливому, непрестанно идущему впередъ уму человѣческому. Придетъ время, когда отвага и усилія людей предпримчивыхъ, побѣдивъ все препятствія, проникнуть не только на южный материкъ, но и до самыхъ земныхъ полюсовъ. Дай Богъ, чтобы подобныя открытія на пользу науки совершены были сынами великой земли Сѣвера, судьбами которой управляетъ Царь мудрый и могучій.

Н. НОВОСИЛЬСКІЙ.

* Запажье этой земли, между меридіанами 16° и 19° в. д., вѣроятно, долженъ находится неизвѣстный берегъ, потому что капитанъ Беллинсгаузенъ, находясь здѣсь въ большо- широтѣ, видѣлъ береговыхъ птицъ.

ДЖАКЪ ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Нѣсколько времени тому назадъ, ѣдучи изъ Глазгоу въ Ливерпуль, посреди всеобщей суматохи и говора, царствовавшихъ на станціи желѣзной дороги, я былъ пораженъ зрѣлищемъ, которое, потому особенно привлекло мое вниманіе, что составляло противоположность съ окружающими предметами и которое во всякое время заинтересовало бы меня, приведа на память воспоминанія прежняго ремесла моего.

Путешественники и носильщики проходили съ двухъ противоположныхъ сторонъ; мужчины и женщины были обременены: первые чемоданами, послѣднія—картонами. Тутъ одинъ паровозъ подымаетъ въ воздухъ свою колонну дыма, тамъ другой, улетаая, оставляетъ въ пространствѣ свои пронзительные крики. Посреди кутерьмы этой я замѣтилъ группу, состоящую изъ шести моряковъ; они вышли изъ вагона третьяго разряда и тащили за собой поклажи свои, запачканныя и пропитанныя самымъ чистымъ запахомъ смолы. Пятеро изъ нихъ, вовсе несхожіе между собою, въ отношеніи лѣтъ и тѣлосложенія, были очень смуглы; лица ихъ, руки и шея подходили подъ цвѣтъ краснаго дерева, что достаточно доказывало многочисленность и продолжитель-

ность ихъ путешествій, совершенныхъ ими вдоль всѣхъ широтъ, гдѣ вѣтеръ освѣжаетъ жаръ, когда жаръ не уничтожаетъ вѣтра.

Одинъ изъ моряковъ этихъ, сильный и здоровый человѣкъ, среднихъ лѣтъ и славнаго роста, съ огромными усами, шелъ впереди; на немъ была шапка изъ манильской травы, коричневые панталоны, сапоги и широкій камзолъ, изъ наружнаго кармана котораго торчалъ великолѣпный платокъ, произведенія Индіи... Я былъ увѣренъ, что это шкиперъ какого нибудь красиваго корабля компаніи Восточной Индіи. Странное лицо, принадлежащее къ группѣ этой, былъ молодой негръ отъ девятнадцати до двадцати лѣтъ, одѣтый матросомъ, какъ остальные его товарищи; только безобразныя ноги его были обуты въ пару высокыхъ сапоговъ, въ которыхъ онъ путался во время ходьбы, между тѣмъ, какъ у товарищей его была преотважная поступь, несмотря на то, что они немного шатались; но это происходило отъ дорожной тряски, къ чему людямъ ихъ ремесла трудно привыкнутьъ; у негра былъ широкій носъ, толстыя губы и кожа такъ черна и блестяща, что походила цвѣтомъ на каменный уголь. Еслибъ, какъ большая часть негровъ, онъ вѣчно скалилъ зубы, то, вѣроятно, не былъ бы такъ забавенъ, какъ теперь своей важной фізіономіей. Нѣсколько молодыхъ дамъ, стоявшихъ неподалеку съ распушенными зонтиками, чтобъ предохранить цвѣтъ лица отъ солнца, говорили между собою:

— Ахъ! посмотрите, посмотрите на этихъ моряковъ: они должны быть иностранцы.

Что касается до меня, я съ перваго взгляда увидѣлъ, не нуждаюсь въ ихъ краснорѣчій, что люди эти были закоренѣлые англійскіе матросы, такіе, какихъ не найдти даже между моряками нашей націи.

Разумѣется, что шотландецъ и ирландецъ могутъ быть хорошими моряками, и можно насчитать съ дюжину такихъ, которымъ теорія ремесла этого безызвѣстна, однако, въ *морскомъ* англійскомъ воинѣ есть какая-то особенная способность, смышленное развитіе этого идеальнаго характера, который состоитъ изъ смѣси суровости и безопасности, практической ловкости и простосердечнаго незнанія свѣта, и которымъ отличаются дѣти Океана.

Предаваясь размысленіямъ этимъ, въ которыхъ серьезное мѣшалось съ забавнымъ, я спѣшилъ къ ливерпульскому пароходу; онъ неподвижно стоялъ у набережной и въ продолженіе этого минутнаго отдыха фыркалъ какъ огромный китъ, всплывшій, чтобъ подышать воздухомъ на поверхность. Между пассажирами, которые давили, такъ сказать, па-

лубу, мнѣ пріятно было увидѣть этихъ моряковъ; ихъ было, какъ я уже сказалъ, шестеро; они сошли въ матросскую каюту, гдѣ помѣстились съ самымъ довольнымъ видомъ, что доказывало, что они почитали себя почти какъ дома.

Черезъ нѣсколько минутъ *Городъ Глазгоу* выплывалъ изъ порта, ударяя сильно и быстро своими огромными крыльями, которыя все болѣе и болѣе вытягивались, по мѣрѣ того, какъ мы вѣзжали въ море. Волны сильнѣе заходили. Чтобъ утвердить ходъ судна, развернули большой фокъ на остромъ носу его—и дымное облако, вылетающее изъ трубы и разносимое вѣтромъ, останавливалось на задней части парохода, гдѣ черная, какъ смола, тѣнь его рѣзко отдѣлялась отъ бѣлой струи, которую пароходъ, въ полетѣ своемъ, оставлялъ за собою.

Съ самаго начала вечера (это было лѣтомъ) серебристый дискъ луны сталъ подыматься противъ синеватыхъ вершинъ Аррана, еще позлащенныхъ лучами заходящаго солнца.

Между тѣмъ прибрали немного и возстановили порядокъ на палубѣ, заваленной поклажами; клокотанье воды и шипѣнье паровой трубы были тишиною для ушей нашихъ въ сравненіи со стукомъ и жужжаньемъ сопровождавшимъ отъѣздъ нашъ.

Въ число особенныхъ и, какъ кажется, неизбежныхъ непріятностей которыя надо переносить на пароходахъ, слѣдуетъ помѣтить слѣпаго скрипача, безпрестанное скрипѣнье котораго, присоединяясь къ толчкамъ и качанью желудка, производитъ непріятный феноменъ, столь обыкновенный на пароходахъ.

Одинъ изъ такихъ странствующихъ музыкантовъ показывалъ образчикъ своего таланта передъ одною группою пассажировъ. Далѣе, между тѣмъ, на концѣ парохода оставалось одно мѣсто, гдѣ не было ни шуму, ни суетни, и гдѣ я вскорѣ замѣтилъ моряковъ своихъ, фигуры которыхъ отдѣлялись на неизмѣримой перспективѣ моря.

Покинувъ избранную сферу, чтобъ закурить сигару, я засталъ двоихъ моряковъ, тѣхъ, которые были постарше, въ разговорѣ съ какимъ-то пассажиромъ, тоже мореходомъ, поповидимому не столь свѣдующимъ, какъ они сами.

Остальные прохаживались быстрымъ и неровнымъ шагомъ, характеризующимъ моряковъ вообще. Негръ же поворачивалъ по временамъ голову и выражалъ гримасою удовольствіе, которое доставляла ему музыка; но, впрочемъ, онъ не удостоивалъ вниманіемъ общество низшаго

разряда, подлѣ котораго стоялъ, и не вмѣшивался въ толпу, которая повидимому уже взмолилась морю о помилованіи.

По всему видно было, что товарищи негра считали его совершенно себя равнымъ, да и онъ самъ, кажется, былъ такого же мнѣнія.

Цвѣтъ кожи не поселялъ къ нему отвращенія моряковъ, участь которыхъ, онъ, вѣроятно, давно рздѣлялъ, какова ни была бы она. Постель ихъ уже была приготовлена у блинда парохода, между дубовыхъ шестовъ и пучковъ веревокъ.

Презабавно было смотрѣть, съ какимъ презрѣніемъ закоренѣлые эти моряки глядѣли на матросовъ этой *лодки съ трубой*, и какъ послѣдніе уважали ихъ. Но дѣло въ томъ, что ни съ той, ни съ другой стороны не было замѣтно особеннаго желанія поразговориться.

Когда я очутился подлѣ нихъ, то сдѣлалъ велухъ нѣсколько замѣчаній, обращаясь къ моряку, котораго принималъ за начальника этой маленькой группы. Мнѣ было нетрудно заставить разговориться этого настоящаго *батюшку Смолу*. Онъ былъ смышленъ и учтивъ. Я приписываю это тому, что онъ видѣлъ столько отдаленныхъ странъ и любопытныхъ вещей, на которыя, чтобъ умѣстить ихъ на бумагѣ, не хватило бы дюжины путешественниковъ и комментаторовъ.

Всѣ они шестеро плавали на однихъ и тѣхъ же корабляхъ по разнымъ направленіямъ. Недавно, принадлежа къ экипажу большаго ливерпульскаго корабля, который они теперь договяли, они были въ Калькуттѣ, Сингапорѣ и Кантонѣ; въ промежуткѣ, между прїѣздомъ и отъѣздомъ этого корабля, они съѣздили въ Глазгоу по дѣлу главнаго шкипера. Окончивъ дѣло это, они отправились къ Ломондскому озеру (lac Lomond); до тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не видывалъ прѣсной воды.

Вовремя объясненія этого и пока негръ прохаживался взадъ и впередъ мимо меня съ своими товарищами, я увидѣлъ сквозь разстегнутую пеструю рубашку, что грудь его была расписана странными эмблемами, ярко-синяго и краснаго цвѣтовъ. Вѣроятно, онъ почти не считалъ бы себя мужчиною, еслибъ на немъ не было украшеній такого рода; потому что дикіе океана во многихъ отношеніяхъ сходны съ дикими американскихъ лѣсовъ.

Наконецъ я сказалъ шкиперу нѣсколько словъ насчетъ этого страннаго украшенія молодаго негра.

— Jack Moonlight! (Джакъ Лунный-Свѣтъ) закричалъ морякъ, обращаясь къ негру, подойди сюда, любезный... Покажи свои бумаги вотъ этому барину.

Негръ улыбнулся и повидимому былъ очень доволенъ моею просьбою; онъ разстегнулъ рубашку и показалъ мнѣ свои знаки. Посрединѣ былъ рисунокъ, вѣроятно съ намѣреніемъ нарисованный, чтобъ скрыть сломанную въ груди кость: надъ рисункомъ была корона, а подъ нимъ якорь; съ одной стороны большая стрѣла морскаго арсенала, съ другой кругъ въ которомъ стоялъ 1838 годъ.

— Это мои документы, милостивый государь, сказалъ негръ, выказывая свои бѣлые зубы.

— Знакъ этотъ для него очень важенъ, прибавилъ одинъ изъ молодыхъ моряковъ, но у него есть еще другой, на плечѣ; знаете мистръ Вильсонъ?

— Объ этомъ не надо говорить, Дикъ, отвѣчалъ шкиперъ.

Негръ снова принялъ важный видъ и снова началъ ходить взадъ и впередъ.

— Какъ вы его сейчасъ назвали? спросилъ я у Вильсона: кажется Лунный-Свѣтъ?

— Да, милостивый государь, его зовутъ Джакъ Лунный-Свѣтъ.

— *Ut lucus a non lucendo*, подумалъ я. Это, вѣроятно, какой нибудь сверхъестественный лунный свѣтъ... что-то въ родѣ потаеннаго фонаря. Да кто жъ назвалъ его такимъ именемъ? спросилъ я громко.

— Право не знаю, милостивый государь, отвѣчалъ шкиперъ: кажется весь экипажъ. Подшкиперъ и поварь, какъ отличные маляры, накололи и разрисовали на груди его эти фигуры.

— Да тутъ цѣлая исторія, милостивый государь, сказалъ мнѣ другой матросъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать ее. Расскажите, пожалуйста, вскричалъ я, обращаясь къ шкиперу и садясь, между тѣмъ, какъ двое его товарищей выражали глазами то же желаніе.

— По правдѣ сказать, отвѣчалъ морякъ, съ самодовольнымъ видомъ поправляя камзолъ и поглядывая то на тотъ, то на другой сапогъ: я не большой мастеръ рассказывать; но какъ я самъ разыгрывалъ роль въ этомъ дѣлѣ, то вы узнаете его подробно и вѣрно. Въ то время, продолжалъ онъ, мы были на дрейфѣ передъ Гаваною, напротивъ мѣлы. Корабль *La Marie Jeanne de Bristol*, находился подъ командою капитана Дрейя; это было въ 1838 году—кажется что такъ, Томъ?

— Да, да, мистръ Вильсонъ, подтвердилъ другой морякъ: это довольно ясно и правильно написано на груди Джака Луннаго-Свѣта

* Каменный валъ въ морѣ у пристани.

— Марія Жанна, продолжалъ шкиперъ, возвратилась изъ Ямайки, чтобъ разсчитаться по одному дѣлу, и потому недолго оставалась на мѣстѣ; но, за двѣ ночи до ея отъѣзда, прибылъ большой португальскій гальотъ и, въ свою очередь, легъ на дрейфъ за тридцать-пять футовыхъ саженъ отъ правой стороны нашего корабля, такъ что изъ оконъ своихъ мы могли смотрѣть въ его каюты. Правда, флагъ гальота смахивалъ на американскій и на немъ былъ *янки*, который, какъ говорили, замѣнялъ иногда командира экипажа; но, наблюдая за его приемами, уловками, и видя большую палату, которая была почти на одной лини съ бугшпритомъ, мы вскорѣ не имѣли больше никакого сомнѣнiя, что такое былъ въ самомъ дѣлѣ этотъ гальотъ. Съ самой первой ночи, судя по шуму и свѣту на кораблѣ, мы догадались, что изъ него высаживаютъ порядочное число недавно вывезенныхъ изъ Гвинеи негровъ. Между тѣмъ, сторожевыя испанскія лодки объѣзжали надзоромъ и трибуналъ, засѣдающій чрезъ три или четыре дня, разыскивалъ и преслѣдовалъ всѣхъ и каждого, кого только подозрѣвали занимающимся такой торговлей; трибуналъ этотъ увѣрялъ, что онъ такъ строгъ и употребляетъ такую осторожность и бдительность, что отъ него ничто скроется. Около Флоридъ видѣли тоже англійскаго крейсера, но мы предполагали, что, день тому назадъ, онъ былъ занесенъ бурей въ Мексиканскій заливъ.

На слѣдующую ночь былъ чудный свѣтъ луны, такъ что на кораблѣ, гдѣ были негры, все было совершенно тихо до двухъ часовъ третьей четверти. Тогда онъ снова сталъ переносить на землю, какъ говорится, свой грузъ, потому что лунѣ надлежало скоро закатиться, а судно находилось въ тѣни, отбрасываемой магазинами.

Рулевой и я (въ это время я былъ еще просто матросомъ перваго класса на Маріи-Жаннѣ) стояли тогда на палубѣ, потому что была наша очередь караулить, какъ вдругъ замѣтили, что на сосѣднемъ кораблѣ происходило какое то смятеніе и глухой шумъ. Тѣнь корабля этого доходила почти такъ же далеко, какъ тѣнь нашего руля; я въ это время смотрѣлъ въ задъ корабля, и мнѣ показалась на водѣ струя, какъ будто человѣкъ, или какое нибудь животное, подплывалъ къ нашему кораблю.

— Рулевой! сказала я: ужь не акула ли это, которую, говорятъ, кормить гальотъ, потому что она служитъ ему вахтою?

— Гдѣ это? спросилъ рулевой.

— Да вонъ, посмотри! отвѣчалъ я.

Въ эту именно минуту я увидѣлъ черную и курчавую голову негра, который вплылъ въ пространство, освѣщенное луной, отдѣлявшее нашъ корабль отъ пространства тѣни, въ которой находился галюль. Негръ плылъ безъ малѣйшаго шума.

— Смирно, товарищъ! сказалъ я рулевому: не пугай бѣднаго малаго. Бьюсь объ закладъ, что онъ ищетъ спасенія.

Негръ взлѣзъ на ванты бизань-мачты, потому что голова его выставилась изъ-за закраинъ правой стороны корабля, а какъ мы съ рулевымъ не пошевелились, то онъ доползъ до бика, гдѣ люки были отворены и всѣ матросы спали на своихъ койкахъ. Въ одну минуту онъ спустился внизъ; мы подкрались за нимъ, чтобъ посмотрѣть, что онъ станетъ дѣлать. Подъ самой лѣстницей находилась кладовая, гдѣ лежали уголья нашего повара; кладовая эта была въ полу и отворялась желѣзнымъ кольцомъ. Негръ, чтобъ соскочить туда, не спрашивая позволенія, началъ открывать кладовую. Какъ только онъ исчезъ и дверь за нимъ захлопнулась, рулевой вскричалъ!

— Да онъ еще ребенокъ!

— Но все таки порядочно проворный, отвѣчалъ я. — Что удивляетъ меня, такъ это сметливость, съ которою онъ выбралъ себѣ самый лучший пріютъ изъ всего корабля. Старикъ Дидона, право, можетъ принять его за сына жены своей Нанси, совершенно почернѣвшаго отъ угля.

— Такъ слушай же пріятель, продолжалъ, смѣясь, кормчій: надо, во что бы то ни стало, скрыть мальчика отъ *чернаго аптекаря* и не пускать его въ кладовую до тѣхъ поръ, пока корабль не выйдетъ въ открытое море.

Вы знаете, милостивый государь, что мы зовемъ *аптекаремъ* нашего повара.

— Не безпокойся, товарищъ, сказалъ я: постараюсь такъ устроить дѣло, чтобъ Дидона не могъ разболтать этой тайны между проклятыми торгошани.

Надо вамъ сказать, что этотъ Дидона былъ поваромъ на кораблѣ Марія-Жанна; настоящее имя его было Діодоръ Томпсонъ; но будучи передъ тѣмъ, два или три года тому назадъ, помощникомъ повара на фрегатѣ *Дидоны*, его всѣ стали звать Дидоной, хотя я и слышалъ, что это скорѣе женское, чѣмъ мужское имя. Это былъ негръ янки, такой же черный, какъ уголь, съ которымъ онъ безпрестанно имѣлъ дѣло; впоследствии онъ женился на одной женщинѣ изъ Бристоля. Она подарила ему сына; но ребенокъ былъ бѣлъ какъ мать.

На слѣдующее утро, передъ тѣмъ, какъ подымать якорь, Дидона вышелъ изъ своей койки въ шесть часовъ утра и собирался разводить огонь; онъ подошелъ къ баку и хотѣлъ было отворить угольную камору, но я остановилъ его, сказавъ:

— Постой, Дидона, я хочу дать тебѣ добрый совѣтъ.

— Не мѣшайся въ чужія дѣла, а занимайся собственными, Джакъ Вильсонъ, отвѣчалъ онъ грубо, по своей привычкѣ.

— Дидона, продолжалъ я: какъ ты думаешь, кто сбѣжалъ нынѣшнюю ночь по этой лѣстницѣ въ угольную камору?

— Не могу знать, отвѣчалъ онъ. Да кто жъ это былъ, Джакъ? а?

Сказавъ это, онъ опустилъ желѣзное кольцо двери.

— Такъ знай же, Дидона, сказалъ я: у насъ на кораблѣ что-то не ладно. Тутъ я началъ намекать ему о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ.

Поварь поспѣшилъ исполнить мои совѣты, чему я отъ души хохоталъ. Между тѣмъ старикъ не смѣлъ открыть совѣтъ люка, а чуть приподнял его, чтобъ всунуть только провизію, достаточную для прокормленія полдюжины человекъ.

Такимъ образомъ я былъ увѣренъ, что мнимый люциферъ просидитъ тамъ спокойно цѣлый день.

Когда мы начали поднимать якорь, лодка, принадлежащая гальоту, съ неприязненнымъ любопытствомъ стала ѣздить около нашего корабля. потому что люди эти питаютъ естественное отвращеніе къ англійскимъ кораблямъ. Два или три раза они посмотрѣли изподлобья на старика Дидону, въ замѣнъ чего, поваръ забросалъ ихъ проклятіями, достойными сатаны. Я думаю, что еслибъ мы опоздали часомъ сняться съ якоря, то сосѣди пришли бы къ намъ на корабль съ испанскими солдатами и позволеніемъ обѣискать насъ. Они стали бы увѣрять, что потеряли невольника законно-купленнаго, или даже, можетъ быть, стали бы обвинять насъ, что мы занимаемся постыдной торговлей, которой они сами занимались.

Между тѣмъ мы отправились, и къ первой четверти земля была у насъ на юго-западѣ, *канатные паруса* на сторонѣ бакборда, а вѣтеръ сзади.

На слѣдующее утро поваръ подошелъ къ моей койкѣ, сталъ качать ее и сказалъ:

— Тенерь мнѣ уголь необходимъ, Джакъ... Ужъ вѣрно онъ выбрался оттуда—какъ ты думаешь, любезный?

— Убирайся къ чорту, дуракъ! закричалъ я. Оставь меня въ покоѣ. Развѣ ты не знаешь, что меня только что смѣнили, а ты прерываешь сонъ бѣднаго матроса и занимаешь его собственными своими дѣлами.

— Клянусь небомъ, я отплачу тебѣ, проклятая смола! вскричалъ поваръ въ ярости. Ты выдумалъ, будто тутъ сидитъ чортъ... Я заставлю тебя раскаяваться въ такой шуткѣ... и не позже какъ сегодня утромъ... вмѣсто чаю, напою тебя кипяткомъ.

— Ну такъ иди за углемъ, сказалъ я ему.

Дидона взялся за кольцо, приподнялъ дверь каморы и, спуская внизъ лѣстницу, погрозилъ мнѣ кулакомъ.

— Прощай, Дидона, закричалъ я ему.

— О, проклятый злодѣй! промычалъ онъ изъ глубины каморы.

Поваръ пошатнулся; я могъ объ этомъ судить по треску угля; потомъ, вдругъ заревѣлъ какъ звѣрь.

Въ эту самую минуту явился молодой негръ.

— Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, выскочилъ изъ каморы и бросился на палубу, откуда побѣжалъ на шканцы; тамъ стоялъ подшкиперъ, который въ эту минуту командовалъ, чтобъ распустили другой парусъ.

Опускная дверь упала, прихлопнулась и бѣдный Дидона остался тамъ какъ въ мышеловкѣ. Еслибъ намъ не хотѣлось завтракать, то мы заставили бы его посидѣть тамъ.

Когда поваръ вышелъ изъ каморы, онъ былъ совершенно встревоженъ.

— Ты правду сказалъ, Джакъ Вильсонъ, вскричалъ онъ, глядя на меня: чортъ сидѣлъ въ каморѣ; я видѣлъ его — и это вѣрно! Онъ, какъ пламя, вылетѣлъ изъ груды угля... и такъ же черенъ какъ... Эй, товарищи! да кажется вы смѣетесь... это и въ самомъ дѣлѣ смѣшно.... ха! ха! ха!

Дидона до того расхохотался, что у него слезы полились изъ глазъ.

Наконецъ всѣ обступили молодаго негра, который стоялъ на шканцахъ. Бѣдняжка не умѣлъ сказать ни слова по англійски; но онъ бросился къ ногамъ подшкипера, какъ бы умоляя пощадить его жизнь.

Въ эту самую минуту капитанъ корабля вышелъ на палубу съ двумя дамами, бывшими въ числѣ пассажировъ; имъ хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ; но какъ негръ былъ въ совершенномъ дезабильѣ, то дамы тотчасъ же юркнули въ каюту. Капитанъ увидѣлъ невольника и немедленно разобралъ дѣло, а потомъ приказалъ подшкиперу одѣть его и дать въ помощники повару.

Дидона громче прежняго сталъ хохотать. Онъ хотѣлъ усыновить новичка, котораго полюбилъ весь экипажъ нашъ, видя, что онъ на все способенъ. Какъ я уже сказалъ вамъ, его назвали Джакомъ, и вмѣсто того, чтобъ оставить мальчика на кухнѣ, изъ него сдѣлали что-то похожее на моряка.

Во время возвращенія Маріи-Жанны, негръ довольно кое чему выучился, такъ-что могъ уже развѣртывать паруса и прикрѣплять ихъ. Мы поручили Дидонѣ напечатать на груди его свидѣтельство по всѣмъ правиламъ, доказывающее, что онъ вступилъ въ званіе моряка, за плату, въ службу Великобританіи. Это и есть то самое свидѣтельство, которое вы сейчасъ видѣли, милостивый государь.

— Все это очень хорошо, сказалъ я; но во всемъ этомъ, нѣтъ и помину о лунѣ... такъ что я не понимаю, почему называете вы его такимъ страннымъ именемъ? Онъ вовсе не похожъ на лунный свѣтъ?

— Погодите немного, я не кончилъ еще своего разсказа. Я сдѣлалъ еще путешествіе въ Ямайку на Маріи-Жаннѣ, потому что всегда имѣлъ привычку не измѣнять, если можно только, кораблю своему. Я помню, какъ одинъ разъ поваръ Дидона, поссорившись съ женою своею Ненси, вскорѣ послѣ того, какъ мы снялись съ якоря, сказалъ негру Джаку при всемъ экипажѣ, что намѣренъ оставить ему все, что скопилось; а онъ былъ довольно богатъ, какъ это было всѣмъ извѣстно. Дидона никогда не тратилъ своего жалованья и во время многочисленныхъ путешествій старикъ-негръ собралъ не мало денегъ.

— На этотъ разъ, благодаря попутному вѣтру, мы скоро летѣли, пока не очутились у Багамы. Корабль остановился и остался неподвиженъ какъ столбъ посреди огромнаго пространства воды, жгучій какъ пламя, ровный какъ ледъ. Два или три раза порывъ вѣтра толкалъ корабль нашъ впередъ, но вскорѣ другой сильный порывъ оттолкнулъ его назадъ; когда вѣтеръ дулъ сзади мы спѣшили распускатъ паруса и, мину-ту спустя, принуждены были, во время проливнаго дождя, подымать изъ гардени. Право, мы думали, что никогда не выберемъ изъ этой негостепріимной широты, какъ вдругъ увидѣли такъ же ясно, какъ на мореходной картѣ, струю на поверхности моря, по направленію сѣверо-запада.

Вскорѣ мы замѣтили плывущую вдоль корабля нашего огромнѣйшую акулу; такого чудовища я отъ роду не видывалъ. Каждую ночь она отплывала за корабль, и тяжелая масса ея стеклянно-зеленаго цвѣта погружалась въ глубину лазурныхъ водъ; но каждое утро она снова являлась подлѣ корабля, съ распущенными лапами и въ сопровожденіи

двухъ маленькихъ морскихъ рыбъ. Ее никакъ нельзя было приманить, и матросы предсказывали, что между насъ непременно скоро убудетъ кто нибудь изъ товарищей.

Однако поварь, чтобъ привлечь это чудовище, приготовилъ чудесную приманку — такой огромный кусокъ поросенка, что его хватило бы на четверть экипажа. И въ самомъ дѣлѣ поварь поймалъ акулу. Всѣ матросы схватились за веревку, въ которую попала акула, и съ большимъ трудомъ втащили уже морду ея на палубу, такъ что видна была внутренность ея пасти и горла. Но вдругъ веревка оборвалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была скрѣплена съ цѣпью.

— Акула, произведя страшный шумъ и заливая насъ всплесками, снова упала въ море...

Животное исчезло изъ глазъ нашихъ.

Къ счастью, къ закату солнца, довольно сильный вѣтеръ понесъ насъ далѣе.

Наканунѣ у насъ была полная луна, а въ эту ночь, какъ теперь помню, былъ чудный лунный свѣтъ, какого я никогда не видывалъ. Вода, почти такая же синяя, какъ днемъ, катила свѣтлыя, блестящія волны; небо утопало въ бѣломъ, прозрачномъ воздухѣ, а луна, необыкновенной величины, сіяла какъ брильянтъ.

Поварь Дидона имѣлъ привычку въ теплыхъ широтахъ во время лунныхъ ночей спать на палубѣ. Онъ ложился лицомъ къверху, такъ что луна прямо ударяла на него, и грѣлся какъ ящерица на солнцѣ. Часто товарищи совѣтовали ему закрывать лицо и говорили, что если онъ не рискуетъ испортить цвѣта кожи, такъ можетъ проснуться или слѣпымъ или криворотымъ, или потерять память.

Мы говорили это не шута, потому-что въ тропикахъ мнѣ часто случалось видѣть товарищей, страдающихъ отъ сильнаго ударенія луны... Даже я вотъ чтó вамъ скажу: если вы вывѣсите на лунный свѣтъ рыбу, то не болѣе какъ въ часъ, или два, она такъ испортится что отъ нея будетъ пахнуть какъ отъ люциферовой спички, и она можетъ отравить того, кто съѣстъ ее.

— Наконецъ, милостивый государь, Дидона вышелъ на палубу съ старымъ одеяломъ, разостлалъ его на полъ и легъ лицомъ къ самой лунѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже спалъ глубокимъ сномъ и храпѣлъ изо всей силы. Тогда матросамъ, которыхъ попутный вѣтеръ привелъ въ веселое расположеніе духа, захотѣлось пошалить и хорошенько напугать Дидону.

Они принесли горшокъ съ краской и кистью и набросили слой штукатурки по всему лицу его (Дидона промычалъ только и продолжалъ спать попрежнему) потомъ намазали масломъ шершавую его голову и такъ причесали волосы, чтобъ они походили на рога; потомъ принесли полное ведро воды и поставили на палубу, подлѣ самаго негра, такъ, чтобъ проснувшись, онъ могъ себя видѣть.

Нѣсколько времени спустя, вѣтеръ сталъ утихать и паруса, колыхавшіеся еще сверху, вскорѣ почти совсѣмъ опустились; марьестенги крутились около мачтъ, потомъ снова распуекались со свистомъ, который раздавался по морю; наконецъ вѣтеръ совершенно пересталъ намъ услуживать и капитанъ корабля приказалъ сложить паруса. Еще разъ настала совершенная тишь; синяя вода только надувалась при свѣтѣ луны, какъ парусъ, который бы стали мыть въ серебряномъ тазу... Это лучшее сравненіе, какое могъ я придумать.

Такъ-какъ корабль нашъ остановился, черный поваръ, шатаясь, вскочилъ на ноги... и я почти готовъ поклясться, что накануне онъ разливалъ по бутылкамъ боченокъ ямайскаго рома. Когда онъ открылъ глаза, чтобъ узнать гдѣ находится, ведро съ водою, въ которой отражалась луна, стояло именно у него надъ носомъ.

Онъ замычалъ.

— Ахъ! чортъ!... вскричалъ онъ и, добѣжавъ до перилъ корабля, бросился въ море.

— Спасите! помогите! закричалъ я.

Весь экипажъ сбѣжался.

— Ахъ, Господи!... сказалъ одинъ матросъ, показывая пальцемъ точку, привлекавшую все его вниманіе: посмотрите!...

Черная голова Дидоны выставлялась изъ воды; но въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи что увидѣли мы? Черныя лапы акулы... Она подкрадывалась потихоньку, какъ обыкновенно дѣлаютъ эти проклятыя животныя, когда не увѣрены въ своей добычѣ.

— Акула! акула! кричалъ экипажъ: Громъ и молнія! вотъ она!

— Спускайте лодку! скомандовалъ подшкиперъ.

Нѣсколько человекъ бросились къ лодкамъ и немедленно спустили въ воду одну изъ нихъ.

Молодой негръ Джакъ тоже стоялъ на палубѣ. Въ одну минуту онъ сбросилъ съ себя шляпу и башмаки, схватилъ большой поварской ножъ и прыгнулъ въ море. Никогда не видалъ я, чтобъ кто нибудь плавалъ лучше и смѣлѣе его. При лунномъ свѣтѣ мы могли такъ же ясно

и хорошо видѣть все предметы, какъ днемъ. Джакъ подстерегъ удобную минуту и однимъ прыжкомъ бросился на акулу, лапа и хвостъ которой оставляли въ водѣ блестящую струю. Старикъ Дидона храбро барахтался, крича изо всей силы, чтобъ ему бросили веревку, но все не подозрѣвая соседства акулы.

Что касается до молодаго Джака, онъ въ послѣдствіи рассказывалъ намъ, что, чувствуя ноги свои на спинѣ чудовища, онъ нырнулъ подъ акулу и всадилъ въ челюсть ея поварской ножъ свой въ ту самую минуту, когда она поворачивала голову, чтобъ схватить свою добычу.

Джакъ какъ и все молодые негры съ береговъ Гвіаны, съ малыхъ лѣтъ упражнялся въ битвѣ съ морскими звѣрями.

Но любопытнѣе во всемъ этомъ-то, что съ тѣхъ самыхъ поръ чудовище не подавало знака жизни; вѣроятно, оно до того испугалось, что юркнуло въ самую глубь моря, по прямой линіи съ килемъ корабля нашего.

Что бы тамъ ни было, а лодка въ одну минуту очутилась подлѣ Дидоны и Джака, которые сѣли въ нее здравы и невредимы.

Джакъ клялся намъ, что въ ту минуту, когда акула готовилась повернуть голову и была только на поллоктя разстоянія отъ старика Дидона, и когда онъ, Джакъ, хлопоталъ на хребтѣ этого плотояднаго чудовища, то слышалъ звонъ цѣпи, въ которую запуталась морда акулы. Минуту спустя, подъ ногами у него была только одна прозрачная вода, въ которой онъ ясно видѣлъ бѣлые шары, поднимающіеся изъ зеленой массы, которая спускалась подъ выпуклость корабля. Въ такомъ случаѣ ноги повара, прежде чѣмъ акула проглотила бы ихъ, запуталась бы въ приманкѣ собственнаго его приготовления.

Въ заключеніе скажу, что происшествіе это произвело въ Дидонѣ такое потрясеніе, что онъ никогда не могъ поправиться, и, возвратясь изъ путешествія, поклялся провести на твердой земли остатокъ дней своихъ и никогда не поддаваться колдовству.

Не умѣю вамъ сказать, оттого ли, что этотъ новый родъ жизни ему не нравился, но вѣрно то, что въ скоромъ времени потомъ онъ навсегда отправился изъ здѣшняго міра, оставивъ Джаку большую часть того, что имѣлъ, съ условіемъ, что впредь онъ будетъ носить его имя.

Когда мы рассказали исторію эту матросамъ *Маріи-Жанны*, они въ шутку стали называть повара Луннымъ-Свѣтомъ, что было довольно

естественно, потому что, если разобрать хорошенько, такъ вѣдь лунный же свѣтъ былъ причиной его смерти.

Когда Джакъ, похоронивъ Дидону, отправился съ нами, стали называть его Jack Moonlight, хотя, если поглядѣть на него, никакъ нельзя вообразить, чтобъ могло быть что нибудь общее между Луннымъ-Свѣтомъ и чернымъ лицомъ Джака, развѣ только то, что крайности, какъ говорить, сходятся.

НОВОСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ.

Въ провинціальныхъ вѣдомостяхъ за сентябрь и октябрь мѣсяцы всюду жалуются на погоду и застой общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, почти все движеніе общественной провинціальной жизни въ сентябрѣ сосредоточивалось въ Нижнемъ Новгородѣ, на Макарьевской ярмаркѣ: тамъ былъ приливъ торговой общественной жизни. Нынѣшній годъ ей немного помѣшала холера, которая, хотя и не была сильна, но все таки пугала купцевъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ средоточіи торговли чаемъ, на нынѣшнюю ярмарку было привезено байхового чая до 25,000, а кирпичнаго до 11,500 ящиковъ. Вмѣстѣ съ ярмаркою была открыта въ Нижнемъ выставка сельскихъ произведеній для губерній Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Казанской и Самарской.

Такая же выставка была въ Херсонѣ съ 15-го сентября во время дворянскихъ выборовъ, и въ Вологдѣ, гдѣ она открылась 8 сентября. Число представленныхъ предметовъ на вологодскую выставку простирается до 700, и почти все принадлежатъ Вологодской губерніи. Здѣсь же 15 и 16 сентября происходили испытанія крестьянскихъ лошадей, изъ которыхъ первый призъ (по возовому испытанію) получилъ крестьянинъ Пудовъ, лошадь котораго (рыжій мѣренъ 7 лѣтъ, роста 2 арш. 2 $\frac{1}{2}$ верш.) провезла 203 пуда. На бѣговомъ же испытаніи получила первый призъ лошадь крестьянина Кирилова (гнѣдая кобыла роста 2 арш. и 1 $\frac{3}{4}$ верш.). проскакавъ дистанцію 6 верстъ въ 9 минутъ и

15 секундъ—быстрота, замѣчательная для простой крестьянской лошади. Въ Черкасѣ же недавно была особенно любопытна національная скачка. Донцы, въ полномъ вооруженіи съ ратовьями (копьями), слишкомъ 20 человекъ неслись во весь опоръ, приставъ на стремя, дистанцію 8 верстъ. Въ продолженіе 21 минуты по отправленіи, шесть скакуновъ пришли къ мѣсту и получили призы, между которыми первый призъ состоялъ изъ сѣдла, окованнаго серебромъ, и 100 руб. сер. Это не чета англійскимъ стипльчесь; здѣсь обыкновенная казачья лошадка, на которой сидитъ дюжій казакъ въ полномъ вооруженіи, перелетаетъ барьеры, рвы и балку также легко, какъ поджарый англійскій скакунъ съ выдержаннымъ на діэтѣ жокеемъ. Зато эти вооруженныя скачки производили восторгъ во всѣхъ казакахъ; они кричали ура и бросали въ воздухъ шапки.—Кстати о Новочеркасѣ. 2 октября тамъ умерла отъ холеры талантливая виолончелистка Христіани, посѣтившая большую часть Россіи и прибывшая въ Новочеркасскъ проездомъ съ Кавказа. * Къ этому некрологическому извѣстію объ артисткѣ прибавлю другое: въ Житомирѣ скончался, также отъ холеры, слѣпецъ-виртуозъ Фрибе, одинъ изъ лучшихъ современныхъ флейтистовъ... Особенно пострадали отъ холеры содержатели театровъ: она похитила извѣстнаго комика Красовскаго (автора пьесы Женихъ изъ Ножевой линіи, игранный съ большимъ успѣхомъ въ Москвѣ). Въ послѣднее время Красовскимъ украшалась владимірская сцена. Въ нынѣшній же сезонъ на владимірскомъ театрѣ, гдѣ обыкновенно даются водевили, 10, 11 и 13 сентября Казановъ давалъ представленія съ своею труппою обезьянъ, которыя, по новизнѣ своей, очень понравились владимірской публикѣ. Почти во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи есть теперь свои театры; но такъ какъ о нихъ говорится въ особыхъ статьяхъ Пантеона, то я не стану здѣсь о нихъ упоминать; скажу только о нашей провинціальной итальянской оперѣ въ Одессѣ и Тифлисѣ. Въ Тифлисѣ новая примadona Маріана Роффи, прелестная собою, какъ утверждаетъ тифлисская хроника, дебютировала съ большимъ успѣхомъ въ Лучи; голосъ г-жи Роффи хотя и не обширенъ, но въ высшей степени мелодиченъ. У Бартолотти очень нехорошій теноръ, а басъ Сонсоли обладаетъ прѣкраснымъ голосомъ.

Въ Одессѣ г. Ферлотти дебютировалъ въ Маріи ди Роганъ въ роли Энрико. Онъ прекрасный актеръ, и голосъ его, хотя уже не первой свѣжести, отлично обработанъ и очень понравился публикѣ. Тамъ

Въ это же время былъ тамъ Апполинарій Контскій и далъ нѣсколько концертовъ.

же съ большимъ успѣхомъ г. Фидель давалъ концертъ на скрипкѣ и г. Разими, профессоръ гимнастики, съ своей американской компаніей, давалъ мимико-аквилибрическое представленіе, заслужившее вниманіе въ послѣднее время и въ Кіевѣ. Г. Разими намѣренъ давать представленія по всей Россіи и быть даже въ Петербургѣ. Въ Кіевѣ же, въ театрѣ на Подолѣ играетъ балетная труппа г. Морисъ Пюнь, одна изъ первыхъ танцовщицъ котораго—г-жа Риза, заслужила одобреніе даже на вѣнской сценѣ.

Но все вниманіе кіевлянъ устремлено теперь на недавно-открытый памятникъ великому князю Владиміру Святому. Каждый день сотни людей поднимаются на Александровскую гору, чтобъ посмотреть на этотъ колоссальный монументъ. Статуя вылита изъ бронзы и вѣситъ 350 пудовъ; вышиною она въ 2 сажени, а во всемъ памятникѣ съ пьедесталомъ 9 сажень. Великій князь Владиміръ изображенъ съ благодарственной молитвой, подышшимъ взоры на небо въ ту минуту, какъ городъ спѣшитъ къ рѣкѣ креститься—мысль высокая и исполненная прекрасно. Лицомъ Владиміръ поставленъ къ Днябуру, гдѣ совершилось крещеніе русскаго народа. Въ правой рукѣ онъ держитъ крестъ, въ лѣвой великокняжескую шапку; одѣтъ въ древнее царское полукафтанье, сверху накинута мантия. Въ барельефѣ, имѣющемъ вѣса 159 пудъ, высоты 4 арш., ширины 3 арш., представлено крещеніе русскаго народа. Одна группа представляетъ двухъ женщинъ съ улыбающимся младенцемъ, вылитымъ превосходно; другая группа изображаетъ престарѣлаго дѣда, приведеннаго для крещенія сыномъ и внукомъ. Чело старика покрыто морщинами; онъ до преклонныхъ лѣтъ прожилъ въ язычествѣ, но лицо его теперь спокойно, какъ будто старикъ вновь родился и помолодѣлъ. Вверху этихъ двухъ группъ уже крещеніе совершено. Съ одной стороны священникъ даетъ новопросвѣщеннымъ христіанамъ цаловать животворящій крестъ, съ другой—совершается св. таинство муропомазанія. Выше всѣхъ изображенъ епископъ, осѣняющій крестомъ новообращенныхъ. Памятникъ поставленъ на Александровской горѣ, откуда виднѣнъ почти весь Кіевъ и все живописное Задняровье. Сзади, по прямой линіи, зритель видитъ Десятинный храмъ, къ сожалѣнію, неучлѣвній—это первый соборъ въ Россіи, построенный Владиміромъ святымъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пострадали мученики варяжскіе. Вблизи отъ Десятиннаго храма золотятся куполы Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря. Превосходный этотъ памятникъ работы извѣстнаго нашего художника барона Клодта. Мы сообщимъ еще новое извѣстіе, утѣшительное для кіевлянина. На мѣсто деревянной церкви радости всѣмъ скорбящимъ Божіей Матери, что на

Старомъ Кіевѣ, будетъ строиться каменный храмъ. 20 сентября мѣсто подъ постройку было освящено епископомъ чигиринскимъ Аполлинаріемъ. Въ Кіевѣ же построенъ новый цѣпной мостъ у такъ называемаго Панкратьевскаго спуска, или оврага, ниже впаденія рѣчки Чартореи въ Днѣпръ. Сооруженіе этого моста продолжалось пять лѣтъ; надо было побѣдить большія препятствія, которыя противопоставляла природа; надобно были привезти изъ Англіи машины и многія части моста. Наконецъ природа побѣждена: искусный строитель, англійскій инженеръ Карлъ Виніольсъ, восторжествовалъ надъ всѣми затрудненіями. Ему честь и слава, а Кіеву мостъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ мостовъ (цѣпныхъ) во всей Европѣ. 28 сентября, въ двѣнадцать съ половиною часовъ дня, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, совершенно освященіе этого знаменитаго сооруженія. Обрядъ освященія совершалъ высокопресвященнѣйшій Митрополитъ кіевскій Филаретъ, со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. На концѣ моста, прилежающемъ къ кіевскимъ высотамъ, былъ поставленъ столъ, на которомъ были приготовлены священные сосуды для совершенія водоосвященія. По сторонамъ стола, вдоль по мосту, заняло мѣста духовенство, а ближе къ балюстрадамъ моста—кадеты и воспитанники разныхъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Публика усьяла всѣ возвышенности, всѣ скаты; помѣщались даже на такихъ мѣстахъ, къ которымъ, въ другое время, никто и приблизиться не захочетъ, изъ опасенія упасть въ оврагъ. Вмѣстѣ съ окончаніемъ цѣпнаго моста, набережное шоссе, пролегающее отъ моста, у подошвы кіевскихъ горъ, на Подоль, также окончено, и въ этотъ день открыто для ѣзды. Въ Кіевѣ съ разныхъ мѣстъ Россіи притекають болѣе ста тысячъ богомольцовъ, и часто случалось, что пришлецъ изъ дальней Сибири, достигнувъ уже берега Днѣпра, взираетъ на высоты горъ кіевскихъ, на святые храмы его, но бурливый Днѣпръ, на далекое разстояніе разливъ свои воды, препятствуетъ переѣзду. Въ послѣдніе годы, а именно съ 1839 года, въ Кіевѣ не бывало постоянныхъ зимъ; часто Днѣпръ, замерши у береговъ, не замерзалъ по срединѣ, поэтому всякое сообщеніе съ Черниговскою и Полтавскою губерніями прекращалось и иногда на весьма долгое время. Устройство цѣпнаго моста все устранило. Теперь туда, на Крещенскую ярмарку (на контракты) съѣдутся полтавскіе и черниговскіе помѣщики, купцы привезутъ товары изъ Петербурга, Москвы, Харькова и Полтавы, и Кіевъ, можетъ быть, въ самое непродолжительное время сдѣлается замѣчательнымъ торговымъ мѣстомъ.

Другой мостъ былъ открытъ 15 сентября въ Петрозаводскѣ черезъ

рѣку Лососинку. Рѣка Лососинка протекаетъ посреди самаго города Петрозаводска и раздѣляетъ его на двѣ части. Рѣка вообще мелка, но такъ быстра, что въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя проложила себѣ новый путь, разрывъ берега на большое пространство и образовала котловину, или длинный и широкiй рядъ овраговъ, почти совершенно раздѣлившихъ Петрозаводскъ. Черезъ эти-то овраги и рѣку и построили новый мостъ длиною до 120 сажень.

Въ Казани, въ четвергъ 10 октября, было освященiе Николивишняковской церкви. Церковь эта была построена во второй половинѣ XVII вѣка и освящена въ 1674 году. Но во время бывшаго въ 1842 году пожара церковь сгорѣла и съ 1849 года началась ея перестройка, которая и окончена въ нынѣшнемъ году. Новый храмъ, какъ по наружности своей, такъ и внутренней отдѣлкѣ, одинъ изъ красивѣйшихъ въ Казани. Архитектура его принадлежитъ русско-византiйскому стилю.

Въ Самарѣ съ 14 сентября открылась ярмарка, извѣстная подъ названiемъ Воздвиженской. Сѣздъ на нее иногородныхъ торговцовъ былъ весьма незначителенъ. Сѣздъ черни былъ великъ, но не больше, какъ на одинъ день: поселяне, купивъ нужное или продавъ свои произведенiя, поспѣшили къ уборкѣ хлѣбовъ, обрадовавшись ведру.

Скажу теперь нѣсколько словъ о новыхъ явленiямъ въ области наукъ и искусствъ. Въ Або, у аптекаря Юлина, выставленъ устроенный физикомъ Якоби электромагнитный снарядъ для рыбной ловли. Снарядъ этотъ, состоящiй изъ 12 магнитовъ и изъ находящихся между ними двухъ цилиндровъ, производилъ, даже при незначительномъ вращенiи цилиндровъ, весьма чувствительные удары, которые должны сдѣлаться невыносимыми при продолжающемся болѣе сильномъ движенiи цилиндровъ, когда этимъ снарядомъ хотятъ дѣйствовать на кита. Вдоль каната, къ которому прикрѣпляются гарпуны, проходятъ изолированныя мѣдныя проволоки, другой конецъ которыхъ въ то мгновенiе, когда гарпунъ достигаетъ кита, сообщается съ электромагнитнымъ снарядомъ. Снарядъ этотъ назначенъ для руссiйско-финляндскаго китоловнаго судна Аянъ. — Знаменитый германскiй живописецъ Крюгеръ недавно окончилъ въ Дерптѣ четыре картины, изображающiя русскiя войска съ входящими въ ихъ составъ различными нацiями, и эти картины уже отправлены въ Санкт-петербургъ. — Въ Тифлисѣ явилась въ свѣтъ переведенная на грузинскiй языкъ г. Циначпогваровымъ комедiя Грибоѣдова: «Горе отъ ума», а въ Одессѣ выходитъ книга г. Смольянинова, подъ заглавiемъ: «Исторiя Одессы». Авторъ занимался составленiемъ этой монографiи въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ и пользовался всѣми мѣстными архивами. Исто-

рія Одессы войдетъ въ составъ III-го тома записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Кстати о книгахъ. Въ нынѣшнемъ году въ Одессѣ открыты двѣ новыя книжныя лавки: одна русская, г. Бѣлаго, другая иностранная, г. Абрамсона. Открытіе новой книжной лавки въ провинціальномъ городѣ составляетъ событіе въ исторіи его образованія, хотя въ Одессѣ необходимость въ такомъ предпріятіи далеко не могла быть такъ настоятельна, какъ во всякомъ другомъ городѣ. Остается пожелать, чтобъ примѣръ нашего образованнаго южнаго порта съ этомъ отношеніи нашелъ подражателей.

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА. — Германскія легенды о женах Аттилы. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Жизнь и произведенія Рембрандта (*статья Густава Планца*). — **ОТАРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Последнія изслѣдованія историческаго значенія мифологіи древнихъ народовъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Что можетъ утѣшить въ жизни? (*разсказъ*). — Острова Уаланъ, Сандвичевы и Танти (*изъ путевыхъ записокъ Жюрьеиъ-де-ла Гравьера*) — Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Германскія легенды о женахъ Аттилы. — Въ германскихъ преданіяхъ Аттила изображенъ вовсе не такимъ, какъ у латинскихъ и греческихъ писателей. Западные и южные народы проклинали его, но въ замкахъ германскихъ рукописали бардамъ, воспѣвавшимъ добродѣтели Аттилы.

Это противорѣчіе съ исторіею можно объяснить.

Германскія племена V вѣка были почти всеъ вассалами Аттилы, но вассальство это нисколько не оскорбляло ихъ гордости, не унижало національности. Во-первыхъ, они раздѣляли его со всеми народами восточной Европы и западной Азіи; во-вторыхъ, оно было кротко и почетно. Иорнадесъ разсказываетъ, съ какимъ уваженіемъ и какими почестями принялъ Аттила предводителей германскихъ племенъ: гепидскаго — Ардарика и остроготскихъ — Валамира и Теодомира. Они были

* Заимствовано изъ журналовъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue britannique*, *Bibliothèque de Genève*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Eheiterungen*, *Novellen-Zeitung*, *Magazin pittoresque*, *le Voleur*, *Moden-Zeitung*, *Litterary-Gazette*, *Illustration*, *Gazette des Théatres* и др.

его совѣтниками и полководцами, болѣе друзьями и союзниками, нежели подвластными.

Со смертью Аттилы власть германцевъ въ Италиі и за Рейномъ ослабѣла. Онъ былъ представителемъ побѣды ихъ и силы, и благодарности ихъ къ нему выразилась во всѣхъ преданіяхъ. Они даже, изъ благодарности, запутали хронологію. По сагамъ—Теодорикъ обязанъ ему своимъ царствомъ, а Германарикъ и Одоакръ разбиты имъ же, хотя Аттила умеръ черезъ восемь лѣтъ послѣ рожденія перваго изъ нихъ и самъ родился черезъ двадцать пять лѣтъ по смерти двухъ послѣднихъ.

Безъ сомнѣнія, эти саги принадлежатъ восточнымъ германскимъ племенамъ, которыхъ амелунги (князья) служили подпорою Аттилы. Саги эти восходятъ до баснословныхъ временъ, когда три племени Готовъ отправились изъ Скандинавіи на трехъ корабляхъ. Эти саги распространены были тогда отъ Днѣстра до По-и отъ Дуная до Норвегіи.

Древнѣйшая рукопись одного изъ этихъ германскихъ преданій найдена была въ Фульдѣ и принадлежала австралійскому Франку. Манускриптъ этотъ писанъ въ VIII вѣкѣ на тогдашнемъ французскомъ диалектѣ; герои поэмы: Аттила и Теодорикъ. Въ ней сказано, что, по просямъ Одоакра, Теодорикъ былъ выгнанъ изъ Вероны и скрылся къ Аттилѣ, который принялъ его дружелюбно, и послѣ сраженія при Равеннѣ, побѣдивъ Одоакра, возвратилъ престолъ Теодорикъ.

Но изгнаніе Теодорика было продолжительно. Англо-саксонская сага говоритъ, что прошло тридцать зимъ, въ продолженіе которыхъ Теодорикъ жилъ въ Марингабургѣ.

Спутники Теодорика, вышедшіе съ нимъ изъ отечества въ цвѣтѣ лѣтъ, возвращаются домой съ бѣлоснѣжными головами. Жены ихъ умерли; дѣти не узнаютъ ихъ. Героями этой фульдской эпонеи Гильдебрандъ и Гадубрандъ.

Скальды Исландіи и Скандинавіи сохранили объ Аттилѣ двѣ поэмы: *Атла-Маль* и *Атла-Кеида*; онѣ составляютъ болѣе трети семундинской Эдды; слѣдственно, въ Скандинавіи память о Гуннахъ сохранилась во всей свѣжести, хотя ихъ появленіе и пребываніе на берегахъ Балтійскаго моря было кратковременно. Но скальды не слѣдовали остготскимъ преданіямъ и не выставили Теодорика и итальянскихъ героев впереди, а помѣстили ихъ на второмъ планѣ поэмы. Они слѣдовали англо-саксонскимъ бардамъ Беовульфъ (написавшему знаменитую *пѣснь странствующаго пльца*), выставившему на первомъ планѣ героев Рейна, которыхъ зналъ лучше и которые были для него занимательнѣе; имена Гибика, Гунтера и Гагена, соединенныя съ сагою объ Аттилѣ и Теодорикѣ, перешли въ Скандинавію вмѣстѣ съ Бургундцами, Франками; но Скандинавы примѣшали къ нимъ странныя и фантастическія фигуры, принадлежащія только имъ однимъ.

Въ этихъ сагахъ прежде Аттилы и Теодорика выходитъ на сцену Сигурдъ, или Зигфридъ, супругъ Гудруны, дочери Гибика и Гримгильды, бывшей, по убіеніи Зигфрида, супругою Аттилы.

У Скальдовъ Скандинавіи *блднолицый Атти* (Аттила) обитаетъ въ крѣпости на Дунаѣ, которую день и ночь охраняютъ стражи. Въ ис-

полинской залѣ своей Валгаллы пьеть онъ вино рѣкою. Въ германской сагѣ Аттилу зовуть Этцель, а замокъ его—Этцельбургъ. Это столица вѣчныхъ празднествъ, сходбище героевъ и красавицъ; здѣсь Аттила гораздо кротче, добрѣе, даже склоненъ къ христіанству и одаренъ многими добродѣтелями. Супруга его Крека (у скандинавовъ Геркія, у германцевъ Герке, или Гелки) угощаетъ всѣхъ во дворцѣ и собираетъ вокругъ себя храбрѣйшихъ паладиновъ.

О бракѣ Аттилы съ Ильдиго и о смерти его преданія говорятъ тоже розно. Впрочемъ, одно изъ двухъ: или онъ умеръ отъ удара послѣ немѣреннаго употребленія вина, или палъ жертвою мщенія жены своей, которую увезъ съ собою, убивъ отца ея.

Преданія называютъ намъ четырехъ женъ Аттилы, и исторической критикѣ оставалось разобрать, которую изъ нихъ признать за Ильдиго. Имя это состоитъ изъ двухъ словъ: *иль, гиль*—тоже, что германская *Гильде*—это Беллона германскихъ племенъ. Второе слово *диго* превращено изъ *Гунде*, или *виа*, и оба слова означаютъ героиню.

Въ именахъ трехъ женъ Аттилы (изъ четырехъ) есть слово *Гильде*. Гильдра, дочь Дави, Гильдегунда и Гримгильда. Четвертая, Гудруна, означаетъ соединеніе войны и волшебства.

Гильдра датчанка слишкомъ незначущее лицо, и должна быть устранена изъ изслѣдованія.

Вторая, Гильдегунда, описана въ поэмѣ одного монаха изъ городка Флери на Дуарѣ. Въ ней сказано, что Аттила, являсь на Рейнѣ, получилъ заложникомъ отъ короля Франковъ Гибика, сына его Гагена, а отъ бургундскаго короля Геррика дочь его Гильдегунду. Наконецъ изъ Аквитаніи онъ взялъ королевскаго сына Вальтера, жениха Гильдегунды.

Во дворцѣ Аттилы, на Дунаѣ, приняла Гильдегунду супруга короля Гунновъ—Оспира, самымъ дружескимъ образомъ и ввѣрила ей надзоръ за замкомъ и ключи отъ комнатъ Аттилы.

Когда король Гибикъ умеръ, сынъ его Гагенъ бѣжалъ изъ *Гунианда* на родину. Тогда, чтобъ предупредить побѣгъ Гильдегунды, Аттила вздумалъ выдать ее за одного изъ своихъ вельможъ; но прежній женихъ ея, Вальтеръ, уговорился съ нею и бѣжалъ. Бѣгство любовниковъ было продолжительно и опасно, но окончилось счастливо. Вальтеръ женился на Гильдегундѣ; началась новая война. Вальтеръ палъ въ сраженіи, а жена его отвезена въ Этцельбургъ, чтобъ сдѣлаться супругою Аттилы. Она ли умертвила его въ ночь свадьбы—объ этомъ преданіе молчитъ.

Посмотримъ теперь на Гудруну: она дочь сѣверныхъ сагъ, печальная и угрюмая; неволею сдѣлалась она супругою Аттилы и клянетъ свою участь. Норны (скандинавскія Парки) распространяютъ чары свои надъ Аттилою и будятъ его ночью, а Геркія, другая жена Аттилы, наполняетъ сердце его подозрѣніями противъ Гудруны. Для спасенія ея являются братья ея, Гунтеръ и Гагенъ; но они побѣждены и брошены въ темницу, гдѣ и погибаютъ. Съ той минуты Гудруна замышляетъ кровавую месть. Успокоивъ подозрѣнія Аттилы притворными ласками и напоивъ его до безчувственности, она входитъ въ спальню

его и вонзаетъ кинжалъ въ грудь Аттилы. Гуннъ пробуждается, узнаетъ своего убійцу и заклинаетъ Гудруну устроить ему великолѣпныя похороны. Она даетъ слово, и едва Аттила испустилъ духъ, какъ она сходитъ во дворъ и зажигаетъ замокъ, гдѣ погибають всѣ Гунны.

Слѣдственно Гудруна уже ближе къ исторической Ильдико. Только скальды придали ей оттѣнки сѣверной поэзіи; нѣмецкія же преданія (Нибелунги) вовсе не говорятъ о насильственной смерти Аттилы; они дѣлають изъ него героя и великодушнаго влстителя, который даже одного изъ своихъ сыновей крестилъ въ христіанскую вѣру.

II ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Жизнь и произведенія Рембрандта. (*Статья Густава Планша*). Рембрандтъ родился, въ 1606 году, въ Лейердорпѣ. Онъ былъ сынъ мельника, по имени Герретцъ. Отецъ его нажилъ достаточное состояніе. Рембрандтъ былъ предназначенъ къ ученому поприщу: можетъ быть мельникъ мечталъ, что сынъ его будетъ адвокатомъ. Извѣстно только, что какъ скоро Рембрандту попала въ руки латинская грамматика, онъ обнаружилъ совершенное отвращеніе отъ этого занятія. Въмѣсто того, чтобъ твердить склоненія и спряженія, онъ рисовалъ въ классахъ все, что окружало его, начиная съ головы профессора до школьныхъ скамеекъ. Когда его спрашивали что-нибудь изъ заданнаго урока, онъ не въ состояніи былъ отвѣчать, и учитель, чтобъ наказать его за лѣность, заставлялъ его учиться, когда дѣти играли. Отецъ скоро узналъ о способностяхъ сына къ рисованію. А какъ въ первые года XVII вѣка живопись была въ большомъ уваженіи въ Голландіи, то мельникъ Герретцъ и не колебался отказаться отъ первоначальнаго своего плана. Видя, что сынъ его не любитъ латини, онъ не упорствовалъ въ прежнихъ намѣреніяхъ, а думалъ только о счастья сына. Мельница сдѣлала его богатымъ; почему же живопись не приведетъ сына его къ той же цѣли? Тогда жилъ въ Лейденѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мельницы, живописецъ, котораго имени никто бы не зналъ теперь, еслибъ оно въ исторіи не соединялось съ именемъ Рембрандта. Этого живописца звали Шваненбургъ. Герретцъ рѣшился ввѣрить ему своего сына.

Съ первыхъ же дней сынъ мельника обнаружилъ самое счастливое расположеніе. Тулая его понятливость, когда дѣло шло объ изученіи латинской грамматики, вдругъ развернулася при урокахъ Шваненбурга. Онъ срисовывалъ съ удивительною вѣрностью и быстротою всѣ рисунки своего учителя, и такъ искусно подражалъ ему, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ учитель откровенно сознался, что ему ужъ нѣчему учить мальчика.

Гордясь успѣхами сына, мельникъ тотчасъ же сталъ справляться, гдѣ бы достать искуснѣйшаго учителя. Оставя Шваненбурга, Рембрандтъ поочередно учился у Ластмана и Пиваса. Произведенія, остав-

шіяся послѣ этихъ двухъ мастеровъ, отличаются вѣрностью подробностей, но не имѣютъ большихъ достоинствъ. Сравнивая ихъ съ картинами ученика ихъ, тотчасъ можно видѣть, что они могли ему объяснить только матеріальное выполненіе искусства. Но, угадывая свое превосходство, Рембрандтъ пользовался ихъ совѣтами. Одушевленный желаніемъ и надеждою превзойти ихъ, онъ, однакожь, въ точности шелъ по пути, указанному ими, и имѣлъ къ нимъ уваженіе, какъ Рафаэль къ Перуджино.

Выйдя изъ мастерской ихъ, Рембрандтъ не имѣлъ уже другаго учителя, кромѣ природы. Онъ понялъ это и воротился на мельницу отца своего. Подражаніе природѣ имѣло для него такую прелесть и такъ сильно привлекало его, что онъ безпрестанно изучалъ одни и тѣ же предметы. Одного дерева, внимательно разсматриваемаго въ разные часы дня, полуосвѣщеннаго утреннею зарею, облитого свѣтомъ въ полдень и озареннаго послѣдними лучами заходящаго солнца, достаточно было, чтобъ занять все его вниманіе. Мельница отца его казалась ему теперь достаточною школою. Всѣ измѣненія свѣта и тѣней наблюдалъ онъ со вниманіемъ. Онъ какъ-будто предчувствовалъ, что ему нельзя будетъ бороться съ итальянскою школою въ чистотѣ линий, красотѣ контура, въ благородствѣ выраженій; но старался срисовывать самые летучіе эпизоды, караулилъ каждый эффектъ свѣта и слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ его постепенныхъ измѣненіяхъ и переходахъ.

Впрочемъ, Рембрандта нельзя причислить къ наивнымъ подражателямъ природы. Если линію и форму предмета можно передать, то свѣтъ уловить невозможно. Это-то затрудненіе рѣшилъ онъ уничтожить, освѣщая предметы собственною своею методою. Дѣйствительно, всѣ произведенія его отличаются такимъ распредѣленіемъ свѣта, который ему одному свойственъ. Онъ съ математическою точностью измѣрилъ количество свѣта, которымъ могъ распоряжаться, и никогда не переходилъ за эту черту.

Чтобъ составить себѣ эту методу и умѣть примѣнять ее, надобно долго изучать природу, не принадлежа ни къ какой исключительной системѣ, ни къ какимъ традиціямъ отдѣльной школы. Этою трудною опытностью приготовлялся Рембрандтъ къ составленію собственной методы, которой тайну онъ унесъ съ собою въ могилу, потому-что искуснѣйшіе послѣдователи его не могли достигъ до его освѣщенія.

Между друзьями отца его было много хорошихъ знатоковъ искусства. Одна картина молодого Рембрандта въ особенности привлекла ихъ вниманіе. Они присовѣтовали ему отвезти ея въ Гагу: тамъ только могли достойно оцѣнить ее. Они дали ему адресъ одного знатока, который покупалъ всѣ замѣчательныя картины, и Рембрандтъ отправился, полный надежды.

Меценатъ этотъ очень хорошо его принялъ и осыпалъ похвалами. Но каково было удивленіе живописца, когда любитель этотъ предложилъ ему сто гульденовъ за его картину! Рембрандтъ никогда не видѣлъ подобной суммы. Съ этой минуты онъ понялъ, что картины его будутъ имѣть цѣну, и сталъ думать о себѣ высоко. Дѣйствительно, успѣхъ его

не былъ слѣдствіемъ ни предшествовавшей славы, ни раннихъ похвалъ. Онъ пріѣхалъ въ столицу совершенно никому неизвѣстный, и стоило ему только показать свою картину, чтобъ получить сто гульденовъ. Безъ самолюбія могъ онъ, слѣдовательно, думать, что дарованіе его послужитъ ему залогомъ счастья. Пѣшкомъ пришелъ онъ въ Гагу; а чтобъ поскорѣе показать отцу пріобрѣтенное сокровище, онъ на обратномъ пути сѣлъ въ почтовую повозку.

Въ біографіяхъ Рембрандта рассказываютъ, что когда повозка оставилась для обѣда и всѣ путешественники вышли, кромѣ Рембрандта, у котораго радость отняла аппетитъ; лошади, которыхъ забыли распрячь и привязать, сами пустились къ Лейдену и увезли съ собою одного Рембрандта.

Когда молодой живописецъ подалъ отцу полученные имъ сто гульденовъ, тотъ изумился и обрадовался тому, что не принуждалъ своего сына учиться латинской грамматикѣ.

Это первое путешествіе въ Гагу возбудило въ Рембрандтѣ другую страсть, которая не имѣла ничего общаго съ искусствомъ и которая осталась въ немъ на всю жизнь. Пересчитавъ свои сто гульденовъ, онъ сдѣлался скупымъ, жаднымъ къ золоту. Мудрено сказать, что онъ видѣлъ въ золотѣ? Онъ не хотѣлъ имъ купить всѣхъ наслажденій въ жизни, потому-что въ дни величайшаго богатства не измѣнялъ первоначальнымъ привычкамъ простой жизни. Ни одежда, ни столъ не доказывали его богатства. Какъ бы то ни было, съ этой минуты жизнь Рембрандта заняли двѣ страсти: къ художеству и къ золоту. Чтобъ быть справедливымъ, прибавимъ, что первая изъ нихъ, безъ содѣйствія другой, не произвела бы такого множества картинъ, которыя разнообразіемъ удивляютъ потомковъ. Безъ страсти къ золоту онъ не создалъ бы, кромѣ знаменитыхъ своихъ картинъ, триста шестьдесятъ шесть эстамповъ (гравированныхъ крѣпкою водкою), которые съ вариантами простираются до шестисотъ восьмидесяти семи.

Въ работѣ Рембрандта нигдѣ не видно поспѣшности, или нерадѣнія. Онъ писалъ много, чтобъ получать больше, но никогда не выпускалъ работы, которая была не достойна его. Еслибъ его жадность къ золоту внушала ему хоть одинъ дурной поступокъ, она была бы порокомъ, какъ всякая другая страсть, унижающая человѣчество; но она никогда не охладяла въ душѣ его страсти къ прекрасному и высокому.

Бракъ Рембрандта можетъ служить доказательствомъ, что жадность къ золоту не совершенно преобладала въ немъ. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, онъ легко бы могъ найти себѣ богатую партію, но выбралъ подругою жизни крестьянку изъ деревни Ринслорнъ, у которой все имущество состояло въ молодости и красотѣ. Слѣдственно, надобно думать, что только то золото, которое онъ пріобрѣталъ кистью, или грабштихомъ, имѣло для него особенную цѣнность, и что гульденны, которыми осыпали его картины, пріятнѣе были для него самаго богатаго придаваго.

Едва успѣлъ онъ жениться, какъ снялъ портретъ своей жены во

всемъ блескъ первой красоты. Впрочемъ, и женясь, не перемѣнилъ онъ нисколько образа жизни: это была та же простота, доходившая до скупости. Одинъ лишній расходъ позволилъ онъ себѣ — туалеть жены. Онъ любилъ, чтобъ она хорошо одѣвалась, но требовалъ тоже, чтобъ одежда эта была не городская, а сельская.

Любопытно видѣть, къ какимъ хитростямъ прибѣгалъ Рембрандтъ, чтобъ удовлетворить своей жаднѣ къ золоту. То продавалъ онъ свои гравюры съ аукціона и самъ надбавлялъ цѣну; то поручалъ сыну своему тихонько продавать ихъ, говоря, что укралъ ихъ у отца. Последнею чертою могли бы воспользоваться Плавтъ или Мольеръ. Но самую смѣлою выдумкою было то, что однажды Рембрандтъ исчезъ и распространилъ слухъ о своей смерти. Мастерскую его продали съ аукціона и собрали огромныя суммы... Вдругъ мертвецъ явился посреди изумленныхъ покупателей. Этого поступка нельзя оправдать. Произведенія живописца удваиваются въ цѣнѣ послѣ его смерти, потому-что онъ ужъ не будетъ производить подобныхъ имъ и, слѣдственно, выдумка Рембрандта — была обманомъ.

Рембрандтъ работалъ до послѣдней минуты жизни. Онъ умеръ шестидесяти восьми лѣтъ (1674). Это былъ отдѣльный геній безъ предковъ и потомковъ. Если, по костюму персонажей своихъ, принадлежить онъ своему времени и отечеству, то, по энергій, истинѣ и выразительности выведенныхъ имъ лицъ, принадлежить онъ всему міру. Традицій онъ знать не хотѣлъ, да и что бы онъ выигралъ, справляясь съ ними? Его шкапы были наполнены старинными тканями, вышитыми котсюмами, старымъ вооруженіемъ всѣхъ народовъ и вѣковъ. «Вотъ мои антики!» говорилъ онъ, указывая на эту кучу турбановъ, сабель, шлемовъ, мечей и бахрамы.

Любопытно, что Рембрандтъ въ сценическомъ отношеніи не заботился ни о времени, ни о мѣстѣ дѣйствія своихъ картинъ. Береть ли онъ сюжетъ изъ Стараго, или Новаго Завѣта, онъ не занимается ни мѣстностью, ни костюмами персонажей. Историческая истина никогда не приходила въ голову Рембрандту. Онъ хотѣлъ только изображать истину человѣческую, лишь бы персонажи его выражали предположенную имъ мысль, лишь бы свѣтъ и тѣнь искусно были расположены и весь пейзажъ гармонировалъ съ сюжетомъ; до прочаго ему не было дѣла.

Во всѣхъ произведеніяхъ человѣческаго ума двѣ отдѣльныя стороны: одна выражаетъ страсти, другая идетъ по указаніямъ науки. Изъ нихъ Рембрандтъ избралъ первую, и въ ней не боялся соперниковъ; вторую онъ оставилъ въ пренебреженіи. У него не только не достааетъ исторической и мѣстной истины, но даже возвышеннаго благородства, о которомъ онъ тоже не думалъ. Но, оставаясь голландцемъ во всемъ смыслѣ этого слова, онъ нашелъ средство быть всегда вѣрнымъ истинѣ. Рембрандтъ хотѣлъ только имѣть дѣло съ человѣкомъ; онъ его изслѣдовалъ, выражалъ, и поэтому трогалъ, восхищалъ, или погружалъ въ задумчивость зрителя.

Въ наше время немного нужно учености, чтобъ указать на услов-

ныя ошибки Рембрандта. Ихъ тѣмъ легче видѣть и исчислить, что онѣ не случайныя, а нарочно сдѣланныя. Всѣ дѣйствительно знаютъ, что если Рембрандтъ ошибался, то добровольно. Онъ зналъ исторію, но не хотѣлъ о ней помнить. Онъ не заботился о сценѣ, гдѣ совершалась изображаемая имъ драма. Если онъ не ученый живописецъ въ историческомъ смыслѣ этого слова, то живописецъ — философъ. Если онъ не знаетъ, или не выражаетъ мѣстной и преходящей стороны человѣчества, то вполне знаетъ и удивительно изображаетъ его внутреннюю, вѣчную сторону — страсти. Не облагороживая свои лица, онъ разнообразитъ ихъ, смотря по званію каждаго.

Рембрандтъ былъ замѣчательнымъ учителемъ своего искусства. Зная такъ хорошо всѣ его тайны, онъ не позволялъ, чтобъ ученики его работали въ одной, общей мастерской. У него были устроены отдѣльныя комнаты для каждаго, гдѣ каждый занимался даннымъ ему вѣдомъ, вовсе не зная, что дѣлаютъ товарищи. Не подражая самъ никому, Рембрандтъ хотѣлъ, чтобъ и ученики его сохранили ту же независимость въ развитіи дарованій. Онъ боялся невольнаго подражанія. По несчастію, справедливо, что тамъ, гдѣ сто учениковъ пять лѣтъ живутъ въ одной мастерской и подъ общимъ надзоромъ, они выходятъ оттуда съ одинаковою методою, которая мѣшаетъ развитію индивидуальнаго дарованія.

Биографы рассказываютъ, что ученики, зная жадность Рембрандта къ золоту, рисовали часто на картонѣ гульдены, и Рембрандтъ каждый разъ схватывалъ ихъ. Впрочемъ, онъ самъ же выучилъ учениковъ своихъ подобнымъ обманамъ. Однажды, чтобъ пошутить надъ жителями Амстердама, онъ, вмѣсто одного стекла оконной рамы, вставилъ картину, изображающую любопытную служанку, смотрящую на улицу; изображеніе было такъ хорошо сдѣлано, что всѣ ошибались и только черезъ нѣсколько дней увидѣли обманъ.

Рембрандтъ требовалъ съ каждаго ученика по сту гульденовъ за ученіе, но, сверхъ того, продавалъ въ свою пользу и подъ своимъ именемъ копіи, которыя они списывали.

Мы не упоминали, изъ какихъ источниковъ Рембрандтъ почерпалъ свои сюжеты. Биографы говорятъ только объ одномъ, но онъ очень важенъ, а именно: о гравюрахъ Марка Антонія Раймонда. Этотъ гравёръ, неимѣвшій до-сихъ-поръ равныхъ себѣ, много перевелъ на доски картинъ Рафаэля, и въ триста лѣтъ никто изъ послѣдователей не превзошелъ Раймонда. Эделингъ, Древе, Больсвертъ не затмили его славы, и Рембрандтъ съ жадностью собиралъ и дорого цѣнилъ произведенія болонскаго гравёра. Но, вѣроятно, онъ пользовался и работами Альберта Дюрера.

Раймондъ и Альбертъ Дюреръ прежде всего отличаются точностью и вѣрностью рисунка. Между-тѣмъ въ картинахъ Рембрандта нигдѣ не видно ни малѣйшаго подражанія имъ. Онъ, кажется, имѣлъ ихъ всегда передъ глазами только для того, чтобъ не попасть на одну дорогу съ ними. Желая строго сохранить свою самостоятельность, онъ имѣлъ всегда въ виду лучшихъ мастеровъ, чтобъ пролагать себѣ новый путь.

Для слабыхъ умовъ эта метода была бы очень опасна; для сильныхъ—она превосходна.

Остается еще одинъ историческій вопросъ въ жизни Рембрандта. Путешествовалъ ли онъ? Нѣкоторые біографы отвѣчаютъ утвердительно, ссылаясь на то, что на трехъ его гравюрахъ выставлено слово *Венеція*. Я, съ моей стороны, не думаю, чтобъ Рембрандтъ когда-нибудь выѣзжалъ изъ Голландіи. Полагаю, что подпись *Венеція* выставлена для приманки покупателей, и что это была одна изъ хитростей Рембрандта, чтобъ возвысить цѣну картины. Еслибъ онъ дѣйствительно былъ въ Венеціи, то Тиціанъ, Поль-Веронезъ, Бовиѳаціо и Джорджіоне имѣли бы вліяніе на его методу. Венеціанская школа, слабая во многихъ отношеніяхъ въ контурѣ и возвышенности выраженія, сохранить навсегда неоспоримое достоинство истиннаго и свѣтлаго колорита. Венеціанскіе живописцы всегда полнымъ свѣтомъ освѣщали свои картины; у нихъ никогда настоящая форма персонажа не скрывается въ полутѣни. Фрески въ церкви св. Антонія Падуанскаго, живопись на органахъ въ церкви св. Себастіана непременно имѣли бы вліяніе на голландскую методу Рембрандта. Ему было тогда (1635) только двадцать девять лѣтъ и извѣстность его только-что начиналась; къ тому же эти три гравюры 1635 года весьма неважны.

Если бы нужно было искать итальянскую школу, подавшую Рембрандту мысль его методы, то всего ближе къ ней пармская; но и тутъ нельзя далеко простирать сравненія. Если фрески Аллегри предвѣщаютъ методу Рембрандта, то нельзя приписать пармскому живописцу постепенности оттѣнковъ, которымъ мы удивляемся въ Рембрандтѣ. Пармскій куполь, который, къ сожалѣнію, слишкомъ высокъ и котораго иначе нельзя изучить, какъ взобравшись на церковныя стропила, не имѣетъ ничего общаго съ методою голландскаго художника. Правда, что Корреджіо одинъ изъ итальянцевъ, котораго метода имѣетъ нѣкоторое сходство съ Рембрандтомъ; но нельзя углубляться и въ это сравненіе, которое тотчасъ же окажется невѣрнымъ. Отъ картины *Духовнаго брака св. Екатерины*, находящагося въ Луврѣ, до изображенія *Божіей Матери*, увѣнчанной Иисусомъ, которая теперь въ городской библіотекѣ въ Пармѣ, нѣтъ ничего общаго въ методѣ Корреджіо съ Рембрандтомъ.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію самихъ картинъ Рембрандта. Онѣ многочисленны и разнообразны. Начнемъ съ библейскихъ сюжетовъ. Два главныя его произведенія: *Иисусъ на Крестѣ и Силіе со Креста*. Всѣ, бывшіе въ Венеціи, знаютъ картину Тинторета, изображающую тотъ же сюжетъ. Венеціанскій художникъ истощилъ въ ней всѣ богатства своего дарованія, но расточительность его неудовлетворительна, потому-что, несмотря на три огромные креста, занимающіе всю картину, глаза не знаютъ на чемъ остановиться. Хотя она въ тридцать футовъ длины, но воображенію живописца все еще кажется тѣсно. Сравните же картину Тинторета съ произведеніемъ Рембрандта, и вы увидите всю разницу между своевольствомъ безусловной фантазіи и предусмотрительностью ума, привыкшаго къ размышленію. Въ кар-

тивѣ Рембрандта толпа многочисленна и густа, но съ какимъ искусствомъ распредѣлены свѣтъ и тѣнь! Налѣво чернь тѣснится къ зрѣлицу казни. Эту толпу освѣщать не нужно. Она бессмысленно смотритъ на торжество злобы надъ святостью, и съ дикимъ любопытствомъ взираетъ на страданія Спасителя. На другой сторонѣ взоръ зрителя отдыхаетъ на группѣ Божіей Матери, Маріи Магдалины и св. Іоанна. Хотя они и не освѣщены полнымъ свѣтомъ, но чувства и характеръ этихъ лицъ изображены превосходно. Правда, отдѣлка тѣла самого Иисуса неудовлетворительна и два разбойника изображены въ изысканномъ положеніи; но полусвѣтъ, въ которомъ послѣдніе находятся, составляетъ уже гениальную черту искусства. Живописецъ не хотѣлъ отвлекать вниманія отъ главнаго предмета. Вопросъ о религіозномъ выраженіи лицъ былъ бы не такъ выгоденъ для Рембрандта. Если сравнить его картину съ картиною *Христосъ на Крестѣ* Фра-Анджелико въ монастырѣ св. Марка во Флоренціи, то побѣда останется за послѣднимъ; но зато, если итальянскій живописецъ сильнѣе выразилъ религіозность лицъ, если святые жены плачутъ у креста трогательнѣе, нежели у Рембрандта, то послѣдній побѣждаетъ своею народною толпою, о которой никто до него не думалъ; только Рембрандтъ могъ представить ее. Притомъ же, контрастъ между этою дикою, любопытною чернью и между безутѣшною Матерью и отчаяннымъ ученикомъ, составляетъ самую глубокую мысль искусства. Самъ Иисусъ на первомъ планѣ ясно выражаетъ безконечную скорбь съ безпредѣльною преданностью волѣ небеснаго Отца. На лицѣ его дышетъ чувство великой жертвы, Имъ принесенной для спасенія людей. Лучи, падающіе сверху и освѣщающіе божественный ликъ Спасителя — удивительны. Однимъ словомъ, это произведеніе Рембрандта превосходно.

Снятіе со креста болѣе извѣстно и чаще подвергалось критикѣ. На этотъ же сюжетъ есть двѣ знаменитыя картины: фреска Данила Вольтерра и картина Рубенса, въ антверпенскомъ соборѣ. Первая имѣетъ неоспоримое достоинство; но точность въ подробностяхъ производитъ часто у автора сухость. Что же касается до картины Рубенса, то, хотя она ужъ и исчезла вполнину подъ рукою варваровъ-реставраторовъ, но и теперь еще видно, что это одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній. Рубенсъ родился въ 1570, а умеръ въ 1640, слѣдственно Рембрандтъ долженъ былъ знать эту картину; но онъ избѣжалъ всякаго подражанія. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи бороться съ Рубенсомъ, слѣдуя его направленію, и обратился къ другой мысли — къ выраженію чувствъ каждаго изъ персонажей. На первомъ планѣ стоитъ родъ бургомистра, въ плащѣ среднихъ вѣковъ, съ богатою палкою въ рукѣ, въ качествѣ свидѣтеля погребенія, для составленія протокола. На крестѣ видно уже отдѣлившееся тѣло Спасителя со всѣми признаками отсутствія жизни. На лѣстницѣ и на самомъ крестѣ видно нѣсколько бѣдноодѣтыхъ людей, которыхъ лица выражаютъ глубокую скорбь. Однимъ словомъ: у Рембрандта всякое лицо оправдано сюжетомъ картины. Иногда эти лица представляютъ несовсѣмъ красивыя линіи, но эффектъ группъ поразителенъ. Невоз-

можно безъ глубокаго чувства смотрѣть на эту сцену искупленія. Отсутствіе изящныхъ формъ не охлаждаетъ чувствъ зрителя, и картина эта навсегда останется однимъ изъ самыхъ высокихъ произведеній живописи, потому—что высокое выраженіе и вѣрность чувствъ обнаруживаютъ гениальнаго мастера.

Воскресеніе Лазаря и Изнаніе купцовъ изъ храма могутъ стать на ряду съ первыми двумя картинами Рембрандта. Иисусъ повелѣваетъ Лазарю встать, и Лазарь приподнимается изъ гроба. Изумленіе присутствующихъ выражено удивительно вѣрно. У однихъ удивленіе это смѣшано со страхомъ, у другихъ съ чувствомъ признательности и умиленія. Голова Лазаря, блѣдная и худая, похожа на голову человѣка, пробуждающагося отъ продолжительнаго сна и собирающагося собрать свои мысли. Расположеніе группъ, поза персонажей — все обнаруживаетъ великаго мастера. Ликъ Иисуса полонъ величія и милосердія; складки мантии увеличиваютъ божественную красоту Его. Еслибъ Рембрандтъ только написалъ одну эту картину, онъ былъ бы причисленъ къ первокласснымъ художникамъ. Въ распредѣленіи свѣта есть что-то таинственное. Впрочемъ, въ этой картинѣ ликъ Иисуса такъ величественъ, что глазамъ нельзя остановиться на второстепенныхъ частяхъ. Едва замѣтно, что правая нога его несовсѣмъ вѣрна.

Изнаніе продавцовъ изъ храма составлено сильно и вѣрно. Чернь, гонимая бичомъ божественнаго Учителя, бѣжитъ со страхомъ, стараясь унести остатки своихъ товаровъ. Во всей сценѣ царствуетъ безпорядокъ, совершенно соотвѣтствующій сюжету. Но взоры невольно обращаются къ Иисусу, занимающему средину картины. Вдали направо видѣнъ первосвященникъ, пришедшій смотрѣть на пораженіе книжниковъ. Объ архитектурѣ храма говорить нечего; если онъ не сходенъ съ имѣющимися теперь данными, въ немъ нѣтъ ничего страннаго, оскорбляющаго вкусъ.

Взглянемъ теперь на другаго рода картины.

Ночной рундъ, находящійся въ амстердамскомъ музеѣ, составляетъ, по сознанію самихъ противниковъ Рембрандта, чудо художческаго исполненія; можетъ быть, никогда волшебство цвѣтовъ не простиралось такъ далеко. Взоръ безпрестанно открываетъ новые персонажи, отлѣляющіеся отъ полотна. Солдаты, начальникъ рунда, бургомистръ представлены такъ рельефно, что можно принять ихъ за живыя существа. Молодая дѣвушка на лѣвой сторонѣ—прекрасна. Впрочемъ, вся картина—вымысль и вовсе не выражаетъ того, что видишь. Называютъ ее *ночнымъ рундомъ*; но что значитъ барабанщикъ, идущій передъ отрядомъ? Что значитъ молодая дѣвушка, которая испуганными глазами ищетъ какъ бы помощи и спасенія? Что значитъ перо, воткнутое на шляпѣ начальника рунда, какъ въ день парада? Какую роль играетъ тутъ бургомистръ? Воспоминаніе ли все это, или мечта воображенія? Но сонъ или существенность, воспоминаніе или своеправіе—это одно изъ лучшихъ созданій искусства.

Урокъ анатоміи, въ гагскомъ музеѣ, показываетъ дарованіе Рембрандта въ новомъ свѣтѣ. Это ужъ чистая натура—но какая! Докторъ

объясняетъ ученикамъ процессъ движенія ручныхъ мышцъ: онъ щипцами поддерживаетъ жилы, соединяющіяся съ главными мускулами. Ученики, собравшись у трупа, внимательно слѣдуютъ за словами профессора. Что можетъ быть проще этого сюжета? И однакожь, Рембрандтъ создалъ изъ него превосходную картину. Главное достоинство картины состоитъ въ удивительномъ разнообразіи и истиннѣ выраженія на лицахъ учениковъ. Всѣ оттѣнки и постепенности ума изображены во взорахъ и позахъ слушателей. Одинъ угадалъ уже демонстрацію и взглядомъ убѣждается въ томъ, что ужъ зналъ напередъ; другой съ удивленіемъ смотритъ на то, чего не могъ разгадать; третій глядитъ и не понимаетъ; четвертый разсѣянно смотритъ на все, какъ-будто умъ его не въ силахъ понять того, что слышитъ. Такой искусный колористъ, какъ Рембрандтъ, не могъ не показать всего знанія въ подобномъ сюжетѣ. Видъ трупа не преувеличенъ. Это доказываетъ въ живописцѣ чувство изящнаго.

Портретную живопись понималъ Рембрандтъ совершенно особенно. Въ Парижѣ есть нѣсколько портретовъ его, писанныхъ имъ съ самого себя. Въ галереѣ Себастіана Эрара есть два поясные портрета, означенные въ каталогѣ подъ названіемъ *deuxx conjugés*: одинъ въ бархатѣ, другой въ атласѣ; они возбуждаютъ всегда всеобщее удивленіе; они могутъ служить доказательствомъ, что Рембрандтъ не уступаетъ ни Рубенсу, ни Ван-Дику въ портретной живописи. Въ собраніи гравюръ Рембрандта есть прелестнѣйшія головки дѣвушекъ, которыхъ улыбка восхищаетъ каждаго и которыя, кажется, созданы рукою Феи. Портретъ бургомистра Сикса не хуже портретовъ Ван-Дика, гравированныхъ имъ же самимъ. Голова бургомистра отдѣляется отъ оконной рамы полнымъ освѣщеніемъ. Это одна изъ лучшихъ драгоценностей въ собраніи гравюръ Рембрандта.

Главное достоинство его портретовъ—чрезвычайная отдѣлка всѣхъ подробностей. Но этого мало. Держась повидимому совершенной реальности, онъ умѣетъ придать портрету особенный характеръ. Онъ не рабски списываетъ, а ясно выказываетъ, даже иногда преувеличиваетъ характеристическія черты каждаго, и чрезъ это портреты его приобрѣтаютъ особенное достоинство. Опытный глазъ тотчасъ же узнаетъ портретъ его работы. Рембрандтъ не наблюдаетъ условныхъ позъ; онъ болѣе всего старается схватить особенность фізіономіи каждаго, не облагораживая ихъ, но оставляя въ настоящемъ ихъ видѣ.

Въ наше время живописцы стараются списывать съ натуры, не забывая ни малѣйшей подробности; но этимъ они и дѣлаютъ ту ошибку, которой Рембрандтъ успѣлъ избѣжать. Они приписываютъ подробностямъ ту же важность, какъ цѣлому; но въ то время, какъ они гонялись за отдѣлкою этихъ подробностей, цѣлое пропадало. Морщинка на вискѣ, трещина на губахъ, бородавка на щекѣ—все это изображается въ точности, но отличительная черта фізіономіи исчезаетъ. Всѣ, изучающіе теорію живописи и скульптуры, знаютъ теперь, что пожертвованіе подробностями составляетъ главное основаніе изящнаго

О матеріальномъ исполненіи картинъ Рембрандта можно разказать

слѣдующій анекдотъ. Одинъ любитель, осматривавшій его мастерскую, хотѣлъ подойти какъ можно ближе къ картинѣ, чтобъ рассмотреть способъ накладыванія красокъ. Рембрандтъ остановилъ его за руку и сказалъ:

«Картинны нехорошо пахнутъ; ихъ не надобно нюхать».

Эта выходка значила, что онъ хотѣлъ своими картинами производить эффектъ, не позволяя, чтобъ ихъ разсматривали вблизи и въ увеличительное стекло.

Пейзажи Рембрандта не слабѣе прочихъ его произведеній. Въ нихъ та же простота, которая такъ восхищаетъ въ прочихъ его картинахъ. Ему надобно немного данныхъ: мельница, водопадъ, лодка въ каналѣ, дѣлаются подъ рукою его элементами поэзій. Въ біографіяхъ его рассказываютъ, что онъ пристрастился къ ландшафтамъ, при частыхъ своихъ посѣщеніяхъ бургомистра Сикса, у котораго была дача близъ Амстердама. Пейзажъ, извѣстный подъ именемъ *трехъ деревьевъ*—образецъ чистоты и искусства; чѣмъ больше на него смотришь, тѣмъ болѣе рама расширяется. Горизонтъ, кажется, удаляется предъ изумленнымъ взоромъ. Облака, которыхъ зритель не видитъ, но угадываетъ, покрываютъ тѣнью первые планы, а въ глубинѣ картины все освѣщено полнымъ свѣтомъ. Эти ландшафты можно сравнить съ Рюисдалевскими; но послѣдній придаетъ много важности подробностямъ, и картина его, удивляя всѣхъ точностью, производитъ тотчасъ же эффектъ, котораго искалъ художникъ. Пейзажи Рембрандта дѣйствуютъ иначе. Онъ не тотчасъ же раскрываетъ всѣ богатства картины, но старается возбудить нѣсколько различныхъ ощущений, дѣйствуя постепенно и не вдругъ. Пейзажи его, болѣе меланхолическіе, чрезвычайно однообразны. Ему видимо хочется воспроизвести впечатлѣнія, раждаемыя этими предметами, а не самыя предметы, потому-то ландшафты Рембрандта и считаются по справедливости поэмami: въ нихъ вездѣ видно болѣе мысли, нежели простое подражаніе природы; обворожая глаза, они говорятъ и уму. Съ этимъ условіемъ искусство становится на ряду съ поэзіею. При всѣхъ различіяхъ воспроизведеній, всѣ формы воображенія должны имѣть главнѣйшею цѣлю — дѣйствіе на чувства. Мелодія стиховъ, разнообразіе цвѣтовъ, чистота формъ составляютъ только средство для художника; искусство обращается къ слуху и зрѣнію только для того, чтобъ достигнуть умственного впечатлѣнія. Рембрандтъ совершенно понялъ это.

Какое же мѣсто опредѣлить теперь для Рембрандта въ исторіи живописи? Есть два способа оцѣнки всѣхъ великихъ мастеровъ: общая, или умственная сторона, и техническая, или чисто-искусственная. Если смотрѣть на первую сторону — мудро указать на степень, занимаемую Рембрандтомъ. Передъ нимъ столько художниковъ, которые не ниже его въ этомъ отношеніи; но, въ отношеніи къ технической сторонѣ живописи, вопросъ дѣлается проще. Три главные мастера преобладаютъ въ выраженіи формы красками: Леонардо-Винчи, Микель-Анжело и Рафаэль. Два другіе, не столь ученые, но не менѣе искусные, слѣдуютъ за ними: Тиціанъ и Корреджіо; послѣ итальянскихъ

мастеровъ одинъ Рубенсъ служить представителемъ новой методы, а послѣ него одинъ Рембрандтъ, давшій живописи новый, неожиданный видъ.

Микель Анжело представляетъ науку живописи въ абсолютной ея формѣ. Хотя сводъ его сикстинской капеллы обнаруживаетъ изящность и прелесть, хотя картины его изъ первой главы Книги Бытія писаны имъ съ такою чистотою и искусствомъ, которые бы сдѣлали честь и Рафаэлю, но общая характеристическая черта его таланта состояла въ изяществѣ формы картины его. Капелла Медичи во Флоренціи, картины его: Иисусъ въ Римѣ, Моисей и милосердіе въ церкви св. Петра, Страшный судъ въ сикстинской капеллѣ—вездѣ одинъ и тотъ же характеръ. Даже *Святое Семейство* во Флоренціи и *Парки* въ Вилла Боргезе выражаютъ ту же идею, и слѣдовательно, Микель Анжело служить ученымъ выраженіемъ формы.

Леонардо-да-Винчи, столь же ученый, какъ и Микель Анжело, представляетъ уже живопись съ другой точки зрѣнія. Онъ вездѣ старается соединить познанія съ изяществомъ. *Тайная Вечеря* и *Поклонение волжовъ* достаточно выражаютъ методу флорентинскаго живописца, бывшаго потомъ главою миланскихъ школъ. Въ этихъ двухъ произведеніяхъ открывается все познаніе Микель Анжело съ новымъ элементомъ прелести, которую Микель Анжело, конечно, зналъ, но употребилъ только въ сводѣ сикстинской капеллы.

Что же касается до Рафаэля, прозваннаго главою живописцевъ, хотя онъ, конечно, менѣе ученъ, нежели Микель Анжело и Леонардо-да-Винчи, но отличительное его качество, возбуждающее вѣчно удивленіе художниковъ, это—изящество контуровъ и гармонія линий. Въ этомъ отношеніи никто не превзошелъ его. *Афинская школа*, *Парнасъ* служатъ тому доказательствомъ. Если въ *Пожаръ Борго* и въ *Сивиллахъ* выказалъ онъ такія же анатомическія свѣдѣнія, какъ Микель Анжело и Леонардо-да-Винчи, все-таки съ увѣренностью можно сказать, что наука не составляетъ отличительной черты его таланта. Онъ болѣе всего славится красотою *композиціи*. Дрезденская дѣва, такъ искусно выгравированная Мюллеромъ, *Мадонна a la Chiesa* во дворцѣ Питти, *Святая Дѣва* въ Ватиканѣ и *Святое Семейство* въ Луврѣ — прекрасныя картины.

Тиціанъ открылъ новую дорогу въ исторіи живописи. Менѣе занимавшійся науками, нежели Леонардо-да-Винчи и Микель Анжело, онъ обратился къ колориту. *Успеніе Божіей Матери* и *Сръпненіе*, находящіяся нынѣ въ Венеціанской Академіи, представляютъ неисчерпаемый источникъ для этюдовъ. Три великіе мастера, предшествовавшіе Тиціану, никогда не достигали до такой роскоши колорита. Достоинство этихъ двухъ картинъ состоитъ въ ослѣпительномъ блескѣ божественныхъ лицъ, которымъ Тиціанъ умѣлъ окружить ихъ — это новая тайна живописи, которой до него никто не зналъ.

Корреджіо въ пармскомъ куполѣ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Онъ показалъ формы въ тѣни, которыхъ Микель Анжело, Леонардо-да-Винчи, Рафаэль и Тиціанъ не угадали, или по крайней мѣрѣ представили бѣгло.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ онъ оказалъ удивительное искусство. Въ отношеніи къ наукѣ, онъ далекъ отъ Микель Анджело и Леонардо-да-Винчи; но по прелести и выраженію онъ имъ равенъ, а этого много. Въмѣсто того, чтобъ изображать тѣлесныя формы въ полномъ свѣтѣ, Антоніо Аллегри старался выразить то, что Мильтонъ въ *Потерянномъ раѣ* называетъ *видимою темнотою*, то есть изображать фигуры въ полутѣни, ослабляя такъ искусно оттѣнки, что, несмотря на блѣдность освѣщенія, глазъ ясно открываетъ формы.

Такимъ образомъ находимъ мы въ Италіи чистую науку живописи, представитель которой Микель Анджело, науку, соединенную съ граціею — въ Леонардо да Винчи, грацію, соединенную съ наукою, но преобладающую надъ нею — въ Рафаэлѣ; блескъ свѣтлаго и вѣрнаго колорита — въ Тиціанѣ; рисунокъ формы въ тѣни — у Корреджіо.

Какую же новую форму видимъ мы послѣ этихъ пяти методовъ? Только одну, заслуживающую мѣсто въ исторіи живописи — методу Рубенса. Онъ долго жилъ въ Италіи и тщательно изучалъ венеціанскую школу, не покоряясь ей рабски. Если въ картинахъ его замѣтны слѣды вліянія Тиціана и Поля Веронеза, то надобно сознаться, что онъ ввелъ новую методику въ живопись. Форма, которую Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи понимали въ чисто-ученомъ отношеніи, а Рафаэль, Тиціанъ и Аллегри — въ гармоніи линий, блескъ цвѣтовъ и въ полутѣняхъ, Рубенсъ старался выразить ее новымъ способомъ — и успѣлъ въ этомъ. Если у него не доставало иногда благородства и возвышенности, то вѣрность подражанію всегда въ немъ удивительна. До Рубенса никто такъ вѣрно не изображалъ тѣла: этимъ онъ превзошелъ всѣхъ итальянскихъ мастеровъ: *Наяды* галереи Медичи, *Снятіе со креста* въ антверпенскомъ соборѣ, *Распятіе св. Петра* въ Кельнѣ, *Святое Семейство* — все доказываетъ великое дарованіе Рубенса и достигнутую имъ цѣль.

Послѣ пяти итальянскихъ мастеровъ, послѣ Рубенса, что могъ сдѣлать Рембрандтъ? Ему оставалось одно — искать новую методику, и онъ исполнилъ эту трудную задачу. Дѣйствительно, его метода совершенно отдѣльна отъ предъидущихъ шести. Умѣя, въ случаѣ нужды, освѣщать, какъ Тиціанъ, изображать тѣло какъ Рубенсъ, уступая въ познаніяхъ Микель-Анджело и Леонарду-да-Винчи, не достигнувъ гармоническихъ контуровъ Рафаэля, Рембрандтъ можетъ только быть сравниваемъ съ Антоніо Аллегри; но освѣщеніе Рембрандта гораздо ученѣе, чѣмъ у Аллегри. Ни одинъ италіанецъ не придумалъ этого способа. Слѣдственно Рембрандту должно по справедливости назначить седьмое мѣсто въ іерархіи живописи. Чистая форма принадлежитъ въ этой іерархіи Микель Анджело и Леонарду-да-Винчи; не столь ученая, но болѣе гармоническая форма — Рафаэлю; роскошь колорита — Тиціану; формы полутѣни — Корреджіо; живое тѣло — Рубенсу; форма таинственной тѣни — Рембрандту.

За ними явился Николай Пуссенъ; но метода его не представляла ничего новаго; группы его и выраженіе лицъ иногда ученѣе Рафаэля, но самостоятельности и оригинальности въ немъ нѣтъ. Мурильо и Веласкесъ, какъ Пуссенъ, не образовали новыхъ методовъ; дарованіе ихъ не

составляетъ прогресса въ живописи. Слѣдственно, назначая седьмое мѣсто Рембрандту, я не ставлю его выше Пуссена, Веласкеза, Мурильо, Альберта, Дюрера или Гольбейна по композиціи, или выраженію, но отдаю ему должную дань за составленіе собственной своей методы. Послѣ этихъ семи живописцевъ, нѣтъ ужь оригинальности: все подражаніе, болѣе или менѣе явное. Много было мастеровъ умныхъ, превосходныхъ, но ни одинъ не превзошелъ этихъ семи живописцевъ.

Скажемъ въ заключеніе, что красота составляетъ высшее выраженіе искусства, и слѣдственно художники должны искать ее въ миланской и римской школахъ; но, изучивъ ихъ, надобно обратиться и къ голландскому мастеру, чтобъ похитить у него тайны его методы. Не вижу, почему бы нельзя было чистый рисунокъ Леонарда, или Рафаэля облить таинственнымъ полусвѣтомъ Рембрандта? Можетъ быть, это трудно, но не невозможно.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Послѣднія изслѣдованія Историческаго значенія миеологіи древнихъ народовъ. — Миеологія каждаго языческаго народа служитъ вѣрнѣйшимъ выраженіемъ его индивидуальныхъ нравовъ, и часто поучительнѣе его исторіи. Дѣйствительно, исторія не вполне объясняетъ жизнь греческой націи: въ исторіи много случайнаго и фантастическаго, независящаго отъ народа; но миеологія — собственное созданіе и исключительное достояніе каждаго племени. Индія, напримѣръ, не оставила намъ ни одной строки собственно такъ называемой исторіи. Ученые сожалеютъ объ этомъ и дорого бы заплатили за какую-нибудь хронику, за списокъ династій; но зато Индія оставила намъ свои поэмы, миеологію, священныя книги. Въ нихъ вся душа Индіи, вся ея внутренняя жизнь. Въ исторіи мы бы нашли нѣсколько сухихъ рассказовъ, изъ которыхъ критика не могла бы отдѣлить истинное отъ вымышленнаго. Но миеологія даетъ намъ вѣрный отпечатокъ образа мыслей и чувствъ этого народа.

При господствующихъ нынѣ идеяхъ, мы не можемъ не признать безсмысліемъ, недостойнымъ всякаго мыслящаго человѣка, всю миеологію Греціи и Рима. Не вникая глубоко въ историческія науки, мы будемъ всегда удивляться, какимъ образомъ народы, которыхъ намъ представляютъ учителями человѣчества, могли поклоняться пьянымъ и развратнымъ божествамъ, допуская въ свои религіозныя понятія безсмысленные рассказы и неблагопристойныя происшествія. Всякій пожметъ плечами при видѣ этого непостижимаго ослѣпленія. Умъ никогда самовольно не покоряется безсмысленностямъ; и если въ историческихъ дѣйствіяхъ народовъ видимъ мы какое-нибудь безсмысліе, значитъ, мы не открыли еще тайной причины подобнаго заблужденія. Наивное воображеніе первобытныхъ народовъ создало странную, поэтическую, чувственную миеологію. Только недавно стали разсматривать ее кри-

тически, отыскивать тайное значеніе, символистику всѣхъ этихъ мифовъ.

Во Франціи несомнѣнно успѣшно занимались этими изслѣдованіями. Жанъ Деклеркъ, Банье, Лаже, Клавье, Пети-Радель не пошли дальше грубаго эвгемеризма (извѣстно, что Эвгемеръ видѣлъ во всѣхъ богахъ древности обоготворяемыхъ людей), но въ Германіи внимательнѣе вникли въ этотъ предметъ. Гёте, Лессингъ, Винкельманъ и Гердеръ начали смотрѣть на мифологию, какъ на науку. Шеллингъ въ трансцендентальной философіи разсуждалъ о богахъ Самоэракіи. Множество филологовъ и антикваріевъ старались понять великую загадку древней мифологіи, которой смыслъ глубоко сокрытъ въ религіозной жизни народовъ.

Фридрихъ Крейцеръ, съ 1800 по 1812 годъ, составилъ первый огромное сочиненіе, названное имъ *Символикою* и содержащее въ себѣ изслѣдованіе древнихъ мифологій. Это было уже нѣчто систематическое научное: это былъ ученый «Пантеонъ», въ которомъ собраны были всѣ божества индійскія, египетскія, персидскія, финикійскія, этрускія, греческія, римскія. Но у Крейцера главный недостатокъ александрийской школы, а именно: символическое преувеличеніе, мистицизмъ, синкретизмъ. Онъ ищетъ разгадку слишкомъ высоко, не обращая вниманія на простую, наивную, дѣтскую и почувственную жизнь первыхъ индо-эллинскихъ племенъ. Нельзя искать глубокихъ размышленій и соображеній тамъ, гдѣ все дѣлалось по инстинкту, покорялось своенравной фантазіи; нельзя серьезно и философически трактовать о сновидѣніяхъ ребенка.

Греческая мифологія въ первомъ проявленіи не что иное, какъ произведеніе молодого, пылкаго воображенія, безъ всякаго помысла о догматической системѣ, безъ теологическаго значенія. Объяснять эти мечты, значить то же, что растолковывать звонъ колоколовъ, объяснять очерки облаковъ. Древній человѣкъ смотрѣлъ на природу дѣтскимъ взглядомъ. Ребенокъ набрасываетъ на все окружающее какой-то отблескъ непостижимаго, потому что самъ ничего постигнуть не въ силахъ. Едва отдѣляясь отъ природы, онъ ужъ разговаривалъ съ нею и воображалъ, что она ему отвѣчаетъ. Видя чудныя феномены физическаго міра, онъ олицетворялъ ихъ и превращалъ въ божества. Онъ боготворилъ собственно свои ощущенія, и тѣ неопредѣленные предметы своихъ ощущеній, которые не умѣлъ еще постигнуть и отдѣлить отъ видимаго міра.

Видя, напримѣръ, безграничность моря, съ его то бурными, то прекрасными волнами, своенравные изгибы береговъ, чувствуя задумчивость, навѣваемую этимъ зрѣлищемъ безпредѣльнаго, древній человѣкъ составилъ себѣ цѣлый рядъ грозныхъ, своенравныхъ и непостижимыхъ боговъ океана. Другіе боги владычествовали надъ горами, надъ атмосферою и ея явленіями. Вся природа отражалась въ первобытной мифологіи. Отъ этого произошли таинственныя поколѣнія Тельхиновъ на островѣ Родосѣ, Куретовъ на Критѣ, Дактилей въ Фригіи, Карсиновъ и Синтіевъ на островѣ Лемносѣ, Кабировъ въ Самоэракіи,

Троллей въ Скандинавіи, имѣвшія прямыя сношенія съ силами природы. Все, что поражало человѣка, дѣлалось для него божествомъ.

Многіе изъ важнѣйшихъ мифовъ древности основаны только на обманчивой этимологіи, родившейся въ воображеніи ребенка; иногда же противорѣчія и безсмыслия производили фантастическіе рассказы.

Всякое божество объясняется отдѣльными циклами идей и сходствами вещей. Еслибъ Меркурій былъ только божествомъ воровъ, а Бахусъ — кумиромъ пьяницъ, то это была бы очень плохая выдумка, не остроумный вымыселъ, а жалкая риторическая фигура, годная развѣ только для классическихъ поэмъ. Но древность боготворила въ лицѣ ихъ совсѣмъ другое. Меркурій былъ представителемъ промышленнаго ума человѣка, *Эфебомъ*, какъ его прозвали философы аѳинской гимназіи. Съ Бахусомъ же связаны всѣ идеи молодости, удовольствій, похищеній, легкихъ побѣдъ, сильныхъ страстей. Сравнивъ съ ними Аполлона, тотчасъ видишь въ немъ иностранца, который, несмотря на свое продолжительное пребываніе въ Греціи, не потерялъ азіатскаго характера. Аполлонъ одѣтъ въ длинный *бассаридъ*; чело его увѣнчано восточною шапкою.

Мифъ, болѣе всего объясняющій эту чрезвычайную сложность и противорѣчіе древнихъ басенъ, представляетъ Главкъ — смиренное божество бѣдныхъ, сохранившее первобытнѣйшій инородный типъ почти во всей чистотѣ. Главкъ соединяетъ въ себѣ всѣ повѣрья и мечты моряковъ. Онъ старъ, избитъ волнами; тѣло его покрыто раковинами и морскими растеніями. Иные увѣряютъ, что онъ бросился въ море оттого, что не могъ никого убѣдить въ своемъ безсмертіи — и съ тѣхъ поръ ежегодно посѣщаетъ берега и острова. Вечеру, когда предстать бурная ночь, волны Главка высоко поднимаются и шепчутъ грозныя оракулы. Рыбаки молятся на своихъ лодкахъ и стараются умиловать Главка, который, взойдя на прибрежную скалу, угрожаетъ ихъ стадамъ и полямъ, и между тѣмъ самъ плачетъ о своемъ безсмертіи. Онъ тоже любилъ; но любовь его была печальна, несчастна и окончилась какъ зловѣщій сонъ. Онъ любилъ прекрасную морскую дѣву Сциллу — и она сдѣлалась чудовищемъ, лаящимъ на мореходовъ близъ сицилійскихъ береговъ. Съ тѣхъ поръ бѣдный Главкъ вѣчно золъ, недоволенъ. На памятникахъ изображенъ онъ всегда съ бородою изъ морскихъ травъ, съ быстрымъ взоромъ, съ нахмуренными бровями.

Древніе сами очень затруднялись въ объясненіяхъ своей мифологіи, желая придать существенность мечтамъ воображенія. Басни эти всѣ такъ были хорошо составлены, что всякій находилъ въ нихъ то, что ему нравилось. Одни принимали систему Эвгемера, объясняющаго всю мифологію историческими событіями; другіе искали въ нихъ философическихъ системъ. Навѣяныя божества древности пьютъ и ѣдятъ, раздѣляя всѣ нужды и удовольствія людей. Изъ этого Проклъ заключилъ, что они безпрестанно мѣшаютъ опредѣленное съ безконечнымъ. Амврорсія, какъ твердая пища, принадлежитъ къ первой категоріи; жидкій нектаръ — ко второй. Уранъ, Сатурнъ, Юпитеръ составляютъ у философа Плотина три основанія умственнаго міра: *единство, разумъ и душу*.

Юпитеръ, порождающій Минерву—это всемірный духъ, проявляющійся извнѣ.

Сатурнъ, пожирающій дѣтей своихъ — это *разумъ*, безпрестанно возвращающійся самъ къ себѣ. Такимъ образомъ все сдѣлалось аллегорією и метафорою. Эти цѣлты, распустившіяся при первыхъ лучахъ рождающагося человѣчества, превратились въ рукахъ педантовъ и философовъ въ холодныя и неуклюжія загадки. Едва сквозь антропоморфическую оболочку остался одинъ миѳъ первобытной природы—это миѳъ о нимфахъ. Ихъ имена указываютъ на источники, изъ которыхъ они произошли. Но и тутъ философъ Порфирій преобразовалъ ихъ въ цѣлую систему отвлеченностей. Нимфы—это души; оболочка ихъ—это тѣло, пещеры ихъ — цѣлтый свѣтъ; внутренность пещеры мрачна, наружность блистательна, и прочее.

Важный недостатокъ Крейдера состоитъ въ томъ, что онъ смотрѣлъ на миѳологию съ мистической и философической сторонъ. Нельзя было предполагать, что въ отдаленной ея древности хотѣли прикрыть идолослуженіе символами. Все это родилось вдругъ, безъ приготовленій, какъ мысль, какъ слово. Въ миѳѣ нѣтъ двойкаго элемента, онъ ни чѣмъ не прикрытъ.

Было, правда, и въ древности олицетвореніе нравственныхъ идей, какъ-то, фортуны, гигіи, побѣды, цѣломудрія, сна и прочее. Были миѳы изобрѣтенные, какъ, на примѣръ, Психея; но и эти аллегоріи всѣ просты, ясны, остроумны, непохожи на загадки символовъ.

Что такое *эгоіонія* Гезіода? Это первая попытка составить исторію первыхъ своихъ боговъ, какъ города и племена отыскивали и придумывали свое первобытное происхожденіе. Кажется, гораздо прежде его Орфей хотѣлъ сдѣлать то же. Таинства миѳологии выдуманы уже позже. Притомъ же Греки не были никогда мистиками. Всѣ перевороты эллиновъ, ираклидовъ, дорійцевъ произошли отъ столкновеній народа со жрецами. Послѣдніе никогда не играли въ Греціи важной роли. Поэзія рѣдко касалась до нихъ. Гомеръ говоритъ мало о жертвоприносителяхъ. Настоящая жизнь грековъ была военная, героическая. Самыя художества старались о красотѣ боговъ, а не о таинственности и ужасѣ. Идолы индійцевъ безобразны: Греція хочетъ, чтобы миѳология ея была изящна, привлекательна. Фидій составилъ статую Юпитера по собственному своему идеалу, а не по наставленіямъ жрецовъ, или преданій. Для человѣка нѣтъ идеи выше человѣческой красоты. Канопы, спеленатыя куклы индійцевъ и египтянъ, не внушаютъ уваженія. Греки помѣстили въ число полубоговъ Филиппа Кротонскаго, какъ прекраснѣйшаго изъ эллиновъ.

Крейдеръ долженъ былъ смотрѣть на миѳологию съ точки зрѣнія древнихъ народовъ, а не искать въ ней отвлеченностей и философскихъ системъ. Впрочемъ, противъ его символической системы составила другая, принадлежащая Фоссу, Герману и Лобеку, называвшаяся противосимволическою. Наконецъ третья сохранила средину. Отфридъ Мюллеръ, Фелькеръ и ихъ послѣдователи составили чисто-эллинскую школу.

Фоссъ былъ сильный противникъ символизма. Онъ въ 1824 году обнародовалъ въ Штутгартѣ *анти-символисту*, очень ученую книгу, но, къ сожалѣнію, наполненную личностями, на которыя Крейцеръ очень благоразумно не отвѣчалъ.

Лобекъ тоже возсталъ на *символисту* Крейцера. Его *Angloarchaismus*, напечатанный въ 1829 году, служить лучшимъ опроверженіемъ системы Крейцера; но зато вездѣ, гдѣ Крейцеръ хотѣлъ найти чтонибудь честное и нравственное, Лобекъ вездѣ видитъ ребячество и пошлость. Крейцеръ въ древне-пеласгійской религіи открылъ происхождение ея отъ восточнаго символизма. Лобекъ видѣлъ въ этомъ безсмысленный фетишизмъ. Онъ говоритъ, что происхождение древнихъ религій неизвѣстно и искать его не зачѣмъ; доказываетъ, что всѣ древніе міеогграфы несогласны между собою ни въ эпохѣ, ни въ числахъ, ни въ генеалогіяхъ своихъ боговъ. Но что жъ онъ этимъ доказалъ? Только то, что критика напрасно требуетъ отъ міеологіи исторической точности и что странно смѣяться надъ древними вѣрованіями оттого только, что въ нихъ иногда встрѣчается безсмыслица. Это тоже, что требовать отъ страстей разсудительности. Элевсинскія таинства для насъ теперь очень забавны, а въ свое время они имѣли большое нравственное вліяніе.

Въ то время, какъ кѣнигсбергскій профессоръ истощалъ всѣ усилія своей учености, чтобъ отнять у древней міеологіи всякую поэзію, эта міеологія старалась стать въ уровень съ исторіею. Буттманъ, Фелькеръ, Швенкъ посредствомъ филологіи, Гергардъ, Панофка посредствомъ археологіи старались найти истину. Но всѣ они отвергаютъ гипотезу Крейцера, будто бы религія древнихъ грековъ произошла изъ Индіи.

Конечно, первобытные жители Греціи и Италіи, какъ и всѣ европейскія племена того вѣка, сохранили въ своихъ религіозныхъ идеяхъ, въ языкѣ и чертахъ слѣды своего происхожденія; но это же самое замѣтно у язычниковъ германцовъ, кельтовъ, славянъ. Мы скорѣе думаемъ, что эллинскій духъ развивался независимо отъ своего восточнаго происхожденія, будучи обязанъ своимъ морямъ, горамъ и собственнымъ вѣрованіямъ всею красотою своихъ міеовъ.

Глава послѣдней школы Отфридъ Миллеръ. Онъ говоритъ, что религія древнихъ пеласговъ была олицетворенная природа. *Мать-Земля* (Да-Матерь) и спутницы ея. Персефона, Гаидея, Гермесъ, Геката, были еракійскими и пеласгійскими божествами, которыя превращены были эллинами въ болѣе изящныя міеы. Это превращеніе было ужъ собственнымъ вдохновеніемъ, а не иноземнымъ заимствованіемъ. Различіе племенъ послужило объясненіемъ къ различію міеологіи. Изслѣдованія Миллера о дорійцахъ, минійцахъ и этрускахъ чрезвычайно занимательны. Борьба Гермеса и Аполлона изображаетъ борьбу простонародныхъ боговъ, сельскихъ жителей Аркадіи, противъ боговъ своихъ завоевателей. Побѣжденные боги поступили потомъ въ число второклассныхъ. Еслибъ смерть такъ рано не похитила Миллера у науки, онъ вѣрно успѣлъ бы объяснить все, оставшееся темнымъ.

Преллеръ продолжалъ слѣдовать по стопамъ Миллера. И у него мистическій элементъ греческой миеологіи принадлежит еракійцамъ и пеласгамъ. Основная идея пеласгійской миеологіи состояла въ обоготвореніи природы, и въ особенности земли. Антропоморфизмъ эллиновъ, представленный Гомеромъ и эпическою эпохою, Преллеръ почитаетъ эпохою утвержденія народной и національной миеологіи. Позже, во времена Солона и Пизистрата, произошла уже реакція въ пользу боговъ древности и выразилась въ таинствахъ, смѣшанныхъ съ шарлатанствомъ и поддержанныхъ потомъ неоплатониками.

Впрочемъ, надобно прибавить, что древность была непостоянна въ своихъ вѣрованіяхъ. Каждое столѣтіе проявлялась гдѣ-нибудь новая миеологія. Всякое новое божество, вывезенное изъ чужихъ краевъ, имѣло всегда, какъ новость, больше поклонниковъ, нежели прежнее, существовавшее нѣсколько вѣковъ. Древній Панъ едва былъ допущенъ въ свиту Діонисія (Бахуса), вошедшаго въ моду гораздо позже перваго. Гермесъ, великій пеласгійскій богъ, осужденъ служить указателемъ дорогъ на перекресткахъ. Честный Вулканъ является на Олимпѣ какъ будто только для того, чтобъ надъ нимъ смѣялись Юпитеръ и Венера. Всѣ древніе промышленные, земледѣльческіе, трудолюбивые боги превращены въ служителей новыхъ боговъ. Эти первые боги не уничтожали старыхъ, но оставляли ихъ въ забвеніи. Иногда же они сливались вмѣстѣ. Такъ миеъ Цереры и Прозерпины сдѣлался общимъ, а сабазіяскія таинства (во Фригіи) вошли въ моду, соединясь съ діонисіями.

Со времени вторженія сабазіяскихъ таинствъ (въ VII вѣкѣ до Р. X) открывається у грековъ страсть къ иностраннымъ божествамъ. Служеніе Аттису, Цибеллѣ, Адонису съ дикими возгласами впервые нарушили изящный вкусъ грековъ. Одинъ Загрей оставался въ большемъ уваженіи. Это былъ вѣчно-юный Діонисій, котораго оплакивали какъ Адониса; поклонники его производили величайшіе беспорядки.

Тѣмъ и кончается вліяніе Востока на миеологію Греціи. Оно было гораздо значительнѣе, но ужъ при упадкѣ Эллады. Пизиды, Сераписъ, Митра, не скрывая уже именъ своихъ, явились въ Греціи и составили съ прежнею миеологіею самое чудовищное смѣшеніе.

Самые миеы древнихъ вѣрованій были довольно неопредѣленны. Всякій имѣлъ право объяснять и украшать ихъ по-своему. Это была тема для поэмъ и романовъ. Но позднѣйшія мистеріи были уже серьезно почитаемы чѣмъ-то особеннымъ. Что такое были, наприимѣръ, элевсинскія таинства? Теперь мы ужъ съ ними хорошо знакомы. Это были спектакли древней символистки. Иногда представляли смерть Адониса, иногда изуродованіе Аттиса, иногда убійства Загрея или Сабазія. Легенды Цереры и Прозерпины болѣе всего служили предметомъ этихъ представленій. Всѣ обстоятельства этого миеа, всѣ подробности поисковъ Цереры, являясь въ дѣйствіи, сильно говорили воображенію. Сперва тянулась длинная процессія съ разными шутковскими эпизодами; потомъ слѣдовали поиски Цереры во мракѣ, наконецъ внезапный блескъ: проплевъ храма отворялись, зрителей вводили въ великолѣпныя залы, гдѣ они слыша-

ли голоса дѣйствующихъ лицъ. Машины производили перемѣны де кораций и каждый день ознаменовывался различнымъ спектаклемъ: то представляли *литоболію* (сраженіе камнями); то поклонялись *матери Ахеевъ* (Da-mater Achaea), то ходили къ морю, гдѣ росли священные фиговыя деревья и гдѣ производились разные обряды съ плясками, музыкою и ночными празднествами. *Гефиризмы* (шутки на мосту) занимали всѣхъ. Здѣсь на мосту черезъ Цефисъ сходились жители и встрѣчали пропесію колкими шутками, на которыя отвѣчали тѣмъ же. Можетъ быть, эти словесныя пренія были началомъ сценическаго искусства. Вообще элевсинскія таинства славились своимъ великолѣпіемъ.

Послѣ этого можно сказать, что мистеріи эти были вовсе не мистическія, какъ думаетъ Крейцеръ, и не безсмыслица, какъ утверждаетъ Лобекъ. Тутъ не было ни поученія, ни философіи, одна символика—и только. Женщины, праздновавшія смерть Адониса, заботились ли о томъ, что онъ представлялъ солнце; что вепрь, умертвившій его—это зима, и что онъ воскресаетъ съ первымъ цвѣткомъ? Нѣтъ, онѣ вовсе не о томъ плакали, не затѣмъ бѣгали: онѣ хотѣли спектакля, шуму—и больше ничего.

Сивезій говоритъ, что посвященные въ таинства ничего больше не узнавали, но что ихъ настраивали и приготавливали къ воспріятію впечатлѣній спектакля. Впрочемъ, чтобъ участвовать въ немъ, требовалось быть только аэнианциномъ, или имѣть въ городѣ родню. Позже стали всѣхъ пускать на эти зрѣлища.

Слѣдственно мистеріи надобно почитать преобразованиемъ древнихъ религій въ ту минуту, какъ дѣтскія преданія первобытныхъ временъ не могли уже удовлетворить требованіямъ разившейся образованности, но какъ народу нужна была болѣе серьезная и догматическая вѣра, то мистеріи, конечно, были плохою выдумкою.

Истинной почтительности къ богамъ мѣологии не было и прежде. Намъ теперь удивительно, какимъ образомъ народъ, осудившій на смерть Сократа за безбожіе, позволилъ Аристофану въ комедіи своей колотить палками Бахуса на сценѣ, а Геркулеса превращать въ поварѣнка. Мы видимъ въ Римѣ потомъ, что, дѣлая обѣты богамъ, всегда общались имъ такую—то награду въ случаѣ успѣха, и *наказаніе*, если предпріятіе не исполнится.

Въ наше время трудно себѣ представить существо, непонимающее единого Бога. Дѣйствительно, когда умъ человѣчскій достигаетъ извѣстной точки образованности, онъ невольно чувствуетъ необходимость *монотеизма* (Единобожія). Но въ древнія времена виѣшнія впечатлѣнія имѣли вліяніе на политеизмъ и монотеизмъ. Арабское или семитическое племя всегда было привержено къ монотеизму. У этихъ народовъ, обитателей степи, нѣтъ философіи, нѣтъ мѣологии, нѣтъ политической жизни, но у нихъ одинъ Богъ. Они поняли это Верховное Существо; они видѣли, что Онъ все создалъ. Не таковы племена, переселившіяся изъ Индіи въ Грецію. У нихъ на каждомъ шагу была разнообразная природа съ роскошными картинами и чудесами, и чудеса эти, непостижимыя дѣтскому уму первобытныхъ

народовъ, породили множество боговъ. Но и тутъ тайный инстинктъ указывалъ этимъ народамъ на что-то свыше этихъ боговъ, плодовъ игриваго воображенія. Сдѣлавъ главнымъ своимъ божествомъ Юпитера, они поставили надъ нимъ Хроноса (Время) и надъ Временемъ Судьбу. Иначе они не умѣли выразить своей идеи; но по всему видно, что они, хотя смутно, понимали и чувствовали необходимость единого Бога.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Что можетъ утѣшить въ жизни (разсказъ). — Поѣздъ желѣзной дороги изъ Парижа въ Орлеанъ остановился на одной изъ незначительныхъ станцій. Паръ со свистомъ вылеталъ изъ локомотива и кондукторы, подходя ко всѣмъ вагонамъ, громко называли имена двухъ или трехъ сосѣднихъ селеній. Вдругъ изъ вагона перваго класса кто-то закричалъ: «Отворите!» и вслѣдъ затѣмъ человекъ лѣтъ сорока быстро вышелъ на галерею.

Несмотря на прекрасную погоду, незнакомецъ былъ закутанъ въ теплый плащъ, съ поднятымъ воротникомъ, не позволявшимъ разглядѣть его черты. Дойдя поспѣшно до выхода съ дебаркадера, онъ подавъ смотрителю свой билетъ и пошелъ дальше.

— Вы ошибаетесь! закричалъ тотъ ему вслѣдъ прочитавъ билетъ: у васъ написано: до Орлеана.

Но незнакомецъ, не слушая его, шелъ уже по узкой тропинкѣ, которая вела въ ближнее селеніе. Смотритель закричалъ вслѣдъ его раза два, но видя, что труды его напрасны, пожалъ плечами и сказалъ:

— Онъ или глухъ или англичанинъ. Впрочемъ, если онъ опоздаетъ и поѣздъ уйдетъ, то самъ будетъ виноватъ! Да и къ чему онъ ваялъ билетъ до Орлеана, когда ему надобно остановиться здѣсь? Вѣдь есть же такіе странные люди! Вотъ ужъ машина тронулась, а онъ все бѣжитъ впередъ. Пріятнаго пути, господинъ сумасшедшій!

Скорая, лихорадочная походка незнакомца могла отчасти оправдать мнѣніе смотрителя станцій. Онъ шелъ прямо, не обращая вниманія на дурную дорогу, канавы и лужи. Но всему было видно, что какая-то мысль овладѣла имъ совершенно.

Онъ, казалось, даже не зналъ, куда привела его дорога и гдѣ онъ находится, потому что вдругъ остановился и, приподнявъ плащъ, по-смотрѣлъ вокругъ себя.

При блескѣ заходящаго солнца онъ увидѣлъ небольшое селеніе, расположенное на скатѣ горы. Дальше зеленѣлись луга, черезъ которые протекала широкая и быстрая рѣка. Путешественникъ съ минуту по-смотрѣлъ на эту картину, но она не произвела на него никакого дѣйствія. Онъ съ безпокойствомъ посматривалъ то на лѣсокъ, который видѣлся вдали, то на рѣку, отражавшую послѣдніе лучи солнца. На

лицѣ его изобразилась нерѣшительность, наконецъ онъ завернулся въ плащъ, какъ будто почувствовалъ холодъ, и пошелъ прямо къ селенію.

Первые дома принадлежали, по всей вѣроятности, бѣднымъ работникамъ, и незнакомецъ прошелъ молча мимо ихъ до главнаго мѣста селенія. Тутъ возвышалась церковь; дома были большіе и чистые и наверху одного новаго зданія развѣвался національный флагъ, что доказывало что тутъ находится контора мера, казармы и школа; напротивъ висѣла вывѣска, изображающая золотого льва.

Путешественникъ остановился передъ гостинницею и хотѣлъ уже переступить черезъ порогъ, но въ эту минуту раздался въ нижней залѣ громкій смѣхъ и звонъ стакановъ. Это заставило незнакомца остановиться на минутъ; потомъ онъ повернулся и пошелъ по одной изъ маленькихъ улицъ, выходящихъ въ поле.

Здѣсь дома были рѣдки и прерывались большими садами. Въ нѣкоторыхъ двери и ставни были заперты какъ въ лѣтнихъ жилищахъ; въ другихъ чрезъ открытыя окна видно было удобное и богатое убранство, доказывающее достаточность и образованность жителей. Путешественникъ понялъ, что онъ находится въ аристократическомъ кварталѣ селенія и потому шелъ тише, посматривая по сторонамъ, какъ будто искалъ чего-то.

Вдругъ его вывелъ изъ задумчивости чей-то голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ пожилую женщину, которая бѣжала къ нему.

— Вы, вѣрно, хотите посмотреть домъ? сказала она скоро. — Извольте, сударь. Я увѣрена, что вамъ понравится: четыре комнаты... съ садомъ и полемъ. Потрудитесь положить: я сейчасъ принесу ключи отъ доктора.

И, не дожидаясь отвѣта, старушка побѣжала въ одинъ изъ соседнихъ домовъ.

Незнакомецъ оставался въ томъ же положеніи, какъ будто не понявъ что говорили ему. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою новенькій, красивый домикъ; на двери его былъ прибитъ большой билетъ. Тутъ только, казалось, онъ понялъ о чемъ говорила ему женщина, и хотѣлъ сказать ей, что она ошибается, но проворная старушка уже исчезла.

Онъ хотѣлъ уже идти дальше, но, посмотрѣвъ на домикъ, увидѣлъ за рѣшеткой хорошенькій садъ, цвѣты, бесѣдки и, прислонясь къ двери, сталъ смотрѣть на тихое жилище, какъ будто ему было жаль разстаться съ нимъ.

Старуха скоро вернулась, звеня ключами; отворяя двойные замки, она продолжала говорить незнакомцу, по какому случаю домъ этотъ продается. Хозяинъ его, г. Ленуаръ, получилъ большое наследство въ колоніяхъ и долженъ былъ самъ отправиться туда какъ можно скорѣе. Вотъ почему онъ оставилъ домъ съ мебелью и со всѣми принадлежностями.

Въ-самомъ-дѣлѣ, казалось, будто въ домѣ еще жили. Въ комнатахъ стояли еще свѣжіе цвѣты; стѣнные часы не остановились, въ кабинетѣ на столѣ лежала открытая книга, и возлѣ перо съ начатою за-

пискою. Даже окошко было полуоткрыто и пропускало лучи и запахи розъ и гелиотропа.

Путешественникъ вышелъ на маленькій балконъ и, опершись на балюстраду, началъ также молча осматривать окрестности. Старуха показывала ему всё зданія, называла замки, деревни, лѣса, потомъ, перейдя къ сосѣднимъ домамъ, сказала, что въ началѣ улицы домъ нотариуса, а возлѣ домъ доктора: стало быть, жилецъ не долженъ бояться болѣзни, потому что докторъ Пидуа, самый ученый человекъ во всей Франціи. За нимъ посылають за десять миль въ окружности; онъ знаетъ всё возможныя лекарства и вылечиваетъ всё болѣзни.

Незнакомецъ ни словомъ не прерывалъ болтовни старухи и, переставъ смотрѣть на мѣстоположеніе, подошелъ къ письменному столу, гдѣ были всё принадлежности для письма, и, остановившись, сказала, которая уже начинала исторію про нотариуса, подаль ей серебряную монету и спросилъ: можетъ ли онъ написать здѣсь письмо и возьмется ли она отнести его на почту?

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударь, отвѣчала старуха, немного удивленная. Но отчего же вы не хотите осмотрѣть садъ? Тамъ есть прудъ съ карпами и карасями... и дворъ тоже есть чистый. Развѣ вы не останетесь здѣсь?

— Можетъ быть, отвѣчалъ незнакомецъ разсѣянно: но прежде всего мнѣ надобно написать письмо. Только не забудьте отнести его на почту.

Старуха объявила, что память у ней превосходная; что она ничего не забываетъ; что въ молодости получила награду за хорошую память и хотѣла уже въ доказательство, начать новую исторію, но молчаливый путешественникъ остановилъ ее съ нетерпѣніемъ.

— Извините, сударь, проговорила болтунья: вы вѣрно торопитесь. Здѣсь вы найдете все, что вамъ нужно: бумагу, перья, чернила, облатки вотъ въ этой раковинѣ... свѣчей еще не надобно, потому что свѣтло. Я оставлю васъ, сударь. Когда вы кончите, то позовите меня: я буду въ саду подъ этимъ окномъ.

Когда старуха, наконецъ, скрылась за дверью, незнакомецъ сѣлъ къ столу и написалъ слѣдующее письмо:

«Джону Макензи»

«Я пишу вамъ это письмо въ незнакомомъ мнѣ домѣ и въ селеніи, имени котораго не знаю. Сегодня утромъ я привелъ всё дѣла свои въ порядокъ и уѣхалъ изъ Парижа. Прежде я бросился въ городскую карету, которая привезла меня къ станціи желѣзной дороги; я взялъ мѣсто въ вагонѣ и, остановившись на первой станціи, вышелъ и пѣшкомъ дошелъ до какого-то селенія, откуда пишу вамъ это письмо.

«Вы вѣроятно поняли причину моего скорого отъѣзда. Я не могъ дольше оставаться тамъ, гдѣ мнѣ все напоминало о несчастіяхъ, которыхъ нельзя поправить и послѣ которыхъ нельзя утѣшиться ничѣмъ. Вы знаете, какіе жестокіе удары поразили меня. Въ шесть мѣсяцевъ я выпилъ до дна всю чашу горестей. Прежде всего я потерялъ мое со-

стояніе, и послѣ богатства и роскоши перешелъ въ положеніе, которое для другаго было бы еще довольствомъ, но для меня оно хуже бѣдности. Однако я перенесъ это испытаніе и думалъ, что заплатилъ дань несчастію. Какъ я жестоко ошибся! Несчастіе мое еще не начиналось. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ недостаточность состоянія, даже бѣдность, если я окруженъ милыми, любимыми существами? Вотъ мои сокровища, моя сила, счастье! Вы знаете, что меня поразило... въ одну недѣлю я похоронилъ двухъ моихъ дочерей и черезъ мѣсяцъ мать ихъ послѣдовала за ними. Я остался одинъ съ воспоминаніями, которыя терзали меня

«Этого было уже слишкомъ много для слабой человѣческой природы. Я пробовалъ нѣсколько дней забыть... но это невозможно, горе побѣдило меня, я не могу излечиться ничѣмъ, не могу утѣшиться.

«Когда это письмо дойдетъ до васъ, вы будете уже жалѣть обо мнѣ, мой милый Джонъ. Прошу васъ только исполните мою послѣднюю волю. Я оставилъ въ моемъ домѣ духовную и всѣ бумаги по моимъ дѣламъ.

«Надѣюсь, что все исполнится по моему желанію и что, послѣ моей смерти, вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ.

«Прощайте, Джонъ Макензи. Ваши дѣла идутъ прекрасно, ваше семейство окружаетъ васъ, будьте же веселы и счастливы и не вспоминайте никогда о вашемъ другѣ

Жозефъ Массень.»

Прочитавъ написанное, бѣдный страдаецъ запечаталъ письмо, отдалъ его той же женщинѣ и пошелъ дальше по улицѣ, потомъ въ поле и скоро скрылся въ туманѣ.

Часа черезъ два ѣхалъ по дорогѣ, идущей по берегу Сены, всадникъ на тихой, покойной лошади. Хотя ночь уже настала, но, при свѣтѣ звѣздъ, можно было отличить, что онъ былъ старъ и измученъ усталостью. На немъ былъ старый сюртукъ, застегнутый до горла, сѣрая шляпа съ широкими полями, тоже ветхая и пожелтѣлая; кожаныя штиблеты доходили до колѣнъ и покрывали толстые башмаки, которые опирались въ стремяна, давно уже потускившія. Спереди къ сѣдлу были прикрѣплены двѣ небольшія корзинки, изъ которыхъ висѣли медицинскія травы и старое бѣлье, доказывающее занятіе всадника.

Докторъ Пидуа (это былъ онъ) не нуждался въ оружіи для охраненія себя въ дорогѣ. Его лучшую защиту составляли уваженіе и любовь всѣхъ обрестныхъ жителей и даже извѣстныхъ негодаевъ, потому что не было ни одного жителя въ окрестности, которому бы докторъ не оказалъ какой нибудь услуги, о которой самъ тотчасъ же забывалъ. Пидуа привыкъ жертвовать собою для другихъ, какъ земледѣлецъ, обрабатывающій землю, и, какъ онъ, не дорожилъ своими трудами. Благодѣяніе сдѣлалось главною цѣлью его жизни, и онъ работалъ для ближняго точно также, какъ другіе работаютъ для себя, то есть и не подозревалъ, что могъ поступать иначе.

Въ этотъ вечеръ онъ ѣхалъ не одинъ: передъ нимъ сидѣла дѣвочка лѣтъ шести, прислонясь головкою къ плечу старика, который придерживалъ ее одной рукою. Плавный ходъ лошади укачивалъ малютку и она по временамъ засыпала; но когда неожиданное движеніе пробуждало ее, она начинала горько плакать. Тогда добрый докторъ утѣшалъ ее ласками и, прижимая къ себѣ, качалъ ее тихонько, чтобъ она опять заснула.

Они ѣхали уже нѣсколько времени по берегу рѣки. Туманъ дѣлался гуще, луна блѣднѣла и группы деревьевъ принимали фантастическія странныя формы. Шумъ затихъ и только слышался плескъ воды о берегъ и стукъ отдаленной мельницы, которая мѣрно ударяла въ воду своими огромными крыльями.

Старый докторъ ѣхалъ молча и въ задумчивости посреди неясныхъ формъ и монотонныхъ звуковъ. Онъ уже повернулъ къ селенію, какъ вдругъ сзади его раздался страшный крикъ. Онъ остановилъ лошадь и началъ прислушиваться; но все опять затихло. Старикъ подумалъ, не послышался ли ему этотъ крикъ и продолжалъ свой путь.

Когда онъ подъѣхалъ къ своей двери, слышалось какое-то ворчанье и на порогѣ показалась чья-то тѣнь.

— Это ты, Жанна? спросилъ Пидуа.

— А кому еще быть? отвѣчалъ недовольный голосъ. Не скажете ли вы и сегодня, что пріѣхали домой рано?

— Меня задержали, отвѣчалъ спокойно докторъ. Подержи лошадь, Жанна, а то она пойдетъ въ конюшню прежде, чѣмъ я сойду съ нея.

Безобразная, горбатая женщина сошла съ крыльца и взяла лошадь подъ устцы, хотя сама едва доходила до сѣдла, потомъ спросила уже болѣе мягкимъ голосомъ:

— А что ваша больная? лучше ли ей?

— Случилось то, что я говорилъ, отвѣчалъ старичокъ: теперь все кончилось.

— Умерла! вскричала Жанна.

— Тише пожалуйста, сказалъ докторъ: не разбуди малютку.

Тутъ только служанка замѣтила, что баринъ ея держалъ на рукахъ ребенка.

— Такъ это вы сиротку-то привезли! вскричала она.

— Неужели можно было оставить ее тамъ съ покойницей? отвѣчалъ докторъ также тихо.—У ней нѣтъ родныхъ, и сосѣди не могутъ ее взять къ себѣ: надобно же было кому нибудь приютить ребенка. Возьми ее тихонько, чтобъ она не проснулась и не заплакала.

— Бѣдвяжечка! сказала Жанна, ласково и осторожно взявъ дѣвочку на руки.—Счастлива ты, что Богъ привелъ къ тебѣ моего барина. Съ нимъ вмѣстѣ входи въ домъ утѣшеніе. Подожди меня, Сѣрка; а вы, сударь, пожалуйста въ комнату, ужинъ готовъ.

Добрый докторъ очень былъ доволенъ, что Жанна такъ ласково приняла сиротку, чего онъ не ожидалъ; и когда служанка пошла ставить лошадь въ конюшню, онъ внесъ дѣвочку въ комнату и положилъ ее на постель такъ тихо, что она даже не проснулась.

Потомъ онъ вошелъ въ маленькую столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ и куда Жанна внесла зажженную свѣчку.

Эта комната была оклеена желтыми обоями, на которыхъ, отъ сырости, сдѣлались темныя пятна и которыя во многихъ мѣстахъ разорвались. Небольшой буфетъ, столъ и нѣсколько стульевъ составляли все ея убранство. Только передъ окошкомъ висѣла ветхая бѣлая занавѣска, да на каминѣ, безъ рѣшетки, стояла сломанная ваза и два бронзовые подсвѣчника.

Пидау сѣлъ за столъ, на которомъ Жанна поставила супъ и блюдо зелени— это былъ обыкновенный обѣдъ доктора, который иногда прибавлялъ къ нему нѣсколько плодовъ изъ своего сада. Во время ужина служанка сѣла къ камину съ своей работой, разспрашивала о смерти матери Пьереты, потомъ рассказала о всѣхъ, кто въ его отсутствіе спрашивалъ его. Докторъ записывалъ имена и располагалъ, какъ на другой день дѣлать ему визиты, когда послышался сильный шумъ у дверей дома. Жанна побѣжала узнать, кто стучится и скоро вернулась въ сопровожденіи мельника и его работниковъ. Они несли человѣка безъ движенія, съ котораго стекала вода. Это былъ тотъ самый путешественникъ, о которомъ мы говорили въ началѣ разсказа.

Старикъ взглянулъ на несчастнаго и вскричалъ:

— Утопленникъ!

— Кажется, что такъ, г. докторъ, отвѣчалъ мельникъ, стараясь сдѣлать печальную мину. Пьеръ пошелъ заперать шлюзъ и увидѣлъ, что въ водѣ барахтается какая-то большая рыба. Онъ зацѣпилъ ее и притащилъ къ берегу.

Старый докторъ вспомнилъ крикъ, который остановилъ его у берега Сены, и не сомнѣвался, что это погибалъ несчастный, котораго принесли къ нему. Онъ приказалъ перенести его въ свою комнату, уложилъ на диванъ и началъ давать ему первыя пособія.

Но разсказамъ работника Пьера, утопленникъ боролся съ теченіемъ, когда его увлекло къ мельницѣ и потерялъ чувства только когда его вытащили изъ воды.

Однако прошло полчаса и онъ не оказывалъ никакого признака жизни. Присутствующіе качали головою и перешептывались, думая что все уже кончилось, когда докторъ подалъ знакъ, что онъ услышалъ легкій вздохъ. На колѣняхъ передъ безчувственнымъ тѣломъ онъ слушалъ его дыханіе и бѣненіе сердца. Наконецъ сомнѣніе исчезло: утопленникъ началъ приходить въ себя.... оживать....

Когда докторъ увѣрился, что опасность миновалась, онъ приказалъ выйти изъ комнаты мельникамъ и всѣмъ любопытнымъ, собравшимся уже посмотреть на покойника, велѣлъ Жаннѣ нагрѣть постель и перенести на нее Масена, который начиналъ дышать свободнѣе.

Скоро онъ открылъ глаза, но голова его была такъ слаба, что онъ не могъ собраться съ мыслями, не могъ выговорить ни одного слова.

Пидау, впрочемъ, просилъ его молчать, потомъ самъ приготовилъ какое-то лекарство, далъ выпить больному и тотъ сейчасъ же погрузился въ тяжелый сонъ, который продолжался весь остатокъ ночи.

Докторъ бросился на свой старый диванъ и уснулъ тоже легкимъ и тревожнымъ сномъ, къ какому онъ привыкъ, думая всегда о своихъ больныхъ. Когда солнце освѣтило скромную спальню доктора, Массень открылъ глаза и увидѣлъ хозяина, закутаннаго въ старый плащъ. Разумѣется, что онъ сначала не понялъ, какимъ образомъ находится въ чужой комнатѣ, на постели, куда онъ не ложился, и съ незнакомымъ человѣкомъ. Онъ смѣшивалъ сонъ съ дѣйствительностью и не помнилъ, что съ нимъ случилось. Мало по малу, однако, мысли начали проясняться, память возвратилась; онъ страшно поблѣднѣлъ и вскрикнулъ отъ ужаса.... Онъ понялъ, зачѣмъ онъ здѣсь, вспомнилъ все, что съ нимъ случилось.

Отчаяніе и стыдъ сжали сердце несчастнаго; онъ приподнялся на постели, но передъ нимъ стоялъ уже старый докторъ, разбуженный его крикомъ.

— Кто вы? Зачѣмъ я здѣсь? спросилъ Массень, смотря на него помутившимися глазами.

— Я докторъ и вы у меня, отвѣчалъ старикъ.

— Какъ я здѣсь?

— Васъ принесли сюда тѣ, которые вытащили васъ изъ воды.

— Зачѣмъ меня спасли!

Докторъ задрожалъ.

— Стало быть, это не случайность? сказалъ онъ, смотря на больного съ сожалѣніемъ. Вѣрно, вы очень несчастны!

Массень не отвѣчалъ, но закрылъ лицо руками; старикъ тоже молчалъ, боясь пробудить въ больномъ тягостныя воспоминанія; наконецъ онъ взялъ руку больного, пощупалъ пульсъ и спросилъ: какъ онъ себя чувствуетъ; но тотъ не отвѣчалъ ничего.

Докторъ продолжалъ дѣлать ему медицинскія замѣчанія и потомъ началъ незамѣтно говорить о раскаяніи и смиреніи. Его слова не были похожи на сухія, холодныя наставленія; они шли прямо отъ сердца, были просты и убѣдительны. Видно было, что онъ привыкъ утѣшать несчастныхъ, привыкъ производить на нихъ сильное впечатлѣніе.

Больной слушалъ сначала неподвижно и какъ будто не понимая смысла словъ; потомъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на старика пристально и сказалъ съ раздражительностью человѣка въ отчаяніи, которому ненужны утѣшенія:

— Вы вѣрно не потеряли вдругъ всѣхъ, кого любили больше жизни?

— Я сосредоточивалъ всю мою любовь на одномъ существѣ, сказалъ Пидуа голосомъ, дрожащимъ отъ волненія. Съ дѣтства я не зналъ родныхъ и привязался всѣми силами души и сердца къ женщинѣ, которая соединила со мной свою судьбу. Мы любили другъ друга страстно и были счастливы до того дня, когда смерть разлучила насъ.

— Она умерла? повторилъ больной.

— Шесть лѣтъ тому назадъ, въ нашей сторонѣ была сильная лихорадка и она умерла. Одну ее я не могъ спасти, тогда какъ выле-

чиль сотни чужихъ. Всѣ мои познанія и заботы были напрасны. Она скончалась на моихъ рукахъ—и съ нею я потерялъ все.

Слезы мѣшали старику говорить и онъ украдкой отеръ глаза.

— Извините, что я напомнилъ вамъ о вашемъ несчастіи, сказалъ незнакомецъ: я понимаю вашу потерю и сожалею о васъ.

— Разумѣется, что несчастіе мое велико, продолжалъ Пидуа: но сколько тысячъ людей раздѣляютъ его со мною. Мы всегда считаемъ несчастіе другихъ легкимъ испытаніемъ, а свое собственное почитаемъ печальнымъ исключеніемъ.

— И вы остались совершенно одни?

— Нѣтъ; со мною осталось воспоминаніе о той, которая жила для меня двадцать лѣтъ. Я продолжаю жить въ томъ же мѣстѣ и продолжаю тѣже занятія. Если она исчезла навсегда, то все здѣсь не перестаетъ напоминать ее, и я не могу думать, что отсутствіе ея не вѣчное. Я всегда старался поступать такъ, чтобъ она была довольна мною, и теперь продолжаю тоже; это составляетъ мое утѣшеніе... Когда бѣдные люди приходятъ благодарить меня за заслуги и говорятъ, что будутъ молиться за меня, я отвѣчаю имъ: молитесь за нея. И мнѣ большое наслажденіе доставляетъ мысль, что имя ея уважаютъ, что она не умерла ни для кого и живетъ въ сердцахъ всѣхъ.

Массенъ задумался, потому что еще въ первый разъ слышалъ такіа слова и чувствовалъ какое-то новое волненіе въ душѣ. До сихъ поръ онъ привыкъ къ положительнымъ наслажденіямъ вещами или чувствами; онъ вѣрилъ въ счастье дѣйствительное, не понималъ, что могутъ быть еще другія радости, въ которыхъ можно найти утѣшеніе и счастье.

Онъ посмотрѣлъ на доктора, на блѣдномъ лицѣ котораго ясно выражалось грустное смиреніе.

Въ это время вошла Жанна съ маленькой Пьеретой, которую держала за руку. Малютка только что проснулась и хотѣла тотчасъ же видѣть своего благодѣтеля. Она ласково бросилась къ старику и нѣжно обняла его. Больной невольно задрожалъ;

— У васъ есть дочь! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Со вчерашняго дня, отвѣчалъ докторъ.—Долго я молилъ Бога, чтобъ Онъ послалъ мнѣ сына, и надежды мои не исполнялись; но въ вознагражденіе отцовъ безъ семейства есть сироты, которымъ нужны покровители.

И онъ рассказалъ въ немногихъ словахъ, какъ Пьерета осталась одна и онъ взялъ сиротку къ себѣ.

— Это будетъ солнечный лучъ въ моемъ блѣдномъ домѣ, прибавилъ онъ. Я знаю ребенка. Онъ будетъ любить меня и я опять буду не одинъ. Если она вырастетъ у меня, все-таки будетъ кому закрыть мнѣ глаза передъ смертью.

Жанна, убиравшая комнату, услышала послѣднія слова и сказала сердитымъ тономъ:

— Врядъ ли вы доживете, чтобъ Пьерета выросла, потому что вы закроете ваши глаза гораздо раньше, если не будете беречься. Вотъ

вы опять не спали почти всю ночь, а теперь отправитесь къ больнымъ, не отдохнувъ хорошенько послѣ вчерашнихъ трудовъ. Подите хоть позавтракайте... все простынетъ. Вѣдь вы убиваете себя.

Докторъ улыбнулся.

— Не брани меня, Жанна, сказалъ онъ. Принеси сюда столъ и поставь три прибора. Пьерета вѣрно проголодалась и мой больной не откажется попробовать моего супа.

Служанка вышла.

— Вотъ еще одно изъ моихъ утѣшеній, продолжалъ старикъ.— Вы видѣли эту бѣдную дѣвушку, до того уродливую, что никто не бралъ ее въ услуженіе и пугался одного ея вида. Та, которую я потерялъ, сжалилась надъ несчастною, взяла ее къ себѣ и терпѣливо выучила всему, къ чему она была способна. Послѣ смерти жены, Жанна занимается у меня хозяйствомъ и заботится обо мнѣ какъ о ребенкѣ. Она предана мнѣ безгранично; и если иногда ворчитъ на меня какъ собака, то какъ собака готова и умереть у ногъ моихъ. Она тоже напоминаетъ мнѣ прошедшее и утѣшаетъ въ настоящемъ.

Столъ принесенъ былъ къ постели больного и, послѣ многихъ просьбъ, Массенъ согласился выпить немного молока. Докторъ продолжалъ говорить съ нимъ тихо и дружески. Онъ не спросилъ ни о его имени, ни о причинѣ отчаянія, ни о рѣшеніи въ будущемъ; но онъ открывалъ ему постепенно, какъ и чѣмъ можно излечиться отъ жесточайшихъ ударовъ судьбы; какъ можно утѣшиться, исполняя свои обязанности и, дѣлая добро другимъ, наслаждаться самому спокойствіемъ.

Во время завтрака и разговора доктора часто прерывали бѣдные люди, приходившіе за совѣтами или лекарствами, потому что Пидуа былъ не только докторомъ, онъ помогалъ не однимъ больнымъ, но всѣ несчастные находили въ немъ опору и покровителя. Зная всѣхъ жителей въ окрестности, богатыхъ и бѣдныхъ, и оказывая всѣмъ услуги, онъ доставлялъ бѣднякамъ работу, хлопоталъ объ окончаніи торговыхъ сдѣлокъ, ссужалъ деньгами сколько могъ, рекомендовалъ хорошихъ работниковъ и служителей, и его слова цѣнились выше всѣхъ возможныхъ свидѣтельствъ—такъ всѣ уважали и любили добраго доктора!

Массенъ слушалъ и смотрѣлъ со вниманіемъ на эти трогательныя сцены и удивлялся, сколько добра можетъ сдѣлать бѣдный человекъ, если онъ этого захочетъ. Въ немъ самомъ происходила спасительная перемѣна. Онъ началъ смотрѣть на жизнь съ другой стороны и понималъ то, о чемъ не имѣлъ прежде понятія. Случалось ли ему прежде думать, что мы созданы на свѣтъ не для однихъ себя, но что мы тѣсно связаны съ обществомъ и не смѣемъ разорвать всѣхъ связей и отказаться отъ обязанностей, назначенныхъ Богомъ, которыя хотя и кажутся намъ тяжелыми, но въ которыхъ заключается истинное утѣшеніе?...

Примѣръ стараго доктора показывалъ, что можно найти радости и развлеченіе въ исполненіи великихъ обязанностей, и что въ этихъ ежедневныхъ трудахъ и заботахъ о другихъ собственное несчастье уменьшается. Съ остатками огромнаго богатства, съ умомъ и здо-

ровѣмъ Массенъ могъ точно такъ же, какъ докторъ, посвятить свою жизнь на пользу несчастныхъ, а не предаваться безплодному отчаянію.

Незамѣтно эта мысль наполнила его сердце, и въ головѣ его мелькали планы благодѣяній, какія онъ можетъ оказать, если соединится съ докторомъ и раздѣлитъ его труды; но вдругъ онъ вспомнилъ о письмѣ, написанномъ наканунѣ Джону Макензи—и благія намѣренія его разлетѣлись. То, что прежде было внушеніемъ отчаянія, теперь сдѣлалось необходимымъ, потому что ему стыдно было жить, когда онъ объявилъ о своей смерти. Такая роль казалась ему слишкомъ унижительною, и потому, отогнавъ отъ себя надежду, онъ предался мрачнымъ мыслямъ.

Въ это время послышался голосъ, который показался больному знакомымъ. Онъ началъ прислушиваться, потому что докторъ вышелъ въ столовую, но не могъ понять ни одного слова, говорили очень скоро и съ большимъ жаромъ. Когда старикъ вошелъ въ спальню, Массенъ спросилъ съ любопытствомъ: кто приходилъ къ нему.

— Одна старушка, моя сосѣдка, отвѣчалъ докторъ.—Она пришла посоветоваться со мною объ одномъ странномъ происшествіи, которое случилось съ ней вчера.

— Что же это такое?

— Какой-то незнакомецъ смотрѣлъ вчера домъ г. Лемуара. Больной невольно вздрогнулъ.

— Онъ прошелъ въ кабинетъ, продолжалъ старикъ и попросилъ позволенія написать письмо.

— И онъ написалъ?

— Да, и отдалъ письмо моей сосѣдкѣ...

— Чтобъ она отнесла на почту?

— Она и хотѣла исполнить желаніе незнакомца, но замѣтила въ немъ что-то странное; и чтобъ не быть причиною какого нибудь несчастія, оставила письмо у себя...

— Что вы говорите!..

— И принесла его мнѣ, чтобъ я рѣшилъ, что съ нимъ дѣлать.

— Гдѣ же это письмо!

— Вотъ оно.

Массенъ быстро схватилъ запечатанное письмо.

— Такъ я не ошибся, замѣтилъ докторъ: это письмо ваше.

— Да, отвѣчалъ незнакомецъ съ невольнымъ волненіемъ.—Богъ все устроилъ къ лучшему и еще разъ позволилъ мнѣ выбирать между жизнью и смертью.

— И вы выбрали?... спросилъ докторъ кратко.

Незнакомецъ помолчалъ съ минуту, смотря на старика съ участіемъ, потомъ разорвалъ письмо и протянулъ ему обѣ руки.

— Вы спасли меня! закричалъ онъ со слезами на глазахъ: вы показали, что въ бѣдности и несчастіи можно найти цѣль жизни, можно найти утѣшеніе.

Черезъ нѣсколько дней Массенъ поселился въ красивомъ домикѣ Лемуара и началъ лечиться по системѣ доктора Пидуа. Скоро всѣ за-

мѣтили, что у доктора есть помощникъ, такой же ревностный, старательный и готовый жертвовать всѣмъ для несчастныхъ. Неутомимый покровитель несчастныхъ былъ сдѣланъ меромъ селенія, и его стараніями дороги были поправлены, улицы вычищены, основаны пріюты для больныхъ, для дѣтей и для бѣдныхъ. Посреди этихъ занятій горестъ несчастнаго превращалась въ тихую грусть. Благодарность и благословеніе окружающихъ заставили его почувствовать, что человекъ никогда не можетъ сказать, что онъ одинъ, если есть вокругъ него несчастные, которыхъ должно любить и которыхъ можно помогать.

Новости парижской жизни. (*Письмо изъ Парижа*). Извѣстія изъ Парижа должны быть прежде всего точны и вѣрны, и я отвѣчаю за эти два необходимыхъ качества. Что же касается до формы, она будетъ разнообразна, какъ всѣ летучія новости.

Зима наконецъ наступила, и странствующие туристы возвратились послѣ лѣтнихъ прогулокъ съ толпою иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Парижъ въ нынѣшнемъ году объявилъ жестокую войну старымъ улицамъ, старымъ домамъ, нездоровымъ кварталамъ. Крысы всѣ выгнаны изъ своихъ жилищъ: ихъ преслѣдуютъ, и несчастныя не знаютъ, куда преклонить голову: всѣ бросаютъ въ нихъ камнями. Не думайте, что я преувеличиваю ихъ положеніе. Парижъ, прекрасный Парижъ находится теперь въ самомъ жалкомъ и грязномъ состояніи. Съ одной стороны валяются съ пылью старыя зданія, съ другой возвышаются лѣса, и за ними, какъ-будто волшебствомъ, воздвигаются красивыя, просторныя дома, выравненныя въ правильныя улицы. Старый Парижъ уже не существуетъ. Новый Парижъ возрождается. Все это очень выгодно для архитекторовъ, каменщиковъ, красильщиковъ и для общаго здоровья. Мы должны благодарить членовъ городского совѣта, который осудилъ на смерть древнюю Лютецію, чтобъ на развалинахъ ея построить новый Парижъ. Мы немного сердиты на нихъ за Макъ-адамовское шоссе, которое зимою даетъ намъ грязь, а лѣтомъ пыль; но такъ какъ съ друзьями не надобно ссориться, то мы и прощаемъ имъ эту маленькую неудачу.

Начавъ говорить объ улицахъ и дорогахъ, кстати скажемъ нѣсколько словъ о новомъ проектѣ, который состоитъ въ томъ, чтобъ открыть новую линію omnibusовъ, по двадцати сантимовъ и на желѣзной дорогѣ, по которой будутъ возить одніе лошади. Рельсы уже положены на линіи къ Пасси, другіе приготавливаются и кареты скоро будутъ готовы. Въ каждомъ вагонѣ будетъ четыре отдѣленія, въ которыхъ сорокъ мѣстъ, и этотъ поѣздъ повезетъ только одна лошадь безъ большаго шума. Будетъ ли полезно это предпріятіе? Мы отвѣчаемъ: да. Будетъ ли оно выгодно? Это сомнительно. Мы можемъ только увѣрить, что omnibusы съ галереями по пятнадцати сантимовъ приносятъ въ

день до пятнадцати франковъ убытка, потому что почти всегда случается, что внутренность экипажа пуста, тогда какъ галереи наполнены путешественниками. Это можетъ служить предостереженіемъ для прожектеровъ.

Теперь стараются не только ѣздить при помощи паровъ съ величайшею скоростью, но хотятъ еще летать по воздуху. Сначала шары подымали людей, потомъ лошадей, теперь дикіе звѣри летаютъ по воздуху, и въ послѣднее воскресенье знаменитый укротитель звѣрей Мартенъ (не смѣшивайте его съ медвѣдемъ того же имени) поднялся верхомъ на львѣ. Къ чему это представленіе? Съ какою цѣлью дѣлаются эти фокусы? Не знаемъ, и можемъ только спросить: кто тутъ больше похожъ на животное: левъ или всадникъ? По нашему мнѣнію, это зрѣлище неинтересно и небезопасно. Великодушно ли со стороны человека подвергать бѣднаго льва жестокимъ мученіямъ и можно ли положиться на него, что онъ не вырвется и не бросится въ толпу зрителей, гдѣ можетъ произвести много несчастій? Подобные опыты не могутъ ничего доказать въ аэростатикѣ; это просто жестокий фокусъ. Надобно еще замѣтить, что наука, овладѣвшая уже столькими предметами, хочетъ наконецъ рѣшительно присвоить себѣ воздухъ и сдѣлать его не только агентомъ движенія, но и большою проѣзжею дорогою. Вода и огонь уже подчинены власти человека; остается одинъ воздухъ. Когда и какъ овладѣютъ имъ? Этотъ вопросъ можетъ рѣшиться только время. Разумѣется, Петень навелъ ужь на разрѣшеніе задачи; но Петень не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній въ механикѣ, и его опыты были неудачны. Другіе продолжаютъ искать и кончатъ тѣмъ, что найдутъ.

Теперь дошли до того, что дѣлаютъ все скоро. Желѣзныя дороги строятъ повсюду и непрерывно; даже на океанѣ путешествуютъ съ помощью паровъ. Это хорошая примѣта въ наше время. Развѣ можно ненавидѣть тѣхъ, съ которыми мы мнѣяемся произведеніями и вѣжливостями? Вернемся однако къ Парижу и къ его окрестностямъ. Недавно въ Анверѣ были регаты, въ Шантильи конскія скачки. Въ обоихъ мѣстахъ стеченіе любопытныхъ было многочисленно. Смотрѣть, какъ перегоняются лошади, или лодки, очень пріятно, тѣмъ болѣе, что это зрѣлище заставляетъ насъ самихъ мнѣять мѣста. Чтожъ, дѣлать, люди не хотятъ отстать отъ столовъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, находятся въ безпрестанномъ движеніи.

Столько же шуму, сколько движущіеся столы, надѣлалъ докторъ Мими Веронъ. Онъ обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени издать вполне свои записки... не думайте, что дѣло идетъ объ аптекѣ—нѣтъ: Мими Веронъ давно уже отказался отъ лекарствъ и отъ мази Реньо, которая положила основаніе его состоянію, но не утвердила его. Для этой цѣли необходимо было для сына Эскулапа управленіе дирекціею французской оперы, и постановка Роберта, а затѣмъ редакція журнала «Constitutionnel». Однако мемуары доктора гораздо занимательнѣе тѣхъ, которые печатаетъ Александръ Дюма въ «Presse». Первый будетъ говорить обо всемъ, второй рассказываетъ только о себѣ; одинъ

пишетъ исторію, другой вдается въ романъ. Мы, разумѣется, предпочитаемъ исторію.

Въ наше время существуетъ сильная страсть: заставить говорить о себѣ, во что бы то ни стало; соглашаются даже, чтобъ говорили дурное, только бы говорили. Напримѣръ, если мы вступимъ въ область критики, и, перейдя на лѣвый берегъ Сены, остановимся въ театрѣ Одеона, то принуждены будемъ смотрѣть неудобосваримое произведеніе, внушившее Александру Дюма слѣдующее четверостишіе:

La pièce a marché sans entrave,
Mais je vous le dis franchement,
Il faut pour voir Gusman le brave
Etre plus brave que Gusman.

(Пьеса прошла безъ препятствій; но я вамъ скажу откровенно: чтобъ смотрѣть Гусмана Храбраго, надобно быть храбрѣе самого Гусмана).

Это освобождаетъ насъ отъ разбора, и мы лучше поговоримъ о неуспѣхѣ Жницъ (les Moissonneuses) и о значительномъ успѣхѣ маленькаго образцоваго произведенія подъ названіемъ: «Потерянная драгоценная вещица» (le Bijou perdu). Это премиленькая исторія, напоминающая Ла Пепелиньера и Ришельё; по крайней мѣрѣ авторы заняли у нихъ сюжетъ. Цвѣточницу играетъ г-жа Марія Кабель, вокальная драгоценность, потерянная для комической оперы въ нынѣшнемъ году и найденная лирическимъ театромъ, который, благодаря ей, дѣлаетъ каждый вечеръ значительные сборы. Скажемъ тоже кстати, что г. Аданъ написалъ образцовое произведеніе, одушевясь пьесой, сочиненною гг. Левеномъ и Дефоржъ и свѣжимъ, сильнымъ голосомъ г-жи Кабель.

Въ то время, какъ лирической театръ мститъ своимъ старшимъ братьямъ успѣхомъ, Набобъ продолжаетъ привлекать публику въ комическую оперу. Что же касается до большой оперы, то она не выходитъ изъ «Осады Гента» и «Роберта», и дѣлаетъ очень хорошо, потому что г-жа Тедеско и Роже переносятъ не слабѣя, всю тяжесть этихъ двухъ великихъ произведеній.

Въ числѣ новыхъ пьесъ, Французскій Театръ живетъ одною надеждою на молодость Людовика XVI-го, которую обѣщала ему Александръ Дюма. Г-жа Августина Брoganъ, занимающая главную роль въ этой пьесѣ, принуждена отказаться отъ нея, по случаю опасной болѣзни. Прекрасная герцогиня де-При страдаетъ глазами и, вѣроятно, минутная эта слѣпота пройдетъ; но теперь она не можетъ сдѣлать шагу безъ проводника.

Театръ Веселости имѣлъ на послѣдней недѣлѣ слезный успѣхъ. Жоржъ и Марія дѣлаютъ значительные сборы съ Лаферьеромъ; но самый замѣчательный успѣхъ въ послѣдніе дни имѣли Семь чудесъ свѣта, у Сен-мартенскихъ воротъ. Волшебство играетъ тутъ важную роль. Девнери знаетъ всѣ средства театра и еще разъ доказалъ свою огляность.

Концерты тоже приготовляются и музыканты скоро откроютъ свою кампанію, обѣщая блистательное пѣніе, и все, что за нимъ слѣдуетъ. Что же касается до итальянцевъ, они мѣняютъ только директора. Въмѣсто г. Корти, будетъ г. Рагани, который уже получилъ согласіе нѣкоторыхъ великихъ талантовъ участвовать въ оперѣ, несмотря на то, что Россія и Америка похитили многихъ изъ нихъ.

Со всѣхъ сторонъ съѣзжаются къ намъ иностранцы. Графиня К. отдѣлала свой отель, который скоро откроется для высшаго общества. Финансовый кварталъ приготовляетъ тоже праздники, и богатая свадьба г-жи Перейръ съ г. Турнейзенъ будетъ предлогомъ къ многимъ увеселеніямъ. Г. Турнейзенъ почти русскій, и много способствовалъ къ основанію огромнаго состоянія г-на Эмиля Перейры, стало быть, теперешній бракъ можетъ почестся уплаченнымъ долгомъ.

Воспоминаніе о свадьбѣ, натурально, приводитъ къ модамъ, и мы скажемъ, что замѣтили новаго въ этомъ отношеніи. Начнемъ съ того, что шляпки уже не шляпки, но что-то среднее между чепчикомъ и шляпкою и непринадлежащее ни къ той, ни къ другой породѣ. Подражаютъ теперь не матеріямъ, но мѣхамъ. Леопардъ и пантера имѣютъ честь быть избранными для этой эксцентричности, и надобно признаться, что мода эта доказываетъ только дурной вкусъ. Подъ предполагаемыми шляпками носить гирлянды-пуфы изъ крепа съ золотыми жижками. Хорошо ли это? Разумѣется, хорошо, потому что одно безобразіе портитъ женщину; а хорошенькая всегда будетъ хороша, даже подъ самую оригинальную шляпкою, особенно если она сдѣлана у г-жи Пле-Орень, или у Офрень. Платья изъ муаръ-антикъ уступаютъ мѣсто бархату, потому что прекрасныя плечи выдаются изъ него лучше. Мужчины хотятъ тоже сдѣлать маленькую модную революцію. Самые смѣлые изъ нихъ отказались уже отъ сукна и увѣряютъ, что порядочные люди должны носить бархатъ: онъ округляетъ талію, красивъ, кокетливъ, доказываетъ артистократію и даже ученость, и очень вѣроятно, что будетъ принятъ.

Важное дѣло занимаетъ также всѣхъ въ настоящее время; это—дороговизна квартиръ. Просто невѣроятно! Хозяева домовъ рѣшительно сошли съ ума. Они нарочно красятъ свои дома, чтобъ отдавать квартиры дороже, и бѣдные артисты, или служащіе, которые платили прежде пятьсотъ или шестьсотъ франковъ за квартиру, принуждены теперь платить почти вдвое. Цѣны возвысились также на обувь, одежду, припасы.

Эти печальныя размышленія навели на насъ воспоминанія о похоронахъ Франсуа Араго, знаменитаго астронома, котораго мы великолѣпно проводили до его послѣдняго жилища. Несмотря на проливной дождь, провожавшихъ было много (до 100,000 человекъ) и между ними нѣсколько извѣстныхъ лицъ. Г. Флуранъ, академикъ, сказалъ рѣчь надъ гробомъ своего друга, и журналы нѣсколько дней сряду были наполнены похвалами знаменитому ученому. Не говорятъ еще, кто займетъ его мѣсто, но думаютъ, что достойнѣе всѣхъ г. Матье, зять Араго,

который занимает второе мѣсто на Обсерваторіи. Имя Араго извѣстно во многихъ отношеніяхъ. Франсуа былъ старшій въ семействѣ и первый показалъ дорогу къ славѣ; меньшіе братья послѣдовали за нимъ и сдѣлались извѣстны въ литературѣ. Этьенъ имѣлъ значительные успѣхи, какъ драматическій авторъ. Жакъ, меньшой, но самый несчастный; писалъ обо всемъ. Жакъ Араго могъ продолжать Скарона и написать исторію кулисъ, которую предпринялъ другой литераторъ, чтобъ познакомить читателей съ этою цыганскою жизнью, то въ золотѣ, то въ рубищѣ, въ которой скрыто столько страшныхъ драмъ. Франсуа Араго былъ великій писатель и великій астрономъ. Жакъ былъ умный человѣкъ, любезный и остроумный, смѣлый путешественникъ, ловкій фокусникъ. Слѣдующее непереводимое четверостишіе выражаетъ его совершенно въ нѣсколькихъ словахъ:

Dans votre course vagabonde
 Vous devez réussir toujours.
 Quand on fait aussi bien les tours,
 On doit faire le tour du monde.

О человѣческая слабость! Жестокій рокъ! Этотъ неутомимый путешественникъ не можетъ теперь даже обойти свою комнату.

Русскій ученый г. Пироговъ прислалъ въ Академію Наукъ записки, которыя произвели большое впечатлѣніе. Онъ доказываетъ, что хирургическія операціи имѣютъ больше успѣха надъ замерзлыми членами и никогда не влекутъ за собою смерти.

Письма похожи на кошельки, изъ которыхъ одни наполнены разными монетами, другіе пусты. Сегодняшнее мое письмо напомнить платъ арлекина; только я постараюсь, чтобъ въ немъ не было арлекинадъ. Для путешествія изъ Парижа въ С. Петербургъ нельзя взять съ собою то, что попалось подъ руку; надобно выбрать только то, что нужно или полезно. Я взялъ понемногу того и другаго, потому что въ торговлѣ всегда прежде показываютъ образчики, а потомъ выдаютъ весь товаръ.

Итакъ я предлагаю вамъ на выборъ рассказы и новости. Выберите скорѣе. Литературный галопъ въ такой же молѣ, какъ музыкальный. Потомъ я представлю вамъ спектакли, балы, концерты, которые даютъ пищу умамъ, желудкамъ и любопытству зѣвакъ. Литераторы и артисты стараются только угождать публикѣ, а она думаетъ только о томъ, какъ бы ей послѣ одного удовольствія посидѣть къ другому. Удовольствіе—прекрасная вещь; оно недорого и приспособлено ко всемъ возрастамъ. Оно оставляетъ послѣ себя воспоминанія, впоследствии согрѣвающія старость, которая такъ похожа на зиму.

Корреспондентъ является къ вамъ нынѣшній разъ съ новостями въ одной рукѣ, съ спектаклями въ другой. Откройте же ему вашу дверь, потому что отъ береговъ Сены до Невы онъ встрѣчалъ только туманы, снѣгъ и морозы. Бѣдняжка, какъ онъ озябъ, и сколько разъ перо

выпадало изъ его рукъ, потому что одно соображеніе согрѣвало его!

Излишнее богатство новостей бываетъ тоже иногда въ тягость... и я все думаю, какую бы новость рассказать еще. Нельзя же говорить обо всемъ вдругъ. Вотъ одно происшествіе, котораго я былъ свидѣтелемъ, драма, въ которой у меня была маленькая роль, какъ говорится: «на выходъ». Это было на пожарѣ фабрики фортепьянъ у Дебена. Народу собралось много, но порядокъ не былъ нарушенъ и картина была превосходная. Передъ Пассажемъ Панорамы былъ растянута кордонъ солдатъ, вербовавшій прохожихъ, чтобъ составлять цѣпь. Волей или неволей, но надобно было исполнять то, что требовалось для спасенія имущества и жизни людей; и такъ какъ французы смѣются надо всѣмъ, то и при этомъ случаѣ не могли не посмѣяться надъ нѣкоторыми франтами, попавшими въ число пожарныхъ. Пожаръ распространился отъ фабрики г. Дебена до магазина, подлѣ вивѣскою *городовъ Франціи*. Огонь уничтожилъ дерево инструментовъ и съ жадностью бросился на матерію. Однако старанія пожарной команды остановили дѣйствіе огня и оказалось, какъ всегда, что страху было гораздо больше, чѣмъ несчастія. Одна женщина, видя, что огонь близко, связала нѣсколько простынь и начала спускаться изъ окошка, какъ по самой близкой дорогѣ. Къ несчастію, она жила высоко и простыни не хватило до земли, такъ что она покачалась немного на воздухѣ и потомъ упала на прохожаго, который порядочно ушибся... Со всѣхъ сторонъ раздавались крики ужаса, а въ двадцати шагахъ отъ пожара Парижъ хладнокровно просыпался, потому что наступило уже утро, и отворялъ свои магазины. Шелъ сильный дождь и небесная вода много помогла пожарнымъ. Если бы подулъ сильный вѣтеръ, то прекрасный вивьенскій кварталъ не существовалъ бы теперь и считался покойникомъ.

Какъ беззаботны и легковѣрны люди! Прежде они танцовали на волканѣ, теперь на пожарѣ, и окруженные со всѣхъ сторонъ опасностями, они разговаривали спокойно о постороннихъ вещахъ. Отъ Панорамъ, до пассажа Вердо цѣлая колонія нѣмцевъ обоихъ половъ гуляла какъ будто по бульварамъ.

Я вышелъ изъ цѣпи послѣднимъ, несмотря на усталость; вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ гуляющихъ и сказалъ:

— Знаете ли вы, что мой другъ женится?

— У васъ много друзей, отвѣчалъ я; который же изъ нихъ счастливецъ?

— Готшалкъ.

— Я слышалъ про него, прибавилъ я; что онъ женится на американскомъ миллионѣ.

— Нѣтъ, онъ женится по страсти.

— Къ деньгамъ?

— Нѣтъ; къ невѣстѣ, которая, говорятъ, прекрасна.

— Желаю, чтобъ Гименей былъ благосклоненъ къ вашему другу.

Эту новость сообщилъ мнѣ нашъ ученый пьянистъ Лакомъ и я,

видя его восторгъ при счастиі товарища, принужденъ былъ сознаться, что не всегда волки дерутся между собою.

Какой-то господинъ завѣщалъ ремесленнику десять тысячъ франковъ, потому что случайно встрѣтился съ нимъ однажды. Другой умирающій завѣщалъ газетѣ *госпиталей* ежегодный доходъ въ десять тысячъ франковъ съ тѣмъ, чтобъ директоры журнала выдавали по три тысячи франковъ за полезныя открытія и семь тысячъ употребили на уменьшеніе подписной цѣны. Я не знаю, справедливо ли это извѣстіе, но съ охотою вѣрю ему, хотя оно похоже на *чрезвычайное объявленіе*. О немъ напечатано слѣдующее: *Газета госпиталей, самый первый медицинскій журналъ* и пр. и дальше: «Если кто изъ молодыхъ студентовъ не можетъ заплатить за подписку больше пятнадцати франковъ, то дирекція платитъ изъ суммы, завѣщанной мною». Если это извѣстіе и не утка, то надобно признаться, что очень похоже на утку.

Говоря о парижскихъ новостяхъ, я никакъ не забуду визита къ намъ вашего великаго артиста *Щепкина*. Съ одного полюса до другаго знаменитости притягиваютъ однѣ другихъ, стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что наши первые таланты ласково приняли вашего комика. Есть въ Парижѣ нѣсколько извѣстныхъ мѣстъ, гдѣ русскіе и французы мѣняются вѣжливостями и деньгами. Это клубъ иностранцевъ, биржа, театры, Вери, Везуръ, и вездѣ наружность русскихъ такъ откровенна и ласкова, что привлекаетъ къ себѣ всѣхъ. Я зналъ въ Парижѣ одного слѣпаго генерала который былъ, какъ и всѣ его соотечественники, чрезвычайно преданъ своему отечеству. Онъ не могъ наслаждаться жизнью въ Парижѣ, но зналъ лучше насъ всѣ монументы, публичныя заведенія, мастерскія, школы. Можно было подумать, что онъ видитъ ушами и понимаетъ даже то, чего ему не объясняютъ. У него были прекрасныя дѣти, добрая жена, которую онъ очень любилъ.

Повторяю еще, что русскіе и французы соединили мостомъ свои границы, чтобъ посѣщать другъ друга, какъ близкихъ сосѣдей.

Кстати о мостахъ. Я не зналъ, что въ Парижѣ ихъ двадцать одинъ. Это больше чѣмъ нужно для того, чтобъ соединять браками предмѣстье Сен-Жерменское и Шоссе д'Антенъ. Съ одной стороны находятся титла, съ другой—деньги.

Одно изъ полезныхъ нововведеній въ нынѣшнемъ году, это—осмотръ мясныхъ лавокъ. Случалось, что иногда мясники продавали испорченное мясо; теперь это будетъ невозможно, и общее здоровье выиграетъ отъ этого. Всѣ предосторожности въ этомъ случаѣ не могутъ быть излишними, потому что большая часть болѣзней происходитъ отъ дурной или испорченной пищи. Вотъ ужъ скоро сто лѣтъ, какъ тифозная лихорадка косила по преимуществу молодыхъ людей; теперь наступило время холерыны, позже прійдетъ, можетъ быть, очередь холеры, стало быть, заботиться о здоровьи—совсѣмъ не лишнее.

Общество садоводства раздавало свои награды въ прошедшее вос-

кресенье подъ президентствомъ г. Гурбье. Конкурсъ дѣйствовалъ прекрасно, и награды согласовались съ важностью присылокъ.

25-го числа, то есть черезъ нѣсколько дней, откроется засѣданіе пяти факультетовъ академіи. Теперь пришла очередь отдѣленія литературы, и г. Жомаръ будетъ президентомъ собранія.

Спортъ окончилъ свой сезонъ скачками 26-го числа въ Шавтильи; лъвы и львицы, присутствующіе обыкновенно на этихъ зрѣлищахъ, вѣроятно проводятъ послѣднюю лошадь и будутъ держать за нее пари.

Никогда еще театры не были такъ полны осенью, какъ въ нынѣшнемъ году. Сборы въ октябрѣ мѣсяцѣ превышаютъ доходы августа 224,778 франковъ. Это порядочная сумма... Итальянскій театръ открылся со всѣми любимцами публики: Маріо, Гризи, Тамбурины; другихъ дебютантовъ тоже будетъ много. Лирической театрѣ не можетъ разстаться съ своею «Потерянною Драгоценностью». Театръ Гимназіи живетъ успѣхомъ комедіи г-жи Жоржъ-Зандъ *Le presoir*. Во ожиданіи публикаціи своихъ записокъ, авторъ Клоди работаетъ для театра... тутъ вѣрнѣе и успѣхъ и деньги.

Комическая опера репетируетъ хорошенькую пьесу, которая займетъ мѣсто «Набоба.» «Семь чудесъ свѣта» продолжаютъ наполнять театрѣ; французская комедія играетъ старыя вещи. Зачѣмъ ей церемониться съ друзьями? Общники ея получаютъ большое жалованье даже когда ничего не дѣлаютъ, и заставляютъ играть мѣсто себя дублеровъ, которые не умѣютъ занимать публику. Несмотря на всѣ реформы, осталось еще много злоупотребленій, отъ которыхъ можетъ избавить одно время.

Музыка оперы *Vijou* уже находится на многихъ пюпитрахъ, и Набоба будутъ часто пѣть въ нынѣшнюю зиму. Вообще всѣ мотивы этой оперы напоминаютъ что-то знакомое. Авторъ укралъ самъ у себя: Музыкальный лексиконъ братьевъ Эскюдье—очень полезное изданіе, которое займетъ видное мѣсто въ артистическихъ библіотекахъ. Объявляютъ также о новомъ сочиненіи *Les nuits de Noel. Разказы въ Рождественскія ночи*, авторъ котораго провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и работалъ надъ большимъ переводомъ *Истори искусствъ отъ начала ихъ до нашихъ временъ. Разказы въ Рождественскія ночи* написаны въ родѣ послѣднихъ сочиненій Диккенса. Авторъ обѣщаетъ много въ будущемъ. Первый томъ *Записокъ парижскаго мѣщанина* уже вышелъ и заглавіе совершенно оправдывается содержаніемъ. Скоро выйдетъ новый романъ графини Дашъ, подъ названіемъ *Воображеніе*, и вѣроятно будетъ любопытенъ, потому что писательница превосходно умѣетъ дѣйствовать воображеніемъ. Что придаетъ движеніе мысли?—Воображеніе. Какой живописецъ искуснѣе всѣхъ?—Воображеніе. Кто дѣйствуетъ на разумъ?—Все таки воображеніе. Чѣмъ оживляются воспоминанія?—Воображеніемъ. Прошедшее, настоящее, будущее проходятъ передъ увеличительнымъ стекломъ воображенія; добро и зло отражаются въ немъ. Это идеаль счастья и страданія; радость и горе изображаются въ немъ; всѣ движенія души находятъ отголосокъ въ воображеніи. Это океанъ, въ которомъ волны вѣчно возвышаются одна

надъ другою, брызжущій фонтанъ, скачущій конь, поле, усыпанное цвѣтами, поющая птичка, листь, уносимый вѣтромъ, звукъ, повторяемый эхомъ, горе, проливающее слезы, блаженство, оживляющее душу. Умъ—средоточіе, откуда геній почерпаетъ свои качества. Воображеніе — искра ума, солнце и его лучи, тѣнь и свѣтъ. Воображеніе увеличиваетъ или уменьшаетъ всѣ предметы. Разница эта происходитъ оттого, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на нихъ. Напримѣръ, чтобъ перейти отъ идеальнаго къ дѣйствительному, отъ серьезнаго къ шуткѣ—не вообразили ли недавно, что новый фасонъ шляпокъ очень красивъ. Выдумали одѣвать шляпки на шею, а не на голову и воображаютъ, что это оригинально. Чѣмъ это еще за модныя матеріи изъ шелка и бархата, напоминающія одежды волшебниковъ? И кто это выдумалъ мантильи? Вѣроятно, горбатые. Изъ желанія казаться оригинальными, дѣлаются смѣшными. Воображеніе создаетъ мудрецовъ и безумцевъ. Крайности приводятъ всегда къ безднѣ. Во всемъ надобно знать мѣру; и если скука убиваетъ, воображеніе тоже имѣетъ много жертвъ. Если вы хотите долго пользоваться вашимъ состояніемъ, проживайте только проценты. Въ любви, въ дружбѣ, въ политикѣ, можно немного помечтать, но не забираться слишкомъ высоко. Пусть мысли летаютъ въ небѣ, но не надобно забывать и земли. Нѣтъ ни одной лошади, ни одного курьера, который бы перегналъ воображеніе. Биржа у насъ тоже скоро работаетъ, когда она примется за дѣло и ставитъ западни. Развѣ вы не встречали влюбленныхъ, которые поутру были въ отчаяніи, а вечеромъ веселились? Часто любовь бываетъ непродолжительнаѣе фелетона или письма.

Острова Уаланъ, Сандвичевы и Танти (изъ путевыхъ записокъ Жюльена де-ла Гравьера).— Марта 21-го, спустя пятьдесятъ два дня послѣ отплытія нашего изъ Манилы, мы увидѣли островъ Уаланъ. Выброшенный безальтѣйскимъ изверженіемъ, островъ этотъ возвышаетъ свои иглообразныя вершины до 630 метровъ выше поверхности моря. Острова Уаланъ и Пунипе, раздѣленные между собою пространствомъ около ста миль, самыя возвышенныя точки длинной цѣпи подводныхъ Кордильеровъ, которая тянется отъ 5-го до 8 градуса сѣверной широты на пространствѣ, лежащемъ между 135-мъ и 160-мъ градусами восточной долготы. Цѣпь этихъ горъ послужила основаніемъ первоначальныхъ построекъ въ 300 футовъ и была началомъ ряда длинныхъ подводныхъ утесовъ, нынѣ уже обитаемыхъ, увѣнчанныхъ нѣсколькими деревьями и только изрѣдка затопляемыхъ водою, поднимаемою морскими бурями.

Въ 1840 году, корветъ «Данаида» подъ командою Юсифа Розамеля, бросилъ якорь у острова Пунипе. Два офицера «Данаиды» сняли планъ острова, а одинъ изъ нихъ, Гарно, собралъ любопытныя свѣдѣнія о преданіяхъ и нравахъ обитателей Каролинскихъ острововъ. Одно изъ этихъ преданій придаетъ острову Пунипе печальную извѣстность. дѣлая его окончательною могилою послѣднихъ обломковъ несчастной экспедиціи Лаперуза.

Извѣстно, что капитанъ Дилльонъ и знаменитый мореплаватель Дюмонъ-Дюрвиль, послѣ самыхъ усердныхъ разысканій и разспросовъ у старожиловъ острова Ваникору, заключили, что не всѣ матросы экипажей двухъ корветовъ, подъ командою Лаперуза, погибли близъ острова, обь утесы котораго разбились оба ихъ судна. Часть изъ нихъ отправилась къ Маріанскимъ островамъ на лодкѣ, на построение которой употреблено было шесть мѣсяцевъ. Лодка отправилась изъ Ваникору и оставшіеся на немъ матросы, спасшіеся отъ кораблекрушенія, никогда уже болѣе не слыхали о судьбѣ отплывшихъ своихъ собратій.

На какомъ пунктѣ Океаніи погибли пловцы?

Разсказы островитянъ, обитателей Пунипе, обратили вниманіе офицеровъ корвета «Данаида». Изъ этихъ разсказовъ можно было заключить, что, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, лодка съ бѣлыми людьми разбилась у этого острова о подводные утесы; что въ этой лодкѣ находилась пушка съ изображеніемъ лиліи. Бѣлые долго защищались отъ нападенія островитянъ, но, наконецъ, застигнуты были ночью и перерѣзаны всѣ до одного. Пушка долго служила трофеемъ побѣды на островѣ, пока англійское купеческое судно не увезло ее съ собою, что случилось не задолго до прибытія корвета «Данаида». Бросивъ взглядъ на карту, легко можно убѣдиться изъ разсказовъ островитянъ, что островъ Пунипе есть пунктъ втораго и конечнаго крушенія спутниковъ Лаперуза, отправившихся къ островамъ Маріанскимъ.

Островъ Уаланъ видѣнъ съ моря за пятьдесятъ миль. Положеніе его не могло ускользнуть отъ вниманія мореплавателей. Онъ стоитъ на пути судовъ, плывущихъ изъ Новой-Голландіи въ Китай. Въ 1804 году, американскій капитанъ Крезеръ, первый замѣтилъ его и далъ ему названіе острова «Стронгъ», которое еще и понынѣ сохранилось у большей части мореплавателей. Первое изъ европейскихъ судовъ, бросившихъ якорь у береговъ его, былъ корветъ «La Coquille». Во время изслѣдованія разныхъ архипелаговъ Океаніи, 5-го іюня 1824 года, Дюперрей замѣтилъ, отъ сѣверозападнаго мыса между скалъ, вдающихся на милью въ море, заливъ, совершенно защищенный со всѣхъ сторонъ. Дюперрей бросилъ въ немъ якорь и далъ новооткрытому имъ порту названіе: «портъ Раковины». Два офицера корвета, Лоттенъ и Бераръ, получившіе приказаніе снять видъ острова, отыскивали на противоположной его сторонѣ другой заливъ, защищенный отъ морскаго вѣтра маленькимъ островкомъ Леле, на которомъ большая часть начальниковъ островитянъ, обитателей Уалана, основала свою резиденцію. Второй новооткрытый заливъ получилъ названіе «порта Шаброля». Въ окружающихъ островъ скалахъ, отысканы еще двѣ бухты, которымъ и даны названія двухъ офицеровъ: портъ Лоттенъ и портъ Бераръ. Кромѣ этихъ поименованныхъ четырехъ пунктовъ, стоянка на якорѣ около острова признана невозможною. Но изъ этихъ четырехъ заливовъ, только два первые совершенно безопасны. Къ тому же, въ «портъ Раковины» трудно входить, по причинѣ подводныхъ утесовъ тянувшихся во всю длину фарватера, а изъ «порта Шаброля» еще труднѣе выйти, потому-что самый выходъ совершенно открытъ всѣмъ

вѣтрамъ. Когда, поднятые волною, мы обогнули послѣднюю скалу, выдающуюся въ море, на нашемъ корветѣ «La Bayonnaise» послышался вдругъ общій отголосокъ удивленія и восторга. Ни Ява, ни Молуккскіе острова не могутъ дать понятія о величественной красотѣ залива, открывшагося передъ нашими глазами. Горы, точно темнозеленою занавѣсью окружали полукружіемъ спокойный и глубокій заливъ. Маленькій островокъ Леле, мимо котораго мы плыли, соединенный съ твердою землею обширною отмелью звѣздчатыхъ коралловъ, заканчивалъ къ сѣверу веселый контуръ залива. Свѣтлая зелень его пальмовыхъ деревьевъ, качаясь, отражалась въ прозрачныхъ водахъ. Обломки коралловъ и базальтовъ защищали его отъ морскихъ волнъ. Подъ защитою такой стѣны, которая, казалось, воздвигнута была трудами пелазговъ или циклоповъ, цвѣли и благоухали кустарниковъ, словно букеты цвѣтовъ, перехваченные у корня невидимою нитью, верхнія вѣтви которыхъ, наклоняясь, спускались до самой земли. Свѣжій вѣтеръ, срывавшій верхушки валовъ въ морѣ, внѣ залива, не могъ проникнуть сквозь густую, сплошную зелень рощъ. Паруса наши повисли вдоль мачтъ; мы скользили въ глубь залива остальною силою вдругъ спавшаго вѣтра. Изъ-за деревьевъ стали показываться жилища; мы немного уклонились отъ берега и въ пятидесяти брасахъ отъ острова Леле корветъ нашъ бросилъ якорь.

Дюперрей въ 1824 и русскій морякъ Литке въ 1827 годахъ были послѣдними посѣтителями, на военныхъ судахъ, острова Уалана. Но суда, преслѣдующія кашалотовъ между экваторіальными архипелагами, не замедлили воспользоваться портами, открытыми Дюперре, находя въ нихъ возможность запастись водою и топливомъ, единственными предметами, въ которыхъ иногда нуждаются китоловы, снабженные всегда достаточно всѣми принадлежностями, необходимыми для ихъ промысла. Жители новооткрытыхъ портовъ кротки и миролюбивы, что было однимъ изъ главныхъ удобствъ для купеческихъ судовъ.

Дюперрей, во все время пребыванія своего между островитянами, не видалъ у нихъ оружія какого бы то ни было рода. Отдѣленные отъ другихъ острововъ значительнымъ пространствомъ моря, обитатели Уалана не подозрѣвали даже ихъ существованія, и имъ никогда не приходилось защищаться отъ какого либо нападенія. Собственныя ихъ пироги не удалялись далеко отъ скалъ ихъ роднаго острова. Хлѣбныя и кокосовыя деревья, растущія во множествѣ на островѣ, доставляли обитателямъ обильную пищу; ингамы, сокъ пальмовыхъ деревьевъ, бананы и сахарный тростникъ, требуя небольшого воздѣлыванія, доставляли разнообразную пищу островитянамъ.

Составъ народонаселенія, состоящаго изъ двухъ-трехъ тысячъ, не отличался отъ быта прочихъ островитянъ Океаніи, о которыхъ собраны были свѣдѣнія Кукомъ и Лаперузомъ. Король, нѣсколько старшинъ и остальная часть народонаселенія, тихая и покорная — вотъ весь организмъ почти всѣхъ острововъ Полинезіи. Въ недавнемъ времени случился раздоръ между двумя частями народонаселенія: уаланскіе канаки (природные жители) овладѣли островомъ Леле, и одинъ

изъ нихъ возведенъ былъ въ главный санъ, вмѣсто прежняго владѣтеля, котораго побѣдителя отбѣснили въ горы. Когда «Байонезъ» бросилъ якорь въ шамброльскомъ портѣ, новый король уже занималъ тронъ своего предшественника подъ названіемъ «Короля Георга» которыми его прозвали сиднейскіе китоловы.

Еще солнце не скрылось за высокими горами, окружающими заливъ, какъ весь экипажъ корвета сошелъ, безоружный, на берегъ и разсыпался между группами островитянъ, сидящими на берегу залива, и, какъ прекрасно выразился поэтъ: «Новый Свѣтъ протягивалъ доверчиво черную руку старой Европѣ».

Мы дали знать королю Георгу о желаніи нашемъ видѣть его на корветѣ. Приглашеніе наше возбудило его любопытство, но недоверчивость, несомнѣнъ для насъ лестная, удерживала его подвергнуть свою особу неприятнымъ случайностямъ неизвѣстности. Однако онъ побоялся оскорбить насъ отказомъ и началъ собираться на корветъ съ отважностью Курція, бросившагося въ пропасть. Узанская королева взяла всѣ предосторожности, внушенныя ей нѣжностью, чтобъ охранить короля при выходѣ изъ дворца. Извѣстная искусствомъ своимъ знахарка приведена была къ властителю, чтобъ заворожить его противъ всѣхъ предстоящихъ ему опасностей. Колдунья долго водила своими костлявыми пальцами по шеѣ и плечамъ Георга, произнося какіе-то непонятныя слова, и онъ, успокоенный волшебствомъ, твердыми шагами вышелъ изъ дворца и направилъ шаги къ берегу, гдѣ катеръ ожидалъ его со свитой.

При входѣ на корветъ, Георгъ былъ встрѣченъ всѣмъ экипажемъ. Трудно передать изумленіе и удивленіе главы дикарей при видѣ воинственныхъ снарядовъ корвета. Онъ приложилъ палецъ къ губамъ, въ знакъ безсилія выразить свой восторгъ. Частыя и тихія восклицанія на разные тоны выражали его разнообразныя ощущенія. Онъ не видѣлъ еще подобнаго ничего нашему корвету. Когда же онъ осмотрѣлъ длинныя ряды пушекъ, пирамиды бомбъ и картечи, шпаги, ружья и абордажные топоры, развѣшанные по стѣнамъ, восторгъ его дошелъ до высочайшей степени и онъ, какъ казалось, тогда лишь только составилъ полную идею о нашей силѣ и могуществѣ. Наконецъ Георгъ заговорилъ. Благодаря частымъ его сношеніямъ съ китоловами, онъ могъ объясняться не хуже иваго купца въ China-street; онъ съ чувствомъ положилъ миѣ свою руку на плечо и первыя слова его были болѣе льстивы, чѣмъ простодушны.

Дикари на этотъ счетъ не такъ дики, какъ можно подумать, и Георгъ разсудилъ, вѣроятно, что, гдѣ дѣло идетъ о похвалѣ, тамъ надо отбросить всякое опасеніе впасть въ преувеличеніе. «Commodore, сказалъ онъ миѣ, you are like god!» и потомъ сейчасъ же прибавилъ, опуская свои руки чуть не до земли и сопровождая свой жестъ громкимъ смѣхомъ: «Вотъ каковы китоловы, и вотъ какіе вы!» и при послѣднемъ словѣ король выпрямился во весь свой ростъ и поднялъ руку вверхъ. Еслибъ потолокъ нижней палубы не остановилъ его движенія, то Георгъ возвысилъ бы насъ до ста локтей вышины.

Рѣшившись посѣтить корветъ, Георгъ позаботился и о своемъ одѣяніи. Къ юпкѣ; охватывающей его станъ, онъ присоединилъ бумажную рубашку съ синими полосами, которая, облекая его широкія плечи, не скрывала геркулесовскихъ, ихъ размѣровъ. Высокій, прямой станъ его и выдающіяся мускулы доказывали силу, неослабѣвшую отъ лѣтъ. Георгу было отъ сорока пяти до пятидесяти лѣтъ. Умныя, хотя и некрасивыя черты лица его выражали боязливую кротость, но въ складѣ его губъ и въ блескѣ черныхъ глазъ, готовыхъ вспыхнуть, легко было подмѣтить необузданность страстей дикаря: «огненная вода» могла преобразить ягненка въ кровожаднаго тигра. Георгъ скоро перешелъ отъ удивленія къ болѣе дружескимъ чувствамъ, въ ознаменованіе чего и попросилъ у меня бутылку водки (brandy). Я велѣлъ привести и, подавая, присовокупилъ къ моему угощенію длинное наставленіе о вредѣ спиртуозныхъ напитковъ. Георгъ, казалось, слушалъ меня съ невозмутимымъ вниманіемъ.

— Вы правы «сказалъ онъ мнѣ, когда я кончилъ свое нравственное ученіе», brandy very baal for the chiefs, то есть, бренди очень вредна для старшинъ, а потому я рѣшился выпить бутылку одинъ». На другой день какое-то неестественное выраженіе, замѣченное мною на лицѣ дикаря, убѣдило меня, что онъ совѣстливо сдержалъ свое обѣщаніе.

Ромъ и табакъ едва ли не единственные предметы торговли на рынкахъ Полинезій. Къ счастью, мы нашли другіе способы выказать щедрость нашему гостю.

Каждый изъ насъ поставилъ себѣ въ обязанность подарить чтонибудь отъ себя Георгу, и въ нѣсколько минутъ онъ сдѣлался обладателемъ полнаго гардероба.

Простодушный, какъ великанъ Пульчи, или Аріосто, дикарь позволилъ намъ одѣть себя по нашему произволу. Онъ ни однимъ словомъ не противился, когда мы надѣли ему длинный полосатый халатъ, и черный атласный галстухъ. Съ каждою новою вещью, которую наша фантазія изобрѣтала и прибавляла къ его наряду, онъ повертывался къ зеркалу и охорашивался передъ нимъ съ совершеннымъ самодовольствомъ. Жилетъ съ пестрыми разводами и широкіе ситцевые шалвары довершили нарядъ нашего гостя, но невозможно было прибрать обуви по погамъ его.

Георгъ возвратился въ свои владѣнія въ истинно великолѣпной одеждѣ—такъ онъ думалъ по крайней мѣрѣ. Его подданные были того же мнѣнія, когда увидѣли Георга, выходящаго на берегъ, мѣрно и величественно шествующаго ко дворцу. Они встрѣтили и провожали его дикими и неистовыми криками восторга; королева выбѣжала къ нему на встрѣчу, остановилась въ изумленіи и, приложивъ палецъ къ губамъ, возвела глаза къ небу.

Когда, усталый отъ разнородныхъ ощущеній, владѣтель острова Уалана бросился, въ изнеможеньи, на тростниковую циновку, покрывавшую вязкіи земляной полъ его дворца, супруга его, не будучи въ состояніи сдерживать долѣе своего любопытства, засынала мужа вопросами: что видѣлъ? что слышалъ? Какая причина заставила могущественныхъ ино-

земцевъ прибыть на островъ? Легко вообразить, какое впечатлѣніе произвели на воображеніе королевы восторженные описанія короля.

Положено было, что завтра же супругъ повезетъ свою супругу на корветъ. Она явилась туда въ сопровожденіи жень, главѣйшихъ старшинъ острова. Всѣ онѣ были въ рубахахъ съ синими полосами, какая накануне была у Георга, незакрывавшими вполне синеватаго рисунка, которымъ татуировано было ихъ тѣло. Ноги ихъ были совершенно обнажены и у каждой изъ нихъ была продернута изъ черной глины трубка въ мочкѣ лѣваго уха. Узкое таро дикихъ, сотканное изъ волоконъ банана и окрашенное мѣстными красками, не вышло еще изъ употребленія со временъ пребыванія «La coquille» на Уаланѣ и обтягивало станъ островитянокъ. Всѣ онѣ были малы ростомъ какъ лиллипутянки. Королева, уже немолодая, отличалась изумительнымъ благородствомъ движеній и мелодическимъ, жалобнымъ голоскомъ. Къ несчастію, она была страшно кривонога; этимъ недостаткомъ отличались всѣ женщины, сопровождавшія ее на корветъ. У прочихъ островитянокъ этого не было замѣтно. Проводя цѣлые дни въ сидячемъ положеніи на циновкахъ, поджавъ подъ себя крестообразно ноги, женщины высшаго званія, едва могутъ держаться, когда имъ вздумается пройтись на своихъ согнутыхъ, худыхъ ногахъ. Жаль было смотрѣть на усиліе ихъ ходить по палубѣ корвета. Маленькія ножки китайскихъ женщинъ представляютъ въ этомъ отношеніи гораздо менѣе неудобствъ.

Георгъ жаловался мнѣ на климатическую зловредность своего острова, и видъ одного осмотрѣннаго нами селенія, зараженнаго проказою, къ несчастію, вполне оправдывалъ сѣтованія короля.

Ощущенія королевы при осмотрѣ корвета были столько же восторженны, какъ и чувства ея супруга. Ни одинъ уголокъ судна не скрывался отъ ея пытливаго взгляда. Она повертывалась во всѣ стороны, перебѣгала съ мѣста на мѣсто, какъ бѣлая мышка, и воображеніе ея было поражено всѣмъ, что она видѣла. Спутницы слѣдовали за нею, ахая и восклицая ежеминутно отъ удивленія, и прерывая ее, отъ времени до времени, только звонкимъ радостнымъ смѣхомъ. Повелительница не думала скрывать своего восторга. Она одарена была веселымъ, общительнымъ нравомъ, и простодушная болтовня ея очень тѣшила насъ. «Я очень люблю китолововъ, говорила она, между прочимъ, они всегда привозятъ мнѣ подарки, хвалятъ меня и называютъ good belly queen. Они привозятъ королю китоваго жиру, рому и табаку. Если на островѣ не видно долго иноземцевъ, всѣ мы, и король и наши подданные, становимся очень недовольны.»

Я предложилъ маленькую закуску. Всѣ спутницы королевы помѣстились на полу у входа въ залу, и супруга Георга, смѣясь, бросала имъ остатки закуски. Вдругъ негодованіе пробѣжало по чертамъ лица Георга, а королева быстро отодвинулась отъ стола. Въ это время, слуга мой внесъ угря непомѣрной величины, убитаго палкой однимъ изъ нашихъ матросовъ. «Что съ вами?» спросилъ я Георга? Онъ указалъ мнѣ на рыбу, поставленную передо мною. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что мы, вѣроятно, поступили вопреки какого нибудь значи-

тельнаго суевѣрія островитянъ. Я сталъ оправдывать нашъ поступокъ, какъ умѣлъ, и старался вразумить Георга, что если мы дерзнули поднять руку на *табу*, то сдѣлали это по невѣдѣнію и безъ всякаго дурнаго умысла. Георгъ пожалъ плечами, какъ будто желая тѣмъ выразить, что онъ выше подобныхъ предразсудковъ, что я не такъ его повялъ. «Не надо ѣсть этой рыбы, потому что отъ нея дѣлается проказа», сказалъ онъ. Королева была откровеннѣе и сказала напрямикъ, что рыбу эту не надо ѣсть потому, что это запрещаетъ *табу*. Откуда взялось обожаніе угря, общее почти всѣмъ островамъ Океаніи, и неуваженіе къ которому почти всегда наказывается смертию—трудно добраться до начала этого обыкновенія. Но вотъ до какого заключенія довели меня разысканія на островѣ Уаланѣ: послѣ жестокаго урагана, опустошившаго островъ, которымъ истреблены были всѣ деревья и посѣвы обитателей, островитяне поддерживали свое существованіе въ продолженіе цѣлаго года, только муреною и угрями, которыхъ оставляла сбѣгавшая морская вода между скалами звѣздчатаго коралла. Съ той эпохи вошло въ обыкновеніе щадить эту рыбу и она нашла себѣ защиту подъ покровомъ народнаго суевѣрія. Солнце уже начинало садиться, когда Георгъ рѣшился разстаться съ корветомъ. Уже болѣе часу онъ нашелъ себѣ развлеченіе совершенно въ своемъ вкусѣ. Онъ съ важнымъ видомъ взялъ иглу и подѣлъ къ матросамъ, чинившимъ парусъ въ одной изъ палубъ судна. Я общалъ Георгу побывать у него въ непродолжительномъ времени, даже въ тотъ же вечеръ, когда уаланскіе жители располагаются на корточкахъ для ѣды «попой».

Попой — печеная смѣсь плода хлѣбнаго дерева и кокосовыхъ орѣховъ, подаваемыхъ на банановыхъ листьяхъ. Изъ этой смѣси составляютъ клѣцку огромнаго размѣра, отъ которой каждый изъ ѣдящихъ пальцами отковыриваетъ себѣ куски до удовлетворенія аппетита.

Я съѣхалъ на берегъ.

Первый попавшійся мнѣ островитянинъ съ готовностью провелъ меня ко дворцу. Низенькая дверь заставила меня согнуться до самой земли, и я вступилъ на большой дворъ, обнесенный тростниковою изгородью. Я давно уже сдѣлалъ замѣчаніе, что ни одинъ изъ подданныхъ Георга, будь онъ хоть старѣйшимъ изъ старшинъ, не осмѣливался стоять предъ уаланскимъ повелителемъ. Тотъ, кто вздумалъ бы встать въ уровень съ Георгомъ или выше его, почелся бы за преступника.

Дворъ, въ который я вступилъ, былъ устланъ грубыми циновками. Противъ входа возвышалось королевское жилище.

При взглядѣ на эту постройку въ стрѣльчатомъ стилѣ, состоящую только изъ тростника и плетеной соломы, можно было принять ее за гигантскій пчелиный улей. Несмотря на то, жилище короля Георга была замѣчательнымъ произведеніемъ терпѣнія и изобрѣтательности. Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною индійскихъ хижинъ, эта отличалась изяществомъ и обдуманностью плана.

Что касается до внутренняго убранства, оно поражаело незатѣйливою простотою. Двѣ деревянныя скамьи, тонкая циновка и большой сундукъ, на которомъ стоялъ свѣтильникъ, наполненный китовымъ жиромъ—вотъ вся мебель королевскаго жилища.

Вечеръ былъ прелестный; луна тихо плыла по небу. Король Георгъ и королева усѣлись на циновкахъ; я сѣлъ подлѣ нихъ. Мы закурили сигары и бесѣда началась.

Къ несчастію, я не всегда понималъ англійскую рѣчь короля; что же касается до королевы, то ее щебетанье было для меня постоянно загадочно. Мнѣ пришлось бы оставить островъ Уаланъ, не собравъ о немъ нужныхъ свѣдѣній, если бы королю не пришла счастливая мысль позвать къ себѣ двухъ языковѣдцовъ, занимающихъ должности при дворѣ его, которые не только были нашими переводчиками, но и сами приняли дѣятельное участіе въ разговорѣ. Въ маленькомъ Уаланскомъ царствѣ права владѣтеля не ограничиваются одними наружными формами. Король—полный обладатель земли острововъ Уалана и Леле. Торговля сосредоточена въ его рукахъ. Только что какое нибудь китоловное судно броситъ якорь въ одномъ изъ портовъ его владѣній, король первый отправляется на судно. Онъ обмѣниваетъ свои фрукты, таро, игнамовый корень на табакъ и ромъ, и въ этомъ послѣднемъ предметѣ имѣеть всегда львиную долю. Подданные прославляютъ его великодушіе, называютъ великимъ, искуснымъ политикомъ, однимъ словомъ: по выраженію самой королевы «человѣкомъ съ зоркою дальновидностью.» *A good look out.*

Главною цѣлью моихъ разысканій было изслѣдованіе религіозныхъ понятій Георга и его подданныхъ. Неужели жители Уалана даже не подозреваютъ существованія Бога? Неужели нѣтъ у нихъ хотя самаго грубаго понятія о Создателѣ видимаго міра? Трудно было остановиться на подобномъ предположеніи, а между тѣмъ, когда я заговорилъ о Творцѣ, создавшемъ бѣлыхъ и черныхъ людей, королей и канаковъ, Георгъ, улыбнувшись отвѣтилъ мнѣ, что онъ Его не видалъ. «Что будетъ съ вами, когда вы умрете?»—«Меня зароютъ въ яму.» Какъ ни вертѣлъ я свой вопросъ на разные лады, но всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Смѣло могу увѣрить, что мысли о безсмертіи души никогда не заходила въ голову Георга.

Разказы о старинѣ, до которыхъ такъ жадны всѣ полинезійскіе островитяне, преданія, сохранившіяся на островахъ въ пѣсняхъ и пляскахъ народныхъ, казалось, исчезли съ Уалана, не оставивъ послѣ себя ни слѣдовъ, ни сожалѣній.

Въ ста миляхъ отъ него, совѣмъ на другомъ пунктѣ Каролинскаго архипелага, на островѣ Пунипе живутъ остатки преданія о какой-то первоначальной эпохѣ, которыя бы должны были сохраниться и на Уаланѣ, потому что порода людей видимо одна и та же на обоихъ островахъ. Это преданіе говоритъ, что въ какія-то баснословныя времена полинезійскіе острова были населены великанами. Они составляли дѣятельный, несокрушимый народъ. Одни изъ нихъ срывали горы, другіе рыли каналы и бассейны, третьи окружили островъ Пунипе ко-

ралловою стѣною и шутя передвигали базальтовые обломки съ мѣста на мѣсто. Къ той эпохѣ отбѣсать начало сооруженія видимыхъ памятниковъ зодчества, развалины которыхъ скоро совершенно исчезнутъ подъ могучею мѣстною растительностью, и которые напоминаютъ удивленному взору мореплавателя зодчество ацтековъ и египтянъ. Цѣлый городъ, выстроенный безъ цемента, покрываетъ своими развалинами землю, гдѣ пынѣшнее поколѣнiе устроило свое кладбище. Эти развалины—остатки зодчества великановъ. Жители острова Пунипе приближаются къ нимъ всегда со страхомъ.

Преданiе прибавляетъ, что зиждители этихъ несокрушимыхъ стѣнъ, не имѣя болѣе матеріаловъ для продолженія своихъ построекъ, стали воевать за приобрѣтенiе ихъ между собою и перебили другъ друга. Въ это время къ берегу пристала пирѣга съ жителями, приплывшими изъ дальнихъ странъ. Они были поражены ужасомъ при видѣ гигантскихъ построекъ своихъ предшественниковъ и, выстроивъ себѣ соломенные шалаша, поселились у самаго берега моря. Отъ нихъ—то произошли пять племенъ островитянъ острова Пунипе. Вотъ какое преданiе живетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Уалана и сохранило въ памяти жителей два явственныя переселенiя островитянъ. Отъ перваго сохранились развалины зодчества, замѣченныя Кукомъ и Лаперузомъ на островѣ Св. Пасхи, Ансономъ и офицерами «Уранiи» изумлявшимися ими на Марiанскихъ островахъ, и которыя встрѣчаются на островѣ Пунипе, на совершенно противоположныхъ пунктахъ Океанiи, немѣвшихъ между собою никакихъ сношенiй.

Между дикарями острова Пунипе находятся люди, занимающіеся ворожбою. Не безъ удивленiя встрѣчаемъ тождественность приѣмовъ полинезійскихъ знахарей и колдуновъ, съ приѣмами китайскихъ бонзъ и монгольскихъ вѣщунновъ. Только—что дикарь начнетъ жаловаться на болѣзнь, родственники его посылаютъ за главнымъ врачомъ. Если болѣзнь маловажна, довольствуются окуркою больного по точному предписанiю врача; но если болѣзнь опасна, прибѣгаютъ къ средствамъ особеннымъ. На островѣ Пунипе существуютъ священныя вершины скалъ, недосыгаемыхъ для человѣка. Туда будто бы убѣгаютъ души больныхъ. Надо найти средство принудить бѣглянку возвратиться въ покинутое ею тѣло. Главное дѣло состоитъ въ поспѣшности, потому что у вырвавшейся изъ тѣла души вырастаютъ гигантскія крылья не по днямъ, а по часамъ; и если потерять время, крылья унесутъ душу въ небо.

Врачъ жертвуетъ собою, пускается за душою въ погоню и рѣшается подняться на вершину горы. Если ему удастся поймать преслѣдуемую душу, онъ ее проворно заключаетъ въ кокосовый орѣхъ и, по возвращенiи съ нею къ больному, выливаетъ ее на голову его вмѣстѣ съ кокосовымъ мозокомъ. Но, говорятъ эти знахари, случается, и нерѣдко, что душа оставитъ землю и отлетитъ передъ самымъ носомъ врача, преслѣдующаго своимъ взоромъ полетъ ея черныхъ крыльевъ въ возду-

хѣ. Куда улетаетъ крыленая душа — этого вопроса не разрѣшить и самъ врачъ. «Она улетѣла далеко, далеко! говорятъ между собою дикари: ее встрѣтятъ тамъ души прежде умершихъ и выведутъ ее въ новую ея обитель.»

Но возвратимся къ Георгу. Онъ мнѣ по пальцамъ насчиталъ десять родовъ кореньевъ, способныхъ, въ случаѣ нужды, замѣнить хлѣбное дерево и кокосовый плодъ. Только одинъ сахарный тростникъ изъ всѣхъ мѣстныхъ произрастеній признанъ предметомъ неприкосновеннымъ и посвященнымъ *табу*. На случай новаго опустошенія острова ураганомъ, я предложилъ королю прибавить къ богатству мѣстныхъ произведеній растительнаго царства его острова и принять отъ меня для посѣва нѣсколько мѣшковъ картофелю, рису и кантонскихъ турецкихъ бобовъ. Но, несмотря на торжественныя обѣщанія, данныя мнѣ Георгомъ, я сомнѣваюсь, чтобы предложенные мною предметы для посѣва посажены были въ землю. Островитяне не помышляютъ о завтрашнемъ днѣ; для нихъ только настоящій мигъ имѣетъ значеніе. Они обладаютъ дѣтскою безпечною и легко поддаются лѣности, разливающейся въ тѣлѣ отъ вліянія тропическаго климата.

По мнѣнію ихъ, приобрѣтеніе всякаго новаго удобства, или пользы, не окупается потраченными на нихъ трудами. Не разъ оставляемые имъ китоловами животныя пользовались предоставленною имъ свободою. Свиньи рыскали по лѣсамъ, куры одичали и живутъ въ совершенной независимости.

Художникъ-ваятель изшелъ бы истинное наслажденіе въ созерцаніи покойной позы дикарей и ихъ врожденнаго благородства движеній. Идеаль художественности—мужественная и могучая красота только иногда бывала угадываема гениемъ. Но между этими первобытными людьми, вы увидите ходячіе остовы, заживо сѣдаемые отвратительными язвами. Взоръ съ ужасомъ отвращается отъ несчастныхъ, переносящихъ съ апатической терпѣливостью свой недугъ. Ужасное зрѣлище губительнаго бича возбуждало въ сердцахъ нашихъ невольное состраданіе. Черные обитатели Африки давно уже возбуждаютъ всеобщее состраданіе. Жители Океаніи должны бы еще въ болѣе степеніи возбудить къ себѣ симпатію и обратить на себя вниманіе филантроповъ. Трудно европейцу представить себѣ, какіе страшные безпорядки, какія преступныя насилія совершаются на архипелагахъ Полинезіи. Девертеры съ китоловныхъ судовъ заразили острова своимъ присутствіемъ. Между кроткими и миролюбивыми островитянами они распространили жажду къ приобрѣтенію, освоили ихъ со всѣми дурными страстями и пороками, сдѣлавъ ихъ же первыми жертвами своей злобы. Цѣлыя племена были истреблены ими. Разбойники вооруженною рукою отбирали у нихъ предметы, годные для торговли; ослушниковъ наказывали смертью; каждый европеецъ присвоивалъ себѣ право жизни и смерти надъ беззащитными жителями, и цѣлое поколѣніе Флибустьеровъ, подъ назва-

ніемъ «береговыхъ братьевъ» утвердило знамя самоуправства на островахъ, счастливыхъ до того времени, не болѣе какъ полстолѣтія тому назадъ. Не разъ было говорено, что, для восстановления порядка и справедливости, необходимо, чтобы къ тѣмъ берегамъ приходили чаще военныя европейскія суда. Я прибавлю, что этого недостаточно. Полинезійскіе островитяне не могутъ теперь существовать безъ покровительства какой нибудь европейской державы. Всѣ нити прежняго быта у нихъ перерваны; имъ уже не слѣзаться снова простодушными дикарями, какими ихъ засталъ и описалъ Кукъ. Надо освободить ихъ отъ притѣсненій и насилій разныхъ авантюристовъ, но еще болѣе надо положить предѣлы сокрушительнымъ страстямъ, которыми они поддались и которыя ихъ истребляютъ.

Возвратное плаваніе наше отъ острова Уалана свершилось благополучно и 17 апрѣля мы бросили якорь въ Макао. Головы взшедшихъ къ намъ на судно китайцевъ поразили насъ необычайнымъ развитіемъ черепа. Уже болѣе мѣсяца бритва не прикасалась къ нимъ. Китайцы носили трауръ, по случаю кончины ихъ повелителя. Послѣ тридцатилѣтняго царствованія, сынъ Кіа-Кинга, внукъ знаменитаго Кіанъ-Лонга, присоединился къ пяти владыкамъ изъ династіи Маньчжуровъ, оставивъ своему преемнику колеблющуюся власть и ненадежную будущность.

Императоръ Тао-Квангъ, передъ смертью своею, назначилъ своимъ преемникомъ четвертаго изъ своихъ сыновей, который, взшедъ на престолъ, принялъ названіе И-Шинга. Онъ рожденъ былъ отъ матери татарскаго происхожденія. По законамъ династіи Тай-Цынгъ, сыновья, рожденные отъ женщинъ китайскаго происхожденія, не имѣютъ правъ на престолъ. Восшествіе на престолъ новаго повелителя не ознаменовалось никакою реформою. Уваженіе къ памяти родителя воспрещаетъ наследникамъ престола и каждому подданному Небесной имперіи, по крайней мѣрѣ одинъ годъ не дѣлать никакихъ измѣненій въ заведенномъ порядкѣ, чтобы, поступаая иначе, тѣмъ не выказать какъ будто нѣкотораго осужденія политики покойнаго.

Получивъ въ Макао повелѣніе возвратиться во Францію, обойти мысъ Горнъ, побывавъ на Сандвичевыхъ островахъ и въ Таити, 29 іюня 1850 года мы уже бросили якорь въ портъ Гонолулу.

Малайская порода людей произошла отъ смѣшенія арабскаго и монгольскаго племени. На югѣ экватора отъ земель Папу до Новыхъ Гебридскихъ острововъ, сохранился въ чистотѣ арабскій типъ; жители Полинезіи представляютъ, напротивъ, чисто-монгольское племя.

Ничто не можетъ лучше объяснить сходства нравовъ, языка и наружныхъ формъ разныхъ полинезійскихъ племенъ, какъ предположеніе, что эти два племени распространились по морскимъ островамъ на такое разстояніе, на какое могли разбросать ихъ вѣтры.

Первое племя остановлено западнымъ муссономъ около группъ острововъ Вити; второе—бурами сѣвернаго полушарія у американскаго материка и у Сандвичевыхъ острововъ.

Когда мы прибыли въ Гонолулу, первое впечатлѣніе утвердило меня въ гипотезѣ, которою я уже давно увлекался; я могъ думать, что я не покидалъ еще Уалана и прочихъ острововъ Каролинскаго архипелага. Въ Полинезійи находятся два рода острововъ: одни, какъ цѣна клокотавшаго горнила, выплыли изъ глубины океана, взлетѣли подъ небеса и вершины ихъ, изрытыя лавою, остыли съ теченіемъ времени, Другіе—произведеніе звѣздчатыхъ коралловъ—едва возвышаются надъ поверхностью моря. Вѣтры и птицы забросили на нихъ нѣсколько растительныхъ сѣмянъ, волны выбросили нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, и на этихъ-то отмеляхъ, покрывшихся отъ времени растительностью, водою же морскою занесено нѣсколько обитателей. Земля пологихъ береговъ этихъ острововъ не способна къ воздѣлыванію.

Сандвичевы острова не принадлежатъ къ породѣ острововъ, недавней формаціи. Четыре главные изъ нихъ получили свои названія отъ имени племенъ, первоначально на нихъ обитавшихъ: Гавай, Мави, Вагу и Тауаи.

Гавай самый большой изъ четырехъ; но Вагу обладаетъ лучшимъ портомъ, и потому сдѣлался центромъ торговли. Коммерческія суда, передъ входомъ въ Охотское море, или Беринговъ проливъ, заходятъ въ Вагу для необходимыхъ исправленій, или запаса водою и провизіей,

Городъ Гонолулу, обязанный имъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, нынѣ главный городъ Полинезій.

Хотя Сандвичевы острова равны Сициліи и Сардиніи въ отношеніи пространства, но народонаселеніе этого архипелага едва ли превышаетъ число ста или ста-двадцати тысячъ жителей. На пространствѣ, въ семь разъ меньшемъ, островъ Майорка, въ Средиземномъ морѣ, имѣетъ двойное число жителей. На Сандвичевыхъ островахъ жители населяютъ только берега, средина же ихъ необитаема и невоздѣлываема. Какъ всѣ вообще страны вулканическаго происхожденія, Сандвичевы острова наполнены пропастями и скалами. Кратеры потухшіе или готовые выбросить подземное дремлющее пламя; долины, сжатые двумя стѣнами застывшей лавы; высокія цѣпи горъ внезапно прерванныя провалами—вотъ общій видъ Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ можно встрѣтить, смотря на какой высотѣ находишься, такое же разнообразіе климатовъ, какъ на Явѣ или на Филиппинскихъ островахъ.

Существуетъ общее мнѣніе, что Сандвичевы острова открыты были испанцами прежде Кука; но знаменитому мореходу принадлежитъ честь первенства сдѣлать извѣстнымъ Европѣ имъ открытый архипелагъ, назвавъ его именемъ одного изъ лордовъ британскаго Адмиралтейства.

Съ незапамятныхъ временъ существовало на Сандвичевыхъ остро-

вахъ большое различіе между начальниками и низшимъ классомъ народа. Обожаемые при жизни, начальники племень становились божествами островитянь послѣ своей смерти. Море и земля равно имъ принадлежали. Архипелагъ Океаніи раздѣленъ на нѣсколько феодальныхъ владѣній. *Табу*—первое уложеніе островитянь. Нѣкоторыя постановленія этого строгаго кодекса связываютъ даже дѣйствія самого повелителя страны. Такъ, по его уставамъ, отъ жилища короля до самобѣднѣйшей хижины простаго дикаря, мужъ съ женою не можетъ обѣдать за однимъ столомъ; мужчинамъ и женщинамъ предписывалось ѣсть врознь. По странному злоупотребленію власти, строгость уставовъ табу обращена была преимущественно на женщинъ. Табу не знали ни снисходительности, ни постепенности въ наказаніяхъ. Ослушаніе противъ табу равнялось ослушанію противъ божества.

Кто спускалъ пирогу на воду въ запрещенные по уставу дни, кто нарушалъ малѣйшимъ безпорядкомъ торжество молитвенныхъ обрядовъ, кто нечаянно покрывалъ короля своею тѣнью, кто произносилъ имя короля въ словахъ пѣсни, кто не повергался ницъ передъ служителемъ, несшимъ королевское *маро*—всѣхъ равно постигала неизбежная участь— смерть. Смертій приговоръ противъ виновныхъ присуждался въ тайныхъ собраніяхъ среди глубокой ночи.

Все богатство полинезійскихъ островитянь состоитъ въ хлѣбномъ и кокосовомъ деревьяхъ. На островахъ, гдѣ растутъ въ изобиліи эти быстро созрѣвающіе плоды, всѣ прочія произведенія земли почитаются роскошью, почти бесполезною. Жители Сандвичевыхъ острововъ не могутъ, однако, питаться одними этими плодами и по необходимости воздѣлываютъ таро и сладкій картофель.

Островитяне терпѣливо долбятъ пироги изъ стволовъ длинныхъ деревьевъ каменными топорами, просверливаютъ въ бокахъ ихъ дыры костями, съ трудомъ обточенными и сшиваютъ кручеными кокосовыми мочалами. Островитяне вяжутъ рыболовныя сѣти, выдѣлываютъ изъ красныхъ перьевъ епанчи для королей, въ которыя тѣ облакаются во время религиозныхъ торжествъ; дикарь гонится за рыбой по волнамъ, преслѣдуетъ птицу въ воздухѣ и убиваетъ человека для принесенія его въ жертву своимъ божествамъ.

Прибытіе европейскихъ судовъ влечетъ за собой новый трудъ для гавайскихъ островитянь. Сандакъ для обитателя Сандвичевыхъ острововъ то же, что было золото для американцевъ. Сандакъ привлекъ къ берегамъ ихъ иноземныхъ торговцевъ. Горячіе напитки, шелковыя матеріи, желѣзо, огнестрѣльныя оружія разбудили корысть въ душахъ начальниковъ дикарей, которымъ нечѣмъ было болѣе платить за всѣ эти сокровища, какъ произведеніемъ своихъ лѣсовъ. Въ теченіе 20 или 30 лѣтъ около шести тысячъ тоннъ сандальнаго дерева вывезено англійскими и американскими судами съ Сандвичевыхъ острововъ, и про-

дано кантонскимъ китайцамъ. Впослѣдствіи это ароматическое дерево надо было отыскивать въ непроходимыхъ ущельяхъ и на недосыгаемыхъ высотахъ; подобная разработка лѣсовъ, столь же тягостная, какъ и разработка золота, могла быть, причиною уничтоженія цѣлаго народонаселенія, если бы Провидѣнію не угодно было, чтобъ пренебреженіе и непрелудумительность одного поколѣнія островитянъ не истребило въ конецъ этихъ деревьевъ; поэтому сандалъ не былъ для Сандвичевыхъ острововъ такимъ богатствомъ, чтобъ сдѣлаться причиною потери ихъ независимости, но онъ сильно способствовалъ къ соединенію ихъ и къ основанію туземной монархіи.

Въ 1792 году, четырнадцать лѣтъ спустя послѣ Кука и шесть лѣтъ послѣ Лаперуза, англійскій капитанъ Ванкуверъ посѣтилъ Сандвичевы острова въ то время, какъ король Камеама былъ повелителемъ трехъ гавайскихъ областей. Палица изъ твердаго дерева и копьѣ съ двумя рядами акуловыхъ зубовъ были оружіемъ его подданныхъ. Камеама домогался получить порохъ и ружья отъ англійскаго капитана, но Ванкуверъ отказалъ ему въ этомъ.

Побочный сынъ мавійскаго короля нашелъ средство приобрести оружіе отъ командировъ судовъ, менѣ совѣстливыхъ и осторожныхъ.

Два матроса, взятые имъ въ плѣнъ, сражались вмѣстѣ съ нимъ и распространили ужасъ между враждебными ему племенами.

Въ 1796 весь архипелагъ покорился его власти. Онъ умеръ 8 мая 1819 года въ своемъ гавайскомъ дворцѣ, состоявшемъ изъ шести соломенныхъ шалашей. Каагуману, женщина происходившая отъ древняго рода гавайскихъ начальниковъ, и съ давняго времени бывшая сообщницею всѣхъ тайныхъ его помысловъ, возвела на престолъ наслѣдника его, порученнаго ей волею умершаго короля, удержавъ за собою власть надъ островами.

Во время царствованія Камеама, старыя постановленія сохранились почти безъ всякаго измѣненія. Уложеніе табу продолжало быть основаніемъ законовъ на этой части полинезійскаго архипелага. Слухи объ ученіи Евангелія, распространяемаго англійскими миссіонерами въ Таити и большія перемѣны, отъ того происшедшія, начали вскорѣ достигать и до Сандвичевыхъ острововъ. Каагуману пришла смѣлая идея религіознаго преобразованія. Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Камеама, новый правитель Сандвичевыхъ острововъ Лиголиго надѣлъ королевскую одежду гавайцевъ — епанчу изъ красныхъ перьевъ. Въ присутствіи всѣхъ начальниковъ и жрецовъ, собранныхъ для этого торжества Каагуману предложила молодому королю уничтожить табу. Лиголиго отступилъ въ ужасѣ отъ такого предложенія. Но Рубиконъ былъ перейденъ. Отважной Каагуману оставалось или умереть или уничтожить оковы, которыя она задумала свергнуть. Мало по малу король забылъ свои опасенія и предубѣжденія; табу было уничтожено и древнее зданіе гавайскихъ постановленій разрушено отважностью женщины.

Одинъ изъ начальниковъ поднялъ знамя идолопоклонства. Онъ былъ молодъ, отваженъ и приверженъ къ старому порядку вещей. Жрецы окружили его и обѣщали ему власть. На призывъ ихъ народъ сбѣжался подъ знамена возстанія. Двѣ враждующія стороны встрѣтились въ одной изъ долинъ гавайскихъ.

Долго побѣда не склонялась ни на чью сторону. Наконецъ защитникъ прежняго божества былъ побѣжденъ. Народъ перебилъ въ ярости своихъ безсильныхъ боговъ, неподавшихъ помощи своимъ защитникамъ, и такимъ образомъ гавайцы съ готовностью приняли ученіе миссіонеровъ, принесенное имъ въ 1820 году; вѣскольکو лѣтъ спустя, Сандвичевы острова стали принадлежать протестантскому вѣроисповѣданію.

Миссіонеры взяли въ свои руки бразды правленія и управляли островитянами полновластно, пока важное событіе не разрушило ихъ спокойнаго и такъ легко доставшагося имъ обладанія. Два католическіе священника прибыли въ Гонолулу въ 1827 году и пріобрѣли многочисленныхъ послѣдователей ихъ ученія въ низшемъ классѣ народонаселенія.

Между подчиненными Камеамей, третьяго, наследника Лиголиго, считается нынѣ двадцать пять тысячъ католиковъ.

Срокъ нашего отплытія изъ Гонолулу приближался, и мы ждали его не безъ удовольствія. Дурныя, пыльные дороги; народъ, потерявшій прежнюю чистоту нравовъ; промышленники со всѣхъ странъ, поджидающіе на этой крайней границѣ океана случая отправиться къ золотымъ берегамъ Калифорніи — вотъ что мы оставляли безъ сожалѣнія на Сандвичевыхъ островахъ. До той еще поры, пока жаръ солнечный не сдѣлалъ нестерпимую прогулку по пыльнымъ улицамъ, площадямъ и набережнымъ Гонолулу, мы переплывали тихій, узкій заливъ, вьющійся между двумя отмелями звѣздчатого коралла, и выходили на берегъ.

Движеніе этого полинезійскаго рынка, отсылающаго свои продукты въ Новый Свѣтъ въ обмѣнъ на золото, представляетъ глазами зрѣлище очень занимательное. Суда, идущія изъ Сан-Франциско и готовые отплыть въ Гонгъ-Конгъ и въ Калькутту, безпрестанно перекрещаютъ рейды; другія полъ всеми парусами летятъ въ узкій проходъ, лежащій между коралловыми отмелями, и бросаютъ канакамъ, ожидающимъ на берегу, канатъ, съ помощью котораго тѣ тащатъ суда въ гавань. На прилегающихъ къ порту улицахъ движеніе большого города съ страннымъ отпечаткомъ возникающей цивилизаціи. По набережной множество мужчинъ и амазонокъ верхомъ на лошадяхъ, съ развѣвающимися по вѣтру алыми шарфами и волосами, заплетенными въ косы. Отважныя наѣздницы, галопирующія сидя на сѣдлѣ помужски, принадлежали къ высшему классу островитянъ. Раскланивающіеся съ ними до

земли и улыбающіеся имъ мужчины, потомки начальниковъ Камеамеи, отцы которыхъ были свидѣтелями перваго прибытія на островъ судовъ Кука и Лаперуза. Смуглыя лица и красная кожа этихъ гавайскихъ чиновниковъ сильно разногласили съ ихъ одеждою. Они учатся англійскому языку, который сдѣлался на Сандвичевыхъ островахъ коммерческимъ и офиціальнымъ языкомъ. Чиновники эти начальствуютъ надъ милиціею, собираютъ подати, обдѣлывая терпѣливо и ловко собственныя дѣла свои, пьютъ чай по три раза въ день и занимаются чтеніемъ съ подобающею имъ важною въ тѣ часы, когда находятся въ трезвомъ состояніи.

4 июля 1850 года мы съ радостью оставили Гонолулу. Намъ оставалось еще побывать на одномъ только островѣ Тихаго моря, но зато этотъ островъ былъ—Таити. На разстояніи 800 миль отъ Сандвичевыхъ острововъ, между 17 и 18 градусами южной широты, лежитъ лучшій островъ Океаніи, и мы увидѣли его послѣ 28-ми дневнаго плаванія. Его вѣчнозеленяющія вершины, берега, окаймленные пальмовыми деревьями, волны, разбивающіяся бѣлой пѣною о берега—ничто не обмануло нашихъ ожиданій.

Между высокими горами, рисующимися на синевѣ неба, одна смѣлѣ прочихъ возвышаетъ свою пятиглавую базальтовую вершину подъ самыя облака. Ее называютъ Діадемою. Подошва ея лежитъ между двумя долинами Папеноо и Фатауа.

Плывите осторожнѣе къ этимъ очарованнымъ берегамъ, остерегайтесь подводныхъ утесовъ, скрывающихся подъ голубыми, прозрачными водами, не смѣшите подходить къ берегамъ, пока не обогнете мыса Венеры и пока не увидите кокосовыхъ деревьевъ, колеблющихся свои вершины надъ свѣжимъ заливомъ, совершенно покрытымъ ихъ тѣнью; не ищите глазами входа въ портъ: вы напрасно станете его отыскивать, если дружеская рука не укажетъ вамъ его. Валиссъ и Бугенвилъ бросили якорь не въ этихъ мѣстахъ. Папентскій портъ былъ еще въ то время неизвѣстенъ. Эти счастливые мореплаватели хотя стояли на менѣе безопасныхъ мѣстахъ, но зато ощущенія ихъ были живѣе и новѣе нашихъ. Рой пирогъ радостно игралъ около ихъ судовъ; удивленные взгляды не слѣдили за каждымъ движеніемъ; простые и кроткіе островитане принимали ихъ за полубоговъ. Эти первобытныя дѣти природы, несмотря на свое невѣжество, существовали не зная нужды. Хлѣбныя и кокосовыя деревья, банановыя дѣса равно питали королей и подданныхъ. Жизнь островитянъ Таити была безпечна и легка. Температура воздуха умѣренна и постоянна; земля плодороднѣе здѣсь, чѣмъ на Сандвичевыхъ островахъ; море близъ береговъ изобилуетъ рыбою. Оттого-то поэзія—эта дочь сладкаго безлѣйствія—примѣшивала иногда свои вдохновенія въ ихъ пиршества, свою мѣрную рѣчь въ ихъ любовь.

Прежде чѣмъ познакомить таитянъ съ благотѣльными постановленіями и утѣшительными вѣрованіями, странствующіе промыш-

леники внесли къ нимъ губительный бичъ пороковъ, истребляющій и унижающій человѣчество. Менѣе чѣмъ въ четверть столѣтїя число жителей, простиравшееся до 200,000 во времена Кука, уменьшилось до 7,000. Богатыя и населенныя области обратились въ пустыни. Протестантскимъ миссіонерамъ принадлежитъ честь спасенія остатковъ этого народонаселенія отъ гибельныхъ слѣдствій спиртуозныхъ напитковъ и смуть анархіи. Они уговорили свергнутаго короля Помаре II, удалившагося на островъ Мореа, отказаться отъ идолопоклонства и помогли ему снова овладѣть престоломъ и возобновивъ спокойствіе въ Таити въ 1815 году.

Достаточно немногихъ дней, чтобъ научиться понимать языкъ, обладающій только двѣнадцатью звуками, соединяющимися всякой безъ комбинаціи, а потому таитяне могли въ скоромъ времени читать переводы священныхъ книгъ, которыя во множествѣ были распространяемы миссіонерами на двухъ островахъ. Простой и гармоническій языкъ ихъ усвоилъ себѣ библейскій колоритъ.

Превосходство европейскихъ мануфактурныхъ и другихъ издѣлій, возможность пріобрѣтать ихъ посредствомъ легкаго обмѣна, уничтожило всякую мѣстную промышленность. Островитяне стали пріобрѣтать ружья, вмѣсто того, чтобъ выдѣлывать свои палицы, и до того довели пренебреженія къ своимъ произведеніямъ, что перестали засѣвать и обрабатывать поля, предпочитая питаться мукою и сухарями, привозимыми китоловными судами. Никогда лѣнь не царствовала въ Таити такъ полно, никогда благодарная и плодородная почва не была въ такомъ запущеніи, не приведена была въ такую явную невозможность прокормить многочисленныхъ своихъ обитателей.

Въ то время, какъ Франція объявила свое протекторство на этихъ островахъ, вліяніе миссіонеровъ принесло уже всевозможные плоды и принимаемыя ими мѣры совершенно гармонируютъ съ добродушіемъ и веселымъ нравомъ кроткихъ туземцевъ.

При Магагенѣ, на высотахъ Панаме и въ долинѣ Папеноо таитяне сражались въ рядахъ французовъ; первый, взобравшійся на вершину Фатауа, былъ одинъ изъ начальниковъ островитянъ. Смѣшеніе двухъ племенъ свершилось на полѣ битвы. Таити сдѣлался для насъ дорогъ по пролитой на немъ французской крови и по воспоминанію о славныхъ подвигахъ, совершенныхъ нами во всѣхъ его долинахъ. Дикари имѣли случай убѣдиться въ силѣ французскаго оружія, а потому высоко цѣнили великодушіе, имъ оказанное. Когда «Уранія» подъ флагомъ контръ-адмирала Брюа, возвратилась въ Европу, въ декабрѣ 1846 года, спокойствіе на островѣ Таити было совершенно возобновлено.

Нѣтъ въ мірѣ мѣста, гдѣ бы климатъ былъ здоровѣе, гдѣ бы мѣ-

стоположеніе представляло глазамъ болѣе восхитительныя виды, гдѣ бы обитатели страны были прямодушнѣе и добрѣе. Конечно, таитянѣ уже не тѣ прекрасныя дикари, какими ихъ засталъ Кукъ, но, къ счастью, еще не сдѣлались джентльменами Сандвичевыхъ острововъ. Если смотрѣть съ художественной точки зрѣнія, то можно жалѣть о красивой татуировкѣ тѣла, которая, по словамъ таитянъ, обратившихся въ христіанство и желающихъ оправдать прежнія языческія, обычаи была «кокетствомъ бѣдняка и покровомъ лѣнивца, неуѣдшаго выработать себѣ одежду». Но ошибочно думаютъ, что эта умная порода людей утратила свою особенность, подчинившись нашимъ идеямъ и правамъ. Женщины Таити съ врожденной ихъ граціею соединили какой-то отгѣнокъ духовности, который дѣлаетъ чувства ихъ внушенія глубокими и продолжительными. Путешественникъ, посѣтившій островъ мимоходомъ, увидитъ только грязный осадокъ народонаселенія; но тотъ, кому случится пристальнѣе изучить туземцовъ, будетъ удивленъ, найдя у простодушныхъ и наивныхъ дикарей чистосердечіе и духовную чистоту.

Любовь таитянокъ, кротка и снисходительна, какъ ихъ улыбка. Онѣ не отличаются неистовою ревностью обитательницъ Явы, но далеко не такъ холодны и апатичны, какъ манильскія женщины. Не зная жара страсти, онѣ зато обладаютъ глубокими чувствами любви. Мнѣ по разъ случалось читать прощальныя письма, въ которыхъ трогательно выказывалась покорность, могущая смягчить самого Донъ-Жуана. Вотъ одно изъ такихъ писемъ:

«О, мой возлюбленный! мой духъ смущенъ и не можетъ уже успокоиться; онъ, какъ глубокая вода, никогда недремлющая, вздымается, ища успокоенія. Я—вѣтка, отломленная вѣтромъ: ей никогда не пріорость къ родимому дереву. Ты уѣхалъ и больше не возвратишься. Твой образъ скрылся отъ меня и я его никогда не увижу! Ты былъ ланой, которую я посадила у входа въ домъ мой: ея корни вросли въ мое жилище. Тѣло мое разбивается и падаетъ какъ камень, катящійся въ неизмѣримую глубь моря. О, мой другъ, вотъ моя любовь! она срасталась съ моею жизнью. Привѣтъ тебѣ, мой драгоценный другъ, во имя истиннаго Бога, во имя владыки душевнаго мира.»

Языкъ таитянъ безсиленъ для выраженія важныхъ и сильныхъ мыслей; но онъ очень способенъ для модуляціи поэзіи. Старыя пѣсни ихъ сложны были только изъ сочетанія гармоническихъ фразъ. Музыкальный ритмъ замѣтенъ въ ихъ сочиненіяхъ. Слушателю предоставлялось на волю придавать этимъ отрывистымъ рѣчамъ, всегда сохранявшимъ размѣренную пѣвучесть, смыслъ, отдаленный намекъ или аллегорію. Вотъ одна изъ пѣсень, которую таитянки и дониндѣ любятъ чтобы имъ повторяли:

«Цвѣтокъ долины благоухаетъ безъ сознанія; птичка поетъ не зная, что ее слушаютъ: такъ и красота твоя, безъ твоего вѣдома, окружаетъ тебя благоуханіемъ.»

Между пѣснями подобнаго содержанія, безпорядочнаго, неопредѣленнаго выраженія, иногда удивляетъ нечаянность, попадающіеся гомерическія эпитеты. Всякій островъ этого архипелага имѣетъ свое поэтическое названіе, присвоенное ему и никогда его непокидающее въ пѣсняхъ таитянь. Такъ Райатеа называется «мягконогіи;» Борабора— «тиховесельный;» Гуагине— «непокидающей пляски.»

Таити нельзя назвать Спартою Океаніи, но скорѣе Лесбосомъ. Въ немъ преобладаютъ любовныя пѣсни надъ воинственными. Острова Вити и Сандвичевы предпочитали, напротивъ, эпопею идилліи. Помаре, королева острова Таити, никогда не сочиняла стиховъ, какъ Тонго. Она любитъ читать тѣ, которые затвердила наизусть у веселыхъ подругъ своихъ. Она часто тихонько повторяетъ эти отрывчатые фразы, смыслъ которыхъ ускользаетъ отъ слушателей, но мѣрность и звучность ихъ ласкаютъ втайнѣ воспоминаніе королевы.

Помаре, своею нерѣшимостью и боязливостью, чуть не потеряла престолъ и не нарушила спокойствіе цѣлаго мира. Легкомысленная въ молодости, озабоченная въ лѣтахъ зрѣлаго возраста, королева нынче характера болѣе спокойнаго и посвящаетъ все существованіе своимъ дѣтямъ, наслѣдникамъ острова Таити, острововъ Помоту, острововъ Райатеа, Борабора и Гуагине.

Помаре, обратившая на себя вниманіе всей Европы, сдѣлала честь нашему корвету своимъ посѣщеніемъ. Мы приняли ее со всѣмъ церемоніаломъ и всѣми почестями, оказываемыми въ Европѣ коронованнымъ особамъ.

Пушки грянули при приближеніи ея къ берегу. Музыка встрѣтила ее любимыми пѣснями; во время обѣда, для нея изготовленнаго, она занимала кресло на эстрадѣ, нарочно для нея устроенной. Подданные ея могли видѣть свою повелительницу, сидѣвшую выше всѣхъ.

Королева Помаре была видимо тронута такими признаками нашего вниманія. Ея темное лицо озарялось улыбкою самодовольствія; она долго пребыла на корветѣ и передъ отъѣздомъ пожелала увѣнчать цвѣточнымъ вѣнкомъ капитана, весело передъ нею склонившагося для полученія такой награды.

Аріи-Феть, супругъ королевы, не придумалъ иначе выразить своихъ ощущеній, какъ выказавъ предъ нами аппетитъ, достойный Гаргантюа,

но зато между спутницами Помаре мы нашли пріятныхъ собесѣдницъ. Молодая принцесса Аймата, что значитъ на туземномъ нарѣчіи «пожирательница глазъ» назначенная королевою въ будущія супруги наслѣднику престола Ари-Таймаи, или «плачущая принцесса» великолѣпной красоты, хотя уже не молодыхъ лѣтъ, выказали намъ полную, простодушную радость отъ праздника, для нихъ устроеннаго. Когда посѣтительницы, сопровождаемыя трескомъ и взрывомъ ракетъ и осыпанныя огненнымъ дождемъ фейерверка, сѣли въ приготовленный для нихъ катеръ, лица ихъ выражали сожалѣніе о быстро промелькнувшихъ часахъ удовольствія.

На другой день мы плыли уже къ берегамъ Франціи...

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

НОВЫЯ КНИГИ:

этюды изъ женской жизни. Соч. *А. П. С-на*. С. Петербургъ, 1353. Въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 12-ю д. л. 97 стран. *

крымскіе цыгане. Повѣсть *А. Котляревскаго*. С. Петербургъ, 1853. Въ типографіи Ю. Штауфа. Въ 8-ю д. л. 116 стран. **

«Петербургскій Вѣстникъ» предъидущей книжки «Пантеона» заключался сожалѣніемъ въ пользу иногородныхъ читателей, для которыхъ литература наша не приготовила къ осени уютнаго изданья какого нибудь романа или собранія повѣстей. Настоящую статью смѣло можно начать объявленіемъ о выходѣ въ свѣтъ двухъ томичковъ, точнѣе, брошюръ, весьма по формату удобныхъ для чтенія. Но не всегда легкое на вѣсъ—легко и читается. Отъ иныхъ фоліантовъ не оторвешься, а воздушные, повидимому, листочки такъ и разрываютъ васъ самихъ на части, когда, напротивъ, бывало, десятки «волюмовъ» жадно поглощались, какъ порціи Сальваторова мороженого въ знойную пору лѣта или въ зимній зной на какомъ-нибудь удушающемъ балу... гдѣ собственно подматриваются, наиримѣръ, «этюды изъ женской жизни»...

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и въ книжномъ магазинѣ *Θ. В. Базунова*: 75 коп. сер.; вѣсовыхъ за фунтъ.

** Тамъ же и у книгопродавца *Ю. А. Юнгмейстера*: 1 р. 25 к. сер., съ пересылкою

Но что такое *этюды* изъ женской жизни? *Étude* — учение, обученіе, упражненіе, стараніе, знаніе, наука, наблюденія, замѣчанія. Которое изъ этихъ и другихъ еще словъ, подходящихъ къ общему смыслу существительнаго *étude*, исключительно разумѣлъ авторъ? Первое и второе едва ли годятся. Слѣдуетъ третье — *упражненіе*. «Упражненія изъ женской жизни?» Нѣтъ, не выходитъ! Какія это упражненія? Четвертое, пятое и шестое также не идутъ. Слѣдственно надобно помириться съ двумя послѣдними и вѣрить, что это *замѣчанія* или *наблюденія* изъ женской жизни. Пусть будетъ такъ. Уж если стоять что наблюдать, отъ нечего дѣлать, такъ это золотистыхъ пчѣлокъ въ стеклянномъ ульѣ и модныхъ женщинъ! Но—важное условіе — надобно выбрать надлежащую точку зрѣнія и быть лично незамѣченнымъ...

Что ни говорите, а и самая обертка книжки, какъ туалетъ красавицы, не мало располагаетъ въ ея пользу, то есть, въ пользу обѣихъ: книжки и красавицы, или, наоборотъ, отталкиваетъ, если оказываются признаки безвкусія, изысканности, пестроты. Нельзя сказать, чтобъ заглавный листъ «Этюдовъ» отличался особенною граціей, изяществомъ. Онъ сильно напоминаетъ бенефисную афишу, представляя наборъ шрифтовъ и словъ въ слѣдующемъ видѣ:

ЭТЮДЫ

ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

Этюдъ первый:

А ВѢДЬ ЖАЛЬ ЕЕ!..

Этюдъ второй:

БѢДНЯЖКА.

Этюдъ третій:

КРАСАВИЦА.

По порядку, надлежитъ начать съ той, которой *жаль*, чтобъ нечего было жалѣть въ заключеніе, разставаясь съ «красавицей».

Этюдъ первый: «А вѣдь жаль ея» имѣетъ еще другое заглавіе: «быль, которая можетъ повториться». Совершенно справедливо! Все

давнымъ-давно уже повторяется... умное и веселое, радостное и печальное, скучное и глупое. «Ничто не ново подъ луною». Всѣ эти повѣсти и романы, которые выдаютъ намъ за новыя, ужасно стары, если судить по тому, что они ни въ комъ не возбуждаютъ участія, сочувствія.

«Въ гостиной одного изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ П., женщина лѣтъ двадцати-осьми, (запятая) *полулежала на роскошномъ пате*» (стр. 1). Такъ начинается повѣсть, и подобное начало, съ «полулежаніемъ на роскошномъ пате», до невѣроятности повторительно. Это избитый, обветшалый приемъ всѣхъ гг. новыхъ сочинителей, принимавшихся за свѣтскія повѣсти, не зная моднаго свѣта, наслышавшись только о его внѣшней обстановкѣ.

Двадцати-осьми-лѣтнюю дамочку звали Вероникой. Вдова богатаго старика, она влюблена въ молодаго доктора, Славина или Славскаго — не помнимъ хорошенько, съ которымъ находилась въ нѣжной перепискѣ, и вотъ почему въ ея «ногахъ, *на подушкѣ*, стоялъ полуоткрытый ящикъ; кругомъ разбросаны были измятыя письма, *повидимому* часто читанныя и долго *хранившіяся на груди*» (2). Глубокое выраженіе отчаянія «оттиснуто» было на лицѣ Вероники, вслѣдствіе того, что докторъ разлюбилъ ее, пересталъ оказывать ей должную внимательность. Такого невѣжливаго доктора слѣдовало смѣнить, а не погружаться въ отчаяніе, не «мучить убитый *горемъ* умъ свой пустымъ *разговоромъ*» (3), хоть ради этого неграціознаго столкновенія творительнаго падежа. «Сердце разрывалось, глядя на нее» — сказано нѣсколькими строками ниже, хотя, какъ извѣстно, сердце глядѣть не можетъ.

Когда отчаяніе Вероники достигло нестерпимой степени, она почла приличнымъ удалиться въ другую комнату. Тѣмъ временемъ въ гостиную вошелъ нѣкто Поль Розовъ, безобразный, горбатенькій человѣчекъ, но страстный и нѣжный, душою и сердцемъ преданный Вероникѣ за то, что она, во-первыхъ, его облагодѣтельствовала и, во-вторыхъ, хороша собою. «Полуоткрытое письмо лежало забытое возлѣ ножки пате; Поль, казалось, узналъ руку, потому что онъ поблѣднѣлъ, примѣтивъ письмо, и отвернулся, но (,) *приподымаясь*, взглядъ его упалъ на зеркало, которое висѣло надъ диваномъ, и что-то похожее на внутреннее сотрясеніе поколебало его» (5). Здѣсь вы, конечно, въ недоразумѣніи, кто приподнялся: самъ Поль, или только взглядъ его, и въ комъ или въ чемъ произошло внутреннее сотрясеніе — въ Поль, зеркаль или диванъ? Не стѣсняйтесь неправильностью языка, неточностью фразъ, слушайте далѣе...

За Полею Розовымъ въ ту же гостиную входитъ и Славскій, или Славинъ. Въ промежуткѣ передъ появленіемъ доктора авторъ знакомитъ васъ съ личностію и положеніемъ Поля. Его мать «умерла скоро послѣ его рожденія; отецъ же его, человекъ *честный*, но *жестокій* (какъ близко сходятся эти два прилагательныя!), устро(а)иваль будущее только для здороваго сына, который могъ-бы продолжать дѣла его, и рожденіе горбатаго уродца разстро(а)ивало его планы» (11). «Вероника захотѣла видѣть его», т. е. Поля, потому что онъ былъ ей дальнимъ родственникомъ, и легкое участіе, возбужденное сначала его горбомъ, «превратилось скоро въ состраданіе нѣжное и глубокое. Съ сердцемъ празднымъ и скучная среди вѣжливаго презрѣнія, которымъ свѣтъ окружилъ ее (за ея легкомысліе), Вероника чрезвычайно обрадовалась случаю сдѣлать что-нибудь доброе и полезное» (11—12).

И такъ вошелъ докторъ Славскій. Полю упрекаетъ его въ холодности къ Вероникѣ. Онъ отвѣчаетъ, что ему не изъчего горячиться, что она его не понимаетъ и что не для чего «питать любовь, которая приноситъ ей несчастіе».

— Она васъ любитъ для того, чтобы любить, а не для того, чтобы быть счастливою, возражаетъ Полю, *грустно покачавъ головою*. — Не ужели вы думаете, что сердце можетъ разсчитывать—промѣнять любовь на счастье?

— Къ чему же тогда и любовь? спрашиваетъ докторъ.

— *А безъ любви на что и жизнь!* восклицаетъ Полю.

Докторъ сознается, что любить должно съ надеждою быть счастливымъ; но Полю поражаетъ его пышными фразами, говоря: «То-есть вы хотите торговать вашимъ чувствомъ и получать проценты съ вашего сердца... Вы привязали къ себѣ сердце бѣдной женщины, а теперь отталкиваете его потому, что оно сильно бьется».

«Я не добивался этой привязанности, поясняетъ Славскій. «Оно отдалось мнѣ, когда я и не думалъ искать его, и я принялъ его больше съ состраданіемъ, чѣмъ съ горячностью. Оно разрушало всѣ привычки моей жизни и возмущало спокойствіе моихъ занятій. Оно вошло въ мое святилище, какъ непосвященный, и я не имѣлъ смѣлости выгнать его, потому что оно плакало... Два года упрекаю себя за эту слабость... у меня есть другое назначеніе, назначеніе выше того, которое призываетъ насъ осушать слезы женскія» (стр. 17—19).

Напрасны всѣ новые доводы горбатаго оратора въ пользу Вероники: докторъ уничтожаетъ ихъ окончательно великою цѣлью своихъ ученыхъ занятій. «Я хочу достигъ рѣшенія опредѣленнаго и полнаго, говорить онъ, потирая лобъ.—Видите ли, у меня есть идея, которая мо-

жетъ довести до рѣшенія вопроса: *что такое жизнь* (курсивъ въ подлинникѣ)? Надобно только объяснить» и проч. (Стран. 19—20.)

Къ сожалѣнію, горбатый Поль не догадался сказать мнимому доктору, что «смѣшеніе разнородныхъ электричествъ» отуманило его мнимо-ученый умъ. Поль упорно остается при своемъ намѣреніи поворотить сердце Славскаго къ Вероникѣ, которая весь этотъ нелѣпый разговоръ, отрывочно лишь приведенный здѣсь, подслушивается у дверей, и наконецъ предстаетъ неблагодарному съ градомъ упрековъ, въ родѣ слѣдующаго: «Къ чему я жалуюсь? Не такъ-ли это должно быть? Женщину увлекаютъ, выказывая себя въ глазахъ ея добрымъ, честнымъ, благороднымъ; ее обожаютъ, очаровываютъ, лишаютъ разсудка—ну, а потомъ всячески стараются найти въ ея жизни какое-нибудь пятно, котораго не могли смыть ея слезы; и если отыщутъ, кидаются на него, какъ на сокровище, упрекаютъ его съ какою-то радостною гордостью и, оставляя ее, бросаютъ съ негодованіемъ вамъ въ лицо грязью прошедшаго... Вѣдь это значить убить ее. Понимаете ли вы, *сударь*, убить? О, это подло! это подло!»

Разумѣется, что «сударь» не выдерживаетъ такого выразительнаго гнѣва и ретируется къ дверямъ, съ грознымъ объявленіемъ, что бывшіе друзья никогда болѣе не увидятся. Устрашаемая разрывомъ съ любимымъ все-таки человѣкомъ, Вероника внезапно перемѣняетъ тонъ и обращеніе, страстно, нѣжно взываетъ къ уходящему: «Александръ! Александръ!»

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ онъ, *не оборачиваясь*.

«Александръ!» повторяетъ она, простирая къ нему руки.

— Что вамъ угодно отъ меня? повторяетъ Александръ, *отворачиваясь*.

Театральныя позы эти оканчиваются тѣмъ, что Вероника падаетъ на колѣни, обнимаетъ колѣни доктора, хватаетъ его руки и цѣлуетъ ихъ (см. стран. 21—25). Славскій сдается, не напомнивъ изступленной Вероникѣ, что женщина должна цаловать только руки родителей, и можетъ иногда удостоить этой чести или этого счастья руку достойнаго мужа, въ невольномъ выраженіи нѣжной преданности, или въ горестную минуту вѣчной съ нимъ разлуки. Помнимъ, когда-то и гдѣ-то видѣли мы картину, изображавшую смертнѣй одръ.... Прекрасная молодая женщина, блѣдная какъ смерть, стояла передъ нимъ на колѣняхъ и приникла устами къ неподвижной рукѣ умирающаго, ловя отчаяннымъ взоромъ послѣдній, угасающій взглядъ милаго человѣка. Двое малютокъ плакали у ногъ ея...

Было жаль несчастной, и, вопреки заглавію повѣсти, не жаль Ве-

роники, сколько она ни страдаетъ отъ равнодушія своего ученаго доктора. Они помирились не надолго, по той, какъ говоритъ авторъ, причинѣ, что Славскій «былъ одинъ изъ умовъ свѣтлыхъ, смѣлыхъ и предпримчивыхъ, которые не могутъ остановиться на известной истинѣ (какой—неизвестно); но, устремивъ глаза на звѣзды, постоянно плывутъ къ *умственной Америкѣ*. Предавшись изслѣдованіямъ о нервной жидкости, Славскій не обращалъ никакого вниманія на все то, что не имѣло прямого отношенія къ его изысканіямъ» (26). А какъ Вероника не возбуждала уже въ немъ любознательныхъ изысканій, потому что онъ вполне изучилъ ея характеръ, то вдовушка снова предоставлена была пересчитыванію прежнихъ писемъ Славскаго, который лично чуждался ее. Но не такъ легко отдѣлаться отъ эксцентрической особы, имѣющей свои старинныя права и притязанія. Вообразивъ, что онъ отвлекается иною склонностью, Вероника начинаетъ тайно преслѣдовать Славскаго, тихонько выходитъ со двора, прокрадывается на какой-то чердакъ, гдѣ докторъ лечитъ какую-то бѣдную старуху, и, спрятавшись, слышитъ слѣдующій разговоръ его съ другимъ докторомъ, котораго онъ привелъ туда съ собою:

— «Параличъ въ членахъ совершенно пропалъ, говорилъ онъ: въ мозгу тоже много измѣнился и, когда я подвергаю больную дѣйствию гальванизма, въ ней пробуждается разуміе. Ты это сейчасъ увидишь самъ.

«Вероника слышала приготовленіе машины. Оба медика, занятые этимъ приготовленіемъ, нѣсколько минутъ молчали.

— «Пойми-же, сказалъ вдругъ Славскій: что я сдѣлаю, если мнѣ удастся возвратитъ смыслъ и движеніе этой женщинѣ. Я нашелъ *храмиллице общей жизни* (опять бредитъ), я овладѣлъ мозгомъ и проч.

— «Это въ самомъ дѣлѣ удивительно отвѣчалъ другой. Славскій ходилъ большими шагами, предаваясь энтузіазму, который нечувствительно возрасталъ въ немъ.

— «И *эта* необъятная задача, сказалъ онъ вдругъ, остановясь передъ уродомъ: она здѣсь, въ *этой* безобразной массѣ, которая даже въ *эту* минуту не знаетъ, что живетъ. О, если-бы ты зналъ, какъ для меня дорога эта женщина! Дороже всего въ мірѣ... въ ней все мое... моя слава! наука! Это моя Галатея...

— «Я понимаю тебя, сказалъ молодой докторъ, улыбаясь: ты въ ней любишь свою идею; для тебя любить — значить думать. Ни одна красавица не могла тебя живо занимать.

«Славскій пожалъ плечами.—Красавица ничему не научаетъ, сказалъ онъ.—Это сказано было съ такимъ хладнокровіемъ, что у Вероники замерло сердце: тутъ только она вполне поняла Славскаго. Не слу-

шая болѣе ничего, въ полубезуміи прислонившись къ стѣнѣ, какъ будто рѣшившись на что-то новое, она провела по лбу рукою и шопотомъ проговорила: «А? теперь онъ будетъ меня любить!» Руки ея тряслись, губы посинѣли; она отыскала дверь и вышла» (стран. 31—32).

Спустя три дня послѣ этого посѣщенія, «Вероника лежала въ постели, постигнутая болѣзною вдругъ и безъ видимой причины. Славскій нашелъ болѣзнь неопасною, а между-тѣмъ она часъ-отъ-часу усиливалась и противилась всеѣмъ средствамъ. Упорство болѣзни обратило наконецъ (на нее) вниманіе доктора: онъ началъ пристально заниматься больною, сталъ чаще ѣздить къ ней и долѣе оставаться. Нѣсколько разъ казалось ему, что онъ нашелъ нить болѣзни; но всегда, спустя нѣсколько дней послѣ успѣха, въ то время, когда онъ не считалъ уже своего присутствія необходимымъ, болѣзнь своя появлялась съ неизъяснимою жестокостію и упорствомъ. Любопытство Славскаго раздражено было въ высшей степени: ему казалось, что наука его обманываетъ: болѣзнь, повидимому, дѣйствовала со смысломъ. Симптомы ея были чрезвычайно обманчивы, то просты и открыты, то сложны и таинственны, то уступали, то противились *средствамъ*. Испытавши напрасно все известныя *средства*, Славскій прибѣгнулъ къ электричеству. Полезное вліяніе его скоро обнаружилось. Это привело въ восторгъ медика и прежняя нѣжность его къ Вероникѣ почти возвратилась. Онъ сталъ внимателенъ (къ ней), безпокоенъ, осыпалъ ее распросами и ласками; каждый день по нѣскольбу часовъ проводилъ возлѣ ея постели, и никогда, въ самыя счастливыя минуты его страсти, она не видала его столько любезнымъ и внимательнымъ ко всему, что ей могло нравиться. Несмотря на всю суровость опыта, она предавалась обольстительной нѣжности, подкрѣплялась легковѣріемъ и увѣряла себя, что наконецъ отыскала въ сердцѣ Славскаго неоптѣвшую еще струну, и что прежнее ея счастье возвратится къ ней (къ струнѣ?). Она никакъ не хотѣла вѣрить, что онъ любилъ въ ней не ее, но болѣзнь ея. Ей нуженъ былъ обманъ, потому истина убила-бы ее, а ей не хотѣлось умирать: ей еще хотѣлось жить, дышать, видѣть небо и любить... Между тѣмъ дѣятельность Славскаго слабѣла съ болѣзною, и лишь только Вероника оправлялась, визиты его становились рѣже» (стран. 32—34).

Болѣзнь Вероники не была притворною. Какимъ-то необъяснимымъ способомъ она сама себя произвела на груди рану, о существованіи которой докторъ, въ слѣпотѣ своей, ничего не зналъ. Такимъ образомъ все мѣры врачеванія оказывались безуспѣшными, и докторъ, въ свою очередь, начиналъ приходить въ отчаяніе. «Вероника, рѣшившись, умереть, не имѣла теперь другой мысли, какъ только удержать возлѣ себя

Александра, и, какъ всегда случается, страсть ея усилилась по мѣрѣ пожертвованій. Она требовала доктора, умоляла его остаться, принуждала его садиться возлѣ своей постели для того только, чтобъ держать его руку и смотрѣть на него. . любовь ея, лишенная всякаго *благородства*, представляла что-то ужасающе-дѣтское, невыразимое. Зная, что одна только болѣзнь составляетъ красоту въ глазахъ доктора, она старалась ее высказать, украсить ее» (стр. 37). Приведенное курсивомъ слово, вѣроятно, опечатка. Въмѣсто *благородства*, должно читать *благоразумія*, потому что именно недостатокъ благоразумія, разсудительности, или, точнѣе, совершенное безуміе страсти, полное заблужденіе ума и сердца погубили Веронику, если такая несчастная дѣйствительно существовала. Она умерла. Поль Розовъ пережилъ ее только вѣсколькими минутами...

Читателю, слѣдившему за нашей литературою и журналистикою послѣднихъ лѣтъ, этотъ Поль, безъ сомнѣнія, напоминаетъ другое подобное лицо, другаго горбуна, въ повѣсти г-на Дмитрія Чернышева: «Дачный разговоръ», напечатанной въ майской 1850 года книжкѣ «Современника». Самоотверженіемъ и безграничною преданностью любимой особѣ, вообще хорактеромъ и положеніемъ своимъ, въ обѣихъ повѣстяхъ, оба горбуна чрезвычайно, какъ настоящіе близнецы, схожи между собою, словно скопированы одинъ съ другаго. Кто-же у кого заимствовалъ? Разумѣется, авторъ «Этюдовъ» у г. Дмитрія Чернышева, потому что повѣсть послѣдняго явилась тремя годами ранѣе. Да, такъ кажется лишь съ перваго взгляда на обертку «Этюдовъ», съ цифрою 1853. Но потрудитесь взглянуть на примѣчаніе, или выноску, въ концѣ разсмотрѣнной повѣсти—и убѣдитесь, что авторъ «Этюдовъ» не могъ заимствовать у автора «Дачнаго разговора»: она помѣщена была въ октябрьской 1848 г. книжкѣ «Библіотеки для Чтенія». Непостижимое сближеніе, необъяснимая случайность! Впрочемъ, повѣсть эта не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ «Дачнымъ разговоромъ», который неизмѣримо-выше ея, хотя критика и справедливо находила въ немъ значительные недостатки. Не въ сюжетѣ дѣло: при другомъ исполненіи, при другой виѣшней обстановкѣ, при иныхъ сценахъ и объясненіяхъ дѣйствующихъ лицъ, и повѣсть г. А. П. С.—а могла-бы быть недурна. Сильное и опытное дарованіе сумѣло бы удачно воспользоваться и эксцентрическимъ ея содержаніемъ: неугасимую любовью къ человѣку, неотвѣчающему болѣзненной страсти.

Еще слабѣе, еще страннѣе вторая повѣсть «Этюдовъ»: *Блѣднѣшка*, также названная «былю» и украшенная эпиграфомъ изъ Жанъ-Поля: «Много есть страданій, которыя не кончаются съ жизнью, но оканчи-

ваютъ ее...» Первая повѣсть отъ начала до конца отличается патетизмомъ, наэосомъ; въ началѣ второй преобладають остроуміе, юморъ, бойкость пера. Напримѣръ:

«Зима стояла чисто русская, морозная зима, чудесная зима! Это было *посль* перваго, *знаменитаго* (!?) нашествія холеры. Москва, *посль* полугодоваго страху и безпокойства, послѣ *чесноку* и хлоровой воды, принялась опять за свои удовольствія, засіяла снова своимъ характеристическимъ блескомъ и патріархальнымъ разгуломъ. Въ среду, вечеромъ, танцовали у графини Лелевой. Графиня, всегда отличавшаяся изяществомъ и роскошью своихъ вечеровъ, въ этотъ разъ собрала у себя всѣ *цвѣтки*, весь блескъ, всю аристократію Москвы. Домъ графини Лелевой былъ освѣщенъ чрезвычайно ярко» (стр. 47—48).

Это чрезвычайно-яркое освѣщеніе, несказанно надоѣвшее читателямъ въ тысячѣ мнимо-свѣтскихъ повѣстей, довершается сценами и фразами наиварчайшей реторики и выпренности съ именами Лидиныхъ, Линскихъ, Аглаевыхъ, испещрившими журналы и альманахи двадцатыхъ годовъ. Баронъ *Любичъ* (не столько нѣмецкая, сколько малороссійская фамилія) влюбленъ въ *Магдалину* Лидину; но ея мать, Серафима, не допускаетъ ихъ сблизиться, въ силу какого-то запутаннаго родства. Очевидно, что авторъ начитался старинныхъ драмъ съ тайнами и неожиданными развязками. Однакожь повѣсть скорѣе похожа не на драму, а на высокопарное извлеченіе изъ какого-нибудь слѣдственнаго дѣла. Повѣсть оканчивается похоронами Серафимы и отреченіемъ отъ свѣта Магдалины. Увольняемъ читателей отъ несвязныхъ подробностей, и только, какъ диковинки, выписываемъ нѣкоторыя мѣста:

«Свѣжее созданіе, она (Магдалина) являлась видимымъ выраженіемъ той прелести, которую поймешь чувствомъ и не выразишь *языкомъ*» (стр. 50). «Музыка заиграла вальсъ. Столпились мужчины среди залы и *завилась* около нихъ *пестрая гирлянда* танцующихъ. Глаза молодой Лидиной встрѣтились съ глазами Любича, ея рука легла небрежно на его руку, и рѣзво понеслись они по скользкому паркету. Разыгралось прихотливо-вольное воображеніе юноши, когда, въ позволительныхъ объятіяхъ, держалъ онъ соблазнительный станъ Лидиной, когда такъ близко отъ его взоровъ трепетала чистымъ дыханіемъ весенняя грудь ея. И зачѣмъ выдуманъ вальсъ, зачѣмъ мы кружимся съ красавицей, которою должны любоваться безошлинно, безкорыстно?» (51) Природа подарила его (Любича) такимъ *языкомъ* (не даромъ ли слова?), что о чемъ бы ни говорилъ онъ, его слушали» (52) *Этюды* не такъ счастливы. А вотъ образчикъ восклицаній, обращаемыхъ матерью къ покорной дочери «Магдалина! доброе, милое дитя! люби меня... о, не переставай любить

меня! Въ твоей любви заключаются все мои желанія, вся жизнь твоей матери... о, Магдалина! если ты перестанешь любить твою мать, знаешь ли, что можетъ быть?» (стран. 56) «Магдалина не слушала. Наклонивъ головку и разсыпая приглаживая черные волосы на *блѣломъ, прекрасномъ* челѣ, она, казалось, была погружена въ самоё-себя» (57). Прекрасное блѣлое чело!.. Впрочемъ, подобнаго рода фразу неправильно употребляютъ многіе. Это почти общій промахъ. Но строгая логика, во избѣжаніе явнаго противорѣчія, не позволяетъ говорить ни прекрасное блѣлое чело, ни прекрасные голубые глаза, потому что хотя «прекрасное» и выражаетъ отвлеченное понятіе красоты или прелести, безъ означенія собственно цвѣта, но тѣмъ не менѣе *красное* все-таки *красное*; частица же *пре* отнюдь не уменьшаетъ красоты—напротивъ, показываетъ ея превосходную или усиленную степень. «И Лидина, прижимая дочь къ груди, въ которой горѣлъ *волканъ страстей*, цѣловала ее въ голову, въ уста и очи» (60). Страсти да и только! «Га! ужасно!» (72), сознается баронъ Любичъ, а самъ авторъ разсуждаетъ не иначе, какъ слѣдующимъ восторженнымъ языкомъ: «Страшно положеніе семнадцати-лѣтней дѣвушки въ эпоху ея первой страсти. Она (,) какъ цвѣтокъ (,) развивается цвѣтеть и *вянетъ* (?) въ это время. Первый предметъ, который заранѣе обрисовывала ея фантазія, съ которымъ заранѣе жила душа, тотъ предметъ (,) столько обольстительный для нея, чаруетъ, увлекаетъ ее, и судьба ея рѣшена: *она его!!.. она его.*» И потомъ, почти рядомъ, еще два раза: «она его!» Этотъ краснорѣчивый монологъ, какого давно уже не встрѣчалось въ современной литературѣ русской, найдете вполне на страницѣ 65-й. Удивительно! Но еще удивительнѣе, что такое странное литературное произведеніе нашло себѣ мѣсто въ извѣстномъ и нѣкогда громко-извѣстномъ журналѣ. Да, *Блѣдныяжка*, какъ гласитъ примѣчаніе къ этой повѣсти, была уже напечатана въ декабрьской 1848 года книжкѣ той-же «Библіотеки для Чтенія». Это, вѣроятно, случайность, невольный недосмотръ редакціи, потому что журналисты наши, какъ извѣстно, не печатаютъ всего, безъ разбора. Попадаются иногда въ журналахъ слабыя, плохія произведенія, но не въ такой степени и не такія странныя!

Однакожь, это еще не конецъ. Pour la bonne bouche, авторъ «Этюдъ» предлагаетъ новую, нигдѣ еще не напечатанную вещьцу, предлагаетъ «Красавицу», съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньи исчезаетъ...

Можете, послѣ этого, вообразить, какую блистательную, рѣдкую красавицу описываетъ вамъ г-нъ А. П. С—нъ, какимъ искрометнымъ каскадомъ летѣя изъ-подъ пера его описательное остроуміе! Вмѣсто главъ, рассказъ этотъ дѣлится на *возгласы*; кромѣ буквъ, въ немъ употребляются еще и кабалистическіе знаки. На страницѣ 86-й найдете ихъ въ такомъ видѣ:

«А!!??jj§§—;.... — Э! — О! § (): — ,,,,».

Описаніе начинается и оканчивается фразою: «Фу! какъ соблазнительно хороша она!» (См. стр. 81 и 97). За пятью *возгласами* слѣдуетъ «Заключеніе», съ эпиграфомъ изъ Шатобріана: «Лишаясь счастья быть вашимъ мужемъ, я больше *несчастенъ* (т. е. несчастливъ), нежели виновенъ». Пушкинъ и Шатобріанъ потревожены собственнo затѣмъ, чтобъ рассказать вамъ наживописнѣйшимъ слогомъ о томъ, какъ оную знаменитую, разумѣется, никогда несуществовавшую красавицу сговорили за богатаго провинціала, котораго авторъ называетъ *«малосольнымъ»* и *«свъжакомъ»* и который отказался отъ своей блистательной невѣсты потому, что она «выразительно галопировала». Послѣдній рассказъ свой авторъ именуетъ *импровизаціей*. Точно импровизація! Ограничиваемся выпискою изъ нея двухъ строкъ: «это прелесть, это Амуръ!.. Да просто эта дѣвушка и прелесть, и Амуръ—все вмѣстѣ—и, въ добавокъ еще, если только хотите, *объя-денъ!!*»

Странные «Этюды» эти, ненормальное явленіе въ литературѣ, требовали разбора, въ поученіе и примѣръ молодымъ авторамъ, какъ острожно должно обходиться съ искусствомъ.

Отъ сравненія вещи иногда значительно выигрываютъ, и потому, послѣ «Этюдовъ» г-на А. П. С—на, «Крымскіе цыгане» г-на А. Котляревскаго, могутъ нѣкоторымъ и понравиться. Правда, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ, въ поэмѣ своей, воспѣлъ «Цыганъ» бессарабскихъ, а къ цыганамъ московско-петербургскимъ мы слишкомъ присмотрѣлись, до-сыта наслушались ихъ полудикихъ пѣсень, и въ глазахъ нашихъ значительно поубавилась поэзія этого кочеваго племени. Но все-же лучше, съ кое-какою удачею, или полуудачею описывать крымскихъ цыганъ, нежели большой свѣтъ такъ, какъ его изобразили пресловутые «Этюды». Жаль, однакожь, что г. Котляревскій усиливается подражать литературнымъ живописцамъ, рисующимъ природу особеннымъ способомъ, при которомъ рощи прячутся за горы, море за скалы, луна за деревья. Вотъ, напримѣръ, на стран. 7-й сказанія г-на Котляревскаго, горы представляютъ собою «удавовъ съ непрободаемой че-

шуй», море превращается «въ необъятной величины алмазъ», стремнины нисходятъ въ пучину морскую, дерево растеть на деревѣ и притомъ корнями вверхъ. Далѣе, тутъ же, можно увидѣть *лиганіе* звѣздъ, услышать *журчаніе* не ручьевъ, а слезъ, вздохи розъ, *захлебыванье* соловьевъ и тому подобныя, неподобныя иносказательности. Какъ не вѣрны эти описательныя сравненія, такъ же мало сходны съ дѣйствительностью опозтизированные цыгане молодого автора. Да и въ самой исторіи немного интереса. Татарскій чабанъ, Османъ, купилъ себѣ въ жены цыганку Юцаде, а та влюбилась въ другаго татарина, да еще и разбойника; Алима, и свѣдавъ о его гибели, плачевно окончила дни свои. Ни въ пламени, изъ котораго, по словамъ автора, состояло все существо Юцаде, ни въ ревности ея мужа, ни въ кровавыхъ похиженіяхъ Алима не оказывается ничего достопримѣчательнаго. Достопримѣчательнень развѣ отецъ героини повѣсти съ *лицомъ, похожимъ на затылокъ*; а что касается непрерывныхъ плясокъ, обжорства, ссоръ и дракъ между дѣйствующими лицами вообще, то едва ли все это можетъ сильно привлечь образованнаго читателя. Наконецъ нѣжность Юцаде, которая, во имя своего возлюбленнаго Алима, цѣлуетъ пни, словно видитъ въ нихъ его олицетвореніе, скорѣе смѣшна, нежели трогательна. Все это ложная *дорога, вбѣгающая въ обвалъ* или *выскакивающая на скалу* (выраженія автора). Печатнаго листа не достало-бы для выписки главнѣйшихъ курчавостей, неправильностей языка и затѣйливостей темно-яркаго слога въ сочиненіи г-на Котляревскаго. Въ концѣ книжкѣ, на двухъ почти страницахъ, означены усмотрѣнныя въ ней опечатки: но всего не усмотрѣно. Опечатокъ хватитъ еще на десять слишкомъ страницъ. Впрочемъ, изданіе довольно чистенькое. Только, воля ваша, за брошюрку дорогонько рубль съ четвертью — книжка любого нашего журнала, въ тридцать листовъ, стоитъ дешевле, и въ каждой—просимъ замѣтить—есть что прочитатъ, не безъ пользы и удовольствія.

Миссъ Анна. Романъ *Фешмора Купера*. Переводъ съ англійскаго А. В. Гарковенко. Спб., 1853. въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 8-ю д. л. 238 стран. *

Въ произведеніяхъ Вальтеръ-Скотта и Купера находили большое сходство. Помнится, автора «Американскихъ степей» называли даже подражателемъ автора «Беверлея». Безспорно, что шотландскій романистъ

* Въ главной конторѣ «Пантеона»: 2 р. сер., съ пересылкою.

служилъ для многихъ образцомъ и, какъ *предшественникъ* Купера, не оставался безъ вліянія и на послѣдняго. У обоихъ колоритъ и художественныя свойства повѣствованія одинаковы, общія, тѣмъ болѣе, что оба писали на одномъ и томъ же языкѣ; но мѣстность и матеріалы разсказа совершенно различны. Дѣйствующія лица романовъ Вальтеръ-Скотта, преимущественно, цари и королевы, принцы и герцоги, графы и лорды, вельможи и полководцы, вообще люди государственные, историческіе. Куперъ—романистъ новаго-свѣта—почти исключительно бралъ своихъ героевъ изъ среды людей обыкновенныхъ, нерѣдко даже изъ низшаго класа; какой-нибудь простой матросъ или охотникъ возбуждалъ самое прилежное и тонкое психологическое изученіе американскаго повѣствователя. Поприще романовъ Вальтеръ-Скотта — суша, материкъ, живое и блистательное общество. Куперъ изображалъ большею-частью море, океанъ, степи и первобытно-безмолвные лѣса своей родины. Характеристики его моряковъ и дикарей, какъ поразительно-вѣрные оттиски съ натуры, какъ первообразы, типы, ему обязаны своимъ высокимъ, поэтическимъ значеніемъ. Его описательныя картины и морскія сцены, его рисунки мрачныхъ, непроходимыхъ дебрей—неподражаемы и несравненны. Точною, изыскательною кистью своею онъ одинъ умѣлъ открывать жизнь, занимательность и поучительность тамъ, гдѣ все повидимому было мертво, пустынно, глухо, безжизненно. Уступая нѣсколько Вальтеръ-Скотту въ драматизмъ, въ изобрѣтательности или движеніи творчества, онъ едва-ли не превосходилъ его безмятежнымъ, величавымъ спокойствіемъ описанія, которое, однакожъ, при этой наружной холодности, представляло всю живость, силу и яркость красокъ. Около одного, много двухъ-трехъ дѣйствующихъ лицъ, самаго скромнаго происхожденія и весьма неказистаго степнаго положенія, онъ умѣлъ сосредоточивать своего рода тихую драму, увлекательную въ простотѣ и видимомъ малодвиженіи непорывистыхъ страстей. И только американецъ могъ такъ описывать американскую жизнь, и только она могла давать ему сюжеты и краски, которыми онъ воспользовался какъ великій художникъ и поэтъ въ прозѣ. Глубокая, чистѣйшая нравственность разлита въ его произведеніяхъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей пищи раздраженію фантазіи, ни одной шаловливой мысли, ни одной черты или тѣни, искуссительной для молодаго воображенія. Дѣтя и дѣвушка могутъ безопасно читать Купера, а зрѣлый читатель найдетъ въ его романахъ обильную пищу для размышленія и созерцанія.

Почти всѣ романы Купера давно уже переведены на русскій языкъ, и почти всѣ эти романы имѣютъ между собою нѣкоторую общность, связь: всюду у него находите въ разныхъ видахъ, или обстоятельствахъ,

одно и то же лицо, одну и ту же величавую фигуру, или, пожалуй, идею, съ которою онъ не могъ, или не хотѣлъ разстаться, и которую обончательно встрѣчаете въ его *Путеводитель въ пустынь*, прекрасно переведенномъ у насъ лѣтъ двѣнадцать тому.

«Путеводитель въ пустынь» (*Pathfinder, открыватель* или *разыскиватель* слѣдовъ въ лѣсахъ и степяхъ) есть, такъ сказать, продолженіе и окончаніе «Послѣдняго изъ Могиканъ», «Пионеровъ» и «Степей», составляющихъ между тѣмъ, какъ и самый «Патфайндеръ», произведенія и отдѣльныя. Соколиный-глазъ, Длинный-карабинъ, Патфайндеръ—одна и та же личность, оригинальный образъ вѣчнаго жителя лѣсовъ и степей тогда еще дѣтственной Америки, простаго, безъискусственного сына дикой природы. Кто читалъ «Путеводителя», тотъ, конечно, помнитъ этого тихаго и кроткаго, христіански-покорнаго жребію героя пустыни; помнитъ и прелестную *Мабель*, очаровательное созданіе воображенія гениальнаго романиста, которую Патфайндеръ страстно полюбилъ въ тѣ лѣта, когда сердце начинаетъ уже охладѣвать, и отъ которой великодушно-страдальчески умѣлъ отказаться...

Но есть еще другой разрядъ произведеній Купера, непримыкающій къ цѣпи четырехъ главнѣйшихъ его романовъ, представляющихъ великое и гармоническое цѣлое. Къ числу этихъ второстепенныхъ, но все-таки замѣчательныхъ произведеній лучшаго американскаго повѣствователя, уже сошедшаго въ могилу, принадлежитъ и *Миссъ Анна*. Содержаніе этого романа... Но мы не хотимъ лишить читателя интереса новизны, и потому не будемъ пересказывать содержанія, и еще менѣе критиковать Купера, предоставляя такой подвигъ смѣлости другихъ рецензентовъ, которые недавно несовсѣмъ почтительно отнеслись къ безответной тѣни одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ представителей всемірной литературы въ первой половинѣ текущаго столѣтія... Послушаемъ, что скажутъ журналы о «Миссъ Аннѣ» и тогда, можетъ быть, возвратимся къ ней...

Со времени «Путеводителя», у насъ, если не ошибаемся, совсѣмъ не появлялось болѣе переводовъ Купера: тѣмъ пріятнѣе будетъ для публики настоящій: онъ очень хорошъ, изданъ красиво и даже роскошно.

Говоря о роскоши печатной, нельзя не обратить вниманія публики на превосходный, отлично раскрашенный планъ Петербурга, изданный недавно извѣстнымъ граверомъ, Э. М. Камкинымъ. Красота, изящество плана нисколько не мѣшаютъ его строгой вѣрности и отчетливости. Къ нему присоединяется особая изъяснительная брошюрка съ красивою

випьеткою. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 2 руб. сер. Желающіе имѣть планъ на лучшей бумагѣ прибавляютъ 25 коп.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ Вѣстникъ нашъ ничего не говоритъ о журналахъ. Это даетъ ему возможность предоставить мѣсто нижеслѣдующей статьѣ, доставленной къ намъ однимъ почитателемъ журнала: «Мода». Раздѣляя высказанное въ ней мнѣніе объ этомъ граціозномъ изданіи, печатаемъ ее безъ всякихъ измѣненій и покушеній на ея литературное достоинство...

— Mesdames, любите-ли вы моды?

— Любите-ли вы руководѣльа?

— Любите-ли музыку, живопись и другія изящныя искусства!

Mais si, si, monsieur, отвѣчаете вы со всѣхъ сторонъ; мы любимъ очень все это; безъ этого намъ нельзя жить, какъ безъ воздуха; безъ этого мы не можемъ провести часа дома, ни сдѣлать одного шага за порогъ.

— О, счастливыя читательницы! такъ я поздравляю васъ и завидую вамъ: у васъ есть богатый источникъ этихъ наслажденій, на васъ готовъ излиться цѣлый рогъ изобилія модъ, руководѣлій, новостей, удовольствій, сюрпризовъ, сердечныхъ движеній и мало ли еще чего! У васъ, однимъ словомъ, есть *Мода, журналъ для свѣтскихъ людей*.

— Знаете вы «Моду»?

— За кого-же вы насъ принимаете, чтобъ мы не знали «Моды»? Знаемъ, очень знаемъ, не только знаемъ, но и любимъ ее; это наша настольная книга, нашъ необходимый руководитель, это лучшее украшеніе нашихъ туалетовъ и будуаровъ.

— Такъ, такъ, mesdames, я предвидѣлъ вашъ отвѣтъ; но вѣдь я и не думаю рекомендовать «Моды» (въ этомъ не нуждается ни вы, ни самъ журналъ); я, какъ уже сказалъ, только поздравляю васъ и завидую вамъ.

— Журналъ «Мода», это дамская Калифорнія—да!

— О, счастливыя дамы! Но только ли дамы? А кавалеры, которые бывають обыкновенно счастливы счастіемъ дамъ?

— О, счастливые кавалеры! какое удивительное, какое милое, восхитительное средство имѣете вы теперь дѣлать подарки вашимъ дамамъ! Кто осмѣлится подарить дамѣ или, à plus forte raison, дѣвицѣ, напимѣръ, мантилью, шляпку, даже браслетъ или брошку? Nonneur! Но картину, книгу, журналъ—не запретить подарить своей дочери самая требовательная маменька, особенно такой журналъ какъ «Мода».

— И смотрите, какой здѣсь тонкій расчетъ: этотъ подарокъ будетъ 24 раза въ годъ (аккуратно два раза въ мѣсяць) напоминать дамѣ о любезности кавалера.

— А знаете ли сколько будетъ стоить этотъ подарокъ?

— Какихъ нибудь 10, 11, рублей. Mais, enfin, c'est une bagatelle; за эту цѣну нельзя купить даже золотой булавки.

Но, кромѣ того, посмотрите, какой кладъ этотъ журналъ для помѣщиковъ, имѣющихъ домашнихъ портныхъ. Подишитесь на журналъ съ мужскими модами—и вамъ будутъ высылать при немъ въ мѣсяць двѣ гравюры мужскихъ модъ и, сверхъ того, ежемѣсячно по огромному листу фасоновъ и выкроекъ въ натуральную величину собственно-мужскихъ костюмовъ.

Что касается до модныхъ магазиновъ и портныхъ, особенно въ провинціяхъ, то, по нашему мнѣнію, журналъ «Мода» рѣшительно необходимъ для нихъ.

Вы, вѣроятно, безъ насъ знаете, что «Мода», занижаясь дамскими, дѣтскими и мужскими модами, а также всевозможными женскими работами и рукодѣльями, въ то же время слѣдитъ за всеми явленіями общественной жизни, и въ легкихъ, живыхъ и занимательныхъ литературныхъ очеркахъ передаетъ извѣстія изъ міра изящныхъ искусствъ: музыки, живописи, театра и проч., а также новости свѣтской жизни, т. е. свѣдѣнія объ общественныхъ удовольствіяхъ, балахъ, танцахъ, модныхъ обычаяхъ, объ отдѣлкѣ и убранствѣ комнатъ и проч. Текстъ журнала иллюстрируется политипажами.

— Но, спросите, можетъ быть, вы: аккуратно ли выходитъ журналъ?

— Нѣтъ, виновать, вы не спросите этого, потому что вамъ хорошо извѣстна образцовая аккуратность «Моды.»

Эта то аккуратность, при всѣхъ другихъ достоинствахъ изданія, и сдѣлала его любимымъ дамскимъ журналомъ.

Объ аккуратности журнала на будущее время не можетъ быть и рѣчи, потому что нынѣ онъ уже приобрѣлъ всеобщее довѣріе, утвердился на прочныхъ основаніяхъ и отнынѣ можетъ только совершенствоваться и улучшаться.

А сколько приложений, и какихъ милыхъ, изящныхъ, восхитительныхъ и, сверхъ всего, необходимыхъ для дамъ даетъ «Мода»!

Приложенія моды — это, какъ мы сказали, цѣлый рогъ изобилія, это дамская Калифорнія; ихъ трудно даже пересчитать; тутъ вы найдете, во-первыхъ, при каждой изъ 24-хъ тетрадей отличную парижскую гравюру модъ, раскрашенные канвовые узоры извѣстнаго Сажу, превосходные узоры для шитья гладью и англійскимъ швомъ, печатанные на

цвѣтныхъ фонахъ и нѣсколько неутомляющіе зрѣнія, вѣдѣствіе чего они и названы *сохранителями зрѣнія* (conservateurs de la vue); кромѣ того, почти въ каждой тетради вы найдете узоры для вязанья тамбурнаго и филейнаго и для всѣхъ сортовъ дамскихъ работъ. Далѣе, на будущій годъ, редакція «Моды» ввела *новость*: узоры для мозаическихъ дамскихъ работъ; *другая новость*: «Мода» даетъ превосходные узоры, печатанные *хромолитографією*, т. е. разными красками съ золотомъ. Но этого мало! Ежемѣсячно вамъ будетъ доставляться множество выкроекъ, съ фасонами самыхъ свѣжихъ, самыхъ модныхъ костюмовъ: мантилій, бурнусовъ, тальма, пальто, бальныхъ и домашнихъ платьевъ, пеньюаровъ, negligѣ шемизетокъ, кофтъ, фишу, модести, воротничковъ, рукавовъ, бѣлья дамскаго и дѣтскаго и всевозможныхъ дѣтскихъ костюмовъ и проч. и проч. Потомъ въ каждый сезонъ вамъ будутъ доставлены образчики модныхъ матерій, съ означеніемъ ихъ ширины и цѣны и съ указаніемъ, гдѣ ихъ можно достать. Сверхъ всего, будутъ прилагаться рисунки мебели, экипажей, бронзы, фарфора и другихъ комнатныхъ украшеній.

Угождая такъ щедро и роскошно всѣмъ требованіямъ и вкусамъ публики, журналъ необходимо долженъ былъ пріобрѣсти огромный успѣхъ. Мы нѣсколько не сомнѣваемся, что на будущій годъ число подписчиковъ еще значительно увеличится, потому что журналъ, при участіи образованныхъ свѣтскихъ дамъ, литераторовъ и многихъ специальныхъ людей, издается весьма основательно, добросовѣтно и постоянно идетъ путемъ улучшеній.

Подписка на «Моду» принимается въ С. Петербургѣ, въ Редакціи *Моды*. Цѣна за годовое изданіе со всѣми приложеніями 9 рублей, съ пересылкою 11 рублей.

II. ТЕАТРЪ.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Статья первая).

Пріѣздъ Рашели. — Последняя знаменитость. — Ожиданія и надежды Петербурга. — Федра - Рашель. — *Ипполитъ* Эврипида. — *Ипполитъ* Сенеки. — Разборъ Федры. — Миѣніе Шлегеля и Шатобриана — Уваженіе французовъ къ классицизму. — Мысль Федры. — Завѣстники Расина. — *Федра* Падона. — Миѣніе о ней Лагарпа и Вольтера. — *Федра* Расина. — Прекрасные стихи и неестественные характеры. — Любовь Ипполита и Арисии. — Сцена признанія и ревности. — Труппа Рашели. — *Готье*, *Рафаэль*, *Шери*, *Кронье*, *Дина*. — Сестры Рашели. — Вліяніе ея на свою труппу. — Историческая вѣрность и пластика. — *Марія Стюартъ* Лебрюна и Шиллера. — Классицизмъ и вѣмецкая драма. — Рашель въ роли Маріи Стюартъ.

Мы начинаемъ въ этомъ мѣсяцѣ нашъ обзоръ французскихъ спектаклей разсказомъ о знаменитой артисткѣ и ея пребываніи въ Петербургѣ. Это событіе должно составить эпоху въ исторіи нашего театра, и мы считаемъ обязанностью обратить на него особенное вниманіе, разобратъ подробнѣе спектакли, въ которыхъ будетъ участвовать парижская знаменитость. Сама Рашель и пьесы, играемыя ея труппою, возбуждаютъ столько любопытныхъ вопросовъ, наводятъ на столько мыслей, что мы рѣшаемся посвятить разбору этихъ пьесъ и игрѣ артистки нѣсколько статей, которыя, полагаемъ, будутъ прочтены безъ скуки всѣми, кого занимаетъ сценическое искусство и драматическая литература. О спектакляхъ нашей французской труппы мы будемъ продолжать говорить, какъ прежде, только въ отдѣльныхъ статьяхъ, не смѣшивая этихъ труппъ и пьесъ, дѣйствительно совершенно различныхъ и непохожихъ одна на другую.

Что пріѣздъ Рашели составляетъ важное событіе для петербургской сцены, въ томъ, конечно, никто не будетъ сомнѣваться. Артистка эта уже болѣе десяти лѣтъ пользуется огромною извѣстностью во всей Европѣ; иностранныя газеты въ теченіе долгаго времени наполнялись самыми восторженными похвалами артисткѣ, иногда даже самыми странными толками о ней, впрочемъ, еще болѣе способствовавшими къ распространенію ея славы. Петербургъ давно уже ждалъ къ себѣ эту гостью. Въ последнее время, когда она, составивъ свою собственную труппу, начала разъѣзжать съ нею не только по столицамъ Европы, но даже по маленькимъ городкамъ Франціи, Петербургъ въ правѣ былъ надѣяться, что и его посѣтитъ эта представительница классицизма. Наконецъ надежды его сбылись: давно желанная гостья явилась въ

городѣ, который начинаетъ отбивать у Парижа его привилегію: покровительствовать знаменитостямъ и раздавать патенты на европейскую извѣстность. И встрѣтилъ гостью истинно порусски: распахнулъ для нея двери своего театра, далъ ей всё средства выказаться предъ русской публикою во всемъ блескѣ дарованія, оказалъ ей, словомъ, такое гостеприимство, какого она, конечно, не встрѣчала ни въ одномъ въ городѣ остальной Европы; и когда антрепренёръ ея труппы, или директоръ отпусковъ г.-жи Рашель, какъ онъ самъ называлъ себя въ объявленіяхъ и на визитныхъ карточкахъ (Raphaël-Félix, directeur des congés de m^{lle} Rachel) открылъ абонементъ на представленія знаменитой трагической акрисы (célèbre tragédienne, какъ онъ же называетъ ее въ афишахъ), петербургская публика стала абонироваться съ такимъ усердіемъ, какого, конечно, не ожидалъ и самъ директоръ отпусковъ, тѣмъ болѣе, что цѣны на мѣста были вообще довольно высоки, и многія распоряженія антрепренёра (какъ, напримѣръ, непозволеніе помѣщаться въ ложѣ болѣе шести человекъ и обязанность платить за каждое лицо свыше этого числа шестую часть цѣны за ложу), противорѣчили принятымъ у насъ обыкновеніямъ. Петербургъ забылъ все это, когда увидѣлъ на сценѣ послѣднюю европейскую знаменитость.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Рашель, Петербургу уже никого не остается больше вилѣть и слышать на сценѣ. Все, что есть лучшаго во всѣхъ родахъ сценическихъ зрѣлищъ, посѣщало уже Петербургъ, если не въ апогеѣ своей славы, то въ минуты яркаго и блестящаго заката. Петербургъ не слыхалъ только одной Женни-Линдъ; но ее не слыхалъ и Парижъ, и признаемся: мы плохо вѣримъ тѣмъ знаменитостямъ, которыя нравятся только Германіи, Англіи и сѣверо-американцамъ. Нѣмцы очень снисходительны; англичане и ихъ заатлантическіе братья очень невзыскательны: первымъ довольно спѣть о du, lieber Augustin, или арію изъ Фрейщюца, чтобъ они расчувствовались и признали гениальною пѣвицу, затронувшую ихъ патріотизмъ; послѣдніе предпочитаютъ часто въ музыкѣ, какъ сказалъ о нихъ одинъ французъ: ce qui est bien fort à ce qui est fort bien. Германія произвела много добросовѣстныхъ пѣвицъ, но съ огромнымъ дарованіемъ только одну—Генриетту Зонтахъ; Англія и Сѣверная Америка—ни одной.

Обратимся, однакожь, къ знаменитости, занимающей въ настоящее время Петербургъ. Чтобъ ясно понять значеніе Рашели въ исторіи драматической литературы, необходимо познакомиться ближе съ родомъ произведеній, въ которыхъ она составила себѣ извѣстность, то есть съ классическими трагедіями. Значеніе ихъ въ области искусства мы стали бы объяснить въ статьѣ *Рашель и Классицизмъ*. Здѣсь мы будемъ

говорить только о тѣхъ пьесахъ въ которыхъ являлась Рашель на нашей сценѣ.

Долгое время одинъ Парижъ наслаждался удовольствіемъ смотрѣть Рашель и восхищаться ею, потомъ оно доставлено было почти всеѣмъ главнымъ городамъ Франціи, Бельгіи, Германіи, Вѣнѣ, Лондону, Берлину и наконецъ намъ. Въ Берлинѣ она сыграла только восемь ролей; у насъ сыграетъ ихъ вдвое больше. Заранѣе радуемся этому.

Двадцать пятое октября будетъ долго памятно всеѣмъ любителямъ драматическаго искусства. Въ этотъ день Петербургъ первый разъ увидѣлъ Рашель въ роли *Федры*. Разсмотримъ сначала самую пьесу.

Преданіе, оставленное намъ Греціею о Федрѣ слѣдующее. Дочь Миноса II, царя критскаго и знаменитой Пазифан, она вышла заужь за Тезея, одного изъ полубоговъ древней Эллады; у него былъ уже сынъ Ипполитъ отъ амазонки Антиопы. Федра увидѣла его—и полюбила. Выстроивъ на горѣ, близъ Трезена (города, гдѣ жилъ Ипполитъ) храмъ, посвященный Венерѣ Смотрищей, Федра смотрѣла оттуда на Ипполита въ то время, какъ онъ охотился по соседнимъ лѣсамъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи побѣдить свою страсть, она призналась въ ней Ипполиту, который отвергнувъ ее съ презрѣніемъ. Тогда, въ бѣшенствѣ, она оклеветала его, сказавъ, что онъ посягаль на ея честь. Тезей изгналъ Ипполита. Федра, мучимая угрызѣніями совѣсти, повѣсилась. Ипполита разбила лошади, испугавшійся морскаго чудовища. Овидій въ XV главѣ своихъ *Метаморфозъ* подробно и прекрасно описываетъ смерть Ипполита. Изъ этого сюжета Эврипидъ сдѣлалъ одну не изъ лучшихъ своихъ трагедій. Расскажемъ ея содержаніе, чтобы видѣть, что такое была трагедія древнихъ и въ какой степени воспользовался ею Расинъ для своей пьесы.

Первый актъ пьесы Эврипида начинается выходомъ *Венеры*. Богиня, негодуя на Ипполита за то, что онъ приноситъ жертвы Діанѣ, а не ей, хочетъ погубить его посредствомъ Федры, которую она заставила полюбить Ипполита. Богиня предвидитъ клевету Федры на Ипполита и изгнаніе его Тезеемъ, и даже просьбу Тезея, чтобъ Нептунъ отмстилъ за него. «Я знаю, что Федра мнѣ вѣрна, говоритъ Венера, но надобно, чтобъ она погибла. Ея жизнь мнѣ не такъ дорога, чтобъ пожертвовать ей моимъ мщеніемъ. Погубимъ невинную жертву, чтобъ погубить моего врага.» Сознаемся, что мысль вывести Венеру для того, чтобъ она высказала такое неблаговидное намѣреніе и рассказала заранѣе весь ходъ пьесы, не дѣлаетъ чести изобрѣтательности Эврипида. Послѣ Венеры является на сцену Ипполитъ, вернувшійся съ охоты, и приноситъ жертву Діанѣ. Одинъ изъ его приближенныхъ со-

вѣтуетъ ему не забывать и Венеру. Ипполитъ рѣшительно отказывается служить ей. Является хоръ, составленный изъ трезенскихъ женщинъ. Онѣ поютъ, что Федра страдаетъ неизвѣстной болѣзнью и хочетъ умереть. Федра выходитъ изъ дворца съ своею кормилицей, допрашивающей ее о причинѣ печали и отчаянія. Федра отвѣчаетъ одними воплями страданія и безсвязными фразами. Кормилица совѣтуетъ ей не дѣлать хора свидѣтелемъ ея тоски и бреда. Федра соглашается, что это неприлично, беретъ покрывало и закрываетъ лицо. Первый актъ оканчивается.

Второй актъ начинается тѣмъ, что хоръ допрашиваетъ кормилицу о причинѣ отчаянія Федры. Кормилица обѣщаетъ узнать объ этомъ хорошенько и опять начинаетъ спрашивать Федру, сидящую тутъ же. Та наконецъ признается въ своей любви. Хоръ и кормилица вскрикиваютъ отъ ужаса. Федра продолжаетъ рассказывать, какъ она боролась съ этой страстью. Кормилица успокаиваетъ ее, говоря, что смертный не властенъ сопротивляться волѣ боговъ, и что даже они сами не боролись съ своими чувствами. Хоръ совѣтуетъ Федрѣ не слушаться кормилицы. Та совѣтуетъ Федрѣ прибѣгнуть къ волшебнымъ наиткамъ, внушающимъ любовь. Федра спрашиваетъ, какъ приготавливаются подобныя наитки и въ то же время снова приходитъ въ отчаяніе при мысли, что Тезей, который теперь въ отсутствіи, скоро узнаетъ о ея любви. Второй актъ оканчивается. Надо было имѣть все ослѣпленіе класиковъ, чтобъ не видѣть, что оба эти акта составляютъ одинъ, и что такимъ образомъ нельзя было дѣлать пьесу только для того, чтобъ въ ней было необходимо пять актовъ.

Въ третьемъ актѣ кормилица открываетъ Ипполиту любовь къ нему Федры. Онъ приходитъ въ негодованіе. Федра, вида издали жесты Ипполита (огромность греческой сцены позволяла дѣйствию происходить въ разныхъ концахъ въ одно и то же время) подозрѣваетъ нескромность кормилицы и жалуется на нея хору, тронутому этими жалобами. Ипполитъ, связанный клятвою: не открывать никому того, что ему скажетъ кормилица—облегчаетъ себя тѣмъ, что читаетъ бѣдную выходку въ сорокъ стиховъ противъ женщинъ, послѣ которой уходитъ. Федра прогоняетъ отъ себя кормилицу и идетъ вѣшаться.

Четвертое дѣйствіе начинается тѣмъ, что хоръ оплакиваетъ судьбу Федры. Одна изъ ея женщинъ выбѣгаетъ изъ дворца, говорить, что Федра повѣсилась и призываетъ хоръ на помощь. Онъ колеблется—идти ли ему. Федру выносятъ мертвую. Въ эту минуту прибѣгаетъ Тезей. Онъ хочетъ послѣдовать въ могилу за своею супругой. Вдругъ въ охолодѣвшей рукѣ ея онъ видитъ письмо; въ этомъ письмѣ обви-

няетъ она Ипполита въ томъ, что онъ посягнулъ на честь Тезея. Тотъ осуждаетъ преступника на изгнаніе и проситъ Нептуна наказать его. Хоръ упрашиваетъ Тезея не спѣшить мщеніемъ. Является Ипполитъ; съ ужасомъ видитъ онъ трупъ Федры. Тезей показываетъ ему письмо Федры и упрекаетъ его. Ипполитъ не открываетъ истины, но увѣряетъ отца въ своей невинности. Тотъ не слушаетъ ничего и велитъ своимъ стражамъ изгнать его.

Въ пятомъ дѣйствіи хоръ разсуждаетъ о непрочности человѣческихъ замысловъ. Одинъ изъ свиты Тезея приходитъ и разсказываетъ о томъ, какъ Ипполита разбила лошадь. «Признаюсь, говоритъ Тезей: ненависть моя къ злодѣю заставила меня выслушать этотъ разсказъ, съ нѣкотораго рода удовольствіемъ; но наконецъ я чувствую, что благоговѣніе къ богамъ и любовь къ сыну, хотя и преступному, пробуждаются въ моемъ сердцѣ. Такъ, безъ радости и безъ печали, при этомъ событіи, я остаюсь равнодушенъ». Потомъ, узнавъ, что сынъ его еще не совсѣмъ умеръ, Тезей приказываетъ принести его, чтобы еще разъ упрекнуть его въ преступленіи и убѣдить въ немъ самымъ наказаніемъ его. Вдругъ является Діана, *Dea ex machina*, и открываетъ невинность Ипполита. Его приносятъ на сцену и онъ, умирая, примиряется съ Тезеемъ.

Такова трагедія Эврипида. Нельзя сказать, чтобы она отличалась искуснымъ ходомъ дѣйствія, занимательностью положенія, правдоподобіемъ сценъ. Характеры въ ней, впрочемъ, вѣрны древности. Ипполитъ, дикъ и гордъ; Тезей суровъ и непреклоненъ; Федра страстна, горда и метительна. Когда она видитъ, что на ея любовь не отвѣчаютъ, она спокойно убиваетъ себя; но, умирая, оклеветываетъ, изъ мщенія, того, кто былъ причиною ея страданій и смерти. За этотъ поступокъ возставали на нее всѣ классики, въ главѣ которыхъ былъ Лагарпъ. Онъ находилъ, что передъ смертью неестественно оклеветать невиннаго и что надо даже простить виновнаго. Лагарпъ забылъ одно, что Федра была не христіанка и что Эврипиду не могли быть доступны высокія чувства, которыя развило въ человѣчествѣ ученіе Спасителя.

Скорѣе всего Эврипида можно упрекнуть за ходъ пьесы, веденной весьма дурно, за его богинь, которыхъ незачѣмъ было вводить въ трагедію, за нѣкоторыя длинноты ея и небрежность стиха. Федра ни разу не говоритъ съ Ипполитомъ, даже не думаетъ смягчить его. Тезей возвращается, когда Федра уже умерла—все это странно и не оправдывается младенческимъ состояніемъ искусства.

Ипполитъ Сенеки выше *Ипполита* Эврипида по ходу дѣйствія,

хотя и ниже его по языку. У Сенеки много краснорѣчивыхъ мѣстъ, сценическихъ эффектовъ, прекрасныхъ мыслей, блистательныхъ фразъ. Расинъ заимствовалъ у него для своей Федры гораздо больше, чѣмъ у Эврипида. Такъ онъ взялъ у Сенеки сцену, въ которой Федра сама открываетъ свою любовь Ипполиту, тогда какъ мы видѣли, что у Эврипида дѣлаетъ это кормилица и весьма неискусно. Расинъ заимствовалъ у Сенеки же мысль: выхватить у Ипполита его мечъ, который потомъ служить къ его обвиненію. У Сенеки же взялъ онъ мысль, что Тезей сходилъ въ адъ, чтобъ оказать услугу Пиритюю, и что не можетъ по-видимому вернуться оттуда. Последняя сцена трагедіи, въ которой Федра открываетъ свое преступленіе и невинность Ипполита, принадлежитъ также Сенецкѣ. Расинъ бралъ у него даже почти цѣликомъ фразы и перекладывалъ ихъ въ стихи. Вотъ, для примѣра, переводъ начала знаменитой сцены между Федрою и Ипполитомъ:

ИПОЛИТЬ. Я вижу ясно: любовь твоя къ Тезею мучаетъ и ослѣпляетъ тебя.

ФЕДРА. Да, Ипполить, это правда: я люблю Тезея такимъ, какъ онъ былъ въ дни его молодости, когда легкій пухъ едва покрывалъ его щеки, когда онъ попалъ на критское чудовище въ извилинахъ лабиринта и нить служила ему руководителемъ. Какъ онъ былъ тогда прекрасенъ! Я вижу еще его распущенные волосы, его лицо, блестящее цвѣтомъ молодости, эту смѣсь силы и красоты. Онъ походилъ лицомъ на эту Діану, которой ты поклоняешься, или на солнце моего прадѣда, или, скорѣе, онъ походилъ на тебя. Да, онъ былъ похожъ на тебя, когда онъ очаровалъ дочь своего врага. Онъ точно такъ же держалъ голову; но его безпечная красота блеститъ еще болѣе въ его сынѣ. Твой отецъ оживаетъ весь въ тебѣ, и ты получилъ отъ своей матери амазонки что-то суровое, примѣшивающее дикую красоту къ греческому лицу. Ахъ, еслибъ ты пріѣхалъ въ Критъ: моя сестра дала бы тебѣ спасительную нить!.. и проч.

Расинъ заимствовалъ этотъ монологъ только до сихъ поръ. Далѣе Федра у Сенеки говоритъ уже прямо и бросается на колѣни передъ Ипполитомъ. Наконецъ Расинъ прямо переводилъ нѣкоторые стихи Сенеки, какъ, напримѣръ, слѣдующій, въ которомъ заключается знаменитая фраза кормилицы и отвѣтъ Федры:

Genus omne profugit. — Pellicis careo metu!

ОМОНЕ. — Il a pour tout le sexe une haine fatale.

Р НѢДРЕ. — Je ne me verrais point préférer une rivale!

Расинъ не заимствовалъ только ни у кого свою Арсію и любовь къ ней Ишполита; и надо признаться, что это самое плохое изобрѣтеніе въ цѣлой пьесѣ, хотя и нельзя прямо обвинять въ этомъ Расина. Онъ долженъ былъ принести дань своему вѣку и его натянутой сентиментальности, требовавшей любви и любезности отъ героя. Конечно, Шекспиръ никогда не сдѣлалъ бы подобной уступки духу времени; но Расинъ былъ поэтъ своего вѣка.

О Федръ и ея достоинствахъ и недостаткахъ написаны цѣлыя томы, начиная съ сочиненій іезуита Рапена, написавшаго комментарий на всѣ трагедіи Расина, до Вильгельма Шлегеля, издавашаго на французскомъ языкѣ «Сравненіе Федры Расина съ Федрою Эврипида». Знаменитый германскій писатель доказалъ, что Расинъ испортилъ первоначальную пьесу, которая трогательнѣе, истиннѣе и поэтичнѣе французской. Онъ объяснялъ, почему это подражаніе, пріятнѣе насильственнымъ образомъ къ нравамъ XVII столѣтія, гораздо ниже древней трагедіи, вывелъ заключеніе, что поэтъ долженъ изображать общество, его окружающее, иначе онъ не имѣетъ достоинствъ своей эпохи и не пріобрѣтаетъ достоинствъ эпохи давноминувшей.

Шатобріанъ, Вильменъ, Гизо, Низаръ, Планшъ, Сент-Бёвъ и всѣ современные французскіе критики, въ свою очередь, восхищались Расиномъ и Федрой. Даже литературные противники этихъ судей литературы, какъ, напримѣръ, Альфредъ Мишельсъ, указывая на ихъ промахи и ложныя сужденія, не смѣли сказать ни слова о недостаткахъ Расина. *Usus tyranus!* и эта поговорка лучше всего относится къ французамъ. Они такъ дорожатъ своими класическими авторами, что малѣйшее сомнѣніе въ ихъ непогрѣшимости считаютъ оскорбленіемъ національнаго достоинства. Такое уваженіе къ класической литературѣ имѣетъ свою хорошую сторону; и мы весьма желали бы, чтобы и у другихъ народовъ изучали съ такимъ же рвеніемъ и издавали такъ же тщательно даже малоизвѣстныхъ писателей стараго времени. Но, удивляясь имъ съ исторической точки зрѣнія, нельзя въ то же время выставять ихъ образцами для современныхъ писателей, какимъ-то идеаломъ совершенства, *pes plus ultra* генія, до котораго не могутъ достигнуть современники.

Изо всѣхъ названныхъ нами критиковъ, Шатобріанъ вѣрнѣе прочихъ опредѣлилъ характеръ Федры Расина, сказавъ, что боязнь вѣчнаго наказанія за ея преступленіе, видна во всей роли этой женщины и въ особенности въ сценѣ ревности, изобрѣтенной самимъ Расиномъ. Это совершенно справедливо. Но кто же скажетъ, что подобный характеръ вѣренъ исторической Федрѣ? У древнихъ подобная любовь, не разъ

встрѣчающаяся въ ихъ преданіяхъ, не разъ казалась имъ преступленіемъ. *Виргилій* не помѣстивъ *Федру* въ своемъ тартарѣ, но заставилъ ее только послѣ смерти бродить по цвѣтущимъ полямъ, вмѣстѣ съ тѣнями неутѣшныхъ любовниковъ, перенесшихъ свои мечты и страданія даже за предѣлы гроба.

Записки, современныя *Расину*, говорятъ, что онъ написалъ *Федру* по просьбѣ *Шанмеле*, просившей у него страстной роли. Однажды, на вечерѣ у г-жи *Лафайетъ*, онъ сказалъ слѣдующую мысль: «Хорошій поэтъ можетъ внушить состраданіе къ преступникамъ; надобно имѣть только тонкость чувствъ, вѣрность взгляда, чтобы уменьшить преступленіе *Меды* и *Федры*, такъ, чтобы онѣ понравились зрителямъ.» Трагедія *Федра* — оправданіе этой теоріи. Пьеса была сыграна 1-го января 1677 года на театрѣ *Бургонскаго отеля*. Черезъ два дня, на театрѣ улицы *Генег* сыграна была другая пьеса, подъ тѣмъ же названіемъ съ тѣмъ же сюжетомъ, сочиненія *Прадона*. Враги *Расина*, въ главѣ которыхъ были герцогъ *Неверскій*, герцогиня *Бульонъ* и госпожа *Дезульеръ*, употребили все усилія, чтобы уронить пьесу *Расина* и доставить торжество его сопернику. Истинный талантъ побѣдилъ все происки, не раньше, однакожъ, какъ черезъ годъ. Трагедія *Расина* имѣла блестящій успѣхъ, даже въ потомствѣ; пьесу *Прадона* забыли вскорѣ даже его современники, хотя и предпочитали сначала *Федрѣ Расина*.

Трагедія *Прадона*, однакожъ, не такъ дурна, какъ думаютъ о ней тѣ, которые не читали ее. *Вольтеръ*, въ своемъ «*Философическомъ Словарѣ*», говоритъ: «Чтобы имѣть *Федру* совершенную, надо взять плавъ *Прадона* и стихи *Расина*». *Лагарпъ* конечно возстаетъ противъ этого мнѣнія, но мы согласны скорѣе съ *Вольтеромъ*. Въ пьесѣ *Прадона* есть много очень хорошо веденныхъ сценъ. *Тезей* у него только женихъ *Федры*, оставляющій ее царствовать на время своего отсутствія. *Федра* любитъ *Ипполита* и признается въ этомъ своей наперстницѣ *Арисіи*, которую въ свою очередь любитъ *Ипполитъ*. Вмѣстѣ со своею любовью, *Федра* хочетъ предложить *Ипполиту* и санъ властителя, намѣреваясь распустить въ народѣ вѣсть о смерти *Тезея*. Но *Тезей* возвращается отъ *Пиритоя*. Онъ подозрѣваетъ *Ипполита* въ любви къ *Федрѣ* и, чтобы убѣдиться въ этомъ, велитъ ей самой предложить *Ипполиту* руку *Арисіи*. Это положеніе чрезвычайно драматично, и сцена между *Федрой* и *Ипполитомъ* очень эффектна. *Федра* признается ему въ эту минуту въ своей любви и грозитъ умертвить *Арисію*, если онъ согласится на бракъ съ нею. Отказъ *Ипполита* еще болѣе убѣждаетъ *Тезея* въ его подозрѣніи, къ тому же онъ застаётъ *Ипполита* у

ногъ Федры въ то время, какъ тотъ умоляетъ ее пощадить Арисію, потому—что Федра сказала ему:

Je vais faire expirer ma rivale à tes yeux.

Тезей осуждаетъ своего сына на изгнаніе и обращается къ Нептуну, съ тою же самою мольбою, какъ у Расина. Ипполитъ удаляется, не обвиняя Федру. Это трогаетъ ее; она велитъ освободить Арисію, но сама бросается вслѣдъ за Ипполитомъ и вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ тою же смертію, слѣдуя въ колесницѣ за его колесницею.

Кромѣ натянутого окончанія, планъ пьесы Прудона очевидно очень недуренъ; нельзя также сказать, чтобы и стихи были нехороши: они слабѣе Расиновскихъ въ патетическихъ мѣстахъ, и также приторны въ нѣжныхъ.

Обратимся теперь къ Федрѣ Расина и къ исполненію ея знаменитою артисткою.

Первая сцена между Ипполитомъ и Тераменомъ, въ которой Ипполитъ объявляетъ о своемъ намѣреніи оставить Тазейны, потому что любить Арисію, приготовляетъ зрителей къ появленію Федры.

И вотъ она выходитъ на сцену блѣдная, слабая, опираясь на руку своей кормилицы Эноны. Глухимъ, прерывистымъ голосомъ говоритъ она:

*N'allons point plus avant; demeurons, chère Oenone,
Je ne me soutiens plus; ma force m'abandonne:
Mes yeux sont éblouis du jour que je voi,
Et mes genoux tremblants se dérobent sous moi!*

Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на образованныхъ зрителей первымъ появленіемъ, первыми словами великой артистки. Съ нетерпѣніемъ ожидали ея выхода, съ жадностью вѣдушивались въ звуки этого не гибкаго, но выразительнаго, страстнаго голоса, полнаго то безмолвнаго отчаянія, то горькой энергіи, съ любопытствомъ смотрѣли на эту женщину, такъ рано достигшую славы, такъ смѣло утвердившую за собою европейскую извѣстность. Съ каждымъ новымъ стихомъ Федры вниманіе публики возрастало. Съ удивительнымъ выраженіемъ были переданы въ особенности слѣдующіе стихи:

*Soleil, je te viens voir pour la dernière fois...
Dieu, que ne suis-je assis à l'ombre des forêts!
Quand pourrais-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière:*

Въ этомъ последнемъ стихѣ, который Федра относитъ къ воспоминанію объ Ипполитѣ, вылилась вся любящая, страстная душа ея. И потомъ стыдъ ея, когда она подозрѣваетъ, что кормилица поняла ея движеніе, былъ переданъ художнически, также, какъ сопротивленіе просьбамъ Эноны, умоляющей открыть тайну ея печали. Тутъ въ особенности были хороши стихи:

Quand tu sauras mon crime et le sort qui m'accable,
Je n'en mourrai pas moins,—j'en mourrai plus coupable...

И потомъ стихи самаго признанія:

... Je le vis, je rougis, je pâlis à sa vue,
Un trouble s'éleva dans mon âme éperdue;
Mes yeux ne voyaient plus, je ne pouvais parler,
Je sentis tout mon corps et transir et bruler,
Je l'évitais partout. Oh comble de misère!
Mes yeux le retrouvait dans les yeux de son père...
... Ce n'est plus une ardeur dans mes veines cachée,
C'est Venus tout entière à sa proie attachée.

Приходъ Панопы (вмѣсто которой въ труппѣ Рашель явился seigneur Панопъ), возвѣщающей о смерти Тезея, оканчиваетъ актъ. Странно, что послѣ этого извѣщенія разговариваютъ только Энона и Панопа, а Федра говоритъ одно слово: ciel! и потомъ, въ концѣ акта, еще четыре стиха о томъ, что она согласна жить. Кажется, что извѣстіе о смерти Тезея должно было бы произвести немножко побольше впечатлѣнія. Вообще Рашель была безукоризненно хороша въ этомъ актѣ.

Во второмъ актѣ Арісія рассказываетъ Исменѣ о любви своей къ Ипполиту. Длинный разговоръ этотъ былъ весьма неинтересенъ для публики и къ тому же написанъ очень плохими стихами. Есть они и въ первомъ актѣ, но гораздо въ меньшемъ количествѣ. Такъ Исмена говоритъ объ Ипполитѣ:

Le nom d'amant peut-être offense son courage,
Mais il en a les yeux, s'il n'en a le langage,

Арісія отвѣчаетъ:

Je rendais souvent grâce à l'injuste Thésée,
Dont l'heureuse rigueur secondait mes mépris.
Mes yeux alors, mes yeux n'avaient pas vu, son fils;
Non que par les yeux seuls lâchement enchantée,

J'aime en lui sa beauté sa grâce tant vantée,
Présents, dont la nature à voulu l'honorer;
Qu'il méprise lui-même et qu'il semble ignorer.
J'aime, je prise en lui de plus nobles richesses.

и такъ далѣе точно въ такомъ же сладкомъ родѣ Является Ипполитъ и, сказавъ ей:

Vous voyez devant vous un prince déplorable,

изъяняется въ любви и предлагаетъ управлять Афинами. Арисія удаляется, не давъ ему положительнаго отвѣта насчетъ его объясненія и сказавъ только, какъ любая изъ героинь романовъ Скюдери или отеля Рамбулье:

J'accepte tous les dons que vous me voulez faire,
Mais cet empire enfin, si grand, si glorieux
N'est pas de vos présents le plus cher à mes yeux.

Является Федра. Съ первыхъ стиховъ ея Расинъ дѣлается опять поэтомъ сильной, истинной страсти, а не сладенькимъ любезникомъ. Федра говоритъ:

Le voici. Vers mon coeur tout mon sang se retire,
J'oublie en le voyant ce que se viens lui dire.

Опомнясь, она говоритъ ему о судьбѣ Афинъ, о смерти Тезея и наконецъ снова увлекается и говоритъ, что любить Тезея не такимъ, какъ онъ сходилъ въ адъ,—

Mais fidèle, mais fier et même un peu farouche,
Charmant, jeune, trainant tous les coeurs après soi,
Tel qu'ont peint nos dieux, ou tel que je vous voi.

и потомъ, сожалѣя, зачѣмъ не онъ пріѣзжалъ въ Критъ, гдѣ бы она сама, вмѣсто сестры своей Арианы, повела его въ лабиринтъ, прибавляетъ:

Et Phèdre au labyrinthe avec vous descendue,
Se serait avec vous retrouvée ou perdue.

Ипполитъ отвѣчаетъ на это стихами, приводимыми во всѣхъ риторикахъ:

Dieux qu'est ce que j'entends! Madame, oubliez-vous
Que Thésée est mon père et qu'il est votre époux!

Федра, опомнившись, спрашиваетъ очень плохимъ стихомъ :

Et sur quoi croyez-vous que j'en perds la mémoire?

но потомъ, когда Ипполитъ хочетъ уйдти, останавливаетъ его словами :

Ah cruel! tu m'as trop entendue!
 Je t'en ai dit assez pour te tirer d'erreur.
 Hé bien! connais donc Phèdre et toute sa fureur:
 J'aime. Ne pense pas qu'au moment que je t'aime,
 Innocente a mes yeux, je m'approuve moi-même...
 ... Je voulu te paraître odieuse, inhumain
 Pour mieux te résister j'avais cherché ta haine.
 De quoi m'ont profité mes inutiles soins:
 Tu me haissais plus je ne t'aimais pas moins!
 .. Venge toi, punis moi d'un odieux amour
 Digne fils du héros qui ta donné le jour.
 Délivre l'univers d'un monstre qui t'irrite,
 La veuve de Thésée ose aimer Hippolyte!..

Это лучшіе стихи изъ монолога, въ которомъ болѣе сорока стиховъ. Длиннота его дѣлаетъ то, что много стиховъ пропадаютъ у Рашели въ эту минуту. Весь этотъ монологъ она говоритъ глухо, прерывисто, въ смущеніи, очень натурально, но не громко и очень быстро. И это первое мѣсто, въ которомъ, какъ намъ казалось, великая артистка, увлекшись ролью, забыла немного о зрителяхъ, которые хотѣли бы слышать рѣшительно каждый стихъ ея. Слѣшимъ сказать, что такихъ мѣстъ, по нашему, можетъ быть и ошибочному мнѣнію, несовсѣмъ удачныхъ — во всей Федрѣ мы замѣтили только два. О второмъ скажемъ дальше.

Вырвавъ мечъ у Ипполита, чтобъ заколоться, и остановленная Эноною, Федра удаляется. Терамень увлекаетъ Ипполита.

Въ третьемъ актѣ Федра, выйдя на сцену съ Эноною, посылаетъ ее опять смягчить Ипполита. Кормлица же вскорѣ возвращается, принеся извѣстіе о пріѣздѣ Тезея. Федра, въ ужасѣ, хочетъ умереть, говоря:

Mourons: de tant d'horreur qu'un trépas me délivre.
 Est-ce un malheur si grand que de cesser de vivre?
 La mort aux malheureux ne cause point d'effroi.

Энона убѣждаетъ ее оклеветать Ипполита передъ Тезеемъ, чтобъ самой не быть уличенной въ преступной страсти. Федра позволяетъ

ей дѣлать, что она найдетъ лучшимъ. Сознаемся, что мы не находимъ убѣжденій Эноны ни довольно логическими, ни еще менѣе краснорѣчивыми. Является Тезей; Федра отъ него скрывается; Ипполитъ просить позволенія удалиться. Тезей смущенный, взволнованный, хочетъ разпросить Федру о причинахъ такого страннаго приѣма, и въ четвертомъ актѣ возвращается на сцену съ Эноною, уже успѣвшею оклеветать Ипполита. Тезей въ ужасѣ. Является самъ Ипполитъ; отецъ осыпаетъ его упреками, называя его:

Reste impur des brigands dont j'ai purgé la terre

и приказываетъ:

De ton horrible aspect purge tous mes états.

Тезей повидимому особенно любитъ этотъ оборотъ фразы, потому что и при первомъ выходѣ говорить:

D'un perfide ennemi j'ai purgé la nature.

Ипполитъ не хочетъ защищаться при такомъ обвиненіи, но настаиваетъ въ своей невинности, прося, чтобъ отецъ припомнилъ всю прежнюю жизнь своего сына и говоря:

*Quelques crimes précèdent toujours les grands crimes :
Quiconque a pu franchir les bornes légitimes,
Peut violer enfin les droits les plus sacrés :
Ainsi que la vertu le crime a ses degrés.*

и оканчиваетъ знаменитымъ стихомъ:

Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon cœur.

Тезей не вѣритъ этому сердцу, глубина котораго чиста какъ день, и, умоляя Нептуна наказать преступника, изгоняетъ его. Федра приходитъ узнать, какая участь опредѣлена Ипполиту. Тезей объявляетъ ей и говоритъ, между прочимъ, что Ипполитъ признался ему въ своей любви къ Арсіи, но онъ не повѣрилъ этому. Федра поражена этими словами и по уходѣ Тезея обращается къ Энонѣ со словами, потрясшими всю залу:

Oenone! qui l'eut cru? j'avais une rivale!

Вся эта сцена ревности у Рашели—верхъ совершенства. Конечно, это не древняя Федра, не Эллинка полубаснословныхъ временъ, но все-

таки это женщина, вѣрная самой себѣ, страстная, ревнующая, убитая горемъ и страданіями. Разговоръ этотъ, однакожь, чрезвычайно длинень (136 стиховъ), и Рашель еще мало сокращаетъ его, прогоняя отъ себя Энону, склонившую ее къ оклеветанью Ипполита. Она оканчиваетъ этотъ монологъ двумя прекрасными стихами, возбуждающими громкія рукоплесканія:

Détestables flatteurs! présent le plus funeste
Que puisse faire aux rois la colère céleste!

Въ этомъ мѣстѣ намъ кажется также, что знаменитая актриса уже слишкомъ возвышаетъ голосъ и читаетъ эти два стиха съ такимъ же жаромъ, съ какимъ признавалась въ любви Ипполиту. Это возвышеніе голоса очень эффектно оканчиваетъ актъ, но кажется намъ не совмѣстно съ истиннымъ значеніемъ стиховъ, которые, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ прочесть съ гнѣвомъ, но не съ ужасомъ и отчаяніемъ.

Пятый актъ начинается вторичнымъ прощаніемъ Ипполита съ Арисією, весьма скучнымъ. Они, конечно, собираются бѣжать и обвиняться, но зрителямъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Ипполитъ уходитъ при появленіи отца. Арисія говоритъ нѣсколько словъ Тезею, въ которыхъ намекаетъ на невинность Ипполита и тоже уходитъ. Тезея и безъ того мучитъ сомнѣніе. Выходитъ Панопа (или Паноппъ) и объявляетъ, что Энона бросилась въ воду, а Федра умираетъ. За нею является Терамень и читаетъ свой знаменитый монологъ въ девяносто три стиха:

A peine nous sortions des portes des Thézère,

начало котораго возбудило въ зрителяхъ легкій и невольный смѣхъ, напомнимъ имъ тѣ дни, когда французскій учитель заставлялъ ихъ вытверживать наизусть эти стихи, какъ образецъ краснорѣчія и красоты слога. Стихи дѣйствительно хороши, хотя неумѣстны и черезчуръ риторичны въ устахъ человѣка, только что бывшаго свидѣтелемъ страшной смерти своего воспитанника. Является Федра, объявляетъ о своемъ преступленіи, о невинности Ипполита, о томъ, что она отравилась— и умираетъ, оканчивая трагедію плохими стихами:

Et la mort à mes yeux déroband la clarté
Rend au jour, qu'ils souillaient toute sa pureté!

У Расина пьеса оканчивается, впрочемъ, еще неэффектнѣе, словами Тезея, отправляющагося отдать послѣдній долгъ Ипполиту и позаботиться объ Арисії, о которой вовсе не заботится зритель.

Мы изложили подробно ходъ пьесы Расина. Сравнивая ее съ трагедіею Эврипида и Сенеки, читатели увидятъ сами все достоинства и недостатки французской пьесы. Безъ художнической игры Рашель врядъ ли бы трагедія эта могла кому нибудь понравиться, и это еще одно изъ лучшихъ произведеній Расина!

Что сказать объ исполненіи другихъ ролей? Публика наша была слишкомъ строга къ труппѣ Рашель. Конечно, труппа эта составлена далеко не изъ первокласныхъ талантовъ; но артисты въ ней старательные, добросовѣстные и на каждомъ изъ нихъ видно вліяніе великой артистки. Извѣстно, что главное достоинство Рашели и отличительное свойство ея передъ другими артистками классическихъ трагедій состоитъ въ томъ, что она не декламируетъ стихи, не скандируетъ ихъ по преданіямъ школы, произносившей ихъ на-распѣвъ, а читаетъ просто, сообразуясь съ смысломъ стиха и чувствомъ, имъ выражаемымъ. Ультра-классики видятъ даже въ этомъ чтеніи упадокъ искусства. Признаемся, что нѣкоторыя мѣста трагедіи, чисто-лирическія или эпическія, не слѣдуетъ читать иначе, какъ декламируя.

Таковъ, напримѣръ, монологъ Терамена, который, однакожь, *Готье* прочелъ такъ, какъ будто рассказывалъ въ прозѣ о печальномъ событіи. Кромѣ этой ошибки, *Готье* сыгралъ недурно свою роль. *Рафаэль Феликсъ* былъ также хорошъ въ роли Ишолита. *Шери* (старшій) прекрасно прочелъ роль Тезея; жаль только, что онъ дурно держится на сценѣ. *Г-жа Кронье* была очень хороша въ благодарной роли Эноны. Вообще это лучшая напереница, какую намъ когда либо удавалось видѣть. *Г-жа Дина Феликсъ* (Арсія) еще очень молода и въ чтеніи ея замѣтны большія неровности. Мѣстами она играетъ хорошо, мѣстами очень слабо. Изъ всѣхъ сестеръ Рашель, увлеченныхъ ея примѣромъ и вступившихъ на сцену, это самая младшая. Она играла въ Парижѣ на театрѣ: *Gaité*, съ большимъ успѣхомъ роль Эванджелины въ пьесѣ *Дядя Томъ*, а до тѣхъ поръ играла маленькихъ дѣвочекъ въ *Гимназіи* и во Французскомъ Театрѣ.

Мы увѣрены, что самые лучшіе артисты были бы не на своихъ мѣстахъ въ этихъ неестественныхъ роляхъ, и поэтому очень снисходительно смотримъ на труппу Рашель. Вездѣ и всегда, гдѣ только давались классическія трагедіи, въ нихъ участвовали двѣ-три знаменитости, а все остальное была золотая посредственность. Это неизбежная

Изъ другихъ сестеръ Рашели, *Ревекка* играетъ во французскомъ театрѣ; въ особенности хороша въ роли *Катарины* въ драмѣ Виктора Гюго, *Анджело. Сара*, на томъ же театрѣ играетъ въ комедіяхъ, и *Лил* на театрѣ *Porte saint-Martin*.

участь трагедіи, и намъ не слѣдуетъ быть взыскательными къ несчастнымъ напереникамъ, осужденнымъ на то, чтобъ подавать реплики героямъ и умирать вмѣстѣ съ ними въ концѣ трагедій.

Постановка пьесы была очень хороша; Федра костюмирована прекрасно, исторически вѣрно и изящно. Все, до головного убора включительно, было въ ней сообразно съ преданіями и съ законами вкуса. Каждый шагъ, каждый жестъ ея, заранѣе разсчитанный и обдуманый, былъ красивъ, граціозенъ, или величественъ. Съ каждой позы ея скульпторъ могъ снимать модель для статуи. Въ малѣйшемъ движеніи ея было столько пластической красоты, что публика не могла оторваться взглядомъ отъ этой удивительной женщины, этого умнаго, строгаго, одушевленнаго лица, хотя далеко не съ греческимъ очертаніемъ. Въ минуты страстныхъ монологовъ Рашель заставляла забыть все на свѣтѣ. *C'est une femme monumentale!* вскричалъ сосѣдъ нашъ, восторженный французъ, и мы совершенно согласились съ его выраженіемъ. Правда, зато другой, сидѣвшій неподалеку отъ насъ зритель, увѣрялъ, что Рашель читаетъ неясно, не договариваетъ фразъ. Бываютъ всякіе зрители!

Второй дебютъ артистки былъ въ трагедіи Пьера Лебрёна, *Марія Стюартъ*, передѣланной изъ извѣстной пьесы Шиллера того же названія, игранной въ Парижѣ еще въ 1820 году, когда Парижъ только что начиналъ знакомиться съ драматическими произведеніями нѣмецкой и англійской литературы. Лебрёнъ порядочно изуродовалъ пьесу Шиллера, но былъ въ этомъ случаѣ вѣренъ условіямъ псевдоклассицизма, господствовавшаго въ его время. Могъ ли этотъ классицизмъ переварить, на примѣръ, сцену объясненія Мортимера съ Марією или исповѣдь ея передъ смертью Мельвилю? А между тѣмъ эти обѣ сцены лучшія въ пьесѣ, вмѣстѣ со сценою свиданія двухъ королевы. И публика въ особенности любитъ эти прекрасныя, сильныя сцены. Не далѣе, какъ прошлую зиму, мы видѣли ихъ на Александринскомъ театрѣ и восхищались ими вмѣстѣ съ русскими зрителями, несмотря на устарѣлый языкъ перевода и слабую игру неудачной дебютантки въ роли Маріи Стюартъ.

Лебрёнъ извлекъ, однакожъ, изъ пьесы Шиллера все, что ему позволялъ классицизмъ, и — о ужасъ! осмѣлился даже нарушить законъ единства *мѣста*, перенося попеременно дѣйствіе изъ темницы Маріи въ Фотрингейскій замокъ. Пьеса его имѣла большой успѣхъ. Онъ не объявлялъ, что ее передѣлалъ изъ Шиллера, но его напрасно обвиняютъ въ желаніи присвоить себѣ пьесу нѣмецкаго драматурга. Французы знали Шиллера до Лебрёна по двумъ переводамъ нѣмецкой драмы. Одинъ явился еще въ 1816 году и сдѣланъ былъ г. *Гессе*, а другой г. *Латуша* за нѣсколько времени до появленія трагедіи Лебрёна, въ

томъ же 1820 году. Оба эти перевода въ прозѣ. Гессе переводилъ довольно добросовѣстно, но *смягчалъ* нѣкоторыя мѣста; Латушь держался больше духа подлинника, нежели буквального перевода, но передалъ Шиллера возможности близко и вѣрно. Даже историческіе этюды о Маріи Стюартъ были въ это время знакомы Франціи. Въ этомъ же году вышла вторымъ изданіемъ извѣстная біографія шотландской королевы, написанная Ф. Гентцемъ и переведенная Дамазъ де-Ремонь. Книга эта была составлена по Буханану, Леслею, автору Записокъ Крауфорда, Мельвилю, Брантому, Кемдену и де-Ту, бѣльшая часть которыхъ были современниками Маріи. Изъ новѣйшихъ авторовъ Гентцъ, какъ, извѣстно, пользовался Рапенонъ, продолжателемъ Маитленда, Робертсономъ, Уейтекеромъ, Тейлеромъ, Гулделемъ и Юмомъ, и составилъ замѣчательную біографію, пользовавшуюся большимъ авторитетомъ до изданія въ свѣтъ изслѣдованій Вальтеръ-Скотта, Лобанова, Минье и Дарго. Стало быть, французамъ былъ хорошо извѣстенъ даже историческій характеръ Маріи, немножко идеализированный Шиллеромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ быть, единственный недостатокъ въ пьесѣ Шиллера, отличающейся вообще строгою вѣрностью исторіи въ малѣйшихъ подробностяхъ драмы. Все, отъ характера Елисаветы до описанія турнира даннаго Елисаветою французскому послу, пріѣхавшему просить руки ея для герцога анжуйскаго — все изумительно-вѣрно. Въ особенности Елисавета очерчена не только кистью художника, но рѣзцомъ историка. Монологъ четвертаго акта, въ которомъ она высказываетъ истинныя свои чувства къ Маріи — верхъ совершенства.

Maria Stuart

Heisst jedes Unglück das mich niederschlägt,—

говоритъ она въ концѣ его, и въ этихъ словахъ выливается вся Елисавета. Лейчестеръ жертвующій своимъ чувствомъ холоднымъ расчетамъ честолюбія, также очерченъ мастерски. Пылкій фанатикъ Мортимеръ, благородный Паулетъ, строгій исполнитель своего долга, типъ возвышенныхъ чувствъ старый Мельвиль—все это такіе характеры, которые дѣлаютъ изъ трагедіи Шиллера образецъ превосходной пьесы. Никто не удивится, если мы скажемъ, что у Лебрёна всѣ эти лица почти также хорошо обрисованы въ другой французской трагедіи неизвѣстнаго автора временъ Людовика XIII Реньо (Regnault), написанной на тотъ же сюжетъ. Въ трагедіи Реньо, посвященной кардиналу Ришельё, много положеній и сценъ точно такихъ же, какъ у Шиллера, тѣ же лица: графъ Кентъ, графъ Шрюсберри, Мельвиль, Аміасъ-Паулетъ, французскій посолъ Помпонъ де-Бельевръ изображены съ тѣми

же самыми характерами. Наконецъ стихи въ ней тоже недурны, особенно по тому времени. Вотъ, для примѣра, конецъ монолога Елисаветы, который есть также у Шиллера:

De mouvemens divers je me sens combattue.
L'ambition m'anime et la crainte me tue.
Je rêve, je médite et de tous les costez
Je ne puis decouvrir que des extrémités.
Dans ce dédale obscur, où ma raison se trouve,
Je quitte un sentiment sitôt que je l'approuve;
Je veux perdre Marie et je ne le veux pas:
Je crains également sa vie et son trépas...

Это сходство двухъ трагедій французскаго и нѣмецкаго писателя очень любопытно, тѣмъ болѣе, что ни въ прежнихъ трагедіяхъ на тотъ же сюжетъ Мон-Кретьена (*L'Ecossoise ou le Désastre*), Бурсо, анонимной, игранный въ 1734 году и другихъ, нѣтъ ничего похожего на данныя Реньо и Шиллера (у Мон-Кретьена есть даже хоры). Знали ли Шиллеръ трагедію Реньо? Этому вопроса не рѣшили нѣмецкіе критики.

Обратимся, однакожь, къ пьесѣ Лебрёна. Въ одномъ изъ современныхъ ему парижскихъ журналовъ: (*Revue encyclopédique ou analyse raisonnée des productions les plus remarquables dans la littérature, les sciences et les arts*) мы нашли любопытный разборъ трагедіи Лебрёна, написанный Бюшономъ. Классическій критикъ говоритъ сначала о недостаткахъ классическихъ трагедій, о скучныхъ экспозиціяхъ пьесы и наперсникахъ, вовсе неизвѣстныхъ грекамъ, но которыхъ французы ввели по необходимости для того, чтобъ сдѣлать понятными зрителямъ положенія дѣйствующихъ лицъ трагедіи, тогда-какъ въ Греціи этимъ лицамъ довольно было, выйдя на сцену, сказать только: «я Орестъ, или я Агамемнонъ», чтобы всѣ тотчасъ же знали ихъ жизнь и характеръ. Наивный классикъ сознается, однакожь, что трагедіи Шекспира и Шиллера производятъ совершенно другое впечатлѣніе на зрителя, нежели французскія трагедіи. «Коріоланъ, Юлій-Цесарь, Ромео и Джульета, говоритъ онъ, овладѣваютъ вами съ первыхъ сценъ. Вы переноситесь въ Римъ и Венецію, сочувствуя дѣйствующимъ лицамъ. Завѣса, отдѣлавшая васъ отъ прошедшаго упала; вы принадлежите уже вполне поэту, который по своей волѣ заставляетъ васъ обитать въ мірѣ имъ созданномъ». Далѣе Бюшонъ удивляется смѣлости Лебрёна, рѣшившагося пренебречь предразсудками своихъ соотечественниковъ и перенести на французскую сцену Марію Стюартъ Шиллера. «Всегда благоразумный въ своихъ концепціяхъ, говоритъ критикъ, Лебрёнъ соединяетъ съ вѣрнымъ тактомъ, съ тонкимъ

чувствомъ театральныхъ приличій чистый слогъ, естественный и большею частью красивый». Это чисто-классическая критика. Въ наше время не поздоровилось бы отъ такихъ похвалъ.

Лебрёнъ выбросилъ изъ трагедіи Шиллера всё политическія отношенія, весь колоритъ того времени, уничтожилъ вовсе благородное лицо Тальбота, Мортимера сдѣлалъ совершенно безцвѣтнымъ, Лейчестера искажилъ, заставивъ его дать средство Мортимеру бѣжать, что составляетъ чистую нелѣпость, потому что бѣгство Мортимера совершенно погубило бы честолюбца въ глазахъ Елисаветы. Несмотря на эти измѣненія и искаженія, пьеса Лебрёна все таки лучше весьма многихъ классическихъ трагедій. Истинные классицисты, по словамъ Бюшона, упрекали Лебрёна, что онъ ввелъ новый родъ пьесъ, что настоящая трагедія должна заключать въ себѣ рядъ сценъ и происшествій, которыя ускоряютъ или замедляютъ развязку пьесы, и что тамъ не можетъ быть трагедіи, гдѣ зритель заранѣе знаетъ, чѣмъ она кончится. Странныя понятія! И господа классицисты еще приводили въ подтвержденіе своихъ дикихъ мнѣній Аристотеля и древнюю Грецію. Но что же были всѣ трагедіи грековъ, какъ не давно уже знакомыя имъ событія, въ которыхъ дѣйствовали давно извѣстныя лица. Нѣтъ, мнѣніе публики шло всегда наперекоръ этимъ господамъ, силившимся втиснуть поучительныя событія исторіи, изслѣдованія сердца человѣческаго въ тѣсныя рамки нелѣпаго классицизма. Только что погибла Марія послѣ семнадцатилѣтняго заключенія, въ среду страстной недѣли, въ четыре часа утра въ 1587 году, какъ явилось множество пьесъ на этотъ страшный, поучительный сюжетъ. Судь современниковъ предупредилъ судъ потомства и исторіи.

Трагедія Лебрёна начинается сценою между кормилицею Маріи, Анною Кеннеди, и губернаторомъ Фотрингейскаго замка, Паулетомъ, гдѣ Марія томится въ плѣну. Первые два стиха Анны особенно плохи:

Cessez au nom du ciel et daignez m'écouter.

A son malheur encore pourriez-vous ajouter!

подобныхъ стиховъ очень много въ трагедіи. Бумаги Маріи взяты для разсмотрѣнія. Анна упрашиваетъ отдать ихъ. Является Марія. Первые слова ея дышатъ грустью и величіемъ. Рашель читаетъ ихъ удивительно:

Anna! console-toi.

Ce qu'on veut me ravir ne tenait pas à moi.

A de vains ornements je renonce sans peine и проч.

Надо замѣтить также, что и эти стихи очень плохи. Мортимеръ приноситъ Маріи письмо отъ кардинала де Гиза и рассказываетъ о томъ, какъ онъ узналъ Марію; рассказъ этотъ, полонъ чувства, поэзіи и написанъ гладкими стихами:

Un jour qu'en son palais plein de magnificence
Je promenais mes yeux errants de toutes parts,
Le portrait d'une femme attiras mes regards
Troublé je ne pouvais en détacher ma vue.
« Ce n'est pas sans raisons que votre âme est émue
Dit alors le pontif en s'approchant de moi:
« Prisonnière et souffrante pour notre sainte-foi,
« Votre pays retiens dans un dur esclavage
« Celle dont vos regards ont admiré l'image.

Потомъ Мортимеръ рассказываетъ Маріи о рѣшеніи парламента и его приговорѣ, еще неутвержденномъ Елисаветою. Марія спокойна и говоритъ:

Je ne lacrains pas, elle aime trop la gloire.

и посылаетъ его къ Лейчестеру уговориться съ нимъ о средствахъ къ ея освобожденію. Является Борлейгъ, чтобы объявить рѣшеніе парламента. Марія не признаетъ его и защищаетъ свои права сильными, хотя и не очень гладкими стихами. Во всей этой сценѣ Рашель неподражаема по благородству, величію и гордому достоинству. Нельзя описать впечатлѣнія, которое она производитъ на зрителей своею дикціею, и въ особенности послѣднимъ монологомъ, оканчивающимся стихами:

Un sénat étranger
Peut me faire périr et non pas me juger.

Актъ оканчивается сценою между Борлейгомъ, склоняющимъ Паулета къ преступленію и благороднымъ отвѣтомъ старика, отвергающаго съ негодованіемъ постыдныя предложенія.

Во второмъ актѣ Марія вѣтъ на сценѣ. Мортимеръ открывається Лейчестеру; тотъ въ свою очередь, устроивъ свиданіе ея съ Елисаветою, ожидаетъ всего отъ этого свиданія. Входитъ Елисавета въ сопровожденіи Мельвиля, склоняющаго ее къ милосердію. Слова благороднаго старика дышатъ чувствомъ, звучны и хороши:

Je la confie au coeur de votre majesté.
Le ciel à votre sexe a donné la bonté;
Que ce royaume heureux s'aperçoive, madame,
Que la main qui le guide est celle d'une femme.

Lorsque ses fondateurs autrefois ont permis
 Que le sceptre des rois aux reines fut commis,
 Sans doute ils ont voulu, j'en crois mon éperance,
 A coté du pouvoir faire asseoir la clémence.

Послѣдующая сцена Елисаветы и Лейчестера, оканчивающая актъ, длинна и слаба.

Третье дѣйствіе начинается знаменитымъ монологомъ Маріи, вздохнувшей наконецъ въ фотрингейскихъ садахъ чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Условія классицизма не позволяли перенести мѣсто дѣйствія въ садъ, и Марія восхищается природою въ залѣ. Послѣ гордаго величія, съ которымъ она встрѣтила Борлейга, Марія дѣлается здѣсь, наединѣ съ своею кормилицею—женщиною, бѣдною плѣнницею; она радуется и плачетъ какъ ребенокъ. Съ какимъ чувствомъ произноситъ Рашель эти стихи:

Laisse mes libres pas errer à l'aventure.
 Je voudrais m'emparer de toute la nature.
 Ah! d'un air libre est pur laisse moi m'enivrer
Laisse moi du moins,
 Soulevant un moment ma chaine douloureuse,
 Rêver que je suis libre et que je suis heureuse.

и потомъ превосходный монологъ Шиллера, начинающійся этими стихами:

Dort, wo die grauen Nebelberge ragen,
 Faengt meines Reiches Gränze an,
 Und diese Volken, die nach Mittag jagen,
 Sie suchen Frankreichs fernen Ocean.
 Eilende Volken, Segler der Luft!
 Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte!
 Grüset mir freundlich meinen Jugendland.
 Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
 Ach ich hab keinen andern Gesandten!
 Frei in Luften ist euhre Bahn;
 Ihr seyd nicht dieser Königin unterthan.

Эти удивительные дактило-хореи Шиллера переданы слѣдующими восьмью стихами Лебрёна:

Vois-tu cet horizon, qui ce prolonge immense?
 C'est là qu'est mon pays; là l'Ecosse commence.
 Ces nuages errans qui traversent le ciel
 Peut-être hier ont vu mon palais paternel;

Ils descendent du nord, ils volent vers la France!..
 Oh! saluez le lieu de mon heureuse enfance!
 Saluez ces doux bords qui me furent si chers
 Hélas en liberté vous traversez les airs.

Знаменитая сцена свиданія ведена была Рашелью такъ, что театръ потрясается отъ аплодисментовъ. Въ ней есть дѣйствительно много хорошихъ стиховъ, зато есть множество плохихъ, въ родѣ:

Madame, à ma rigueur c'est vous en prendre à tort.

Въ словахъ Рашели:

Ah, vivez, gouvernez, disposez de mes droits.
 Dès la fleur de mes ans le malheur m'a flétrié
 Je ne suis hélas, que l'ombre de Marie!

было столько глубокой грусти, и потомъ стихи:

Dites une parole: achevez, je l'attends.
 Oh! ne me laissez pas l'attendre plus longtems!

были произнесены ею съ такимъ выраженіемъ, какого нельзя передать: его надо слышать, чтобъ понять, до какой степени искусства и совершенства можетъ дойти актриса. Критика не можетъ уловить ни звуковъ, ни интонаціи: она мертвыми словами передаетъ живое впечатлѣніе, потрясающее тысячи зрителей; изъ этихъ словъ узнаютъ только, что актриса была удивительна, но какъ и чѣмъ — этого не объяснить критика, и ея безсиліе еще болѣе говоритъ въ пользу великаго таланта.

Послѣдній стихъ Маріи заключаетъ достойнымъ образомъ эту великолѣпную сцену.

Leicester etait là. J'étais reine à ses yeux.

Впечатлѣніе этого стиха и этой сцены невыразимы. Четвертый актъ позволяетъ немного отдохнуть зрителямъ отъ этого впечатлѣнія. Маріи опять нѣтъ на сценѣ. Актъ наполненъ объясненіемъ Мортимера съ Лейчестеромъ, обвиненіемъ и защитою Лейчестера и наконецъ сценою утвержденія приговора, который поручаютъ исполнить Лейчестеру же.

Пятый актъ опять верхъ торжества Рашели. Онъ проходитъ весь въ приготовленіяхъ къ смерти и прощаніи Маріи съ ея приближенными и друзьями. Ее сопровождаютъ и утѣшаютъ Мельвиль и Анна. Многія дамы въ театрѣ рыдали вмѣстѣ съ Анною, когда Марія, отдавая ей на память свой платокъ, говорила:

Prends ce don, ce tissu, ce gage de tendresse
 Qu'a pour toi de ses mains embellis ta maitresse;
 Doux ouvrage; il a vu mes secrètes douleurs,
 Hélas, et bien souvent je l'ai mouillé de pleurs.

Послѣднія слова ея къ Лейчестеру также полны глубокаго чувства. Всю эту сцену портитъ только множество плохихъ стиховъ. Трагедія оканчивается съ уходомъ Маріи, съ послѣднимъ стихомъ ея, на который даже нѣтъ рѣчи!

Allons! je n'ai plus rien qui m'attache ici-bas.

потому—что на сценѣ выбрасывается вся послѣдняя сцена отчаянія Лейчестера, напоминающая такую же сцену отчаянія Ореста въ Андромакѣ, и которая безъ всякой нужды растягивала пьесу.

Мы скажемъ немного о исполненіи другихъ ролей. Труппа Рашели, привыкшая къ класичеекимъ героямъ, была гораздо слабѣе въ роляхъ лицъ, которыя ближе къ намъ и нашимъ понятіямъ. Лейчестеръ (Шери) читалъ недурно, но держалъ себя несообразно съ своимъ званіемъ. *Кронье* (Анна Кенеди) была очень хороша. *Шери* (младшій) и *Готье*—Борлейгъ и Паулетъ—сносны. Мортимеръ Рафаэль также читалъ хорошо, но роль у него слишкомъ незначительна и безцвѣтна. *Марія Леру* въ роли Елисаветы очень слаба, хотя читала мѣстами хорошо. Наружность ея вовсе не соотвѣтствуетъ ея роли. Впрочемъ, чтобы хорошо сыграть Елисавету, нуженъ характеръ равносильный Рашель—а гдѣ его взять? Лучше всѣхъ сыгралъ роль Мельвиля старшій нашъ знакомецъ Латушъ, актеръ съ дарованіемъ и умомъ, бывшій прежде на нашей сценѣ.

Марія Стюартъ понравилась нашей публикѣ болѣе *Федры*. Театръ былъ постоянно полонъ, тогда—какъ въ представленіяхъ *Федры* замѣтны были пустыя мѣста. То же самое замѣтили мы и въ *Андромакѣ* тогда какъ *Адриенну Лекуврѣръ* (о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ) давали *восемь* разъ сряду по востребованію публики. Гдѣ же это возстановленіе класицизма, о которомъ такъ кричали французы? Публика смотритъ съ большимъ удовольствіемъ пьесы современныя, а въ класическихъ только тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Рашель, слушаетъ Расина только для Рашели, а не Рашель для Расина. Результатъ неутѣшительный для класиковъ. То, что ложно и неестественно, не поднять никакими средствами, когда оно уже разъ упало. Класическія трагедіи—все—таки олицетвореніе скуки, и хоть Пушкинъ сказалъ, что скука есть одно изъ принадлежностей мыслящаго существа, но всякій, думаемъ, согласится скорѣе восхищаться *Адриенной Лекуврѣръ*, нежели звать по правиламъ класическихъ трагедій.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Еще выдержки изъ дневника одного мѣстнаго джентльмена. — Наружность Петербурга лѣтомъ и зимою. — Какъ проводить у насъ день съ осени до весны. — Театры, клубы, собранія, кандинтерскія, кафе-рестораны, гостиницы съ ихъ публикою. — Халмыши. — Уличные зѣваки съ своими наблюденіями. — Живопись и скульптура, замѣненные обувью. — Цѣльное вино и чистая вода. — Родникъ натуральной поэзіи изъ камня. — Замѣчательный по части свѣтописи художникъ. — Серебряная лотерея.

—

Пріятель нашъ, съ которымъ мы довольно коротко познакомили читателей Пантеона, въ его июльской книжкѣ (см. *Петербург. Вѣстникъ*, стран. 44 — 33), снова одарилъ насъ выписками изъ дневника своего за послѣднее время, которыя какъ нельзя удобнѣе укладываются въ фельетонныя рамки, и такимъ образомъ еще разъ избавляютъ лѣнивое перо наше отъ лишняго труда. Представляемъ извлеченіе это во всей его простотѣ, безыскусственности и непритязательности литературной.

27 октября. Борей съ бѣлыми волосами и съ сѣдою бородою еще не пронесся надъ Петербургомъ въ своей ледяной одеждѣ, съ своимъ студенымъ дыханіемъ, которое морозитъ носъ и румянитъ уши, какъ вишню. На улицахъ стоитъ еще осенняя грязь, и кое-гдѣ въ провалинахъ ожидающей снѣга мостовой блестятъ зыбкія лужи, незамѣняющія зеркала проходящимъ красавицамъ. Петербургъ все еще какъ-будто бы не разстается съ позднимъ лѣтомъ, не принимая въ угрюмыя черты свои свѣтлой зимней физиономіи, и я продолжаю созерцать колеблющуюся Неву съ ея гранитныхъ береговъ, съ ея роскошными видами. Остановитесь на Благовѣщенскомъ мосту или на Дворцовой-набережной, глядите въ даль и въ стороны — и долго взоръ вашъ не оторвется отъ этихъ великолѣпныхъ громадъ, которыми полтора вѣка украсили суровую мѣстность — тысячелѣтія ожидавшую въ тишинѣ и неизвѣстности своего высокаго предназначенія. Адмиралтейство и твердыня крѣпости; блестящій шпигъ перваго и упирающійся въ облака святой крестъ Петропавловскаго-собора, хранящаго въ себя драгоценныя сердцу русскому останки Петра Великаго, Екатерины Второй и Александра Благословеннаго; созданія Растрелли: Академія Художествъ и величественный чертогъ царей; массивный золотой куполъ Исакія и ангелъ на вершинѣ колонны, воздвигнутой во славу вѣнчаннаго миротворца..... а тамъ, за Невоею, цѣлый, другой городъ—островъ, съ Академіею Наукъ, Биржею, кадетскимъ корпусомъ, гдѣ было нѣкогда жилище Меншикова. Но,

нѣтъ, я не систематическій прозаикъ, который послѣдовательно, гладнокровно и терпѣливо умѣетъ перечислить все, эффектно выставить противоположности, ни поэтъ, по каплѣ вдохновляемый—я беспорядочно глотаю вдругъ, разомъ, все очарованіе, всю силу впечатлѣній, рождающихся во мнѣ, когда медленно окидываю взглядомъ оба берега Невы! Не съумѣю и пересказать отчетливо всѣхъ думъ, которыя тогда роятся въ душѣ моей! то сжатая, картинная исторія полутора ста лѣтъ, съ Карломъ XII и Наполеономъ, Полтавою, Бородинымъ и Лейпцигомъ—цѣлая поэма, вызванная событіями и великими мужами, народная эпопея и знаменитая глава изъ сказаній человѣчества....

Прогуливаясь по ровнымъ, широкимъ и длиннымъ улицамъ петербургскимъ, въ Лѣтнемъ или Таврическомъ саду, въ скверѣ у Инженернаго-зѣмка, въ Петровскомъ-паркѣ, по Мойкѣ или Фонтанкѣ, я не только удовлетворяю физической потребности движенія, «моціона», но и потребности, точнѣе, удовольствію нравственному. Ходить и размышлять, мечтать—для меня одно и то же. Въ постели и креслахъ я становлюсь глуше, неподвижнѣ морально. За письменнымъ столомъ я только машина, прозаически записывающая мои «бродячія» созерцанія. Сколько замѣчательныхъ мыслей, сколько счастливыхъ фразъ навсегда теряю я во время прогулки, даромъ разсыпаю по мостовой. Это бисеръ, который топчутъ ногами безнечные прохожіе; это жемчугъ, чистое золото, которое, безъ-сомнѣнія, обогатило-бы фельетонистовъ, еслибъ они могли подслушивать мой вдохновенный шопотъ, мои «ходячія» сочиненія, подъ перомъ ихъ способныя обратиться въ ходячую монету. Въ одной Горюховой разсыяно нѣсколько томовъ прекрасной, звучной моей прозы, и двѣ-три сотни чрезвычайно удачныхъ стихотворныхъ экспромтовъ, которые, равномѣрно какъ и проза, доставили-бы мнѣ славу, порицателей и завистниковъ. На Вознесенскомъ-проспектѣ, на Владимірской и Литейной, на пространствѣ между мостами Цѣпнымъ и Висячимъ, оставилъ я десятки неизданныхъ брошюръ и тысячи восхитительныхъ монологовъ, которые стоило-бы только превратить налету въ рукописи, чтобъ подстрекнуть немного-дремлющую предприимчивость нашихъ книгопродавцевъ.

Въ осеннюю слякоть, подъ всырки дождя и толчки вѣтра, путешествующія вдохновенія мои нѣсколько притупляются, становятся довольно раздражительны, потому что, принужденный затыкать уши хлопчаткой, носъ прятать въ кашне, а ноги въ тяжелыя и глубокія колоши, я охотнѣе ищу крова, каміна и теплой бесѣды добрыхъ, умныхъ людей. Не связывая себя ни съ кѣмъ продолжительными и тѣсными отношеніями, я, такъ сказать, на пути встрѣчаю и оставляю случайныя знаком-

ства, изъ опасенія поддаться увлеченіямъ такой дружбы, которая непременно, въ минуту слабости, попроситъ займы, или нажить вражду, которая ни зачѣмъ не проститъ невинной эпиграммы и правдиваго словца.

Такъ, полагаю, живутъ люди осторожные, благоразумные.

А какъ живетъ, напримѣръ, спрашиваете вы, современный петербургскій людъ?

Вопросъ легкій, но отвѣтъ трудный, многосложный.

Обширный Петербургъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько городовъ, раздѣленныхъ мѣстностью и нравами, образомъ жизни своихъ обитателей. Васильевскій-островъ, Петербургская-сторона, Выборгская, Пески, Полки, Новыя-мѣста, Большая и Малая Коломны и другія отдаленныя, уединенныя части, или улицы столицы—это ея провинція, области, съ многообразными и своеобразными условіями быта, болѣе или менѣе скромнаго, болѣе или менѣе сосредоточеннаго въ извѣстныхъ, родовыхъ предѣлахъ.

Жизнь замѣтная, общая, собственно столичная, кипитъ въ частяхъ адмиралтейскихъ, главная соединительная артерія которыхъ — неизбѣжный Невскій-проспектъ.

Онъ никогда не пустъ и немраченъ, а съ половины октября до конца мая, отъ полудня до полуночи, широкіе тротуары его пестрѣютъ плотною толпою прохожихъ; на тѣрцевой его мостовой не умолкаетъ непрерывный стукъ множества экипажей, къ которому съ дѣтства можетъ только привыкнуть мѣстное ухо, и который поражаетъ дѣвственный слухъ заѣзжаго провинціала.

Петербургъ—городъ дѣловой, занятой. Утро въ немъ посвящается труду, исполненію обязанностей. «Гулять» онъ начинаетъ съ двухъ, съ трехъ часовъ пополудни, и продолжаетъ прогулку до четырехъ до пяти. Въ четыре, пять обѣдаетъ; немного отдыхаетъ послѣ обѣда — долго спать ему некогда: надобно посмотрѣть Рашель, послушать Лагранжъ, полюбоваться балетомъ и на рускомъ театрѣ посмѣяться надъ передѣлкою французскаго водевиля, потому что современные драматурги наши, за немногими исключениями, не сочиняютъ сами.

Послѣ театра надобно посѣтить на партію преферанса къ знакомымъ, въ Англійскій или иной клубъ, въ Дворянское или Благородное собраніе, туда, сюда, между прочимъ, на ужинъ съ пріятелями у Дюссо, Доминика, или въ другомъ подобномъ гостепріимномъ пріютѣ...

Для многихъ приманка не самый спектакль, куда стремятся всѣ по призыву моды и новости—а публика и собственная персона, по пословицѣ: «людей посмотрѣть, себя показать». И дѣйствительно заманчиво! И я иногда за веѣми, ради первой половины пословицы — людей по-

смотрѣть, потому что себя мнѣ нечего показывать — я немолодъ, не красивъ и, сверхъ того, меня одѣваетъ не Шармеръ, прическа у меня англійская, усось не ношу, туалетъ мой въ глаза не бросается, не говоря уже о скромности и застѣнчивости, которыми надѣленъ я съ избыткомъ, могущимъ возбудить соревнованіе въ любой красной дѣвушкѣ...

Лишенный удовольствія и преимуществъ показывать самого-себя, я, въ вознагражденіе за то, вполне и безъ помѣхи, наслаждаюсь созерцаніемъ другихъ. Для меня антракты иногда гораздо занимательнѣе, самой пьесы. Взгляните на эти блестящіе партеры Большаго и Михайловскаго театровъ. Глаза у меня разбѣгаются. Я измѣняю ихъ горизонтальное положеніе, и подымаю ихъ къ звѣздамъ красоты, ослѣпительно горящимъ въ роскошныхъ рядахъ ложъ. Вокругъ меня разливается благоуханіе... Блескъ нарядовъ, свѣжесть прелестныхъ личикъ, матовая бѣлизна бархатныхъ плечъ, золото, алмазы, жемчугъ зубовъ и натуральный... но постѣшаю поставить нѣсколько точекъ, потому что, опять таки сознаюсь, я не умѣю описывать, дробить моего впечатлѣнія, входитъ въ мелкій или частный анализъ.

Еще печальное сознаніе... Порою головѣ моей становится горячо, чувству душно, сердце стѣсняется, на языкѣ шевелятся глухие сарказмы, въ мысли возстаетъ сатира, сколько нелѣпая, столько же и несправедливая, безпричинная. Полагаю, что это происходитъ отъ досады, зависти: на меня никто, ни въ партерѣ, ни въ ложахъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, какъ-будто я вовсе не существую, не стою ни одного взгляда, не возбуждаю ни чьего участія... А было время молодое... О, жестокой сорокалѣтній возрастъ! Молодость давно прошла, а настоящая старость еще не наступила. Я въ борьбѣ между двумя противоположными періодами. Еще не совсѣмъ утихли во мнѣ волненія живыхъ страстей, и безмятежное спокойствіе сѣдинъ не осѣнило меня покамѣстъ своимъ неподвижнымъ чернымъ крыломъ...

Въ-слѣдствіе ли вышеобъясненной досады, или просто потому, что люблю хорошенько выспаться послѣ обѣда, я рѣдко, впрочемъ, и бываю въ театрахъ. Съ меня довольно разъ, много два въ зиму побывать въ итальянской оперѣ, на новыхъ, или, по крайней мѣрѣ, съ новыми танцовщицами балетахъ; короче: я не пропускаю ознакомиться съ вновь прибывающими сюда знаменитостями, но пропускаю повторенія: въ теченіе около двадцати почти лѣтъ, я достаточно пресытился всевозможными представленіями, все видѣлъ, слышалъ—зрѣніе и слухъ мой пригнулись, обаянія мало-по-малу разсѣялись...

3 ноября. — Такъ какъ, выше уже сказано, я долго сплю послѣ обѣда, часовъ до восьми, девяти иногда, то для меня возможенъ толь-

ко поздній выѣздъ или выходъ со двора. Будь я помоложе да поворотливѣй, на этомъ «позднемъ» основаніи, мнѣ всего-бы удобѣе было рыскать по баламъ, которые, какъ извѣстно, рано не начинаются. Но я не женихъ, лѣтъ десять уже не танцую, и меня на балы не приглашаютъ, да врядъ-ли-бы и самъ я сталъ ѣздить, безъ цѣли и желанья. Не знаю, однакожъ, какою цѣлью или желаньемъ привлеченъ я былъ наканунѣ въ «Благородное танцевальное собраніе». Утромъ у меня случилась тяжелая, скучная работа: требовалось хоть немного развлеченія, разсѣянія, общества. Такимъ образомъ я отправился на «семейный вечеръ»... Вхожу въ эти блистательныя залы, гдѣ каждую пятницу собирается средній кругъ и кружится въ вальсѣ... Слышу звуки весьма хорошаго оркестра Ладе, вижу — хорошенькія личики, стройныя таліи, очень мплыя ножки, обутыя въ шолковыя башмачки — и хоть бы одна струна во мнѣ даже слабо отозвалась... А еще недавно, три, четыре года тому, я не могъ совершенно равнодушно слышать бальной музыки, видѣть хорошенькаго личика. Неужели съ каждою новою зимою отцвѣтшій человѣкъ холодѣетъ болѣе и болѣе, и наконецъ совсѣмъ замерзаетъ?..

Брожу одиноко по заламъ, изрѣдка встрѣчая того или другаго стариннаго знакомаго. Размѣниваемся пожатіемъ рукъ и расходимся въ разныя стороны. Тоже молодцы поувяли, но еще держатся, выпрямляются, натягиваютъ бѣлыя перчатки, собираясь, видно, танцовать. У нѣкоторыхъ сохранились прежніе густые волосы, если только это не парики или накладки...

Пробираюсь въ «игорныя» комнаты, гдѣ за десятками столовъ весьма степенно и молчаливо забавляются преферансомъ. Тутъ уже люди серьезныя. Ни одной улыбки на устахъ... Уста и улыбки въ танцевальныхъ залахъ... Счастливыцы, однакожъ: они изобрѣли занятіе для отдохновенія, имѣютъ свое преимущество — преферансъ, а я и въ карты играть не умѣю. На что же гожусь я? въ журнальные развѣ сотрудники... но читатели не любятъ неумѣстной хандры и старческаго хныканья...

Нечего было мнѣ дѣлать ни въ танцевальныхъ залахъ, ни въ «игральныхъ» комнатахъ, и я удалился въ «читальную», пересмотрѣлъ новыя журналы и газеты, любовался нѣсколькими миловидными дамочками, которыя въ кабинетъ для чтенія приходили курить папирсы.

Часъ ѣхать спать ложиться:

Коли на балъ пріѣхалъ ты, такъ можешь воротиться, — сказалъ мнѣ заглянувшій туда-же одинъ пріятель, постоянно, въ теченіе двадцатипяти лѣтъ, цитирующій стихи изъ «Горя отъ ума». — «Или, пожалуй, поужинаемъ вмѣстѣ?» прибавилъ онъ въ прозѣ, и обращаясь къ прозѣ...

Разумѣется, мы поужинали, на сколько пожилымъ людямъ дозволяется обременять на ночь желудокъ, въ извѣстной степени уже потерпѣвшій отъ предыдущихъ гастрономическихъ наслажденій, и — надобно отдать справедливость здѣшной столовой — карта блюдъ довольно разнообразна, приготовляются они очень недурно, и цѣны всему болѣе нежели умѣренныя. Сидѣвшая насупротивъ насъ молодежь, кажется, недоумѣвалаась надъ нами въ томъ смыслѣ, что мы вдвоемъ едва могли справиться съ одною полубутылочкой шампанскаго. Посмотрю я на эту молодежь черезъ пять лѣтъ: она будетъ пить воду, т. е. запивать ею лекарства.

Черезъ нѣсколько дней. — Да, мнѣ кажется, современная молодежь «и жить торопится, и чувствовать спѣшить». Она, если не ошибаюсь, избрала девизомъ своимъ: «недолго, да хорошо», т. е. жаждетъ въ короткій срокъ вкусить всего до дна — а дно какъ тутъ; и въ тридцать лѣтъ веселая, шаловливая жизнь достигаетъ своихъ конечныхъ результатовъ... блѣдныя, впалыя щеки, тусклый, болѣзненный взглядъ, разстроенное здоровье и состояніе, долги, скука.

Ну, я рѣшительно становлюсь самъ безвременнымъ старикомъ, брюзгою! Эта ворчливость, моралистика, педантическія сентенціи — явные признаки ранняго одряхленія и строгаго взгляда на жизнь, на новое поколѣніе, которое, по мнѣнію другихъ, менѣе взыскательному, платитъ неизбѣжный долгъ молодости, отнюдь не въ болѣшей мѣрѣ сравнительно съ отцами и дѣдами — родъ человѣческій всегда и вездѣ былъ слабъ и падохъ на искушенія, люди искони охотно пили сладкую отраву изъ позлащенной чаши, поставленной среди цвѣтовъ!

При взглядѣ снисходительномъ можно развѣ замѣтить только, что новое поколѣніе, въ значительномъ большинствѣ, какъ-будто предпочитаетъ семейной или домашней жизни — общественную. Публичныя балы, маскарады, кофейни, рестораны, гульбища, зрѣлища привлекаютъ нынѣшнюю молодежь преимущественнѣе, нежели тихій кругъ знакомства, не шумные вечера въ домахъ небогатыхъ, но пріятныхъ. И она права въ нѣкоторомъ смыслѣ. «Среди общественныхъ увеселеній», говорятъ молодые франты въ свое оправданіе: «мы ни чѣмъ не связаны, ни къ чему не обязываемся; пользуемся болѣею независимостью; каждый самъ себя хозяинъ и гость у самого себя, за свои собственные деньги... Надоѣло намъ — сидимъ дома, а знакомства частныя надобно поддерживать — дорого стоитъ и не ведетъ къ положительнымъ итогам!» Прошу тутъ возражать и отыскивать парадоксъ въ полустинѣ, въ одностороннемъ сужденіи. Правда, и въ наши времена не перевелись любители чужихъ обѣдовъ — позови только! Но послѣ обѣда

ной франтъ немедленно даетъ тягу... переодѣвается, и нараспашку проводить съ товарищами вечеръ въ какомъ нибудь кафе-ресторанѣ... «Надобно-де газеты прочитатъ!»

И, въ самомъ дѣлѣ, кафе-рестораны, кондитерскія, трактиры, гостиницы изобилуютъ всевозможными періодическими листками, изданіями: русскими, французскими, англійскими, нѣмецкими: берите любой номеръ газеты или журнала и отправляйтесь наслаждаться на просторѣ въ особый номеръ или кабинетецъ, если присутствіе многихъ развлекаетъ васъ, мѣшаетъ вамъ въ общихъ комнатахъ. Встарину предпочитали читать дома, на кушеткѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, иногда читали вслухъ дамамъ, любили общество прекрасныхъ, умныхъ, образованныхъ женщинъ. Э, чтó я говорю! Кто-жъ, какой вандалъ и нынче ихъ не любитъ? А если въ новѣйшее время меньше стало селадоновъ, пустыхъ вздыхателей и сантиментальныхъ поклонниковъ прелестнаго пола, то это вмѣняютъ въ заслугу, въ преуспѣяніе нашего разсудительнаго времени. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что въ обществѣ дамъ мужскіе нравы приобрѣтаютъ какую-то нѣжность, разборчивость, деликатность, которыя отнюдь не вредятъ «мужественности» или твердости характера, когда, напротивъ, въ отчужденіи отъ сообщества женщинъ, душа мужчины постепенно, незамѣтно грубѣетъ, чувство и обхожденіе его мало-по-малу теряютъ теплоту, изящество, тонъ...

Совершая мои вечернія прогулки, я самъ иногда захожу въ эти кафе-рестораны, на нѣсколько минутъ, на полчаса... перелистываю заграничныя иллюстраціи, Journal pour rire... заглядываю въ бильярдную... Здѣсь долго не пробудете: дымъ отъ папиросовъ, сигаръ и трубокъ скоро васъ отуманитъ, а неумолчный стукъ шаровъ оглушитъ, вмѣстѣ съ громкими растабарами дѣйствующихъ лицъ и внимательныхъ зрителей, неуслышно слѣдящихъ за ходомъ интересной партіи и борьбою искусниковъ, нерѣдко извлекающихъ изъ этой забавы нѣчто существенное, потому что нельзя же цѣлый вечеръ играть даромъ, тратить время и потѣть безполезно. Ловкій, меткій, оборотливый ударъ снискиваетъ общее одобреніе, независимо отъ выгоды карманной. Одни игроки смѣняютъ другихъ, и бильярдъ почти никогда не остается празднымъ. Разговоры, замѣчанія, шутки сыплются со всѣхъ сторонъ. Вотъ съѣдой господинъ рассказываетъ веселые анекдоты и первый смѣется собственному остроумію; вотъ господинъ блѣдный, съ хитрымъ лицомъ, просто душно шепчетъ что-то на ухо щеголеватому юношѣ, и потомъ оба улыбаются или хохочутъ. Вотъ еще два синьора безмолвно играютъ въ домино на бутылку пива, а нѣкто въ парикѣ, закутавшись въ шинель,

преспокойно спитъ себѣ при газовомъ освѣщеніи, при говорѣ толпы и стукотнѣ шаровъ...

Бѣтъ одиннадцать—и комнаты кафе-ресторана наполняются болѣе и болѣе джентльменами, которые прѣзжаютъ сюда ужинать, на возвратномъ пути изъ театра. Прежде всего они подходятъ къ буфету, уставленному предварительными закусками, да графинами съ разноцвѣтными жидкостями, болѣе или менѣе крѣпкаго свойства, и тутъ—то начинаются гомеопатическіе приемы изъ рюмочекъ. Приемы аллопатическіе, въ стаканахъ, изъ цѣлыхъ, особо потребованныхъ бутылокъ, предстоятъ уже въ столовой, за самымъ ужиномъ, изысканно, прихотливо заказаннымъ...

Недавно, зачитавшись газетъ, я долѣе обыкновеннаго засидѣлся въ одномъ изъ этихъ дымныхъ, но довольно комфортабельныхъ пріютовъ, почувствовалъ аппетитъ не хуже театраловъ, и случайно былъ нѣмымъ свидѣтелемъ очень интереснаго ужина, чрезвычайно живой и занимательной бесѣды. Нѣсколько молодыхъ людей, одинъ другаго красивѣе, щеголеватѣе, образованнѣе, вели между собою преостроумный и пребойкій разговоръ. Предметомъ его были театръ, литература, современное петербургское общество. Имя Рашели перебѣгало съ устъ на уста. Критиковали Расина, Корнеля, мнимыхъ французскихъ классиковъ, и восхищались, но не безотчетно, счастливою ихъ истолковательницей. Доставалось, какъ водится, и отсутствующимъ друзьямъ—пріятелямъ. Неистощимый запасъ эниграммъ подслащалъ вкусъ каждаго блюда и горечь англійскаго портера. Умною саркастическою рѣчью особенно отличался старѣйшій изъ собесѣдниковъ.

Впрочемъ, возрастъ его трудно было опредѣлить безошибочно. На видъ ему казалось около тридцати, но, взглядѣвшись пристальнѣе въ его черты, въ его полузамѣтныя морщины на широкомъ лбу, можно было, пожалуй, подумать, что ему и подъ сорокъ. И все въ немъ такъ—же ускользало отъ опредѣленія, не поддавалось рѣшительному приговору... толстъ онъ или тонокъ, средняго или малаго роста, смугль или блѣль, румянь или блѣдень... а что касается цвѣта глазъ, то, сколько я ихъ ни разсматривалъ, не могъ окончательно высмотрѣть: темно-голубые они, черные, сѣрые или каріе... въ нихъ смѣшивались всѣ цвѣта и не было никакого опредѣленнаго цвѣта; но они ярко свѣтились изъ своихъ глубокихъ впадинъ, то смѣющіеся, то задумчивые и унылые; выразительный ихъ взоръ, въ одну минуту проническій, насмѣшливый, въ другую нѣжный, симпатическій, металъ искры душевнаго огня—и вдругъ они потухали, и этотъ самый взглядъ становился тусклымъ, безсмысленнымъ... Когда онъ сидѣлъ, нѣсколько сгорбившись, сутуловатый — «какой приземистый толстячѣкъ!» сказали—бы вы про

себя. Но вотъ онъ встаетъ, выпрямляется, и стройность, пропорціальность фигуры скрываетъ, скрадываетъ его ротъ, во всякомъ случаѣ не изъ высокихъ; средняя полнота маскируетъ измѣненіе, а гибкость стана уничтожаетъ и эту полноту; на щекахъ его то не видно ни кровинки, то вдругъ выступаетъ живая, юношеская краска; лицо его кажется то круглымъ, то продолговатымъ, то спокойнымъ и холоднымъ, какъ льдина, то взволнованнымъ и страстнымъ, какъ у влюбленнаго, порою прекраснымъ и привлекательнымъ, порою безобразнымъ, какъ у Квазимодо... Съ роду не видывалъ я такой подвижной, измѣнчивой физиономіи, и видѣлъ ее словно не въ действительности, а во снѣ, или какъ олицетвореніе капризной фантазіи, изобрѣтательный идеалъ вымышленнаго героя изысканной повѣсти. Даже объ одеждѣ его нельзя было сказать ничего вѣрнаго: модная она или устарѣлая, шеголеватая, или небрежно-простая. Въ голосъ его также безразлично соединялись полугрубый баритонъ, мягкій теноръ и сладостный дѣвическій контральтъ. Мягкіе, густые волосы его, не то черные, не то русые, вились кудрями—но то, статья можетъ, былъ превосходный парикъ, какъ весь онъ былъ воплощенная двусмысленность, загадка...

— Престранный вы человекъ! обращаясь къ нему, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, лѣтъ двадцати семи или осьми, высокій блондинъ, съ умнымъ, нѣсколько мечтательнымъ лицомъ.—Давно васъ знаю, но не могу постигнуть, растолковать себѣ... добры вы или злы, учены или только начитаны... мудрецъ вы, или, извините, просто шарлатанъ... существо теплое или величайшій изъ эгоистовъ... богаты или бѣдны... Нѣтъ, повидимому у васъ есть состояніе, потому что вы ни въ чемъ себѣ не отказываете, не предаваясь однакожъ никакимъ излишствамъ... живѣте какъ всѣ мы, съ несомнѣннымъ годовымъ доходомъ!.. Говорятъ, что у васъ есть деревня, но ее никто не видалъ; говорятъ, что у васъ есть деньги, но ихъ никто не считалъ... Наконецъ я не въ силахъ понять, счастливы вы, или судьба тяготѣетъ надъ вами, любите вы жизнь, или совершенно къ ней равнодушны, страшно пресыщены или все жаждете безконечно... есть у васъ характеръ, или нѣтъ никакого, словно васъ кормили двадцать кормилицъ...

Покаместъ блондинъ говорилъ это, по лицу страннаго господина пробѣгали всевозможныя тѣни и выраженія; то онъ весело улыбался, будто слѣдя сладостныя воспоминанія, то облако печали и неизяснимаго томленія мрачно налегало на его подвижное чело, и тогда на немъ выступалъ цѣлый рядъ широкихъ морщинъ, и все лицо его становилось вдругъ десятию годами старѣе... Чего-бы я не далъ, чтобъ знать,

безъ-сомнѣнія, любопытную, многосложную исторію его жизни, когда, быть можетъ, не было никакой исторіи...

Ужинъ этихъ джентльменовъ приходилъ къ концу; принесли шампанское. Беседа ихъ становилась живѣе, разнообразнѣе. Они перескакивали съ предмета на предметъ, — и казавшійся страннымъ, неразгаданный господинъ, послѣ долгаго молчанія, медленно и тихо заговорилъ стихами:

Вина, вина!.. давай бокалы!
 Налейте влаги золотой...
 Ахъ! что за люди: рюмки малы —
 Давай бокалъ заповѣднѣй!

Несутъ... вотъ онъ: каковъ бокальчикъ!
 Въ немъ, право, цѣлая бутылъ...
 Скорѣй откупоривай, мальчикъ...
 Ага! летитъ съдая пылъ!

Смотрите: какъ клубится влага,
 Шипитъ—и льется изъ жерла...
 Бокалъ наполненъ: въ немъ отвага,
 Въ немъ смѣхъ—давай его сюда!

Окончанія не припомню, хотя собесѣдники повторяли куплетъ за куплетомъ, такъ-что нѣкоторые стихи затвердились у меня въ памяти.

— Такъ вотъ что... вы и вирши плетёте? сказалъ младшій изъ джентльменовъ, хорошенькій смуглячекъ съ немного-длинноватымъ носомъ...

— Вы думаете? возразилъ чудакъ.—Сегодня утромъ, когда я выходилъ со двора, одинъ знакомый принесъ ко мнѣ цѣлую тетрадочку. «Просмотрите», говорить: «вы хоть и не литераторъ, а кое-что въ поэзіи маракуете»... «Хорошо, отвѣчалъ я, не отпираясь, не устраняя лестнаго для меня мнѣнія:—хорошо. посмотрю на досугъ и отошлю къ какому-нибудь журналисту, если окажутся несовѣтъ плохи» — да такъ и сунулъ ихъ въ карманъ. Въ два часа, завтракая у Доминика, развернулъ наудачу... попалось это самое... Не знаю, можетъ быть, перевралъ, пропустилъ что-нибудь... Хотите послушать другіе?

Онъ всталъ, пробрался въ уголь къ своему пальто, чтобъ достать изъ кармана тетрадку...

Газъ, къ исходу, горѣлъ какъ-то темновато, плотные клубы табачнаго дыма ходили по комнатамъ и всѣ лица показывались какъ-будто въ туманѣ...

Прошла минута, другая; мѣсто чудака оставалось пустымъ, и онъ не возвращался съ обѣщанными стихами. Собесѣдники кликнули его по имени. Отзыва не послѣдовало. Посмотрѣли туда, сюда—и слѣтъ простылъ. Брошенное на стулѣ, въ углу, у самыхъ дверей, пальто его, вмѣстѣ съ нимъ, дѣвалось не вѣсть куда, незамѣтно...

— Исчезъ! сказалъ блондинъ:—дезертировалъ! Всегда такъ скрывается, оригиналъ, не простившись!..

Долго смотрѣлъ я на кресла, въ которыхъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сидѣлъ странный этотъ посѣтитель... явился и разсѣлся, какъ настоящая греза или видѣнiе! И теперь, когда пишу эти строки, мнѣ чудится, что онъ было существо не дѣйствительное, а призракъ, рожденный воображенiемъ. Будь я романистъ, непременно воспользовался-бы этимъ живымъ миражемъ...

Между-тѣмъ въ столовую вошли новыя лица, далеко непризрачныя. Ихъ встрѣчаешь на каждомъ шагу, въ каждомъ большомъ городѣ. Хотя на дворѣ порядкомъ морозило, они одѣты были очень легко, чуть не по лѣтнему: полуоткрытыя ихъ шеи едва повязывались какими-то модными, шолковыми обрывками; воротнички рубашекъ на вершокъ отдѣлялись отъ тѣла; узкіе полосатые брюки, пестрые жилеты, массивныя цѣпочки при часахъ, перстеньки на пальцахъ, коротенькіе сюртучки, только-что прикрывавшіе перетянутую талию, лакированные сапоги съ полуострыми носками, затѣйливыя трости, уродливо вставленные въ глазъ стѣклышка—все являло въ нихъ дожинныхъ франтовъ средней руки. Особенно одинъ изъ этихъ господчиковъ отличался черезчуръ развязными, такъ сказать, узарскими приѣмами. Одѣтъ онъ былъ всѣхъ пестрѣе, наряднѣе, и несказанно молодился, хотя ему явно было за сорокъ, и длинные его волосы, съ проборомъ назади, по всей вѣроятности, были произведенiемъ не природы, а парикмахерскаго искусства. Онъ безпрестанно смотрѣлся въ зеркало, страшно рисуясь и кобенясь, въ увѣренности, конечно, что онъ писанный красавецъ; самодовольно потиралъ себѣ руки или закручивалъ свои рыжеватые усы, поглаживалъ свою подчерпѣную эспаньольку...

Немедленно онъ потребовалъ коньяку, хотя, кажется, у него и безъ того было уже изрядно въ головѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовало

заклѣчить по его безсвязнымъ словамъ. «Я, господа (говорилъ онъ своей подборной компаніи),—я, господа, сочинитель, отличный сочинитель... всѣхъ этихъ писателей, натуралистовъ, ретористовъ, за поясъ заткну... въ-пухъ раскритикую, уничтожу, осмѣю... У нихъ совсѣмъ нѣтъ тону, шикю... свѣта они не знаетъ, и свѣтъ, модный свѣтъ, ихъ не вѣдаетъ. Одѣться порядочно не умѣютъ... ни перчатокъ, ни бѣлья сноснаго!..»

— Ну, стоитъ-ли о нихъ распространяться! прервалъ его какой-то толстый франтъ изъ этой компаніи, съ полузаспанными глазами и всѣми признаками безвыходной праздности.—Разумѣется, они и мизинца нашего не стоятъ...

Продолженія я не дослушалъ: мнѣ стало противно и тошно, потому-что я не терплю хватовъ и трактирнаго остроумія мнимыхъ сочинителей, пускающихъ пыль въ глаза маркерамъ и «половымъ», которые, какъ сообщаетъ корреспондентъ одной газеты, занимаются поэзіей только въ Москвѣ, декламируя гостямъ стихи Пушкина и Лермонтова.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя, на письменномъ столѣ, присланную ко мнѣ пріятелемъ ноябрьскую книжку «Современника», въ которой, между прочимъ, «Новый-Поэтъ» рассказываетъ что-то о какихъ-то *Хлыщахъ*, увѣряя, что молодчики съ этимъ нарицательнымъ соотвѣтствуютъ англійскимъ «снобсамъ». Я рылся въ словаряхъ, и ни въ одномъ не нашелъ ни хлыща, ни хлышей. Только въ «Опытѣ Област. Великорусскаго словаря» отыскалъ слѣдующія изъясненія:

«*Хлыстѣтъ*, гл. ср. Шататься по дворамъ, ходить изъ дома въ домъ безъ дѣла. Ниж. Новгород. Тихв.

«*Хлыстка*, и. с., ж. Волочага. Псков. Опочк.

«*Хлыстунъ*, а, с. м. Шатающийся по дворамъ, ходящій изъ дома въ домъ безъ дѣла. Нижегород. Новгород. Тихв. (стран. 248, столб. 1-й.)

Вѣроятно, отъ этого существительнаго «хлыстунъ» произошло или произведено «Новымъ-Поэтомъ» благозвучное слово «хлыщъ». Не знаю, въ какомъ собственно свойствѣ состоятъ «хлыщи» съ англійскими «снобсами», но, судя по напечатаннымъ въ Современникѣ же стихамъ:

«Парикъ, завитый изощренно

«И бархатъ чернаго плаща

«Изобличали несомнѣнно

«Въ немъ нестерпимаго хлыща»—

должно полагать, что последнее слово совершенно характеризует трагических хватовъ, въ родѣ тѣхъ, которые заставили меня поспѣшно удалиться изъ кафе-ресторана, куда зашелъ я просмотрѣть газеты. Впрочемъ, значеніе этого слова редакторъ «Современника», г-нъ Иванъ Панаевъ, общаетъ подробно объяснить въ особомъ сочиненіи, подъ названіемъ *Опытъ о хлыщахъ*.

15 ноября.—Канавы мерзнутъ, на Невѣ показался тонкій ледъ, и утромъ 14-го Пискаревскій мостъ развели. Но съ тѣхъ поръ, какъ у насъ есть постоянный Благовѣщенскій, намъ мало заботы, идетъ или не идетъ ледъ: кому нужно, все идутъ и ѣдутъ на Васильевскій-островъ и на Петербургскую сторону, хотя-бы выль страшный вѣтеръ и несъ по Невѣ тяжелыя, огромныя льдины, или силошь покрылъ ими рѣку вдоль и отъ берега до берега. А бывало, сколько хлопотъ, опасеній, тревогъ, ожиданій съ этой переправой, которую останавливала вечерняя темнота или вовсе прекращала напоръ льда! Память каждаго петербургскаго жителя, конечно, сохраняетъ не одинъ интересный случай или романическое приключеніе по поводу весеннихъ и осеннихъ перевозовъ, когда, во дни оны, барахтались съ невскими льдинами грузныя барки и легкіе ялики, которые ни вѣсть куда заносило изворотами проталинъ. Сколько бывало запоздалыхъ странниковъ, сѣтующихъ и забнувшихъ странницъ, непопавшихъ домой, искавшихъ пріюта у знакомыхъ!

Сегодня, въ воскресенье, было прекрасное полудимнее утро. Блѣдныхъ барышень петербургскихъ разруманилъ морозъ и вмѣстѣ съ тѣмъ согрѣвало яркое солнце. Невскій-проспектъ кипѣлъ народомъ; въ Пассажѣ пыль отъ толпы поднималась до стеклянной крыши, и полупрозрачнымъ слоемъ налегала на узкія зеркала простѣнковъ. До сумерекъ гуляющая публика не оставляла улицъ, а зѣваки, которые обыкновенно обѣдаютъ рано, или гдѣ-нибудь на пути, чтобъ не стѣснять себя временнымъ возвращеніемъ домой для этой потребности, терпѣливо ждали вечерняго газоваго освѣщенія. Подумаешь, что иной изъ нихъ вчера только впервые пріѣхалъ въ столицу изъ степной глуши—съ такою послѣдовательностью останавливается онъ у каждаго, сколько-нибудь замѣчательнаго магазина, съ такою внимательностью разсматриваетъ разложенные или ратвѣшанные въ окнахъ его красивые товары. Въ Пассажѣ онъ не налюбуется галантерейностями Дарзанса, которыми, впрочемъ, все болѣею-частью только любуются, и въ сотый разъ апатически созерцаетъ оди и тѣ же литографированныя головки Бюргера, который, кажется, хочетъ сосредоточить здѣсь идеалы красеты; на Невскомъ онъ, зѣвака, по десяти минутъ дежуритъ у каждаго газоваго рожка, озаряющаго какую-нибудь заманчивую или

замысловатую «индустрію»; сторожить живыя головки въ зеркальных окнахъ извѣстной великолѣпной кондитерской, и даже не прочь поглазѣть на сапоги и башмаки братьевъ Королевыхъ, красующіеся тамъ, гдѣ недавно еще продавались папиросы Спиглазова, картины Бегрова, да гипсовыя статуэтки г. Степанова, перенесенныя теперь въ книжную лавку Базунова, гдѣ и приличнѣ помѣщаться нелестивымъ изображеніямъ знаменитостей литературныхъ или артистическихъ. Пресытись Невскимъ, зѣвака методически направляетъ стопы къ Гостиному-двору, медленно обходить его кругомъ, не утомляясь наблюденіями, и напоследокъ, когда ноги рѣшительно уже отказываются служить ему, глаза перестаютъ вращаться, не плѣняясь миммелькающею розовою или голубою шляпкою, беретъ извожика и спѣшить во свояси, -ко сну, исполненному, вѣроятно, пестрѣйшихъ видѣній...

17 числа.—Всѣ въ шубахъ, а зимы, настоящей зимы нѣтъ, какъ нѣтъ! Одного холода недостаточно. Морозъ безъ снѣга, какъ весною земля и деревья безъ зелени—педоконченный очеркъ, пейзажъ блѣдный и обнаженный! Экипажи на колесахъ неприятно стучать по замерзшей мостовой, и я, съ нетерпѣніемъ деревенскаго ваньки, жду санной «первопутки». Я люблю Петербургъ зимою, когда онъ, сѣверный красавецъ, одѣнется бѣлымъ покровомъ, Нева раскинется гладкою равниной, закрутитъ ингерманландская вьюга между исполинскими громадами, завоюетъ на широкихъ улицахъ леденящій вѣтеръ, затрещитъ декабрскій морозъ подъ ногами, и въ палевыхъ отблескахъ луны алмазнымъ свѣтомъ засеребрятся свѣтлыя искры снѣга... какое тогда раздолье у камина, съ умною книгою, съ стаканомъ добраго вина или просто чаю, настоеннаго въ чистой, свѣжей водѣ, въ которую ледъ не допустилъ, какъ въ вино, никакой сторонней подмѣси!

А цѣльное, добросовѣстно приготовленное вино, которое въ древности, безъ вреда здоровью, пили кубками и чашами—цѣльное вино, хочу сказать я, и чистая вода, въ новѣйшія времена, годъ отъ году болѣе и болѣе стали обращать на себя вниманіе. Болѣзнь винограда или малый его урожай, умноженіе потребителей и стремленіе торговцевъ скорѣе обогатиться, повсюду, во всѣхъ странахъ, имѣли неблагопріятное вліяніе на достоинство крѣпкихъ напитковъ и неукоризненность ихъ состава. Что-же касается воды, большіе города, и особенно столицы, всегда и вездѣ нуждались или въ самомъ ея количествѣ (какъ, наприм., прежде Москва), или въ улучшеніи ея качества, играющаго немаловажную роль въ условіяхъ общественнаго здоровья. Петербургъ, конечно, не можетъ пожаловаться на недостатокъ воды: Нева съ своими рукавами, Фонтанка, Мойка, Екатерининскій, Обводный

и другіе каналы обильно напоютъ огромнѣйшее народонаселеніе; но дѣло въ томъ, что подлѣ рѣки живутъ немногіе, а большинство, то-есть жители внутреннихъ частей города принуждены довольствоваться водою изъ каналовъ, которая въ свѣжести, чистотѣ и вкусѣ далеко уступаетъ невской; но скоро и это неудобство устранится. Учредители «Общества снабженія Петербурга Невскою водою» недавно сообщили въ газетахъ подробности этого общепользнаго предпріятія. На берегу Невы, близъ Александровской-Лавры, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, не засоряемая потоками съ улицъ, сохраняетъ свою естественную чистоту, устроится *водоподъемное* зданіе. Вода въ немъ будетъ подниматься паровыми машинами на высоту до 120-ти футовъ отъ уровня рѣки, и такимъ образомъ достигать верхнихъ этажей самыхъ отдаленныхъ кварталовъ, и дѣйствовать изъ пожарныхъ крановъ по зданіямъ всякой высоты. Для очищенія воды отъ пловучаго сора и водяныхъ растений, она будетъ проходить предварительно чрезъ фильтры, которыя весною и осенью должны быть усиливаемы особыми водоочистительными слоями, соответственно состоянію воды, всегда болѣе или менѣе мутной во время оттепелей и ледохода. Проходя на глубинѣ почти семи футовъ подъ землею, вода сохранитъ въ себѣ постоянную температуру—около восьми градусовъ, столь пріятную въ знойную лѣтнюю пору. Сила машинъ и размѣры водопроводныхъ трубъ разсчитываются такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было въ теченіе сутокъ доставлять жителямъ до 1.700,000 ведеръ воды, т. е. самое большое количество, въ какомъ можетъ предвидѣться дѣйствительная нужда...

Воду по улицамъ отъ водоподъемнаго зданія полагается проводить посредствомъ чугунныхъ трубъ. Главная или магистральная ихъ линія пойдетъ по Невскому-проспекту; отъ нея будутъ отдѣляться въ обѣ стороны по улицамъ, пересѣкающимъ Невскій-проспектъ или прилегающимъ къ нему, второстепенныя линіи, отъ которыхъ пойдутъ побочныя вѣтви съ дальнѣйшими подраздѣленіями. По линіи трубъ будетъ построено достаточное число водоемовъ, или теплыхъ сторожевыхъ будокъ, для отпуска изъ нихъ воды ведрами, по четверти коп. за ведро, и бочками, по пяти коп. за каждую, на наличныя деньги или по особымъ контрмаркамъ. Кромѣ водоемовъ, располагаемыхъ на удобныхъ мѣстахъ, и въ такомъ одинъ отъ другаго разстояніи, чтобъ доставка воды въ дома не превышала ста сажень, предполагается устроить, для украшенія города, три фонтана на площадяхъ: предъ станціею С.-Петербургско-московской желѣзной дороги, у Казанскаго-собора и у Сняго-моста; сверхъ того, на линіи водопроводныхъ трубъ будутъ поставлены пожарные краны, на такомъ взаимномъ разстояніи, чтобъ дѣй-

ствіе каждаго изъ нихъ простиралось на пространство, занимающее до пяти сотъ квадратныхъ сажень. «Можете себѣ представить», прибавляютъ въ статьѣ, изъ которой извлекаю эти любопытныя свѣдѣнія, «какое содѣйствіе для тушенія пожаровъ окажетъ непрерывная струя воды, выбрасываемая помощью этихъ крановъ, нѣсколькими рукавами, и направляемая по произволу въ наиболѣе опасныя мѣста!» Тѣ же краны могутъ служить домовладѣльцамъ и для поливанія въ сухое время улицы предъ ихъ домами... Короче, это одно изъ тѣхъ, наиболѣе заслуживающихъ общественной благодарности, предиріятій, которымъ нельзя не пожелать полного и блистательнаго успѣха.

Всѣ части этой довольно-многосложной работы предполагаются къ совершенію, какъ сказано въ § 19-мъ устава, въ теченіе двухъ лѣтъ, если весь капиталъ Общества будетъ собранъ предварительно. Но какъ водоснабженіе, при устройствѣ главной магистральной линіи, можетъ быть введено въ однѣхъ улицахъ независимо отъ другихъ, то, не стѣсняясь ожиданіемъ окончательнаго сбора всего капитала, Общество, согласно § 18-му, не замедлитъ приступить къ дѣлу по составленіи $\frac{1}{4}$ доли этой суммы. Части: Рождественская, Каретная, Литейная и Московская, преимущественно нуждающіяся въ чистой водѣ, получатъ ее прежде другихъ, и такимъ образомъ, съ перваго же года водоснабженіе удовлетворитъ требованія 450,000 жителей столицы. Отъ болѣе или мѣншей степени ихъ участія въ дѣлѣ, то-есть отъ числа акціонеровъ или количества акцій, зависѣть будетъ счастливое довершеніе всего предиріятія. Должно, впрочемъ, предполагать, что ихъ окажется не мало: на основаніи составленныхъ Обществомъ соображеній и расчетовъ, предиріятіе это обѣщаетъ значительныя для участниковъ выгоды, такъ-что ежегодная прибыль, по приведеніи къ окончанію всего устройства, простираться будетъ на акцію до 15 процентовъ и даже болѣе... Соблазнительно! Не взять ли десятокъ, другой акцій? *

А пока благое дѣло достигнетъ желаемыхъ результатовъ, тѣ, которые, по отдаленности, не могутъ пользоваться невскою водою, должны по-прежнему прибѣгать къ пособію домашнихъ фильтровъ или водоочистительныхъ сосудовъ. Мастеровъ, приготовляющихъ эти полезныя машины, въ настоящее время достаточно развелось въ Петербургѣ, съ

* Авторъ дневника къ извлеченію своему забылъ прибавить, что цѣна каждой акціи назначена по 50 руб. сер. Учредители Общества приглашаютъ желающихъ участвовать въ этомъ дѣлѣ обращаться съ требованіемъ акцій въ Правленіе Общества, у Краснаго моста, въ домъ Таля (ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ десяти часовъ утра, до двухъ пополудни), гдѣ предъявляются уставъ Общества и Высочайше утвержденные планы проента и расчеты, на которыхъ основана предполагаемая съ акцій прибыль. *Ред.*

легкой руки известнаго Дмитрія Аксеновскаго. Между прочимъ, онъ издалъ когда-то цѣлую книжечку собственныхъ стихотвореній и, пропуская воду сквозь уголь и камень, не перестаетъ слагать досужія пѣснопѣнія. Онъ обыкновенно и говоритъ болѣею-частью созвучіями, стихами, которые, конечно, не всегда бываютъ въ такой степени чисты, какъ струя воды изъ его машинокъ: но для простолюдина, который самъ выучился грамотѣ и простою сметливостью смышленнаго русскаго ума добрался до разныхъ «художествъ», довольно и того, что онъ отличаетъ ямбъ отъ хорей. Вѣдь, говорятъ, и всѣ такъ-называемые «сельскіе» стихотворцы наши, отъ Слѣпушкина до знаменитаго поэта-прасола Кольцова, писали не безъ поправки, не безъ нѣкотораго участія со стороны коренныхъ грамотѣевъ, литераторовъ...

Далѣе авторъ дневника впадаетъ въ отвлеченности о поэзіи искусственной и простонародной, и потому мы прекращаемъ выписку, тѣмъ болѣе, что должны дать мѣсто другой статьѣ.

Случай иногда странно распоряжается человѣческими замыслами. Часто онъ сближаетъ, соединяетъ двѣ противоположившія крайности, придаетъ умно и глубоко-задуманному предположенію совершенно нежданное направленіе и выводитъ изъ дѣла результатъ, противурѣчащій тому, котораго ожидали. Такъ нѣмецкіе ученые, народъ глубокомысленный, лѣтъ десять тому, пустились придумывать, для пользы человечества, средство, обладающее силою, еще разрушительнѣе той, которою одаренъ порохъ. Господа эти завидовали заслуженной славѣ Бартольда Шварца и стремились свергнуть его съ вѣковаго пьедестала. Старапія ихъ увѣнчались успѣхомъ: Шенбейнъ изобрѣлъ взрывную хлопчатую бумагу и пустилъ этотъ молниеносный снарядъ по свѣту. Не наша обязанность разбирать, удачно или неудачно было это изобрѣтеніе, дѣло въ томъ, что оно явилось и всѣ науки жадно схватились за него. Химія, принявшись за эту хлопчатую бумагу, подвергла ее разнымъ опытамъ и нашла, что новаго рода порохъ, промытый и очищенный отъ находящихся въ немъ кислотъ, растворяется въ эфирѣ и образуетъ съ нимъ особаго рода лакъ, прозванный колодіонъ. Этотъ-то колодіонъ теперь вѣрнѣйшее и лучшее пособіе свѣтописи!

Отъ этого открытія произошла новая отрасль свѣтописи, сродная неоптици и витротипи, по образу своего употребленія, но различная отъ нихъ, по представляемымъ ею результатамъ. Дагеротипныя изображенія, оттиски, дѣлаемые посредствомъ колодіона на стеклѣ, отличаются уди-

вительной оконченностью и рѣзкимъ обозначеніемъ контуровъ, и кромѣ того представляютъ поразительную мягкость въ тонахъ и оттѣнкахъ; нолутѣни отражаются въ нихъ нѣжно, свѣтотѣни мало измѣняются и являются въ правильныхъ соотношеніяхъ. Тщательно приготовленное изображеніе посредствомъ колодіона почти уже не нуждается въ пособіи кисти художника; вѣрное, точное во всѣхъ своихъ частяхъ, оно является самостоятельнымъ цѣлымъ и даетъ право этой отрасли свѣтописи носить особое, свойственное ей названіе—*колодіонтини*.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ Петербургѣ художника, болѣе прочихъ занимающагося этой новой отраслю фотографіи и дошедшаго уже до замѣчательныхъ результатовъ. Это П. О. Александровскій. * Хорошій живописецъ, и очень свѣдующій химикъ, Александровскій посвятилъ себя свѣтописи и сталъ опытнымъ дагеротипистомъ и фотографомъ. Принадлежа къ тому малому числу художниковъ, которые занимаются дѣломъ своимъ съ любовью и не обращаютъ художества въ ремесло, Александровскій тщательно слѣдитъ за всѣми улучшеніями, производимыми въ области его искусства, подвергаетъ каждое новое открытіе совѣстливымъ опытамъ, изучаетъ каждую бездѣлицу и старается принаровить ее къ дѣлу. Онъ, не щадя издержекъ и трудовъ, неоднократно ѣздилъ въ Парижъ и Лондонъ, наблюдалъ за успѣхами фотографіи на Всемирной-Выставкѣ и изучалъ природу и ея таинства въ своихъ многократныхъ путешествіяхъ по Россіи, которую извѣздилъ по всѣмъ почти направленіямъ, взбирался на заоблачныя высоты Арарата и спускался въ дикія ущелія Баку. Александровскій видѣлъ и вѣчный ледъ, и вѣчный огонь, и вездѣ въ товариществѣ съ даггеровой камерой, съ своими химическими и оптическими снарядами. Не мудрено, что, послѣ столькихъ опытовъ и испытаній, онъ достигъ довольно значительной степени совершенства въ своемъ искусствѣ. Особенно замѣчательны его колодіонтини на стеклѣ и на бумагѣ, приготовляемые по новому, имъ самимъ улучшенному, способу. Въ нихъ онъ, такъ сказать, не копируетъ, а рисуетъ, не подражаетъ, а преобразуетъ, не переводитъ, а творитъ. Лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ послужитъ фотолитографическій снимокъ съ колодіонтини одного изъ извѣстныхъ, заслуженныхъ артистовъ нашихъ, который мы дадимъ при одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ «Пантеона»: въ этомъ портретѣ нѣтъ и тѣни той мертвенности, которую ставятъ въ упрекъ свѣтописи. Лицо здѣсь оживлено мыслью, пріятностью, нѣжностью, оно выражаетъ характеръ и удивляетъ сходствомъ и оконченностью. Вотъ главная за-

* На углу Невскаго-проспекта и Большой-садовой, въ домѣ Паскова-Шарапова.

слуга колодиантиши, заслуга, основанная на восприимчивости материала и на краткости времени, потребнаго для сеанса: съ него возможна вѣрная и хорошая копія. Десять, двадцать секундъ—и изображеніе готово! Конечно, здѣсь, какъ во всемъ, необходимъ талантъ; но Александровскій, какъ истинный артистъ, обладаетъ рѣдкимъ художественнымъ тактомъ, который способствуетъ ему почти къ постоянной удачѣ.

Колодиантипія однакожъ не составляетъ единственной заслуги Александровскаго. Неутомимый въ своихъ стараніяхъ, онъ не ограничился одной этой отраслью свѣтописи. Вниманіе его устремилось и на дивное изобрѣтеніе Уитсона, стереоскопію. Примѣняясь къ мысли знаменитаго Леонардо да-Винчи, который первый замѣтилъ, что предметы представляются лѣвому и правому глазу не съ одинакой точки зрѣнія, и предугадывалъ, что на этомъ-то соединеніи двухъ изображеній одного и того-же предмета подъ разными углами, основывается проявленіе его нашему зрѣнію не плоскимъ, а выпуклымъ, со всеми его рельефами, Уитсонъ придумалъ снарядъ, гдѣ посредствомъ оптики, переводя эту способность нашего зрѣнія на предметы совершенно плоскіе, т.-е. на картины, представляетъ ихъ выпуклыми, какъ они существуютъ въ природѣ. Даггеротипія пришла на помощь этому изобрѣтенію. Но какъ для воспроизведенія этого эффекта нужны два изображенія одного и того-же предмета, подъ разными углами, то надо было наводить на предметъ даггеротиписный снарядъ два раза, съ разныхъ стѣронъ. Александровскій замѣтилъ, что передвиженіе машины при снятіи стереоскопическихъ изображеній только затрудняетъ исполненіе и увеличиваетъ время сеанса, тогда-какъ два требуемыхъ для стереоскоповъ изображенія весьма удобно могутъ сниматься вмѣстѣ, въ одно и тоже время. Убѣдясь въ этомъ, Александровскій устроилъ особенную машину съ двумя объективными стеклами, находящимися въ извѣстномъ между собою отношеніи, посредствомъ которой снимаетъ стереоскопы въ самое короткое время и совершенно устраняетъ недостатки, какіе могли-бы произойти въ-слѣдствіе немного большаго или меньшаго передвиженія машины, условія важнаго въ искусствѣ, требующемъ математической точности. Теперь недостатки исчезли, и оптикамъ и фотографамъ предлежитъ другое поле для важнаго открытія, неисчислимаго въ своихъ результатахъ,—надо придумать такой снарядъ, изобрѣсти такой матеріалъ, помощью которыхъ изображенія представлялись-бы простому, невооруженному глазу въ такомъ видѣ, въ какомъ они являются чрезъ стереоскопическій лорнетъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго; знаніе оптики и химіи, и законовъ отраженія и преломленія лучей свѣта, тщательное изученіе и наблюденіе феномена стереоскопіи, могутъ весьма легко направить чей-нибудь свѣтлый умъ на счастливую мысл

и примѣненіе, и тогда цѣль стереоскопіи вполне достигнута. Мы будемъ обладать уже не созданіями ваятелей и живописцевъ, не картинами, не кусками холоднаго мрамора, а живыми изображеніями прекрасныхъ или почему-либо драгоценныхъ для насъ лицъ и рельефными снимками живописныхъ мѣстностей и величественныхъ произведеній зодчества и скульптуры. Дошла-же гравюра до подобнаго совершенства, что представляетъ намъ отиски съ медалей выпуклыми: и не уступитъ ей свѣтотпись, въ области которой неутомимо трудятся художники и ученые, каковы: Ньепсы, Лепре, Уитсоны, Мартены, Левицкіе, Даутендеи, Александровскіе. Въ заботахъ и стараніяхъ ихъ нельзя не видѣть вѣрнаго ручательства въ дальнѣйшихъ успѣхахъ чуднаго открытія Даггера, которое, въ самое короткое время, нашло уже себѣ приложенія ко всемъ наукамъ и искусствамъ.

Заключая нашъ Вѣстникъ, встрѣчаемъ въ газетахъ извѣстіе объ открытіи выставки лотереи серебряныхъ вещей, въ пользу немущихъ, призрѣаемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ. Лотерея эта состоитъ изъ тысячи выигрышей, на сумму до 30 тысячъ рублей серебромъ. Всѣ, безъ исключенія, выигрыши, изъ чистаго серебра 84-й пробы, работы Сазикова. Тутъ, между прочимъ, очень заманчивымъ и привлекательнымъ, найдете суповую чашу и вазы для шампанскаго, бульонныя чашки и подносы, чайныя сервизы и столовыя приборы. Выставка находится въ Большой-Морской, на углу Гороховой, въ д. Тулубьева, надъ магазиномъ Вилліама Кене (magasin Etranger). Входъ на выставку бесплатный, ежедневно отъ часа до девяти часовъ вечера. Выставка освѣщена солнцами и бенгальскими лампами новаго изобрѣтенія Штанге. Цѣна билетау одинъ рубль серебромъ.

Съ первыми морозами установилась и постоянная мода въ Петербургскомъ фешьонбельномъ мірѣ. Хотя балы еще не начались, но блистательная публика, которая собирается въ Итальянскую оперу и на модные спектакли г-жи Рашель, въ особенности отличается туалетами дамъ, которыя состязаются другъ съ другомъ во вкусѣ, въ богатствѣ и въ пышности своихъ нарядовъ. Пять, шесть прекрасныхъ, солнечныхъ дней, выманивъ нашихъ щеголихъ на широкіе тротуары Невскаго проспекта, показали намъ во всемъ блескѣ нѣсколько утробныхъ костю-

мовъ самой утонченной изобрѣтательности. Наступившее время свадебъ также много способствуетъ у насъ къ установленію моды. По части нарядовъ мы беремъ у Парижа все лучшее: и наши подвѣчные и свадебныя платья по истинѣ—загляденья. Подите полюбоваться выставленнымъ приданнымъ любой не-бѣдной невѣсты и вы изумитесь обилію, разнообразію, утонченности современной моды, которая все обращаетъ въ роскошь, и творя изъ лоскутьевъ диковинки, совершенно наоборотъ съ бумажными фабрикантами, не изъ тряпокъ дѣлаетъ бумагу, а бумажки обращаетъ въ тряпье. Но оставя въ сторонѣ вопросы, болѣе или менѣе щекотливые, перейдемъ прямо къ описанію тѣхъ нарядовъ, которые обратили на себя всеобщее вниманіе. Вотъ они:

1-й нарядъ. (Подвѣчный.) Тонкое газовое платье съ пятью воланами, на чахлѣ изъ гро-гранъ моаръ. Сквозь складки волановъ пропущена широкая атласная лента. Кофточка гладкая, до шеи (montante), напереди застегнута бантами изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ. Рукава греческіе, съ разрѣзомъ—напереди—сверху до низу, а назадъ—только въ раструбѣ. Разрѣзы эти также схвачены бантиками изъ бѣлыхъ лентъ. Прическа греческая; голова убрана оранжевыми цвѣтками, безъ зелени; назадъ спускается самое простенькое тюлевое покрывало. Подрукавники простенькіе, круглые, прикрывающіе руки до самой кисти. Вообще въ этомъ нарядѣ обнажены только лицо и часть шеи. Золотыхъ украшеній, жемчуговъ и каменьевъ—подъ вѣнецъ отнюдь не надѣваютъ.

2-й нарядъ. Шляпка крошечная, бархатная, отдѣланная черными кружевами и лентами, въ видѣ чепца. Цвѣты на ней подъ цвѣтъ лентамъ. Платье шелковое, съ тремя широкими тюниками, обшитыми бархатной полоскою. Корсажъ открытый, съ отворотами, также обшитыми, какъ и тюники. Богатая шемизетка изъ шитья и кружевъ. Маленькая черная мантилья; также вся обшитая въ нѣсколько рядовъ бархатцемъ, и схваченная напереди бархатнымъ бантомъ. Браслетки бархатныя съ металлическими пряжками.

3-й нарядъ. (Визитный.) Платье пу-де-соа, съ четырьмя воланами, съ высьчкою. Высокій лифъ; рукава съ разрѣзомъ напереди, обшитые двумя воланами. Шляпка изъ неразрѣзнаго бархата, украшенная кружевами и цвѣтами. Мантилья—Тальма изъ чернаго кружева, около шеи собранная на ленту, а надъ рукавами приподнятая бантами.

4-й нарядъ. (Для выѣздовъ.) Шляпка атласная, съ чуть замѣтными полями, украшенная блондами и цвѣтами. Платье барежевое, съ пятью воланами, которые обшиты лентою моаръ. Корсажъ съ открытой грудью и полу-длинными рукавами, также отдѣланными, какъ и воланы.

Платокъ крепонъ, вышитый шелками и золотомъ, и обшитый золотою бахрамою.

5-й нарядъ. (Для прогулокъ.) Шляпка атласная, отдѣланная чернымъ бархатомъ и кружевами. Платье бархатное, вмѣсто волановъ, въ три ряда вышитое шелковыми гирляндами; корсажъ закрытый, съ баскинами и съ полудлинными рукавами, приподнятыми на сгибъ—бантами. Грудь корсажа, баскины и низъ рукавовъ также вышиты гирляндами, какъ и платье. Богатые, широкіе кружевные подрукавники. Золотые браслеты.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- BEYER.** Feuilles printanières. Trois morceaux caractéristiques, № 1, La Sérénité. № 2. Le Chant. № 3. L'Agitation. (Chaque. 70 к.) Petite fantaisie sur l'opéra: Don Juan. (70 к.)
- BURGMULLER.** Fête des Gondoliers. Schottisch brillant. (75 к.) Rondo sur l'opéra: Elisire d'amore. (75 к.)
- CRAMER.** Les Inséparables. Deux mazurkas. (Chaque (60 к.) Collection de Morceaux élégants sur des danses favorites. Op. 104. № 1. Selianka Polka. № 2. Träume auf dem Ocean, Valse de Gung'l. № 3. Sturm—Marsch—Galop. № 4. Amalien—Galop. № 5. Fleurs de fantaisie—Valse. № 6. Wiener Polka (Chaque 75 к.)
- DREYSCHOCK.** Hommage à Vienne. Op. 95. (85 к.)
- HENSELT.** Sophie — Polka — Nouvelle. (60 к.) Grande Valse, dédiée à Sa Majeste L'Impératrice de toutes les Russies. (1 p. 70 к.)
- FAELL.** Rigoletto. Fantaisie. (85 к.)
- KONTSKI.** Fantaisie sur l'opéra: Stradella. (1 p. 30 к.) Murmure de la source. (60 к.) Fantaisie sur la Sonnambula. (1 p. 40 к.) Mazurka favorite. (70 к.) Souvenir d'Espagne. Fantaisie. (2 p. 30 к.)
- LITOLFF.** Elegie. Op. 64. (85 к.) La Harpe d'Eole: Morceau de Salon. (1 p. 30 к.) Perles harmoniques. Pensée musicale. (1 p. 15 к.)
- MAYER. CH.** Mazurka — Gracieuse. Op. 167. (85 к.) Romaneske. Op. 187. (85 к.)
- SCHULHOFF.** Trois Idylles. Op. 36. № 1. Doux reproche. № 2. Etoile du soir. № 3. Le Ruisseau. (1 p. 50 к.)
- THALBERG. S.** L'Art du Chant appliqué au piano. Op. 70. № 1. Quatuor de l'opéra Puritani. № 2. Tre giorni, air de Pergolése. № 3. Adelaide de Beethoven. № 4. Air d'Eglise du célèbre chanteur, Stradella. № 5. Lacrymosa tiré du Requiem de Mozart et Duo de l'opéra: Noces de Figaro de Mozart. № 6. Perche mi guardi e piangi. Duo de l'opéra Zelmira de Rossini. (Nouvelle édition revue). (Chaque 1 p. 15 к.)
- VOSS.** Mathilda. Polka-Mazurka. (1 p. 15 к.) Marie. Polka-Mazurka. (1 p. 15 к.) Muette de Portici. Fantaisie. Op. 152. (1 p. 72 к.) Grande-Fantaisie brillante sur opéra: Luisa Miller de Verdi. (1 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Puritani. (2 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Indra. (1 p. 72 к.)
- WILLMERS.** Le Rossignol. Pièce de Concert. (1 p. 15 к.) Gondelfahrt. Barcarole. Op. 79. (1 p. 15 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ. Гдѣ вы дни мои, дни весенніе (40 к.) Грусть дѣвушки. (40 к.)
Не скажу ни кому отчего, (40 к.) Съ радости веселья хмѣ-
лемъ кудри вьются. (40 к.)

ВИЛЬБОА. Я васъ любила безнадежно. (70 к.) Ахъ зачѣмъ меня силой выда-
ли? (70 к.) Моряки. Дуэтъ. (1 р. 15 к.) Взомель на небо мѣ-
сяцъ ясный. (75 к.) Волшебный мракъ отрадной ночи. Дуэтъ.
(1 р. 15 к.)

ГУРНЕВЪ. Однозвучно гремить колокольчикъ и дорога пылится слегка. (60 к.)

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати: полная школа
для скрипки, съ примѣрами и упражненіями на русскомъ французскомъ и
нѣмецкомъ языкахъ, сочиненіе извѣстнаго *Д. Алапа*. Эта школа приня-
та для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи. Пѣна (6 р.)
Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ
и кѣмъ были бы они ни изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ,
на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе не менѣе, какъ на три руб.
сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ
на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ
ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер.,
пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точ-
нымъ и скорымъ исполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музы-
кальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ.
Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удо-
влетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою
отходящею почтою. Каталоги какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инстру-
ментовъ, а равно и преісъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются
при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя стру-
ны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и
Вьетаномъ. Преісъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

СРЕДСТВО ВЫГОНЯТЬ ВОЛОКИТЬ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ,

Н. КРЕСТОВСКАГО.

Подражаніе французской пословицы: Quand on veut tuer son chien.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ РОЖКОВЪ.** *г-нъ Мартыновъ.*
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА РОЖКОВА, жена его. *г-жа Орлова.*
АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ЛУБЯНСКІЙ, университетскій товарищъ
Рожкова, франтъ, объѣздившій Европу. *г-нъ Максимовъ.*
ЛИЗА, горничная Александры Михайловны, дочь кормилицы Рожкова. *г-жа Шубертъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на дачѣ Рожкова.

Театръ представляетъ комнату, изъ которой по срединѣ выходъ въ садъ. Налѣво дверь въ комнату Рожкова, направо дверь въ половину его жены. Столъ, диванъ, фортепьяно, пьядцы и прочее.

I.

ЛИЗА одна, готовя чай у стола и передразнивая голосъ и походку Рожкова, кричить:

Лиза! гдѣ мой галстухъ?.. Лизка! куда ты забросила мои перчатки?.. Елизавета! куда ты засунула мои подтяжки?.. (*своимъ голосомъ*). Вотъ точно такъ начинается утро у барина: по моему онъ просто растеряха... Ну, и съ другой стороны, не лучше муженька... (*дразня голосъ Рожковой*). Лиза! гдѣ мой корсетъ? Елизавета! подай туфли! Лиза! куда дѣвались духи, помада?.. (*своимъ голосомъ*). Ахъ! какъ похоже я передразнила барыню! У нея тоже каждое утро одна пѣсня! (*начиная убирать работу Рожковой и прочее, все больше приводитъ въ безпорядокъ, то сомнетъ, то уронитъ, говоря*). Ни мужъ, ни жена, никакого порядка не знаютъ, а виновата во всемъ я! (*снова передразнивая обоихъ*). Ты вѣтреница! ты дура! Я тебя выгоню! Попробуйте-ка... Да вы безъ меня оба пропадете!

РОЖКОВЪ (*нальво за кулисами*). Лизанька!

ЛИЗА (*складывая руки*). Вотъ, вотъ начинается!

РОЖКОВЪ. Куда ты дѣвала мой жилетъ?

ЛИЗА. А! сегодня ищетъ жилетку.

РОЖКОВЪ. И лакированныхъ сапожковъ не найду!

ЛИЗА. И сапоги разбросалъ. Вѣдь вотъ всегда какъ (*какъ будто снимая жилетъ и бросая, потомъ садясь въ кресла и сбрасывая съ ногъ башмаки*). Разъ, два, три! Право, право такъ, особливо какъ поздно воротится изъ гостей, только успѣвай подбирать!..

РОЖКОВЪ. Слышишь ли ты, Елизавета?

ЛИЗА. Не глуха, слушаю—съ (*ищетъ*). Куда дѣвались его сапожки? (*вынимая изъ-подъ креселъ жилетъ*). А! вотъ жилетка... Эта ужъ всегда навѣрное подъ креслами... А вотъ и сапоги у камина... (*взявъ одинъ сапогъ у камина*). Нѣтъ! Тутъ только одинъ, а гдѣ же другой? Посмотрите пожалуйста: а лѣвый вонъ куда, на фортепяно попалъ! Ха, ха, ха! Вотъ каковъ у насъ порядокъ!

РОЖКОВЪ. Лиза! смотри! я у дверей, я близко!..

ЛИЗА (*крича*). Несу, несу! Вотъ извольте взять! (*отдаетъ жилетъ и сапоги въ полуотворенную дверь*).

РОЖКОВЪ. Разиня!

ЛИЗА. Это вмѣсто спасибо.

РОЖКОВА (*направо за кулисами*). Елизавета!

ЛИЗА. А вотъ теперь и съ другой стороны.

РОЖКОВА. Лиза! Гдѣ мои щеточки?

ЛИЗА. Тамъ—съ, на полу: онъ вчера вечеромъ упали съ туалета.

РОЖКОВА. Хорошо. А гдѣ мой утренній капотъ?

ЛИЗА. Если вы не подняли его, то онъ долженъ быть все еще тамъ, въ проходѣ за кроватью...

РОЖКОВА. Да поди же сюда! Что ты тамъ дѣлаешь?

ЛИЗА. Да помилуйте, я все утро ухаживаю за бариномъ, и чай готовлю!

РОЖКОВА. У тебя ни въ чемъ нѣтъ порядка! О, я прогоню тебя!

ЛИЗА. Вотъ благодарность! Нѣтъ—съ, извините—съ: если бы не я, такъ у васъ бы весь домъ пошелъ вверхъ дномъ (*ставя небрежно стулъ къ чайному столу, роняетъ его*). Гм! Да я смѣюсь надъ этимъ! (*беретъ съ фортепяно ноты и кладетъ ихъ небрежно на горку, съ которой онъ падаютъ на полъ*). Вотъ если бы вы сами были аккуратны, такъ у васъ и въ домѣ былъ бы порядокъ; а то...

II.

РОЖКОВЪ, РОЖКОВА, выходить съ разныхъ сторонъ, и **ЛИЗА.**

РОЖКОВЪ (*безъ фрака*). А гдѣ это? (*показываетъ Лизѣ, что онъ въ одномъ жилетѣ*).

ЛИЗА. Что—съ?

РОЖКОВЪ (*подходя къ женѣ*). Что! (*цѣлуя руку у жены*). Здравствуй, мамочка.

РОЖКОВА (*садится размивать чай*). Bon jour. Ты вчера поздно воротился?

РОЖКОВЪ. Да; и вотъ, по милости этой дуры, не знаю когда выйду изъ дому! Гдѣ мое платье?

ЛИЗА. Какое платье?

РОЖКОВЪ. Она не знаетъ, какое платье! А это... что сверху то надѣвается... не знаешь? Изволь, я тебѣ растолкую: съ двумя рукавами, здѣсь пуговицы, и воротникъ, съ фалдами — понятно?

ЛИЗА. Вы видно, баринъ, все еще принимаете меня за деревенскую дуру? Я знаю, что вамъ нуженъ фракъ...

РОЖКОВЪ. Да гдѣ жъ онъ?

ЛИЗА. А куда вы его вчера дѣвали?

РОЖКОВЪ. Вотъ глупа! Я вчера изъ гостей пріѣхалъ въ сюртукъ... Гдѣ же фракъ?

ЛИЗА. Вспомнила! Онъ долженъ быть въ саду.

РОЖКОВЪ. Въ саду, фракъ?

ЛИЗА. Да-съ; я вчера вынесла его туда, чтобъ выколотить пыль, да и забыла.

РОЖКОВЪ. Да вчера всю ночь шелъ дождикъ...

ЛИЗА (*спокойно*). Что жъ, сударь, дождикъ! Это полезно въ нынѣшнее время... у насъ, въ деревнѣ, чай какая радость!

РОЖКОВЪ. Эта дѣвчонка полоумная какая-то!

РОЖКОВА (*хохочетъ при послѣднихъ словахъ*). Да полно, оставь ее; я тебѣ налила чаю.

РОЖКОВЪ (*подходя къ столу, говоритъ Лизѣ*). Пошла, принеси скорѣй! (*хочетъ сѣсть и видитъ опрокинутый стулъ*). Постой! Какъ я сяду? Научи меня, какъ сѣсть?..

ЛИЗА (*не видя упавшаго стула*). Что это, сударь, будто вы не знаете, какъ люди саятся? Это и маленькіе сами умѣютъ!

РОЖКОВА. Пошла вонъ! Ты ужасно глупа...

РОЖКОВЪ. Нѣтъ, мамочка, я хочу ей втолковать, вбить ей въ башку... Ну, смотри, какъ же я сяду, когда стулъ вверхъ ногами лежить?..

ЛИЗА (*поднимая стулъ*). Такъ бы вы и сказали! Кто это его уронилъ? Я приготовила чай, поставила стулья на мѣсто...

РОЖКОВЪ (*садясь*). Пошла же за фраккомъ!

ЛИЗА (*идя къ средней двери*). Ахъ, да... я было и забыла...

РОЖКОВА. Постой! а гдѣ мой шарло?

ЛИЗА (*подходя*). Какой шарло-съ?

РОЖКОВЪ. Она и этого не понимаетъ! Барынина собака! Мимишка?

ЛИЗА. Собака?

РОЖКОВЪ. Поди сюда! Знаешь ли ты, наконецъ, что значитъ собака? (*крича*). Собака, маленькое животное, сверху и снизу и со всѣхъ сторонъ покрытое шерстью... съ длинными ушами и съ маленькимъ хвостикомъ...

ЛИЗА (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Еще бы этого не знать! У насъ и пѣсна есть: «она ростомъ невеличка, хвостикъ закорючкой...»

РОЖКОВА (*мужу*). Перестаньте вы съ ней болтать глупости. (*Лизь*) Я тебя спрашиваю, гдѣ она? я все утро ее не видала...

РОЖКОВЪ. И я тоже...

ЛИЗА. Да и я тоже... ахъ, нѣтъ, позвольте, я видѣла, какъ она утромъ валялась по травѣ, а потомъ ползла къ садовой кадкѣ; но какъ у нея голова больше остальной части тѣла, то она съ головой и бултыхъ...

РОЖКОВА (*вскочивъ въ ужасъ*). Упала въ воду! утонула...

РОЖКОВЪ (*также вскочивъ*). То есть, потонула?

ЛИЗА (*спокойно*). Ничего-съ, вѣдь очень жарко... нынче всѣ купаются...

РОЖКОВЪ (*бѣжитъ къ Лизь*). Я утоплю эту дѣвку...

ЛИЗА (*бѣжитъ отъ него и, остановясь въ среднихъ дверяхъ, говоритъ*). Да не безпокойтесь, не сердитесь и не бойтесь, глядите, вонъ она въ саду сушится на солнышкѣ... (*щелкая губами и маня рукой*). Мимишка! Мимешечка! Посмотрите, какъ она развалилась на вашемъ платьѣ... (*снова приманиваетъ*).

РОЖКОВЪ. На моемъ фракѣ? (*дразня ее*) а ты губами глюкаешь, и такъ спокойно смотришь на это! Пошла, турни ее хорошенько!..

ЛИЗА. Да какъ я смѣю турнуть барынину любимую собачку?

РОЖКОВА (*идя и садясь за столъ*). Ужъ вы и турнуть? что за важность такая вашъ фракъ? Вы бы порадовались, что Мимишка не утонула... а то турнуть... невинное созданіе...

РОЖКОВЪ. Да нѣтъ, я не Мимишку, а я вотъ кого хочу турнуть.

ЛИЗА (*обидясь*). За что же, баринъ!

РОЖКОВА. Принеси Мими.

РОЖКОВЪ. Да кетати и фракъ захвати (*крича ей вслѣдъ*). Турну, турну!.. (*Лиза уходитъ*).

РОЖКОВА. Давно бы пора! Что вы привязались къ этой дѣвчонкѣ?

РОЖКОВЪ. Да какъ же ты, маточка, не понимаешь, что я ее держу для матери ея, моей кормилицы и нянюшки.

РОЖКОВА. Все это очень хорошо; ну, и пусть она живетъ такъ у насъ, а я бы взяла другую горничную...

РОЖКОВЪ. Нѣтъ, мамочка, оставь, потерпимъ еще; я хочу для моей старушки-нянюшки образовать, приучить эту деревенскую дурочку... она ужь теперь стала гораздо развязнѣе прежняго.

РОЖКОВА. Да для чего же вы человѣка, камердинера отослали въ переднюю? Ну, можетъ ли она за вами ухаживать?

РОЖКОВЪ. Ничего, я терпѣливъ; а притомъ я, по совѣту Лубянскаго, хочу жить на иностранный манеръ... онъ все жилъ за границей, и говоритъ, что тамъ даже въ гостинницахъ женщины служатъ...

РОЖКОВА. Мнѣ кажется, этотъ Лубянской все вздоръ вамъ болтаетъ: эти господа вояжеры вообще большіе лгуны...

РОЖКОВЪ. Антонъ Антонычъ не таковскій! Нѣтъ, ты его еще мало знаешь... онъ славный малый, весельчакъ... Я, признаюсь, люблю съ нимъ поболтать: вѣдь мы старинные товарищи по университету, даже однокашники: въ одномъ пансіонѣ были.

РОЖКОВА. Все это очень хорошо; но теперь, мнѣ кажется, онъ вамъ вовсе не пара...

РОЖКОВЪ. Ты его не жалуешь, это замѣтно.

РОЖКОВА. Напротивъ, мнѣ все равно; я даже сама люблю слушать его болтовню.

РОЖКОВЪ. Ну, а почему, почему онъ мнѣ не пара?

РОЖКОВА.

Вы заняты: вся ваша цѣль—служить;
Безъ цѣли онъ по свѣту развѣзжаетъ;
Вы отъ трудовъ заботитесь нажить,
Онъ безъ заботъ, какъ мотъ, все проживаетъ;
Вы добрый мужъ, онъ вѣтреникъ пустой,
А добрый мужъ—не пара холостому;
Притомъ онъ франтъ, повѣса, фатъ...

РОЖКОВЪ.

Постой

Ты сердисься повѣрь мнѣ попустому.

РОЖКОВА.

Я не сержусь.

РОЖКОВЪ.

Нѣтъ сердисься...

РОЖКОВА.

Притомъ,

Безъ васъ зачѣмъ онъ ѣздитъ?

РОЖКОВЪ.

Что жъ такое?

Иль выставить къ воротамъ мнѣ: *сей домъ,*

Жена и я — свободны отъ постола.

РОЖКОВА. Я такъ сказала, но мнѣ не нравятся манеры вашего друга.

РОЖКОВЪ. А что-жъ его манеры? Самыя парижскія... (*кладетъ пальцы за жилетъ*). Знать никого не хочу! (*ломаясь и закидывая голову назадъ*). Вотъ какъ мы—знай нашихъ!..

РОЖКОВА. Ха, ха, ха! Ты меня смѣшишь!

РОЖКОВЪ (*такъ же продолжая*). Жаль, что мнѣ не удалось побывать за границей, я бы еще не такъ заломилъ!

РОЖКОВА (*смѣясь*). Полноте, будьте тѣмъ, что вы есть: я васъ такъ гораздо больше люблю... а эта дерзкая манера, самонадѣянность, вотъ какъ у вашего Антона Антоныча, противна мнѣ.

РОЖКОВЪ. Да это только французская замашка, привычка, а онъ въ душѣ простой, добрый малый; притомъ онъ мнѣ другъ... Вотъ твоего дружка несутъ!

III.

ТѢ ЖЕ И ЛИЗА, съ фракомъ и съ собакой.

РОЖКОВА (*хватая собаку и лаская*). Мимишечка! душенька! тебя чуть не утопили!..

РОЖКОВЪ (*глядя въ окно*). А! вотъ и мой другъ верхомъ летитъ... легокъ на поминѣ! Посмотри, какимъ молодцомъ!

РОЖКОВА. Я уйду, я не хочу мѣшать вашей интересной бесѣдѣ. (*идетъ*).

РОЖКОВЪ. Да ты скорѣе приходи: мнѣ надо по дѣлу ѣхать; нельзя же гостя одного оставить.

РОЖКОВА. Хорошо, хорошо, тамъ увидимъ (*въ сторону*). Я боюсь этого человѣка! (*уходитъ*).

РОЖКОВЪ. Лиза! дай-ко фракъ; да скажи Антону Антонычу, что барыня за туалетомъ, а я сейчасъ только соберу бумаги... (*уходитъ*).

ЛИЗА И ЛУБЯНСКИЙ.

ЛИЗА (*убирая со стола*). Баринъ со двора, а гость на дворъ. Только сегодня что-то рано этотъ гость пожаловалъ: вѣрно не даромъ. Гм! барыня прескрытная: не заметишь за ней ужъ ничего. Впрочемъ, мнѣ какое дѣло? Тутъ пускай баринъ за порядкомъ смотреть... а этотъ гость порядочный плутъ!..

ЛУБЯНСКИЙ (*за кулисами*). Да, да, поводи ее немного по двору: она вся въ пѣнь! (*входя*). А! ты, крошка, здравствуй.

ЛИЗА. Здравствуйте, баринъ; только я не крошка... хоть и маленькаго роста.

ЛУБЯНСКИЙ. Чтó, Иванъ Ивановичъ, ушелъ?

ЛИЗА. Да, ушелъ... въ свою комнату... да не безпокойтесь, за бумагами: сейчасъ ѣдетъ куда-то.

ЛУБЯНСКИЙ. Ты маленькая ростомъ, а большая плутовка... (*взявъ ее за подборокъ*), зато прехорошенькая! (*сидясь на диванъ*). А я думалъ, онъ давно уѣхалъ въ свою контору... мнѣ даже показалось, что я съ нимъ встрѣтился... отчего же онъ такъ опоздалъ? чтó дѣлалъ дома?

ЛИЗА. А я почему знаю! Видѣла, что искалъ чего-то; онъ у насъ все теряетъ, ужъ такой уродился!

ЛУБЯНСКИЙ. Что-бы ему потерять свою жену?

ЛИЗА (*смѣясь*). А вы бы постарались ее найти?

ЛУБЯНСКИЙ. Послушай, плутовка, а что, Александра Михайловна говоритъ что нибудь съ тобою обо мнѣ? а? Да ну же, говори правду.

ЛИЗА.

А изъ какого интереса?

ЛУБЯНСКИЙ,

Но все узнать желалъ бы я?

ЛИЗА.

Она твердить, что вы повѣса...

ЛУБЯНСКИЙ.

Ужъ начала хвалить меня?

ЛИЗА.

Она васъ трусить и робѣть...

ЛУБЯНСКІЙ.

Бойтся? Ахъ! какъ ты мила!

ЛИЗА.

Лишь вы на дворъ—она блѣднѣть...
Разъ сорванцомъ васъ назвала!

ЛУБЯНСКІЙ (*весело*).

Какъ сорванцомъ? Она прелестна!

ЛИЗА.

Къ вамъ ненависть у ней въ крови!

ЛУБЯНСКІЙ.

Прекрасно! шагъ одинъ, извѣстно,
Отъ ненависти до любви?..

ЛИЗА.

Что въ васъ за смѣлость, хладнокровье?..

ЛУБЯНСКІЙ.

Привычка—больше ничего.

ЛИЗА.

А мужъ узнаетъ...

ЛУБЯНСКІЙ.

На здоровье:

Я самъ увѣдомлю его.

ЛИЗА (*съ учтивостью, но смѣясь*).

Ахъ, сударь! вы меня простите,
Но я какъ барыня скажу:
Что сорванецъ вы... извините... (*Блѣжитъ*).

ЛУБЯНСКІЙ.

Куда?

ЛИЗА (*въ дверяхъ*).

Отъ страха ухожу:

ЛУБЯНСКІЙ и **РОЖКОВЪ** съ портфелею.

РОЖКОВЪ. Извини, извини, душа моя, что заставилъ тебя ждать. Ну, какъ поживаешь? Спасибо, что пріѣхалъ... а я по дѣламъ.

ЛУБЯНСКІЙ. Я думалъ, что ты давно уѣхалъ?...

РОЖКОВЪ. Да, да, ужь пора! Столько накопилось дѣлъ—все проклятыя тяжбы!

ЛУБЯНСКІЙ. Охота тебѣ мѣшаться въ чужія дѣла!

РОЖКОВЪ. Слышите, какъ поговариваетъ? А вотъ у меня тутъ, (*показывая на портфель*) одно дѣльцо, касающееся до вашего брата, волокиты...

ЛУБЯНСКІЙ. А именно?

РОЖКОВЪ. Дѣло мужа и жены. Охъ, эти мнѣ Донъ-Жуаны! Жаль, что не отдають мнѣ въ передѣлъ этихъ волокитишекъ... ужь ты бы не увернулся у меня, разбойникъ!

ЛУБЯНСКІЙ (*хохоча*). А что ты думаешь! Пожалуй я скоро тебѣ попадусь.

РОЖКОВЪ (*весело, толкая его слегка*). Пошелъ, головорѣзь! Ты не видалъ Александрицу?

ЛУБЯНСКІЙ. Нѣтъ еще; я жду ее.

РОЖКОВЪ. Да неужели она до сихъ поръ наряжается?

ЛУБЯНСКІЙ (*идя къ двери*) Можно взглянуть?...

РОЖКОВЪ (*спохватясь*). Постой! И я дуракъ, спрашиваю объ этомъ у него! Я ужь видѣлъ ее; а только хочу проститься съ ней.

ЛУБЯНСКІЙ. А я хочу поздороваться,

РОЖКОВЪ (*оглядывая его и лубуясь*). Ахъ ты, повѣса, шалунъ, счастливчикъ! Тѣфу ты пропасть, какъ за границей вы формируетесь: ну, либо дорого посмотрѣть! Не то, что нашъ братъ-сидѣнь... да, да, слово и дѣло! Ну, кайся: есть-таки зазнобушка?

ЛУБЯНСКІЙ. Чудесная женщина!

РОЖКОВЪ. Замужняя?

ЛУБЯНСКІЙ. Да, замужняя!

РОЖКОВЪ. Въ кого-же ты влюбленъ?

ЛУБЯНСКІЙ. Да въ твою жену.

РОЖКОВЪ. Нѣтъ? право?

ЛУБЯНСКІЙ. Кромѣ шутокъ.

РОЖКОВЪ (*съ громкимъ смѣхомъ*). Да ты преуморительный!

ЛУБЯНСКІЙ. Ужь такой отъ природы.

РОЖКОВЪ. Ха, ха, ха! Вотъ настоящая французская шутка! Это

забавно! это уморительно! Ха, ха, ха! Точно видишь, или самъ этакъ представляешь какой нибудь веселенькій водевиль — чудесно! Такъ ты теперь начнешь куры строить моей женѣ?..

ЛУБЯНСКІЙ. Я ужь началъ.

РОЖКОВЪ (*въ томъ же тонѣ*). Давно ли? Ха, ха, ха!

ЛУБЯНСКІЙ. Да ужь недѣль шесть будетъ...

РОЖКОВЪ (*также*). О! не больше ли?

ЛУБЯНСКІЙ. Нѣтъ, честное слово: ровно шесть недѣль...

РОЖКОВЪ. Ну, посмотрите, пожалуйста, какъ умѣеть смѣшнить, самъ не улыбнется... точно какой нибудь комическій актеръ: ха, ха, ха!

Мартыновъ, Мартыновъ!

ЛУБЯНСКІЙ. Вотъ, кетати, я давно хотѣлъ тебя спросить: скажи пожалуйста, что надо дѣлать, чтобъ понравиться твоей женѣ?

РОЖКОВЪ. Да, это главное! Во-первыхъ, должно стараться понравиться Мимишкѣ; а во-вторыхъ, надо всегда имѣть при себѣ фисташки...

ЛУБЯНСКІЙ. Для кого?

РОЖКОВЪ. Для обѣихъ. Но я съ тобой заврался, а мнѣ пора (*беретъ портфель*). Не забудь о фисташкахъ!

ЛУБЯНСКІЙ. Все это глупости! У меня есть получше средство: надо просто похитить...

РОЖКОВЪ. Кого? Мимишку или Александрину?

ЛУБЯНСКІЙ. Да пожалуй обѣихъ... или нѣтъ: я оставлю собачонку тебѣ... а мы въ одинъ прекрасный день, когда ты будешь въ отъѣздѣ по должности, уѣдемъ въ Парижъ, въ Италію, пожалуй хоть въ Америку: я же тамъ никогда не бывалъ.

РОЖКОВЪ (*заливаясь смѣхомъ*). Ха, ха, ха! Да полно, перестань: ты уморишь меня со смѣху! Я и то забылъ съ тобой о дѣлахъ... а теперь и тамъ, вмѣсто серьезнаго занятія дѣлами, я все буду хохотать! А вотъ и жена съ своей Мими! Есть у тебя фисташки? Ха, ха, ха!..

VI.

ТѢ ЖЕ и РОЖКОВА съ собачкой.

РОЖКОВА (*въ сторону, входя*). Не ужели онъ останется безъ мужа? (*громко*). Здравствуйте, Антопъ Антонычъ.

ЛУБЯНСКІЙ. Съ добрымъ утромъ Александра Михайловна.

РОЖКОВА. Чему вы такъ смѣялись, Иванъ Ивановичъ?

РОЖКОВЪ. Да вотъ онъ съ часъ смѣшнить меня такими штуками, изъ которыхъ право можно сдѣлать десять водевилей.

РОЖКОВА. А, вотъ что!

РОЖКОВЪ. Мастеръ смѣшнить. Вообрази, онъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Послушай, однакожь.

РОЖКОВЪ. Онъ мнѣ сейчасъ признался, что...

ЛУБЯНСКІЙ (*старался его удержатъ*). Я тебя прошу... ты понимаешь, что это должно остаться между нами?..

РОЖКОВЪ. И такъ, Александрина, это между нами...

ЛУБЯНСКІЙ. Да помилуй! То, что я тебѣ говорилъ, не шутка, а серьезное дѣло! И потому...

РОЖКОВЪ (*хохоча*). А, прекрасно! Ты все еще продолжаешь? Въ такомъ случаѣ, я молчу... потому что ты въ самомъ дѣлѣ, не шутя, серьезно влюбился въ жену... меня же ждетъ подобное дѣло въ судѣ... я уйду и совѣтую тебѣ со мной отправиться... (*беретъ шляпу и надъвываетъ перчатки*).

ЛУБЯНСКІЙ. Нѣтъ, я останусь здѣсь.

РОЖКОВА (*въ сторону*). Какъ?

ЛУБЯНСКІЙ. Я скакалъ во весь галопъ съ Черной Рѣчки, и вѣрно Александра Михайловна позволитъ мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ?..

РОЖКОВА (*въ сторону*). Какая дерзость! (*громко*). Извините, мнѣ очень больно, но я не могу вамъ сдѣлать компанію: мнѣ надо ѣхать въ церковь...

ЛУБЯНСКІЙ. Понимаю, вероятно, вы боитесь остаться со мною наединѣ...

РОЖКОВЪ (*хохочетъ*). Ха, ха, ха! Нѣтъ, какова увѣренность!

РОЖКОВА. Это ужъ черезчуръ! Позвольте вамъ сказать, что вы ошиблись, и въ доказательство—я остаюсь.

РОЖКОВЪ (*Лубянскому*). Что, попался, попался?..

ЛУБЯНСКІЙ (*Рожкову*). Я тебѣ отвѣчу на это послѣ... Но только не мѣшай мнѣ...

РОЖКОВЪ. Что мѣшать, когда ты и безъ меня помѣшался... Ну, прощай, Донъ-Жуанъ, до свиданья, до скорого свиданья! (*Подходя къ жепъ*). Ты не сердись на него, мамочка... знаешь, это французская манера, шутка, вздоръ, шалость! (*Уходитъ. Лубянский провожаетъ его до двери*).

РОЖКОВА (*на авансценѣ*). А, г. парижанинъ! посмотримъ, долго ли вы сохраните въ себѣ эту увѣренность! (*Лубянский открываетъ окно и глядитъ въ него*):

РОЖКОВЪ (*за сценой*). Что ты смотришь въ окно?

ЛУБЯНСКІЙ. Хочу увѣриться, точно ли ты уѣхалъ.

РОЖКОВЪ (*тамъ же*). Ха, ха, ха! Очень, очень хорошо! Заба-

вникъ ты просто! (*слышенъ стукъ экипажа; Лубянской затворяетъ окно*).

ЛУБЯНСКІЙ. Не стоить благодарности. (*Подходя впередъ*). Наконецъ уѣхалъ! На этотъ разъ онъ былъ бы лишній...

РОЖКОВА. Послушайте, на этотъ разъ я согласна съ мужемъ; вы точно помѣшались, вы съ ума сошли.

ЛУБЯНСКІЙ. Я и не спору: это очень натурально.

РОЖКОВА (*саясь на диванъ и лаская собачку*). Не правда ли, Мими, что Антонъ Антонычъ сумасшедшій?

ЛУБЯНСКІЙ (*нѣжно облокотясь на спинку дивана*). Александрина!

РОЖКОВА (*посль движенія негодования, говоритъ шутя собачкѣ*). Мими, знаешь ли для чего Антонъ Антонычъ позволяетъ себя называть меня просто Александриной?..

ЛУБЯНСКІЙ. Простите... но неужели вы до сихъ поръ не вѣрили моей любви?..

РОЖКОВА (*та же игра*). Мими, вѣришь ли ты любви Антона Антоныча?

ЛУБЯНСКІЙ (*про себя*). А! такъ такъ—то! (*нагибаясь и лаская собачку*). Мими! Знаешь ли ты, что твоя барыня хороша какъ геній?

РОЖКОВА (*съ достоинствомъ*). Послушайте г. Лубянской...

ЛУБЯНСКІЙ. Я вѣдь это не вамъ говорю, Александра Михайловна. (*продолжая ласкать собачку*). Знаешь ли ты, что во всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ бѣлѣе ручекъ, какъ у твоей барыни, (*цѣлуетъ руку Рожковой*).

РОЖКОВА. Г. Лубянской...

ЛУБЯНСКІЙ. Это нечаянно: я хотѣлъ поцѣловать Мимишку, виновать...

РОЖКОВА (*вставая, переходитъ къ столу и садится*). Послушайте: до сихъ поръ я не обращала вниманія на болтовню и на всѣ глушости ваши, думая, что это такъ, шутки, заграничная вольность...

ЛУБЯНСКІЙ (*переходя и подходя къ ней, садится также*). Все таки это ваша вина...

РОЖКОВА (*перебивая*). Положимъ; но теперь я васъ покорнѣйше прошу все кончить: это сердить, оскорбляетъ меня.

ЛУБЯНСКІЙ. Отчего же?

РОЖКОВА. Отчего! Мнѣ кажется, что вы просто дурачите меня, смѣетесь надо мною...

ЛУБЯНСКІЙ. Я? Позвольте узнать, почему вамъ такъ кажется?

РОЖКОВА. Позвольте васъ спросить, какъ назвать эти намеки, эти

полуслова, всю эту любовную болтовню, которой вы надѣдаете мнѣ въ продолженіе шести недѣль?

ЛУБЯНСКІЙ. Таѣъ позвольте и васъ спросить: какъ называютъ всѣ эти разговоры, всѣ эти страстные слова, которыя твердятъ влюбленные въ продолженіе всѣхъ вѣковъ? Они говорятъ, но сами не знаютъ, что говорятъ; они слѣдуютъ только влеченію своего сердца. И вотъ доказательство: я самъ не знаю, не помню, даже не обращалъ вниманія на то, что говорилъ вамъ въ продолженіе шести недѣль. Это потому, что я васъ люблю.

РОЖКОВА. Можетъ быть; но вы забыли, что вамъ пора ѣхать!

ЛУБЯНСКІЙ. Я не такъ глупъ!

РОЖКОВА. Что-съ?

ЛУБЯНСКІЙ. Согласитесь сами: это я былъ бы очень неловокъ, еслибъ уѣхалъ въ такую минуту...

РОЖКОВА. Какая минута? Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать.

ЛУБЯНСКІЙ (*съ увлеченіемъ*). Минута, когда...

РОЖКОВА (*холодно*). Когда начинаютъ завираться?

ЛУБЯНСКІЙ (*также*). Именно.

РОЖКОВА (*съ умышленной холодностью*). Посмотрите-ка, который часъ?

ЛУБЯНСКІЙ (*также*). Безъ пяти минутъ 20-е іюня.

РОЖКОВА. Ну, а какой же сегодня день?

ЛУБЯНСКІЙ. (*смотритъ на часы*). 1846-й... сегодня ровно 1000 лѣтъ существованію Москвы...

РОЖКОВА (*лаская собачку*). А!

ЛУБЯНСКІЙ. Скажите по правдѣ, Александрина, вѣдь вы меня любите... ну такъ, хоть немножко?..

РОЖКОВА. Да съ чего вы это берете?

ЛУБЯНСКІЙ. Ну, хоть думаете обо мнѣ...

РОЖКОВА. Я думаю объ васъ?

ЛУБЯНСКІЙ. То есть, о моей любви. Согласитесь, вѣдь правда?

РОЖКОВА (*смущаясь*). Сдѣлайте одолженіе, я васъ прошу, поговорите о другомъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Что? Бойтесь? не смѣете отпираться? Все равно: съ меня и этого довольно...

РОЖКОВА (*въ большомъ смущеніи*). Еще разъ—уѣзжайте!.. Вы не должны быть здѣсь. Я виновна ужъ въ томъ, что слушаю васъ... и если мой мужъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Онъ тамъ, въ конторѣ, скрипитъ перомъ.

РОЖКОВА (*съ чувством*). Да, онъ работаетъ, трудится для меня...

ЛУБЯНСКІЙ. То есть, для своего кармана....

РОЖКОВА (*съ ужасомъ*). О! вы человекъ безъ сердца!

ЛУБЯНСКІЙ. А какъ же этотъ обманщикъ, мой докторъ, лечитъ меня отъ біенія сердца?

РОЖКОВА. Теперь я могу удивляться только добротѣ моего мужа: онъ, бѣдный, вѣрилъ вашей дружбѣ и любви къ нему....

ЛУБЯНСКІЙ. Да я вовсе не люблю вашего мужа, не хочу, чтобъ онъ вѣрилъ мнѣ, я его даже терпѣть не могу!

РОЖКОВА (*смѣясь*). Это наконецъ изъ рукъ вонъ! Можно ли такъ прямо говорить женѣ о своей ненависти къ ея мужу?...

ЛУБЯНСКІЙ. Можно, потому что правда: я также прямо говорилъ мужу о любви къ его женѣ.

РОЖКОВА. За что же вы ненавидите моего Ивана Ивановича?

ЛУБЯНСКІЙ. За что? за что? Помилуйте! Еще въ пансіонѣ, съ самага нѣжнаго возраста

Случалось, вашъ Иванъ Ивановичъ

Уроки за меня писалъ,

И чтожъ? За это вѣчно на ночь

Мои гостинцы пожиралъ.

РОЖКОВА (*говоритъ, смѣясь*).

Это ужасно!

ЛУБЯНСКІЙ (*продолжаетъ пѣть*).

Онъ былъ сильнѣй всѣхъ между нами;

У всѣхъ насъ булки уносилъ!

Заплачу—въ голову щелчками;

Разъ чуть меня не укусилъ.

РОЖКОВА (*также*).

Возможно ли?

ЛУБЯНСКІЙ.

Его мы прозвали обжорой:

При немъ ужъ плохо не клади;

Толстякъ былъ, но проворный, скорый.

Въ фдѣ и въ классахъ впереди.

РОЖКОВА.

Ну, и все тутъ?

ЛУБЯНСКІЙ

Нѣтъ. Чтобъ награды брать, учился
На зло мнѣ, лучше моего :
Какъ лошадь онъ весь день трудился,
А я не дѣлалъ ничего!

РОЖКОВА. (съ насмѣшкою.)

Да, это низко съ его стороны!

ЛУБЯНСКІЙ.

Мнѣ очень понравились актрисы.
Гляжу—давно ужъ онъ попалъ
Волевилистомъ за кулисы,
И фельетонщикомъ въ журналъ!
Я за границу; онъ женился
И взялъ красавицу одну...
Пріѣхавъ, надо чтобъ влюбился
Я именно въ его жену!..

И вы хотите, чтобъ я любилъ этого человѣка? Никогда! Нѣтъ! Я
отмщу ему! И если вы вѣрите моимъ жалобамъ на него и захотите
помочь моему мщенію....

РОЖКОВА (шутя). Вы меня смѣшите Ну положимъ, что ваши жа-
лобы на бѣднаго Ивана Иваныча и важны и справедливы; но у ме-
ня нѣтъ ничего, за что бы я могла жаловаться на мужа....

ЛУБЯНСКІЙ. О, полноте! Если поискать хорошенько...

РОЖКОВА. Нѣтъ, не для чего и трудиться.

ЛУБЯНСКІЙ (не слушая ее и продолжая). Вы нашли-бы 36 при-
чинъ любить меня и столько же причинъ не любить его.

РОЖКОВА. Почему же именно 36?...

ЛУБЯНСКІЙ. Ни больше, ни меньше: это вѣрный счетъ. Во-первыхъ...

РОЖКОВА (перебивая). Нѣтъ, долго надо считать, а мнѣ пора ѣхать.

ЛУБЯНСКІЙ (удерживая). А во вторыхъ, это не-возможно: ужас-
ный дождикъ... Посмотрите, льетъ какъ изъ ведра. Ну-съ, а треть-
ихъ.... вы не знаете, что я самъ для васъ отказался отъ блестящей
партіи!

РОЖКОВА. Кажется, я васъ объ этомъ не просила?

ЛУБЯНСКІЙ. Конечно нѣтъ; но все таки это стоить чего нибудь:
человѣкъ, который хочеть утонуть, не просить спасать его.... но если
его вытаскать изъ воды, все таки за это ему благодарны!

РОЖКОВА. Вы сумасшедшій!

ЛУБЯНСКІЙ. Былъ, есть и буду, потому что, любя васъ, не только отказался отъ невѣсты и отъ хорошаго мѣста, но даже готовъ отказаться отъ самой жизни!... Вы помните непріятность, которую хотѣлъ нанести вамъ извѣстный шалунъ въ Павловскѣ? Мужъ вашъ побѣждалъ съ вами въ толпу, а я вызвалъ обидчика на дуэль.

РОЖКОВА. Да, да, мнѣ мужъ сказывалъ, что этотъ господинъ при всѣхъ извинялся передъ нимъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Да; когда онъ не принялъ вызова, я заставилъ его извиниться.

РОЖКОВА. Но если бы дуэль состоялась? Вы также могли быть убиты.

ЛУБЯНСКІЙ. Такъ что жъ? Тогда бы я не могъ вамъ помѣшать вѣхать со двора.

РОЖКОВА. И вы можете такъ легко говорить...

ЛУБЯНСКІЙ (*перевизавъ*). О моей жизни? О, Боже мой! Вы конечно не повѣрите, но я охотно бы отдалъ эту жизнь за одинъ день вашего вниманія... нѣтъ! Это ужъ черезчуръ мало! но за мѣсяць... быть любимымъ вами мѣсяць... Это такое блажен... нѣтъ, нѣтъ! Буду говорить откровенно: вѣдь я себя знаю, при такомъ блаженствѣ я ни за что бы не рѣшился умереть такъ скоропостижно! Лучше я уйду, чтобъ вы не смѣялись надо мною... да, лучше теперь я убѣгу отъ васъ!... (*идя въ сторону*). Кажется, наконецъ подѣйствовало! (*возвращаясь*) Но честное слово: я васъ любилъ такъ, какъ никогда и никого любить не буду... и какъ никто и никогда васъ любить не будетъ!... (*въ сторону*) Пока будетъ (*идеть*).

ЛУБЯНСКІЙ (*возвратясь снова и напѣвая ей на ухо*).

Вашъ мужъ, во-первыхъ, васъ не любить,

Когда всю жизнь на дѣло губить;

Его вся цѣль—не съ вами жить,

А какъ бы капиталъ нажить;

Хоть онъ не ходитъ за кулисы,

Но съ нимъ знакомы всѣ актрисы;

Просительница молода,

Онъ дѣло тотчасъ-же — сюда:

И здѣсь кривитъ душой за глазки,

Ему скажи лишь слово ласки —

Иль просто нѣжное слово...

(*Въ это время входитъ изъ середины Лиза; онъ, показывая тихо на нее,*)

Да вотъ улыка налицо!

(*Уходя, Лизъ*).

Прощай, крошка! Ты пришла кетати.

VII.

РОЖКОВА и ЛИЗА (ищетъ что-то).

ЛИЗА (смотря ему въ слѣдъ). Опять крошка! Самъ бѣжитъ и говоритъ, что я пришла кетати — странно!

РОЖКОВА (въ сторону, смотря на Лизу). Неужели все это правда? Нѣтъ, нѣтъ! быть не можетъ! (Лизъ) Поди; мнѣ ничего не надо! (ходитъ и говоритъ про себя) А этотъ повѣса.... Неужели ояъ такимъ способомъ надѣется завлечь меня?

ЛИЗА (идя за нею). Барыня, гдѣ ваши ботинки, которыя вы изволили надѣвать вчера?

РОЖКОВА (не замѣчая ее, продолжаетъ также). А по правдѣ сказать, хотя многіе ухаживали за мною до свадьбы, но они не такъ были ловки....

ЛИЗА (также). А можетъ быть, онѣ и теперь на ногахъ?... (во время ея рѣчи) Что-съ?

РОЖКОВА (также). Но все равно; какъ вы ни ловки, мой мужъ не будетъ стрѣляться за меня, это также вѣрно.

ЛИЗА (нагибаясь и останавливая ее). Такъ онѣ точно не вась?

РОЖКОВА (съ удивленіемъ). А! Что? Что тебѣ надобно?

ЛИЗА. Я спрашиваю васъ про ботинки.

РОЖКОВА (сложивъ руки). Ну, что же вамъ угодно знать?

ЛИЗА. Куда вы ихъ положили?

РОЖКОВА (съ досадой). Нѣтъ! это ужъ черезчуръ! Да развѣ это мое дѣло?

ЛИЗА. Здѣсь все пропадаетъ!

РОЖКОВА. А кто виновать? (садится за свою работу. Лизъ) гдѣ шерсть?

ЛИЗА. Шерсть? (ищетъ вокруг нея) Позвольте. Ахъ, да! я знаю гдѣ она (поднимаетъ шерсть изъ-подъ стола и подаетъ).

РОЖКОВА. Вѣдь ты же туда ее забросила?

ЛИЗА. А почему жъ она сама не могла завалиться?

РОЖКОВА (въ сторону). О терпѣніе! (громко) Сдѣлайте одолженіе, нельзя ли мнѣ дать мои ножницы?

ЛИЗА. Очень можно, если я только ихъ найду. (ищетъ).

РОЖКОВА. Каково!

ЛИЗА. Не сердитесь.... теперь я вспомнила, гдѣ они. (Идетъ къ окну и открываетъ его).

РОЖКОВА (*про себя*). Но, признаюсь, если бы я этого человека видѣла часто, его шалости...

ЛИЗА (*принося ножницы*). Такъ и есть: вотъ они, а вы сердитесь.

РОЖКОВА. Гдѣ же онѣ были?

ЛИЗА. За окномъ.

РОЖКОВА. Какъ за окномъ?

ЛИЗА. Да такъ, просто за окномъ.

РОЖКОВА. Стало-быть, ты ихъ нарочно туда положила?

ЛИЗА. Зачѣмъ же мнѣ нарочно ихъ туда класть?

РОЖКОВА. Затѣмъ, что ты вѣтренница!... я вижу, что тебя баринъ баяуетъ ... и потому у насъ здѣсь все въ безпорядкѣ, не на мѣстѣ, не убрано, не прибрано!...

ЛИЗА. Да-съ, я знаю, я у васъ всегда виновата! (*она схватываетъ отъ нея пальцы и быстро несетъ ихъ къ окну, говоря*) Вотъ послѣ этого хлопочи, трудись!

РОЖКОВА. Да помилуй, что ты это еще дѣлаешь!

ЛИЗА. Вы видите, ставлю на мѣсто вашу работу; вѣдь вы сами приказывали пальцы къ окну ставить? (*беретъ съ пальца шерсть и суетъ ее въ столикъ*).

РОЖКОВА. Да что ты дѣлаешь съ шерстью, ты изомнешь ее!..

ЛИЗА. Помилуйте! я убираю ее!

РОЖКОВА (*вставая*). Нѣтъ! кажется и ты хочешь разсердить меня!...

ЛИЗА. Сейчасъ вы сами говорили, что у насъ все не убрано и не прибрано: все въ безпорядкѣ и не на мѣстѣ... а теперь сами же не хотите, чтобъ я заводила порядокъ и убирала все на мѣсто! Извольте-съ, я ничего не буду прибирать. (*уходитъ*).

РОЖКОВЪ. А! Вотъ и мой!

VIII.

РОЖКОВА и РОЖКОВЪ (*съ кучей бумагъ*).

РОЖКОВЪ. Вотъ и я! Усталъ, но зато отличное дѣльцо покончилъ! Теперь только остается приложить печать. (*Она сидитъ; онъ цѣлуетъ ее въ плечо*).

РОЖКОВА. Охъ, какъ вы чмокаете!...

РОЖКОВЪ. Это моя печать.

РОЖКОВА. Что за выраженье!

РОЖКОВЪ. Подъяческое? А Лубянской уѣхалъ?

РОЖКОВА. Видите, что его нѣтъ.

РОЖКОВЪ. Вижу; но это всегда такъ говорится... (*заглядываетъ ей въ лицо*) Что съ тобой, мамочка?

РОЖКОВА. Отвыкайте, пожалуйста, отъ этихъ мужицкихъ словъ! Вы не съ горничной обходитесь.

РОЖКОВЪ. Съ горничной? Это что за сравненье?

РОЖКОВА. Ничего: съ ней вы можете такъ любезничать!

РОЖКОВЪ. Да помилуй, ты сама говорила, что любишь, когда я тебя зову мамочка...

РОЖКОВА. Что вы, что вы на меня сочиняете!

РОЖКОВЪ. Какъ сочиняю? (*юля передъ ней*). А помнишь третьего дня, послѣ завтрака!

РОЖКОВА. Терпѣть не могу, когда вы изъ себя начнете строить дурака!

РОЖКОВЪ (*сдѣлавъ вдругъ серьезную гримасу*). Вотъ тебѣ разъ! Ну, теперь поневолѣ запоѣшь: «чѣмъ тебя я огорчила»?...

РОЖКОВА. Какъ это остроумно!

РОЖКОВЪ (*ходя по сценѣ*). Да что съ ней сдѣлалось?

РОЖКОВА. Что это у васъ сапоги-то, не съ музыкой ли?

РОЖКОВЪ (*играя брелоками*). Да, они со скрипомъ немножко...

РОЖКОВА (*вставая*). А къ часамъ точно колокола привѣшены! какая пріятная гармонія — сапожный скрипъ съ колокольнымъ звономъ!... Да впрочемъ, вы и похожи на деревенскаго звонаря!

РОЖКОВЪ. Это ни на что не похоже! Ужъ мнѣ нельзя и брелоками поиграть! Вѣдь ты же сама мнѣ такія выбрала. Ну, изволь, я не буду (*перестаетъ играть брелоками*).

РОЖКОВА. Вы, пожалуй, скажете, что я надѣла вамъ и эти огромные воротнички, въ которыхъ вы похожи на букетъ въ бумагѣ.

РОЖКОВЪ (*отворачивая воротнички*). Я могу ихъ отворотить.

РОЖКОВА. А теперь вы точно котлета въ папильѣткѣ!

РОЖКОВЪ. Тыфу ты прощастъ! Нельзя же мнѣ посвятить на то жизнь, чтобъ учиться повязывать галстухи; это простительно тому, кто ничего не дѣлаетъ, вонъ какъ Лубянской, напрімѣръ.

РОЖКОВА (*начинаетъ терять терпѣніе*). Лучше бы вы учились повязывать галстухи, чѣмъ ухаживать за своими просительницами....

РОЖКОВЪ. Что, что такое?

РОЖКОВА. А для чего на прошедшей недѣлѣ эта хорошенькая дамочка просидѣла у васъ два часа въ кабинетѣ?

РОЖКОВЪ. По случаю ссоры съ мужемъ: у нихъ тяжба.... Бѣдная

женщина! она все это время плакала; мнѣ было скучно; но ты понимаешь, не могъ же я ее выгнать.

РОЖКОВА. Ну да, конечно, вы утѣшали ее?

РОЖКОВЪ. Да, я... то есть нѣтъ... а я только взялъ бумаги отъ нея и просматривалъ ихъ...

РОЖКОВА. Еще вопросъ: по какой причинѣ эта дама поссорилась съ мужемъ?..

РОЖКОВЪ. Ея мужъ ведетъ себя дурно, дѣлаетъ разныя глупости...

РОЖКОВА. О! если всѣхъ мужей, которые дѣлаютъ глупости и ведутъ себя дурно, приводить въ судъ, то васъ...

РОЖКОВЪ. Что ты хочешь этимъ сказать?

РОЖКОВА. А то, что вы еще прошедшей зимой, въ собраніи, вели себя очень неприлично... Я все знаю...

РОЖКОВЪ. Да что ты знаешь?

РОЖКОВА. То, что вы тамъ до того затанцовались съ какой-то актрисой, что не поклонились моей тетускѣ.

РОЖКОВЪ. Ахъ, да! точно я былъ виноватъ передъ старушкой и извинялся; но я танцевалъ вовсе не съ актрисой... да и тетушка меня простила...

РОЖКОВА (съ обидой). И что за бѣда, помилуйте, это ничего не значить: тетушка не важная женщина, да и всѣ мои родные не стоятъ того, чтобъ обращать на нихъ вниманіе.

РОЖКОВЪ. Что ты такое говоришь?

РОЖКОВА (также). Отецъ мой художникъ: ужъ для него и то большая честь, что вы вѣтупили въ родство съ нимъ.

РОЖКОВЪ. Александрина!

РОЖКОВА (увлекаясь болѣе). Но если вы стыдитесь моего отца и моей матушки, за то дочь ихъ не краснѣетъ при нихъ, и она возвратится къ тѣмъ, которые истинно любятъ, которые всегда будутъ любить...

РОЖКОВЪ (остолбенѣвъ). Александра Михайловна! что съ вами? я не понимаю...

РОЖКОВА (перебивая и говоря все очень скоро). Не понимаете? Очень вѣрно, потому что въ васъ нѣтъ довольно деликатности чувствъ, чтобъ понять, какъ больно для женщины, когда ее упрекаютъ бѣдностью...

РОЖКОВЪ. Я? я тебя упрекаю?..

РОЖКОВА (также). Простымъ происхожденіемъ...

РОЖКОВЪ (хочетъ остановить). Но... я...

РОЖКОВА. Когда сватались, вы знали, что я не графиня, не княгиня какая нибудь...

РОЖКОВЪ (разгорячась). О! Да что-жь это, въ самомъ дѣлѣ! я...

РОЖКОВА (*перебивая, поетъ*)

Я была—вы это знали —
Не графиней, не княжной...

РОЖКОВЪ (*желая перебить ее*)

Я!..

РОЖКОВА.

Если денегъ вы искали,
Обвѣчались бы съ другой.

РОЖКОВЪ (*также*).

Ты!..

РОЖКОВА.

Да и мнѣ бь найти другаго,
Лучше васъ — немудрено:

РОЖКОВЪ.

Ты!..

РОЖКОВА,

Что я? Госпожа Рожкова!
Ну, ужь имя! Мнѣ смѣшно!

РОЖКОВЪ.

Вы!..

РОЖКОВА.

Я не ѣмъ, не сплю, лью слезы,
И терплю отъ васъ все зло...

РОЖКОВЪ (*потерявъ терпѣніе кричитъ и топаетъ ногой*).

Но!

РОЖКОВА.

Это что еще? Угрозы!
А! когда на то пошло...
Плакать васъ заставлю:
Навсегда оставлю,
Я къ роднымъ уйду...
Я на все пойду!..

Злитесь, стерегите,

Все кругомъ заprite,

Это рѣшено:

Я прыгну въ окно!

Если здѣсь остаться,

Мучиться, терзаться...

Я съ ума сойду!

Нѣтъ! уйду, уйду!...

(Уходя, повторяет скороговоркой.)

Уйду, уйду, уйду!..

(Она, въ ужасномъ гнѣвѣ, уходитъ нальво и захлопываетъ за собою дверь, подвѣсивъ Рожкову, который хотѣлъ слѣдовать за нею).

IX.

РОЖКОВЪ И ЛУБЯНСКІЙ, который, войдя при концѣ пѣнія, стоитъ въ отдаленіи до тѣхъ поръ, какъ Рожкова уходитъ.

ЛУБЯНСКІЙ. Bravo! Да у васъ, кажется, вышла отличная ссора?

РОЖКОВЪ (ходя скоро, въ недоумѣніи) А, это ты? (самъ съ собою) Что такое? Отчего? Почему? За что? Понять не могу!

ЛУБЯНСКІЙ. Я нарочно забылъ здѣсь хлыстикъ, чтобъ была причина воротиться.

РОЖКОВЪ (безъ вниманія). Что?

ЛУБЯНСКІЙ. И слышалъ послѣднія слова вашей сцены...

РОЖКОВЪ (пожимая ему руку). Ахъ, мой другъ! Какая страшная сцена!..

ЛУБЯНСКІЙ. Славно! Значить, я явился кетати?

РОЖКОВЪ. Какъ кетати? Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ: ты съумѣешь ее урезонить...

ЛУБЯНСКІЙ. Съ чего ты это взялъ? Напротивъ, я настрою ее...

РОЖКОВЪ. Какъ?

ЛУБЯНСКІЙ. Да такъ; если твоя жена разлюбила тебя, то меня любить, потому что, понимаешь, вѣдь надо же ей кого нибудь любить.

РОЖКОВЪ. Э! ты опять за давешнее! Охота тебѣ врать пустяки, когда я такъ разстроень?..

ЛУБЯНСКІЙ. Безтолковый! Я тебѣ говорю серьезно... ну, вы не сошлись въ нравахъ, не можете жить вмѣстѣ, теперь она хочетъ ѣхать въ Германію, къ матушкѣ—ну, и пусть ѣдетъ... У насъ за границей это такъ обыкновенно: она уѣдетъ, я провожу ее, а ты успокоишься, начнешь жить по холостому...

РОЖКОВЪ. Убирайся къ чорту съ своими глупостями! Мнѣ теперь не до смѣху...

ЛУБЯНСКІЙ. Я поищу жену твою въ саду... вѣдь я объдаю съ вами.

РОЖКОВЪ (*съ досадою дразня его*). Съ вами, съ вами! Она теперь и къ обѣду не вылететь!

ЛУБЯНСКІЙ. Ты только успокойся, а это ужь мое дѣло.

РОЖКОВЪ. Такъ сдѣлай одолженіе, устрой это какъ нибудь. Я просто голову теряю!..

ЛУБЯНСКІЙ (*уходя, въ сторону*). Мнѣ непременно надо еще съ ней поговорить (*уходитъ*).

РОЖКОВЪ (*снова начинаетъ ходить*). Не понимаю, не понимаю! Я, который распутывалъ самыя казусныя дѣла.. я, кому всё крючки, всё увертки, всё противозаконныя штуки знакомы, какъ свои пять пальцевъ—я становлюсь въ тупикъ, не знаю, не понимаю, не могу отгадать, что сдѣлалось съ женой!.. Все ее сердить, все беспокоить... и эти проклятыя брелоки! — (*срываетъ съ цепочки и бросаетъ*). И эти скрипучіе башмаки—чтобъ имъ провалиться! (*сбрасываетъ съ ноги одинъ башмакъ и, ходя въ чулкъ, говоритъ*). Однако быть не можетъ, чтобъ тутъ чего не было. Нѣтъ дѣйствія безъ причины. А что, какъ она слержитъ слово в уѣдетъ? Бѣда, бѣда! Да нѣтъ, я самъ глупъ, какой я мужъ? я просто—баба!

X.

РОЖКОВЪ и **ЛИЗА** входят, ищетъ чего то.

ЛИЗА. Смѣшно право, куда я дѣвала мою косынку?

РОЖКОВЪ (*ходя*). Надо еще разъ объясниться съ нею! А, вотъ Лиза! Гдѣ жена моя?

ЛИЗА (*сама съ собой*). Ни тамъ, ни здѣсь ее нѣтъ!

РОЖКОВЪ. Неужели? Посмотри хорошенько...

ЛИЗА. Ужъ я и то вездѣ искала.

РОЖКОВЪ. А въ саду? Лубянской пошелъ туда...

ЛИЗА. Что ей дѣлать въ саду? Ужъ я и въ кухнѣ была, и въ буфетѣ искала...

РОЖКОВЪ. Въ буфетѣ! Жену мою въ буфетѣ?..

ЛИЗА (*въ сторону*). Что онъ это городитъ?

РОЖКОВЪ (*крича*). Я тебя спрашиваю: глѣ барыня?

ЛИЗА (*также*). А я почему знаю?..

РОЖКОВЪ. Да нѣтъ! Я точно слабъ, я не мужъ, я не хозяинъ въ домѣ, я баба, дрянъ... не только жена, даже эта дрянъ-дѣвчонка кричитъ на меня! Вонъ, вонъ изъ дому! Я давно до тебя добираюсь!..

ЛИЗА. Я знаю, у васъ вѣрно есть другая горничная на примѣтъ... Это всегда такъ дѣлается: какъ захотятъ обидѣть и прогнать бѣдную дѣвушку, то и начнутъ придираться и къ тому и къ сему...

РОЖКОВЪ. Ты еще разеуждаешь!

ЛИЗА (*продолжая*). Это всегда такъ бываетъ! Вонъ и жены нѣкоторыя: какъ прогнѣваются и начнутъ бѣднягу муженька помыкать и туда и сюда...

РОЖКОВЪ (*приходя въ себя, и обращая особенное вниманіе на ея слова*). Что, что ты говоришь?

ЛИЗА. Я вѣдь подслушивала, какъ васъ барыня то честила... но это не мое дѣло...

РОЖКОВЪ. Отвѣчай мнѣ, или я убью тебя!

ЛИЗА (*хочетъ бѣжать*). Ай! Я убѣгу!

РОЖКОВЪ. Постой! Куда?

ЛИЗА. Вы меня выгоняете...

РОЖКОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Лизанька, душенька, не сердись, подожди! Ты подслушала, какъ меня жена бранила? Стало быть, ты все подслушиваешь.. умница, пай, вѣдь ты мнѣ не чужая: твоя мать вынянчила меня... Ты растеряха... но я тебя держу для матери твоей... (*сквозь слезы*) Ты должна мнѣ все сказать: ты видишь, какъ я разстроенъ...

ЛИЗА (*плача*). Вижу, сударь. Мнѣ васъ очень жаль... вы тоже большой растеряха... вонъ и теперь вы безъ башмака ходите...

РОЖКОВЪ (*грустно*). Надѣнь, надѣнь и говори... Я человекъ потерянный!

ЛИЗА (*взявъ башмакъ и надѣвая*). А жена не башмакъ: ее не скинешь! Вотъ вамъ и надо смотрѣть въ оба...

РОЖКОВЪ. Правда, правда. Ну, кто же здѣсь на примѣтъ?

ЛИЗА. На какой примѣтъ? Да этотъ франтъ чуть не живетъ у насъ...

РОЖКОВЪ (*пораженный мыслью*). Лубянской?..

ЛИЗА. Я подслушала, что онъ сегодня напѣвалъ барынь...

РОЖКОВЪ (*стуча себя въ голову*). Ахъ, я слѣпецъ, глупецъ! Что же ты подслушала?

ЛИЗА. Онъ все хвалилъ ее и ругалъ васъ; да что-то говорилъ ей и про меня...

РОЖКОВЪ. И она любитъ его?

ЛИЗА. Ну, этого я не замѣтила; она больше, кажется, боится его...

РОЖКОВЪ. Однако слушаетъ его?

ЛИЗА. Да какъ же не слушать, когда онъ не отходить и все бол-
таеть.

РОЖКОВЪ. Да, да, я кругомъ виновать!

ЛИЗА (*плача*). А какво мнѣ было смотрѣть на все это! Вѣдь я
васъ люблю, я за вами ухаживаю... Я все прибираю за вами...

РОЖКОВЪ (*плача*). Спасибо, спасибо; я все это чувствую и на-
гражу тебя... Не видала ли ты, гдѣ жена моя?

ЛИЗА. Нѣтъ-съ. А вы не видали, гдѣ моя косынка? А! да вотъ и
барыня! Я уйду.

ХII.

РОЖКОВЪ и РОЖКОВА.

РОЖКОВА (*входя, говоритъ въ сторону*). Онъ долженъ быть очень
огорченъ (*громко*). Я пришла просить васъ, чтобъ вы не удерживали
меня и отправили скорѣе къ роднымъ...

РОЖКОВЪ (*стараясь скрыть слезы*). Васъ никто и не удержи-
ваетъ, сударыня: вы можете ѣхать, куда угодно.

РОЖКОВА. Вы, кажется, плакали.

РОЖКОВЪ (*потирая глаза*). Нѣтъ, это я такъ... мнѣ муха попала
въ глазъ... и зачѣмъ мнѣ плакать? на кого жаловаться? Если вы не
любите меня, хотите бросить, оставить, уѣхать—я васъ не обвиняю: я
самъ во всемъ виновать!

РОЖКОВА. А! такъ вы признаетесь, наконецъ, что вы и вѣтрен-
никъ, и измѣнникъ, и злой мужъ и что не любили меня...

РОЖКОВЪ. Позвольте: я и люблю васъ, и никогда не измѣнялъ, и
не вѣтренничалъ и даже не злился на васъ, какъ и теперь не сержусь;
а я виновать въ томъ, что больше занимался дѣлами, нежели хоро-
шенькой женой; я виновать еще въ томъ, что, по простотѣ сердеч-
ной, вѣрилъ людямъ; самъ никогда не обманывая, думалъ, что и меня
не обмануть; вмѣсто того, чтобы угодить женѣ, предупреждать ея же-
ланія, я ввелъ въ свой домъ людей пустыхъ, бездушныхъ франтовъ...
а она, милая, добрая, скромная, любившая меня, невольно могла за-
слушаться какого нибудь повѣсы, парижскаго фата... Я увѣренъ, что
она, какъ дочь честныхъ родителей, не забудетъ своего долга, не захо-
четъ помрачить добраго имени... но все таки она можетъ разлюбить
мужа, оставить его, забыть, обидѣть, огорчить, заставить проливать
вѣчныя слезы — и (*плача*) по дѣломъ! Вотъ, вотъ, въ чемъ моя ви-
на! Вотъ за что я прошу у васъ прощенія...

РОЖКОВА (*опускаясь тихо на колына*). Нѣтъ! теперь это мой долгъ...

РОЖКОВЪ (*не допуская ее стать на колына*). Что ты дѣлаешь!

РОЖКОВА. Такая доброта, такое великодушіе... Теперь только я умѣю оцѣнить моего мужа! Другъ мой! позволь мнѣ обнять тебя!

РОЖКОВЪ (*въ восторгѣ*). Сюда! ура! еще не все потеряно!.. А этотъ разбойникъ... вѣдь какая наглость! Знаешь ли, какъ онъ поддѣлъ меня: онъ мнѣ самому признавался въ любви къ тебѣ!.. Видно, это новейшая манера за границей?..

РОЖКОВА (*улыбаясь*). Да и я предупреждала тебя...

РОЖКОВЪ. Помню, помню... а я! о, слѣпой дуракъ!.. Но стой! пріятель-предатель! я раздѣляюсь съ тобой по-нашенски!..

РОЖКОВА (*испулавшись*). Дуэль? О, ради Бога!..

РОЖКОВЪ. Ужъ ты не боишься ли за него?

РОЖКОВА (*съ достоинствомъ*), О, какъ тебѣ стыдно! Но ты...

РОЖКОВЪ. Обо мнѣ не безпокойся: я за границей не бывалъ, и изъ границъ не выйду... дуэли у насъ не будетъ; онъ только стоитъ того, чтобы его побить!

РОЖКОВА. Ахъ! что ты это!

РОЖКОВЪ. Ничего. Онъ здѣсь только войди... а! легокъ на поминѣ...

РОЖКОВА. Нѣтъ, ради Бога, я тебя прошу.. безъ шуму, безъ ссоры! позволь мнѣ дѣйствовать...

РОЖКОВЪ. Да какъ онъ смѣлъ дурачить порядочнаго!.. Онъ, пожалуй, еще осмѣлится...

РОЖКОВА. Я тебѣ ручаюсь, что онъ со стыдомъ оставитъ насъ и навсегда!

РОЖКОВЪ. Но какъ же...

РОЖКОВА. Такъ же! извольте повиноваться мнѣ (*сажаетъ его къ столу, даетъ ему въ руки бумаги*). Садитесь тутъ, пишите и ни слова, ни полслова! (*Идя на другую сторону и взявъ работу, садится*). И я ни словечка!

РОЖКОВЪ. Понимаю. Вотъ онъ, мошенникъ!

ХП.

ТЪ ЖЕ П ЛУБЯНСКІЙ.

ЛУБЯНСКІЙ (*не видя мужа*). А, вы здѣсь! А я напрасно проискалъ васъ въ саду? Какъ кончилась ваша ссора? а? Вы прекрасно слѣ-

дали, что вошли наконецъ въ свои права... что-съ? (*видя, что Рожкова работаетъ съ усердіемъ, оглядывается*). А, и онъ тутъ! Я его и не замѣтилъ... впрочемъ, я съ нимъ не церемонюсь... (*Рожковъ при этихъ словахъ грозитъ кулакомъ*). Такъ вы рѣшились его оставить — чудесно! Я слышалъ конецъ вашей ссоры... (*она занимается еще усердный работою*). Что вы говорите? Вы, кажется, что-то сказали?.. (*молчаніе*). Ахъ! pardon... (*переходя къ Рожкову*). Скажи, пожалуйста, поспокойся ли ты наконецъ? (*Рожковъ внимательно перелистываетъ бумаги*). Да что ты это теперь принялся за бумаги? (*молчаніе*). А? (*съ безпокойствомъ начинаетъ откашливаться*). Гм! гм! (*переходя къ Рожковой*). Послушайте... если вы поѣдете къ роднымъ, я охотно буду вашимъ провожатымъ, хоть на край свѣта... вы позволите? да? (*она еще усильнѣе занимается шитьемъ*). А если бы вы вздумали прокатиться по Европѣ, смѣло могу сказать, вы не нашли бы лучше кавалера. Я обѣдаю сегодня у васъ. (*Та же игра Рожковой. Въ сторону*). Да что они, онѣмѣли?.. (*переходитъ къ Рожкову*). Александра Михайловна приглашаетъ меня отобѣдать съ вами... да брось этотъ вздоръ! (*вынимая часы*). Смотри, ужь время! (*Мертвое молчаніе*). Да что же ты надулся? Сердишься, что ли на меня? (*Та же игра Рожкова*). Тутъ что нибудь да не такъ... (*переходя къ Рожковой*). Вамъ вѣрно угодно, чтобъ я уѣхалъ?.. (*молчаніе*). Я забылъ мой хлыстикъ... и воротился... я не зналъ... (*въ сторону*). Да это просто мистификація... я долженъ быть очень смѣшонъ! Но... надо же какъ нибудь поддержать себя. (*садится, разваливъ*). Антонъ Антонычъ вели подать закуску! (*напывая несмѣло что нибудь: тра, ла, ла... вдругъ останавливается*). Я, признаться, ужасно проголодался... не мудрено: проскакать верхомъ такую даль! (*оборачиваясь къ Рожкову*). А? (*къ ней*). Что-съ? (*Общее молчаніе. Лубянской встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, беретъ свой хлыстъ, роняетъ его, поднимаетъ, снова кладетъ на прежнее мѣсто и беретъ свою шляпу, все поглядывая то на мужа, то на жену, которые, не обращая никакого вниманія на его дѣйствія и совершенно погружены въ свои занятія. Топая ногами*). Чортъ возьми! Я не знаю, какъ теперь и уйдти отсюда... а надо бы дать тягу... преглупое положеніе! (*снова разваливается на диванъ*). Гм! Въмѣсто этого дивана, я бы желалъ провалиться сквозь землю!..

ХІІІ.

ТЪ ЖЕ и ЛИЗА, выходя изъ боковой комнаты.

ЛИЗА. Пожалуйте кушать! (*всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ*).

ЛУБЯНСКІЙ (*съ радостью*). Обѣдать! Наконецъ! (*быстро подходитъ къ Рожковой, ловко расшаркивается и предлагаетъ руку; она, увернувшись, подходитъ къ мужу и, взявъ его подъ руку; идетъ черезъ всю сцену, мимо Лубянскаго, въ ту дверь, откуда вышла Лиза*).

ЛУБЯНСКІЙ (*стоя, какъ окаменѣлый, послѣ ихъ ухода, Лизы*). Скажи отъ меня этому негоднику и своей барынь... (*Лиза, оглядѣвъ его съ заносчивостью и не давъ ему кончить фразы, поворачивается быстро къ нему спиной и убѣгаетъ*).

ЛУБЯНСКІЙ (*надѣвъ шляпу*). И эта туда же! (*подходя къ авансценѣ*). Каково положеніе? Бываль ли кто нибудь, господа, въ такомъ положеніи? А? что-съ? Вы что-то сказали. (*молчаніе*). И здѣсь молчать! О, теперь мнѣ становится страшно!

Чѣмъ больше здѣсь мужей — бѣда!

Всѣ моему несчастью рады...

Отъ васъ, влюбленныхъ, господа,

Счастливчиковъ — не жду пощады.

Но вы, кому, чтобъ честь сберечь,

Мужья подчасъ отмищали больно!

Теперь къ вамъ обращаю рѣчь:

Здѣсь и такихъ, какъ я, довольно.

Вы въ положеніи моемъ

Теперь участіе возьмите;

И хоть за ихъ дурной пріемъ

Меня получше вы примите...

Боюсь остаться въ тишинѣ:

Вы — въ этомъ положеньи дикомъ —

Хоть шикайте погромче мнѣ,

Чтобъ я ушелъ отсюда съ шикомъ!

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ

ЖУРНАЛА

ШАНТЕОНЪ,

на Невскомъ проспектъ, въ домъ Казанскаго собора,
(входъ съ площади), поступили въ продажу слѣдующія
книги:

1) МИССЪ АННА. Романъ, въ 2-хъ частяхъ, Фенимора Купера, перев. съ англійскаго А. С. Горкавенко. Спб. 1853. Ц. 2 р., вѣс. за 2 фунта.

2) КНИГА ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ, съ 12 ю раскрашенными картинками и заглавною виньеткою, содержащая въ себѣ слѣдующія статьи: Зависть и братолюбіе, семейныя сцены. — Скупость и бережливость, рассказъ. — Неумѣренность и воздержаніе, рассказъ учителя. — Сребролюбіе и безкорыстіе, апологъ — Гнѣвъ и терпѣніе, рассказъ. Соч. А. Н. Климовича. Спб. 1853. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. с.

3) БЕСѢДЫ СЪ МАЛЕНЬКИМИ ДѢТЬМИ о первыхъ началахъ Арифметики. Состав. О. Ожаровскій. Спб. 1853. Ц. 50 к.; вѣс. за 1 фунтъ.

4) ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ, Н. Д. Хвоцинской. Спб. 1853. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. с.

5) ГНѢЗДО АИСТОВЪ. Романъ въ 4 частяхъ. Соч. Эли Берте. Спб. 1852. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

6) ЖЕЗЛЪ, сочиненіе и труды В. Анаевского. Спб. 1852. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. с.

7) ИСТОРИЯ ПЕНДЕННИСА, его приключеній и бѣдствій, его друзей и величайшаго врага. Романъ Вильяма Тэккерея. Переводъ съ англійскаго. 2 части. Спб. 1852. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. с.

8) СЪРЫЙ АРМЯКЪ, ИЛИ ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ, повѣсть для дѣтей. Съ литографир. виньеткою. Изданіе 3-е. Москва, 1852. Ц. - 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. с.

9) МИНИАТЮРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, на одномъ листѣ, съ бронзированными украшениями. Ц. 50 к., съ перес. 75 к. с.

10) НЕБЫВАЛЫЙ ЛИТОГРАФИЧЕСКІЙ ЭСТАМПЪ: хри-стость на голгоѣѣ, съ текстомъ: «*Отче отпусти имъ, не вѣ-дятъ бо, что творятъ*»... (Еванг. Луки, глава XXIII, стихъ 34), посвященный Его Императорскому Величеству.

Эстампъ этотъ исполненъ съ картины Штейбена художникомъ Щед-ровскимъ, пзвѣстнымъ уже русской публикѣ своимъ прекраснымъ альбо-момъ: «*Вотъ наши съ натуры*» и отпечатанъ въ лучшей литографіи, Пель-Пети. Государь Императоръ удостоилъ наградить художника за его трудъ драгоценнымъ брилліантовымъ перстнемъ. Цѣна экземпляру, на ки-тайской бумагѣ 10 р.; за пересылку 1 р. с. Гг. иногородные получаютъ эстампъ въ крѣпкомъ, особо сдѣланномъ для сего ящикѣ, обшитомъ клеенкою.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться, какъ за сими, такъ и въѣми публикуемыми отъ прочихъ книгопродавцевъ книгами, въ главную Контору Журнала «ПАНТЕОНЪ», по вышеозначенному адресу.

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новѣйшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.»
